

ТРУДЫ ПО АРХЕОЛОГИИ

Степи Европы в эпоху средневековья

1

ТОМ

МОНЕТАНОС

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ НАН УКРАИНЫ
ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТРУДЫ ПО АРХЕОЛОГИИ

СТЕПИ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Том 1

Сборник научных статей

ДОНЕЦК - 2000

ББКТ4(4)4я43

С79

С79 Степи Европы в эпоху средневековья: Сб. науч. ст. / Гл. ред. Евглевский А.В.; Ин-т археологии НАН Украины; Донецкий гос. ун-т. - Т.1. - Донецк: ДонГУ, 2000. - 399 с. - (Тр. по археологии).

Продолжающееся издание научных работ по археологии и смежным дисциплинам, базирующихся на археологических источниках степей Восточной Европы в эпоху средневековья IV - XVII вв.

Рассчитан на специалистов в области археологии, этнологии, истории, антропологии, нумизматики, эпиграфики, краеведения, студентов исторических специальностей и всех тех, кто интересуется древней историей.

Утверждено к печати ученым советом Института археологии НАН Украины

Рекомендовано к печати ученым советом Донецкого государственного университета

Рецензенты д-р ист. наук, профессор Федоров-Давыдов Г. А. (Москва, МГУ)
д-р ист. наук, профессор Моця А.П. (Киев, Институт археологии)

Главный редактор тома и серии
ст. науч. сотр. Евглевский А.В. (Донецк, ДонГУ)

Научный редактор тома
академик НАН Украины Толочко П.П. (Киев, Институт археологии)

Редакционная коллегия тома д-р ист. наук Плетнёва С. А. (Москва, Институт археологии)
д-р ист. наук Сухобоков О.В. (Киев, Институт археологии)
д-р ист. наук Добров П.В. (Донецк, ДонГУ)
д-р ист. наук Лях Р.Д. (Донецк, ДонГУ)
д-р ист. наук Ерхов Г.П. (Донецк, ДонГУ)

Сборник научных статей подготовлен в рамках выполнения внутривузовской г/б темы 98-1вв/3, финансируемой Министерством образования и науки Украины.

ISBN 966-7277-95-X

- © Донецкий государственный университет, 2000
- © Абызова Е.П., Гончаров Е.Ю., Евглевский А.В., Клоков В.Б., Кравченко Э.Е., Крамаровский М.Г., Красильников К.И., Кожокару В.М., Комар А.В., Лебедев В.П., Литвинова Л.В., Малашев В.Ю., Паламарчук С.В., Пигарев Е.М., Потемкина Т.М., Рудич Т.А., Тельнова Л.И., Травкин С.Н., Флёров В.С., Флёрова В.Е., Яровая Е.А., 2000
- © На обложке рисунок художника О.В. Федорова, 2000

THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE NATIONAL
AKADEMY OF SCIENCE OF UKRAINE
DONETSK STATE UNIVERSITY

TRANSACTIONS ARCHAEOLOGY

THE EUROPEAN STEPPS IN THE MIDDLE AGES

Volume 1

Collected Articles

DONETSK-2000

The European Steppes in the Middle Ages: Collected articles/Ed. by A.V.Yevglevsky; Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine; Donetsk State University. - V.I - Donetsk: Donetsk University Press, 2000. - 399 p. (Transactions on Archaeology)

The 1st volume of the series contains collected scientific articles on archaeology and adjacent disciplines compiled from original archaeological sources of the Eastern European steppes in the medieval period (from the IVth to the XVIIth cc).

It can be used by specialists in archaeology, history, anthropology, numismatics, epigraphy and local lore. It may be useful for students of history and all those who are interested in ancient history.

Approved by the Academic Council of the Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine

Recommended for publishing by the Academic Council of the Historical Faculty of Donetsk State University

Reviewers Professor G.A. Fyodorov-Davydov, Ph.D. (History), Moscow State University
Professor A.P. Motsia. Ph.D. (History), Kiev, Institute of Archaeology

Editor of the volume and the series
A.V. Yevglevsky, Senior Research Worker, Donetsk State University

Scientific editor
Academician P.P. Tolochko, Kiev, Institute of Archaeology

The Editorial Board S.A. Pletneva, Ph.D. (History), Moscow, Institute of Archaeology
O.V. Sukhobokov, Ph.D. (History), Kiev, Institute of Archaeology
P.V. Dobrov, Ph.D. (History), Donetsk, Donetsk State University
R.D. Lyakh, Ph.D. (History), Donetsk, Donetsk State University
G.P. Yerkhov, Ph.D. (History), Donetsk, Donetsk State University

The present edition is fulfilled within the University Research Program 98-1BB/3 financed by the Ministry of Education and Science of Ukraine

ISBN966-7277-95-X

- © Donetsk State University, 2000
- © Abyzova Ye.N., Goncharov Ye.Yu., Yevglevsky A.V., Klokov V.B., Kravchenko E.Ye., Kramarovsky M.G., Krasilnikov K.I., Kozhokaru V.M., Komar A.V., Lebedev V.P., Litvinova L.V., Malashev V.Yu., Palamarchuk S.V., Pigariov Ye.M., Potyomkina T.M., Rudich T.A., Telnova L.I., Travkin S.N., Fliorov V.S., Fliorova V.Ye., Yarovaya Ye.A., 2000
- © Cover illustration by O.V. Fyodorov, 2000

DAS INSTITUT FÜR ARCHÄOLOGIE
NATIONAL AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN DER UKRAINE
STAATLICHE UNIVERSITÄT DONEZK

ARCHÄOLOGISCHE WERKE

DIE STEPPEN EUROPAS IM MITTELALTER

Bd. 1

Sammelband der Beiträge

DONEZK - 2000

Die Steppen Europas im Mittelalter: Sammelband der Beiträge / Hrsg. von A.V. Jewglewskij; Institut für Archäologie der National Akademie der Wissenschaften der Ukraine; Staatliche Universität Donezk. - Bd.I. - Donezk: Staatliche Universität, 2000. - 399 s. (Archäologische Werke).

Die periodische Ausgabe der Beiträge in Archäologie und angrenzenden Fächern, gründet sich auf den archäologischen Befunden in den osteuropäischen Steppen aus dem Mittelalter (4.-17. Jahrhunderte).

Für Fachleute im Bereich der Archäologie, Geschichte, Anthropologie, Numismatik, für Landeskundeforscher, Studenten der Fakultäten für Geschichte und für diejenigen, die sich für das Altertum interessieren.

Zum Druck ist der Sammelband vom wissenschaftlichen Rat des Instituts für Archäologie der Nationalakademie der Wissenschaften der Ukraine bestätigt.

Zum Druck ist der Sammelband vom wissenschaftlichen Rat der Fakultät für Geschichte der staatlichen Universität Donezk empfohlen.

Rezensenten Dr. habil. G.A. Fjodorow-Dawydow (Staatliche Universität Moskau)
 Dr. habil. A.P. Mozja (Kiew, Institut für Archäologie)

Herausgegeben vom wissenschaftlichen Hauptberater
 A.W. Jewglewskij (Staatliche Universität Donezk)

Wissenschaftlicher Redakteur der Schriftenreihe
 Der Akademiker P.P. Tolotschko (Kiew, Institut für Archäologie)

Redaktion
 Dr. habil. S.A. Pletnewa (Moskau, Institut für Archäologie)
 Dr. habil. O.W. Suchobokow (Kiew, Institut für Archäologie)
 Dr. habil. P.W. Dobrow (Donezk, Staatliche Universität Donezk)
 Dr. habil. R.D. Ljach (Donezk, Staatliche Universität Donezk)
 Dr. habil. G.P. Jerchow (Donezk, Staatliche Universität Donezk)

Der vorliegende Sammelband ist ein Zwischenbericht zum Interhochschulthema 98-1BB/3, das vom Ministerium für Bildung und Wissenschaft der Ukraine finanziert wird.

ISBN966-7277-95-X

- © Staatliche Universität Donezk, 2000
- © Alysowa, Je.N., Gontscharow, Je.Ju., Jewglewskij, A.W., Klokow, W.B., Krawtschenko, E.Je., Kramarowskij, M.G., Krasilnikow, K.I., Koschokaru, W.M., Komar, A.W., Lebedew, W.P., Litwinowa, L.W., Malaschew, W.Ju., Palamartschuk, S.W., Pigarjow, Je.M., Potjomkina, T.M., Ruditsch, T.A., Telnowa, L.I., Trawkin, S.N., Fljorow, W.S., Fljorowa, W.Je., Jarowaja, Je.A., 2000
- © Auf der Titelseite ist die Illustration von O.W. Fjodorow, 2000

INSTITUT D'ARCHÉOLOGIE DE L'ACADÉMIE NATIONALE
DES SCIENCES DE L'UKRAINE
UNIVERSITÉ D'ETAT DE DONETSK

TRAVAUX D'ARCHEOLOGIE

**STEPPE DE L'EUROPE DE L'EST A L'EPOQUE DU
MOYEN AGE**

Volume 1

Recueil des articles

DONETSK - 2000

**Steppes de l'Europe de l'Est à l'époque du Moyen âge : Recueil des articles / Réd. en chef. Evglevski A.V.;
Institut d'archéologie de l'Académie des Sciences d'Ukraine; Université d'Etat de Donetsk. - Vol. 1. -
Donetsk: Université d'Etat. 2000. - 399 s.**

Ce recueil est l'édition périodique des résumés sur l'archéologie et des matières connexes, basées sur des données archéologiques de steppe de l'Europe orientale à l'époque du Moyen âge de IV au XVII siècles.

Ce recueil est destiné aux spécialistes d'archéologie, d'histoire, d'anthropologie, de numismatique, d'ethnologie, aux étudiants de faculté d'histoire et à tous ceux qui s'intéressent aux antiquités.

Sanctionné par le conseil scientifique de l'Institut d'archéologie de l'Académie Nationale des Sciences de l'Ukraine

Recommandé par le conseil scientifique de la faculté d'histoire de l'Université d'Etat de Donetsk

Critiques docteur ès sciences historiques, professeur Fiodorov-Davydov G.A (Moscou, Université d'Etat de Moscou)
docteur ès sciences historiques, professeur Motsia A.P. (Kiev, Institut d'archéologie)

Rédacteur responsable du volume et de la série
Evglevski A.V. (Donetsk, Université d'Etat de Donetsk)

Rédacteur scientifique du volume
académicien Tolotchko P.P. (Kiev, Institut d'archéologie)

Conseil de rédaction du volume
docteur ès sciences historiques Pletniova S. A. (Moscou, Institut d'archéologie)
docteur ès sciences historiques Soukhobokov O. V. (Kiev, Institut d'archéologie)
docteur ès sciences historiques Dobrov P. V. (Donetsk, Université d'Etat de Donetsk)
docteur ès sciences historiques Liak R. D. (Donetsk, Université d'Etat de Donetsk)
docteur ès sciences historiques Erkhov G. P. (Donetsk, Université d'Etat de Donetsk)

Le recueil de travaux de recherche est préparé dans le cadre du travail sur le thème 98-1BB/3, financé par le Ministère de l'Education et des Sciences de l'Ukraine.

ISBN966-7277-95-X

© Université d'Etat de Donetsk, 2000

© Abysova E.N., Gontcharov E.U., Evglevski A.V., Klokov V.B., Kravtchenko E.E., Kramarovski M.G., Krasilnikov K.I., Kojokarou V.M., Komar A.V., Lebediev V.P., Litvinova L.V., Malachev V.U., Palamartchouk S.V., Pigariou E.M., Potemkina T.M., Rouditch T.A., Telnova L.I., Travkin S.N., Fliorov V.S., Fliorova V.E., Yarovaia E.A., 2000

© Sur la couverture une peinture de O.V. Fedorov, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том представляет собой попытку организовать в современном постсоветском пространстве выход серии хронологически относительно узкого (I V-XVII вв.) научного издания. При этом оговоримся, что очередность, частота и характер научной направленности будут прежде всего зависеть от уровня и степени готовности поступающих в портфель главного редактора материалов. Приоритет будет отдаваться работам аналитического характера с широким набором иллюстративного материала, с неременным условием академического стиля изложения и использования возможно большего круга методов, в первую очередь картографического.

Задуманная серия оригинальна в том, что будет ориентирована как бы на две формы публикации работ. Первая форма - публикация статей, в сборнике сгруппированных в отдельные блоки, прежде всего не по принципу тематической направленности, а по характеру источниковой базы. То есть мы будем стремиться к тому, чтобы у нас были блоки работ, кроме собственно археологических, еще и по этнологии, антропологии, эпиграфике, нумизматике и семиотике. Однако неременным условием исследования должен быть анализ материала в той или иной степени построенный в археологическом контексте. Вторая форма - это издание монографий и, возможно, сводов источников, близких по своему характеру известным сводам археологических источников (САИ).

Серия объявляется открытой для всех специалистов, в том числе ближнего и дальнего зарубежья, занимающихся проблемами степных культур эпохи Средневековья и базирующих свои работы на археологических данных. Мы не ограничиваем исследователей в объеме или в выборе тематики, но обращаем внимание на то, что работы должны быть выполнены на профессиональном уровне, иметь аналитический характер и хорошо иллюстрированы.

Выбор очередной формы издания, подбор работ и первичное редактирование осуществляет главный редактор. Затем, в целом сформированный материал предоставляется редакционной коллегии для детального анализа и согласования. Подготовленный макет будет неизменно проходить рецензию в зависимости от необходимости не менее двух авторитетных ученых, и в этом плане мы рассчитываем на регулярное сотрудничество прежде всего с Институтами археологии РАН, НАН Украины и МГУ, после чего будет последовательно рекомендоваться к печати вначале на историческом факультете Донецкого государственного университета, затем на ученом совете университета и, наконец, в редакционно-издательском совете (РИСо) Института археологии НАН Украины. Такой подход, мы надеемся, поможет привлечь внимание многих археологов-медиевистов, а также этнографов, антропологов, нумизматов, лингвистов и других ученых смежных дисциплин для совместного осмысления накопившейся источниковой базы и реконструкции историко-культурных процессов прошлого.

К сожалению, в 1 -й том, из-за лимита места не вошли некоторые практически готовые, большие по объему работ. Это давно ожидаемые многими исследователями статьи: Евглевский А.В., Кравченко Э.Е., Шамрай А.Р., Духин А.И. "Каталог джучидских монет с Царина городища (Северский Донец, Донецкая обл.)"; Евглевский А.В., Потемкина Т.М. "Конь в погребальном обряде средневековых кочевников Восточной Европы"; Евглевский А.В. "Семиотические аспекты функционирования сабли в погребальном обряде кочевников Восточной Европы X-XIV вв.". Все они, надеемся, будут опубликованы во 2-м томе, подготовка которого уже начата. Кроме них мы планируем опубликовать еще некоторые работы (в том числе по антропологии средневековых степных культур и джучидской нумизматике).

Мы приносим свои извинения авторам сборника и всем тем, кто больше года ждал его выхода. Причин на то много, но главными являются две. Во-первых, задуманное дело выявило в процессе работы множество неожиданных проблем. Во-вторых, расчет на обещанную внушительную спонсорскую помощь оказался, как это часто случается, миражом. Сложилась ситуация, когда пришлось приложить огромные усилия для его подготовки и издания. Последнее обстоятельство предопределило то, что многое из задуманного не удалось осуществить, но рассчитываем это наверстать в будущем.

Мы благодарим всех авторов статей и членов редколлегии тома за участие в проекте. Но особые слова благодарности адресуем академику, директору Института археологии НАН Украины П.П.Толочко и д-ру ист. наук, профессору Института археологии РАН С.А.Плетневой за поддержку, внимание и личное беспокойство о судьбе нашего коллектива. Огромное спасибо рецензентам сборника: д-ру ист. наук, профессору МГУ Г.А.Федорову-Давыдову и д-ру ист. наук, профессору, заведующему отделом средневековой и славянской археологии Института археологии НАН Украины А.П.Моце. Их замечания и

советы оказались исключительно полезными и сыграли важную роль в превращении сборника в академическое издание.

Коллектив археологической научно-исследовательской группы в составе Т.М.Потемкиной, О.А.Поляковой и А.В.Евглевского, на базе которой была осуществлена непосредственная подготовка сборника, благодарит ректора Донецкого госуниверситета В.П.Шевченко, проректора по научной работе А.Б.Ступина, декана романо-германского факультета В.Д.Калиушенко, преподавателей романо-германского факультета А.В.Роменскую, Н.Ю.Лозовскую, В.А.Полынкина, С.Н.Вавилову, начальника вычислительного центра К.А.Горшкова, его сотрудников и других за помощь и организацию благоприятных условий (насколько это оказалось возможным при нынешнем тяжелом положении в высшей школе Украины) в научно-исследовательском процессе в коллективе группы госбюджетной темы исторического факультета Донецкого госуниверситета.

Автор проекта и составитель
А.В.Евглевский

**СБРУИНЫЙ НАБОР III В. ИЗ МОГИЛЬНИКА КЛИН-ЯР III
(Кисловодск)**

Находки захоронений лошадей I-IV вв. н.э. в насыщенной археологическими памятниками Кисловодской котловине пока очень немногочисленны. Так, даже на хорошо исследованном Подкумском могильнике почти на 50 погребений приходится только одно захоронение лошади (Абрамова М.П., 1987, с.75, 77). Заметим также, что известны захоронения жеребенка и шести разрозненных скелетов лошадей на территориально и хронологически близком памятнике, - Хумаринском могильнике (Абрамова М.П., 1990, с.46).

Исследования могильника Клинь-Яр III на северо-западной окраине г.Кисловодска в 1983-86 гг. дали, хотя и небольшую, но интересную информацию о роли лошади в погребальном обряде населения этого района, а также редкий для территории Северного Кавказа набор вещей.

Обширный могильник Клинь-Яр III (протяженность с запада на восток - около 500 м) непрерывно функционировал с рубежа эр (возможно, даже с I в. до н.э.) до начала VIII в. Среди более чем 30 погребальных сооружений I-IV вв. имеются катакомбы, ямы и, в меньшей степени, подбои. Тип некоторых сооружений определить не удалось.

Кроме погребения 142, которому посвящена данная публикация, захоронения лошадей (в различных вариантах местоположения и состояния скелетов) известны еще в нескольких погребальных комплексах могильника:

- катакомба 47 (двухкамерная) - полностью разрушенный скелет среди камней в дромосе;
- погребение 59 (яма) - полный скелет в узкой яме рядом с мужским погребением 50;
- катакомба 86 - разрозненные кости лошади в заполнении камеры и дромоса, череп отсутствовал;
- погребение в кв. 205 - скелет лошади без черепа (рис.3).

Укажем также, что захоронения лошадей представлены в погребальном обряде могильника и в последующие века. Это захоронения с некоторыми предметами снаряжения в дромосе 8 и дромосе катакомбы 29 (Флёров В.С., 1993; 1998). Они отражают уже иную обрядность, сформировавшуюся к концу VII - нач. VIII вв., когда роль лошади в погребальном обряде изменилась. Кроме того, к эпохе раннего средневековья на могильнике относятся два захоронения черепов и костей передних ног коня (от пястной-грифельной до копыт включительно).

Погребение 142 располагалось на западной окраине могильника. Условия для раскопок были неблагоприятны. Грунт до появления контуров пятна погребения был срезан бульдозером. Погребальная яма находилась в слое темного грунта, плохо отличавшегося от заполнения.

Добавим, что в ходе расчистки погребение заливалось дождями. В совокупности все это отрицательно сказалось на конечном результате: недостаточно четко прослежены контуры погребения и дно, плохо прослежена стратиграфическая ситуация в самом погребении, не зафиксировано положение черепа одной из лошадей. Возможно, еще какая-то информация в ходе раскопок была утрачена.

Захоронение двух лошадей находилось в овальной яме, ориентированной длинной осью по линии 3-В. Длина ямы 1,85 м, ширина в средней части 0,90 м. Глубина ямы от современной поверхности была не менее 1 м, но прослежена она на высоту около 0,6 м.

Первая лошадь (погребение нижнего горизонта) была уложена на животе головой на В и правым боком привалена к южной длинной стенке ямы (рис. 1А). Кости скелета, в целом, располагались в анатомическом порядке. Передние и задние ноги подогнуты, череп находился примерно над костями передних ног (на рис. он не изображен). К сожалению, не установлено, была ли голова лошади отрублена перед захоронением, или же сильно была согнута шея. В полевой документации не зафиксированы также данные о наличии третьих фаланг ног (копыт), но на полевом чертеже (в масштабе 1:5) они присутствуют. Под ребрами правой части грудной клетки находились следующие предметы:

1. Сбруйный набор из предметов, выполненных в одном стиле. В его составе:

а) накладки прямоугольной формы с одной скругленной короткой стороной, размерами 88-85x35 мм (рис.2, 2-5), изготовлены из железа, внешняя сторона обтянута серебряной фольгой. Два экземпляра сохранились полностью, от двух других дошли фрагменты. Накладки имели по две прорези, расположенные вдоль длинной оси, со смещением к скругленной стороне. Прорези, видимо, предназначались для ремней шириной не более 15 мм. К кожаной основе накладки крепились десятью штифтами, с наружной стороны прикрытыми декоративными полусферическими шляпками;

б) пряжка, аналогичная накладкам, с нефасетированным прогнутым в средней части язычком, плавно (без уступа) переходящим в петлю (рис.2, 1), сечение язычка - прямоугольное.

Кроме того, в состав комплекса входили:

2. Кольцо бронзовое диаметром 41 мм; сечение кольца круглое, диаметром 6 мм (рис.2, 6).

3. Две небольшие пряжки из серебра (длиной 7 и 10 мм) с уплощенными в задней части, круглыми в сечении, рамками и короткими, прогнутыми в средней части, не-

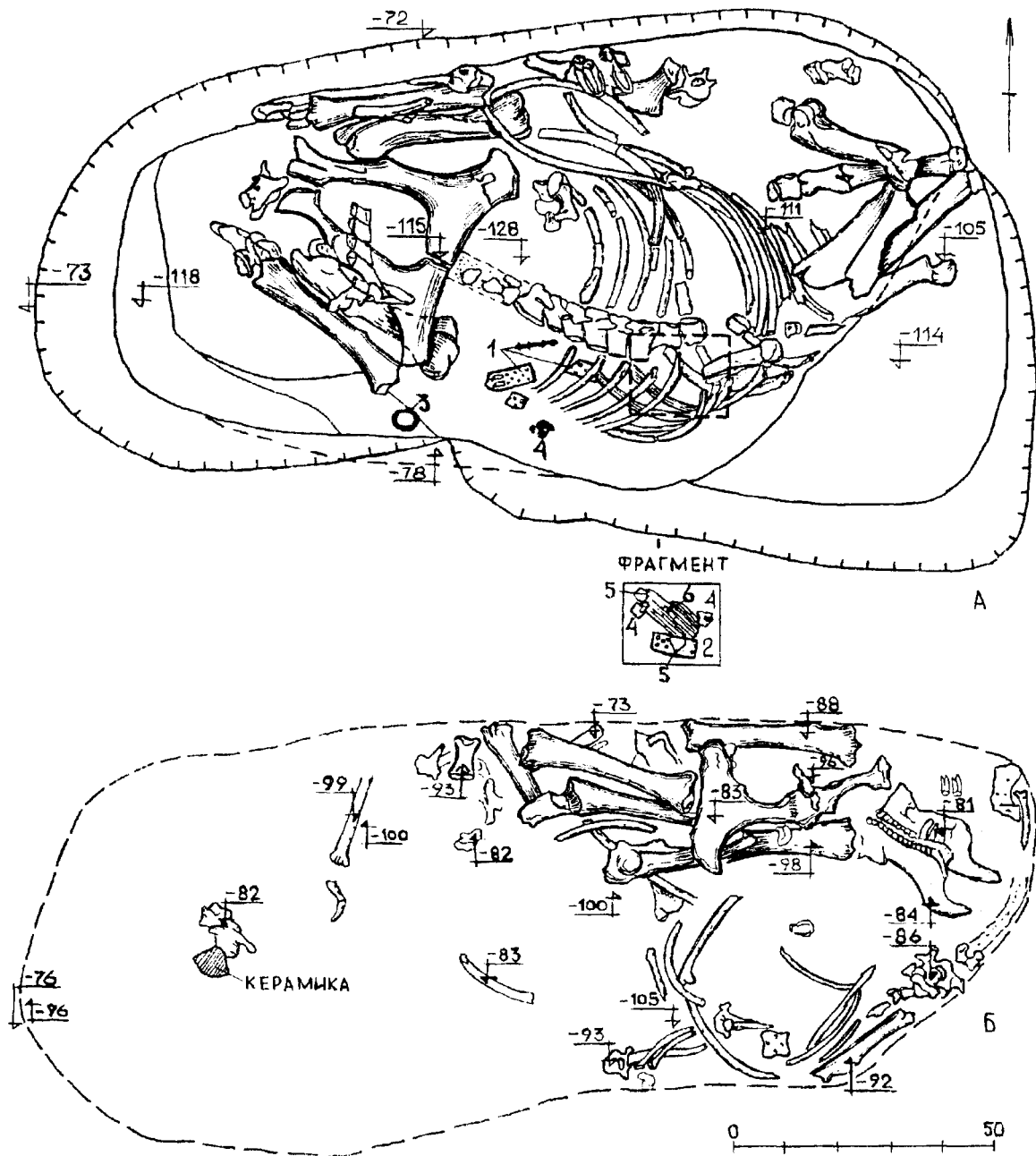

Рис. 1. Погребение 142: А – нижний горизонт: 1, 2 – накладки и пряжка (железо, серебро); 3 – кольцо бронзовое; 4 – кольца с зажимами бронзовые; 5 – фрагменты кожи; 6 – деревянный предмет; Б – верхний горизонт.

Fig. 1. The interment 142: А – the lower horizon: 1, 2 – the decorations and the clasp (iron, silver); 3 – the bronze ring; 4 – the bronze rings with clips; 5 – the fragments of leather; 6 – the wooden object; Б – the upper horizon.

Abb. 1. Grabstätte 142: А – Unterhorizont: 1, 2 – Auflegestücke und Schnalle (Eisen, Silber); 3 – Bronzering; 4 – Bronzeringe mit Klemmen; 5 – Lederfragmente; 6 – Holzgegenstand; Б – Oberhorizont.

Dessin 1. Sépulture 142: А – horizon inférieur: 1, 2 – appliques et boucle (fer, argent); 3 – anneau de bronze; 4 – anneaux de bronze aux serre-joints; 5 – fragments de cuir; 6 – objet de bois; Б – horizon supérieur

фасетированными язычками (рис.2, 7, 8). У одной из пряжек - щиток прямоугольной формы, для скрепления с ремнем шириной 7 см, имевшим один штифт (рис.2, 8).

4. Кольца бронзовые, круглые в сечении, диаметром 17 мм с зажимами (щитками) прямоугольной формы (рис.2, 9-12). У одного из них сохранился фрагмент кожи, к которому крепилось кольцо.

5. Фрагменты изделия из кожи, на двух из них следы декоративного шва в виде череды ромбов (рис. 2, 13-15).

6. Фрагменты деревянного предмета, форма которого не реконструируется. Размеры самого крупного фрагмента 12 x 5 см.

Кости скелета второй лошади, находившиеся не в анатомическом порядке, залегали непосредственно над скелетом первой лошади и были отделены от нее прослойкой грунта толщиной несколько сантиметров (рис.1Б). Кости были сосредоточены в восточной части ямы. Здесь находилось большинство крупных костей, в том числе ног, таза, ребер (к сожалению, не был сделан полный подсчет и определение всех костей, сохранивших свою форму). Плохо сохранившийся череп лежал непосредственно у восточной стенки. Рядом с черепом располагались шейные позвонки. Видимо, вторая лошадь также была ориентирована головой в восточном направлении. Никаких предметов, кроме фрагмента керамики, при костях второй лошади не было обнаружено.

Раскопки не дали ответа на возникающий в первую очередь вопрос: произошло ли захоронение двух лошадей одновременно? Что касается второй лошади, то состав и характер расположения костей, а также наблюдения в ходе самих раскопок не оставляют сомнения в том, что ее скелет был разрушен непосредственно на месте. Это указывает на вскрытие погребальной ямы после разложения мягких тканей туши.

В общих чертах ситуация с погр.142 представляется следующим образом. Этап первый - одновременно или с небольшим временным промежутком захоронены целые туши двух лошадей. Этап второй - яма вскрывается, и происходит полное разрушение скелета лошади, лежавшей сверху. Определенно можно сказать, что ее череп остался на первоначальном месте. Это, в частности, указывает на то, что кости лошади не были принесены со стороны.

Несколько замечаний, связанных с планиграфическими особенностями конских захоронений на могильнике. Погребение 142 расположено не только на участке с небольшим количеством погребений, но и в отдалении от них. До ближайшей катакомбы 86 (упоминавшейся выше в связи с разрушенным скелетом лошади) - около 10 м.

На западной окраине могильника в 1985 г. было исследовано (в кв. 205 раскопа-траншеи № 8) еще одно захоронение лошади (рис.3), имеющее сходство с захоронением 142. Оно расположено обособленно, поза лошади аналогична позе лошади из нижнего горизонта погр.142, при ней не оказалось никаких вещей, как и у верхней лошади погр.142. Отличия связаны с ориенти-

ровкой (на север) и с отсутствием у скелета лошади из кв.205 черепа и шейных позвонков.

Наличие двух чрезвычайно похожих погребений на расстоянии более 100 м друг от друга позволяет предположить, что обычаи и обряд, требующие погребения лошадей без вещей или с минимальным их количеством, имели на могильнике определенное распространение, что, однако, является темой специального исследования.

Погребение 142 привлекает впервые обнаруженными на территории Центрального Кавказа предметами сбруи. В качестве аналогий данным предметам можно привести пряжки из Лебедевки VI, кк.1 и 3 (Мошкова М.Г. и др., 1978) (Южное Приуралье) и морфологически близкие накладки прямоугольной формы с двумя прорезями из могильников Валовый, к.25 (Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1987) (Нижний Дон), Нагорное, к.9 (Гудкова А.В., Фокеев М.М., 1984, рис.14,4) (Днестро-Дунайское междуречье), Лебедевка VI, к.3 (Мошкова М.Г. и др., 1978) и Покровка 2, к.9 (Яблонский Л.Т. и др., 1995, рис.68,8) (Южное Приуралье). Видимо, наиболее ранними являются накладки из Валового (к.25), судя по составу комплекса, относящиеся к кон. II - 1-й пол. III вв. Комплексы из к.9 Нагорного и кк.1 и 3 Лебедевки VI можно отнести к середине - 2-й пол. III в. Самым поздним, судя по пряжкам из этого погребения, имеющим невысокий уступ и площадку у основания язычка, является погребение к.9 могильника Покровка 2, датируемое 2-й пол. - кон. III в. Таким образом, хронологически подобные предметы занимают весь III в. Обращает на себя внимание, что наиболее поздние вещи этого круга - пряжки и накладки из Лебедевки VI (к.1) и накладка из к.9 Покровки 2 - не плоские, как в других комплексах, а объемные: они имеют как бы срезанные ребра и дополнительные небольшие грани по периметру, имитирующие фасетировку.

Бронзовые кольца встречены (по одному в комплексе) в группе сбруйных наборов 2-й пол. II - 1-й пол. III вв. на территории Нижнего Дона и Прикубанья: Сладковский, к.20 (Максименко В.Е., Безуглов С.И., 1987, рис.4, 4), Шевченко, к.4 (Шепко Л.Г., 1987, рис.2, 6), "Четыре брата", к.3, п.6 (Мошкова М.Г., Максименко В.Е., 1974, табл. XVI, 1), Центральный VI, к.16 (Безуглов С.И., 1988, рис.3, 16), ст.Казанская, к.6 (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, табл. 2, 37), ст.Тифлисская, к.7 (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, табл. 22, 213) и др.

Пряжки с уплощенной задней стороной рамки, прогнутым язычком и сравнительно коротким прямоугольным щитком характерны, в основном, для 1-й пол. III в., но могут встречаться и позже. Однако определенные суждения о мелких пряжках делать трудно вследствие их большей консервативности в отношении изменений "моды".

Говоря о накладках и крупной прямоугольной пряжке из Клинь-Яра, заметим, что штифты на них прикрывались декоративными полусферическими шляпками, как и аналогичные вещи из кк. 1 и 3 Лебедевки VI. Подобный при-

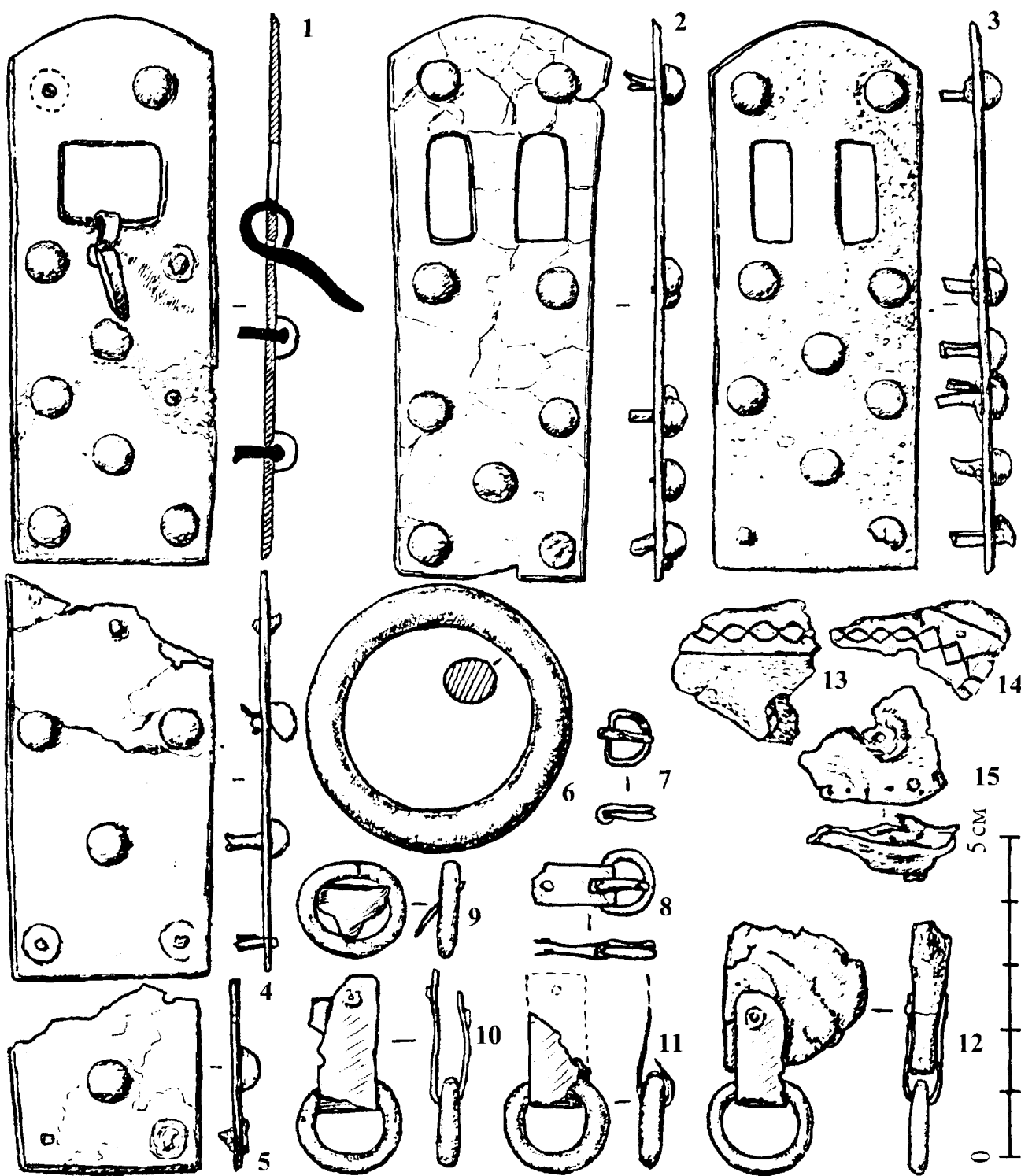
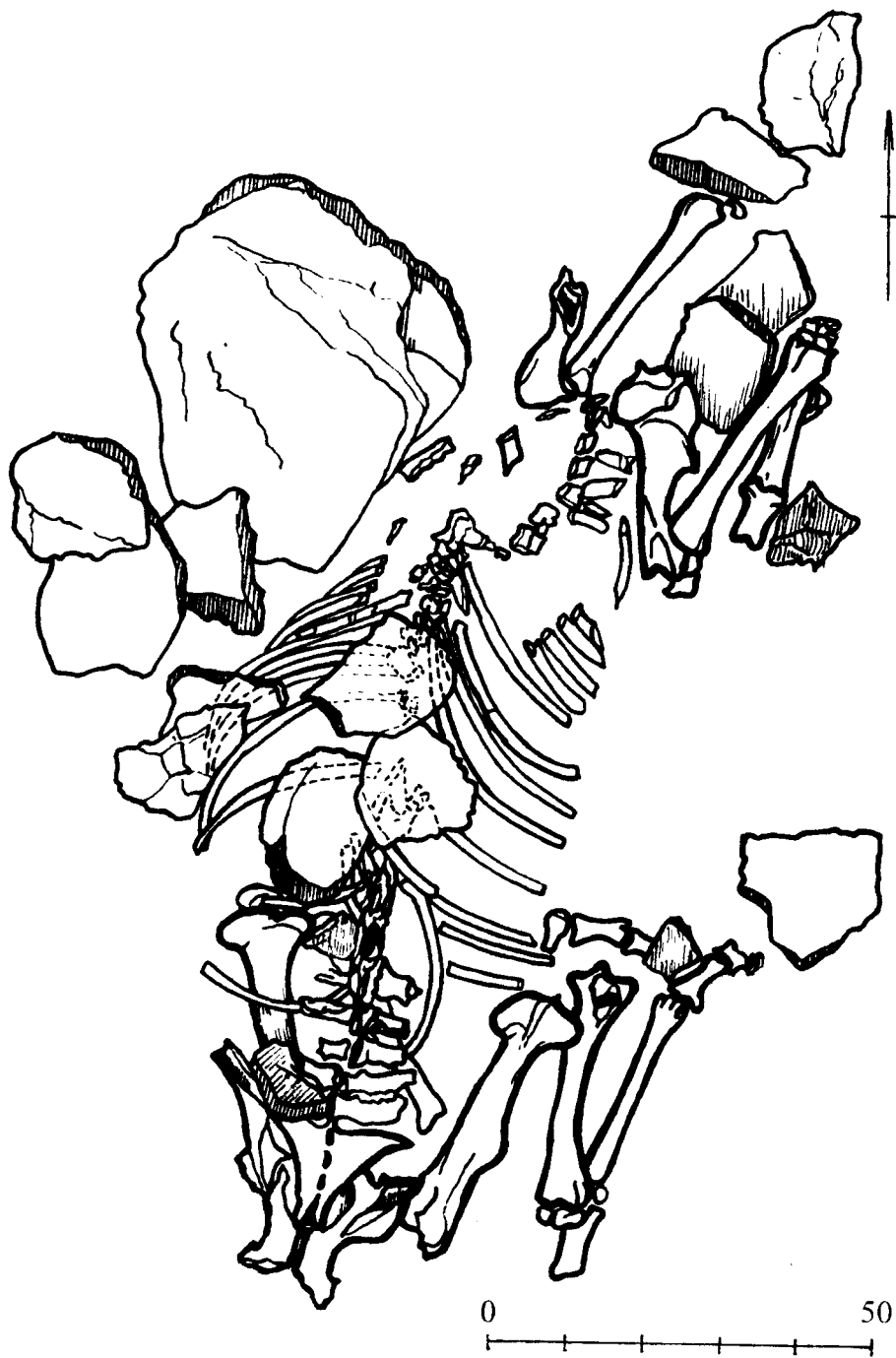

Рис. 2. Вещи из погребения 142.
 Fig. 2. Objects from interment 142.
 Abb. 2. Sachen aus Grabstätte 142.
 Dessin 2. Objets de la sépulture 142

*Рис. 3. Погребение лошади в квадрате 205.
Fig. 3. The horse interment in the square 205.
Abb. 3. Pferdebeerdigung im Quadrat 205.
Dessin 3. Sépulture de cheval dans un carré 205*

начинает встречаться (в том числе и на Северном Кавказе), видимо, не ранее 2-й пол. III в. и широко распространяется в IV в. В совокупности вещи из п. 142 Клино-Яра можно датировать, скорее всего, серединой III в.

Погребение 142 привлекло наше внимание, прежде всего, впервые обнаруженным на территории Центрального Кавказа декоративно оформленным набором предметов, состоящим из четырех накладок с проемами и стилистически близкой им пряжки. Расположение предметов в погребении, к сожалению, не дает оснований для реконструкции той ремненной амуниции, к которой крепился этот набор.

Вариант реконструкции подобного набора был предложен М.Г. Мошковой для вещей из комплекса к. 3 Лебедевки VI (Мошкова М.Г., 1989, табл. 81, 43, с. 198). Представляется важным отметить, что в этом комплексе (Мошкова М.Г. и др., 1978, рис. 163) накладки были найдены *in situ* вместе с двухчастными наконечниками-подвесками, крепившимися к ним на ремешках, продетых сквозь прорези в накладках, что позволяет предположить скорее декоративное назначение данных прорезей на предметах этого круга.

В настоящий момент авторы не склонны выдвигать конкретные заключения о назначении данного набора. Будем надеяться, что новые находки дадут в совокупности с клино-ярскими более надежные основания для реконструкций.

Литература и архивные материалы

1. Абрамова М.П., 1987. Подкумский могильник. М.
2. Абрамова М.П., 1990. Западные районы Центрального Предкавказья во II-III вв. н.э.// КСИА. Вып. 197.
3. Абрамова М.П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н.э. М.
4. Безуглов С.И., 1988. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье// СА. № 4.
5. Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1987. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского краеведческого музея в 1987 г.// Архив ИА РАН. Р-1, № 12382.
6. Гудкова А.В., Фокеев М.М., 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. К.
7. Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. "Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье. СПб.
8. Максименко В.Е., Безуглов С.И., 1987. Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой// СА. № 1.
9. Мошкова М.Г., 1989. Позднесарматская культура// Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
10. Мошкова М.Г., Максименко В.Е., 1974. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г.// Археологические памятники Нижнего Подонья. Ч.2. М.
11. Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А., 1978. Археологические работы в Уральской области в 1978 г.// Архив ИА РАН. Р-1, № 6929.
12. Флёров В.С., 1993. О северокавказских котлах с внутренними ушками// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
13. Флёров В.С., 1998. Разрушенные скелеты на могильнике Клино-Яр III на Северном Кавказе// МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь.
14. Шепко Л.Г., 1987. Позднесарматские курганы в степном Приазовье// СА. №4.
15. Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., 1995. Раскопки курганных могильников Покровка I и Покровка 2 в 1994 г.// Курганы Левобережного Илека. Вып.3. М.

Summary

V.S. Florov, V.Yu. Malashev (Moscow)
**The Harness Collection of the 3^d Century from the
Burial Ground Klin-Yar III (Kislovodsk)**

The horse burials of the 1st-4th centuries in Kislovodsk basin are still very rare. Among them the most interesting is a layer interment of two horses from interment 142 of Klin-Yar III burial ground. In the given interment (the first on the territory of the Central Caucasus) the ornamentally mounted set of harness articles consisting of 4 decorations with a cut and yarn, close to them in style, was discovered.

The analysis of the reconstruction of the belt articles of similar sets permits to suppose their decorative function.

W.S., Fljorow, W.Ju., Malaschew (Moskau)
**Pferdegeschirrsatz vom III. Jh. aus der Grabstätte
Klin-Jar III (Kislowodsk)**

Die Pferdgräber aus dem 1.-4. Jh. im Kislowodsker Talkessel kommen bis jetzt sehr selten vor. Darunter ist die stufige Beerdigung zweier Pferde aus dem Grab 142 der Grabstätte Klin-Jar III besonders interessant. In diesem Grab wurde (zum ersten Mal auf dem Territorium des Mittelkavkasus) ein dekorativ gestalteter Pferdegeschirrsatz entdeckt, das aus 4 Auflegestücken mit Öffnungen und mit der ihnen ähnlichen Schnalle besteht.

Die Analyse der Rekonstruktion der Riemensätze von ähnlichen Pferdegeschirrsätzen läßt uns vermuten, daß sie einen dekorativen Charakter haben.

V.S. Fljorov, V.Û. Malachev (Moscou)
Un harnais du III siècle de la nécropole de Klin-Jar III (Kislovodsk)

Les sépultures des chevaux des I-IV siècles dans la dépression de Kislovodsk sont toujours rares. Le cas le plus intéressant est une sépulture étagée de deux chevaux (sép. 142 de la nécropole de Klin-Jar III). Dans cette sépulture pour la première fois sur le territoire du Caucase centrale on a trouvé un assortiment de pièces de harnachement décorées. Il est composé de 4 appliques aux fentes et d'une agrafe stylistiquement proche.

L'analyse de la composition de la garniture de ceinture des assortiments pareils permet de supposer leur destination décorative.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Проблема датирования древностей гуннского времени является одной из наиболее острых проблем археологии данного периода и, невзирая на большое количество посвященных ей трудов, все еще остается не до конца решенной. Уже ставшая легендарной дискуссия между А.К.Амброзом и И.П.Засецкой закончилась тупиковой ситуацией после преждевременного ухода из жизни А.К.Амброза. Вышедшие же после этого в печати работы И.П.Засецкой (Засецкая И.П., 1990; 1994) не более чем повторили уже высказанные ранее положения, но оставили, таким образом, последнее слово в дискуссии за исследовательницей. Ни одной целостной альтернативной концепции за последнее время не появилось, что создаёт иллюзию отсутствия дискуссионности проблемы как таковой. Но факт наличия острой дискуссии несомненен, поэтому выводы И.П.Засецкой и А.К.Амброза требуют дополнительной проверки и уточнения. Попытка детального анализа концепций обоих ученых с целью обнаружения ошибочных звеньев в цепи их анализа, привела нас к выводу о её крайней нерациональности. Различия между их концепциями и нашим видением материала оказались настолько велики, что возникла необходимость сформулировать совершенно новую концепцию хронологии древностей гуннского времени для Восточной Европы. В целостном виде концепция чрезвычайно громоздка и требует использования большого количества иллюстративного материала. Но попытка её полной публикации была бы крайне непредусмотрительной без предварительной апробации основных положений, что и вызвало появление этой статьи. Ориентирование статьи на узкий круг специалистов при использовании хорошо известных материалов позволяет нам сделать текст и иллюстрации максимально сжатыми. Для более же простого восприятия концепции другими исследователями мы решили отдавать предпочтение при ссылках на не представленный в рисунках материал (там, где это возможно), не первоисточникам, а обобщающим трудам (Alfoldi A., 1932; Fettich N., 1953; Werner J., 1956; Засецкая И.П., 1979; 1994 и др.).

И А.К.Амброз, и И.П.Засецкая использовали для датировки степных комплексов гуннского времени, в принципе, один метод – разделение комплексов на группы по стилистическим особенностям ювелирных изделий с последующей их корреляцией с эталонными нестепными памятниками. В результате оба исследователя выделили по три группы кочевнических погребений, о составах и датировках которых собственно и шла дискуссия. Реальная картина оказалась гораздо сложнее – комплексы гуннского времени разделяются

на группы не только по составу инвентаря, но и по возможностям применения к ним различных методов анализа.

Первая группа получила кодировку “Аланы” (А). Она представлена аланскими погребениями гуннского времени и характеризуется заметной индивидуальностью состава комплексов, что, вероятно, объясняется сохранением аланами своей ремесленной базы, более консервативной в сравнении с инновационными центрами Подунавья и Крыма. Группа еще не была известна А.К.Амброзу и, по непонятным причинам, упущена из вида И.П.Засецкой, которая в своём своде использовала только материалы безусловно аланского катакомбного погребения из Казакии, не указав при этом его этнокультурную принадлежность (Засецкая И.П., 1994, с.194). Впервые такие погребения выделил Е.Л.Гороховский, который датировал гуннским временем три кургана из Кантемировка, курган 13 из Дмухайловки, курган 4 из ст.Кривенской, погребение 3 кургана №3 из Ново-Подкряжа, погребение №1 кургана №1 курганной группы I около с. Соколово и комплекс из хут. Яременки. Исследователь сформулировал понятие “раннегуннский период” и обосновал его синхронизацию с европейским этапом D1. Ключевыми являются три датировки: кантемировский курган 2 и Дмухайловка – последняя четверть IV в.; курганы 1 и 3 из Кантемировка – первая треть V в.; Яременки – этап D2 (Гороховский Е.Л., 1988б, с. 18-19; Гороховский Е.Л., 1988в, с.149-151). К сожалению, детально рассмотреть эту группу погребений мы не можем, поэтому здесь мы только кратко остановимся на дате эталонных комплексов и предложим датировки для новооткрытых погребений. Даты Е.Л.Гороховского, на наш взгляд, не совсем точны. Черняховские комплексы фазы 5, кроме прочего, выделяют гребни типа Томас ШВ1а, стеклянные конические кубки и пряжки серии Д (Гороховский Е.Л., 1988а, с. 45). Тот же набор вещей характеризует курганы №1, 2 из Кантемировка (Рудинский М., 1930), курган №4 из ст.Кривенской (Мелентьева Г.М., 1973) и курган №13 из Дмухайловки (Шалобудов В.Н., Андросов В.А., Мухопад С.Е., 1983), что действительно позволяет синхронизировать их с черняховскими комплексами фазы 5. Учитывая схожесть поясного наконечника (рис.5,35) с наконечником из Мундольсхайма, Е.Л.Гороховский “подтянул” дату кургана 1 из Кантемировка вверх, синхронизировав его не с курганом 2, а с курганом 3 (Гороховский Е.Л., 1988б, с. 19), хотя последний и содержал ряд предметов, не представленных в кургане 1. Точную аналогию в кургане 1 находит только одна пряжка (рис.5, 7), но эта, а также ещё одна пряжка (рис.5, 8), относятся к

характерным только для IV в. типам, не известным ни в одном другом комплексе, датированным V в. При столь характерном облике инвентаря кургана 1 проще предположить, что кантемировский наконечник является наиболее ранним известным экземпляром этого типа. Столь широкая дата кургана 3 (первая треть V в.) также должна быть уточнена. Две щитковые и серебряная бесщитковая пряжка из данного погребения (рис.5, 9-11) действительно уже обладают начальными переходными чертами к пряжкам этапа D2 – более широкая, уже приближающаяся к круглой, рамка, более узкий язычок, который, однако, всё ещё плотно прилегает к рамке. Но в начале второй четверти V в. в Крыму и Паннонии уже бытуют сформированные пряжки с круглой рамкой и длинным язычком, выступающим за рамку, поэтому кантемировские пряжки не выходят за рамки начала первой четверти V в. Эту дату косвенно подтверждает и наличие в кургане 3 черняховской посуды. Дело в том, что предположение о продолжении изготовления гончарной черняховской посуды после катаклизмов 70-х гг. IV в. будет достаточно смелой гипотезой. Между тем, максимальный срок возможного использования посуды - 20-30 лет, в условиях же кочевого быта - в несколько раз короче. Это значит, что на начало V в. у остатков черняховского населения количество гончарной посуды очень сильно сократилось, что и иллюстрируют кантемировские курганы: если в кургане 1 обнаружены остатки по меньшей мере 13-ти сосудов, в кургане 2 - 11-ти, то в наиболее богатом кургане 3 - только 4-х сосудов. Считаем, что совокупность признаков позволяет ограничить дату кургана 3 периодом около 400 - 415 гг. Погребение 3 кургана № 3 из Ново-Подкряжа (Костенко В.И., 1977) немного позднее – одна из пряжек близка щитковым пряжкам кантемировского кургана 3 (рис.5, 12), другая имеет длинный граненый язычок (рис.5, 13). Такое сочетание наиболее вероятно для периода 415-425 гг. Аланские комплексы следующего этапа – D2 – будут рассмотрены ниже, поскольку их дата зависит от датировки основной степной группы погребений этого времени.

Группа Степь I (C1) пока представлена только двумя погребениями. Они заметно отличаются от аланских по погребальному обряду (ориентированы на восток, как и погребения из Зеленокумска и п.2 кургана 8 могильника Кубей). Инвентарь погребения № 45 Балковского кургана: длинный узкий меч без перекрестья, бронзовая пряжка и каменная бусина-подвеска к мечу. Меч имеет довольно широкие хронологические аналогии, поэтому дату определяет пряжка. Авторы публикации датировали погребение последней четвертью IV в. (Ляшко С.Н., Отрощенко В.В., 1988, с.57, 58, 63), но это не совсем так. Резкий перегиб кончика язычка, узкий прямоугольный щиток и незначительное утолщение рамки на переднем конце (рис.2, 2) более присущи пряжкам 2-й четверти V в. Точных аналогий пряжка не имеет, близкие – пряжка из черняховского могильника Гавриловка (Сымонович Э.А., 1960, табл. XIV, 5), пряжка из Здвиженского

(рис.2, 1). Балковская пряжка занимает промежуточное положение между ними и должна рассматриваться, как переходная от пряжек конца IV в. к пряжкам 2-й четверти V в., т.е. наиболее вероятная дата балковского погребения – 1-я четверть V в. Погребение № 4 могильника Сад (Сумы) (Некрасова Г.М., 1985) находилось на территории черняховского могильника, частично перекрывая черняховское погребение № 2, но ориентация на восток, деформация черепа и отсутствие любых вещей, которые имеют точные аналогии в черняховских комплексах, позволяют считать это погребение не связанным с могильником. Самые поздние инвентарные погребения могильника - № 5 и №7 датируются 2-й половиной IV в. (фаза 4 по Е.Л.Гороховскому) (Гороховский Е.Л., 1988, с. 44-46). Погребение № 2 относится к погребениям с западной ориентацией, которые считаются самыми поздними на черняховских могильниках и, вероятно, синхронно погребению №7. Погребение №4, скорее всего, было осуществлено спустя некоторое время после прекращения функционирования могильника, когда внешние признаки могил уже стерлись. Инвентарь погребения состоит из овальной бесщитковой бронзовой пряжки с пластинчатым язычком и бронзовой сережки с 14-гранником на конце (Некрасова Г.М., 1985). Пряжка (рис.5, 34) оригинальна, точных аналогий нам найти не удалось, но по форме рамки и пластинчатому язычку к ней близка пряжка из Марфовки (рис.5, 33), Е.Л.Гороховский сравнил её также с пряжкой из Бешенова (Гороховский Е.Л., 1988в, с.92, 93). Другим датированным предметом является сережка с полиедром на конце, поставленным «на ребро» (рис.5, 59). Аналогии таким сережкам известны в погребениях №31, 33, 67 могильника Чаквар, дата которых не выходит за рамки последней четверти IV – 1-й четверти V вв. (Шаламон А., Баркоци Л., 1982, рис.6), и в погребении из Смолина (рис.5, 61). Последнее относится к концу этапа D2, поэтому находка в нем такой сережки, очевидно, является самой поздней. Поскольку данные стратиграфии исключают для погребения №4 из Сада 2-ю половину IV в., а отличие инвентаря от комплексов 2-й четверти V в. - и этот период, самая вероятная дата - 1-я четверть V в. Следует отметить, что подобные сумской, сережки также встречаются и в крымских склепах VI-VII вв., но ни одной такой находки не известно в синхронных кочевнических погребениях, наконец, данный регион с V по VII вв. был достаточно густо заселен носителями пеньковской культуры – кочевнический могильник Рябовка на Сумщине перекрывает пеньковское поселение V-VII вв. (Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1993).

Погребение из Каменной Могины (Мелитопольский р-н) (Михайлов Б.Д., 1993, с. 109-111) датируется по двум железным пряжкам и стеклянному стакану. К сожалению, рисунок стакана настолько ассиметричен (Михайлов Б.Д., 1993, рис.2, 6), что понять его форму невозможно, может быть, поэтому приведённые Б.Д.Михайловым аналогии (Михайлов Б.Д., 1993, с. 110) не показались нам убедительными. Стаканы из

зелёного стекла в общих чертах похожей формы бытуют с конца IV в. до VI в. Косвенно на дату указывает отсутствие на стакане синих капель, что может свидетельствовать как о ранней (первая четверть V в.), так и о поздней (VI в.) дате. Пряжки (рис.6, 13, 14) имеют широкую овальную уплощённую рамку и плоский язычок, прилегающий к рамке под небольшим углом. Рамки симметричны, этот признак характерен для пряжек VI в., но рамки последних более вытянутые. Близкие аналогии нашим пряжкам есть и в гуннское время - Сад (Сумы) и Марфовка (рис.5, 33, 34). На наш взгляд, погребение все-таки датируется первой четвертью V в. и принадлежит к пока ещё слабо изученной группе С1.

Степные комплексы следующего периода немногочисленны, но их количество достаточно для использования метода не индивидуального, а комплексного анализа погребений. Анализируя критические замечания В.Б.Ковалевской в свою сторону, А.К.Амброз не случайно обратил внимание на "упрек" в том, что он берет из комплексов только те вещи, которые "работают" на его хронологическую систему (Ковалевская В.Б., 1984, с.104; Амброз А.К., 1985, с.295), поскольку именно А.К.Амброз настаивал на необходимости максимального использования источников. Но, к величайшему сожалению, концепция исследователя изложена крайне конспективно, вынужденно оставляя блестящую эрудицию автора "за кадром" его публикаций. Поскольку дату комплекса определяют не отдельные вещи, а совокупность вещей комплекса, мы попытались максимально широко использовать материалы комплексов при помощи обычной корреляции по максимальному возможному числу признаков. В свою очередь, это позволяет нам включить в корреляцию максимальное число комплексов, подавляющее большинство которых происходит из случайных находок, а поэтому не являются закрытыми. Введение незакрытых комплексов в корреляционную таблицу рядом с закрытыми дает возможность убедиться в случайности или наоборот - закономерности нахождения определенного предмета в составе коллекций из таких комплексов, т.е., позволяет избежать субъективности при учете или неучете предмета при анализе. Описание и обоснование признаков, положенных в основу корреляции, для удобства восприятия информации вынесены в "Приложение", но кодировка отдельных предметов используется в тексте для краткости изложения. Ниже поданы только конечные выводы анализа корреляционных таблиц.

Таблица 1 иллюстрирует взаимокорреляцию только степных комплексов, что дало определенный негативный эффект, поскольку в таблице не было учтено значительное количество признаков, которые встречаются в одном комплексе, но не имеют аналогий в других. Как показывает таблица, анализируемые комплексы распались на три группы.

В группу Степь II (С2) попали женские погребения Марфовка, Зеленокумск, Антоновка, Ленинск

и мужские (точнее, оба детские) Беляус 1 и Беляус 2. Три последние являются полностью закрытыми комплексами, раскопанными археологами, а три первые исследованы "по горячим следам" сразу после выявления, что позволяет и их рассматривать как более-менее целостные. К этой же группе можно отнести не включенное в таблицу разрушенное мужское погребение из хут. Алешки, где была найдена нагрудная пластина, украшенная двумя рядами крупных вставок, подобная диадемам из Марфовки и Антоновки, а также "колты" (Засецкая И.П., 1994, таб.12, 3-6).

Группа Степь IV (С4) состоит преимущественно из случайно обнаруженных разрушенных погребений. Исключение составляют могилы VIII и IX из Новогригорьевки. Также в группу С4 попали разрушенные погребения из Кучугур, Саг, Раденска, Чикаренко, Ново-Ивановки. Жестким признаком группы С4 является наличие в комплексах пряжек с инкрустированным щитком.

Нетрудно заметить, что, за исключением поясного наконечника IIА1, группы С1 и С2 не пересекаются.

Группа Степь III (С3) объединяет комплексы, которые характеризуются определенным своеобразием, поскольку в ней присутствуют признаки, входящие в состав обеих предыдущих групп, и в то же время отсутствует достаточный набор признаков для отнесения их к одной или другой группе. В группу С3 попали Мелитополь, погребение №2 кургана 8 могильника Кубей, разрушенное погребение из колхоза им. Калинина, комплекс из станицы Здвиженской и остатки погребений из Капуловки, Феодосии, Старой Игрени и Новой Маячки. Из вещей, представленных в комплексах группы С2, здесь встречены "колты", пряжки IA1, IB1, IB2, серёжки-калачики, бляшки IIIЕ, а также с группой С2 их объединяет такая этнографическая деталь, как наличие в комплексе котелка. В то же время в комплексах группы С2 практически полностью отсутствуют разнообразные бляшки-накладки от узды или ремней с полихромными вставками, обкладки седел, что сближает группу С3 с группой С4. Но в группе С3 отсутствуют чрезвычайно характерные для группы С4 пряжки с инкрустированным щитком. Это можно было бы объяснить неполнотой сохранности комплексов, если бы не п.2 кургана 8 из Кубей. Материал из данного погребения составляет целостную коллекцию, которая заметно отличается от комплексов типа Новогригорьевки. Внимание привлекают поясная пряжка и поясной набор в виде пластинчатых накладок (рис.2, б). Идентичный поясной набор и достаточно похожая пряжка известны из остатков погребения в Капуловке (рис.2, 3). Несколько отличная большая поясная пряжка есть и в комплексе из Здвиженского (рис.2, 1). Еще одним элементом, известным только в этой группе, является диадема в виде полоски с выступами (IVF3) (рис.5, 63). Аналогичная диадема в комплексе с "колтами" происходит из находки около хут. Верхне-Яблочного, обстоятельства которой не известны (Засецкая И.П., 1994, табл.25, 2,3).

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	19	20	21	22	
IVF2	■			■	■																	
XI	■	■																				
IIA1		■					■												■			
IB2		■									■											
IB5		■	■																			
IA1		■					■			■	■	■				■						
IB1		■								■	■	■										
IVA2		■								■												
VIIIA		■	■																			
IVB		■		■	■																	
IIIЕ		■		■						■												
IVC		■		■								■										
IIA6													■									
IVF3																						
IIIC2																						
IIIC1																						
IIID3																						
IID																						
IIIA3																						
IIВ																					■	■
IIС																					■	■
IC																					■	■
IIID4																						
IIA3																						
IIID5																						
IIID1																						
IIID2																						
VIC																						
IE2																						
IE5																						
VIA																						
IE1a																						
IE1b																						
IIA2																						
IE4																						

*

Таблица 1. Взаимокорреляция степных комплексов**.

Table 1. Intercorrelation of steppe complexes.

Tabelle 1. Zwischenkorrelation der Steppenkomplexe.

Tableau 1. Intercorrélation des complexes de steppe

* № 18 не пропущен, а убран по необходимости.

** Комплексы: 1 – Антоновка; 2 – Беяус 1; 3 – Беяус 2; 4 – Марфовка; 5 – Ленинск; 6 – Зеленокумск; 7 – Старая Игрень; 8 – Мелитополь; 9 – Кубей, курган 8, п.2; 10 – Кацуловка; 11 – Здвиженское; 12 – Нова Маячка; 13 – к-з пм. Калнина; 14 – Феодосия; 15 – Новогригорьевка, могила IX; 16 – Новогригорьевка, могила VIII; 17 – Саги; 19 – Чикаренко; 20 – Ново-Ивановка; 21 – Раденск; 22 – Кучугуры; 23 – Керчь, склеп 154, п.2; 24 – Снявка; 25 – Керчь, склеп 165, п.2; 26 – Керчь, склеп 154, п.4; 27 – Керчь, склеп 165, п.3; 28 – Керчь, склеп 154, п.3; 29 – Керчь, склеп 165, п.5; 30 – Керчь, склеп 154, п.5, 6; 31 – Керчь, склеп 154, п.9; 32 – Керчь, склеп 154, п.7; 33 – Керчь, склепы 24/6/1904; 34 – Керчь, склеп 145; 35 – Керчь, “Новиковский” склеп; 36 – Керчь, склеп 1896 г.; 37 – Флонхайм; 38 – Апахида; 39 – Чорна; 40 – Качин; 41 – Унтерзибенбрунн; 42 – Ленгельтотти; 43 – Якушвице; 44 – Батасек; 45 – Печ-Усѣг; 46 – Концешты; 47 – Сегед-Надьсекшош; 48 – Вольфсхайм; 49 – Лаа, п.1, 2 суммарно***; 50 – Смолин; 51 – Бжиза; K1 – суммарно Керчь, склеп 154; K2 – суммарно Керчь, склеп 165.

*** Сведены для удобства включения в корреляционную таблицу. Как показывает замкнутая цепочка аналогий Смолин – Вольфсхайм – Сегед-Надьсекшош – Печ-Усѣг – Бжиза, оба погребения практически одновременны, что обуславливает корректность сведения.

	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51
IVF1																													
ID1																													
VA1																													
IWA1																													
IVD1																													
IA3																													
IB6																													
III G																													
IB1																													
IB7																													
IIA5																													
IA1																													
VC																													
IB3																													
IB4																													
IB8																													
IB2																													
IA2																													
IWA3																													
IVG																													
VA2																													
Блок																													
IIIA2																													
II B																													
VII																													
IX																													
X																													
IIA4																													
VB																													
IIID6																													
IVD2																													
IIA2																													
IE4																													
IE2																													
IIID4																													
VIB																													
IE1a																													
VIA																													
IE6																													
IE1b																													
IIID7																													
I VE																													
IWA2																													
IVH																													
IIIA1																													
II B1																													
VIII B																													
II C																													
ID2																													
IIA3																													
IIID5																													
VI E1																													
IIID3																													
IIIC1																													
II B2																													
VD																													

Таблица 2. Взаимокорреляция керченских и европейских комплексов.
 Table 2. Intercorrelation of Kerch and European complexes.
 Tabelle 2. Zwischenkorrelation der kertschener und europäischen Komplexe.
 Tableau 2. Intercorrélation des complexes européens et ceux de Kerch

Судя по сохранившемуся описанию, такая же диадема и “колты” были в составе комплекса, обнаруженного в 1910 г. на берегу р. Корушана (Ковалева И.Ф., 1962, с. 235).

Чтобы лучше понять причину отличий в вещевом наборе трех групп, попробуем скоррелировать их с керченскими и отдельными среднеевропейскими комплексами. Таблица 2 отражает взаимокорреляцию керченских и европейских комплексов, сделанную, чтобы получить надежную систему привязки. В таблицу 2 включены керченские склепы № 145, 154, 165, два склепа, ограбленные 24 июня 1904 г., предложенные для корреляции со степными памятниками И.П.Засецкой, “Новиковский” склеп и склеп, раскопанный на Глинище в 1896 г. Также использованы материалы погребения из Синявки, очевидно, все-таки не степного происхождения, которое было использовано при корреляции крымских материалов А.И.Айбабиным. Материалы двух склепов, ограбленных 24 июня 1904 года, были включены в таблицу ввиду их исключительной важности для датирования степных комплексов, но с учетом того, что они происходят из двух, возможно, одновременных склепов. Из европейских комплексов использованы Унтерзибенбрунн, Ленгелтотти, Вольфсхайм, п.1 из Лаа, Смолин, п.1 из Бжизы, Якушвице, Чорна, Печ-Усѐг, Сегед-Надьсекшош, Апахида. Также к кругу европейских отнесён комплекс из Качина. Основная причина введения в корреляцию европейских комплексов – необходимость привязки крымских и степных памятников к более дробной хронологической схеме.

Как показывает таблица 2, скоррелированные керченские комплексы распадаются на 3 подгруппы: подгруппа 1: п.2 склепа 154, п.2 склепа 165, Синявка;

подгруппа 2: п.3, 4 склепа 154, п.3, 5 склепа 165;

подгруппа 3: п.7, 9 склепа 154, склеп 145, основная часть материала склепов 24/6/1904, “Новиковский” склеп и склеп 1896 г.

Наблюдение за стратиграфическим расположением погребений склепов 154 и 165 позволило А.К.Амброзу синхронизировать п.2 и п.3 склепа 154, практически одновременны п.2 и п.3 склепа 165 (Амброс А.К., 1995, рис.3), что позволяет нам разделить анализируемые керченские комплексы только на две группы: группа Керчь I (K1) включает комплексы подгрупп 1 и 2, группа Керчь II (K2) включает комплексы подгруппы 3. Таблица 3 иллюстрирует корреляцию степных комплексов с наиболее показательными керченскими и европейскими (в таблицу включены только признаки, представленные в степных комплексах). Как показывает таблица, группы С2 и С4 отвечают группам K1 и K2 соответственно, поэтому сведем их в объединенные группы СК1 и СК2. Группа С3 и здесь занимает отдельное положение, в первую очередь, благодаря отсутствию надежных аналогий к материалам из её комплексов в керченских склепах (за исключением пряжек IA1 и IB1). Благодаря не использованным ранее пряжке IA2, гривне IVD3 и обкладке кинжала VID

комплекс из колхоза Калинина попал в группу СК2, эту перестановку подтверждает и полный сбруйный набор типа Новогригорьевки, по которому сюда же отнесен и комплекс из Феодосии. Комплекс из Новой Маячки остался в группе С3, поскольку керченские аналогии к гривне IVD1 оказались как в п.2 склепа № 165 (группа K1), так и в материалах склепов 24/6/1904, основная часть которых относится к группе K2, в комплексах же группы С4 совершенно отсутствуют пряжки IA1 и IB1. Находки из комплексов группы С3 характерны, преимущественно, для материальной культуры степного населения, поэтому дата комплексов этой группы зависит от датирования вещей, которые входят в комплексы групп СК1 и СК2. Рассмотрим датирование этих двух групп.

Группа СК1 имеет специфический набор признаков, не представленных в группе СК2. Это неинкрустированные двупластинчатые фибулы вариантов Iaa и Iab по А.К.Амброзу, а также большая двупластинчатая фибула с накладками в виде “пальметок” типа Смолинской, стеклянные чаши с напаянными синими каплями варианта IE по Н.П.Сорокиной, пряжки провинциально-римского производства типа Тышаладани (ID1), пряжки с гранеными овальными или круглыми рамками (в группе СК2 присутствует одна такая пряжка в могиле IX из Новогригорьевки), пряжки с прямоугольной рамкой, пряжки с граненым и зооморфным язычками, пряжки с ромбовидным или треугольным щитком (в группе СК2 одна такая пряжка есть среди материалов склепов 24/6/1904), серебряные пилообразные накладки, наконечник ремня варианта б-3 по А.И.Айбабину, а также серёжки с полиедром на конце IVA. Практически весь набор признаков считается типичным для европейских комплексов этапа D2 (по Я.Тейралу). Абсолютная дата этапа D2 определяется временем пребывания в Паннонии гуннов, т.е. 433-454 гг., хотя отдельные типы вещей появились еще в 20-х гг. V в. (мы учитываем то обстоятельство, что определенный комплекс материальной культуры перед окончательным оформлением проходит стадию становления, на которой уже существуют некоторые типы вещей, характерные для него в дальнейшем), другие же продолжили бытовать и после 454 г. Несмотря на столь узкие хронологические рамки, среднеевропейские комплексы достаточно уверенно разделяются на горизонты. Ранние (430-440 гг.) - Качин, Ленгелтотти, Унтерзибенбрунн, Чорна; более поздние (440-450 гг.) - Якушвице, Батасек; позднейшие (450-460 гг.) – Печ-Усѐг, Сегед-Надьсекшош (оба, вероятно, около 454 г.), Вольфсхайм, Лаа, Бжиза, Смолин. Таблица 2 показывает, что среди скоррелированных керченских комплексов группы K1 тяжело выделить ранние и поздние по инвентарю, но комплексы подгруппы 2, в частности погребение 3 склепа 165, которое содержит двупластинчатую фибулу с “пальметками” (рис.5, 41), подобную фибулам из Смолина и Лаа (керченская несколько отличается, возможно, более ранняя), и п.3 склепа 154, где обнаружена пряжка с зооморфным язычком (рис.1, 60), подобным язычкам пряжек из Смолина (почти идентичная пряжка из склепа 431 Скалистого имеет язычок, чрезвычайно

похожий на язычки бесщитковых пряжек Лаа) (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.76, 23), датируются не раньше конца 40-х гг. V в. Впечатление более ранних создают погребения из Синявки и п.2 склепа 154 подгруппы 1 группы К1, в которых обнаружены двупластинчатые фибулы варианта Паа, но пряжка ID1 из последнего не относится к разряду ранних пряжек этого круга типа Качинской или Беляусской - она имеет рамку в виде сильно вытянутого овала (рис.2, 5), которая заставляет вспомнить не только тышаладанскую пряжку, но и пряжку из Сабадбатъяна, в Синявке же была сережка с полиедром - в склепе 165 такая сережка найдена в погребении 2 - одном из позднейших по данным стратиграфии. Об одновременности погребений №2 и №3 склепа 154 говорит и их стратиграфическое расположение (Амброз А.К., 1995, рис.3). Данные стратиграфии склепов 154 и 165 позволяют выделить только два горизонта: пп.1, 2, 3 склепа 154 и пп.1, 2, 3 склепа 165 составляют группу самых поздних погребений, остальные погребения упомянутых склепов несколько более ранние, но, судя по схожести инвентаря погребений обоих горизонтов, разница во времени между ними весьма незначительна. Сравнение материалов склепа №165 с ранним этапом Дюрсо побудило А.К.Амброза отнести его к 2-й половине V в. (Амброз А.К., 1989, с. 46-47). Но это вряд ли корректно. Дюрсо заметно выделяется на фоне синхронных кавказских или крымских комплексов, свидетельствуя о производстве большинства вещей готскими ремесленниками. Переселение в другой регион значительного количества населения с отрывом от ремесленной базы, как правило, вызывает радикальное изменение материальной культуры. Переселение же в инокультурный регион с сохранением своей ремесленной базы приводит наоборот к консервированию материальной культуры племени. Именно последний вариант наблюдается в культуре готов-готтракситов - хронологический этап I могильника Дюрсо отображает характер материальной культуры готов до 454-460 гг., поскольку ремесленники, оторванные от инновационного ремесленного мира Подунавья, продолжали в течение 2-й половины V в. использовать навыки и традиции, приобретенные до 454 г. В случае же с материалами склепа 165 эта закономерность не действует. Интересно, что в п.3 склепа 165 найден поясной наконечник ПА5 (рис.4, 22), аналогия которому есть в составе комплекса из Унтерзибенбрунна, что не позволяет нам расширять хронологические рамки п.3 склепа 165 (а значит и синхронных ему погребений) далеко во 2-ю половину V в. Первой половиной V в. ограничил дату данного погребения и А.И. Айбабин (Айбабин А.И., 1990, с. 51, рис.2). Учитывая вышесказанное, верхний горизонт группы К1 можно датировать в пределах 445-460 гг., нижний - 435-445 гг. Керченские склепы 154 и 165 были не семейными, а городскими, т.е. заполнялись максимум на протяжении 10-15 лет, поэтому реальная дата функционирования склепов (подчеркиваем *склепов*, а не *вещей*) может быть сужена до 440-455 гг. Эта дата не является подходящей для всей группы СК1, поскольку группе К1 соответствует только часть инвентаря погребений группы

С2. Ближайшей аналогией пряжке ID1 из погребения Беляус 1 (рис.2, 12) является пряжка из Качина (рис.2, 4), весь комплекс которого относится к началу этапа D2. Г-образные псалии с окончанием в виде полиедра находят аналогии в комплексах Унтерзибенбрунна и Ленгелтотти. Параллели в группе К1 находят лишь пряжки с ромбовидным и овальным щитком (рис.1, 42, 54). Эти обстоятельства позволяют нам предположить, что основная часть вещей комплекса Беляус 1 датируется началом этапа D2, т.е. 30-ми гг. V в., но само погребение произведено в начале 40-х гг. V в. Погребение Беляус 2 находилось рядом с погребением Беляус 1. Они схожи по погребальному обряду и, скорее всего, принадлежали представителям одного племени или даже рода. О временной близости погребений свидетельствуют пряжки с одинаковым язычком, украшенным на заднем и на переднем конце несколькими рельефными полосками (рис.1, 2, 8). Похожий язычок имеет пряжка с инкрустированным щитком из Мурга (Alfoldi A., 1932, taf. XXVI, 3). Подвзаяная фибула из этого погребения только сечением спинки отличается от фибулы из погребения 4 склепа 165 (Alfoldi A., 1932, taf. XXVI, 6; Сорокина Н.П., 1971, рис.4, 4), в котором также было зеркало, аналогичное зеркалам из Унтерзибенбрунна и Чорна. Погребение относится к нижнему горизонту группы К1. Этого же горизонта погребения 7 и 8 склепа 154, между которыми обнаружена стеклянная чаша типа IE, орнаментированная напаянными синими нитями (Засецкая И.П., 1979, рис.1, 12), близкая по форме чаше из Беляуса 2 (рис.5, 58). Чаша этого же типа из Синявки слегка отличается формой - пропорционально она заметно уже (Каменецкий И.С., Кропоткин В.В., 1962, рис.1, 1). Ближайшей аналогией к беляусской является практически идентичная чаша из Марфовки (рис.5, 55), позволяющая синхронизировать эти два погребения, которые, таким образом, помещаются в довольно узкие рамки 330-340 гг. При этом, костяная пряжка "кудыргинского" типа из Беляус 2 (Дашевская О.Д., 1991, рис.88, 8) никак на дату не влияет, свидетельствуя только об этничности погребенного. Марфовка датирует характерные только для группы С2 "кулоны" и диадемы в виде узкой инкрустированной полоски, т.е. датировка комплексов из Зеленокумска, Ленинска, Антоновки, Алешек и тилигульской диадемы ограничивается 430-440 гг. Эту же дату подтверждает комплекс из Чорны (Alfoldi A., 1932, taf. VIII), но, при этом, следует отметить, комплекс из Ленинска, по нашему мнению, более ранний, поэтому общая дата группы С2, на наш взгляд, период 420-445 гг. Общая дата группы СК1, таким образом, - период 420 - 460 гг. Не совсем ясна ситуация с погребением из Березовки. Диадема напоминает Марфовскую, но зеркало имеет рисунок, характерный для зеркал 2-й половины V - X вв. (Засецкая И.П., 1994, табл.28, 1,2), т.е. погребение предположительно можно датировать серединой V в. - это индивидуальная дата, не влияющая на комплексы группы С2.

Перейдем к группе СК2. Характерными чертами группы СК2 являются, в первую очередь, пряжки с инкрустацией различных видов (IE1a, IE1b, IE2, IE3, IE4),

наконечники ремней вариантов ПА2, ПА3, ПА4, ПБ, псалии ПА2, фибулы с инкрустацией, бляшки ППД1, ППД2, ППД3, ППД4, ППД5, серёжки IVA3, обкладки сёдел ПС1 и ПС2 и т.д. Нетрудно заметить, что датирование этой группы комплексов упирается в проблему появления изделий полихромного стиля, в зависимости от подхода к которой каждый из исследователей предлагает своё датирование. А.К.Амброз считал, что в керченских склепах не прослеживаются признаки постепенного сложения нового стиля, «ведущие формы вещей появляются здесь как бы в готовом виде». Это позволило исследователю предположить, что центром появления изделий полихромного стиля являлось Подунавье, а само появление таких изделий датируется не раньше 420-х гг. (Амброз А.К., 1966, с. 14-15). И.П.Засецкая сначала датировала керченские склепы №145, 154, 165 и два склепа 24/6/1904 вслед за Л.А.Мацулевичем концом IV - началом V вв., дату же степных комплексов расширила на всю 1-ю половину V в. (Засецкая И.П., 1979). Вернувшись опять к проблеме датирования упомянутых керченских склепов, И.П.Засецкая датировала склеп 145, склепы 24/6/1904, склеп 1896 г. и аналогичные им последней четвертью IV- первыми двумя десятилетиями V вв., склеп 154 - концом IV - первой половиной V вв., а склеп 165, по её мнению, функционировал до 2-й половины V в. (Засецкая И.П., 1990, с. 98-102). При этом проблема возникновения изделий полихромного стиля решается достаточно оригинально. И.П.Засецкая соглашается с А.К.Амброзом, что изделия с перегородчатой инкрустацией не имеют местных керченских истоков и являются импортными, но не уточняет, откуда, собственно, они были привезены, ограничиваясь такими географическими ориентирами, как «Восток», «Византия...особенно её восточная часть». Даты же многочисленных аналогий из Центральной Европы оказываются у И.П.Засецкой действительны только для степных комплексов группы С2 – они датированы периодом 425-454 гг. (!) (Засецкая И.П., 1990, с. 99-101; 1994, с. 71-74, 113-131). Еще менее удачна попытка И.А.Бажана и М.Б.Шукина ограничить дату боспорских склепов с полихромными изделиями второй половиной IV в. по монетам и индикациям в желании приблизить их к закавказским «аналогиям» III в. (Бажан И.А., Шукин М.Б., 1990, с. 83-96). А.И.Айбабин вслед за А.К.Амброзом синхронизировал европейские комплексы с полихромными изделиями с керченскими, датировав их 1-й половиной V в. (Айбабин А.И., 1990, с. 59-63). Как показывают таблицы 2 и 3, комплексы группы СК2 действительно находят большое количество аналогий в европейских комплексах Унтерзибенбрунн, Ленгелотти, Вольфсхайм, Якушвице, Батасек, Сегед-Надьсекшош, Лаа и т.д., т.е. в тех же комплексах, аналогии в которых находят материалы из комплексов группы СК1. Чем объяснить в таком случае различия между группами К1 и К2 и, шире, СК1 и СК2? Первое объяснение - разница в социальном статусе. Погребения группы К2 отличаются богатством инвентаря, большим количеством золотых изделий. Но погребение 2 склепа 154 нельзя

назвать бедным, поскольку среди погребального инвентаря были золотой веночек, золотые бляшки, золотые пронизи, пара привозных массивных серебряных фибул и явно дорогая импортная серебряная пряжка ID1. Золотой веночек содержало и погребение 5 склепа 165. Почему в этих погребениях отсутствуют любые, даже наиболее дешевые изделия полихромного стиля? Почему в комплексах группы К2 отсутствуют изделия типа качинских, которые также не принадлежали рядовому владельцу? Далее, обратим внимание на соответствие между комплексами из склепов 24/6/1904 и Унтерзибенбрунна. Кроме схожих пряжек с инкрустацией, это: двупластинчатые фибулы с инкрустацией, фибулы- «цикады», золотые браслеты с концами в виде звериных головок, подвески в виде объединенных между собой частей, нижняя из которых оформлена в виде листка, круглое зеркало, косметический набор, состоящий из «ногтечистки» и «уховертки», подвешенных на кольцо, гребни, перстни со вставками. Это также ряд маленьких бляшек-накладок: в виде зигзага; в виде зигзага, пространство которого заполнено с одной стороны так, что бляшка выглядит зубчатой; восьмёркообразная бляшка в виде двух объединенных спиралей; маленькие круглые бляшки со вставкой; маленькие треугольные бляшки со вставкой и «ушком» сверху; прямоугольные маленькие бляшки, обрамленные рубчатым ободком, декорированные двумя рядами круглых рельефных тисненых выпуклостей (см. Приложение - Блок). Большинство из них является нашивными деталями сложной аланской диадемы, реконструированной Э.А.Хайрединовой по материалам склепа 82 из Лучистого (Aibabine A., Khairedinova E., 1997, р. 72-75; photos p. 28, 39, 70). Весь этот набор вещей свидетельствует, что перед нами не *хронологически*, а, в первую очередь, *этнографически* идентичные погребения. Совокупность деталей костюма, вооружения, снаряжения коня, предметов хозяйственного, личного назначения и т.п. определяет этнографический вид населения, который обычно отличается в разных регионах проживания одного этноса, но в то же время довольно часто покрывает и представителей разных этносов. Последнее, как показывают этнография современных народов и историческая этнография, возможно в контактных зонах и тесно интегрированных экономически и культурно полиэтнических государственных образований. Но Боспор и среднедунайский регион трудно объединить в этих моделях. Похожая ситуация со степными комплексами. Новогригорьевские могилы VIII и IX, погребения из к-за Калинина и Феодосии чрезвычайно близки к паннонским комплексам Батасек, Печ-Усёт, Сегед-Надьсекшош и т.п. Кроме пряжек, их объединяют однотипные мечи VIA с навершием VIB, обкладки лука VIE2, своеобразный набор конского снаряжения – обкладки сёдел ПС1, ПС2, узды – ППД1, ППД2, ППД5, ременные наконечники ПА3 и т.д. Новогригорьевские погребения объединяет с погребениями из Печ-Усёта и Сегед-Надьсекшоша и погребальный обряд – трупосожжение. Ещё выразительнее готский могильник Дюрсо близ Новороссийска. Возникает вопрос: почему носители одного этногра-

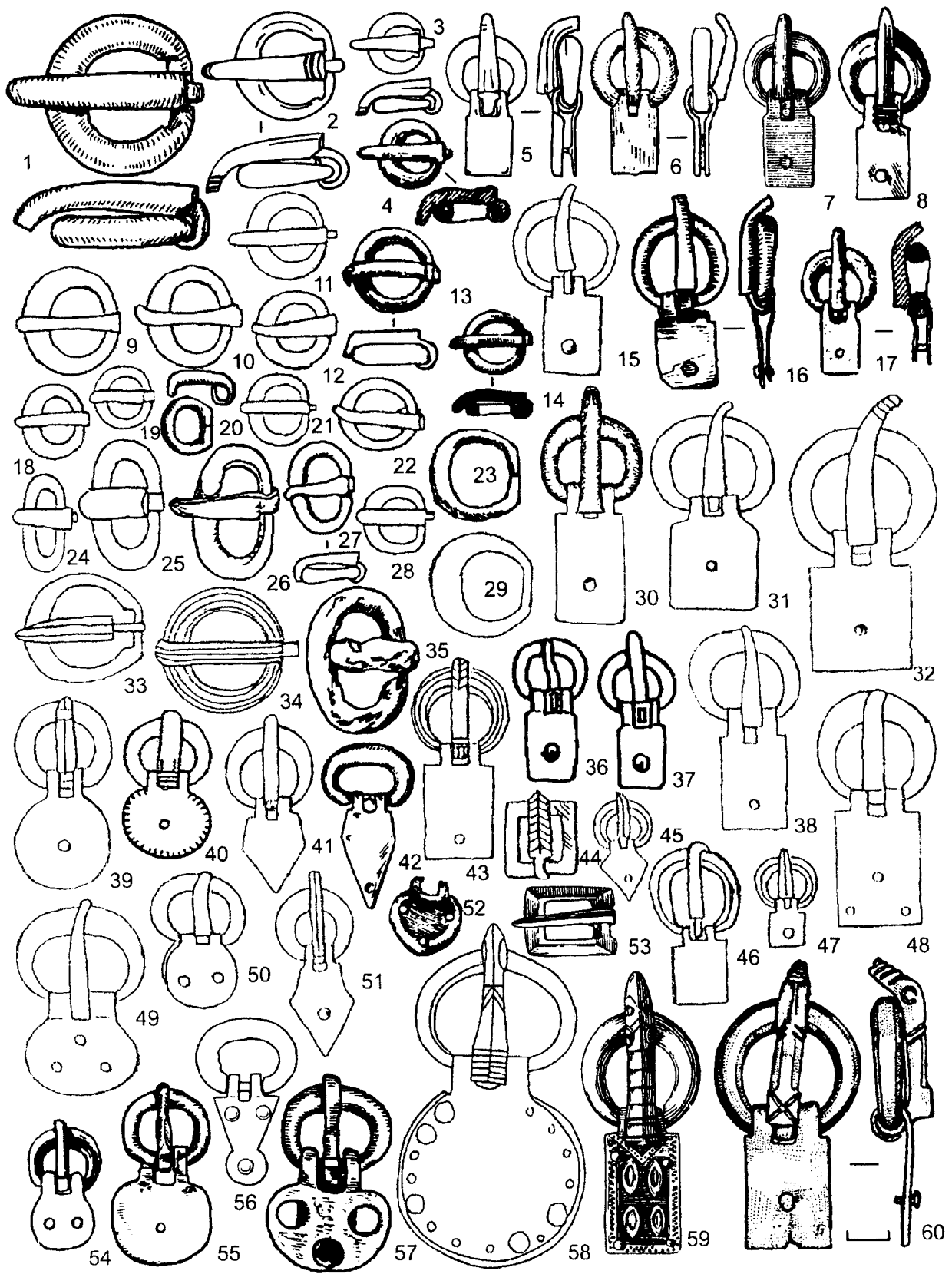

Рис. 1. 1 – Новая Маячка; 2, 3, 5 – Беляус 2; 4, 17 – Кубей, к.8, п.2; 6 – Зеленокумск; 7, 53, 59 – Бжиза; 8, 42, 52, 54 – Беляус 1; 9, 10, 26, 27 – Керчь, склеп 145; 15, 19, 21, 24, 25, 28, 29, 33, 44, 46, 47, 60 – Керчь, склеп 154; 11, 31, 32, 34, 39, 41, 43, 45, 48, 51 – Керчь, склеп 165; 12, 18, 38, 49, 50 – Керчь, склепы 24/6/1904; 13, 23 – к-з Калинина; 14 – Новогригорьевка, м.VIII; 16, 55, 57 – Здвиженское; 20 – Ровное, к.42; 22, 40, 58 – Смолин; 30 – Лермонтовская скала, к.10; 35 – Саги; 36, 37 – “Восход”; 56 – Качин.

Fig. 1. 1 – Novaya Mayachka; 2, 3, 5 – Belyaus 2; 4, 17 – Kubey, tumulus 8, interment 2; 6 – Zelenokumsk; 7, 53, 59 – Bzhysa; 8, 42, 52, 54 – Belyaus 1; 9, 10, 26, 27 – Kerch, vault 145; 15, 19, 21, 24, 25, 28, 29, 33, 44, 46, 47, 60 – Kerch, vault 154; 11, 31, 32, 34, 39, 41, 43, 45, 48, 51 – Kerch, vault 165; 12, 18, 38, 49, 50 – Kerch, vaults 24/6/1904; 13, 23 – Kalinin collective farm; 14 – Novogrigoryevka, grave VIII; 16, 55, 57 – Zdvizhenskoie; 20 – Rovnoie, tumulus 42; 22, 40, 58 – Smolin; 30 – the Lermontov rock, tumulus 10; 35 – Sagi; 36, 37 – “Voskhod”; 56 – Kachin.

Abb. 1. 1 – Nowaja Majatschka; 2, 3, 5 – Beljaus 2; 4, 17 – Kubej, Hunengrab 8, Grabstätte 2; 6 – Selenokumsk; 7, 53, 59 – Bchisa; 8, 42, 52, 54 – Beljaus 1; 9, 10, 26, 27 – Kertsch, Grabgewölbe 145; 15, 19, 21, 24, 25, 28, 29, 33, 44, 46, 47, 60 – Kertsch, Grabgewölbe 154; 11, 31, 32, 34, 39, 41, 43, 45, 48, 51 – Kertsch, Grabgewölbe 165; 12, 18, 38, 49, 50 – Kertsch, Grabgewölben 24/6/1904; 13, 23 – Kollektivwirtschaft Kalinin; 14 – Nowogrigorjewka, Grab 8; 16, 55, 57 – Sdwishenskoje; 20 – Rownoje, Hunengrab 42; 22, 40, 58 – Smolin; 30 – Lermontowfelsen, Hunengrab 10; 35 – Sagi; 36, 37 – “Woschod”; 56 – Katschin.

Dessin 1. 1 – Novaïa Maïatchka; 2, 3, 5 – Bélialous 2; 4, 17 – Koubeï, dépôt 8, sép. 2; 6 – Zélénokoumsk; 7, 53, 59 – Bjyza; 8, 42, 52, 54 – Bélialous 1; 9, 10, 26, 27 – Kertsch, caveau 145; 15, 19, 21, 24, 25, 28, 29, 33, 44, 46, 47, 60 – Kertsch, caveau 154; 11, 31, 32, 34, 39, 41, 43, 45, 48, 51 – Kertsch, caveau 165; 12, 18, 38, 49, 50 – Kertsch, caveaux 24/6/1904; 13, 23 – kolkhoze Kalinin; 14 – Novogrigorievka, tombe VIII; 16, 55, 57 – Zdvijenskoé; 20 – Rovnoé, tumulus 42; 22, 40, 58 – Smolin; 30 – rocher Lermontov, tumulus 10; 35 – Sagui; 36, 37 – “Voskhod”; 56 – Katchin

фического вида, или даже больше – этноса, жившие в Паннонии, оказались на Боспоре, в Причерноморской степи и на Северном Кавказе? Появление могильника Дюрсо А.В.Дмитриев и А.К.Амброз связали с уходом на Восток после событий 454 г. готов-тетракситов (Дмитриев А.В., 1979, с.52-56; 1982, с. 69-107; Амброз А.К., 1989, с.44-50). Возможное единство степной культуры от Паннонии до Дона подрывается существованием погребений группы С2. Не известны и изделия с перегородчатой инкрустацией в аланских склепах 1-й половины V в. Лучистого. Где решение проблемы? Вспомним, первоначально А.К. Амброз расширял дату гуннских памятников Причерноморья на весь V в. (Амброз А.К., 1971, с. 115), позже ко 2-й половине V в. им был отнесен только один комплекс из Дмитриевки (Амброз А.К., 1982, с.21). Но в одном из последних своих трудов исследователь опять начал возвращаться к прежнему мнению: “справедливая для Запада дата гуннской эпохи произвольно переносится и на Восточную Европу, куда дунайские гунны отступили после 453 г. и где, соответственно, их культура и традиции не подверглись насильственному прекращению, как на Западе” (Амброз А.К., 1989, с. 44). Исследователь держал в руках “ключ”, которым так и не сумел воспользоваться. После поражения в битве при Недао в 454 г. гунны потеряли Паннонию и Дакию, заняты остроготами и гепидами. По свидетельству Иордана (Иордан, 1997, с.263, 264), гунны заняли “свои давние места”, а точнее “берег Понтийского моря, где, как мы уже описывали, сидели раньше готы”, но тут же объясняет, что речь идет лишь о Дакии и Малой Скифии (Иордан, 1997, с.111, 112). Более конкретным является свидетельство об отходе в Причерноморье гуннов

после поражения от Валамера где-то около 454-455 гг. (по Иордану, в год рождения Теодориха) (Иордан, 1997, с.268, 269): “обращённые в бегство, они направились в те области Скифии, по которым протекают воды реки Данапра; на своём языке гунны называют его Вар” (Иордан, 1997, с.112, 113). Вместе с гуннами в Причерноморье отошли аланы и готы-тетракситы, которые, очевидно, сражались в битве при Недао на стороне гуннов. В последний раз, как весомая военная сила, гунны появляются на византийских границах в 467 г., но после поражения Денгизиха гунны уже больше не тревожили империю. Следовательно, за период 454-467 гг. в Северном Причерноморье должны были появиться памятники гуннов с уже сформированным в Паннонии комплексом материальной культуры эпохи расцвета гуннского могущества. Парадокс заключается в том, что все паннонские вещи должны были быть изготовлены еще до переселения, т.е. прямолинейная синхронизация таких комплексов с паннонскими даст неверную дату. Нетрудно понять, к чему клонит автор, - комплексы группы С4 идеально ложатся в эту схему. Несмотря на то, что ситуация с крымскими комплексами. Как показывает таблица 2, среди материалов склепов 24/6/1904 есть вещи, которые находят аналогии в самых поздних комплексах группы К1, но из-за отсутствия документации о происхождении предметов, их нельзя рассматривать, как доказательство синхронности групп К1 и К2. В принципе, вполне возможным объяснением будет предположение, что два склепа не синхронны, и эти вещи происходят из другого склепа, синхронного группе К1. Стратиграфическое расположение погребений 7 и 9 склепа 154, отнесенных нами

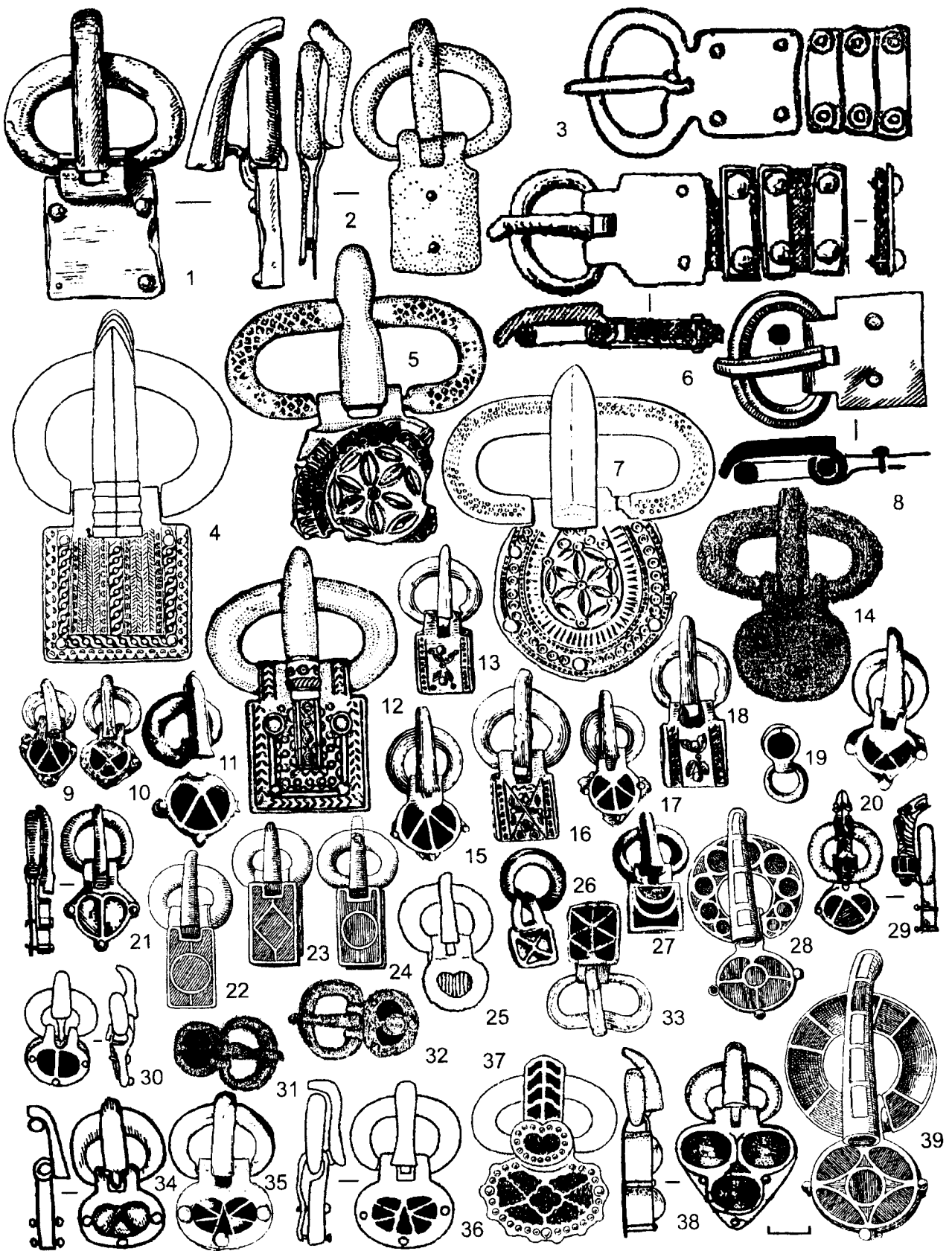

Рис. 2. 1 – Здвиженское; 2 – Балки; 3 – Капуловка; 4 – Качин; 5 – Керчь, склеп 154; 6 – Кубей, к.8, п. 2; 7 – Тышаладаны; 8, 21 – Новогригорьевка, могила IX; 9, 10, 33 – Лаа; 11, 27 – Сзегед-Надьсекиош; 12 – Беляус 1; 13, 15-19 – Унтерзибенбрунн; 14, 31, 32 – Керчь, склеп 1896 г.; 20 – Музей исторических драгоценностей Украины; 22, 23, 25, 28, 39 – Керчь, склепы 24/6/1904; 26 – Новогригорьевка, могила VIII; 29, 38 – Керчь, “Новиковский” склеп; 30, 35 – Чикаренко; 34 – Ново-Ивановка; 36 – Венгерский национальный музей; 37 – Апахида.

Fig. 2. 1 – Zdvizhenskoie; 2 – Balki; 3 – Kapulovka; 4 – Kachin; 5 – Kerch, vault 154; 6 – Kubey, tumulus 8 interment 2; 7 – Tyshaladany; 8, 21 – Novogrigoryevka, grave IX; 9, 10, 33 – Laa; 11, 27 – Szeged-Nadyszekos; 12 – Belyaus 1; 13, 15-19 – Untersiebenbrunn; 14, 31, 32 – Kerch, vault 1896; 20 – The Museum of historical jewelry of Ukraine; 22, 23, 25, 28, 39 – Kerch, vaults 24/6/1904; 26 – Novogrigoryevka, grave VIII; 29, 38 – Kerch, “Novikovsky” vault; 30, 35 – Chikarenko; 34 – Novo-Ivanovka; 36 – The National Museum of Hungary; 37 – Apakhida.

Abb. 2. 1 – Sdwichenskoje; 2 – Balki; 3 – Kapulovka; 4 – Katschin; 5 – Kertsch, Grabgewölbe 154; 6 – Kubei, Hunengrab 8, Grabstätte 2; 7 – Tischaladani; 8, 21 – Nowogrigorjewka, Grab 9; 9, 10, 33 – Laa; 11, 27 – Szeged-Nadyszekos; 12 – Beljaus 1; 13, 15-19 – Untersiebenbrunn; 14, 31, 32 – Kertsch, Grabgewölbe 1896; 20 – Museum der historischen Kostbarkeiten der Ukraine; 22, 23, 25, 28, 39 – Kertsch, Grabgewölben 24/6/1904; 26 – Nowogrigorjewka, Grab 8; 29, 38 – Kertsch, Grabgewölbe “Nowikowskij”; 30, 35 – Tschikarenko; 34 – Nowo-Iwanowka; 36 – Ungarisches Nationalmuseum; 37 – Apakhida.

Dessin 2. 1 – Zdvijenskoé; 2 – Balki; 3 – Kapoulovka; 4 – Katchin; 5 – Kertch, caveau 154; 6 – Koubeï, tumulus 8, sépulture 2; 7 – Tychaladany; 8, 21 – Novogrigorievka, tombe IX; 9, 10, 33 – Laa; 11, 27 – Szeged-Nadyszekos; 12 – Béliaous 1; 13, 15-19 – Untersiebenbrunn; 14, 31, 32 – Kertch, caveau de l’an 1896; 20 – Musée des trésors historiques de l’Ukraine; 22, 23, 25, 28, 39 – Kertch, caveaux de 24/6/1904; 26 – Novogrigorievka, tombe VIII; 29, 38 – Kertch, caveau “Novikovski”; 30, 35 – Tchikarenko; 34 – Novo-Ivanovka; 36 – Musée National de Hongrie; 37 – Apakhida.

к группе K2, свидетельствует об их принадлежности к нижнему горизонту группы K1. Но инвентарь данных погребений несколько специфичен на фоне комплексов группы СК2. В первую очередь, здесь отсутствуют паннонские изделия в стиле перегородчатой инкрустации. Критерием отнесения их к группе K2 стали только несколько признаков. Первый – наличие перстня со вставкой – этнографическая деталь. В п.9 обнаружена пара золотых сережек IVA3 (рис.5, 66) и две золотых обкладки от круглых фибул-брошек с янтарными и сердоликовыми вставками (Засецкая И.П., 1979, рис.2, 9,10). Последние не известны в комплексах группы СК2 и имитируют более ранние образцы. Пара практически идентичных сережек происходит из материалов склепов 24/6/1904 (рис.5, 68), склепа 82 Лучистого (Aibabine A., Khairedinova E., 1997, р. 72-75; photo p. 73). Дата последнего не совсем четкая – 1-я половина V в., более конкретную дату – 2-я четверть V в. - имеет склеп 88, где найдена пара отдаленно похожих сережек (Aibabine A., Khairedinova E., 1997, р. 76-77; photo p. 73, п.124). В погребении 7 склепа 154, кроме перстня, обнаружены обломки серебряной двупластинчатой фибулы, обтянутой электроной фольгой с вырезанными в ней гнездами (рис.5, 52). Фибула, даже судя по оставшемуся фрагменту, отличается от инкрустированных фибул из склепов 24/6/1904 и “Новиковского” (рис.5, 53, 54). В первую очередь, это обтягивание фибулы не золотым, а электровым листом, также отличается стилистика инкрустации. Фибула из погребения 7 склепа 154 украшена на щитке только тремя относительно крупными круглыми вставками, в то время, как щитки фибул склепов 24/6/1904 и “Новиковского” инкрустированы пятью

небольшими овальными или каплевидными вставками, фибулы также декорированы S-видными завитками. Иными словами, фибула из п.7 склепа 154 выполнена в другой, более простой, манере, чем фибулы склепов 24/6/1904 и “Новиковского”, поэтому может считаться более ранней. Комплекс мелких бляшек-накладок из склепов 24/6/1904 слегка отличается от диадемы склепа 82 Лучистого. В последней не было прямоугольных бляшек с рубчатым ободком, украшенных двумя рядами круглых выпуклостей, восьмеркообразных бляшек и подвесок в виде двух объединенных частей, одна из которых оформлена в виде листка дерева (рис.5, 37, 39, 24). Все эти детали представлены в комплексе из Унтерзибенбрунна. Треугольная бляшка, декорированная круглыми выпуклостями (рис.5, 20), не известна в Унтерзибенбрунне – аналогия была в комплексе из Франции (Tejral J., 1985, obr.2, 4), который также содержал набор бляшек от диадемы. Вместо этого, диадема из Лучистого имела подвески в виде лунниц, концы которых закручены в спираль, не известные в склепах 24/6/1904 и Унтерзибенбрунне, но находящие аналогии в сарматских комплексах IV в. (Гросу В.И., 1990, с.157, табл.4, В-7). Т.е. из двух однотипных диадем диадема склепов 24/6/1904 оказалась ближе не крымской, а паннонской. Далее о конкретных вещах. В склепе “1896 г.” обнаружена пряжка (рис.2, 14), которая по форме точно повторяет пряжку из п.2 склепа 154 (рис.2, 5), и, несомненно, является её имитацией, что, учитывая дату данного погребения 445-455 гг., датирует склеп “1896 г.” не ранее этого времени. Браслету с утолщёнными концами (склепы 145, “1896 г.”) – аналогия: Вольфсхайм (по сочетанию фибулы VD и пряжек – 450-460 гг.), Апахида, Межоберены, Мойград (все – 460-500 гг.)

(Fettich N., 1953, pl. XXVI, 2; XXII, 4; XXVIII, 8; XLVI, 1, 2). Пряжка IE1a из “Новиковского” склепа (рис.2, 29) имеет ярко выраженный зооморфный язычок, зооморфный язычок имеет и бесщитковая пряжка с прямоугольной рамкой, украшенная в углах круглыми вставками (из коллекции А.Л.Бертье-Делагарда) (рис.3, 20), ближайшей аналогией к которой является пряжка из склепов 24/6/1904 (рис.3, 21). Как указывалось, зооморфный язычок характерен для изделий конца этапа D2 (Лаа, Смолин, Бжиза). Чрезвычайно характерные для паннонских комплексов этапа D2 пряжки IE1a представлены в Причерноморье только одним “классическим” экземпляром из фондов Музея исторических драгоценностей Украины (рис.2, 20), но место находки пряжки не известно. Круглую рамку и длинный язычок имеют пряжки из станицы Ахтанисовской (ОАК за 1900 г., рис.220), но на щитке нет выступов для штифтов, а диаметр рамки в полтора раза превышает диаметр щитка, что не характерно для паннонских пряжек. Пряжка из новогригорьевской могилы IX имеет овальную рамку (рис.2, 21). Овальные рамки также имеют пряжки из Сегед-Надьсекшоша и Лаа (рис.2, 9-11, 27), но у них длинные язычки, а не короткие, как в Новогригорьевке. У керченских же пряжек инкрустированы язычки и рамки, а щитки уже не круглые, а овальные (рис.2, 28, 39). Инкрустация язычка – простейшая – это камень, укрепленный на заднем конце язычка пряжки из могилы VIII Новогригорьевки (рис.3, 10) и квадратной пряжки из склепов 24/6/1904 (рис.3, 21); более сложные – зооморфизация (“Новиковский” склеп) (рис.2, 29), сплошное покрытие площади язычка (две пряжки склепов 24/6/1904) (рис.2, 28, 39). Инкрустация рамки – у двух пряжек IE1a и квадратной пряжки из склепов 24/6/1904 (рис.2, 28, 39; рис.3, 21). Инкрустация язычка известна в комплексах Апахиды (рис.2, 37), Флонхайма, Мойграда и др. (Fettich N., 1953, pl. XXXII, 3; XLI, 1), рамки – Мойграда, Комарома и др. (Fettich N., 1953, pl.XLI, 1; Alfoldi A., 1932, taf.XXXII). Эти сложнейшие технологические приемы не известны в комплексах этапа D2 и появляются только на пряжках следующего горизонта Турнэ-Апахиды. Только в этом горизонте известны и пряжки IE1b. Самые ранние экземпляры происходят из позднейшего паннонского гуннского погребения – Сегед-Надьсекшоша (Fettich N., 1953, pl. I, 4). Рамка уже не круглая, а овальная, язычок широкий и облегает рамку, штифты уже на щитке, а не снаружи, форма вставки уже приближается к “почковидной”. Выраженную “почковидность” имеет щиток ременной петли (Fettich N., 1953, pl. I, 8), но на нём нет штифтов. Развитые экземпляры из Апахиды и Флонхайма имеют стандартные удлинённо-овальные рамки и щитки с инкрустацией в форме почки, широкий язычок, плотно облегающий рамку (Fettich N, 1953, pl. XXIII, 7, 8; XXXII, 3, 5). Полностью этим параметрам не отвечает ни одна пряжка из Причерноморья. Язычок одной из пряжек Чикаренко несколько уже (рис.2, 35), а рамки этой пряжки и пряжки из Ново-Ивановки (рис.2, 34) – несколько шире. Язычок другой пряжки из Чикаренко (рис.2, 30) идентичен язычку пряжки из Будапештского музея (Alfoldi A., 1932,

taf.XXXIV, 16), но щиток последней инкрустирован уже характерными для горизонта Апахиды почковидными вставками, ближайшая же пряжка к трем вышеупомянутым имеет характерные “волнистые” перегородки (Alfoldi A., 1932, taf.XXXIV, 14) (рис. 2, 36). Пряжки из склепа “1896 г.” и имитация пряжек данного типа из Раденска имеют широкую овальную рамку и узкий язычок (рис.2, 31, 32; рис.3, 12). У пряжки из склепов 24/6/1904 такая же рамка и язычок, но щиток ещё более ранний, аналогичный сегед-надьсекшошскому (рис.2, 25). Условно отнесённые к этому типу две пряжки из “Новиковского” склепа (рис.2, 38) имеют характерную для горизонта Апахиды форму рамки и широкий язычок, но язычок в традициях гуннского времени выступает за рамку. Удлинённо-овальные рамки имеют и все пряжки вариантов IE2 и IE4 из склепов 145 и 24/6/1904 (рис.2, 22-24; рис.3, 6, 7), новогригорьевских могил VIII и IX, язычок некоторых из них “притерт” к рамке (рис.3, 1, 2). Широкую овальную рамку имели и практически все пряжки с неинкрустированными щитками из склепов 24/6/1904, пряжка из склепа 145, пряжка из п.3 склепа 165 (рис.1, 31, 38, 49, 50). Только одна из пряжек склепов 24/6/1904 имела “обычный” для V в. длинный язычок. Следует также отметить и пряжки IA3 из склепов 145, 154, комплекса из Саг, чрезвычайно похожие и на пряжки IV в., и на пряжки IE1b (рис.1, 24-27, 35). Неудивительно, что все эти признаки ошибочно приняты И.П.Засецкой за традиции IV в. (Засецкая И.П., 1990, с.99), хотя переход к овальным рамкам и укорочение язычков, которые иллюстрируют комплексы группы СК2, являются закономерными процессами 2-й половины V в. Наконец, хотя мы и настойчиво пытались уйти от скользкой темы критериев выделения стилистических групп, тем не менее нельзя обойти вопрос соотношения 4-й и 5-й стилистических групп по И.П.Засецкой (Засецкая И.П., 1982; 1994, с. 68-75). Трудно не заметить, что 4-я стилистическая группа практически полностью построена на материалах склепов 145 и 24/6/1904 с добавлением материалов из Концешт и Сегед-Надьсекшоша. Но наиболее интересна 5-я группа – И.П.Засецкая “отсекла” в 5-ю группу лишь орнаментальные мотивы, не представленные в группе 4, исходя из того, что остальные появились ещё в группе 4, т.е. уже исходя из уверенности об их одновременности. Так ли это? Попытка построить стилистическую группу изделий с перегородчатой инкрустацией гуннского времени без пряжек из керченских склепов будет безрезультатной. Лишь по несколько изделий происходит из Концешт и Печ-Усёга, коллекция набирается только в Сегед-Надьсекшоше. Но в двух последних уже есть волнистые перегородки, столь характерные для изделий горизонта Апахиды (Alfoldi A., 1932, taf.IV, 12; Fettich N., 1953, pl.I, 23-25), что только подтверждает их датировку, как позднейших паннонских гуннских захоронений. Керченские изделия много сложнее. Если в Сегед-Надьсекшоше только появляются вставки сложных конфигураций, например, характерная для изделий горизонта Апахиды “почковидная”, то в Керчи она – уже ключевой

компонент композиции вместе с не менее сложной сердцевиной вставкой. Более того, круглые, сердцевидные и почковидные вставки вписаны в прямоугольные контуры путем заполнения свободного пространства соответствующей формы мелкими вставками. Аналоги этой сложной технике опять находим только в изделиях горизонта Апахиды. Совокупность приведенных фактов позволяет уверенно поместить комплексы группы К2 в промежутке между Сегед-Надьсекшошем и Апахидой, т.е. датировать периодом 455-475 гг.

Керченские склепы 145 и 24/6/1904 принадлежали представителям паннонской аланской знати, которые вследствие событий 454-467 гг. оказались в Крыму и осели на Боспоре. С собой они могли принести не только вещи, но и связи с провинциально-римскими мастерскими, поэтому говорить об аланской принадлежности всех керченских погребений с инкрустированными изделиями преждевременно. Что касается группы С4, то сомнений в её этносе быть не может. Привлекает внимание лишь группа погребений Ново-Ивановка, Чикаренко, Раденск и, возможно, Дмитриевка с вещами, изготовленными приблизительно в период 455-470 гг. Вероятно, они отражают последнюю волну отхода гуннов на восток после 467 г. Ни в этой группе (назовем её группой С4b), ни, понятно, в группе С4а, нет вещей, характерных для развитого горизонта Апахиды, что свидетельствует о кратковременности проживания гуннов в Причерноморье. Верхняя дата устанавливается опять-таки при помощи письменных источников. Если разбившие в 463 г. акациров сарагуры, оногуры и уроги (огуры) не смогли проникнуть в Причерноморье и остались на Кавказе, то уже в 479 г. в Подунавье впервые засвидетельствованы болгары. В.Т.Сиротенко на основании поздней глоссы датирует их появление там 475 г. (Сиротенко В.Т., 1972, с. 200-202). В любом случае, археологический материал подтверждает верхнюю дату - не позже 475-480 гг.

К группе С4, на наш взгляд, следует отнести также все находки котлов "гуннского" типа из Восточной Европы. Как показало исследование А.Н.Боковенко и И.П.Засецкой (Боковенко А.Н., Засецкая И.П., 1993), непосредственных прототипов таких котлов на Востоке нет - речь идет лишь об отдельных отдаленных аналогах, что, на наш взгляд, свидетельствует об окончательном формировании котлов гуннского типа уже в Подунавье и их появлении восточнее вместе с гуннами после 454 г. К каталогу котлов И.П.Засецкой следует добавить четыре неотмеченные находки обломков котлов из Ольвии (Редина Е.Ф., Россохацкий О.А., 1994, с. 152, рис. 1, 4), Неополя Скифского (Ачкинази И.В., 1987, с. 207-210; рис. 1), Тымково (Одесская обл.) (Редина Е.Ф., Россохацкий О.А., 1994, с. 152-153, рис. 1, 1) и Переволочной (Полтавская обл.) (Левченко Д.И., Супруненко А.Б., 1994, с. 77-80, рис. 30).

В свете дат групп С2 и С4, комплексы группы С3, которые, как наглядно показывает таблица 1, являются промежуточным звеном между ними, прекрасно вписываются в рамки 440-554 гг. В этой группе находятся такие комплексы, как Мелитополь, Старая Иг-

рень, Здвиженская, Верхне-Яблочное, датированные А.К.Амброзом VII в. На основании пересечения географических ареалов групп С3 и С4, исследователь пришел к выводу, что нельзя предположить возможность сосуществования на одной территории в гуннское время двух групп кочевников с различной материальной культурой, а поэтому отнес вышеупомянутые погребения к VII в., "закрыв глаза" на присутствие в их составе несомненных вещей V в. (Амброс А.К., 1989, с. 66). Новые датировки группы С4 снимают противоречия. Комплексы группы С3 оставлены тем же местным причерноморским населением, что и комплексы группы С2, но во время, синхронное появлению основных элементов комплексов группы С4, т.е. около 440-454 гг.

Несколько проблематична дата погребения, не включённого в корреляционную таблицу. Оно открыто в кургане около с.Изобильного в Крыму (Юрочкин В.Ю., 1993, с. 248-249) и относится к группе погребений с восточной ориентацией (Балки, Сад, Зеленокумск, п. 2 к. 8 Кубея). Пряжка с прямоугольной рамкой (рис. 6, 16) в степных комплексах встречена впервые, похожая, но менее вытянутая пряжка была в склепе 88 Лучистого (Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 1997, рис. 16, 28). Другая пряжка (рис. 6, 17) - характерная для групп С2, С3 - пряжка IA1. Зеркала с похожим рисунком (рис. 6, 15) были в погребении 4 керченского склепа 165 (Сорокина Н.П., 1971, рис. 4, 4), в Чорне (Alfoldi A., 1932, taf. VIII), Унтерзибенбрунне (Кузнецов В.А., Пудовин В.К., 1961, рис. 2). В погребении 2 кургана 8 Кубея были трапцевидные бляшки (Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., 1990, рис. 18, 8, 10), близкие по форме бляшкам из Изобильного (рис. 6, 18-20), но без чешуйчатого орнамента. Как видим, дискусионность даты погребения состоит в вопросе отнесения его к группе С2 или С3. По зеркалу и пряжке с прямоугольной рамкой более вероятной нам кажется принадлежность погребения к группе С2.

Группа С5 объединяет близкие по инвентарю и территориально комплексы региона Заволжья: курганы 17 и 18 около г. Покровска, погребение из колхоза «Восход», курган 4 возле с.Владимирское, курганы 2, 3 около ст. Шипово и комплекс из Поднепровья - могила VII из Новоигорьевки. Характерным признаком группы являются бляшки-обкладки узды с изображением человеческого лица - «личины» и узкие прямоугольные бляшки, окруженные по контуру рубчатым ободком и тисненным орнаментом в виде зерен. Датировочный материал из комплексов крайне скуден. Для датирования пригодны только комплексы из «Восхода» и кургана 3 из Шипово. Дату комплекса «Восход» И.П.Засецкая и А.К.Амброс единодушно отнесли ко второй половине V в. (Засецкая И.П., 1994, с. 128; Амброс А.К., 1989, с. 43-44). Основанием для датирования послужила инкрустированная накладка на ножны или перекрестье меча (рис. 4, 11) западноевропейского происхождения, аналогии к которой происходят из комплексов второй половины V в. (Засецкая И.П., 1986, с. 86; Амброс А.К., 1989, с. 44). Также, по И.П.Засецкой, на 2-ю половину V в. указывает и поясная пряжка (Засецкая И.П., 1994, с. 128). Но аналогий

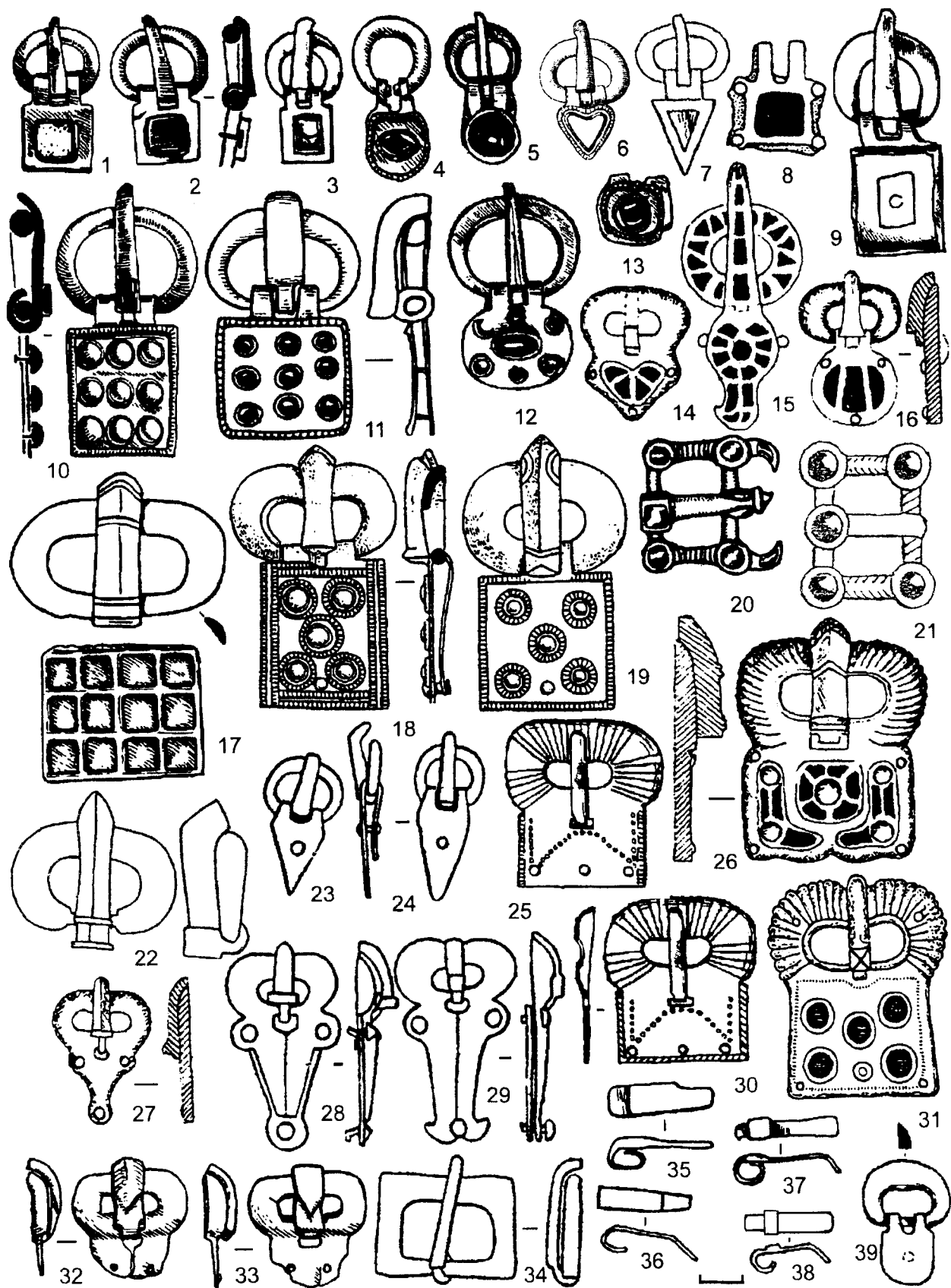

Рис. 3. 1, 10 – Новогригорьевка, могила VIII; 2 – Новогригорьевка, могила IX; 3, 9 – Саги; 4, 13 – Кучугуры; 5, 12 – Раденск; 6, 7, 22 – Керчь, склепы 24/6/1904; 8 – Чикаренко; 11 – Ново-Ивановка; 14-16, 26, 27 – Лермонтовская скала, к. 10; 17 – “Восход”; 18 – Пятигорск, могила 7; 19 – Бирск, п. 130; 20 – коллекция А.Л.Бертье-Делагарда; 22 – Лермонтовская скала, к. 11; 23, 24, 28, 29, 34 – Дюрсо, конские погребения (23, 24 – п. 10; 28, 34 – п. 9; 29 – п. 5); 25, 36, 38, 39 – Шипово, к. 2; 30 – Шипово, к. 3; 31 – Мокрая Балка; 32, 33 – Верхне-Погромное; 35 – Ровное, к. 42; 37 – Покровск, к.36, п.2.

Fig. 3. 1, 10 – Novogrigoryevka, grave VIII; 2 – Novogrigoryevka, grave IX; 3, 9 – Sagi; 4, 13 – Kuchugury; 5, 12 – Radensk; 6, 7, 22 – Kerch, vaults 24/6/1904; 8 – Chikarenko; 11 – Novo-Ivanovka; 14-16, 26, 27 – the Lermontov Rock, tumulus 10; 17 – “Voskhod”; 18 – Pyatigorsk, grave 7; 19 – Birsk, interment 130; 20 – A.L. Bertier-Délagarde’s collection; 22 – the Lermontov Rock, tumulus 11; 23, 24, 28, 29, 34 – Durso, the horse interments (23, 24 – interment 10; 28, 34 – interment 9; 29 – interment 5); 25, 36, 38, 39 – Shypovo, tumulus 2; 30 – Shypovo, tumulus 3; 31 – Mokraya Balka; 32, 33 – Verkhne-Pogromnoye; 35 – Rovnoye, tumulus 42; 37 – Pokrovsk, tumulus 36, interment 2.

Abb. 3. 1, 10 – Nowogrigorjewka, Grab VIII; 2 – Nowogrigorjewka, Grab IX; 3, 9 – Sagi; 4, 13 – Kutschuguri; 5, 12 – Radensk; 6, 7, 22 – Kertsch, Grabgewölben 24/6/1904; 8 – Tschikarenko; 11 – Nowo-Iwanowka; 14-16, 26, 27 – Lermontowfelsen, Hunengrab 10; 17 – “Woschod”; 18 – Pjatigorsk, Grab 7; 19 – Birsk, Grabstätte 130; 20 – Sammlung von A.L. Bertier-Délagarde; 22 – Lermontowfelsen, Hunengrab 11; 23, 24, 28, 29, 34 – Dürsso, Pferdgrabstätte (23, 24 – Grabstätte 10; 28, 34 – Grabstätte 9; 29 – Grabstätte 5); 25, 36, 38, 39 – Schipowo, Hunengrab 2; 30 – Schipowo, Hunengrab 3; 31 – Mokraja Balka; 32, 33 – Werchne-Pogromnoje; 35 – Rownoje, Hunengrab 42; 37 – Pokrowsk, Hunengrab 36, Grabstätte 2.

Dessin 3. 1, 10 – Novogrigorievka, tombe VIII; 2 – Novogrigorievka, tombe IX; 3, 9 – Sagui; 4, 13 – Koutchougoury; 5, 12 – Radensk; 6, 7, 22 – Kertsch, caveaux de 24/6/1904; 8 – Tchikarenko; 11 – Novo-Ivanovka; 14-16, 26, 27 – rocher Lermontov, tumulus 10; 17 – «Voskhod»; 18 – Piatigorsk, tombe 7; 19 – Birsk, sépulture 130; 20 – collection de Bertier-Délagarde; 22 – rocher Lermontov, tumulus 11; 23, 24, 28, 29, 34 – Durso, sépultures de chevaux (23, 24 – sépulture 10; 28, 34 – sépulture 9; 29 – sépulture 5); 25, 36, 38, 39 – Chypovo, tumulus 2; 30 – Chypovo, tumulus 3; 31 – Mokraïa Balka; 32, 33 – Verkhné-Pogromnoé; 35 – Rovnoé, tumulus 42; 37 – Pokrovsk, tumulus 36, sépulture 2

к данной пряжке в комплексах V в. Причерноморья нет. А.К.Амброз только сопоставил рамку пряжки с пряжкой комплекса 2-й половины V в. Валя луй Михай (Амброз А.К., 1989, с. 44). Пряжка (рис.3, 17) имеет широкую рамку в виде вытянутого овала, плоскую снизу и округлую сверху (сечение в виде более узкой половины вытянутого овала). Язычок широкий, трехгранный в сечении. Плоская рамка и трехгранное сечение язычка не характерны для пряжек 2-й половины V в. У очень похожей пряжки из катакомбы 11 близ Лермонтовской скалы (рис.3, 22) рамка все ещё круглая в сечении. Ближайшими аналогиями к пряжке из «Восхода» являются пряжки из Пятигорска (могила 7) и Бирска (п.130) (рис.3, 18,19). Они имеют такую же плоскую вытянутую овальную рамку, полукруглую в сечении (но полу), трехгранный в сечении язычок и прямоугольный щиток, обтянутый золотым листом и инкрустированный стеклянными круглыми вставками. От пряжки из «Восхода» они отличаются только композицией инкрустации. Аналогии таким пряжкам широко известны в Прикамье. В.Ф.Генинг датировал их 1-й половиной VI в. (Генинг В.Ф., 1979, с. 100), А.К.Амброз - VII в. (Амброз А.К., 1980, с. 18-20). Обе даты не совсем точны, поскольку такие пряжки обнаружены как в комплексе с характерными В-образными пряжками 1-й половины VII в. (Бирск, п.165), так и в комплексе с пряжками, которые имели треугольный щиток с тремя круглыми выступами для штифтов (Бирск, п.156), характерными для этапа II Дюрсо (1-я треть VI в. по

А.В.Дмитриеву или 1-я половина VI в. по А.К.Амброзу). Очевидно, такие пряжки бытовали в Заволжье в течение VI – 1-й половины VII вв., причем у самых поздних экземпляров заметна выраженная В-образность рамок. Пряжка из «Восхода» не идентична бирским, но она значительно ближе к ним, чем к пряжкам с инкрустированным щитком V в., от которых ее отличает сечение рамки и язычок. На наш взгляд, пряжка из «Восхода» датируется концом V или рубежом V-VI вв. Этой дате не противоречат и остальные вещи комплекса. В частности, серебряные щитковые пряжки из комплекса (рис.1, 36, 37) отличаются от характерных пряжек V в. оформлением тыльного конца язычка. Сам язычок одной из пряжек тонкий, пластинчатый, прогнутый посредине и не выступает за край рамки, что абсолютно не характерно для подобных пряжек V в. Инкрустированная же накладка перекрестья меча, относящаяся к горизонту Апахиды, судя по тому, что потеряла практически все вставки, очевидно, использовалась в течение длительного периода. Следовательно, наиболее вероятная дата комплекса «Восход», на наш взгляд, рубеж V-VI в.

Дата курганов 2, 3 из ст. Шипово определяется фактически только по двум предметам: сегментовидной обкладке ленчиков седла с чешуйчатым орнаментом и орнаментальным «бордюром» по краю и пряжке с рифленой В-образной неподвижной рамкой и прямоугольным щитком. Ближайшая аналогия к седельной обкладке происходит из конского погребения 9 Дюрсо (Дмитриев А.В.,

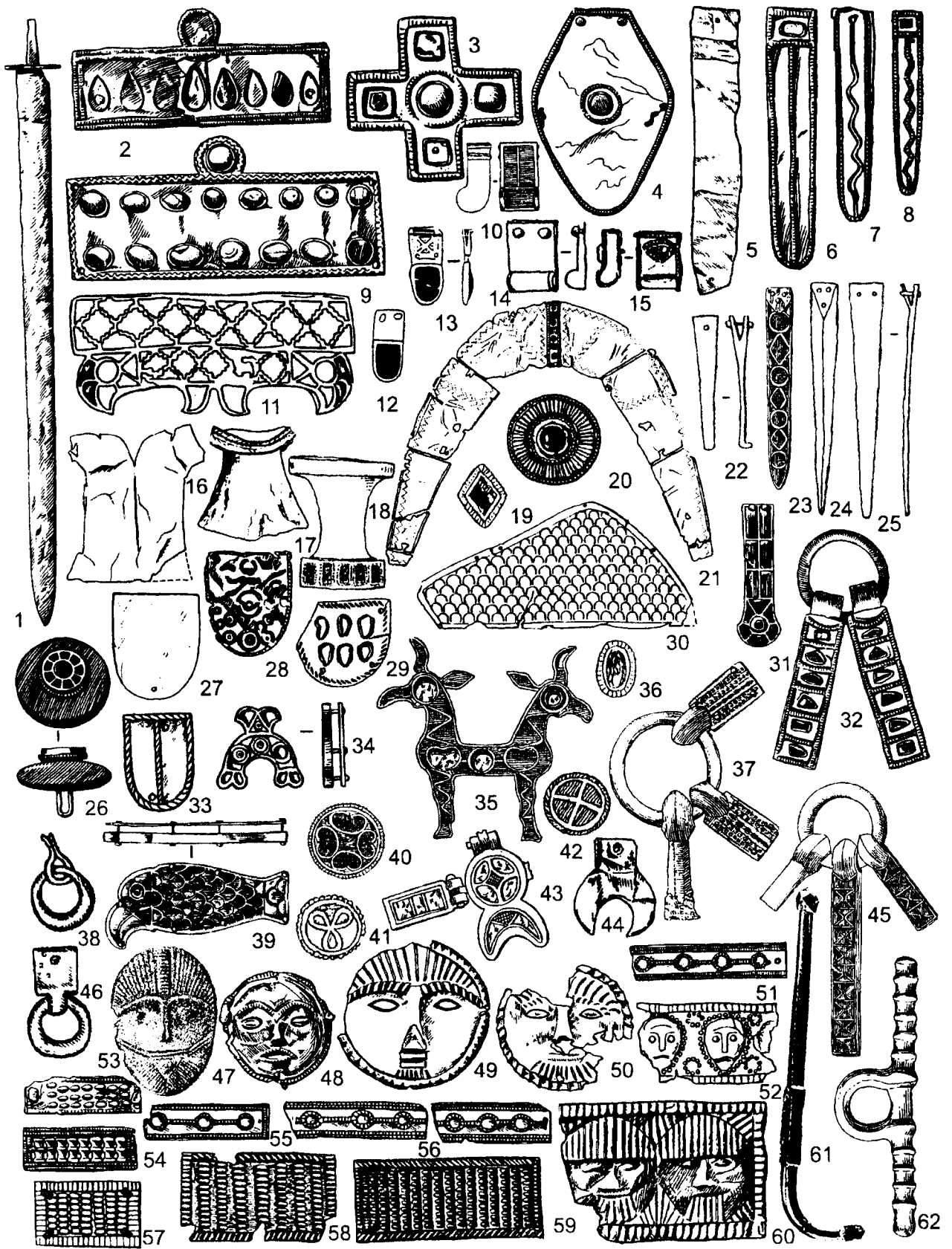

Рис. 4. 1, 3, 4, 6, 9, 26, 32 – Новогригорьевка, могила IX; 2, 16 – Новогригорьевка, могила VIII; 5, 28 – Старая Игрень; 7, 38, 44 – Здвиженское; 8 – Раденск; 10, 19, 23-25, 35, 36, 40-42 – Керчь, склепы 24/6/1904; 11, 60 – “Восход”; 12, 13 – Чикаренко; 14, 17, 43, 45 – Керчь, склеп 145; 15 – Кубей, к. 8, п. 2; 17 – к-з “Калинина”; 20, 21, 27, 30 – Мелитополь; 22 – Керчь, склеп 165; 29 – Новая Маячка; 31, 34 – Концешты; 33 – Саги; 34, 46 – Кучугуры; 37 – Унтерзибенбрунн; 47 – Шентес-Надьхедь; 48, 53, 54 – Новогригорьевка, могила VII; 49, 58 – Владимирское; 50, 57 – Покровск, к.17; 51, 59 – Шипово, к. 3; 52 – Покровск, к. 18; 55, 56 – Нижняя Добринка; 61 – Ленгельтотти; 62 – Бжиза (масштаб разный).

Fig. 4. 1, 3, 4, 6, 9, 26, 32 – Novogrigoryevka, grave IX; 2, 16 – Novogrigoryevka, grave VIII; 5, 28 – Staraya Igren; 7, 38, 44 – Zdvizhenskoie; 8 – Radensk; 10, 19, 23-25, 35, 36, 40-42 – Kerch, vaults 24/6/1904; 11, 60 – “Voskhod”; 12, 13 – Chikarenko; 14, 17, 43, 45 – Kerch, vault 145; 15 – Kubey, tumulus 8, interment 2; 17 – “Kalinin” collective farm; 20, 21, 27, 30 – Melitopol; 22 – Kerch, vault 165; 29 – Novaya Mayachka; 31, 34 – Conțești; 33 – Sagi; 34, 46 – Kuchugury; 37 – Unterzibenbrunn; 47 – Shentes-Nadyhed; 48, 53, 54 – Novogrigorievka, grave VII; 49, 58 – Vladymirskoye; 50, 57 – Pokrovsk, tumulus 17; 51, 59 – Shypovo, tumulus 3; 52 – Pokrovsk, tumulus 18; 55, 56 – Nizhniaya Dobrinka; 61 – Lengeltotti; 62 – Bzhyza (the scale is different).

Abb. 4. 1, 3, 4, 6, 9, 26, 32 – Nowogrigorjewka, Grab IX; 2, 16 – Nowogrigorjewka, Grab VIII; 5, 28 – Staraja Igren; 7, 38, 44 – Sdwichenskoje; 8 – Radensk; 10, 19, 23-25, 35, 36, 40-42 – Kertsch, Grabgewölben 24/6/1904; 11, 60 – “Woschod”; 12, 13 – Tschikarenko; 14, 17, 43, 45 – Kertsch, Grabgewölbe 145; 15 – Kubei, Hunengrab 8, Grabstätte 2; 17 – Kollektivwirtschaft “Kalinin”; 20, 21, 27, 30 – Melitopol; 22 – Kertsch, Grabgewölbe 165; 29 – Nowaja Majatschka; 31, 34 – Conțești; 33 – Sagi; 34, 46 – Kutschuguri; 37 – Untersiebenbrunn; 47 – Schentes-Nadyhed; 48, 53, 54 – Nowogrigorjewka, Grab VII; 49, 58 – Wladimirskoje; 50, 57 – Pokrowsk, Hunengrab 17; 51, 59 – Schipowo, Hunengrab 3; 52 – Pokrowsk, Hunengrab 18; 55, 56 – Niznaja Dobrinka; 61 – Lengeltotti; 62 – Bzisa (Maßstab ist verschieden).

Dessin 4. 1, 3, 4, 6, 9, 26, 32 – Novogrigorievka, tombe IX; 2, 16 – Novogrigorievka, tombe VIII; 5, 28 – Staraïa (Ancienne) Igren; 7, 38, 44 – Zdvijenskoé; 8 – Radensk; 10, 19, 23-25, 35, 36, 40-42 – Kertch, caveaux de 24/6/1904; 11, 60 – «Voskhod»; 12, 13 – Tchikarenko; 14, 17, 43, 45 – Kertch, caveau 145; 15 – Koubeï, tumulus 8, sép. 2; 17 – kolkhoze “Kalinin”; 20, 21, 27, 30 – Mélitopol; 22 – Kertch, caveau 165; 29 – Novaïa Maïatchka; 31, 34 – Conțești; 33 – Sagui; 34, 46 – Koutchougoury; 37 – Untersiebenbrunn; 47 – Chentes-Nadyhed; 48, 53, 54 – Novogrigorievka, tombe VII; 49, 58 – Vladimirscoe; 50, 57 – Pokrovsk, tumulus 17; 51, 59 – Chypovo, tumulus 3; 52 – Pokrovsk, tumulus 18; 55, 56 – Nijniaïa Dobrinka; 61 – Langueltotti; 62 – Bjyza (échelle différente)

1979, рис.4, 2). В этом же погребении обнаружено четыре серебряных пряжки с треугольными щитками, которые имели округлые выступы для штифтов (рис.3, 28). Похожая пряжка была и в конском погребении (п.5) (рис.3, 29), где обнаружены узкие вытянутые обкладки седла с чешуйчатым орнаментом (Дмитриев А.В., 1979, рис.4, 3), которые по пропорциям могут считаться ближайшими аналогиями обкладкам из кургана 4 около с.Владимирское (Засецкая И.П., 1994, табл. 35, 13). Аналогичные пряжки входят в комплексы погребений 197, 410, 516 и др., которые относятся к этапу II Дюрсо, датированного А.В.Дмитриевым первой третью VI в. (Дмитриев А.В., 1982, с.103, 104; рис.5, 12; рис.8, 3), а А.К.Амброзом немного шире – 1-я половина VI в. (Амброз А.К., 1989, с.50, 51). И.П.Засецкая проигнорировала эти даты и сослалась только на пряжки из катакомбы 10 около Лермонтовской скалы, отнесенные В.Б.Ковалевской к V в. (Засецкая И.П., 1994, с. 48; Ковалевская В.Б., 1981, с. 83, рис.60, 12), таким образом, мимоходом, передатировав весь этап II Дюрсо, что вряд ли можно воспринимать серьезно. Дату катакомбы 10 мы рассмотрим немного ниже. Пряжки из шиповских курганов уже были предметом специального исследова-

ния. И.А.Бажан и С.Ю.Каргапольцев отнесли их к типу Нордфридхоф-Бердугинск и датировали 2-й половиной V в. (Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1989, с.31, 32). Но дату шиповских пряжек исследователи определили по обкладке седла из кургана 3. Дата последней, в свою очередь, основывается на неверном датировании похожих находок из Дюрсо И.П.Засецкой (Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1989, с.32). Это заставляет нас остановиться на датах аналогий из Дюрсо. На территории Юго-Восточной Европы, кроме шиповских, известны три пряжки типа Нордфридхоф-Бердугинск. Все они происходят из Северного Кавказа. Пряжка из бердугинской катакомбы имеет характерный прямоугольный щиток, инкрустированный маленькими круглыми стеклянными вставками, ближайшими аналогиями к которому являются уже упоминавшиеся выше пряжки с инкрустацией типа бирских. Поэтому стоит согласиться с датой И.А.Бажана и С.Ю.Каргапольцева для данной пряжки - не раньше начала VI в. (Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1989, с.32). Пряжка из Мокрой Балки (рис.3, 31) (тип 25 по Г.Е.Афанасьеву) отличается от предыдущей только несколько иной техникой инкрустации. Г.Е.Афанасьев датировал пряжку широко – 2-я половина V – 2-я половина

VI вв. (Афанасьев Г.Е., 1980, с. 145, 150). Третья пряжка этого типа происходит из катакомбы 10 могильника 2 около Лермонтовской скалы. Дата этого комплекса давно вызывает дискуссию. А.П.Рунич датировал катакомбу V в. (Рунич А.П., 1976, с.265, 266), но А.К.Амброз высказал предположение, что в катакомбе есть погребения двух хронологических периодов - V и VII вв. (Амброз А.К., 1980, с.20, 21; 1989, с. 36-38). С гипотезой А.К.Амброза нельзя согласиться. Сложно предположить, что в V в. в катакомбе было похоронено только два покойника, а в VII в. катакомба была распечатана, и "на свободное место" осторожно положили мужчину, не нарушив при этом двух предыдущих погребений. Тесное прилегание всех трех скелетов между собой и к стенкам свидетельствует, что погребения были осуществлены до окончательного распада предыдущего скелета, т.е. в диапазоне максимум 15-20 лет. Против большой разницы во времени между погребениями свидетельствует и инвентарь катакомбы. К наиболее ранним принадлежат две серебряных пряжки, одна IB1 (рис.1, 30), другая с круглым щитком (Рунич А.П., 1976, рис.3, 13); на Северном Кавказе они бытуют в Дюрсо всю 2-ю половину V в. Инкрустированные пряжки с неподвижной рамкой (рис.3, 14-16) по всем признакам (инкрустация язычка и рамки, овальный щиток), бесспорно имитируют пряжки третьей четверти V в., но их отличие очевидное. Перекрестье меча (Рунич А.П., 1976, рис.3, 20, 21) почти идентично по форме перекрестью меча из склепов 24/6/1904 (Спицын А., 1905, рис.18), но отличается от него характером инкрустации. Также к имитациям изделий 3-й четверти V в. принадлежат крестовидная накладка узды и пластинчатые зажимы псалиев (Рунич А.П., 1976, рис.4, 6, 7). Исходя из этого набора вещей, И.А.Бажан и С.Ю.Каргапольцев синхронизировали катакомбу 10 с горизонтом Унтерзибенбрунн (Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1989, с.32, 35), что, конечно же, неверно. Весь набор вещей катакомбы является специфической кавказской имитацией этнографического вида гунна периода 455-480 гг., причем, судя по пряжкам, второй волны 467 г. Обкладки седла с чешуйчатым орнаментом из катакомбы 10 - тип 3 по И.П.Засецкой – ближайшие аналогии находят в обкладках седла конского п.10 из Дюрсо, в этом же погребении найдены подобные лермонтовским удила (Рунич А.П., 1976, рис.4, 3; Дмитриев А.В., 1979, рис.3, 22). По пряжкам с ромбовидными щитками (рис.3, 23, 24) данное погребение синхронизируется с погребением 300, где был обнаружен высокий стеклянный стакан с напаянными синими каплями, похожий на стаканы из катакомб 10 и 11 Лермонтовской скалы. Такие стаканы характерны для комплексов этапа I Дюрсо (погребения 291, 292, 300, 483, 500, 517) (Дмитриев А.В., 1982, с.104). В Фанагории они встречаются в слое с краснолаковыми клеймами конца V-VI вв. (Сазанов А.В., 1989, с.5-56). Дата этапа I по А.В.Дмитриеву и А.К.Амброзу – 2-я половина V в., причем, по мнению исследователей, наиболее вероятно, что могильник Дюрсо начал функционировать только в последней трети V в. (Дмитриев А.В., 1982, с.103,

104; Амброз А.К., 1989, с.46-50). Среди других вещей катакомбы 10 следует отметить накладки в виде лунницы с ушком и накладки, похожие на ременные наконечники ПА3 (Рунич А.П., 1976, рис.3, 2, 4, 6). В катакомбе 11 обнаружены обычные "гуннские" лунница и наконечник ПА3. Изделия же из катакомбы 10 отличаются от них, в первую очередь, тем, что они прибивались к какой-то поверхности тремя гвоздиками. Чрезвычайно похожие "лунница" и "наконечник" находились в погребении 130 из Бирска (Амброз А.К., 1980, рис.4, 8, 10) вместе с характерной пряжкой с инкрустированным щитком (рис.3, 18), дата которой, как указывалось, не раньше начала VI в. Три серебряные пряжки, обтянутые золотой фольгой, с треугольным щитком, который имел три полукруглых выступа для штифтов (рис.3, 27), по форме рамок, щитка и язычка с перекладиной на тыльном конце близки четырем серебряным пряжкам из конского погребения 9 Дюрсо (рис.3, 28), в котором обнаружена похожая на лермонтовскую бесщитковая пряжка с прямоугольной рамкой (рис.3, 34). Как указывалось выше, конское п. 9 синхронизируется с этапом II Дюрсо, т.е. датируется 1-й половиной VI в. Таким образом, в катакомбе 10 могильника 2 около Лермонтовской скалы есть материалы как последней трети V в., так и материалы начала VI в. Пряжка типа Нордфридхоф-Бердунинск из катакомбы близка инкрустацией к комплексу инкрустированных бляшек-накладок, принадлежащих к самому позднему погребению катакомбы, поэтому её наиболее вероятная дата - начало VI в. Самое позднее погребение катакомбы 10 по пряжкам с треугольным щитком, который имел полукруглые выступы для штифтов, частично синхронизируется с конским погребением 9 Дюрсо. С этим же погребением по обкладкам луки седла синхронизируется и курган 3 из Шипово. Таким образом, пряжки из Шипово оказываются близкими к пряжке из катакомбы 10 и датируются примерно одним временем. Конечно, шиповские пряжки не идентичны лермонтовской, поэтому нет оснований судить дату Шипово до начала VI в. Наоборот, браслет со сплюснутыми зооморфными концами из шиповского кургана 3, близкий браслетам, распространенным в лесостепной части Восточной Европы во 2-й половине VI - VII вв., скорее указывает на конец 1-й половины VI в. Очевидно, всю группу степных комплексов Заволжья, которая включает курганы 2, 3 из Шипово, курганы 17 и 18 около Покровска, курган 4 из Владимирского, следует синхронизировать с этапом Дюрсо II и датировать первой половиной VI в. Наиболее раннее же погребение данной группы - погребение из колхоза "Восход", как было показано выше, следует датировать рубежом V-VI вв.

Как соотносится с заволжской группой могила VII из Новоигорьевки? Украшения узды в виде "личин", которые сближают могилу VII с заволжскими, являются, собственно, не столько хронологическим, сколько этнографическим показателем, поскольку появляются у гуннов ещё в Паннонии – комплекс из Шентес-Надьхедь (рис.4, 47) (Fettich N., 1953, p. 180-182). Деталь, на которую стоит обратить внимание, это - оформление бляшек

из могилы VII (рис.4, 48, 53, 54). Все они окружены узеньким рубчатым ободком, на некоторых прямоугольных пластинах – двойным. Таким ободком оформлены большинство сбруйных бляшек комплексов гуннского времени Северного Причерноморья и Паннонии. Но в Поволжье такие ободки имеют только бляшки комплекса из Нижней Добринки, удлинённая бляшка из “Восхода”, обломок поясного наконечника и аналогичная нижнедобринской прямоугольная удлинённая бляшка из кургана 3 Шипово (рис.4, 51, 55, 56). Другие бляшки из указанных и остальных комплексов (в т.ч. все “личины”) оформлены широким рубчатым бордюром, который не имеет аналогий в комплексах гуннского времени Причерноморья.

Интересно также сравнить прямоугольные бляшки с зерновидным орнаментом. Если в новогригорьевской могиле VII бляшки имели по три горизонтальных ряда “зёрен” (рис.4, 53, 54), то в кургане 17 из Покровска их уже по семь (рис.4, 57), в кургане 3 из Шипово - по 10 (рис.4, 59), в комплексе из Владимирского - по 13 (рис.4, 58). Напрашивается вывод, что эти изменения отражают эволюцию украшений данного типа. В стилистическом ряде сбруйных бляшек комплексы из новогригорьевской могилы VII и из Нижней Добринки занимают промежуточное место между группой причерноморских погребений третьей четверти V в. и группой заволжских погребений 1-й половины VI в. Звеном, которое связывает обе группы, И.П.Засецкая считает погребение из “Восхода”. Предложенная нами для данного комплекса дата - рубеж V-VI вв. действительно не противоречит этому.

Комплекс из Нижней Добринки с правобережья Среднего Поволжья является ещё одним ключевым комплексом. Как и новогригорьевские могилы, комплекс, скорее всего, представлял собой погребение, совершенное по обряду трупосожжения. Об этом свидетельствует сильная обожженность всех вещей (Засецкая И.П., 1994, с.183). В комплекс входят обломки бляшки III D2; бронзовый псалий с бронзовым граненым наконечником грызл и одним пластинчатым зажимом, на котором сохранились гнезда от вставок; обломки длинной узкой пластинки, инкрустированной вставками в напаяных гнездах (Засецкая И.П., 1994, табл.30, 11); ременной наконечник III A3. Все эти вещи имеют аналогии в комплексах могил VIII, IX из Новогригорьевки и других комплексах Причерноморья группы С4. Кроме них, в комплексе из Нижней Добринки также были узкие длинные бляшки, декорированные тисненным орнаментом, в технике, близкой бляшкам из новогригорьевской могилы VII и бляшкам заволжской группы погребений (рис.4, 55,56). Привлекает внимание одна из таких бляшек с двойным узким рубчатым бордюром (рис.4, 56), которые имели и бляшки из новогригорьевской могилы VII. Внутреннее пространство бляшки заполняет рубчатый орнамент в виде кружков, объединенных между собой линией. Идентичные бляшки обнаружены в кургане 3 из Шипово (рис.4, 51). Таким образом, комплекс из Нижней Добринки сочетает в себе элементы, характерные как для

причерноморских комплексов группы С4, так и заволжских 1-й половины VI в., что позволяет рассматривать его, как переходное звено между ними.

Не может не обратить на себя внимание погребальный обряд новогригорьевских могил - трупосожжение. Следы пребывания в огне имеют все вещи из Нижней Добринки, с разновидностью обряда трупосожжения, очевидно, связаны и курганы 17, 18 из Покровска, явные следы пребывания в огне носят и вещи из Владимирского, хотя там они и связаны с ингумацией. Ещё с середины XIX в. из книги в книгу перекочевывает тезис о том, что после поражения при Недао гунны отошли в степи Северного Причерноморья, откуда, после короткой задержки, откочевали в Поволжье, но никаких доказательств пока не приводилось. На наш взгляд, цепочка Сегед-Надьсекшош – Новогригорьевка – Нижняя Добринка – Покровск блестяще подтверждает эту гипотезу. Могила VII из Новогригорьевки, таким образом, является самым поздним гуннским комплексом в Северном Причерноморье и должна датироваться временем до 480 г., т.е. относиться к группе С4. Вместо этого к группе С5 нужно отнести курган 42 у с.Ровное, п.2 кургана 36 и курган 2 у Покровска. Последний отнесен только по погребальному обряду. В п.2 кургана 36 язычок пряжки (рис.3, 37) идентичен находке в кургане 2 из Шипово, а также имеется наконечник III A3. Курган из Ровного отнесен к группе С5 по погребальному обряду и бляшкам, но дате не противоречат и пряжки. В погребении из Верхне-Погромного была составная диадема в виде полоски, но она явно отличается от диadem группы С2. Пряжки (рис.3, 32, 33) точных аналогий не имеют, но по форме рамок и щитку, составленному из двух пластин, им очень близки пряжки из Скалистога и Керчи (Айбабин А.И., 1990, рис.38, 14, 16) и уже упоминавшиеся пряжки из конских могил 5 и 9 (рис.3, 28, 29) и погребения 410 этапа Дюрсо II, что позволяет синхронизировать Верхне-Погромное с группой С5.

Несколько слов о ещё одной группе комплексов. Известный рассказ Приска об ошибке византийских дипломатов при раздаче даров акацирским вождям, ставшая причиной потери акацирами независимости от гуннов (Латышев В.В., 1948, с.252-253), подсказал возможность поиска и соотнесения с акацирами комплексов периода 447-463 гг. с константинопольскими изделиями. Удивительно, но такая группа действительно существует и давно выделена Л.А.Мацулевичем. Речь идет о хорошо известных комплексах из Большого Каменца, Сулина, находке 1849 г. в Обоянском уезде Курской губернии. Сюда же исследователь отнёс и Рублёвский клад (Мацулевич Л.А., 1934, с.80-85). Особенно показательно сходство клейм на тазике с горохатым ободком из Сулина и кувшине с изображением муз из Большого Каменца. Вещи из комплексов (зигзагообразные золотые бляшки, гривна с перегородчато инкрустированным медальоном, пряжка с инкрустированным щитком, обкладка седла с чешуйчатым орнаментом) не противоречат дате - 447-463 гг. Расположение

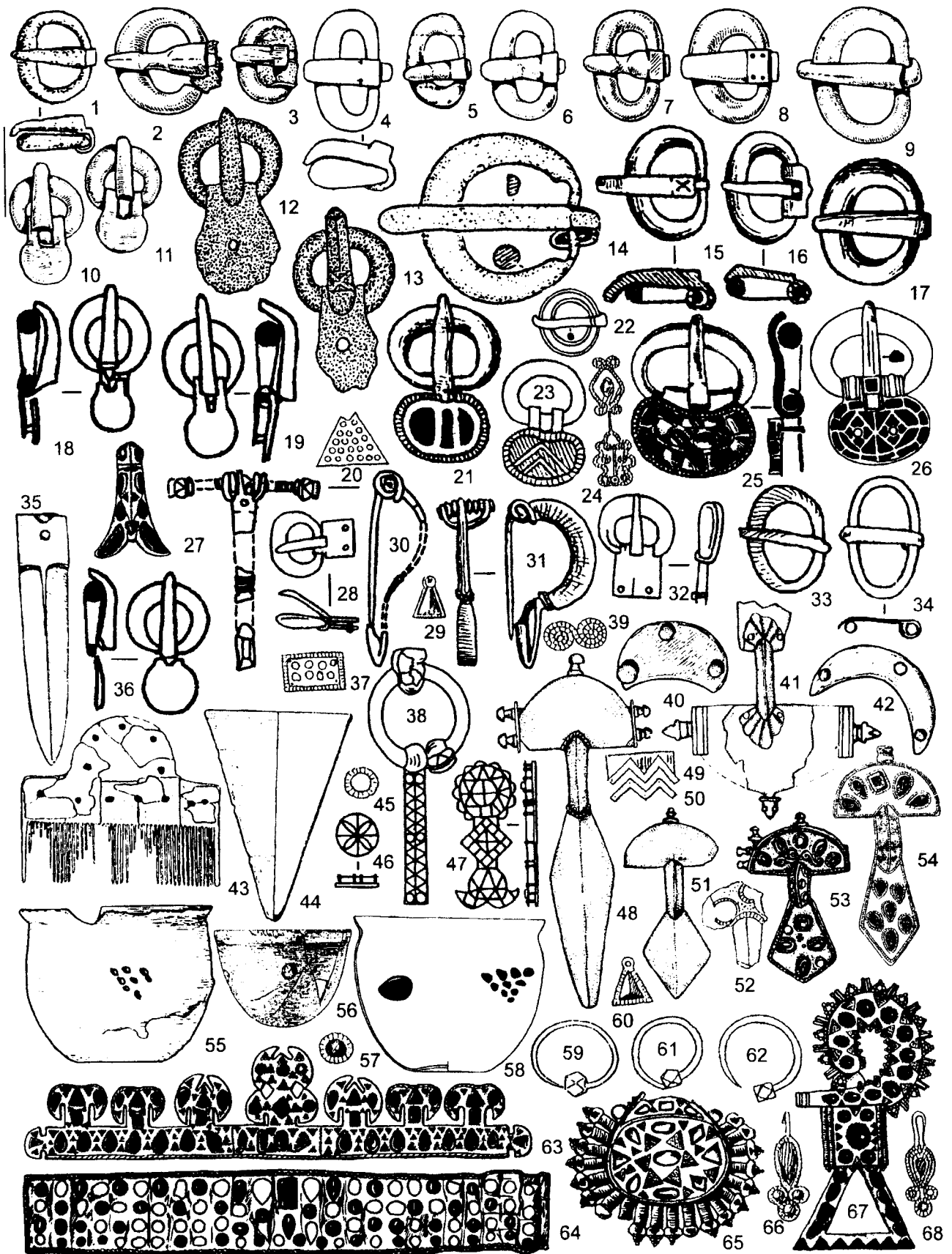

Рис. 5. 1, 43, 44 – Дмухайловка; 2 – Кантемировка, к. 2; 3-6, 35, 40 – Кантемировка, к.1; 7-11, 42 – Кантемировка, к.3; 12, 13 – Ново-Подкряж; 14 – Соколово; 15, 31 – Кубей, к. 8, п. 1; 16, 17, 21 – Кубей, к. 20, п. 1; 18, 19, 30, 36 – Яременки; 20, 24, 27, 37, 39, 45, 49, 50, 54, 57, 60, 68 – Керчь, склепы 24/6/1904; 22, 26 – Центральный; 23 – Брут; 25 – Муслимово; 28, 32, 38, 46, 47 – Казаклия; 29 – Франция; 33, 35, 65, 67 – Марфовка; 34, 59 – Сад; 41, 62 – Керчь, склеп 165; 48, 52, 66 – Керчь, склеп 154; 51 – Керчь, склеп 145; 53 – Керчь, “Новиковский” склеп; 56 – Унтерзибенбрунн; 58 – Беляус 2; 61 – Смолин; 63 – Мелитополь; 64 – Антоновка (1-19, 21-26, 28, 32-36 – масштаб 1:1, 25; остальные – масштаб разный).

Fig. 5. 1, 43, 44 – Dmukhailovka; 2 – Kantemirovka, tumulus 2; 3-6, 35, 40 – Kantemirovka, tumulus 1; 7-11, 42 – Kantemirovka, tumulus 3; 12, 13 – Novo-Podkriazh; 14 – Sokolovo; 15, 31 – Kubey, tumulus 8, interment 1; 16, 17, 21 – Kubey, tumulus 20, interment 1; 18, 19, 30, 36, – Yaremenky; 20, 24, 27, 37, 39, 45, 49, 50, 54, 57, 60, 68 – Kerch, vaults 24/6/1904; 22, 26 – Tsentralny; 23 – Brut; 25 – Musliumovo; 28, 32, 38, 46, 47 – Kazakliya; 29 – France; 33, 35, 65, 67 – Marphovka; 34, 59 – Sad; 41, 62 – Kerch, vault 165; 48, 52, 66 – Kerch, vault 154; 51 – Kerch, vault 145; 53 – Kerch, vault “Novikovsky”; 56 – Unterzibenbrunn; 58 – Beliaus 2; 61 – Smolin; 63 – Melitopol; 64 – Antonovka (1-19, 21-26, 28, 32-36 – the scale is 1:1, 25; the scale is different for the rest).

Abb. 5. 1, 43, 44 – Dmuchailovka; 2 – Kantemirovka, Hunengrab 2; 3-6, 35, 40 – Kantemirovka, Hunengrab 1; 7-11, 42 – Kantemirovka, Hunengrab 3; 12, 13 – Nowo-Podkriaz; 14 – Sokolowo; 15, 31 – Kubei, Hunengrab 8, Grabstätte 1; 16, 17, 21 – Kubei, Hunengrab 20, Grabstätte 1; 18, 19, 30, 36 – Jaremenki; 20, 24, 27, 37, 39, 45, 49, 50, 54, 57, 60, 68 – Kertsch, Grabgewölben 24/6/1904; 22, 26 – Zentralnij; 23 – Brut, 25 – Musljumowo; 28, 32, 38, 46, 47 – Kasaklija; 29 – Frankreich; 33, 35, 65, 67 – Marfovka; 34, 59 – Sad; 41, 62 – Kertsch, Grabgewölbe 165; 48, 52, 66 – Kertsch, Grabgewölbe 154; 51 – Kertsch, Grabgewölbe 145; 53 – Kertsch, Grabgewölbe “Nowikowskij”; 56 – Untersiebenbrunn; 58 – Belaus 2; 61 – Smolin; 63 – Melitopol; 64 – Antonowka (1-19, 21-26, 28, 32-36 – Maßstab 1:1, 25; Rest – verschiedener Maßstab).

Dessin 5. 1, 43, 44 – Dmoukhailovka; 2 – Kantemirovka, tumulus 2; 3-6, 35, 40 – Kantemirovka, tumulus 1; 7-11, 42 – Kantemirovka, tumulus 3; 12, 13 – Novo-Podkriaje; 14 – Sokolovo; 15, 31 – Koubeï, tumulus 8, sép.1; 16, 17, 21 – Koubeï, tumulus 20, sép.1; 18, 19, 30, 36 – Jaremenki; 20, 24, 27, 37, 39, 45, 49, 50, 54, 57, 60, 68 – Kertch, caveaux de 24/6/1904; 22, 26 – Tsentralnyï; 23 – Brout; 25 – Mouslumovo; 28, 32, 38, 46, 47 – Kazaklie; 29 – France; 33, 35, 65, 67 – Marphovka; 34, 59 – Sad; 41, 62 – Kertch, caveau 165; 48, 52, 66 – Kertch, caveau 154; 51 – Kertch, caveau 145; 53 – Kertch, caveau “Novikovski”; 56 – Untersiebenbrunn; 58 – Béliaios 2; 61 – Smolin; 63 – Mélitopol; 64 – Antonovka (1-19, 21-26, 28, 32-36 – échelle 1:1, 25; les autres – échelle différente)

погребения из Большого Каменца в лесостепи, в соседстве с финно-угорскими племенами, позволяет понять, о каких “эстах”, как соседях акациров, говорил Иордан (Иордан, 1997, с.36).

В заключение кратко остановимся на датах второй части комплексов группы А. Погребение 1 кургана 8 могильника Кубей (Одесская обл.) – основное (Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., 1990) (в этом же кургане обнаружено впускное погребение № 2, проанализированное нами выше). Датирующие вещи в погребении - подвязная бронзовая фибула с дуговидной спинкой (рис.5, 31) и бронзовая бесщитковая пряжка (рис.5, 15). Точной аналогии фибуле нам пока найти не удалось, но похожую дуговидную спинку имеют фибулы конца IV – 1-й половины V вв. Пряжка - полукруглой формы, задний конец её прямой и значительно тоньше, чем передний. Ближайшей аналогией является рамка пряжки из Хёкрихта и другая пряжка из того же комплекса (Werner J., 1956, taf.27, 7, 8). Также похожа рамка пряжки с ромбовидным щитком из Беляуса 1 (рис.1, 42). Язычок не совсем типичный для пряжек группы СК1 - узкий, далеко выступает за гра-

ницы рамок, но плоский и на заднем конце, как и у пряжки из Ново-Подкряжа, украшен выбитым косым крестом. По данным стратиграфии погребение должно быть более ранним по отношению к впускному п. 2 этого же кургана, дату которого мы определили, как 440-454 гг., т.е. дату погребения № 1 кургана 8 могильника Кубей можно ограничить 425-440 гг.

Погребение 1 у с.Соколово (Днепропетровская обл.) - курганной группы I, кургана № 1, ограбленное, из датирующих вещей осталась только круглая бронзовая бесщитковая пряжка (рис.5, 14) с длинным узким язычком, далеко выступающим за границы рамки и полукруглым в сечении (Костенко В.И., 1980, с.84). Аналогии рамке пряжки датируются широко – 430-454 гг., уже дату определить тяжело, но слегка уплощенный язычок, который несколько напоминает язычок пряжки из п.1 к.8 Кубей, на наш взгляд, все же указывает на дату 425-440 гг.

Дату разрушенного погребения у хут. Яременки (Полтавской обл.) определяют три серебряные пряжки с круглыми рамками, маленькими круглыми щитками

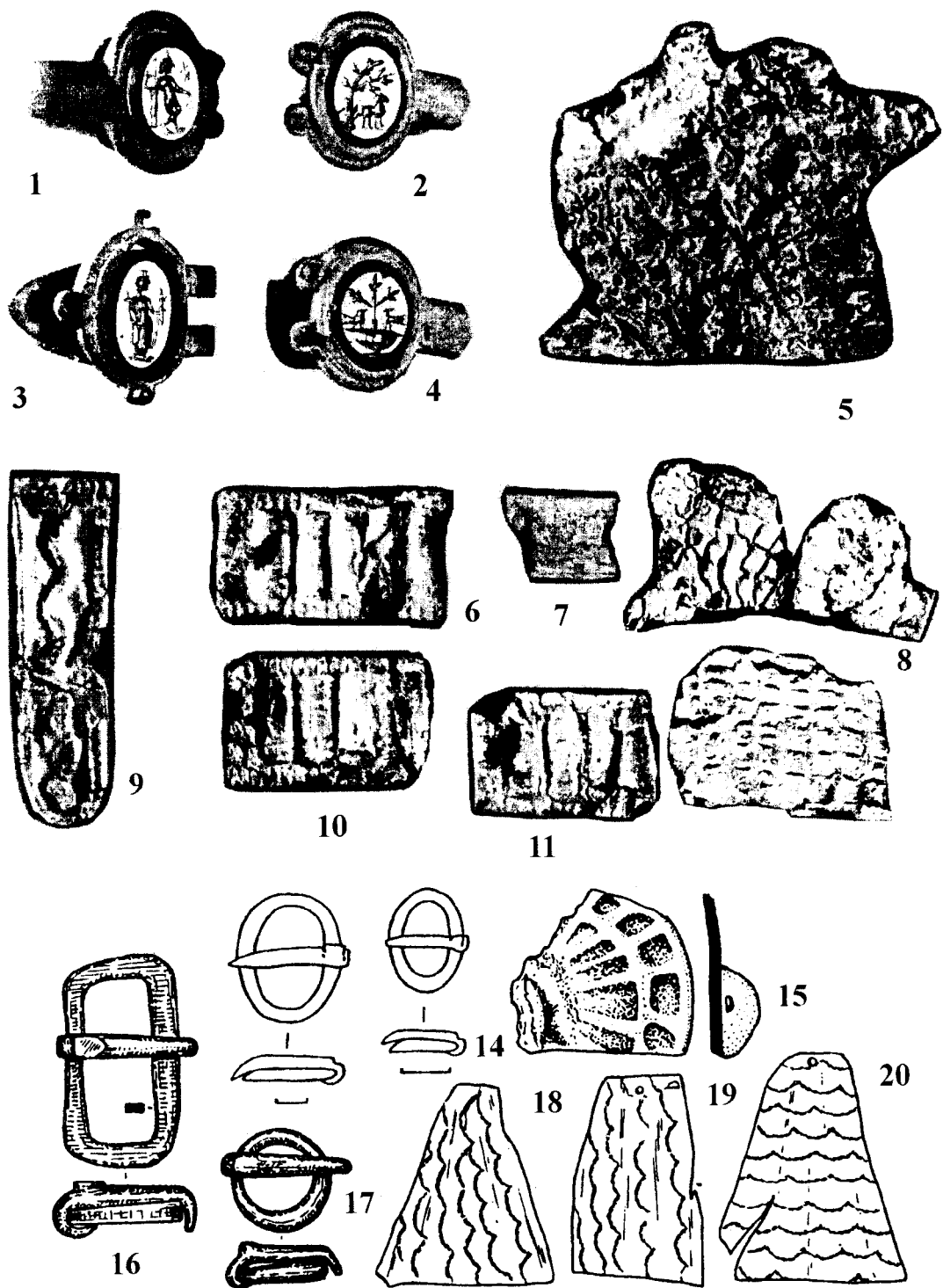

Рис. 6. 1-12 – Макартет; 13, 14 – Каменная могила; 15-20 – Изобильное.

Fig. 6. 1-12 – Makartet; 13, 14 – Stone Grave; 15-20 – Izobilnoye.

Abb. 6. 1-12 – Makartet; 13, 14 – Kamennaja Mogila (Steingrab); 15-20 – Isobilnoje.

Dessin 6. 1-12 – Makartet; 13, 14 – Kamennaïa Moguila; 15-20 – Izobilnoé

и хоботовидными язычками, далеко выступающими за границы рамок; обломки двучленной подвязной фибулы, кинжал с прямым перекрестьем (Левченко Д.И., Супруненко А.Б., 1994, рис.29). Подвязные фибулы V в. с территории Украины достаточно редки - близкая аналогия данной фибуле (рис.5, 30) происходит только из подъемного материала Косановского могильника, поэтому датированных аналогий не имеет. Дату комплекса позволяют сузить пряжки (рис.5, 18, 19, 36). Практически точными аналогиями яременским являются две пряжки из могилы 4 на р. Гиляч (Амброз А.К., 1989, рис.9, 24, 25). Дата последнего комплекса определяется по редкой поясной пряжке, почти идентичной пряжке из Здвиженского (Амброз А.К., 1989, рис.9, 22). Поэтому Яременки, на наш взгляд, датируются в рамках 440-454 гг.

В п.2 кургана 14 у с. Казаклия (Молдова) из инвентаря остались две серебряные пряжки, две серебряные детали ременной гарнитуры в виде кольца с обоймой, уздечный набор в составе двух серебряных псалиев с одним зажимом, две фигурные и две круглые накладки на узду. Зажимы псалиев и накладка декорированы в стиле перегородчатой инкрустации гранатами (Гросу В.И., 1990, с.92, 93, рис.28). Судя по рисунку, на обоих псалиях остались петли от второго зажима, который случайно или с какой-то целью был отломан (рис.5, 38). Ближайшей аналогией уздечному набору является набор керченского склепа 145 (рис.4, 45). Пряжки (рис.5, 28, 32) и ременные накладки из погребения по виду легко принять за вещи IV в., но эта деталь уже не должна смущать, поскольку, как показывают комплексы группы K2, это характерная черта периода 455-475 гг.

Дата погребения кургана 14 группы IV около пос. Центральный (Ростовская обл.) (Безуглов С.И., Копылов В.П., 1989) определяется по пряжке с широкой овальной рамкой, с инкрустированным щитком "почковидной" формы и инкрустированным коротким язычком (рис.5, 26) - 455-475 гг.

Погребение 1 кургана 20 могильника Кубей. По погребальному обряду оно почти идентично погребению кургана 3 из Кантемировки. Кроме посуды, среди инвентаря были: пара железных удил, две серебряные трапециевидные подвески, прямоугольный поясной наконечник, украшенный с обеих сторон вставками и филигранью, три пряжки (Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., 1990, рис.22). Наконечник отдаленно напоминает наконечники ПВ и их более ранние разновидности из п.2 к.8 Кубея. Бронзовая бесщитковая пряжка (рис.5, 17) с широкой овальной рамкой и узким язычком, прилегающим к рамке, похожа на серебряную пряжку из кантемировского кургана 3, рамка которой немного уже; похожи и удила из двух погребений. Но дату всё же определяет пряжка с инкрустированным щитком (рис.5, 21). Рамка овальной формы, щиток "почковидной" формы по контуру окружен рубчатым ободком; язычок узкий, острый на переднем конце, слегка выдается за рамку, не облекая ее, слегка прогнутый посередине. Ближайшие аналогии: пряжка из катакомбы могильника Брут, исследованной С.С.Куссаевой, и

пряжка из Муслимово (рис.5, 23, 25). Дата последней по инкрустированным наконечникам ПА2 и ПВ, обкладке кинжала VID - 445-475 гг., но пряжка по технологическим признакам сложнее кубейской. Практически идентична кубейской пряжка из Брута. Дата катакомбы определяется только по треугольной и круглой бляшкам (анalogии: Синявка, Унтерзибенбрунн, склепы 24/6/1904) и наконечнику ПА3, т.е. период 440-475 гг. Таким образом, хотя узкой даты у нас нет, наиболее вероятной будет синхронизация кубейского погребения с Казаклией.

Итак, по итогам нашего исследования, степные древности восточноевропейских степей гуннского времени можно разделить на три периода или семь этапов (некоторые комплексы отнесены приблизительно, индивидуальную дату см. выше):

раннегуннский период

этап I - 375 - 400 гг. - курганы 1 и 2 из Кантемировки, Дмухайловка, Кривенская;

этап II - 400 - 425 гг. - курган 3 из Кантемировки, Ново-Подкраж, Балки, Сад, возможно, Каменная могила;

среднегуннский период

этап III - 425 - 440 гг. - п.1 кургана 8 из Кубея, Соколово, Ленинск, Антоновка, погребения 1 и 2 из Беляуса, Марфовка, Алешки, Изобильное;

этап IV - 440 - 454 гг. - п.2 кургана 8 из Кубея, Капуловка, Яременки, Здвиженское, Верхне-Яблочное, Мелитополь, Новая Маячка, Старая Игрень, Корущана, Березовка (?);

этап Va - 454 - 480 гг. - могилы VII, VIII, IX из Новогригорьевки, Калинин, Саги, Кучугуры, Феодосия, Казаклия, п.1 кургана 20 из Кубея;

этап Vb - 467 - 480 гг. - Ново-Ивановка, Раденск, Чикаренко, Дмитриевка;

позднегуннский период

этап VI - 480 - 500 гг. - Нижняя Добринка, "Восход";

этап VII - 500 - 550 гг. - курганы 2, 3 из Шипово, Владимирское, Верхне-Погромное, курган 42 у Ровного, курганы 2, 17, 18, п.2 кургана 36 у Покровска.

Как видим, относительная хронология комплексов практически не изменила относительную хронологию И.П.Засецкой, но существенно изменила абсолютные даты. Представленная вниманию читателей концепция предлагает для некоторых погребений даты с точностью до 10-15 лет, что в начале работы над материалом вызывало серьезный скептицизм у самого автора. Но на хронологической шкале гуннских древностей анализируемый материал постепенно установился на своих местах. В этой связи не будем забывать, что погребение - событие одноактное, которое может быть датировано с точностью до дня. Если в своде В.Б. Ковалевской (Ковалевская В.Б., 1979) пряжки датировались с точностью в два, даже три, столетия, то уже А.И.Айбабин сузил дату большинства из них до половины столетия, а некоторых

комплексов – до четверти столетия (Айбабин А.И., 1982; 1987; 1990). Очень важно помнить, что предложенные нами датировки не очерчивают время бытования отдельных предметов из рассмотренных комплексов – они указывают лишь наиболее вероятное время совершения погребения, то есть эпизода “выпадения” всего комплекса в землю. Наша концепция, безусловно, не решает всех проблем хронологии гуннского времени, она лишь выносит на повестку дня новые вопросы, которые позволяют совершенно по-иному взглянуть на всю проблему в целом. Возможно, новые комплексы (или даже по каким-то причинам оставшиеся неизвестными автору уже открытые) позволят исследователям дать на них более точные ответы, в чём собственно автор и видит основную задачу данной статьи.

P.S.

За время, пока статья готовилась к печати, появление новых материалов, беседы с коллегами и просто критическое осмысление концепции позволили автору заметить многочисленные упущения и недостатки, но, в то же время, найти и новые аргументы, подтверждающие отдельные положения статьи.

Несколько замечаний появилось к признакам, положенным в основу корреляции. Так, например, следовало разделить мечи с простым ромбовидным перекрестьем и мечи с инкрустированной многосоставной рукоятью. Первые возникают в первой половине V в. и продолжают бытовать во второй, в то время как мечи с инкрустированным перекрестьем и, как правило, многосоставной инкрустированной рукоятью представлены только в комплексах второй половины V в. (Атлусхайм, Флонхайм, склепы 24/6/1904 из Керчи, Дмитриевка и т.д.). Несколько иначе сейчас выглядел бы и состав комплексов, привлечённых к корреляции. Уже после отправки статьи мы, наконец, ознакомились с полной публикацией ранних склепов из Лучистого. Особенно интересным оказался склеп 88. Г-образные псалии с полиедрами на концах, мечи с ромбовидным перекрестьем, пряжка с В-образной рифленой рамкой, пряжка IB5, идентичная пряжкам из Беляуса I, поясной наконечник IIА4 и весь остальной инвентарь (Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 1997, рис.16, 17, 20, 21) делают склеп наиболее ярким аланским крымским комплексом горизонта Ленгельтотти - Унтерзибенбрунн - Чорна - Качин - Беляус I, что подразумевает необходимость включения именно склепа 88 в корреляционную таблицу, как эталонного крымского комплекса горизонта.

Совершенно иного рода поправку следует внести относительно комплекса из Ново-Подкряжа. Е.Л.Гороховский, ознакомившийся с пряжками из погребения в фондах кафедры археологии Днепропетровского университета, сообщил нам, что их рисунок в публикации очень неточен. На самом деле пряжки выглядят иначе, и у исследователя сложилось впечатление, что они намного более поздние, возможно, VI в. Дату комплекса, таким образом, следует пока оставить открытой.

Поскольку абсолютное большинство анализируемых в статье комплексов знакомо нам только по публикациям, аналогичные нелепые ошибки не исключены, поэтому автор будет искренне благодарен всем исследователям за любые уточнения такого плана.

В сезоне 1998 г. было открыто новое аланское погребение гуннского времени на днепровской переправе у о.Хортица. Среди инвентаря следует отметить костяной гребень типа Томас IIIВ1а и характерную пряжку IB1 (Остапенко М.А., 1998, рис.1, 2, 3). Учитывая, что трапециевидность гребня лишь слегка выражена, его следует отнести к аланским комплексам последней четверти IV в. Его сочетание с пряжкой IB1, на наш взгляд, датирует погребение периодом 420-440 гг.

Наиболее важным дополнением стали материалы неопубликованного комплекса из урочища Макарет, известного исследователям только по предварительному сообщению (Пешанов В.Ф., Телегин Д.Я., 1968). Уже после отправки статьи Д.Я.Телегин любезно предоставил нам сохранившиеся у него документацию и негативы. После установления нынешнего местонахождения находок и их изучения, нами совместно с Д.Я.Телегиным будет подготовлена полная публикация комплекса, пока же вниманию исследователей предлагается часть материалов, важных для датировки. Три меча с ромбовидным перекрестьем аналогичны мечу из могилы IX Новогригорьевки (рис. 4, 1), Батасека, Якушвице и т.д. Обрывки серебряных обкладок седла трех видов: с чешуйчатым, ромбовидным и “вафельным” орнаментом. Форма обкладок с чешуйчатым орнаментом (рис.6, 5) не восстанавливается, но хорошо заметно отсутствие орнаментального бордюра, характерного для поздних обкладок этого типа. Необычно направление “чешуек”, направленных слева направо, а не снизу вверх, как обычно. Такое направление находим на обкладках IIIС2 из Мундольсхайма (Werner J., 1956, taf. 62, 4). Аналогичную ромбовидную орнаментацию обкладок (рис. 6, 8) находим только в Печ-Усёре (Alfoldi A., taf. IV, 14; taf. V, 5, 7, 8), аналогия же “вафельному” орнаменту (фигура орнамента не ромб, а квадрат) (рис. 6, 12) известна только в Сегед-Надьсекшюше (Fettich N., 1953, pl. XIV, 3). Ближайшие аналогии наконечнику IIА3 (рис. 6, 9) происходят из Хёкрихта (Werner J., 1956, taf. 27, 1-2). Четыре щитка от деталей ремней (рис. 6, 1, 2, 4), очевидно, функционально идентичным деталям IIС, инкрустированы плоскими вставками-геммами, что делает их уникальными. Также геммой инкрустирован щиток пряжки (рис. 6, 3). Щиток овальной формы, имеет три выступа для штифтов. В отчёте упоминаются “бронзовая пряжка” и “язычок от другой пряжки”, отсутствующие на фотографиях и рисунках, которые ещё предстоит найти в фондах. Возможно, из деталей соберётся пряжка целиком. Пока же о её дате можно судить только по щитку. Точные аналогии нам не известны, но по форме очень близки щитки двух керченских пряжек (рис. 2, 28, 39), а также щитки пряжек с резным декором из Блучины (Werner J., 1956, taf. 22, 13, 14). По предложенной нами схеме эволюции пряжек с инкрустацией круглые щитки с тремя высту-

пами для штифтов сменяются овальными щитками без выступов. Пряжка из Макартета находится на стадии перехода от круглых к овальным щиткам, поэтому ориентировочно датируется периодом 450-465 гг. - уверенно о её дате можно сказать только при наличии рамки и язычка. Выразительно паннонский облик инвентаря комплекса из Макартета позволяет уверенно отнести его к группе С4а. Эта дата очень важна, поскольку в составе комплекса находились прямоугольные бляшки с широким рубчатым бордюром и тисненым орнаментом в виде столбиков зёрен, вероятно, имитирующий верёвку (рис.6, 6, 10, 11). Ближайшие аналогии бляшкам из Макартета - бляшки из кургана 17 близ Покровска (рис.4, 57), немного иные были во Владимирском (рис.4, 58), кургане 3 из Шипово (рис.4, 59) и могиле VII из Новогригорьевки (рис.4, 53, 54), аналогичным бордюром окружена бляшка с "личинами" из "Восхода" (рис.4, 60). В статье мы высказали мнение, что бляшки - "личины" являются не хронологическим, а этнографическим признаком и почти интуитивно, основываясь только на стилистическом оформлении бляшек из могилы VII Новогригорьевки, синхронизировали последнюю с группой С4. Комплекс из Макартета надёжно доказывает эту гипотезу, позволяя наконец поставить точку в многолетней дискуссии. Нами также было высказано предположение, что количество горизонтальных рядов "зёрен" отображает эволюцию прямоугольных бляшек. От этого мнения следует отказаться с учётом бляшек из Макартета, но нельзя не заметить, что у наиболее поздних бляшек из Шипово и Владимирского (рис.4, 58, 59) горизонтальные линии бордюра имитируют перевитую верёвку, в то время как у наиболее ранних из Макартета (рис.6, 6, 10, 11) и "Восхода" (рис.4, 60) наклон отсутствует.

Дата Шиповских курганов, которая определяет конец гуннской эпохи для восточноевропейских степей, с появлением новых материалов также, кажется, постепенно покидает разряд дискуссионных. Открытие ювелирного комплекса на раннеславянском поселении Бернашовка вызвало множество устных мнений, но прямо связать датировку комплекса с шиповскими курганами в публикации, похоже, рискнул только И.О.Гавритухин, датировавший бернашовский комплекс по пальчатой фибуле второй половиной VI в. (Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998, с.53). Комплекс из Бернашовки чрезвычайно сложен, и, на наш взгляд, сам нуждается не только в датировке, но и в приемлемой интерпретации. Первое, что следует отметить, набор вещей с литейных форм и вещевой набор погребения - это совершенно разные понятия. Как и сейчас, в древности различные этнорегиональные группы отличались уровнем развития ремесла. В более развитых обществах существовала высокая конкуренция между ремесленниками, которая поддерживала достаточно высокий темп внедрения инноваций и относительно высокие ритмы изменения материальной культуры. Общества, где конкуренция между ремесленниками была невысокой, или вообще не существовала, демонстрируют обратную картину. Ремесленник, который не имел неотложной потребности

осваивать новые технологии, новые типы вещей, продолжал пользоваться традиционными технологиями и формами. Если же инновация была им освоена, то она использовалась значительно дольше, чем изготавливались прототипы в регионе их возникновения. И даже после выхода из моды определённых вещей их литейные формы продолжали бережно хранить, поэтому совместная находка разновременных литейных форм не должна нас удивлять. Вещи круга Новогригорьевка-Макартет-Шипово из бернашовского комплекса представлены деталями узды: ромбовидной бляшкой, наконечником ПА3, бляшками с широким рубчатым ободком и орнаментом в виде тисненых зёрен, а также пряжкой с рифленой рамкой (Винокур I.C., Мегей В.П., 1992, рис.7, 4; рис.8, 5; рис.9, 7). Набор имитирует позднегуннскую узду, но все вещи уже достаточно сильно отличаются от гуннских, поэтому вряд ли синхронны пребыванию гуннов в Причерноморье. Ориентировочная дата изготовления литейных форм - начало VI в., поэтому их находка с формой пальчатой фибулы не удивительна. Более загадочно присутствие в землянке обломков черняховской посуды, наиболее поздние находки которой на славянских поселениях не выходят за рамки V в., но это уже проблема для славистов. Дату же шиповских курганов позволяют уточнить материалы прикамского могильника Коминтерновский II, опубликованные Е.П.Казаковым (Казаков Е.П., 1998). Погребение 46 вмещало уникальный по своей значимости для хронологии набор вещей (Казаков Е.П., 1998, рис.36): характерная бесщитковая пряжка с длинным язычком (рис.36, 2); грызла с ромбовидными петлями на концах (рис.36, 17) - аналогии в погребениях 26, 43 этого же могильника, а также Макартет; дериваты шиповских пряжек без рифления на рамках (рис.36, 5, 9, 20) - аналогичные в погребении 42; обкладки ленчиков седла с орнаментальным бордюром и орнаментацией в виде треугольников зерни (рис.36, 4), идентичные по форме обкладкам из Владимирского, аналогичный обломок был в погребении 42; раннегеральдический набор бляшек и наконечников (рис.36, 3, 6-8, 10-12, 19, 21-24) - аналогичный в погребении 42. В литературе довольно часто можно встретить определение шиповских комплексов как "раннегеральдических". А.В.Богачёв именно на этом основании датировал Шипово третьей четвертью VI в. (Богачёв А.В., 1996, с.187-189). Но единственными "раннегеральдическими" вещами признавались только пряжки с В-образной рамкой, зависимость которых от прототипов из катакомбы 10 Лермонтовской скалы и катакомбы 41 Мокрой Балки оспорить трудно. Погребения 42 и 46 могильника Коминтерновский II наконец вкладывают в понятие "раннегеральдический набор" реальный смысл. Пряжки и обкладки седла из них действительно очень близки шиповским, но это лишь *дериваты*. Эту деталь следует постоянно помнить при хронологических построениях. Фиксируя появление раннегеральдических наборов во время, непосредственно примыкающее к шиповским курганам, коминтерновские погребения одновременно доказывают их более раннюю дату, поскольку в шиповских погребениях геральдичес-

кие детали отсутствуют. Отличие коминтерновского набора от геральдических наборов второй половины VI в., а также пряжка с длинным хоботовидным язычком из погребения 46, не позволяют датировать погребения 42 и 46 вслед за Е.П.Казаковым второй половиной VI в. На наш взгляд, их дата не выходит за рамки второй трети VI в., что, в свою очередь, ограничивает первой третью VI в. дату Шипово, а, следовательно, и синхронных ему погребений группы С5. Это, в свою очередь, косвенно подтверждает датировку этапа II Дюрсо А.В.Дмитриева.

Синхронизация могилы VII из Новогригорьевки и комплекса из Макартета с группой С4 позволяет решить не только сугубо внутреннюю археологическую проблему хронологии, но и проблему более высокого исторического уровня, поскольку доказательство их более ранней даты относительно группы С5, одновременно доказывает обратную миграцию гуннов из Северного Причерноморья в Заволжье в последней четверти V в., не известную ни одному письменному источнику.

Приложение: признаки, положенные в основу корреляции

Определение общих признаков между комплексами является, собственно, основной частью корреляции, конечный результат которой иллюстрирует уже картину схожести комплексов в целом на основании совокупности схожести признаков конкретных вещей, входящих в их состав. Ниже мы предлагаем разделение вещевых комплексов на признаки, обозначенные определенным кодом, и даём обоснование отнесения тех или иных вещей к данному признаку в случае его дискуссионности. Подчеркнем, что деление на признаки не является классификацией, поэтому номера кодов не отражают связи между определенными признаками.

I - пряжки

Пряжки представляют собой наиболее многочисленный и наиболее информативный вид находок из комплексов, привлеченных к корреляции, поэтому им уделено особое внимание. Большинство анализируемых пряжек изготовлены профессиональными ремесленниками в городских центрах. Это позволяет нам рассматривать, как признаки не только пряжки в целом, но и отдельные их элементы, что приводит к использованию нами одной пряжки, как носителя нескольких признаков. Дело в том, что при массовом производстве пряжек, отдельно изготавливались все детали - рамки, язычки, щитки, причем возможно свободное комбинирование всех элементов.

IA1 - бесщитковые пряжки с круглой или округлой рамкой, чаще всего утолщенной на переднем конце (по классификации И.П.Засецкой, рамки вариантов Ia и Ib); язычок узкий, чаще всего округлый в сечении, далеко выступает за край рамки. Данный тип пряжек является наиболее характерным для второй четверти V в. К этому же типу нами отнесена пряжка из могилы VIII Новогригорьевки, хотя она является переходным вариантом к пряжкам IA2 - ее рамка имеет равномерную толщину, а язычок намного более плоский по сравнению с обычными язычками пряжек IA1 (рис.1, 1-4, 11, 14).

IA2 - бесщитковые пряжки с рамкой круглой или несколько неправильной овальной формы, чаще всего равномерной толщины, узким, слегка уплощенным, язычком, только слегка выступающим за край рамки

и плотно облегающим её (рис.1, 9-13, 18-22, 28). Пряжки данного типа представлены в керченских склепах 145, 154, 24/6/1904, в комплексах из Смолина и Калинина.

IA3 - бесщитковые пряжки с вытянутой овальной рамкой, утолщенной на переднем конце; язычки двух видов - очень широкие, но небольшой толщины, плотно прилегающие к краю рамок, и узкие, несколько толще, выдающиеся за край рамки и не облегающие её (рис.1, 24-27). По форме рамок и широкому язычку пряжки очень напоминают экземпляры IV в., но, как и пряжки IA2, пряжки этого типа возникают не раньше 40-х гг. V в. Они представлены в керченских склепах 145, 154. К этому признаку также отнесена пряжка из Саг, которая имеет широкую овальную бронзовую рамку и широкий железный язычок.

IB1 - пряжки данного типа объединены по наличию узкого прямоугольного щитка, крепившегося чаще всего одним штифтом. Наиболее распространенные пряжки данного типа представляют собой пряжку типа IA1, которая имеет щиток, указанный на рис.1, 5-8, 15-17, 32, но пряжки из керченских склепов 154, 165, 24/6/1904 имели граненую рамку и граненый язычок (рис.1, 43, 46, 47), овальную рамку (рис.1, 31, 38), короткий язычок (рис.1, 38, 46, 48).

IB2 - пряжки со щитком овальной или округлой формы, имеющие овальную рамку и язычок, облегающий рамку, при этом незначительно выступая за её границы (рис.1, 39, 40, 49, 50, 54, 55, 57, 58).

IB3 - пряжки со щитком треугольной или ромбовидной формы (рис.1, 41, 42, 51, 56).

IB4 - пряжки с граненой рамкой (рис.1, 34, 43, 45, 46, 47; рис.2, 8).

IB5 - признак объединяет две пряжки типа IB1 из Беляуса 1 и две пряжки IA1 из Беляуса 2, которые имеют идентичный язычок, украшенный на заднем конце несколькими поперечными рельефными полосками (рис.1, 2, 8).

IB6 - пряжки с прямоугольной рамкой (рис.1, 44, 53; рис.3, 21).

IB7 - пряжки с продольной огранкой язычка (рис.1, 33, 34, 44, 45, 47; рис.2, 8).

IB8 - пряжки с зооморфным язычком (рис.1, 58-60).

IC - под этим признаком объединены неидентичные, но похожие в общих чертах поясные пряжки из Здвиженского, Кубея (к.8., п.2), Капуловки и Новогригорьевки (м. 9) (рис.2, 1, 3, 6, 8). По форме рамок и ширине язычка между собой похожи пряжки из Кубея, Капуловки и Новогригорьевки. По форме щитка между собой похожи пряжки из Здвиженского и Капуловки; пряжки из Кубея и Новогригорьевки.

ID1 - к данному признаку нами зачислено 5 несколько отличных между собой больших массивных поясных пряжек (рис.2, 4, 5, 7, 12, 14). Все они имеют вытянутую овальную рамку и широкий язычок. Пряжки из Качина и Беляуса (рис.2, 4, 12) имеют подквадратный щиток, украшенный в технике инкрустации металлом по металлу. В аналогичной технике украшен и щиток круглой формы пряжки из керченского склепа 154 (рис.2, 5). Данные пряжки, безусловно, придунайского происхождения, близкие аналогии которым известны в Паннонии (Тышаладаны (рис.2, 7), Уйхартыян, Сабадбатыян и др.). Кроме данных трех пряжек, к признаку ID1 отнесены две несколько отличных пряжки, которые входят в скоррелированные комплексы. Пряжка из Ленгельтотти (Вакау К., 1978, abb.3, 1) является или прототипом, или более дешевой разновидностью пряжек типа Тышаладаны. По язычку и рамке пряжка практически идентична качинской, щиток круглой формы украшен более простым выравненным орнаментом. Пряжка из керченского склепа 1896 г. (рис.2, 14) по форме точно повторяет пряжку из склепа 154 и явно является её местной имитацией.

ID2 - небольшие придунайские пряжки с узким прямоугольным щитком, украшенным тисненым растительным орнаментом (рис.1, 59; рис.2, 13, 16, 18).

IE - пряжки с инкрустированным щитком:

IE1a - характерные придунайские пряжки с круглой рамкой, длинным язычком и щитком круглой формы с тремя выступами для штифтов, украшенный перегородчатой инкрустацией (рис.2, 9-11, 15, 17, 21, 28, 29, 39). Пряжки из Сегед-Надьсекшоша, Лаа и Новогригорьевки имеют овальную рамку, а пряжки из склепов 24/6/1904 – инкрустированную. Язычок пряжки из Новогригорьевки короткий, а пряжек из склепов 24/6/1904 и “Новиковского” – инкрустированные, последний также зооморфный.

IE1b - пряжки с овальной рамкой и щитком овальной (“почковидной”) формы, украшенным перегородчатой инкрустацией; три штифта для прикрепления к ремню размещаются на щитке или вообще отсутствуют (рис.2, 25, 30-32, 34-38). Сюда же зачислена пряжка из Раденска (рис.3, 12), с овальным щитком, украшенным округлыми вставками в напаянных гнездах, вероятно, имитирующая пряжки данного типа, а также две пряжки из “Новиковского” склепа, с другим щитком, но имеющие овальную рамку и широкий язычок, характерные для пряжек этого типа (рис.2, 38).

IE2 - пряжки со щитком квадратной или удлиненной прямоугольной формы с перегородчатой инкру-

стацией – довольно разнообразны (стандартов, очевидно, не было) (рис.2, 26, 27, 33).

IE3 - пряжки с квадратными и прямоугольными щитками, украшенными по центру одной плоской вставкой такой же формы (рис.3, 1-3, 9).

IE4 - пряжки небольших размеров со щитком треугольной, овальной, круглой, квадратной формы, украшенные одной плоской вставкой соответствующей формы, которая занимает практически всю площадь щитка (рис.3, 5-8). Сюда же нами отнесены пряжки из Раденска (рис.3, 4, 13), а также инкрустированные щитки накладок на ремень из Унтерзибенбрунна и Сегед-Надьсекшоша (рис.2, 19).

IE5 - большие поясные пряжки со щитком прямоугольной или квадратной формы, инкрустированным 9-ю круглыми вставками в напаянных гнездах (рис.3, 10, 11).

IE6 - язычки с инкрустацией (рис.2, 28, 29, 37, 39).

II - детали поясных и сбруйных ремней, варианты даны по А.И. Айбабину (Айбабин А.И., 1990, с.50-52)

IIA1 - вариант 1 (рис.4, 5);

IIA2 - вариант 3 (рис.4, 12, 13, 23, 31);

IIA3 - вариант 5 (рис.4, 6-8);

IIA4 - вариант 6-1 (рис.4, 24, 25);

IIA5 - вариант 6-3 (рис.4, 22);

IIA6 - широкий наконечник в виде прямоугольной пластины со скругленным внизу концом (рис.4, 27-29, 33).

IIb - вариант 7 (рис.4, 10, 14, 15).

IIC - накладка на ремень в виде петли с обоймой (рис.4, 46). Сюда же нами отнесены функционально одинаковые, но без обоймы накладки из Здвиженского и Ленгельтотти (рис.4, 38).

IID - пластинчатые накладки на ремень из Капуловки и п.2 к.8 Кубея (рис.2, 3, 6).

III - детали конского снаряжения и неизвестного назначения

IIIА1 - кольчатые псалии с зажимами, украшенными тисненым орнаментом (рис.4, 37);

IIIА2 - кольчатые псалии с зажимами, украшенными перегородчатой инкрустацией (рис.4, 45);

IIIА3 - кольчатые псалии, с бронзовыми зажимами, обтянутыми золотым листом и инкрустированные вставками в гнездах (рис.4, 32).

IIIВ1 - Г-образные псалии с полиэдром на конце (рис.4, 61);

IIIВ2 - прямые рифлёные псалии (рис.4, 62).

IIIC1 - обкладки ленчиков седел с чешуйчатым орнаментом (рис.4, 30);

IIIC2 - обкладки седел в виде удлиненных пластин (рис.4, 21).

IIID - бляшки - детали узды:

IIID1 - крестовидные (рис.4, 3);

IIID2 - ромбовидные (рис.4, 4);

III D3 - разнообразные удлинённые или фигурные с полихромными вставками;

III D4 - маленькие круглые или ромбические со вставками (рис.4, 19, 36);

III D5 - "лунницы" (рис.4, 44);

III D6 - небольшие круглые с перегородчатой инкрустацией (рис.4, 40-42);

III D7 - фигурные или зооморфные с перегородчатой инкрустацией (рис.4, 34, 35, 39, 43).

III E - круглые бляшки с одной круглой вставкой в центре, непонятного назначения, из Марфовки и Мелитополя (рис.4, 20).

III G - серебряные пилообразные накладки из керченских склепов 154 и 165 (Засецкая И.П., 1979, рис.2, 20, 29).

IV - предметы личного убора

IVA1 - сережки с полиэдром на конце (рис. 5, 62);

IVA2 - сережки-калачики;

IVA3 - подвески в виде перевернутой капли с тремя круглыми выступами на кончике со вставками (рис.5, 66, 68).

IVB - "кулоны" (рис.5, 68).

IVC - "колты" (рис.5, 65).

IVD1 - шейные гривны из прута с утолщением и петлей или крючком на конце (Засецкая И.П., 1979, рис.2, 26, 27, 35, 36; Засецкая И.П., 1994, табл.10, 1; Fettich N., 1953, pl. IV, 1; V, 1; Tejral J., 1985, obr. 36);

IVD2 - шейные гривны из витой проволоки (Alfoldi A., 1932, taf.XXI; Засецкая И.П., 1979, рис.2, 34; Засецкая И.П., 1994, табл.15, 9);

IVD3 - трубчатые шейные гривны (Fettich N., 1953, pl.XXVI, 8; Высотская Т.Н., Черепанова Е.Н., 1966, рис.2, 12).

IVA - браслеты с утолщением на концах (Fettich N., 1953, pl.XXII, 4; Werner J., 1956, taf. 4, 6; taf. 15, 2, 3; Засецкая И.П., 1979, рис.2, 7).

IVF1 - золотые венки (Засецкая И.П., 1979, рис.2, 1, 8, 30, 31);

IVF2 - диадема в виде полосы с округлыми вставками в напаянных гнездах (рис.5, 64); сюда же отнесена условно диадема без инкрустации из Ленинска;

IVF3 - диадема в виде полосы с "грибовидными" выступами сверху (рис.5, 63).

IVG - перстни со вставками.

IVH - зеркало с петлей в центре и орнаментом в виде кругов, пересеченных радиальными полосками (Alfoldi A., 1932, taf. VIII; Кузнецов В.А., Пудовин В.К., 1961, рис.2; Сорокина Н.П., 1971, рис.4, 4).

V - фибулы

VA1 - двухпластинчатые фибулы вариантов ПАА и ПАБ по А.К.Амброзу без инкрустации (рис.5, 48);

VA2 - двухпластинчатые фибулы с инкрустацией поверхности вставками в напаянных гнездах (рис.5, 53, 54).

VB - двухпластинчатые фибулы варианта ИББ без инкрустации (рис.5, 51).

VC - большие двухпластинчатые фибулы с накладками в виде "пальметок" (рис.5, 41).

VD - прогнутые подвязные фибулы группы 16, подгруппы 1, среднеевропейской серии, варианта 3 по А.К.Амброзу (Werner J., 1956, taf.4, 4).

VI - вооружение

В корреляционную таблицу не были включены мечи без перекрестья ввиду слишком широкого хронологического диапазона аналогий.

VIA - длинные обоюдоострые мечи с ромбовидным в плане перекрестьем.

VIB - навершия мечей в виде "колесика" из полудрагоценных камней, сквозь которое продета плоская круглая "шляпка" с петлей, украшенная перегородчатой инкрустацией (рис.4, 26).

VIC - накладка на ножны меча в виде прямоугольной пластины с округлым небольшим выступом, украшенная вставками в напаянных гнездах (рис.4, 2, 9).

VID - обкладки рукояти кинжала из склепа 145 и комплекса из к-за Калинина (рис.4, 17, 18).

VEI - золотые обкладки лука с зооморфным орнаментом (Alfoldi A., 1932, taf.VI, 15; Werner J., taf.16, 4; Ковриг И., 1982, рис.4);

VE2 - золотые обкладки лука, раздваивающиеся на конце (рис.4, 16).

Другие признаки

VII - косметические ложечки из Зеленокумска и керченских склепов 145 и 24/6/1904 (Засецкая И.П., 1979, рис.1, 5, 43; Охонько Н.А., Отюцкий И.В., 1982, рис.3, 3).

VIII A - стеклянные чаши с напаянными синими каплями варианта IЕ по Н.П.Сорокиной (рис.5, 55, 58).

VIII B - стеклянные чаши полусферической формы с напаянными синими каплями (рис. 5, 56).

IX - две больших серебряных чаши с изображением Констанция II из склепов 145 и 24/6/1904 (Засецкая И.П., 1979, рис.1, 1, 32).

X - подвески в виде колокольчика из керченских склепов 145 и 24/6/1904. Аналогичная подвеска происходит и из материалов склепа 165 (Засецкая И.П., 1979, рис.5, 13, 14, 35).

XI - железное ботало, обложенное внутри бронзовым или медным листом (Дашевская О.Д., 1969, рис.5, 1; Тиханова М.А., Черняков И.Т., 1970, рис.3).

"Блок"

Под этим названием мы решили ввести в корреляционную таблицу ряд вещей, которые в скоррелированных комплексах представлены фактически только из керченских склепов 24/6/1904 и Унтерзибенбрунна.

Это: фибулы-"цикады" (рис.5, 27), золотые браслеты с концами в виде звериных головок (Засецкая И.П., 1979, рис.2, 44, 45), подвески в виде объединенных между собой частей, нижняя из которых оформлена в виде листка (рис.5, 24), косметический набор в виде подвешенных на кольцо "ногтечистки" и "уховертки" (Засецкая

И.П., 1979, рис.2, 67), гребни с трапециевидным корпусом и полукруглой спинкой (Засецкая И.П., 1979, рис.2, 64). Это также ряд маленьких бляшек-накладок: в виде зигзага (рис.5, 50); в виде зигзага, пространство которого заполнено с одной стороны так, что бляшка выглядит зубчатой (рис.5, 49); восьмеркообразная бляшка в виде двух объединенных спиралей (рис.5,

39); маленькие круглые бляшки с тисненным орнаментом (рис.5, 45, 57), маленькие треугольные бляшки со вставкой и "ушком" сверху (рис.5, 60); прямоугольные маленькие бляшки, обрамленные рубчатым ободком, декорированные двумя рядами круглых рельефных тисненных выпуклостей (рис.5, 37) (ср. Кузнецов В.А., Пудовин В.К., 1961, рис.2).

Литература и архивные материалы

1. Айбабин А.И., 1987. Этническая принадлежность могильников Крыма IV - первой половины VII вв. н.э.// Материалы по этнической истории Крыма. К.
2. Айбабин А.И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени// МАИЭТ. Т. 1. Симферополь.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 1997. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму// МАИЭТ. Вып. VII.
4. Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР// САИ. Вып. Д1-30. М.
5. Амброз А.К., 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы// СА. №3.
6. Амброз А.К., 1980. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв.// Средневековые древности евразийских степей. М.
7. Амброз А.К., 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V - первой половины VIII в.// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
8. Амброз А.К., 1985. К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971-1984)// СА. № 3.
9. Амброз А.К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа. М.
10. Амброз А.К., 1995. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв.// МАИЭТ. Вып. 4. Симферополь.
11. Афанасьев Г.Е., 1980. Пряжки катакомбного могильника Мокрая Балка у г.Кисловодск// Северный Кавказ в древности и средние века. М.
12. Ачкинази И.В., 1987. Фрагмент гуннского котла из Неаполя Скифского// Материалы по этнической истории Крыма. К.
13. Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации// КСИА. Вып.198.
14. Бажан И.А., Шукин М.Б., 1990. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов// АСГЭ. Вып.30.
15. Баранов И.А., 1973. Погребение V в. н.э. в Северо-Восточном Крыму// СА. №3.
16. Безуглов С.И., Копылов В.П., 1989. Катакомбные погребения III- IV вв. на Нижнем Дону// СА. №3.
17. Богачев А.В., 1996. К вопросу о поздней дате древностей "гуннского круга"// РА. № 3.
18. Боковенко Н.А., Засецкая И.П., 1993. Происхождение котлов "гуннского типа" Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей// Петербургский археологический вестник. Вып. 3. СПб.
19. Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993. Скалистинский могильник. К.
20. Винокур І.С., Мегей В.П., 1992. Ювелірна майстерня ранньосередньовічних слов'ян// Археологія. № 3.
21. Высотская Т.Н., Черепанова Е.Н., 1966. Находки из погребений IV - V вв. в Крыму// СА. № 3.
22. Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Северного Кавказа// Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара.
23. Генинг В.Ф., 1979. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья)// КСИА. Вып.158.

24. Гороховский Е.Л., 1988а. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины// Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т.4. К.
25. Гороховский Е.Л., 1988б. Кантемировские курганы на Полтавщине и проблема древностей раннегуннского периода на юге Восточной Европы// Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Тез. докл. и сообщ. Полтава.
26. Гороховский Е.Л., 1988в. Хронология ювелирных изделий первой половины I тысячелетия н.э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Дис. канд. ист. наук// НА ИА АН Украины. К.
27. Гросу В.И., 1990. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.
28. Дашевская О.Д., 1969. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма// Древности Восточной Европы. М.
29. Дашевская О.Д., 1991. Отчет о работе Донузлавской экспедиции Института археологии РАН и Евпаторийского краеведческого музея за 1991 год// НА ИА АН Украины. К.
30. Дмитриев А.В., 1979а. Могильник эпохи Великого переселения народов на реке Дюрсо// КСИА. Вып.158.
31. Дмитриев А.В., 1979б. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи Великого переселения народов на р.Дюрсо близ Новороссийска// СА. № 4.
32. Дмитриев А.В., 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р.Дюрсо// Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М.
33. Засецкая И.П., 1979. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников Восточноевропейских степей// КСИА. Вып.158.
34. Засецкая И.П., 1982. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным// Древности эпохи Великого переселения народов. М.
35. Засецкая И.П., 1990. Относительная хронология склепов боспорского некрополя// АСГЭ. Вып.30.
36. Засецкая И.П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV - V вв.). СПб.
37. Иордан, 1997. О происхождении и деяниях гетов - "Getica". М.
38. Казаков Е.П., 1998. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов// Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара.
39. Каменецкий И.С., Кропоткин В.В., 1962. Погребение гуннского времени близ Танаиса// СА. № 3.
40. Ковалева И.Ф., 1962. Погребение IV в. у с.Старая Игрень// СА. № 4.
41. Ковалевская В.Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV - IX вв. Пряжки// САИ. Вып. Е1-2.
42. Ковалевская В.Б., 1981. Северокавказские древности// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
43. Ковалевская В.Б., 1984. Кавказ и аланы. М.
44. Ковриг И., 1982. Погребение гуннского князя в Венгрии// Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М.
45. Костенко В.И., 1977. Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ// Курганные древности степного Поднепровья III - I тыс. до н.э. Днепропетровск.
46. Костенко В.И., 1980. Культ огня в погребениях сарматского времени междуречья Орели и Самары// Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск.
47. Кузнецов В.А., Пудовин В.К., 1961. Аланы в Западной Европе в эпоху Великого переселения народов// СА. № 2.
48. Кухаренко Ю.В., 1982. О качинской находке V в.// Древности эпохи Великого переселения народов V - VIII вв. М.
49. Латышев В.В., 1948. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе// ВДИ. №4.
50. Левченко Д.И., Супруненко А.Б., 1994. Находки гуннского времени в низовьях Ворсклы// Супруненко А.Б. Курганы Нижнего Поворскля. Москва-Полтава.
51. Ляшко С.Н., Отрошенко В.В., 1988. Балковский курган// Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. К.
52. Мацулевич Л.А., 1934. Погребение варварского князя в Восточной Европе (новые находки в верховье реки Суджи). М.-Л.

53. Мелентьева Г.М., 1979. Курган позднесарматского времени на Нижнем Дону// КСИА. Вып.133.
54. Михайлов Б.Д., 1993. Погребение гуннского времени на Каменной могиле в Северной Таврии// МАИЭТ. Вып. III. Симферополь.
55. Музей исторических драгоценностей УССР, 1984. К.
56. Некрасова Г.М., 1985. Охоронні розкопки черняхівського могильника поблизу м.Суми// Археологія. Вип.50.
57. ОАК за 1900 год, 1902. СПб.
58. Обломский А.М., Терпиловский Р.В.,1993. Славянское поселение и кочевнический могильник V-VIII вв. на Ворскле. (Рукопись).
59. Остапенко М.А., 1998. Дослідження експедиції "Хортиця" в 1998 р.// Археологічні відкриття на Україні 1997-1998 рр. К.
60. Охонько Н.А., Отюцкий И.В., 1982. Богатое захоронение гуннского времени у г.Зеленокумска// СА. №4.
61. Пешанов В.Ф., Телегин Д.Я., 1968. Жертвенное место алано-гуннского времени в урочище Маркартет// АО. 1967. М.
62. Редіна Є.Ф., Россохацький О.А., 1994. До вивчення гунських старожитностей Північно-Західного Причорномор'я// Археологія. № 3.
63. Рудинський М., 1930. Кантамирівські могили римської доби// Записки Всеукраїнського археологічного комітету. Т.1. К.
64. Рунич А.П., 1976. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины// СА. №3.
65. Сазанов А.В., 1989. О хронологии Боспора ранневизантийского времени// СА. №4.
66. Сиротенко В.Т., 1972. Письменные свидетельства о булгарах IV-VII вв. в свете современных им исторических событий// Славяно-балканские исследования. М.
67. Сорокина Н.П., 1971. О стеклянных сосудах с напаями синего стекла из Причерноморья// СА. №4.
68. Спицынъ А., 1905. Вещи съ инкрустаціей изъ Керченских катакомбъ 1904 г.// ИАК. Вып. 17. СПб.
69. Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., 1990. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Вып. III. К.
70. Сымонович Э.А., 1960. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре// МИА. № 82.
71. Тиханова М.А., Черняков И.Т., 1970. Новая находка погребения с диадемой в Северо-Западном Причерноморье// СА. № 3.
72. Шаламон А., Баркоци Л., 1982. Археологические данные к периодизации позднеимской Паннонии (376 - 476 гг.)// Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М.
73. Шалобудов В.Н., Андросов В.А., Мухопад С.Е., 1983. Раскопки курганов у с.Дмухайловка// Древности степного Поднепровья III - I тысячелетия до н.э. Днепропетровск.
74. Юрочкин В.Ю., 1993. Погребение кочевников гуннского времени в кургане у села Изобильного в Крыму// МАИЭТ. Вып. III. Симферополь.
75. Aibabine A., Khairedinova E., 1997. La necropole de Loutchistoe// Archeologie de la Mer Noire: la Crimee a l'epoque des Grandes Invasions IV - VIII siecles. Caen.
76. Alfoldi A., 1932. Funde aus der Hunnen zeit und ihre ethnische Sonderung// АН. IX.
77. Bakay K., 1978. Bestattung eines vornehmen kriegers vom.5 jahrhundert in Lengyeltoti (komitat Somogy, kreis Marcali)// ААН. 30.
78. Fettich N., 1953. La trouvaille de tombe princiere hunnique a Szeged-Nagyszeksos// АН. XXXII.
79. Tejral J., 1985. Nase zeme a rimske Podunaji na pocatku doby Stehovani narodu// Pamatky archeologicke. R. LXXVI. C.2. Praha.
80. Werner J., 1956. Beitrage zur Archaeologi des Attila-Reiches. Munchen.

Summary

A.V. Komar (Kiev)

The Actual Problems of the Hun Age Material Culture Chronology of Eastern Europe

Six groups of burials are singled out on the basis of burial inventory analysis. They are distributed and dated by means of correlation method in which complexes of Hunn epoch from Central Europe, the Crimea and the Northern Caucasus were taken to be valid. In the work the chronology of Hunn epoch is divided into 3 periods: early, middle and late, which are divided in their turn into 7 stages. The Alan interments of early Hunn epoch that had been singled out by Ye. Ghorokhovskiy are grouped. Besides, it is for the first time when the date (not earlier than 454 AD) of burial group of Eastern European nomads is proved, and here belong specific things made by means of cloisonne technique. These items are compared with analogous ones from Kerch in the work. The location of such complexes is determined by contact regions during Hunn and Alan migrations from East to Pannonya (after Atylla state's downfall in Autumn, 454). The interments of group № 5 (Shipovo) are synchronized with the horizon of Durso II and dated within the limits of 600-650 years. The conception of back migration of Hunns, advancing from Pannonya to the Black Sea and further to the Volga river, is proved on the basis of analogies of burial inventory and funeral rite complexes of Szeged-Nadyszeksos, Novogrigorievka and Pokrovsk type.

A.W., Komar (Kiev)

Aktuelle Probleme der Chronologie der materiellen Kultur in der Hunnenzeit Osteuropas

Auf Grund der ausgegrabenen Beerdigungsgegenstände wurden 6 Grabstättengruppen festgestellt. Sie sind mit Hilfe der Korrelationsmethode eingeteilt und datiert, wo die Komplexe der Hunnenzeit aus Zentraleuropa, der Krim und dem Nordkaukasus eingesetzt sind. Im Werk ist die Chronologie der Hunnenzeit in 3 Perioden eingeteilt: die frühere, die mittlere und die spätere, die ihrerseits in 7 Phasen geteilt werden. Zum erstenmal sind die Grabstätten von Allannen der früheren Hunnenperiode zusammengefasst, die seinerseits von E. Gorochowskij festgelegt wurde. Ausserdem ist zum erstenmal die Datierung (nicht eher als 454 n. Ch.) der Grabstättengruppe von Nomaden Osteuropas bewiesen, dazu gehören auch spezifische Erzeugnisse, die nach der Cloisonne-Technik hergestellt sind. Diese Erzeugnisse sind im Werk mit den ähnlichen Sachen aus Kertsch verglichen. Der Ort dieser Komplexe wird durch die Kontaktierungsgebiete, während der Migration von Hunnen und Allannen vom Osten bis nach Pannonien (nach dem Zerfall des Staates Atillas im Herbst 454) bestimmt. Die Grabstätten der 5. Gruppe (Schipowo) sind mit dem Horizont Dürso 2 synchronisiert und zwischen 600 und 650 datiert. Auf Grund der Analogien von Beerdigungsgegenständen und Beerdigungsritual der Komplexe von der Art Szeged-Nadyszeksos, Nowogrigorjewka, Pokrowsk ist das Konzept der Rückwanderung von Hunnen bewiesen, die von Pannonien zum Schwarzen Meer, und weiter bis zur Wolga vorgedrungen sind.

A.V. Komar (Kiev)

Problèmes actuels de la chronologie de civilisation matérielle à l'époque des Huns en Europe de l'Est

A la base de l'analyse du matériel funéraire on dégage 6 groupes d'inhumations. Elles sont distribuées et datées avec une méthode de corrélation. Cette analyse met en cause des complexes archéologiques de l'époque des Huns de l'Europe centrale, de la Crimée et du Caucase. Dans ce ouvrage l'époque des Huns est divisée en 3 périodes: ancienne, moyenne et récente. Ces périodes sont à leur tour subdivisées en 7 stades. Pour la première fois on a classifié les inhumations des Alains de la période ancienne des Huns. Celle-ci est dégagée à son temps par E. Gorokhovski. Outre cela on a pour la première fois démontré la datation (après l'an 454) du groupe d'inhumations des nomades de l'Europe de l'Est. Il inclut les objets spécifiques faits en cloisonné. Ces articles sont comparés avec les objets analogiques de Kertsch. La position des complexes pareils est définie par les zones des contacts pendant les migrations des Huns et des Alains de l'Est jusqu'à la Pannonie (après la chute de l'état d'Attila en automne de l'année 454). Les sépultures du groupe 5 (Chypovo) sont synchronisées avec l'horizon de

Durso II et sont datées des années 600-650. On a prouvé l'idée de la migration inverse des Huns reculant de la Pannonie vers la mer Noire, et plus loin vers la Volga. Les preuves de cette théorie sont basées sur les analogies du matériel et des pratiques funéraires des complexes du type de Szeged-Nadyszeksos, de Novogrigorievka, et de Pokrovsk.

РОЗЫСКАНИЯ ПО ОБРЯДУ ОБЕЗВРЕЖИВАНИЯ ПОГРЕБЕННЫХ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

К настоящему времени оформилось довольно стандартное представление о погребальной обрядности бассейна рр. Дона - Северского Донца эпохи Хазарского каганата, то есть могильников салтово-маяцкой культуры. Выявлены основные типы погребальных сооружений и способы захоронений (курганы и грунтовые могильники; катакомбы, ямы, подбой; трупоположения). Имеется и небольшое количество публикаций с традиционной схемой описания (положение скелета, ориентировка, инвентарь и так далее). Казалось бы все каналы извлечения информации из могильников подключены и вопрос только в том, чтобы активнее ими пользоваться, то есть публиковать раскапываемые могильники со все более детальным описанием установленных признаков, может быть, добавляя к ним другие того же уровня.

Открытие обряда обезвреживания погребенных заставляет посмотреть на всю погребальную обрядность совершенно по-новому. Возникла необходимость переосмыслить итоги раскопок всех без исключения могильников с трупоположением за всю историю раскопок. Мало того, обряд, который первоначально был выявлен только на раннесредневековых могильниках Нижнего Дуная и бассейна Дона - Северского Донца, оказалось имеет широчайшее распространение и в других регионах Восточной Европы.

Изучение обряда обезвреживания открывает новые возможности изучения языческих верований раннего средневековья. Представления о них мы имеем пока довольно смутные и отрывочные.

Совершенно неожиданно выяснилось, что обезвреживание погребенных имеет непосредственное отношение к проблеме перехода кочевников к оседлости. Этому посвящена заключительная часть статьи.

“Розыскания” - это почти вышедшее из употребления в русском языке слово имеет, в отличие от близких по значению, нюанс - поиск во всех направлениях. Вот таким поиском и является предлагаемая работа.

* * *

Каково же место обряда обезвреживания умерших в погребальной обрядности раннесредневековых сообществ Восточной Европы? Еще 10-20 лет назад он воспринимался как нечто специфическое, особенное, как некое отклонение от нормы. Модернизируя ситуацию, мы бы сказали: как проявление какого-то сектанства, если даже не проявление изуверского отношения к умершим соплеменникам. Одно только мысленное воспроизведение сцены раскапывания мо-

гилы, прикосновение к костям, зачастую с остатками мягких тканей, всего лишь недавно скончавшегося родственника, наконец, разрушение его скелета, отделение от него черепа (по существу головы от тела) вызывает и невольное возмущение, и одновременно чувство брезгливости. Все это так, но только с точки зрения человека, воспитанного в иной исторической эпохе, в иной культурной среде. Для современного “европеизированного” человека могилы и остатки умерших неприкосновенны. Что особенно подчеркну - неприкосновенны и могилы тех, кто в жизни принадлежал не к лучшим представителям рода человеческого. Археологическая действительность, отразившая действительность средневековья, оказалась иной.

С постоянно возрастающим числом исследуемых могильников со следами обезвреживания погребенных, причем не только в пределах Хазарского каганата и Северного Кавказа, но и по всей Восточной Европе (иных территорий мы не станем касаться) открывается совершенно другая картина. Следы проникновения в могилы обнаружены в десятках могильников Югославии, Болгарии, Венгрии, в бассейне Дона, на Северном Кавказе и Волге, в Приуралье и на севере до коми-перми. Не был исключением и славянский мир. Обезвреживание погребенных предстает в качестве обыденного, широко распространенного в раннем средневековье явления, хотя появляется в более раннюю эпоху. И это распространение отнюдь не исходило из одного центра. Нет, обряд обезвреживания появлялся в каждой этнической общности самостоятельно на определенной стадии развития не только в социально-экономических отношениях, но и в религиозном языческом сознании, в основе которого лежало совершенно реалистическое представление о потустороннем мире с одной стороны, и извечный страх перед таинством смерти, с другой. Как следствие, возникает представление о возможности общения с умершими, а затем и их вредоносности (существовал и культ предков, и вера в защитительную силу умерших, но это уже другая тема). “Наказание” со стороны предков - это составная часть культа предков.

С переходом к новому и даже новейшему времени обряд обезвреживания не исчезает полностью, но трансформируется в иные формы, меняется его содержание, иногда до неузнаваемости. Мы коснемся далее и этой темы.

* * *

С раскопками в 1975, 1977-1982 гг. могильника, входящего в состав известного Маяцкого археологического

комплекса, мы впервые реально столкнулись с тогда ещё малоизученным обрядом. Проявился он в том, что почти все скелеты в катакомбах и немногих на могильнике ямных и подбойных погребениях в той или иной степени были нарушены, инвентаря при них было немного, или же он полностью отсутствовал, дромосы катакомб имели своеобразную повторяющуюся стратиграфию.

Малочисленность вещей первоначально наталкивала на традиционное объяснение: могильник подвергся сплошному ограблению. Детальное изучение результатов раскопок каждого погребения в отдельности и всех в совокупности заставило отказаться от такой трактовки. Систематизация признаков, в особенности стратиграфии заполнения дромосов, привела к другому решению: население, оставившее этот могильник, в силу своих верований само вскрывало захоронения, и само же разрушало скелеты ранее умерших родственников. Разрушались скелеты не только предков, то есть представителей старших поколений, но и младших, вплоть до малолетних детей и подростков. Сочлененность суставов некоторых скелетов, подвергшихся разрушению, указывала на то, что вскрытие происходило через очень непродолжительное время после похорон, когда мягкие ткани только-только истлели, но связки на суставах могли еще сохраняться. Другими словами, разрушение скелетов осуществляли, по-видимому, те же лица, скорее всего родственники, которые сами участвовали в похоронах. Они прекрасно знали самого погребенного, его характер, род деятельности, заслуги и неудачи, отношения с родственниками, соседями и так далее, то есть все, что характеризует человеческую личность и ее статус в обществе. От этого, как и многих других факторов, зависела и степень разрушения скелета, от частичного до полного. Лишь изредка скелет оставался ненарушенным.

Наверняка немалую роль играли знамения, подаваемые умершим из потустороннего мира, результаты общения с ним шамана и аналогичные источники информации, хорошо известные по этнографии. В совокупности их называют узнаванием посмертной судьбы. Тема непрерывающейся связи живых с умершими достаточно изучена мировой наукой, и ссылки на литературу в данном случае будут излишни.

Главным итогом раскопок Маяцкого могильника стало установление самого факта преднамеренности разрушения скелетов и соответственно исключение версии ограбленности могильника (Флёров В.С., 1984; 1990; 1993; о проблеме отличия обезвреженных от ограбленных погребений см.: Флёров В.С., 1997; 1998).

Можно и теперь, уже спустя двадцатилетие после начала раскопок Маяцкого могильника, признаться, что этот вывод дался нелегко. Сам факт бытования обряда у «маяцкого» населения сомнения не вызывал. Ранее обряд был отмечен на Дмитриевском катакомбном могильнике. Известен он был к тому времени и на многих могильниках Болгарии. Поражало то, что разрушению подверглись останки не отдельных

погребенных, или хотя бы значительной их части, но почти всех. Исключения были единичны. Однако теперь, после многолетнего изучения обряда обезвреживания, именно почти стопроцентное разрушение стало одним из аргументов в пользу его бытования на могильнике и одновременно аргументом против первоначального предположения об ограблении. Только люди, прекрасно знавшие устройство катакомб на своем могильнике, расположение и размеры ведущих к ним дромосов, могли найти и вскрыть их, а после этого вновь тщательно засыпать. Восстанавливались, конечно, и внешние знаки над дромосами: насыпи, ровики, а, возможно, и деревянные оградки или шесты.

Еще раз повторим: для современного человека, даже археолога, вскрытие могилы человека, в похоронах которого участвовал сам, разрушение его скелета выглядит варварством и вызывает психологическое отторжение возможности подобного. Обряд кажется неимоверно далеким во времени и давно исчезнувшим, а главное, локальным явлением, существовавшим лишь у небольших групп населения. Это мнение проистекает от невнимания к историческим источникам, археологическим и этнографическим свидетельствам, рисующим иную картину. Обратимся к свидетельству самого недавнего прошлого. Обращение к нему может показаться неожиданным, но только потому, что в нашем воображении существует непреодолимая стена между средневековьем и современностью. Нет такой.

Известный русский писатель Б.Зайцев, побывавший на Афоне в 20-х годах нашего века и не имевший никакого отношения к этнографии, оставил свидетельство, которое лишь недавно стало доступным. Описываемое относится к Андреевскому скиту: «Вот каковы особенности погребения на Афоне: хоронят без гроба, тело обвивают мантией и так (по совершении сложного и трогательного чина) предается земле. Затем через три года (разрядка наша - В.Ф.) могилу раскапывают. Если за это время тело еще не истлело, не принято землей, то, по вере афонцев, усопший был не вполне праведной жизни. Тогда могилу вновь зарывают и особенно горячо молятся за брата, посмертная жизнь которого слагается с таким трудом. Если же тело истлело без остатка, кости чисты и особенно медвяно-желтого цвета, просвечивают, это признак высокой духовности покойника. Кости тогда вынимают, омывают в воде с вином и складывают почтительно в гробницу» (речь идет о специальном помещении в скиту - В. Ф.) (Зайцев Б., 1990, с. 41). К сообщению писателя добавим, что черепа складывали отдельно, длинные кости рук и ног отдельно. Остальные кости, вероятно, оставались в могиле.

При всем том, что афонское православное монашество вкладывало в описанный обряд иной смысл и символику, он буквально пронизан язычеством и суевериями, не имеющими никакого отношения к христианству. Чего стоит одно только определение качеств личности и посмертной судьбы погребенного по состо-

янию его мягких тканей и костей. Не удивительно, что православный Б.Зайцев погребальные обычаи Андреевского скита воспринял как необычные, достойные подробного описания. Рассказ его ценен прежде всего своей объективностью и непредвзятостью. С пиететом относясь ко всему увиденному на Афоне, он даже не стал комментировать описанное. Мы же должны добавить к сообщению паломника Б.Зайцева, что виденное им на Афоне не есть что-то необычное. Костицы с извлеченными из могил черепами и длинными костями есть во многих монастырях Европы. К афонскому сюжету мы еще вернемся.

Не трудно заметить, что описанный обряд в деталях соответствует увиденному на Маяцком могильнике, хотя и приобрел другое, соответствующее иной эпохе и культурно-религиозной среде содержание. В этом проявился широко распространенный феномен, “когда то или иное социальное явление в ходе своего развития испытывает превращения, порой в корне меняющие его природу, его первоначальную сущность, утрачивает прежние функции и приобретает новые” (Токарев С.А., 1983, с.55).

Можно ожидать, что дальнейшее изучение письменных источников, включая литературные, позволит обнаружить следы обряда обезвреживания у многих народов вплоть до нашего времени. Что касается эпохи Хазарского каганата и Алании, то он был, безусловно, самым заурядным явлением, как и в Первом Болгарском царстве и синхронных культурных и иных образованиях (Флёров В.С., 1993, с.53-60). Остается сожалеть, что опубликованные еще тридцать лет назад данные об обряде обезвреживания на Дмитриевском могильнике остались незамеченными* (Плетнева С.А., 1967, с.79-83).

Некоторое оживление в изучение обряда обезвреживания внесли раскопки Маяцкого могильника, ряд отечественных археологов стал обращать на него внимание. Понятно, что теперь необходим пересмотр результатов раскопок многих могильников, в которых состояние скелетов, особенности стратиграфии и другие признаки получили неправильное толкование. Такой пересмотр, однако, не всегда возможен в силу несовершенства многих раскопок и неполноты отчетной документации. С уверенностью можно говорить об обряде обезвреживания в ряде исследованных погребений Верхне-Салтовского, Подгоровского и некоторых других могильников. Нуждаются в пересмотре многие захоронения в могильниках Волжской Булгарии, в том числе Больше-Тарханском (Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964).

Раскопки Маяцкого могильника дали значительный опыт полевой и кабинетной работы с преднамеренно вскрытыми погребениями, но этот опыт не все-

объемлющ. Обряд обезвреживания имел здесь, если так можно выразиться, завершённый, “классический” вид: разрушены почти все скелеты; удалено большинство вещей; хорошо выражена стратиграфия дромосов. Вероятно, такие могильники будут встречаться и в будущем, не только в пределах салтово-маяцкой, но и других культур. В большинстве же известных могильников эпохи раннего средневековья вскрывались с целью обезвреживания не все, а то и меньшинство захоронений, примером чему служит упоминавшийся Дмитриевский могильник.

Иными могут быть и археологически прослеживаемые результаты обряда. В частности, это касается погребального инвентаря, который мог оставаться при нарушенных скелетах в том или ином объеме и даже полностью.

Особенно много проблем возникает при исследовании вторично вскрытых ямных погребений. Погребальный инвентарь в них изначально невелик, а расшифровка стратиграфии заполнения в них вызывает гораздо больше затруднений, нежели в катакомбах. Примером может служить Нетайловский могильник, где, несмотря на сорокалетнюю историю раскопок, механизм разрушения скелетов и стратиграфия заполнения так и не получили пока однозначного толкования.

К настоящему времени, преимущественно по изданиям, нам удалось выявить в Восточной Европе, включая Северный Кавказ, целую серию раннесредневековых могильников, в которых та или иная часть погребений с большой степенью вероятности может быть отнесена к преднамеренно вскрывавшимся с обрядовыми целями, но лишь в редких случаях авторы смогли это явление опознать. Большим достижением надо признать уже то, что ряд авторов перестал разрушение скелетов объяснять исключительно ограблением.

Так, исследователи ломоватовского могильника Аверинский 1 отмечают: “Судя по всему, здесь мы имеем дело с намеренным разрушением могил еще в период функционирования могильника, но не с целью ограбления” (выделено нами – В.Ф.). И далее, не ограничиваясь констатацией, приводят аргументы: “Об этом свидетельствуют, во-первых, отсутствие следов грабительских вкопов, во-вторых, смещение в основном костей верхней половины туловища, в третьих, наличие погребального инвентаря” (Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989, с.38-39).

Мы не случайно привели эти выдержки из описания Аверинского 1 могильника. В связи с актуальной проблемой выделения могильников с обрядовыми разрушениями все острее проявляется другая - идентификация ограблений. Практика показывает, что достаточно тому или иному

* В более поздней публикации С.А.Плетнева наряду с “ритуально разрушенными” выделяет ограбленные (Плетнева С.А., 1989, с.189, 191). На наш взгляд, выделение на Дмитриевском могильнике ограблений нуждается в дополнительных обоснованиях. Пока же оно вызывает сомнение.

исследователю назвать погребение ограбленным (даже при наличии “вкопа”), как это становится окончательным определением, не вызывающим вопросов. Нам не довелось встретить в литературе альтернативы таким заключениям. Объявленные ограбленными такие погребения автоматически попадали в разряд неполноценных археологических источников, а при отсутствии вещей и вовсе исключались из дальнейшего изучения. Или, к примеру, как следует воспринимать такое сообщение о погребениях VII-VIII вв. могильника Такталачук в Поволжье: “Все они с и л ь н о р а з г р а б л е н ы (выделено нами - В.Ф.), но можно определить, что костяки в них ориентированы головой на север. При них орудия труда, оружие, украшения и сосуды кушнареновского облика” (Багаутдинов Р.Н. и другие, 1971, с.147). Наличие в “сильно ограбленных” погребениях вещей настораживает. Безусловно, такие выводы нуждаются в проверке, в сравнении с информацией по другим однокультурным могильникам, в частности по составу и количеству вещей и по другим информативным линиям.

В ходе раскопок следует быть чрезвычайно осторожными в определении причин разрушенности погребений. В качестве положительного примера сошлёмся на заключение В.Е.Круглова по результатам раскопок погребения с разрушенным скелетом мужчины, сопровождавшегося значительным набором вещей (курган № 13 группы Барановка 1 Волгоградской области): “Потрясенная, очевидно, в древности... могильная яма...” (Круглов Е.В., 1992, с.178). Как мы видим, автор, с одной стороны, высказал очень осторожное суждение о времени повреждения могилы, а с другой, проявил столь же разумную осторожность в определении причины этого.

Наконец, мы обязаны упомянуть, кажется, первый случай, когда исследователь сам пересмотрел свои первоначальные выводы. Речь идет о праболгарских могильниках на Самарской Луке. “Автором (Г.И. Матвеева - В.Ф.) ... в отчетах об исследованиях Новинковского II и Рождественского III могильников отмечалось ограбление могил, однако, уже тогда было замечено отсутствие грабительских вкопов и наличие мощных неразобранных каменных кладок над многими погребениями, что исключало возможность ограблений. В настоящее время после тщательного изучения полевых дневников и чертежей стало ясно, что разрушение костяков в большинстве случаев не является результатом ограбления, оно совершалось в ритуальных целях и причем до сооружения кладки над могилой и курганной насыпи. Разрушение производилось не на стороне, а непосредственно в могиле после того, как кости освобождались от мягких тканей и связок” (Матвеева Г.И., 1997, с.53).

Открытие обряда обезвреживания погребенных делает необходимым новый подход к ограблению. Последнее требует такого же изучения, как и любой другой археологический источник. Необходима разработка классификации видов ограблений, выделение

их типичных признаков для каждой культуры и видов погребальных сооружений (ямы, катакомбы, могильники грунтовые и курганные и так далее). Среди признаков должны быть характеризующие способ проникновения в могилу, вид заполнения могилы до и после ограбления, состояние скелетов, состав вещей и многие другие.

Более сложной, но решаемой задачей станет определение времени ограбления хотя бы по периодам: непосредственно после похорон; спустя длительное время, но в древности; в новое или новейшее время.

Только после систематизации признаков ограбленности можно будет с достаточной степенью достоверности выявлять такие погребения, а главное, что нас в данном случае интересует, в первую очередь, отличать их от погребений с обрядом обезвреживания. По сути, речь идет о признании ограбления могил как исторического явления, которое могло быть связано как с меркантильными интересами, так и характеризовать враждебные отношения между родственными или разноэтничными группами населения.

Аргюи берёмся утверждать, что ограбления имели очень небольшое распространение. Это в первую очередь касается грунтовых могильников, которые имели недолговременные внешние признаки (в отличие от курганов), а также могильников культур, чьи погребения не содержали многочисленного инвентаря, дорогих или художественно выполненных вещей. Не следует забывать, что в древности и в средние века сдерживающим фактором был страх перед местью мертвых за ограбление их могил.

Есть еще одна проблема в изучении обряда обезвреживания - это методика раскопок погребений с нарушенными скелетами. Вновь хотим обратить внимание на необходимость раскопок таких захоронений особо тщательно, с соблюдением всех предосторожностей. До зачерчивания и фотографирования ни одна кость, вплоть до фаланг, и вещи не должны сдвигаться или менять положение. Предельно полной должна быть графическая документация. Чертежи скелетов должны выполняться в предельно крупном масштабе, но не менее 1 : 4 или 1 : 5. Кости, которые трудно изобразить узнаваемо, необходимо подписывать, в том числе обломки. Обязателен подсчет по видам всех наличных костей. Особо на чертежах помечаются зоны деятельности грызунов и любые естественные нарушения. Столь же тщательно должны исследоваться и погребения с явными следами ограбления.

К сожалению, в археологии нет понятия равного такому как “чистота эксперимента” или “допустимая погрешность”. Однако надо иметь в виду, что первым условием для определения конкретного погребения как обезвреженного или как ограбленного, следует считать “чистоту раскопок”. Все сказанное кажется очевидным и не требующим дополнительных призывов, однако, полевая археологическая практика свидетельствует о совершенно ином. Затрагивать эту проблему нас заставляет прежде всего опыт собственных ошибок.

Мы говорили о проблеме выявления в ходе раскопок захоронений, нарушенных при обрядовых действи-

ях. Оpozнание их в процессе самих раскопок или при изучении полевой документации, накопление опыта в этом - одна из важнейших задач на ближайшее будущее. В конечном итоге предстоит накопление фактического материала. Но с неизбежностью тут же возникает вторая проблема, производная от первой, - толкование целей и содержание археологически засвидетельствованного обряда.

В значительной мере решение этой задачи уже выходит за рамки "чистой" археологии, поскольку допускает и даже требует поиска и привлечения не только археологических, но и других источников, которые способствовали бы ее решению: этнографических, фольклорных, исторических и всех прочих, содержащих полезную в этом отношении информацию.

Толкование обряда - наиболее уязвимая часть в каждом археологическом исследовании. К сожалению, оно дает большие возможности для подчас недоброжелательной критики, в основе которой лежит инерция мышления.

Необходимо подчеркнуть, что наш собственный вывод о существовании обряда и после завершения обработки всех данных по Маяцкому могильнику, а затем и по могильнику Клин-Яр III на Северном Кавказе не изменился, хотя все еще вызывает сомнения у многих коллег: к разрушению скелетов толкал глубоко укоренившийся в сознании людей страх перед ушедшими в потусторонний мир. По этой теме существует многочисленная литература по всем областям ойкумены. В России она наиболее полно отражена в этнографических исследованиях о шаманистах азиатской части страны. Так, у бурят "существовало мнение, что умершие становились чуждыми живым, враждебными, поэтому после погребения покойного принимались различные меры, якобы для того, чтобы не допустить возвращения к живым" (Галданова Г.Р., 1987, с.61). Та же этнография показывает, что страх перед покойником заставлял принимать меры предосторожности сразу после смерти и до похорон. Достаточно вспомнить хотя бы практиковавшийся многими народами вынос тела через полог яранги, чума или юрты, чтобы умерший не возвратился через вход, или же заматывание следов за участниками похоронной процессии, чтобы погребаемый не нашел обратную дорогу в селение. Археология не фиксирует допохоронные меры предосторожности, но в раннем средневековье их не могло не быть. Цепочка таких мер формировалась в течение жизни многих поколений и как логическое ее завершение стала приниматься наиболее действенной, которая была призвана нейтрализовать сам источник опасности - покойника - путем непосредственного физического воздействия на него.

Комплекс воздействия на тело умершего или на его останки сложился не сразу. Вероятно, на определенной стадии возникает представление о том, что, если превентивные меры не достигли цели, если несмотря на связывание ног, умерший все же выходил из могилы и беспокоил живущих, то необходимо вскрыть могилу и

поступить более решительно.

Предполагаем, что меры против остатков тела складывались по нарастающей.

На первом этапе могли ограничиваться только разрушением стоп, чтобы погребенный не выходил из могилы.

На втором этапе начали разрушать и кисти рук, тем самым лишая его возможности действовать, прежде всего, какими-либо опасными предметами.

Далее наступал переход к разрушению основы жизнедеятельности - сердца и дыхания - разрушалась грудная клетка. Вероятно, в это же время начинается практика отделения от тела (скелета) головы (череп).

Наконец, останки наиболее вредоносных покойников начинают разрушать полностью. В особых случаях, когда существовало опасение, что разрушенное тело восстановится, прибегали к последней мере: часть костей выносили из могилы и перезахоранивали, то есть прятали, в другом месте. При раскопках действительно встречаются могилы с неполным составом костей. Зафиксированы погребения без черепов или захоронения черепов вне могил.

Надеюсь, излишне будет пояснять, что предложенную схему и надо расценивать не более, как схему. Археологически засвидетельствованы различные виды разрушений, но как шел процесс формирования этого обряда в действительности, установить только по археологическим данным будет трудно. Некоторые возможности для определения времени появления разных видов разрушений все же имеются. Это уточнение хронологии могильников в целом и отдельных погребений внутри их.

Следует, однако, учитывать то важное обстоятельство, что разрушение у разных племен даже внутри одной этнической общности имело разные формы и степень распространенности. Например, если в Нетайловском могильнике скелеты разрушались полностью (Иченская О.В., 1981), то ни в одном синхронном ямном могильнике Первого Болгарского царства далее разрушения стоп дело не пошло.

Что касается степени разрушения каждого отдельного погребения на конкретном могильнике, то она во многом зависела от субъективных факторов. Более чем вероятно, последнее заключение о степени вредоносности погребенного делалось после вскрытия могилы по состоянию и виду костей (то же делали и афонские монахи, но в других целях). В средние века, возможно, по костям, их положению пытались определить, выходил ли умерший из могилы.

Итак, мы придерживаемся прежнего своего определения: разрушенные скелеты есть результат обряда обезвреживания. Трудно истолковать разрушение останков в иных целях. Во всяком случае, для этого пока нет ни археологических, ни этнографических данных по тюрко/ираноязычным или славянским народам*.

Как преднамеренно разрушенные в целях обезвреживания или без уточнения цели аналогичные по-

гребения рассматривались многими ушедшими и ныне работающими археологами (Д.Т.Березовец, Л.Н.Гумилев, В.Н.Каминский, И.А.Баранов, О.В.Иченская-Пархоменко, В.А.Кананин, Г.И.Матвеева, С.А.Плетнева, Д.А.Сташенков). В последнее время к ним присоединился украинский археолог В.В.Колода, который сообщает, что из 10 раскопанных в 1996 году катакомб IV Верхне-Салтовского могильника лишь в одной скелеты находились в анатомически правильном положении (из письма автору от 05.09.1996 г.).

Исключительно как обезвреживание этот обряд рассматривается археологами Болгарии (Дм.Димитров, Ж.Въжарова, Ж.Аладжов, К.Маламед).

Дм.Димитров писал: "Праболгары боялись, что при известных условиях душа умершего может превратиться в злого духа (вампир, вурдалак и др.). Из-за этого часто принимались меры, благодаря которым их "обезвреживали". Чтобы изолировать дух умершего и не позволить ему выйти из могилы и вредить живым, над могилами ставили большие камни, представлявшие своеобразные крыши. Против мертвецов, считавшихся особенно опасными, принимали специальные меры для обезвреживания - связывали конечности, отрезали стопы, над жизненно важными частями тела и органами (голова, область сердца, ноги) клали большие камни и так далее. Иногда, если оставалось сомнение, что вопреки принятым мерам мертвец все-таки превратится в злого духа, могилу разрывали и уничтожали некоторые важные части тела - голову, сердце" (перевод наш - В.Ф.; Димитров Дм., 1983, с.43). Позволим некоторое уточнение - праболгары боялись не духа, а непосредственно самого мертвеца.

Тема вредности умерших и принимаемых против нее мер давно и хорошо разработана болгарскими этнографами. Вплоть до XIX века включительно в Болгарии практиковали вбивание иглы, ножа или колючки в ноги, желудок или сердце трупа, рассечение ножом пяток. В 1754 году монах Николо Тулгези сообщает о "варварском обычае" вынимать у мертвецов сердце (Вакарелски Х., 1990, с.85, 86). Содержание перечисленных действий понятно: умерших лишали возможности ожить, выйти из могилы.

Не в меньшей степени те же заботы давели и над другими общностями славян. Позволим несколько пространных цитат из небольшой публикации Л.Н.Виноградовой с характерным заголовком "Чтобы покойник не ходил":

- "По данным славянской традиции, к категориям опасных покойников, которые приходят к живым после своей смерти, относятся умершие "до срока", насильственной, преждевременной смертью, самоубийцы, некрещёные дети, колдуньи и ведьмы, а так

же те, кто не разорвал окончательно связь с живыми (умершие роженицы...), ... люди, не изжившие полного века на земле, остаются и после смерти активной вредоносной силой, вторгаются в мир живых. Чтобы предотвратить "хождение" таких покойников, их хоронили со связанными ногами или босиком (белор.); подрезали сухожилия под коленями (карпат.) ..."

- "Ещё более решительные меры предпринимались в тех случаях, если в селе стало известно, что покойник все-таки "приходил". Чтобы избавиться от вредоносных визитов (способных вызвать несчастья, эпидемии, мор скота, стихийные бедствия), славяне, об этом свидетельствуют исторические источники и этнографические данные, ВЫКАПЫВАЛИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО УМЕРШЕГО, КАЛЕЧИЛИ ТРУП, ОТСЕКАЯ КОНЕЧНОСТИ ИЛИ ГОЛОВУ; ОТСЕЧЕННУЮ ГОЛОВУ РАЗМЕЩАЛИ В ГРОБУ МЕЖДУ НОГ ... ПЕРЕВОРАЧИВАЛИ ТЕЛО ЛИЦОМ ВНИЗ ... - Подобного типа факты фиксировались и в южнославянской традиции: ВЫКАПЫВАЛИ УМЕРШЕГО, ПРОВЕРЯЛИ ЕГО ПОЗУ В ГРОБУ, при малейшем подозрении на вампирические признаки ОТСЕКАЛИ ГОЛОВУ ..." (выделено нами - В.Ф.) (Виноградова Л.Н., 1993).

Приведенные данные не требуют комментариев. Посмотрим, однако, на них с археологической точки зрения. Во-первых, вскрытие могил вело к нарушению первоначальной стратиграфии заполнения. Во-вторых, скелеты в них будут иметь признаки разрушений или неестественное положение; перемещены черепа. И, наконец, в случае полного археологического обследования таких кладбищ, часть могил окажется без признаков нарушения стратиграфии и скелетов - могилы неопасных умерших, другая часть такие признаки будет иметь. Не эту ли картину мы имеем на многих раннесредневековых могильниках Восточной Европы?

Примеры действий против опасных мертвецов, как собранные Х.Вакарельским и Л.Н.Виноградовой, так и аналогичные у славянских (Мороз Й., 1989, с.128) и других народов, отличает прямота в направленности, ясность мотивировки и целей и, главное, безоговорочная, бесхитростная и наивная убежденность в их эффективности. Х.Вакарельски специально обращает внимание на недопустимость надуманных толкований таких обрядов: "Научные интерпретации всех средств против вампиризации погребенного мертвеца очень часто чрезвычайно далеки от убедительности. Во многих случаях толкователи не учитывают ("не уважают") народные мотивировки, которые очень непосредственны и ясны, исходят из реальных качеств предметов и средств вообще" (Вакарелски Х., 1990, с.88).

Однако цели обряда могли маскироваться, а мотивировка со временем трансформироваться, но при этом

* Этнография ряда народов, в частности африканских, знает кражу из могил отдельных костей для использования в магических целях, но при этом сам скелет не разрушали. Надеемся понятно, что это иные обряды, иная тема исследований.

изначальная сущность оставалась достаточно ясной. Приведу только один пример, теперь непосредственно из эпохи Хазарского каганата, в котором действия по обезвреживанию скрыты под оболочкой героизации и изложены на этот раз в художественной форме. Персонаж исландской саги Греттир проникает в курган знатного соплеменника, борется с ним в кургане, убивает его. Затем “отрубает голову и прикладывает ее к ляжкам”, а, покидая курган, забирает драгоценности и оружие из погребения. Показательно, что действия Греттира не вызвали осуждения у сына погребенного. Греттир действовал в соответствии с бытовавшими в обществе нормами. Отрубается голова и прикладывается к ляжкам и у другого героя саги - Глама (Сага о Греттире, 1976, с.31, 32, 63). Обратим внимание на следующее: 1) герой вскрывает могилу соплеменника, 2) убивает умершего, но продолжает жить в потустороннем мире, точнее прямо в кургане, 3) последняя мера - отделение головы. Интересная деталь, отмеченная у славян: помещение отрубленной головы между ног. Смысл этого не совсем ясен, тем более, что то же самое мы обнаружили и в раннеаланском могильнике Клин-Яр III в г.Кисловодске.

Для Хазарии и Алании нет письменных данных, аналогичных приведенным. И все же имеется косвенное свидетельство, на которое, правда по другому поводу, обратил внимание М.И.Артамонов. “Сохранился рассказ об одном судебном деле, решенном самим царем (Хазарии - В.Ф.). Спор возник из-за наследства, захваченного приемным сыном умершего в то время, когда его родной сын находился в отлучке ... Вернувшись после смерти отца, сын заявил претензию на наследство. Спор был разрешен следующим образом: царь приказал вырыть кости умершего и пролить на них кровь каждого из претендентов на наследство. Кровь приемыша ... стекла с костей мертвеца, а кровь родного сына впиталась в них” (Артамонов М.И., 1962, с.411, 412; Караулов Н.А., 1908, с.109, 110). Безусловно, к обряду обезвреживания этот рассказ отношения не имеет, но он содержит важную информацию для понимания эпохи. Во-первых, устанавливается сам факт возможности вскрытия при необходимости могилы родственника, предка. Во-вторых, умерший, лишенный телесного покрова, рассматривается как вполне жизнедеятельный, способный ответить на вопросы живущих. В-третьих, сама процедура обращения к костям с целью получения ответа показывает, что она была обыденным явлением.

Сюжет этого эпизода - сказочный, кочующий из культуры в культуру - подчеркивание мудрости царя, но бытовая его основа вполне реалистична. Надо полагать, обращение к останкам предков, но уже без вскрытия могилы, было в трудных и особых случаях не только обычным, но и необходимым актом. Впрочем, это давно отмечено этнографами. Вот только один пример, характеризующий устойчивость этого явления, но с воплощением в иной форме. Данный

пример из совершенно позднего общества. В среде кубанского казачества XIX - начала XX вв., украинцев по происхождению, невеста, прежде чем позвать на свадьбу родственников и знакомых, шла на кладбище и приглашала умершую родню (Лавров Л.И., 1978, с.84). Обращает на себя внимание то, что приглашение происходит не через молитву дома или в храме, не иным символическим образом, но через непосредственное обращение к самим умершим родственникам, а по существу к их костям, которые, подразумевалось, приглашение слышат, могут его принять, отклонить, а то и не одобрить принятое невестой решение. Мало того, в языческой славянской среде, в древности, невеста приходила на кладбище, можно быть уверенным, в первую очередь, для получения разрешения на брак.

Примеров, аналогичных сюжетам с хазарским царем и кубанской казачкой, множество, но во всех будет одно существенное и повторяющееся из века в век: в критической, экстраординарной ситуации требовалось не мысленное, молитвенное, как собственное, так и через шамана или жреца, обращение к предкам, а непосредственное с ними общение. И древние, конечно, понимали, что вступали в контакт не с живыми телами, а костями.

На первый взгляд может показаться, что приведенные примеры неудачны, что уважительное отношение к погребенным противоречит тезису о стремлении к разрушению их останков. Отнюдь нет. Наоборот, они указывают на возможность умерших влиять на судьбы живущих и проясняют то, что на большинстве могильников раннего средневековья разрушали не всех умерших, а чаще даже меньшинство.

Собственно, боялись всегда всех умерших, и добрых, и вредоносных, но: 1) в одних сообществах полностью господствовал страх перед умершими, он принимал гипертрофированные формы - разрушение всех или почти всех погребенных; 2) в других подход был более реалистичен - опасались и соответственно разрушали только вредоносных; 3) там, где превалировало поклонение предкам, их боялись, но одновременно надеялись на их помощь. И все же, при любом отношении к умершим, страх перед ними сохраняется всегда. Как атавизм он безотчетно бытует и в наше время в самых “цивилизованных” социальных системах.

Работая на широком археологическом, историческом и этнографическом материале Азии, Африки, Океании, Сибири, израильский ученый Ариель Голан пришел к следующему: “Обряды (погребальные - В.Ф.) свидетельствуют, что страх перед умершим был сильнее любви к нему. Тем более, что любили покойного ближайшие родичи, а погребальные обычаи вырабатывались не по их воле, но по воле остальных членов общины” (Голан А., 1993, с.46).

Вывод А.Голана чрезвычайно важен для понимания ситуации на могильниках, в которых разрушены все или большинство погребенных. Действительно, не могли же почти все члены той же Маяцкой общины быть

при жизни носителями исключительно отрицательных качеств. Дело, видимо, в том, что коллективы, которые вступили на путь разрушения отдельных погребенных, могли в конечном итоге прийти к требованиям ко всем своим членам разрушать останки родственников независимо от их желания и оценок. Постепенно обезвреживание погребенных становится общественной нормой, обязательным ритуалом.

“Все известные погребальные обряды древности свидетельствуют о страхе перед умершим, о желании, чтобы он не вернулся к живым, чтобы не воскрес” (Голан А., 1993, с.45). Отсюда логически вытекает комплекс мер, предотвращающих возвращение, и как итог - переход к разрушению их останков, как самой действенной мере.

Что касается вопроса, почему в отдельных общинах погребенных не разрушали совсем, в других разрушали отдельных, а в третьих - всех, то ответ на него может быть получен только в ходе решения более широкой и емкой проблемы о различиях в погребальной обрядности в рамках одной даже моноэтнической культуры. В целом же ясно, что для унификации погребальной обрядности, требуется унификация культуры и религиозных воззрений в рамках одного объединения (племени, государства). Ни в Хазарии, ни в Алании, ни в других раннесредневековых восточноевропейских сообществах такой уровень не был достигнут. Нельзя не согласиться с Л.И.Лавровым: “... древние народные представления и обряды варьировали не только у родственных племен, но даже внутри одной и той же общины. Это происходило потому, что древний человек, не имея письменности, руководствовался не точно фиксированными догматами “священного писания”, а указаниями авторитетных лиц, которые у разных групп населения бывали разными. Очевидно, в этом секрет частого присутствия в синхронных захоронениях одного и того же могильника разных обрядов погребения” (Лавров Л.И., 1982, с.31).

Вновь обращаясь к христианству в качестве сравнительной параллели, напомним, что даже при наличии кодифицированных норм и большого Предания, оно имеет неисчислимое множество течений, церквей, сект. Наконец, что для нас особенно важно, христианская обрядность буквально пронизана элементами язычества. Понятно, что ожидать единообразия в языческой обрядности, в том числе погребальной, не только нельзя, но методически неоправданно. Мало того, язычество предполагает разнообразие в обрядности вплоть до границ одного поселения.

Что касается обществ, практиковавших обряд обезвреживания погребенных, то они являют пример мировоззрения, далекого от какого-либо уровня абстрактного мышления. Мало того, они не были даже готовы к восприятию более сложных мировоззрений извне. В Хазарии так и не получил распространения иудаизм. На Северном Кавказе в течение столетий христианство и ислам то пускали корни, то уступали место язычеству.

Обряд обезвреживания погребенных, как элемент мировоззрения, тяготеет к первобытным верованиям, отличающимся известным прагматизмом: за ритуальным действием ожидается вполне конкретный, видимый и осязаемый результат. Если христианин ограждает себя символическим крестным знаменем, то есть уповая на помощь невидимого Бога, то язычник действовал конкретнее и напрямую: если он замечал появление умершего или ощущал его вредящие действия, то не уповал на высшие силы, действовал против умершего, как против любого реального противника, калечил или убивал его. Ставя так вопрос, мы отнюдь не утрируем. Вернемся к Афону.

Если для высококультурного православного Б.Зайцева вскрытие афонскими монахами могил единоверцев и определение их прижизненных свойств, а по сути - посмертной судьбы, показалось чем-то необычным, то для самих афонских насельников это было просто необходимо делать и делалось систематически. Естественно, без всякого осознания того, что воспроизводятся действия глубокой языческой древности. Вот некоторые сведения, собранные иеромонахом Антонием.

Об о. Григории, болгарине, умер в 1839: “По смерти его, через 3 года откопали его кости, которые оказались желты как воск. По вере афонцев это означает, что монах получил милость от Господа” (Антоний, иеромонах, 1994, с.13).

Об о. Арсени, русский, умер в 1846 г.: “Через три года [после смерти], по афонскому обычаю, откопали его кости, они оказались желты как воск и испускали благоухание” (Антоний..., 1994, с.30).

О послушнике Иакове, болгарине, XIX век: “Через три года [после смерти] откопали его кости. От них исходило дивное благоухание, а голова была полна мира. Многие, не зная его жизни, дивились...” (там же). Этот эпизод интересен тем, что о личности умершего судили по костям, даже “не зная его жизни”.

Об ученике старца Феодосия, болгарине, XIX век: “После смерти кости его благоухали” (Антоний..., 1994, с.172). То есть и здесь имело место вскрытие могилы.

Приведенные свидетельства имеют довольно устойчивую формулу. Может показаться, что, кроме положительного результата, ничего другого не ожидалось. Однако это не так. Действительно, зачем тогда надо было вскрывать могилы. Были случаи, когда вскрытые кости отнюдь не были прозрачными, что свидетельствовало о несправедливой жизни.

Интересно, что сам будучи афонцем, иеромонах Антоний (умер в 1991 г.) для характеристики афонского общества прибегает к запискам Б.Зайцева (!) и приводит следующую цитату: “Афон очень уединен и мало занят внешним... Афонцы мало знают о пестрых делах мира и судят о них не всегда удачно... Они, сравнительно, не много занимаются наукой, философией, богословием” (Антоний..., 1994, с.3).

Sic! Антоний не только приводит эту характеристику, но, по сути, полностью соглашается с нею. Так два

далеких от археологии и этнографии деятеля без всяких научных намерений, невольно и неосознанно связывали изолированность, неразвитость научных и даже богословских интересов с сохранением древнейшего языческого ритуала. Мы не имели возможности проследить его истоки, но это и не по нашей специальности. Уверены, впрочем, что искать их надо в раннем средневековье, и не исключено, что они связаны с появлением на Афоне первых болгарских монахов.

Нельзя не отметить, что этот обычай выкапывания костей сохранился на Балканах вплоть до XIX в., в том числе и в самой Болгарии, естественно, наполненный под влиянием христианства иным содержанием, аналогичным афонскому. Приведу несколько цитат из труда, который для некоторых читателей может быть недоступен.

“Три года спустя после погребения, кости усопших выкапывают из земли, перемалывают (здесь и далее разрядка наша - В.Ф.), складывают в полотняный мешочек, приносят в церковь и кладут перед епископским треном, который существует здесь даже в самых маленьких деревенских церквях. Священники благословляют кости и их погребают снова”.

“Об искоренении суевей и духовенство ни мало не заботится; впрочем, по своему невежеству оно и не может этого сделать. Суеверия крепко живут в народе и вследствие изобилия невежественных монахов в Болгарии”.

“Самый замечательный из болгарских монастырей - Рильский. В нем существует, между прочим, часовня, где можно видеть множество черепов на алтаре. Положить череп на алтарь - значит оказать большую почесть усопшему, за что родственники охотно платят. В Рильском монастыре, как и в других болгарских монастырях, умерших нередко выкапывают для того, чтобы судить по состоянию их тела, в раю или в аду их души” (Водовозова Е.Н., 1888, с.115, 116). Здесь мы имеем еще один яркий пример вращающегося языческого обряда в христианство.

Насколько нам известно, у прочих народов севера Балкан - сербов, хорватов, черногорцев и других - могилы не вскрывались. Это дает основание уверенно предполагать, что истоки сохранившегося на Афоне и в самой Болгарии обычая определения судьбы погребенных по состоянию костей с последующим их захоронением, перемалыванием, отделением черепов уходят в глубокую древность, в эпоху Первого Болгарского царства, на некрополях которого обычай обезвреживания погребенных отмечен многократно.

Важно подчеркнуть, что в столь отдаленном от раннего средневековья обществе, в данном случае болгарском, мировоззренческий примитивизм нашел отражение в консервации древней погребальной обрядности.

Вообще, при изучении как обряда обезвреживания погребенных, так и других археологически улавливаемых обрядов и верований восточноевропейского средневековья, постоянно надо иметь ввиду чрезвы-

чайную архаику не только мировоззрения, но и нравов, и психологии. Чего стоит хотя бы тот факт, что сто с лишним лет спустя после возникновения Первого Болгарского царства, царь Крум приказал сделать из черепа побежденного императора Никифора чашу для победного пира (811 г.), а через два года, после очередной победы, совершил перед воротами Константинополя жертвоприношение из людей и крупного рогатого скота (813 г.). Происходило это не в глухих степях. Обряд производил правитель, который уже не в первом поколении был хорошо знаком с достаточно цивилизованным по тому времени Византийским государством. До принятия Болгарией христианства оставалось уже менее полувека. Даже при жестокости нравов в самой Византии Феофан всё же нашел необходимым отметить эти факты, как явно поразившие византийцев своим варварством.

* * *

Ещё немного по проблеме обряда проникновения в могилы. Свою трактовку предложил Н.Ю.Кузьмин: проникновение с целью изъятия вещей и возвращения их представителям рода или семьи (Кузьмин Н.Ю., 1991, с.148). Косвенное подтверждение этому автор предлагает видеть в уже упоминавшейся “Саге о Греттире”. По его мнению, возвращенные из загробного мира вещи обретали некоторые магические свойства, становились амулетами. Этого исключить нельзя, однако, первоначальный смысл в возвращении вещей был, на наш взгляд, иным и более простым: принесённые из кургана вещи погребённого служили доказательством того, что погребённый “побеждён”, “убит”, обезврежен и его можно не опасаться. К эпохе саг обряд обезвреживания, его первоначальный смысл стали забываться. Первоначальное содержание обряда подверглось значительному переосмыслению, постепенно исчезло под поздними напластованиями. К тому же, мы имеем дело не с документом, а сагой. Не стоит приписывать героям саги то, над чем они явно не задумывались. Один из них ценит возвращенные вещи совсем не за их новые магические свойства. Подход к ним более чем прозаичен и откровенен в своей прямоте: “мало проку от сокровищ, если закопать их в землю или положить в курган”! Почему-то Н.Ю.Кузьмин не обратил внимание на это содержащееся в саге объяснение, хотя и процитировал данный пассаж. Необходимо отметить, что у Н.Ю.Кузьмина приводятся и другие наблюдения, с которыми мы должны согласиться.

И всё же. На начальной стадии изучения вскрытых погребений (а именно на этой стадии мы и находимся) необходимо рассматривать любые предположения и гипотезы. Со временем произойдёт отбор наиболее аргументированных, перспективных для дальнейшей разработки. Пожалуй, обязательным условием для этого должен быть минимальный отрыв от археологических данных. Уместно будет отметить и то, что для многих археологических культур мы располагаем ещё слишком ограниченной базой источников. Во многих регионах раскопаны десятки, в лучшем случае сотни погребений. В

научный оборот введено и того меньше (вопрос о качестве публикаций, не всегда зависящем от авторов, оставим в стороне). Достаточно указать, что при уже вековой известности катакомбных могильников Хазарии, монографически опубликованы всего лишь два (!) - Дмитриевский и Маяцкий. И это при том, что в одном только Салтовском могильнике прогнозируется несколько десятков тысяч погребений (Федоровский А., 1912, с.3). Немногим лучше положение со средневековыми могильниками Северного Кавказа.

Разумеется, с публикацией уже раскопанных могильников и исследованием новых баз данных признаков для трактовки обряда будет постоянно расширяться.

* * *

Нельзя не коснуться более принципиального вопроса, нежели трактовка археологически прослеживаемых следов конкретного обряда: каковы вообще возможности археологии в реконструкции древних верований? Реально ли ставить перед нею такую задачу? Полагаю, однозначного ответа для всех культур и времён быть не может. Тем не менее, можно встретить весьма обобщённые пессимистические прогнозы. В качестве примера приведём высказывания только одного автора: "Вследствие неполноты археологических источников реконструкция взаимосвязанной системы религиозных представлений принципиально невозможна. Мы реконструируем не систему, а фрагменты... Реконструируемые образы по самой природе наших методических и источниковедческих возможностей должны быть в большей или меньшей степени расплывчатыми и неопределёнными" (Колпаков Е.М., 1987, с.33, 34).

Попробуем прокомментировать данную точку зрения с несколько иных позиций. Во-первых, о неполноте археологических источников, к которой можно добавить отсутствие или неполноту сопутствующих письменных источников. Но таков объект археологии как науки, другого нет. Собственно задача археологии и состоит в преодолении этой неполноты путём расширения методических и источниковедческих возможностей. "Возможности" постоянно увеличиваются путём накопления новых источников с ранее неизвестными признаками, с одной стороны. С другой, расширяется инструментарий исследований, что в настоящее время выражается в создании новых методик обработки археологического материала. Далее следует сказать о крайне больном вопросе - громадная потеря информации в ходе небрежных раскопок.

Должны ли быть реконструируемые образы расплывчатыми и неопределёнными? Неверна постановка вопроса. Нельзя ставить его "вообще", не соотнося с конкретными эпохами и культурами. Вся практика археологии стоит на том, что любые реконструкции, степень их достоверности и полноты всегда зависят от состава и полноты материальных остатков конкретного памятника. Отсюда степень "расплывчатос-

ти и неопределённости" будет зависеть от конкретного состава и сохранности археологических источников, качества раскопок и полноты полевой документации, от применяемых методик. О "полноте" можно говорить только в отношении живого общества, но даже в этом случае существуют психологические барьеры восприятия явлений со стороны члена изучаемого общества и исследователя, наблюдающего это общество извне (не будем забираясь в далекие этнографические экскурсии, но напомним о многочисленных характерных примерах, когда туземцы Австралии и Африки не могли столкнуться с этнографами в отношении понятия "бог").

Что касается аланского и болгаро-хазарского наследия, то возможности для реконструкций верований, на наш взгляд, достаточно широки. Имеется неучтённое разнообразие могильных сооружений. Разнообразен, особенно в катакомбных могильниках, погребальный инвентарь. Представлено различное половозрастное сочетание погребённых. Известны так называемые тризны, захоронения животных. Захоронения животных и людей есть на многих поселениях в жилищах и хозяйственных ямах. Наконец, стали выявляться и храмовые сооружения. Такие давно известны в болгарских столицах Плиске и Преславе. Теперь они открыты на Маяцком поселении (Винников А.З., Афанасьев Г.Е., 1991, с.118), Хумаринском городище (Биджиев Х.Х., 1983, с.45-48). Это перечисление можно продолжать ещё по десяткам направлений.

Что особенно важно, мы имеем благодаря раскопкам поселений достаточно полное представление об изучаемых сообществах в целом, что базируется на знании домостроительства, орудий труда, отраслей хозяйства, оружия, крепостного строительства и многого другого.

Наконец, религиозные представления и некоторые обряды как в раннесредневековой Юго-Восточной Европе, так и в сопредельных странах (что немало важно), отражены в письменных источниках.

Всё это вместе взятое позволяет составить представление о верованиях интересующих нас регионов и, акцентируем внимание, положительно ответить на вопрос: возможно ли было в принципе существование здесь обряда обезвреживания погребённых.

Безусловно, при исследовании верований, даже при такой полноте источников, которыми мы располагаем по культурам Хазарии, Алании, Первого Болгарского царства, наши представления о них всегда будут иметь какую-то степень неопределённости, даже с учетом постоянного количественного роста этих источников. В этом мы отчасти должны согласиться с Е.М.Колпаковым. Однако подходить к возможностям археологии и оценивать её как науку следует с точки зрения того, что она смогла и что может дать в изучении древних обществ, а не по тому, чего она в принципе дать не в состоянии.

* * *

Суммируя предложенный очень краткий обзор, можно выделить следующие основные проблемы, а соответственно и задачи исследования могильников с обрядом обезвреживания погребенных.

1. Первая проблема может быть обозначена как источниковедческая. Имеется в виду целенаправленный поиск и выделение среди совокупности исследуемых погребений тех, которые бесспорно имеют следы этого обряда. Это связано, в первую очередь, с совершенствованием методики раскопок с одной стороны и предельной тщательностью и добросовестностью в фиксации их результатов, с другой. Внимание должно обращаться на стратиграфию заполнения, фрагменты керамики и другие малозаметные и только на первый взгляд малозначимые признаки.

Особая тема раскопок - скелет. При изучении обряда обезвреживания имеет значение положение буквально каждой кости, вплоть до мельчайших. Необходимо не только ювелирная расчистка костей. Должен быть прослежен весь процесс разрушения скелета, вся очередность в перемещении костей.

2. Проблема вторая, также источниковедческая. Путем не менее тщательных раскопок выделить погребения, ограбленные в прямом смысле этого понятия. Следствием этого станет умение дифференцировать погребения со следами обрядовых действий и действительно ограбленные. Проблема эта назрела, чему служит подтверждением появление, в частности, публикации с симптоматичным заголовком "Ограбление или обряд?". Указывая на столь часто встречаемый приговор - могила ограблена, автор справедливо замечает: "Этой фразой сразу же снижается археологическая значимость объекта, степень доверия к источнику и, вследствие этого его информативность, ... вне поля зрения исследователей остается ценнейший материал, который при определенном подходе дополняет научные выводы, основанные на изучении не ограбленных погребений, а в отдельных случаях даёт принципиально новую информацию" (Кузьмин Н.Ю., 1991, с.146, 147). Сегодня в эту фразу необходимо внести коррективу. Речь идет не об отдельных случаях, но о тысячах и тысячах погребений, за которыми скрывается принципиально новый пласт источников и колоссальная информация, о которой мы до недавнего времени даже не подозревали.

3. Самая сложная проблема - истолкование источника, в нашем случае - нарушенных погребений. Базируясь на данных, полученных на исследовавшихся нами могильниках Маяцкий и Клин-Яр III (г.Кисловодск), мы рассматриваем обряды этих памятников, как и могильников с аналогичными признаками, как обряды по обезвреживанию погребенных. Такому выводу соответствует не только громадная совокупность этнографических материалов, но и независимо друг от друга сделанные археологами заключения в ходе раскопок разных памятников Восточной и Центральной Европы

раннего средневековья. Что касается могильника Клин-Яр III, то на нём обезвреживание фиксируется с I века н.э.

* * *

Обряд обезвреживания погребенных до настоящего времени рассматривался исключительно как отражение религиозного мировоззрения. Позволим себе поделиться некоторыми нашими наблюдениями о связи данного обряда с совершенно иной проблемой - оседания кочевников, седентаризации. Собранные нами материалы по раннесредневековым культурам от Волго-Камья до Болгарии и Венгрии, от Среднего Дона до Северного Кавказа, приводят к выводу о том, что обезвреживание путем проникновения в могилы получило распространение преимущественно у оседлого населения. В предшествующий период такая связь между оседлостью и обрядом обезвреживания погребенных хорошо устанавливается на материалах оседлых племён черняховской культуры (Сымонович Э.А., 1963; 1967а; 1967б).

Если мы имеем дело с недавними кочевниками, ранее практиковавшими подкурганый обряд погребения, то с оседанием они переходят, как правило, к так называемым грунтовым могилам, с которыми и связано широкое распространение обезвреживания погребенных. Этот вывод мы делали преимущественно на материалах Хазарии, Первого Болгарского Царства, Северного Кавказа. Теперь он получает новое подтверждение в материалах могильников ранних болгар Самарской Луки. Здесь прекрасно прослеживается процесс перехода от курганных к бескурганым захоронениям, причем обезвреживание получает широкое распространение ещё в курганных могильниках, но уже явно оседавшего праболгарского объединения (Матвеева Г.И., 1997).

Естественно предположить, что само представление об опасности умерших существовало и на стадии кочевания, но с оседанием меры против погребенных начинают принимать более действенные.

Вероятно, объяснение можно видеть в следующем. Кочевник менее "общался" со своими погребенными. На большую или значительную часть года он отдалялся от них в ходе сезонных перекочёвок. Умершие за ним не кочуют - они привязаны к местам захоронения, к могилам, то есть местам "обитания". Курганные захоронения не обязательно концентрируются в большие кладбища. У кочевников единичные курганы могут быть рассеяны по всей степи. Часто кочевники вообще совершают отдельные захоронения в чужих курганах. Кстати, наивно полагать, что они всегда принимали их за курганы своих далеких предков. Вероятно, дело обстояло гораздо проще: небольшой кочующий коллектив просто не всегда имел силы и возможности для сооружения подобающего кургана, особенно в военное время. Главное же, стада требовали постоянных переходов на новые пастбища.

Наконец, кочевники были склонны в силу разных причин к полной смене мест обитания, переселяясь за

сотни и тысячи километров. Могилы соплеменников при этом покидались навсегда.

С переходом к оседлости всё менялось. Теперь умершие постоянно находились рядом с живыми и могли "посещать" их в любое время. Чем более разрасталось поселение, тем больше скапливалось около него погребенных. Небезынтересно отметить, что согласно болгарским верованиям "души ... ходят группами, сдружившимися на том свете" (Вакарелски Х., 1990, с.39). Понятно, что такие групповые "явления" были еще более неприятны, нежели одиночные. Кроме прочего, жить на поселении приходилось рядом не только со своими покойниками, но и с чужими, которых было много больше. Вот эта непрерывно возрастающая угроза и заставляла принимать разнообразные, в конечном итоге ставшие превентивными, меры против умерших. Каждая

семья защищалась от своих опасных умерших, а все поселение защищалось в совокупности от всех. Вступали в силу коллективное мнение и общие интересы.

Предположение о связи обряда обезвреживания к оседлостью, конечно, нуждается в проверке на массовом материале. Во всяком случае, наши выборочные наблюдения по курганным погребениям поздних кочевников восточноевропейских степей его подтверждают. Вряд ли глубина их мировоззренческих идей (половцев, например) была более высока, нежели у кочевников в предшествующее время.

Таким образом, обряд обезвреживания, вероятно, может служить ещё одним индикатором перехода к оседлости. При этом не следует забывать, что с оседанием кочевники ещё некоторое время придерживались прежнего погребального обряда, как упоминавшиеся пра-

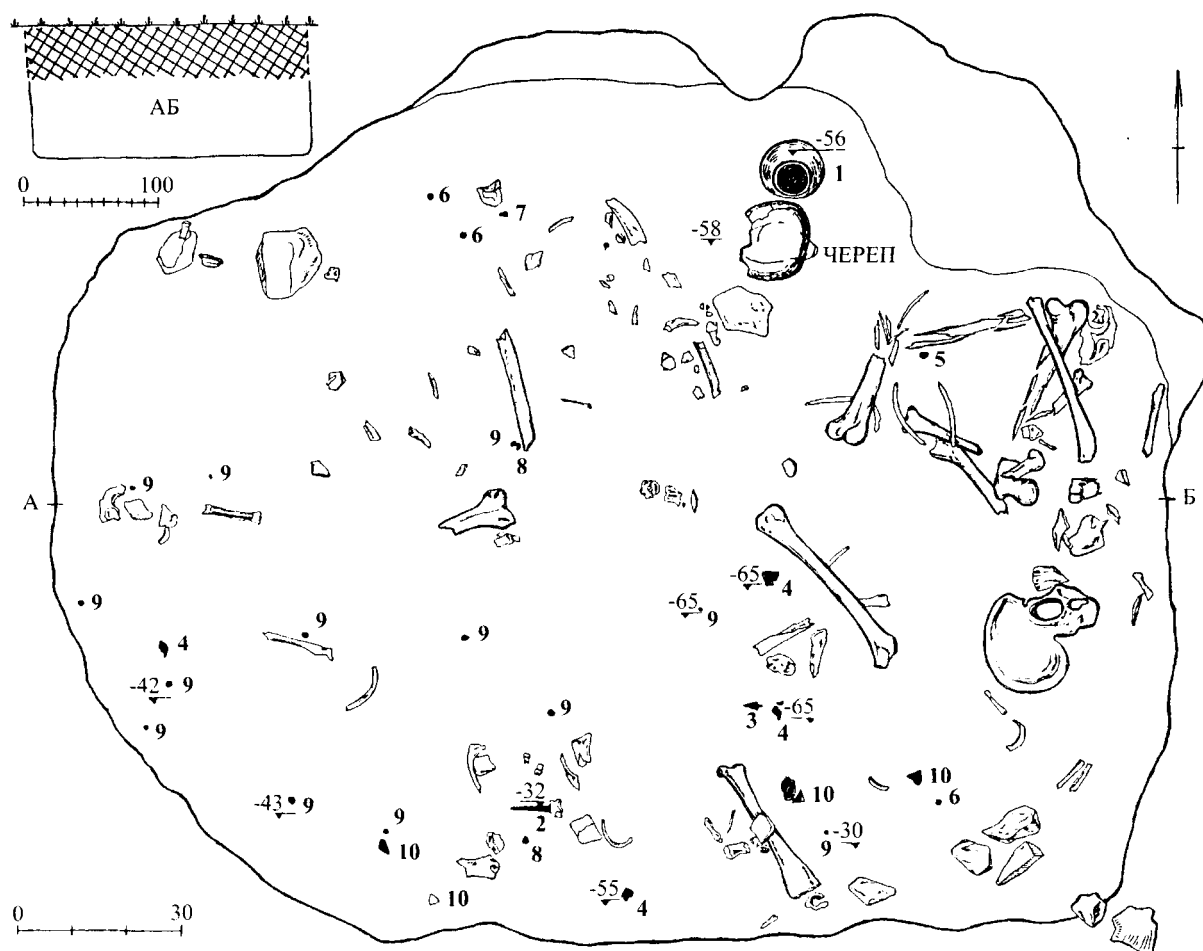

Рис. 1. Могильник Клинь-Яр III. Погребение № 14. Публикуется впервые. 1 – кружка; 2 – нож; 3 – наконечник стрелы, железный; 4 – фрагменты зеркала; 5 – бусина, халцедон.

Fig. 1. The Klyn-Yar burial III. The interment No14. The first publication. 1 – the cup; 2 – the knife; 3 – the iron arrow-head; 4 – the mirror fragments; 5 – the bead, chalcedony.

Abb. 1. Grab Klin-Jar III. Grabstätte 14. Es wird zum erstenmal veröffentlicht. 1 – Becher; 2 – Messer; 3 – eiserne Pfeilzwinge; 4 – Spiegelfragmente; 5 – Glasperle, Chalzedon.

Dessin 1. Nécropole de Klin-ÿar III. Sépulture 14. Première édition. 1 – gobelet; 2 – couteau; 3 – pointe en fer d'une flèche; 4 – fragments d'une glace; 5 – perle de calcédoine

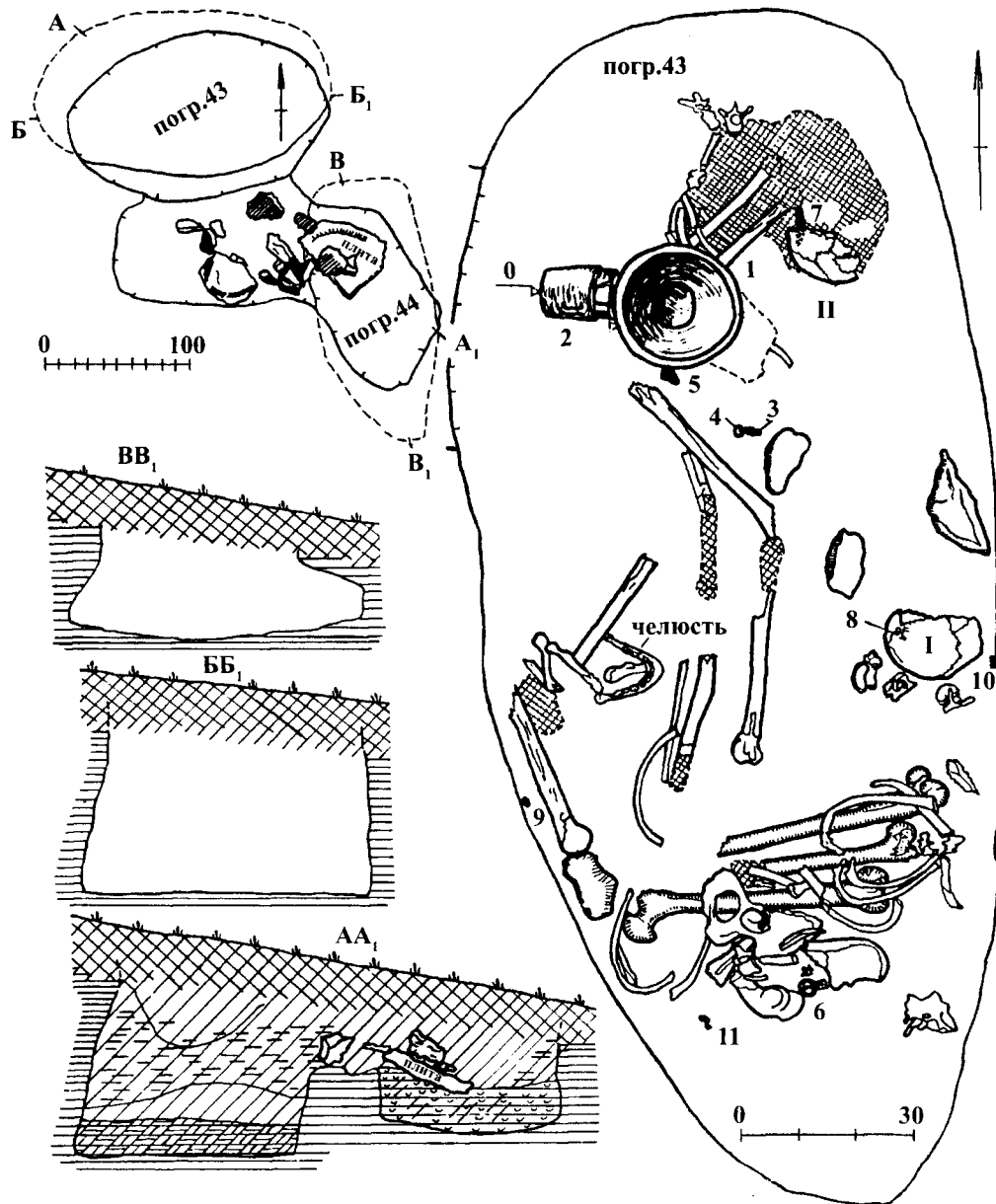

Рис. 2. Могильник Клинь-Яр III. Катакомба № 43/44. Публикуется впервые. На плане погребальной камеры 44: 1 – миска; 2 – кружка; 3 – подвеска, египетский фаянс; 4 – бусина, сердолик; 5 – кремь; 6 – пряжка, сплав на основе меди; 7 – нож; 8 – пряжка железная; 9-11 – фрагмент ножа.

Fig. 2. The Klyn-Yar burial III. Catacomb No 43/44. The first publication. In the plan of the interment chamber 44: 1 – the basin; 2 – the cup; 3 – the pendant, Egyptian faience; 4 – the bead, cornelian; 5 – the flint; 6 – the clasp, the copper based alloy; 7 – the knife; 8 – the iron clasp; 9-11 – the knife fragments.

Abb. 2. Grab Klin-Jar III. Katakombе № 43/44. Es wird zum erstenmal veröffentlicht. Auf dem Plan der Beerdigungskammer 44 befinden sich: 1 – Schlüssel; 2 – Becher; 3 – Anhängsel, ägyptische Fayence; 4 – Glasperle, Karneol; 5 – Kieselstein; 6 – Schnalle, Kupferliegerung; 7 – Messer; 8 – Eisenschnalle; 9-11 – Messerfragmente.

Dessin 2. Nécropole de Klin-Ïar III. Catacombe № 43/44. Première édition. Plan d'une chambre funéraire 44: 1 – assiette; 2 – gobelet; 3 – pendentif en faïence égyptienne; 4 – perle de carnoline; 5 – silex; 6 – boucle, alliage à la base de cuivre; 7 – couteau; 8 – boucle de fer; 9-11 – fragments d'un couteau

болгары Самарской Луки, сохранявшие длительное время традицию хоронить под курганами.

* * *

Мы не склонны абсолютизировать как предложенные здесь свои наблюдения и выводы, так и опыт других авторов. Изучение обряда обезвреживания погребенных только начинается, а многим археологам он вообще неизвестен. Впереди ещё предстоят дискуссии как по обряду в целом, так и по отдельным его проявлениям, тем более, что количество могильников с этим обрядом постоянно возрастает. Расширяется география таких открытий, расширяется и хронологический диапазон.

Мы перечислили некоторые проблемы, связанные с обрядом, но их решению должно предшествовать выполнение одного условия: научиться опознавать его в ходе раскопок! Пока этого не произойдет, все обсуждения и дискуссии бессмысленны. Кроме того, надо научиться опознавать обезвреживание в документации прошлых раскопок, прежде всего собственных.

* * *

В настоящей статье не рассматривался конкретный археологический материал. В заключение, чтобы восполнить этот пробел, предлагается несколько чертежей с краткими комментариями к ним могильника Клин-Яр III, расположенного в Центральном Предкавказье в г. Кисловодске.

Для данной публикации этот памятник выбран не случайно. Его уникальная научная ценность заключается в том, что обряд обезвреживания здесь распространяется в первые века н.э. и бытует непрерывно до начала VIII в., когда функционирование могильника прекращается. Это дает основание рассматривать регион Кисловодска, как один из центров возникновения обряда обезвреживания. Вероятно, именно отсюда в конце VII - начале VIII вв. он проникает вместе с его носителями в бассейн Среднего Дона - Северского Донца. Таким образом, мы получаем ещё один аргумент в подтверждение того, что регион Кавказских Минеральных Вод был одним из исходных пунктов переселения части аланских племен в Хазарский каганат, где они приняли участие в формировании салто-маяцкой культуры.

Всего на могильнике Клин-Яр III вскрыто в 1983-1986 гг. более сорока захоронений I в. до н.э. - IV в. н.э., из которых обряд обезвреживания представлен в разных видах в не менее, чем 35 катакомбах, ямах и подбойных погребениях. Ниже дается краткая информация о пяти из них: №№ 14, 43/44, 56, 116, 122.

Погребение № 14 (рис. 1). I - начало II вв. Тип - круглая яма. Погребенные - женщина и ребенок. После захоронения их тела были полностью засыпаны грунтом. При вскрытии ямы, в ходе обряда обезвреживания, грунт из ямы был выбран до появления костей. Последние, конечно, не расчищались, как это делается в процессе современных раскопок. Наиболее крупные из

них пытались вынимать из грунта, и при этом большинство оказалось сломанными. Основная же масса костей была просто перекопана вместе с находившимися тут же вещами (зеркало, нож, астрагал, наконечник стрелы, бусы и бисер). Единственный оставшийся на месте предмет - кружка. Примечательно, что зеркало было не только разломано, но его фрагменты рассеяны затем по всей яме.

Катакомба № 43/44 (рис. 2). II - начало III вв. Катакомба двухкамерная. В одной из камер (вторая разрыта неизвестными в недавнее время) представлено не часто встречающееся на могильнике полное разрушение обоих скелетов. Реконструкция дает следующее.

После похорон камера не засыпалась грунтом и в таком состоянии закрыта каменной плитой, что обеспечивало доступ к останкам при последующем вскрытии, которое и произошло после истлевания мягких тканей. Оба скелета были полностью разрушены, часть костей была сложена в виде характерной для обряда обезвреживания груды. Конечной операцией было размещение бывшей в камере керамики в сочетании, так же типичном для обряда обезвреживания: один сосуд - на боку (кружка), второй - в обычном для сосуда положении (в данном случае - миска). По завершении обряда камера была полностью засыпана грунтом, но плита с дополнительными камнями на место уже не установлена - необходимость в этом отпала. Они брошены во вторичное заполнение входной ямы.

Катакомба № 56 (рис. 3). I - первая половина III вв. Захоронение оказалось чрезвычайно интересным. Дело в том, что в ряде катакомб могильника в ходе обряда обезвреживания многие кости из камер удалялись. Судьба их оставалась неизвестной. Раскопки катакомбы № 56 показали, что они могли переноситься в другие камеры. Таким образом, открылась ещё одна сторона погребального обряда, хотя смысл её не совсем ясен.

Катакомба № 56 первоначально предназначалась только для одного человека, скелет которого после вскрытия незаполненной камеры остался почти ненарушенным, хотя ряд повреждений ему всё-таки нанесли. В основном же, цель вскрытия камеры состояла в перенесении в неё отдельных костей ещё минимум двух скелетов, ранее находившихся в других катакомбах. Возможно, и в одной. Кости одного из них вместе с черепом (на рис. тонированы точками) брошены непосредственно в погребальную камеру. Кости второго брошены перед входом. Наконец, во входной яме найдена ещё одна кость, принадлежавшая совершенно иному скелету. Описанная картина встречена на могильнике Клин-Яр III впервые. Перенос костей из одной камеры в другую, насколько нам известно, до сих пор не отмечен и на других синхронных могильниках Северного Кавказа.

Обратим внимание на интересную деталь - в катакомбе № 56 совершенно отсутствовали какие-либо вещи.

Катакомба № 116 (рис. 4). II - III вв. н.э. Содержала захоронение одного человека в положении "вытянуто на спине". Первоначально камера не была заполнена грунтом, но закрыта плитой с дополнитель-

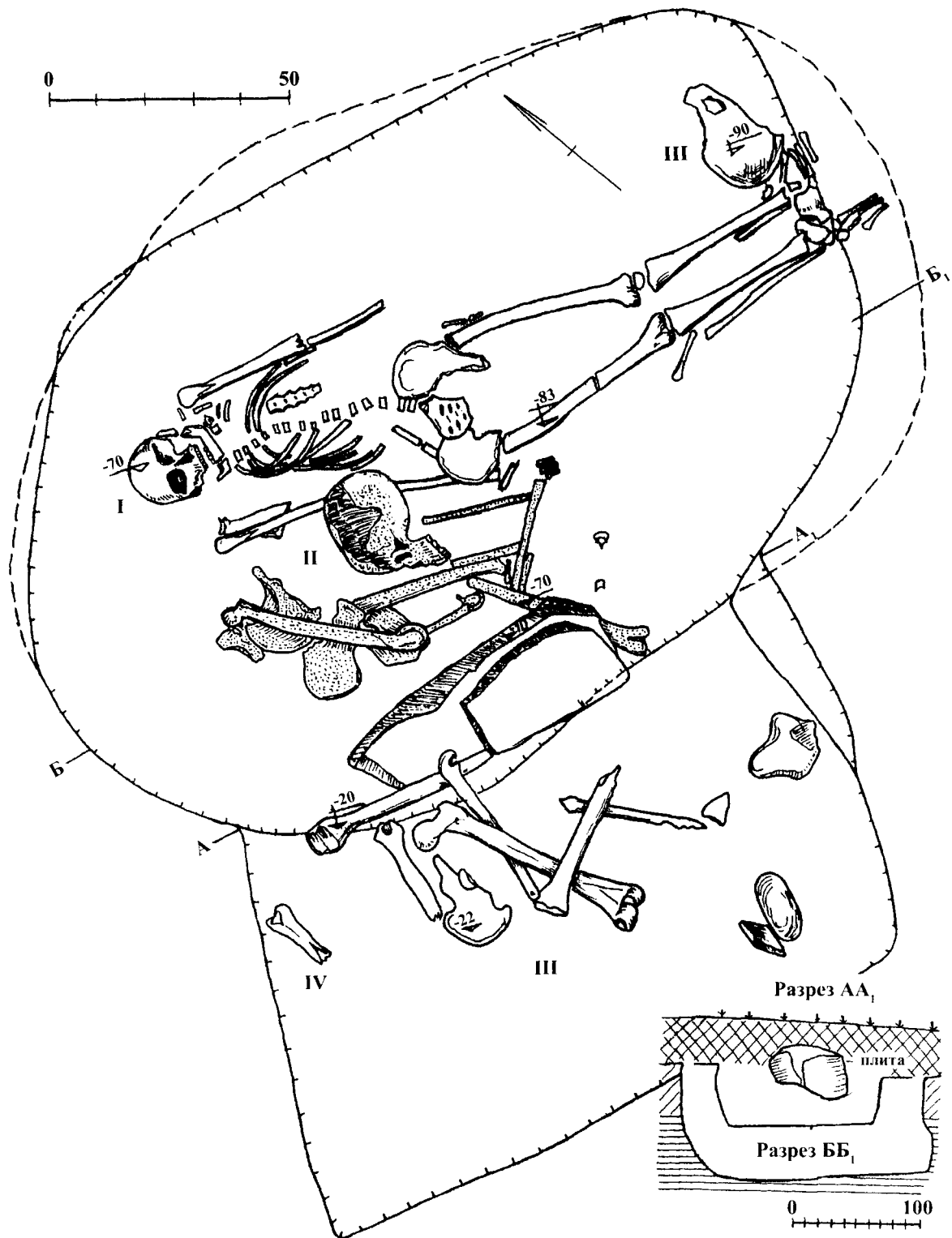

Рис. 3. Могильник Клин-Яр III. Катакомба № 56. Публикуется впервые. I-IV – номера костных останков четырех погребенных.

Fig. 3. The Klyn-Yar burial III. Catacomb No56. The first publication. I-IV – numbers of the osseous remains of the four buried.

Abb. 3. Grab Klin-Jar III. Katakombе №56. Es wird zum erstenmal veröffentlicht. I-IV – Knochenleichennummern der 4 Beerdigten.

Dessin 3. Nécropole de Klin-Ĵar III. Catacombe № 56. Première édition. I-IV – №№ des restes osseux de 4 inhumés

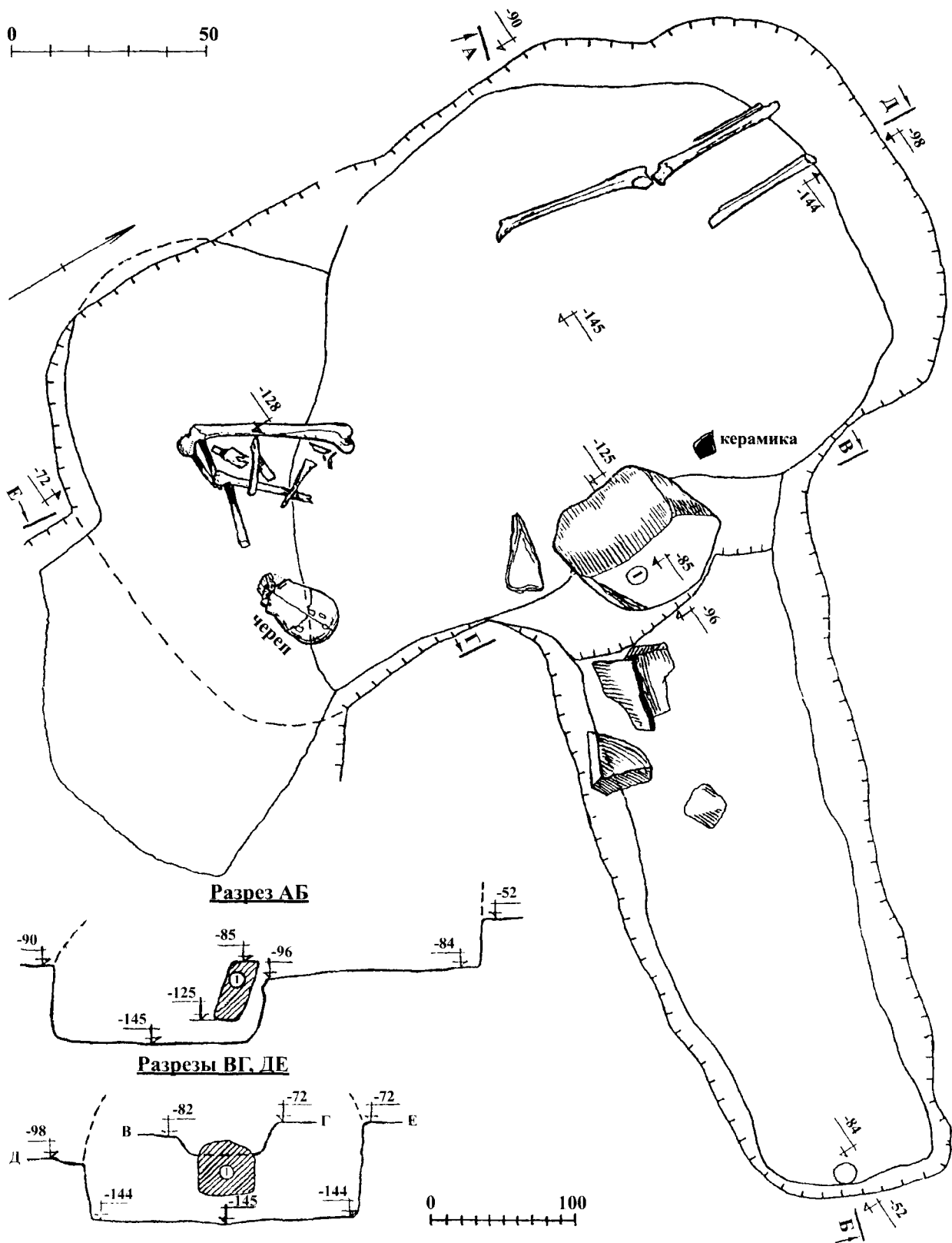

Рис. 4. Могильник Клин-Яр III. Катакомба № 116. Публикуется впервые.
 Fig. 4. The Klyn-Yar burial III. Catacomb No116. The first publication.
 Abb. 4. Grab Klin-Jar III. Katakombе №116. Es wird zum erstenmal veröffentlicht.
 Dessin 4. Néropole de Klin-Ïar III. Catacombe № 116. Première édition

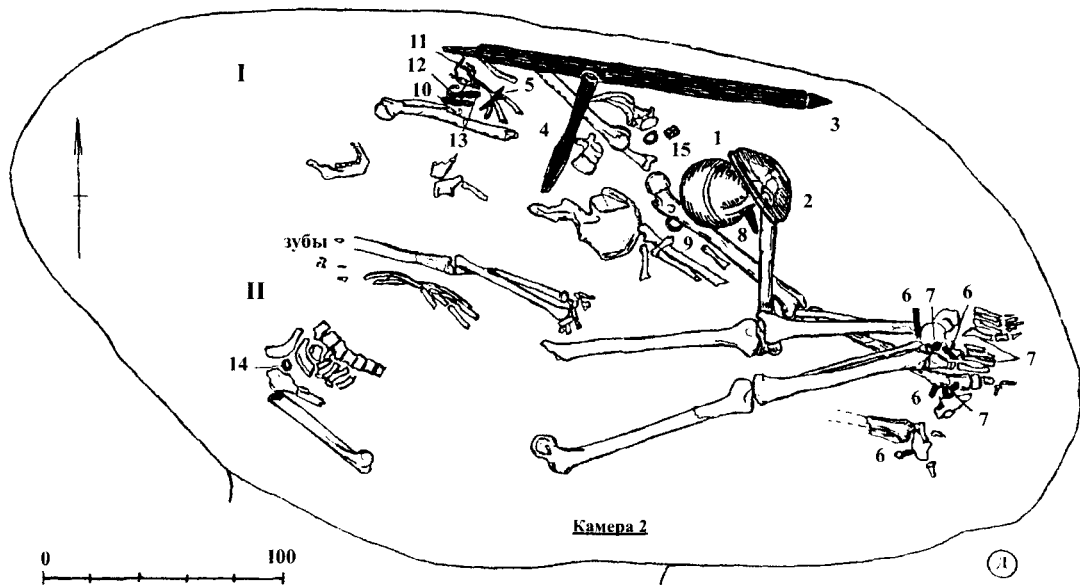
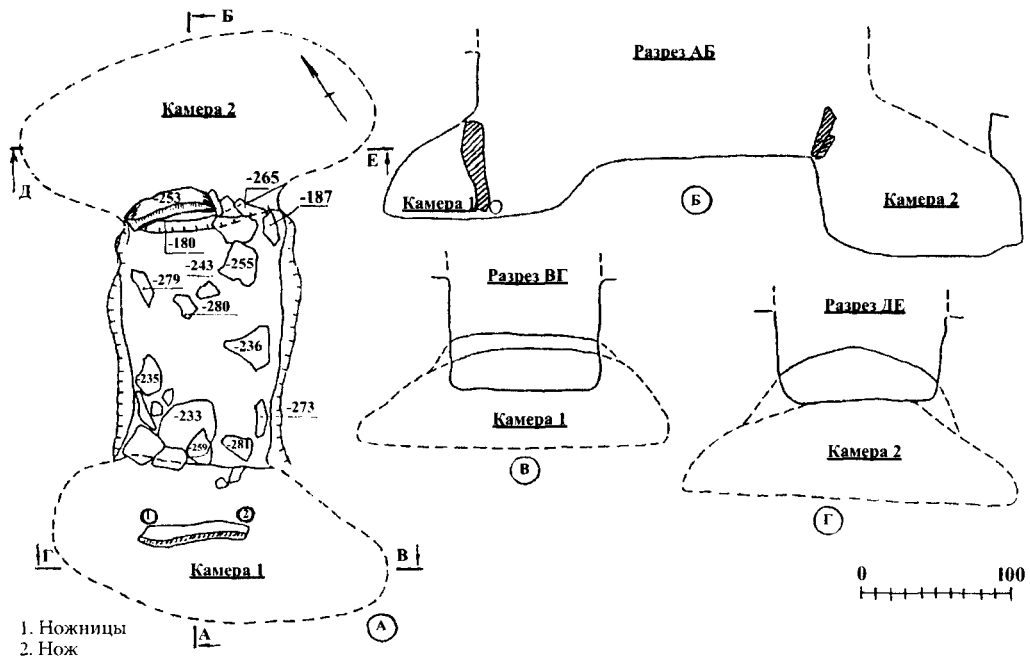

Рис. 5. Могильник Клинь-Яр III. Катакомба № 122. Публикуется впервые. Д – план камеры 2: 1 – кувшин; 2 – миска; 3 – меч; 4 – наконечник копья; 5 – удила; 6, 7 – пряжки и накладки обуви; 8 – нож; 9 – пряжка, сплав на основе меди; 10 – наконечники ремней; 11 – оселок; 12 – удила; 13 – нож; 14 – обойма медная; 15 – пряжки овальнорамчатые железные.

Fig. 5. The Klyn-Yar burial III. Catacomb No 122. The first publication. Д – the 2nd chamber plan: 1 – the jug; 2 – the basin; 3 – the sword; 4 – the spearhead; 5 – the bit; 6, 7 – the clasps and footwear decorations; 8 – the knife; 9 – the clasp, the copper based alloy; 10 – the belt heads; 11 – the whetstone; 12 – the bit; 13 – the knife; 14 – the copper holder; 15 – the iron oval-framed clasps.

Abb.5. Grab Klin-Jar III. Katakombе № 122. Es wird zum erstenmal veröffentlicht. Д – Plan der Kammer 2: 1 – Krug; 2 – Schüssel; 3 – Schwert; 4 – Speerspitze; 5 – Gebiss; 6, 7 – Schuhschnallen und -aufgestücke; 8 – Messer; 9 – Schnalle, Kupferliegerung; 10 – Gürtelspitzen; 11 – Schleifstein; 12 – Gebiss; 13 – Messer; 14 – kupferner Ladestreifen; 15 – eiserne Ovalschnallen.

Dessin 5. Nécropole de Klin-Jar III. Catacombe № 122. Première édition. Д – Plan de la chambre 2: 1 – cruche; 2 – assiette; 3 – glaive; 4 – pointe d'une lance; 5 – freins; 6, 7 – agrafes et appliques pour la chaussure; 8 – couteau; 9 – boucle, alliage à la base de cuivre; 10 – ferrets pour la ceinture; 11 – pierre à aiguiser; 12 – freins; 13 – couteau; 14 – frette de cuivre; 15 – boucles de fer ovales

ными камнями. В ходе обряда обезвреживания череп был отброшен в левый передний угол. Большая часть костей из камеры удалена, а оставшиеся сложены грудой на месте черепа. Только длинные кости левой ноги и берцовые правой сохранили первоначальное положение. Единственный предмет в камере - фрагмент сосуда. В целом, картина обряда обезвреживания в катакомбе № 116 типична для могильника.

К а т а к о м б а № 122, двухкамерная (рис. 5). III в. н.э. В камере 1, судя по наличию зеркала, фибулы, ножниц, бус, была захоронена женщина. В ходе обряда обезвреживания её кости были полностью из камеры удалены, надо полагать, для перезахоронения.

Ситуация в камере 2 значительно сложнее.

Первый этап. В ней был погребён воин-мужчина с набором оружия (меч, копье, кинжал) и удилами. Камера оставалась не заполненной, но была закрыта плитой.

Второй этап. Камера вскрывается, производится разрушение скелета мужчины, при этом часть костей и череп из камеры удаляются. Оружие переносится к задней стенке. Перемещены и бывшие при мужчине сосуды - кувшин накрыт миской, а под ними оказался кинжал. На освободившееся место погребается женщина, после чего камера вновь, по-видимому, осталась не заполненной, а плита установлена перед входом в камеру.

Третий этап. Его содержание - типичное обезвреживание, которому был подвергнут скелет женщины. Часть костей её скелета из камеры удаляется. Примечательно, что в камере после двух проникновений осталось значительное количество вещей, включая полузолотую подвеску. После обезвреживания женщины, камера, наконец, полностью заполняется грунтом, а

закладная плита весьма небрежно, чисто символически, устанавливается перед входом.

В связи с ситуацией в катакомбе № 122 возникли два вопроса, которые необходимо упомянуть, хотя прямого ответа на них нет.

Первый вопрос. Какова последовательность захоронений в первой и второй камерах и в какой последовательности происходили проникновения в них?

Прямого ответа на этот вопрос в ходе раскопок получить не удалось. Судя по очертаниям дромоса, катакомба сразу сооружалась как двухкамерная, что дает некоторое основание предполагать одновременность захоронений в первой камере женщины и во второй мужчины. В какой последовательности происходило дальнейшее, остается только гадать. Стратиграфических данных нет - заполнение дромоса и обеих камер оказалось однородным.

Второй вопрос. Было ли разрушение скелета мужчины вызвано только необходимостью освободить место для подзахоронения второй женщины, или же в перемещение его костей вкладывался и иной смысл? Последнее очень вероятно. К этому выводу приводит отсутствие в камере его черепа и ряда костей, а также бережное отношение к его вещам. Сочетание оказалось весьма интересным: скелет разрушен, но оружие при нём сохранено.

Нам остаётся надеяться, что даже столь краткая информация об итогах раскопок могильника Клин-Яр III обратит внимание и других исследователей на появление обряда разрушения скелетов, по крайней мере, с рубежа нашей эры, причем не только в грунтовых, но и в курганных могильниках юга Восточной Европы. И на первых порах важна не трактовка данного обряда, а установление самого факта его бытования.

Литература и архивные материалы

1. Антоний, иеромонах (Святогорец), 1994. Жизнеописания афонских подвижников благочестия XIX века. М.
2. Артамонов М.И., 1962. История хазар. Л.
3. Вакарелски Х., 1990. Български погребални обичаи. Сравнително изучаване. София.
4. Виноградова Л.Н., 1993. Чтобы покойник "не ходил": комплекс мер в составе погребального обряда// Конференция "Истоки русской культуры". Тезисы докладов. М.
5. Водовозова Е.Н., 1888. Жизнь европейских народов. Том 1. Изд.4. СПб.
6. Галданова Г.Р., 1987. Доламаистические верования бурят. Новосибирск.
7. Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.
8. Голан А., 1993. Миф и реальность. М.
9. Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.
10. Димитров Дм., 1983. Археологически проучвания във Варненско за периода VI-X вв.// Известия на народния музей - Варна. Книга (Томе) 19 (34).
11. Зайцев Б., 1990. Афон// Литературная учеба. Кн. 4. М.
12. Иченская О.В., 1981. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника// Древности Среднего Поднепровья. К.

13. Караулов Н.А., 1908. Сведения арабских географов IX - X вв. по РХ о Кавказе, Армении и Азербайджане// СМОМПК. Вып. XXXVIII.
14. Колпаков Е.М., 1987. Религиозные представления и археологические данные// Конференция "Религиозные представления в первобытном обществе". Тезисы докладов. М.
15. Круглов Е.В., 1992. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли// РА. № 4.
16. Кузьмин Н.Ю., 1991. Ограбление или обряд?// Реконструкция древних верований: источники, метод, обряд. СПб.
17. Лавров Л.И., 1978. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.
18. Лавров Л.И., 1982. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). Л.
19. Матвеева Г.И., 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.
20. Мороз Й., 1989. Женски демонични образи в българския фолклор и вярвания// Известия на Института по култура / 89. 1. София.
21. Плетнёва С.А., 1967. От кочевий к городам. М.
22. Плетнёва С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. М.
23. Сага о Греттире, 1976. Новосибирск.
24. Сымонович Э.А., 1963. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху// СА. № 1.
25. Сымонович Э.А., 1967а. Итоги исследования черняховских памятников в Северном Причерноморье// История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. М.
26. Сымонович Э.А., 1967б. Новые работы в селе Черняхове// История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. М.
27. Токарев С.А., 1983. О жертвоприношениях// Природа. № 10.
28. Федоровский А., 1912. Верхне-Салтовский камерный могильник VIII - X вв.// Вестник Харьковского историко-филологического общества. Вып. II. Харьков.
29. Флёров В.С., 1984. Маяцкий могильник// Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.
30. Флёров В.С., 1990. Маяцкий могильник (раскопки 1979 года)// Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.
31. Флёров В.С., 1993. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). Волгоград.
32. Флёров В.С., 1997. Салтово-маяцкая культура: проблема ограбленности погребений// Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию Д.И.Багалея. Харьков.
33. Флёров В.С., 1998. Проблемы стратиграфии раннесредневековых катакомб// Юбилейные международные XX "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Ставрополь.

Summary

V.S. Fliorov (Moscow)

The Research on the Ceremony of Rendering the Buried Harmless in the Early Medieval Eastern Europe

The article is written on the basis of Khasar kaganate data (Saltovo-Mayaky archaeological culture; Флёров В.С., 1984, 1990, 1993) and is devoted to the ceremony of rendering the buried harmless. Nowadays this ceremony is being found on many burials of different early medieval cultures of Eastern Europe on the territory from the Ural to the Balkans.

The ceremony appeared at the beginning of the 1st c. A.D. (Cherniakhov culture; Сымонович Э.А., 1963, 1967). Fliorov discovered this ceremony in the Northern Caucasus in interments of the 1st-4th cc of Klyn-Yar burial III (excavations of 1983-1986).

The investigated ceremony is characteristic mainly for settled people. The nomads started to follow it only after their transactions to the settled way of life, when the big burials appeared near their settlements. The ceremony of rendering harmless is known in ethnography as existing up to the beginning of the 20th c, mainly in Bulgaria, Aphon.

At present the task of the reconsideration the excavations results of all early medieval burials with the aim of revealing the interments with neutralization in them is highly actual. The author points at the necessity to differentiate between the interments with the neutralization and the robbed interments. It requires the perfection of the excavation method (Флёров В.С., 1997, 1998).

W.S., Fljorow (Moskau)
**Erforschungen des Rituals des frühmittelalterlichen Osteuropas,
das die Beerdigten unschädlich macht**

Der Artikel fußt auf den Angaben von dem Chasarer-Kaganat (die Saltowo-Majaki-Kultur; Флёрв В.С., 1984, 1990, 1993) und ist dem Ritual gewidmet, das die Beerdigten unschädlich macht. Zur Zeit ist dieses Ritual auf vielen Grabstätten verschiedener frühmittelalterlicher Kultur en Osteuropas vom Ural bis zur Balkaninsel bekannt.

Dieses Ritual entstand im 1. Jahrtausend u. Z. (Tschernjachow-Kultur; СЫМОНОВИЧ Э.А., 1963, 1967). Fljorow entdeckte dieses Ritual am Nordkaukasus in den Gräbern des 1.-4. Jhs. in der Grabstätte Klin Jar III (Ausgrabungen der Jahre 1983-1986).

Das Ritual wurde vorwiegend bei sesshaften Völkern entdeckt. Bei Nomaden entsteht das Ritual mit dem Übergang zur Sesshaftigkeit. In der Ethnographie ist dieses Ritual bis Anfang des 20. Jhs. bekannt, insbesondere in Bulgarien und in Aphon.

Heutzutage ist das Problem der Überprüfung der Ergebnisse von den Ausgrabungen aller frühmittelalterlichen Grabstätten ziemlich aktuell zwecks der Feststellung der Gräber mit diesem Ritual. Der Autor weist darauf hin, daß man zwischen den Gräbern mit diesem Ritual und den ausgeraubten Gräbern unterscheiden muß. Das verlangt Verbesserung der Ausgrabungsmethode (Флёрв В.С., 1997, 1998).

V.S. Fljorov (Moscou)
**Recherches sur la cérémonie de l'inoffension des inhumés
à l'époque du haut Moyen Âge en Europe de l'Est**

L'article est écrit à la base des données du khaganat Khazar (civilisation archéologique de Saltovo et de Majaki; Флёрв В.С., 1984, 1990, 1993). Il est consacré à la cérémonie de l'inoffension. Ce rite est actuellement connu à partir de plusieurs nécropoles des différentes civilisations de l'époque du haut Moyen Âge sur le territoire de l'Europe de l'est, des Monts Oural jusqu'aux Balkans.

L'apparition de la cérémonie date du début du 1 millénaire de notre ère (civilisation tcherniakhov; СЫМОНОВИЧ Э.А., 1963, 1967). Fljorov V.S. découvre ce rite au nord du Caucase dans les sépultures des 1-4 siècles de la nécropole de Klin-Jar III (fouilles des années 1983-1986).

Le rite étudié est surtout typique pour les peuples attachées au sol. Les nomades le voient naître avec le passage à la vie sédentaire et l'apparition de vastes nécropoles près des colonies. Dans l'ethnographie la cérémonie de l'inoffension existe jusqu'au début du 20 siècle, particulièrement en Bulgarie et sur le mont Aphon.

Une tâche d'actualité est de remettre en question les résultats de fouilles de toutes les nécropoles du Moyen Âge avancé dans le but de la découverte des sépultures avec l'inoffension. L'auteur insiste sur la nécessité de différencier les sépultures "inoffensées" de celles violées. Cela exige le perfectionnement de la méthode des fouilles (Флёрв В.С., 1997, 1998).

ПАМЯТНИКИ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ XI-XIV ВВ. В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Среди степных восточноевропейских поселений 1-й пол. II тыс. н.э. выделяется группа, имеющая широкие географические рамки. Это так называемые “русские поселки” (Полубояринова М.Д., 1978; Алихова А.Е., 1960) или поселения с керамикой “древнерусского облика”*. Известны они в Южном Поднепровье, где датируются IX-XIV вв. (Козловский А.О., 1992), на Дону (X-XIV вв.) (Ляпушкин И.И., 1958; Масловский А.Н., 1997, с.143-153; Прокофьев Р.В., 1998, с.134-135), в Поволжье (XIII-XIV вв.) (Полубояринова М.Д., 1978). Есть подобные памятники и на Северском Донце**. Здесь их исследование началось с раскопок в 1982-1983 гг. поселения и могильника Зливки (Швецов М.Л., 1984; 1985; 1986). Сейчас на севере Донецкой области (Славянский и Краснолиманский районы) зафиксировано семь бесспорных пунктов с материалами подобного типа. На большинстве из них производился только сбор подъемного материала, и лишь некоторые подвергались небольшому раскопкам.

Юго-восточнее рассматриваемой территории (ниже по течению Северского Донца) известен пока лишь один памятник с подобными материалами (Ключнев М.Я., 1998, с.124,125).

Расположенные в среднем течении Северского Донца поселения с керамикой древнерусского облика имеют ряд общих черт: все они тяготеют к реке Северский Донец (в степи не известно ни одного такого памятника), имеют небольшие размеры, лишены укреплений. Обычно они расположены на территории более ранних поселений, имеющих слои салтово-маяцкой культуры.

На некоторых пунктах (поселение в урочище Миньевский Яр, под меловой скалой Святогорского монастыря, поселение в урочище Явир близ с. Дробышево, поселение на территории с. Щурово) (рис.1) находки представлены единичными фрагментами керамики, что не исключает случайное попадание их на памятник.

Ряд объектов представляет собой остатки стационарных поселений. К таковым относятся следующие памятники.

1. Поселение на территории села Пришиб Славянского района представляет собой сильно разрушенный строительством дач памятник, занимающий мыс у места впадения в Северский Донец небольшого ручья. Поселение многослойное, примыкает к известному памятнику салтово-маяцкой культуры. Средневековый слой перекрывается напластованиями одноименного хутора XVIII в.

На поселении расчищена конусовидная хозяйственная яма овальной в плане формы, содержащая в заполнении рыбу чешую, кости животных и фрагменты керамики (рис. 4, 1), близкие находкам из котлована помещения №2 и помещения №5 посада Царина городища, а также VI типу керамики нижнеднепровских поселений (Козловский А.О., 1992, с.80). Близкие по составу керамического теста, характеру орнамента и обжигу фрагменты обнаружены в подъемном материале на других участках памятника.

2. Небольшое количество стенок сосудов, по характеру керамического теста и орнамента близким вышеописанным, было обнаружено на распахиваемой поверхности поселения в урочище Правдешино (между селами Дробышево и Щурово Краснолиманского района) (рис. 1). Там же был обнаружен серебряный джучидский дирхем 2-й половины XIV в.

3. Небольшое количество керамики древнерусского облика было собрано на поселении Казачья Пристань у места впадения реки Казенный Торез в Северский Донец близ поселка Райгородок Славянского района (рис.1). Среди подъемного материала этого многослойного памятника были фрагменты чугунных котлов, медная анэпиграфная монета 2-й половины XIV в., бусины из горного хрусталя и сердолика, костяная пуговица с циркульным орнаментом (рис. 16, 2).

Во время археологических исследований 1998 г. в культурном слое зафиксированы несколько фрагментов амфор с дуговидными ручками, фрагменты чугунных котлов (в переотложенном состоянии). Наряду с этим, на памятнике обнаружено большое количество фрагментов золотоордынского жженого кирпича, в том числе, обломки облицовочного кирпича, имею-

* Термин впервые употреблен в работе: Евлевский А.В., Потемкина Т.М. Позднекочевнические погребения с керамикой древнерусского облика из Северо-Восточного Причерноморья// ДАС. 1995. Вып.5. С.92.

** Автор, пользуясь случаем, благодарит за предоставленные материалы А.В. Шамрая (Славянский краеведческий музей), А.И. Духина; В.В. Цимиданова и С.М. Дегерменджи (Донецкий областной краеведческий музей); М.Л. Швецова за сотрудничество в проведении экспедиции 1991г., художников Т.С. Зарубину, Н.Г.Шалаеву, С.Г.Бондареву, подготовивших иллюстративный материал для этой статьи.

щего покрытие непрозрачной бирюзовой поливой. По составу керамического теста и характеру глазури последние близки к кирпичам маджарского производства*. Часть фрагментов кирпича встречена в комплексах конца XVII - начала XVIII вв., что свидетельствует об их вторичном использовании (Кравченко Э.Е., 1998).

Культурного слоя и закрытых комплексов XIII-XIV вв. во время раскопок 1998 г. на Казачьей Пристани обнаружено не было. Возможно, они были унич-

тожены земляными работами во время сооружения городка Казачья Пристань в 1684 г. (Багалій Д.І., 1990, с.35; Пирко В.А., 1988, с. 19; Пірко В.О., 1998, с.40). Так или иначе, факт наличия на памятнике значительного количества находок золотоордынского времени оставляет надежду на обнаружение в процессе дальнейших исследований непогрешенных участков слоя XIII-XIV вв.

4. Поселение Зливки расположено между селами Ильичевка и Диброва Краснолиманского района

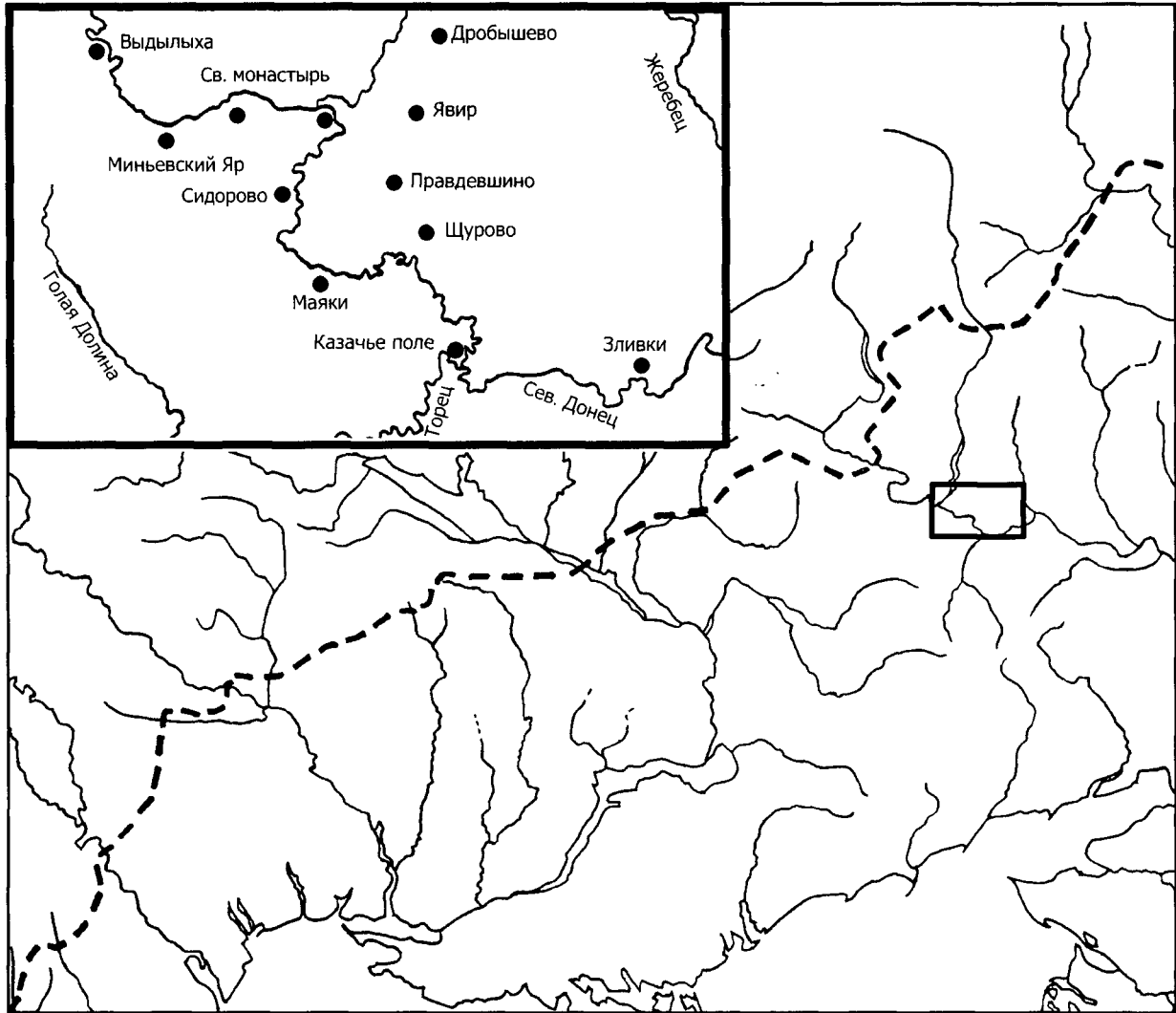

Рис. 1. Памятники оседлого населения XI-XIV вв. в среднем течении Северского Донца.

Fig. 1. The settlements of the settled population of the XIth-XIVth centuries in the region of the middle of Seversky Donets.

Abb. 1. Denkmäler der ansässigen Bevölkerung des 11. -14.Jh. im mittleren Sewerskij Donez.

Dessin 1. Vestiges de la population sédentaire de XI-XIV siècles au cours moyen de Donets Severski

* Приношу свою глубокую благодарность сотрудникам Азовского краеведческого музея: И.Белинскому, А.Масловскому, В.Перевозчикову за определение места изготовления кирпича.

(рис.1). Во время раскопок поселения, прилегающего к известному могильнику салтово-маяцкой культуры, был зафиксирован сильно поврежденный слой постсалтовского времени. Особый интерес представляет факт обнаружения рядом с памятником могильника, содержащего погребения, совершенные по христианскому обряду (Швецов М.Л., 1984). Первоначально М.Л.Швецов датировал как поселение, так и христианское кладбище XII-XIII вв. (Швецов М.Л., 1987, с. 97). В дальнейшем указанная датировка была им уточнена (XII-XIV вв.), поводом чему послужил факт находки на поселении явно поздних предметов (фрагментов чугунных котлов), а также наличие в одном из погребений кашинной золотоордынской вставки (Швецов М.Л., 1992, с.95).

5. Поселение в урочище Выдильха (в 4-х км к северо-западу от села Богородичное Славянского района) (рис. 1) — многослойный памятник, в течение многих лет подвергавшийся распашке. Из средневековых материалов содержит находки пеньковской, салтово-маяцкой культур, а также находки постсалтовского времени. Среди них - несколько листовидных наконечников стрел, фрагменты блях из тонкой медной пластины, близких находкам на золотоордынской части Царина городища, а также медная монета Абдаллах-хана (1362-1369 гг.). Керамика интересующего нас типа представлена фрагментами стенок горшков с примесью в тесте мелкого песка и линейно-волнистой орнаментацией. Несколько мелких фрагментов имели фигурное завершение венчика. Поливная и неполивная красноглиняная золотоордынская керамика на данном памятнике обнаружена не была. Судя по всему, в XIII-XIV вв., а, возможно, и в более раннее время здесь функционировало небольшое поселение.

6. Сидоровское городище (Славянский район). Находится на территории села Сидорова (рис.1). В 1971 г. при раскопках памятника салтово-маяцкой культуры В.К.Михеевым был обнаружен фрагмент керамики древнерусского облика (Михеев В.К., 1971, с.13-14). Фрагменты подобных горшков здесь попадались и в дальнейшем при сборе подъемного материала. Судя по всему, в период после X в. какая-то часть памятника (достигавшего в период своего расцвета 100 га площади) (Список памятников..., 1988, с.84) продолжала функционировать. Хронологические рамки существования этого поселения и его размеры установить нельзя. Скорее всего, поздний памятник не имел ничего общего ни по размерам, ни по значению с городищем хазарского времени, представлявшим из себя крупный центр (Кравченко Э.Е., Шамрай А.В., 1998, с. 5-7).

Как видим, основная масса рассмотренных поселений является многослойными памятниками, часть которых имеет напластования XVII-XVIII вв. Некоторые поселения в течение многих лет подвергались распашке, разрушившей их верхние слои. Ряд памятников частично или полностью уничтожен. Результатом

явилось то, что данные разведок и даже раскопок этих поселений представляли собой, как правило, набор керамических фрагментов и, в лучшем случае, хозяйственные ямы. Опираясь на эти материалы, получить представление о характере культурного слоя, стратиграфии, датировке данных поселений невозможно.

Поэтому особый интерес представляет памятник Царин городище с материалами 1-й половины II тысячелетия н.э., имеющий однослойный участок, никогда не подвергавшийся распашке.

Осенью 1989 г. на посаде Царина городища (у села Маяки Славянского района) (рис.1) автором была расчищена колбообразная хозяйственная яма (№2 раскопа № 1-П), сходная по форме с зерновой ямой, обнаруженной на поселении Республиканец на Нижнем Днепре (Козловский А.О., 1992, с.18, рис. 8). Раскоп, заложенный здесь в 1990 г., показал наличие, наряду с ранними материалами, слоя, содержащего керамику древнерусского облика. Здесь была расчищена серия хозяйственных ям и одно помещение. Однако особенно интересными оказались данные заложенного выше по склону раскопа № 3 (Кравченко Э.Е., Швецов М.Л., 1991). Здесь, на восточной окраине посада, памятник, с интересующими нас материалами, был однослойным. Раскопом № 3 вскрыт непо потревоженный участок площадью более 200 кв. м, на котором расчищены котлованы пяти помещений и шесть хозяйственных ям. Сохранность культурного слоя позволила произвести ряд стратиграфических наблюдений, дополненных сопоставлением находок из разных комплексов. Это, а также большое количество вещественного материала (в том числе и керамического), дает возможность детального рассмотрения указанного комплекса как самого информативного из всех раскопанных на поселениях указанного типа в среднем течении Северского Донца (здесь не берутся в счет неопубликованные пока материалы поселения Нижнетеплое) (Ключнев М.Я., 1998).

Стратиграфические наблюдения, произведенные на раскопе № 3, показали, что помещение № 1 перекрыло помещение № 3, а последнее, в свою очередь, было прорезано юго-восточным углом помещения № 4, остатки которого перекрыли помещение № 5. Кроме этого, помещение № 2 было прорезано рядом хозяйственных ям (№№ 1, 2, 4), содержащих среди прочих находок фрагменты тех же горшков, что были обнаружены на полу помещения № 3 (рис. 11, 13). К этому следует добавить, что на уровне 30-40 см выше пола помещения № 2, наблюдалось скопление находок, среди которых были встречены фрагменты от сосудов, происходящих из помещения № 3 (рис.11, 1, 2). Скорее всего, это уровень дневной поверхности того периода, когда функционировала указанная постройка.

Сходная ситуация наблюдается между помещением № 2 и помещением № 5, где были обнаружены фрагменты одного и того же поливного сосуда (рис. 6, 1). Часть их лежала в очаге помещения № 2, а часть — в

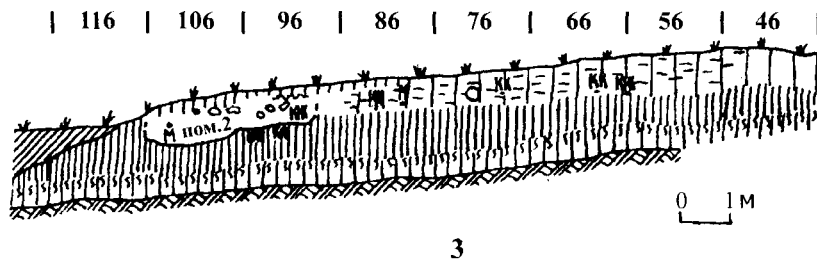
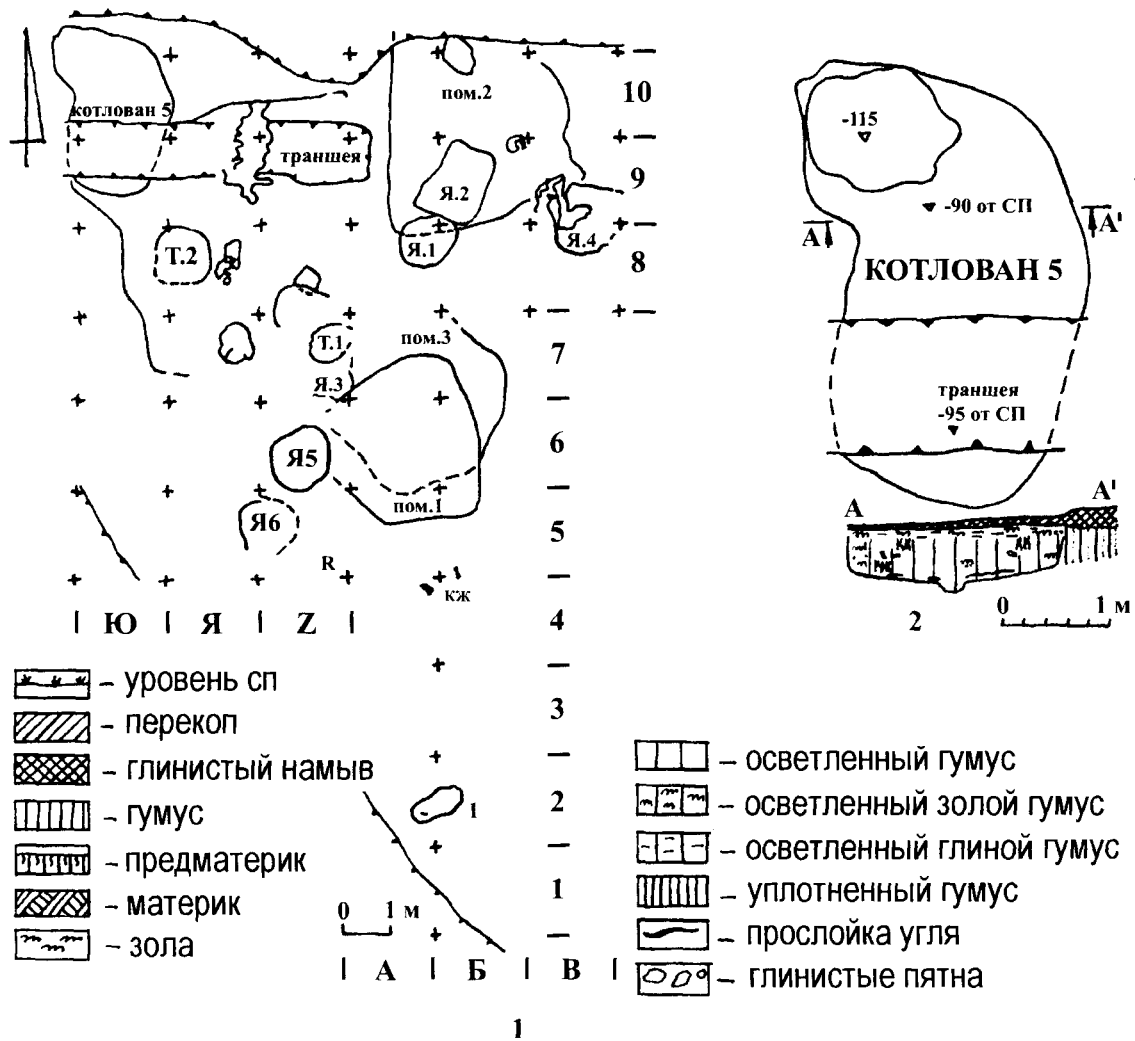

Рис. 2. Царино городище. Раскоп № 3 на посаде. 1 – общий план; 2 – помещение № 5; 3 – разрез по бровке линии квадратов Б, западный фас.

Fig. 2. The Tsarino hillfort. The excavations No 3 on the outskirts. 1 – general scheme; 2 – building No 5; 3 – the section of the squares Б, the western front.

Abb. 2. Vorgeschichtliche Siedlung Zarino. Ausgrabung № 3 am Siedlungsrand (Posad). 1 – Gesamtplan; 2 – Raum № 5; 3 – Schnittbild an der Schneidelinie des Quadrats Б, westliche Vorderansicht.

Dessin 2. Site Tsarino. Fouilles № 3 de faubourg. 1 – vue générale; 2 – local № 5; 3 – section des carrés Б, côté ouest

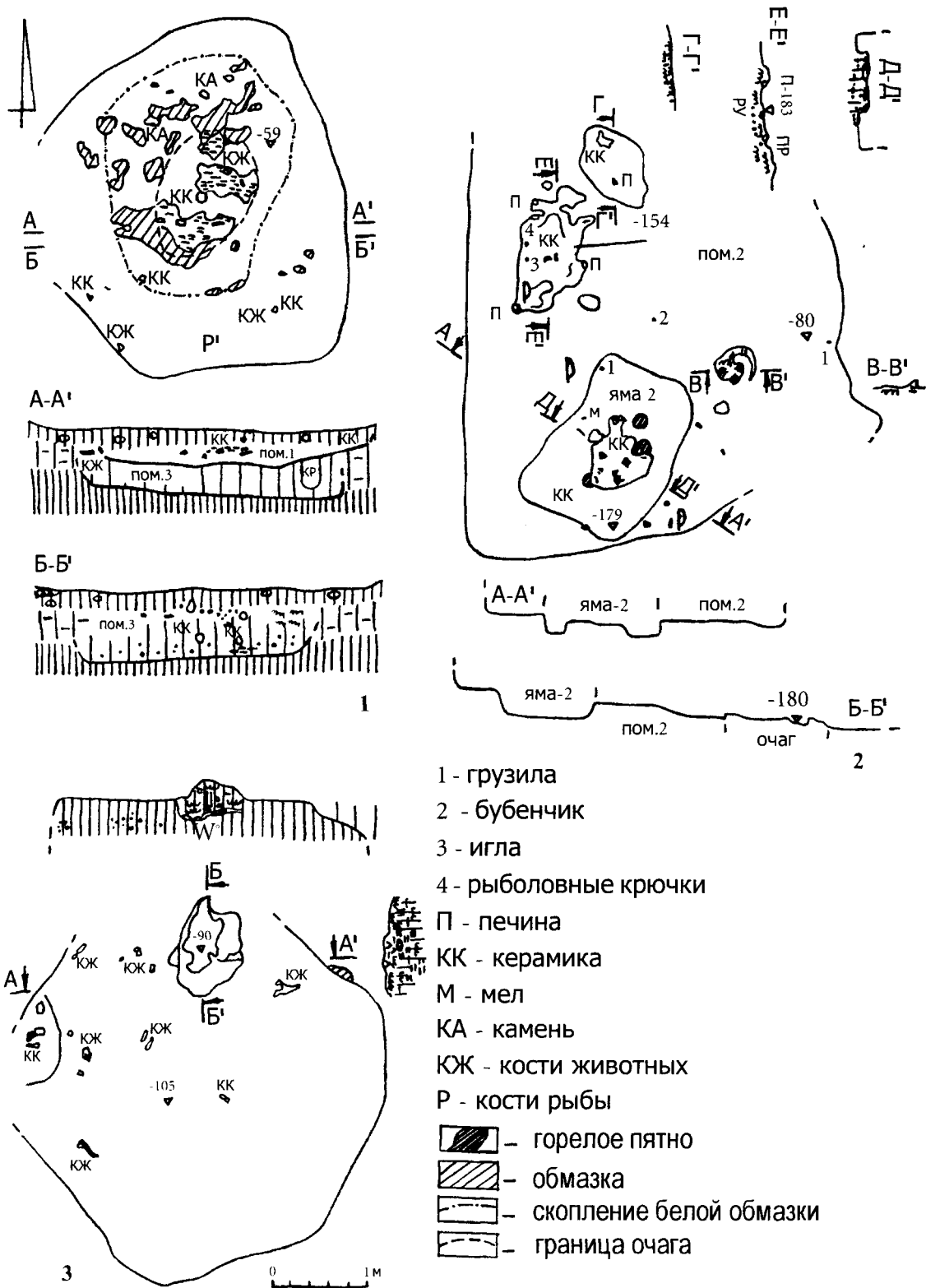

Рис. 3. Царино городище. Планы помещений: 1 – помещение № 1; 2 – помещение № 2; 3 – помещение № 3.

Fig. 3. The Tsarino hillfort. The schemes of the buildings: 1 – building No 1; 2 – building No 2; 3 – building No 3.

Abb. 3. Vorgeschichtliche Siedlung Zarino. Raumpläne: 1 – Raum № 1; 2 – Raum № 2; 3 – Raum № 3.
 Dessin 3. Site Tsarino. Plan des locaux: 1 – local № 1; 2 – local № 2; 3 – local № 3

заполнении котлована помещения № 5. Наряду с ними, здесь находились и фрагменты сосудов из помещения № 3. Зафиксировать их взаимное расположение по отношению к обломкам поливного кувшина не удалось.

Учитывая вышесказанное, самым ранним из раскопанных было помещение № 5, которое какой-то промежуток времени сосуществовало с помещением № 2. После того, как они были заброшены, здесь появилось помещение № 3, обитатели которого прорубили уже заплывший котлован помещения № 2 хозяйственными ямами. С функционированием этого жилища связано отложение культурных остатков в еще не полностью заплывших котлованах более ранних сооружений.

Через некоторое время, после того, как помещение № 3 прекратило свое существование, на этой территории было сооружено либо помещение № 1, перекрывшее данную постройку, либо помещение № 4, расположенное к западу от нее. На основании сопоставления материалов, нам представляется наиболее вероятным первый вариант. Таким образом, самой поздней постройкой раскопа № 3, по всей видимости, было помещение № 4.

Ранние сооружения раскопа № 3 представляли из себя следующее: помещение № 5 - ориентированный по линии север-юг котлован Г-образной формы с неровным полом. Следов отопительного сооружения не обнаружено. В западной части (в Г-образном ответвлении) имелась яма круглой формы (диаметром 1,4 м) (рис.2, 2). Золистое заполнение с большим количеством кусочков печины, углей, костей животных, рыбьей чешуи, фрагментов керамики позволяет предположить, что после того, как помещение было заброшено, его котлован использовался в качестве сбросной ямы жителями помещения № 2. Не противоречит этому и факт наличия в котлованах обоих помещений фрагментов одних и тех же сосудов.

Помещение № 2. Ориентированный стенами по сторонам света котлован имел прямоугольную форму и саманную или дерново-саманную конструкцию стен, о чем свидетельствуют прослеженные на бровках, проходящих через котлован, скопления комков самана. В центральной части помещения и вдоль южной его стены прослежены круглые горелые пятна, возможно, от подпирающих кровлю столбов-упоров. Обогревалось оно при помощи открытого очага тарелкообразной формы, расположенного ближе к северо-западному краю жилища (рис.3, 2). В очаге, под глиняной обмазкой, был зафиксирован точильный камешек и лежащие на нем четыре рыболовных крючка. Взаимное расположение указанных предметов свидетельствует о том, что они были положены преднамеренно (рис.7, 5). Это, а также факт наличия на полу помещения группы грузил от рыболовецкой сети (рис.7, 4) и очень большого количества рыбьих костей и чешуи говорит о значительной роли рыбной ловли и, по-видимому, охоты в жизни обитателей по-

стройки. О последнем свидетельствуют частые находки в помещениях и культурном слое раскопа клыков дикого кабана.

Раскопки ранних сооружений дали большое количество разнообразного материала, представленного керамикой, металлическими, стеклянными и костяными изделиями. Наиболее многочисленная группа находок — керамический комплекс, большинство которого составляют фрагменты лепных и гончарных сосудов, а также грузила.

Практически все фрагменты сосудов, обнаруженных в помещениях № 2 и № 5, принадлежат гончарным горшкам, отдельные из которых сделаны на круте с малыми оборотами. Об этом свидетельствует как наличие неровностей на стенках сосудов, так и большая толщина стенок (рис.6, 8, 9). Судя по имеющимся фрагментам, формовка сосудов производилась разными способами. Наряду с изготовлением горшка из цельного куска глины, применялась ленточная техника, а также способ, при котором нижняя и верхняя часть изготовлялись отдельно, а затем соединялись. Горшки разнообразны по тесту и орнаментации. В тесте абсолютно преобладает примесь мелкого песка, однако, наряду с ней, встречаются отошающие добавки растительного происхождения и дресва. Орнаментация, обычно, расположена в верхней части сосудов и представлена горизонтальными прямыми и волнистыми линиями. Довольно часто встречаются орнаментальные элементы в виде “запятых” (рис.14, 15). Основная форма сосудов - горшки приземистых пропорций с выпуклыми плечиками и отогнутым наружу венчиком, верхняя часть которого имеет в большинстве случаев фигурное завершение (рис.8, 11, 13). Один сосуд имеет арочный орнамент и по краю венчика - оттиски гребенчатого штампа. Фрагменты этого горшка по тесту и орнаментации отличаются от остальных сосудов комплекса (рис.11, 4).

Три доньшка имеют клейма, из которых одно сохранилось не полностью (рис.9, 4), а два напоминают монограммы, выполненные буквами греческого алфавита (рис.9, 1, 2). Поливная керамика представлена фрагментами кувшина. Орнамент располагается в верхней части и представляет собой рисунок, прочерченный на поверхности сосуда до покрытия его глазурью. Полива - зеленого цвета с желтоватыми пятнами. Керамическое тесто содержит большую примесь мелкого песка. Цвет в изломе серый (рис.6, 1).

Лепных сосудов немного. Это фрагмент горшка с отогнутым наружу венчиком (рис.6, 9) и венчик широко открытого горшочка, орнаментированного на плечиках волнистой линией (рис.6, 8). Выделяется небольшая группа предметов, сделанных из теста белого цвета. В качестве отошающей добавки - мелкий песок. Это фрагменты грубых лепных светильников (рис.7, 1) и почти полный профиль маленького сосуда (солонка или детская игрушка) (рис.7, 13).

Железные предметы представлены рыболовными крючками, гвоздем, двумя швейными иглами и

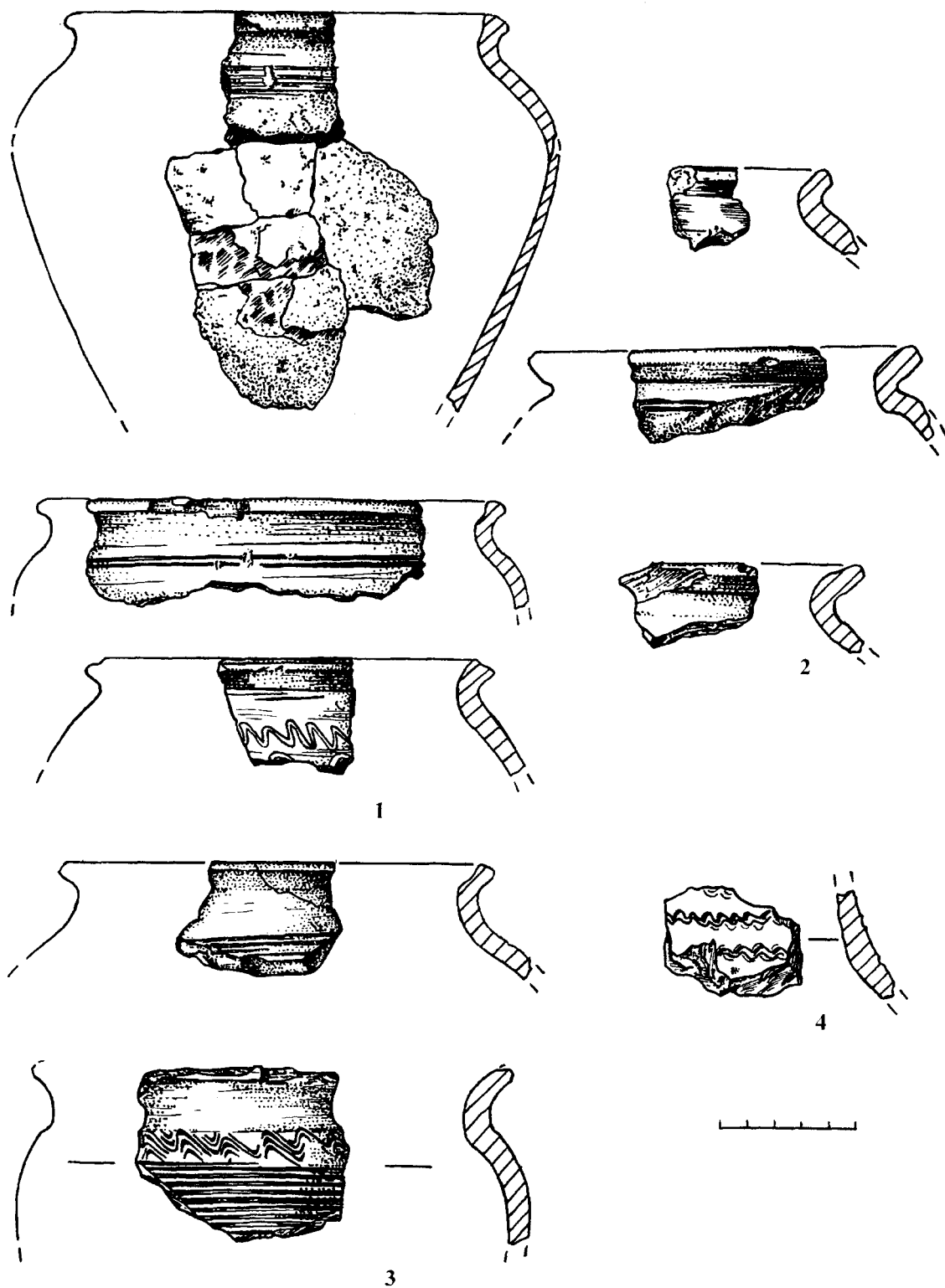

Рис. 4. Керамика с поселений: 1 – Пришиб; 2 – Сидорово; 3 – Дробышево; 4 – Казачья Пристань.

Fig. 4. The ceramics of the settlements: 1 – Prishib; 2 – Sidorovo; 3 – Drobyshevo; 4 – Kazachya Pristan.
 Abb. 4. Keramik aus den Siedlungen: 1 – Prischib; 2 – Sidorowo; 3 – Drobischewo; 4 – Kasatschja Pristan.

Dessin 4. Céramique des colonies: 1 – Prichib; 2 – Sidorovo; 3 – Drobychevo; 4 – Kasatchaïa Prystan

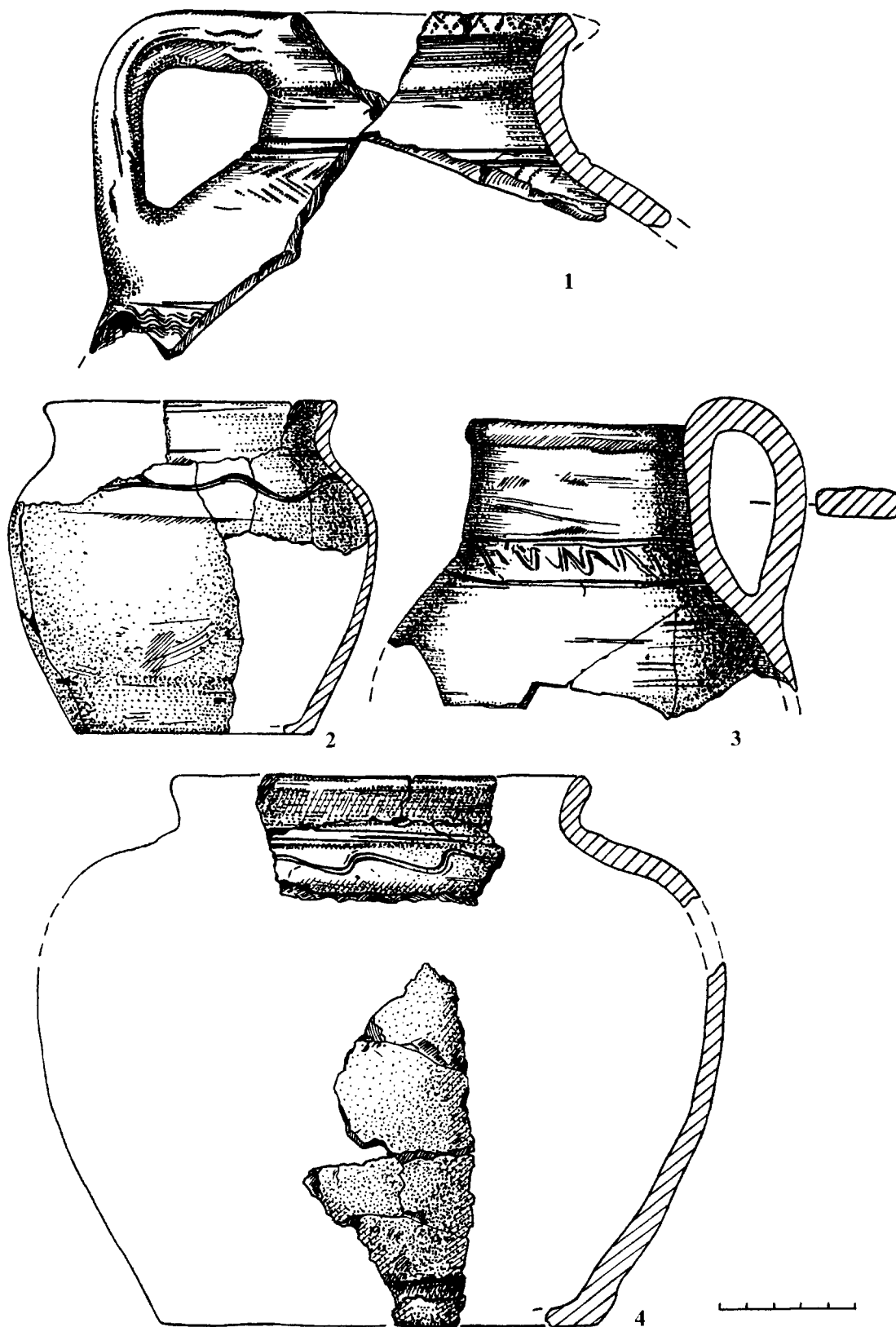

Рис. 5. Царино городище. Хозяйственная яма № 2, 1998 г. Керамика.

Fig. 5. The Tsarino hillfort. The household pit No 2, 1998. Ceramics.

Abb. 5. Vorgeschichtliche Siedlung Zarino. Wirtschaftsgrube № 2. 1998. Keramik.

Dessin 5. Site Tsarino. Fosse de ménage № 2, 1998. Céramique

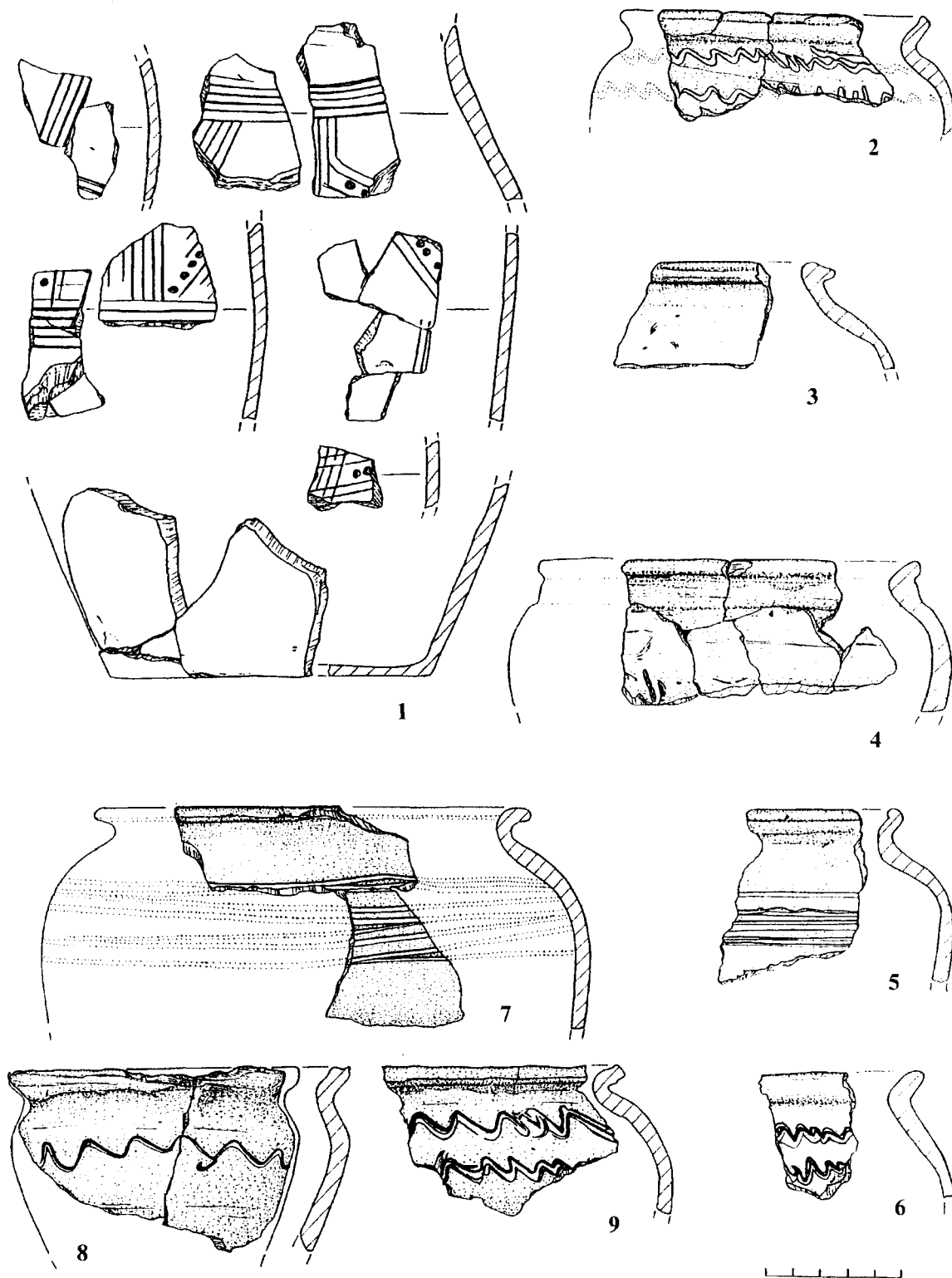

Рис. 6. Царино городище. Помещение № 2. Керамика: 1 – поливной сосуд; 2-7 – гончарная керамика; 8, 9 – фрагменты лепных сосудов.

Fig. 6. The Tsarino hillfort. Building No 2. Ceramics: 1 – the watering vessel; 2-7 – pottery ceramics; 8, 9 – the fragments of the molded vessels.

Abb. 6. Vorgeschichtliche Siedlung Zarino. Raum № 2. Keramik: 1 – Gefäß zum Gießen; 2-7 – Töpferkeramik; 8, 9 – Fragmente der Stückgefäße.

Dessin 6. Site Tsarino. Logis № 2. Céramique: 1 – vaseau d'arrosage; 2-7 – céramique de poterie; 8, 9 – fragments des vaisseaux modelés

маленьким черешковым ножичком с прямой спинкой, отделенной от черешка уступом (рис.7, 2, 3).

Из стекла сделаны три предмета: две бусинки и фрагменты светло-зеленого витого браслета (рис.7, 11).

К поздним постройкам раскопа относятся помещения № 1, 3, 4.

Помещение № 1. Наземная или слегка углубленная в грунт постройка размерами 3,2 x 3,4 м с открытым очагом в центре помещения (рис.3, 1). Столбовых ям или следов от них обнаружено не было. На очаге и в заполнении присутствовало большое количество белой обмазки (штукатурки?). Находки представлены фрагментами керамики и свинцовой блесной, найденной при разборке очага (рис.12, 1-3).

Помещение № 3 - прямоугольная полуземлянка размерами 3,8 x 3,6 м. Следов столбовых ям не обнаружено. Отопительное сооружение располагалось ближе к северному углу помещения, сохранилось плохо и, судя по наличию ямы, могло представлять собой печь, хотя не исключено, что это открытый очаг (рис.3, 3). На нем и в заполнении котлована встречались фрагменты белой обмазки. Находки представлены, в основном, керамикой, а также точильными камнями и костяной заготовкой (рис.10). Из металлических изделий найдена половинка бронзового бубенчика (рис.7, 6), и железная фигурная бляшка, аналогов которой автору статьи найти не удалось (рис.10, 5).

Помещение № 4. Самое крупное на раскопе (7 x 6 м). Представляло собой углубленную в грунт постройку (глубина — 60 см от современной поверхности) прямоугольной формы. В качестве отопительных сооружений она имела два тандыра с глиняными обожженными площадками перед каждым, расположенные в южной части помещения. Не исключено наличие печи или очага в северной части постройки, однако, в связи с тем, что прямо по этому сооружению прошла старая (30-е гг. XX в.) археологическая траншея, оно дошло до нас в виде состоящего из печины аморфного останца, имеющего под собой неглубокую яму. Стены помещения имели саманную конструкцию, о чем свидетельствует заполнение тандыров. Пол постройки представлял собой сплошную золистую прослойку, содержащую большое количество колотых костей животных. Среди находок - фрагменты керамики, пряслица, выточенные из стенок сосудов, фрагмент грузила, костяной обточенный астрагал и накладка от лука (рис.10, 7-14). Среди металлических изделий выделяются фрагмент ножа с прямой спинкой, пилка с мелкими зубьями (скорее всего, для обработки кости) и фрагмент чутунного котла (рис.10).

Датировать вышеописанные помещения позволяет их вещевой материал. Здесь необходимо остановиться на наиболее многочисленной его категории - керамическом комплексе раскопа. Так, среди форм, обнаруженных в ранних помещениях, присутствуют типы, характерные для домонгольского времени и известные на древнерусских землях (Довженко В.И.,

Гончаров В.К., Юра Р.О., 1966), Нижнем Поднепровье (Козловский А.О., 1992, с.80), Поросье (Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М., 1985, с.52, 54, рис.13, 17), на Дону (Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1991, с.98, рис.4; Коваленко В.П., Сытый Ю.Н., 1991, с.65, рис.5). Известны они и в золотоордынское время на поселениях Поволжья (например, тип VIII керамики поселения Березовка) (Полубояринова М.Д., 1978, с.106, рис.35). Наряду с ранними, встречено несколько венчиков, профили которых характерны для 2-й половины XIII-XIV вв. (Полубояринова М.Д., 1978, с.89, 90, рис.22, тип 1-1 Водянского городища) (рис.11, 3, 5). Ряд форм имеет широкие хронологические рамки (Козловский А.О., 1992, с.84, 85, рис. 46, 47, типы VIII а, б). Из клейм на днищах гончарных сосудов, обнаруженных при раскопках помещений раскопа № 3, удалось найти аналоги лишь одному (рис.9, 3), имеющему очень широкие территориальные и хронологические рамки (Козловский А.О., 1992, с.81, рис.42, 16, 18, 23). Прямых аналогов клеймам со знаками, напоминающими буквенные монограммы, найти не удалось. По начертанию они имеют некоторое сходство с клеймами на днищах сосудов салтово-маяцкой культуры из Саркела (Плетнева С.А., 1959, с.259, рис.44), а также со знаками, встречающимися на крымских черепицах (Якобсон А.Л., 1979, с.150, рис.97; 1964, с.66, 93).

Фрагменты лепных светильников как по форме, так и по тесту, скорее всего относятся к предметам, аналогии которым имеются в слоях Саркела - Белой Вежи (Плетнева С.А., 1959, рис.38, 11). По тесту светильники из помещения № 2 ближе соответственным салтовским предметам, описанным С.А.Плетневой (Плетнева С.А., 1959, с.224). Сделанный из идентичного им теста сосудик (рис.7, 13) имеет на плечиках характерный орнамент, близкий которому известен на стенке гончарного сосуда, найденного на городище Монастырек на Днепре (Максимов Е.В., Петрашенко В.А., 1988, рис.33, 8). Лепной горшочек с волнистым орнаментом из помещения № 2 (рис.6, 8) очень близок формам древнерусских гончарных сосудов IX-X вв. (Максимов Е.В., Петрашенко В.А., 1988, рис.26).

Поливной сосуд из помещения № 2 по тесту, глазури, характеру орнаментации близок к кувшину, бытовавшим на древнерусских землях (Макарова Т.И., 1972, с.11; 1967, с. 48, 49, 53, 60, табл. XVI, 25, табл. XXI, 12) и в Нижнем Поднепровье (Козловский А.О., 1992, с.96) в XII-XIII вв.

Несколько обособленно в рассматриваемом комплексе стоят фрагменты горшка с прочерченным орнаментом в виде дугообразных линий. Подобная система орнаментации присутствует на сосудах, происходящих с донских позднесредневековых памятников (Ляпушкин И.И., 1958, с. 243, 261, рис.18).

В целом, материал свидетельствует о функционировании ранних помещений раскопа № 3 на посаде Царина городища в домонгольское время, скорее всего, в самом конце этого периода. О том, что в золотоордынское время поселение продолжало существо-

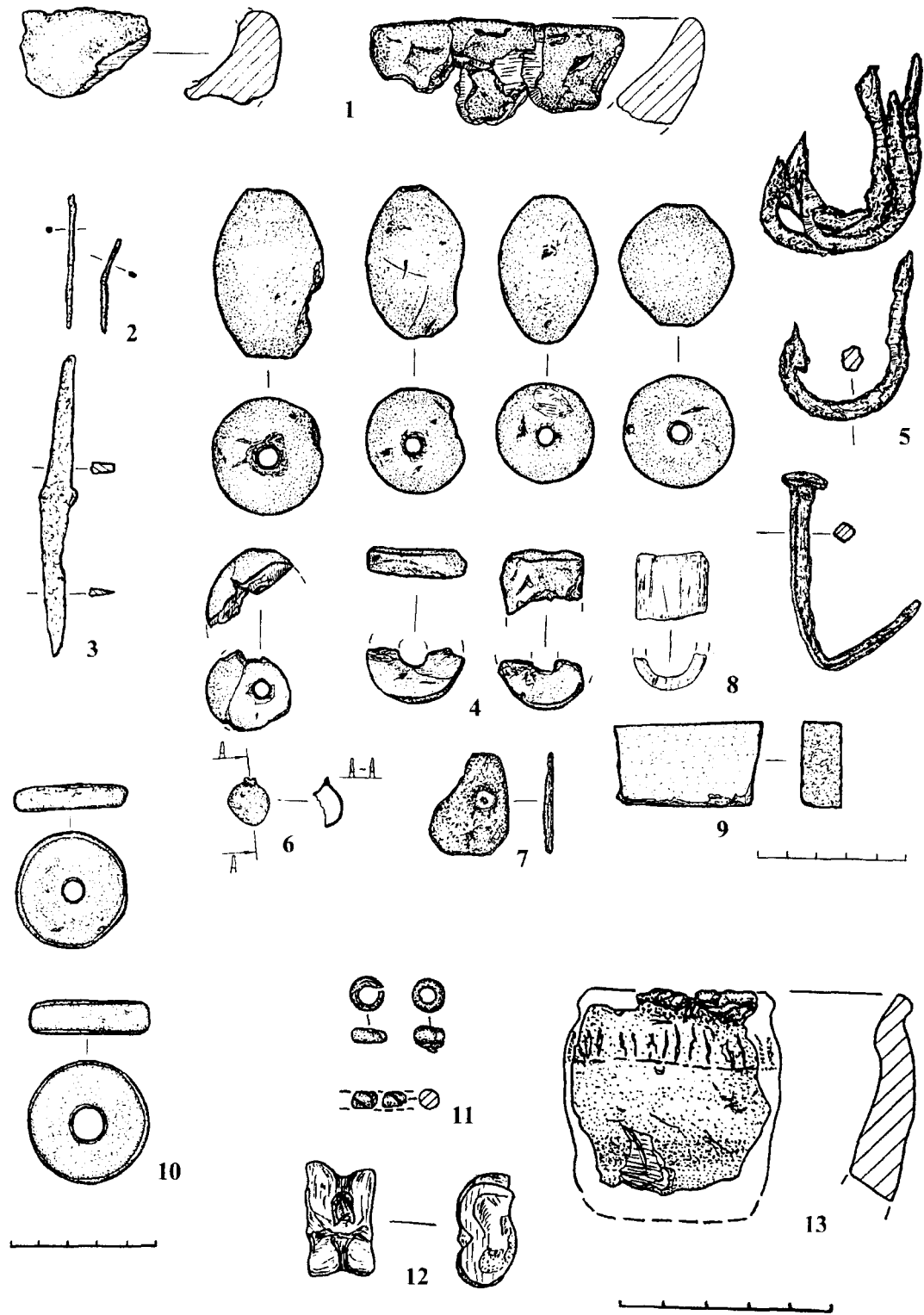

Рис. 7. Царино городище. Помещение № 2: 1, 4, 10, 13 – керамика; 2, 3, 5, 7 – железо; 8, 12 – кость; 9 – камень; 11 – стекло.

Fig. 7. The Tsarino hillfort. Building No 2: 1, 4, 10, 13 – ceramics; 2, 3, 5, 7 – iron; 8, 12 – bone; 9 – stone; 11 – glass.

Abb. 7. Vorgeschichtliche Siedlung Zarino. Raum № 2: 1, 4, 10, 13 – Keramik; 2, 3, 5, 7 – Eisen; 8, 12 – Bein; 9 – Stein; 11 – Glas.

Dessin 7. Site Tsarino. Logis № 2: 1, 4, 10, 13 – céramique; 2, 3, 5, 7 – fer; 8, 12 – os; 9 – pierre; 11 – verre

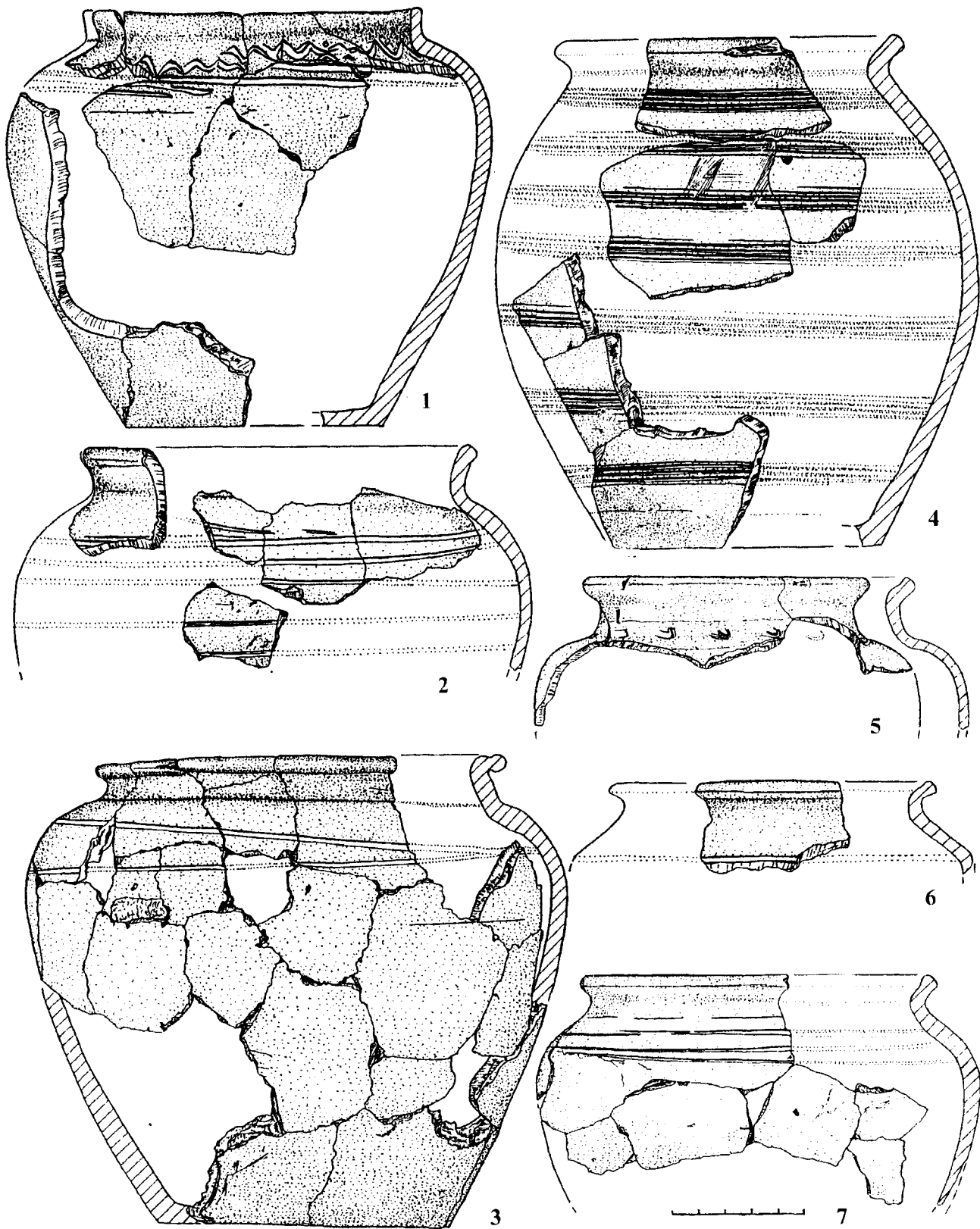

Рис. 8. Царино городище. Помещение № 5. Керамика.
 Fig. 8. The Tsarino hillfort. Building No 5. Ceramics.
 Abb. 8. Vorgeschichtliche Siedlung Zarino. Raum № 5. Keramik.
 Dessin 8. Site Tsarino. Logis № 5. Céramique

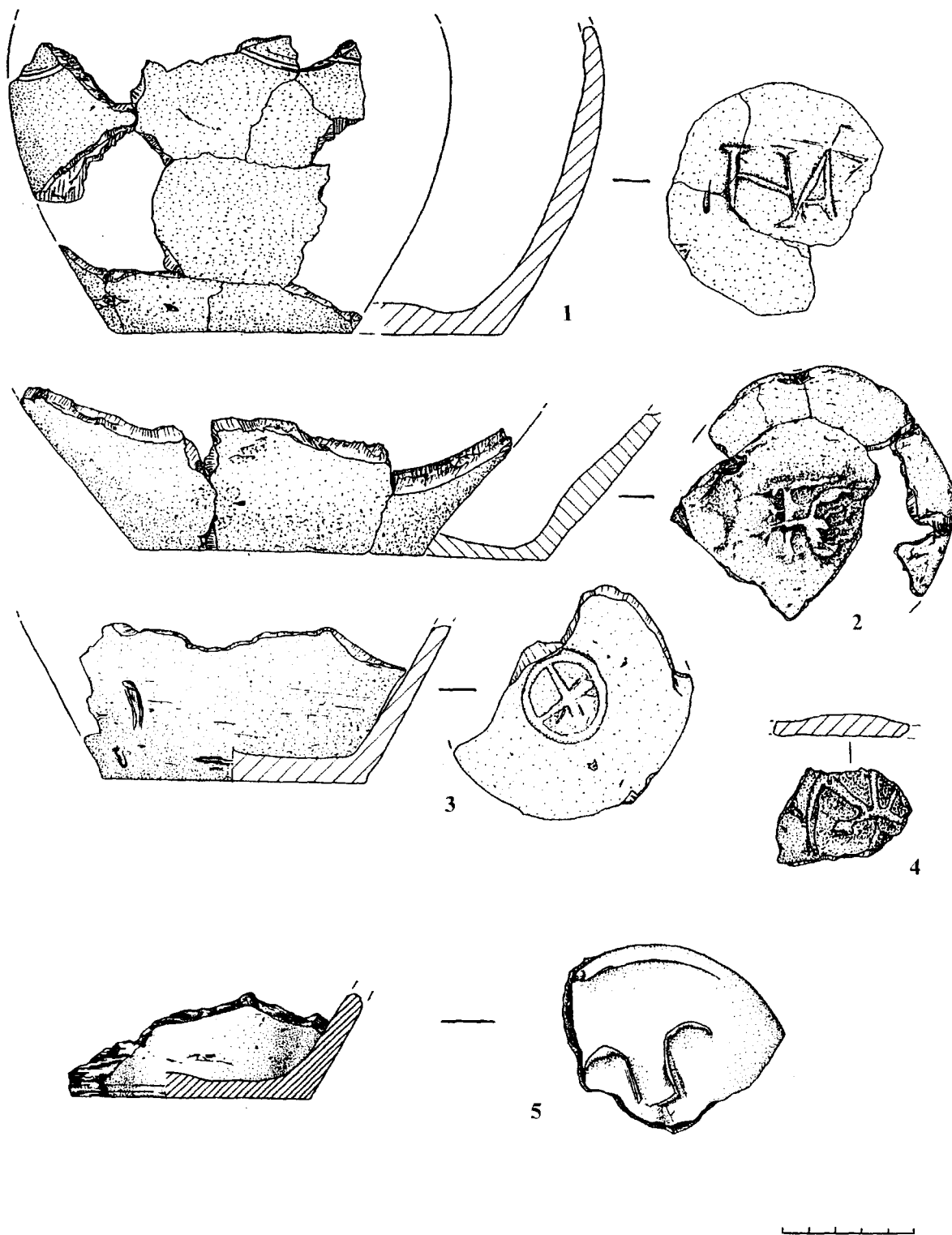

Рис. 9. Царино городище. Клейма на днищах горшков: 1 – помещение № 2; 2, 4 – помещение № 5; 3 – помещение № 4; 5 – хозяйственная яма 2 раскопа № 1.

Fig. 9. The Tsarino hillfort. Stamps on the pot bottoms: 1 – building No 2; 2, 4 – building No 5; 3 – building No 4; 5 – household pit No 2 from the excavation No 1.

Abb. 9. Vorgeschichtliche Siedlung Zarino. Stempel auf den Gefäßböden: 1 – Raum № 2; 2, 4 Raum № 5; 3 – Raum № 4; 5 – Wirtschaftsgrube 2 der Ausgrabung № 1.

Dessin 9. Site Tsarino. Estampille sur le fond des pots: 1 – logis № 2; 2, 4 – logis № 5; 3 – logis № 4; 5 – fosse de ménage 2 de la fouille № 1

вать, свидетельствуют материалы поздних помещений (№ 1, 3, 4).

В керамическом комплексе поздних помещений раскопа № 3 наблюдается полное отсутствие лепных сосудов и поливной керамики. Наряду с этим, распространены тонкостенные горшки приземистых пропорций с отогнутым наружу венчиком и короткой шейкой. Орнамент располагался в верхней части сосуда и представлял собой прямые или волнистые линии, реже - "запьяты". В тесте - большое количество мелкого песка. Отдельные фрагменты сосудов этого типа имеют завершение венчика, близкое к VIII типу горшков с поселения Березовка в Поволжье (Полубояринова М.Д., 1978, с.106, рис.35). Наряду с ними, встречаются представленные в более ранних комплексах венчики, близкие к VI, VIII, X типам керамики поселений Нижнего Поднепровья (Козловский А.О., 1992, с.80, рис. 41; с. 85, 86, рис. 46, 47; с. 87, 88, рис. 49).

Интересно присутствие в более поздних комплексах раскопа красноощенных кувшинообразных сосудов, близких к находкам на донских поселениях (Ляпушкин И.И., 1958, с. 243, 261, рис. 13, 4). В раскопе они встречены в небольшом количестве (3 крупных фрагмента и до 10 мелких). Известны находки подобных фрагментов и в смежных раскопах, и в подъемном материале на посаде. К этой группе тяготеют фрагменты вышеописанного горшкообразного сосуда с арочным орнаментом из помещения № 5.

Среди металлических предметов поздних помещений раскопа абсолютное большинство имеет широкие хронологические и территориальные рамки бытования. Блесна, найденная в помещении № 1, идентична предмету, происходящему с поселения Беленькое на Нижнем Днепре (Козловский А.О., 1992, с.65, рис. 33,13; с. 117, 123). На полу помещения №4 среди прочих находок обнаружен фрагмент чугунного котла, позволяющий датировать комплекс 2-й половиной XIV в. (Кравченко Э.Е., Швецов М.Л., 1992, с. 102-113).

Таким образом, хронология помещений раскопа № 3 представляется следующей. Практически синхронные помещения № 2 и № 5 существовали в XII - начале XIII вв. Далее, в конце XIII в., а, возможно, и в начале XIV в. функционировало помещение № 3. Первой половиной XIV в. датируется помещение № 1, ко 2-й половине XIV в. относится существование помещения № 4. Находки с вышеописанных поселений в среднем течении Северского Донца, на которых встречены материалы как домонгольского (Пришиб, Шурово, Сидорово и т. д.), так и золотоордынского времени, согласуются с хронологией помещений и материалами Царина городища.

Как видим, в среднем течении Северского Донца памятники с керамикой "древнерусского облика" существовали вплоть до конца XIV в. В это время в степи произошли серьезные политические изменения, повлекшие за собой ширококомасштабные перемещения народов. Они нашли свое отражение в материальной культуре данных поселений.

Так, отдельные предметы имеют близкие аналоги в материалах Киевской Руси. С влиянием последней, по всей видимости, связано распространение среди населения этих поселений христианства греческого обряда, хотя здесь не следует исключать и другие влияния, например, Крым. О распространении христианства среди оседлого населения Среднего Подонцовья XII-XIV вв. свидетельствует наличие здесь христианского могильника поселения Зливки (Швецов М.Л., 1984; 1985), а также находка нательного креста на поселении Нижнетеплое на территории Луганской области (Ключнев М.Я., 1998, с.125). На посаде Царина городища предметов христианского культа обнаружено не было. Однако, на самом городище находки их известны. Так, в 1983 г. на золотоордынской части памятника автором был обнаружен медный золоченый нашивной медальон, в центре которого находится выпуклая вставка с изображением Св. Николая, выполненный в технике перегородчатой эмали (рис.16, 4). Ближайшим аналогом данному предмету является медальон с изображением Св. Георгия, найденный в Новгороде в слоях начала XIV в. (Макарова Т.И., 1985, с.241-243). В целом, царинский медальон, датирующийся, вероятно, 2-й половиной XIII в., является подражанием более ранним, домонгольским эмалям южнорусского круга (Кравченко Э.Е., Швецов М.Л., 1995, с.70-79).

В 1993 г. на территории городища была обнаружена шиферная иконка с изображением Св. Николая и Семи Спящих Отроков Эфесских (рис.16, 5) (Шамрай А.В., 1995, с.67-70), близкие аналоги которой имеются среди русских древностей конца XIII в. (Николаева Т.В., 1983, №№ 70, 131, 133, 139, 167).

Особый интерес представляет факт находки на Царином городище фрагмента шиферной формы, скорее всего, золотоордынского времени. Служила она для отливки змеевика и подвески в виде мальтийского креста. С.И. Татаринов, опубликовавший данный предмет, интерпретировал его как фрагмент византийской шиферной иконы X в., но, к сожалению, не дал в публикации рисунка этой уникальной вещи (Татаринов С.И., 1996-1997, с.8-9). Значение этого предмета велико. Так, если царинский медальон и иконка с изображением Св. Николая и Семи Спящих Отроков Эфесских могли попасть на памятник случайно, то литейная форма свидетельствует о наличии производства предметов культа на месте, и, соответственно, определенного контингента населения, среди которого эти предметы пользовались спросом.

Влияние Руси прослеживается и на керамическом комплексе рассматриваемых поселений: в характере керамического теста, в способе формовки и орнаментации сосудов (Рыбаков Б.А., 1948, с.163-174). Отдельные горшки аналогичны древнерусским.

Наряду с ними, в керамическом комплексе фигурируют сосуды, имеющие аналоги в керамике Поросья (Яблоновский могильник) (Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М., 1985, с. 52, 54, рис. 13, 17), несущей на себе сильное влияние степи.

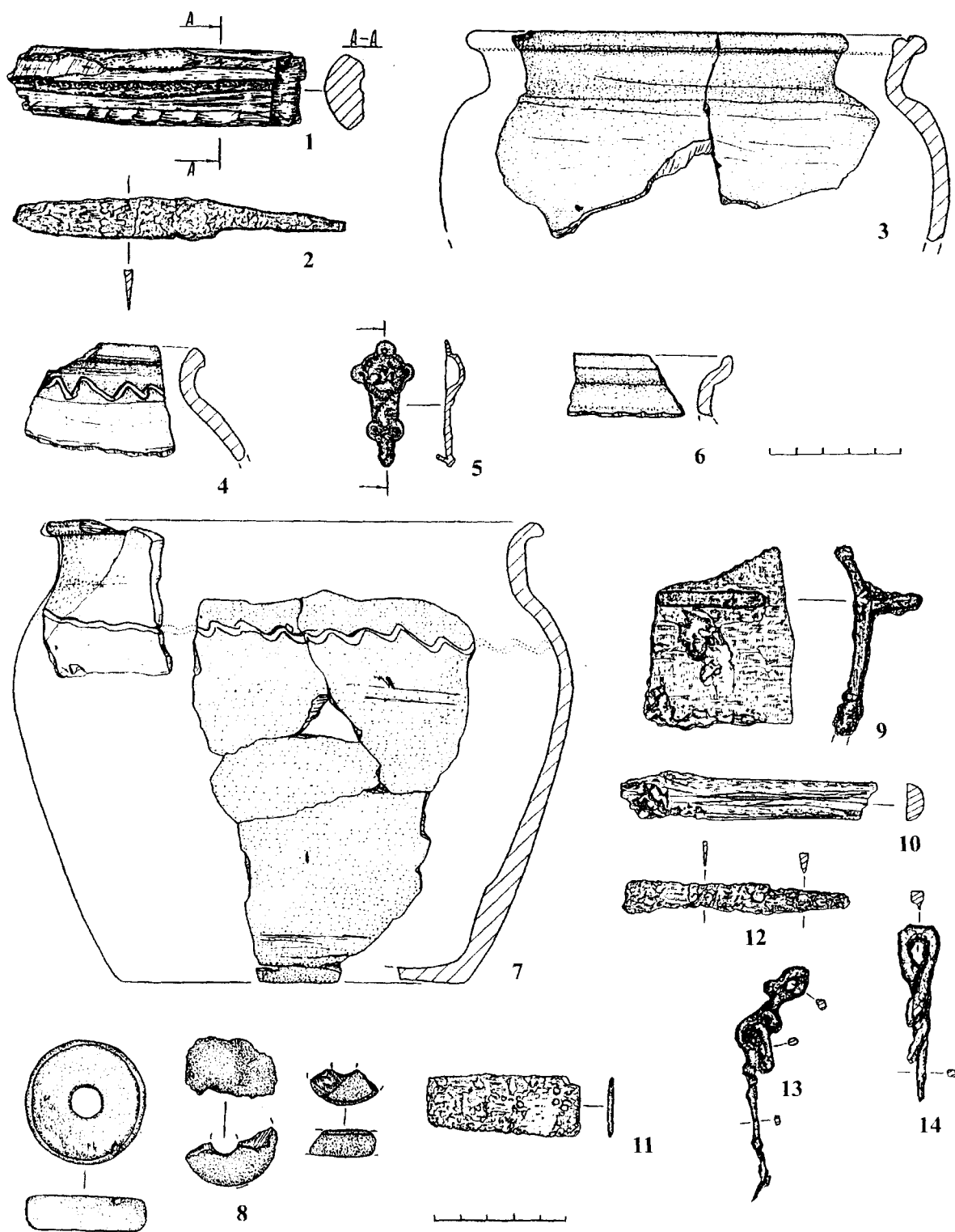

Рис. 10. Царино городище. 1-6 – помещение № 3; 7-14 – помещение № 4. 3, 4, 6-8 – керамика; 1, 10 – кость; 2, 5, 11-14 – железо; 9 – чугун.

Fig. 10. The Tsarino hillfort. 1-6 – building No 3; 7-14 building No 4. 3, 4, 6-8 – ceramics; 1, 10 – bone; 2, 5, 11-14 – iron; 9 – cast-iron.

Abb. 10. Vorgeschichtliche Siedlung Zarino. 1-6 – Raum № 3, 7-14 – Raum № 4. 3, 4, 6-8 – Keramik; 1, 10 – Bein; 2, 5, 11-14 – Eisen; 9 – Gußeisen.

Dessin 10. Site Tsarino. 1-6 – logis № 3; 7-14 – logis 4. 3, 4, 6-8 – céramique; 1, 10 – os; 2, 5, 11-14 – fer; 9 – fonte

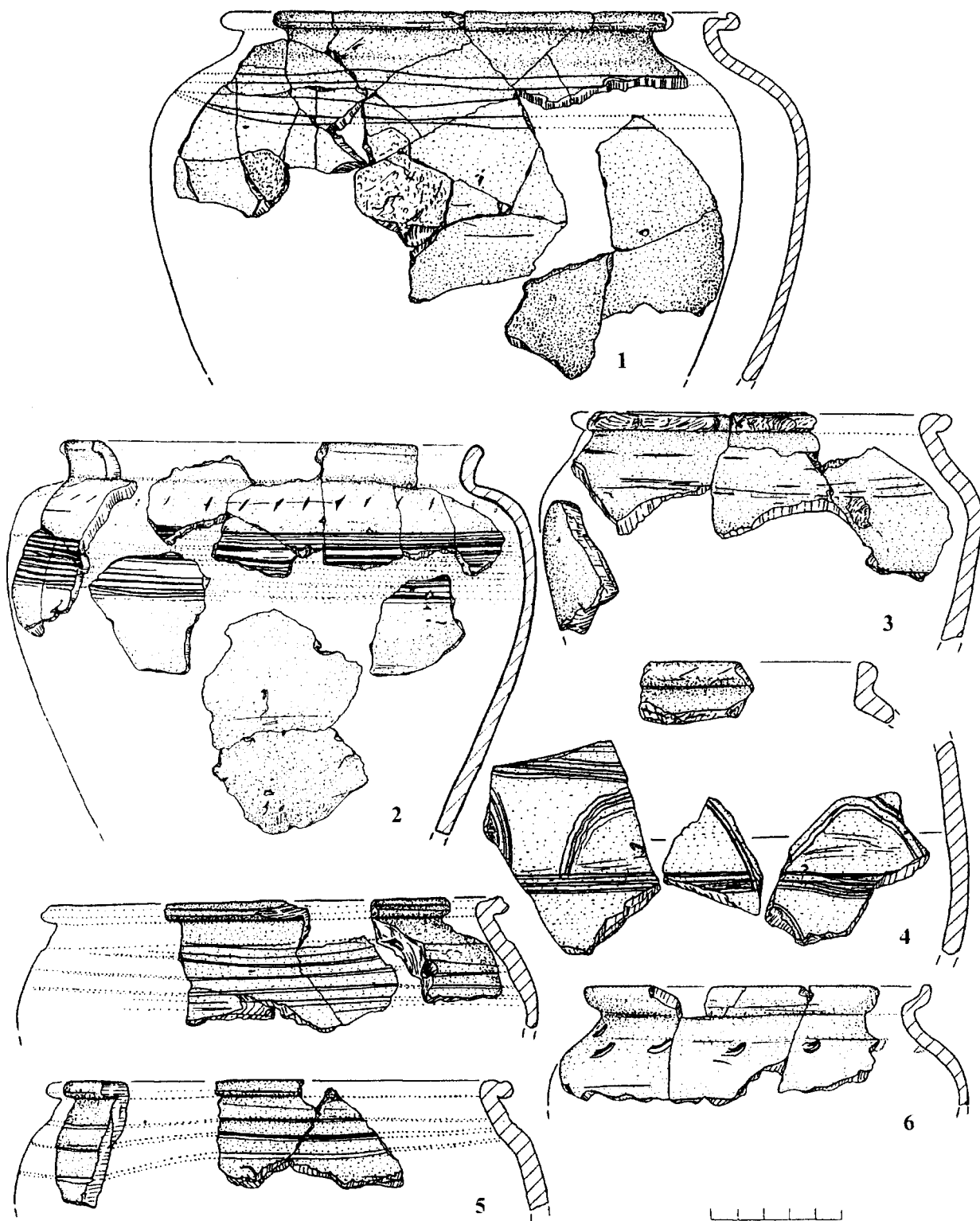

Рис. 11. Царино городище. Керамика: 1, 2 – помещения №№ 2, 3; 3-5 – помещение № 5; 6 – хозяйственная яма № 4.

Fig. 11. The Tsarino hillfort. Ceramics: 1, 2 – buildings NoNo 2, 3; 3-5 – building No 5; 6 – household pit No 4.

Abb. 11. Vorgeschichtliche Siedlung Zarino. Keramik: 1, 2 – Raum №№ 2, 3; 3-5 – Raum № 5; 6 – Wirtschaftsgrube № 4.

Dessin 11. Site Tsarino. Céramique: 1, 2 – logis №№ 2, 3; 3-5 – logis № 5; 6 – fosse de ménage № 4

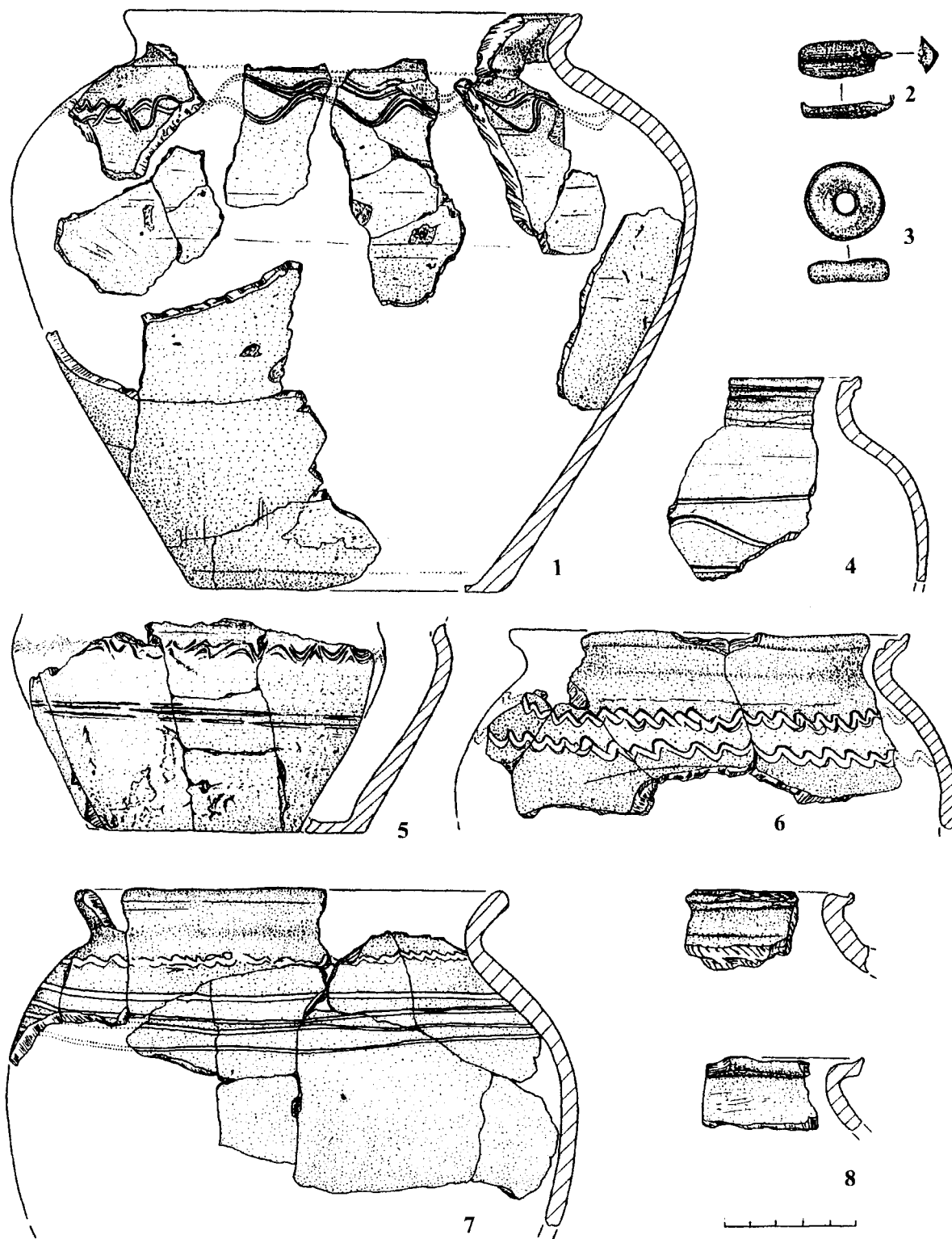

Рис. 12. Царино городище. 1-3, 6 – помещение № 1; 4, 5, 7, 8 – хозяйственная яма № 5. 1, 3-8 – керамика; 2 – свинец.

Fig. 12. The Tsarino hillfort. 1-3, 6 – building No 1; 4, 5, 7, 8 – household pit No 5. 1, 3-8 – ceramics; 2 – lead.

Abb. 12. Vorgeschichtliche Siedlung Zarino. 1-3, 6 – Raum № 1; 4, 5, 7, 8 – Wirtschaftsgrube 5. 1, 3-8 – Keramik, 2 – Gußeisen.

Dessin 12. Site Tsarino. 1-3, 6 – logis № 1; 4, 5, 7, 8 – fosse de ménage № 5. 1, 3-8 – céramique; 2 – plomb

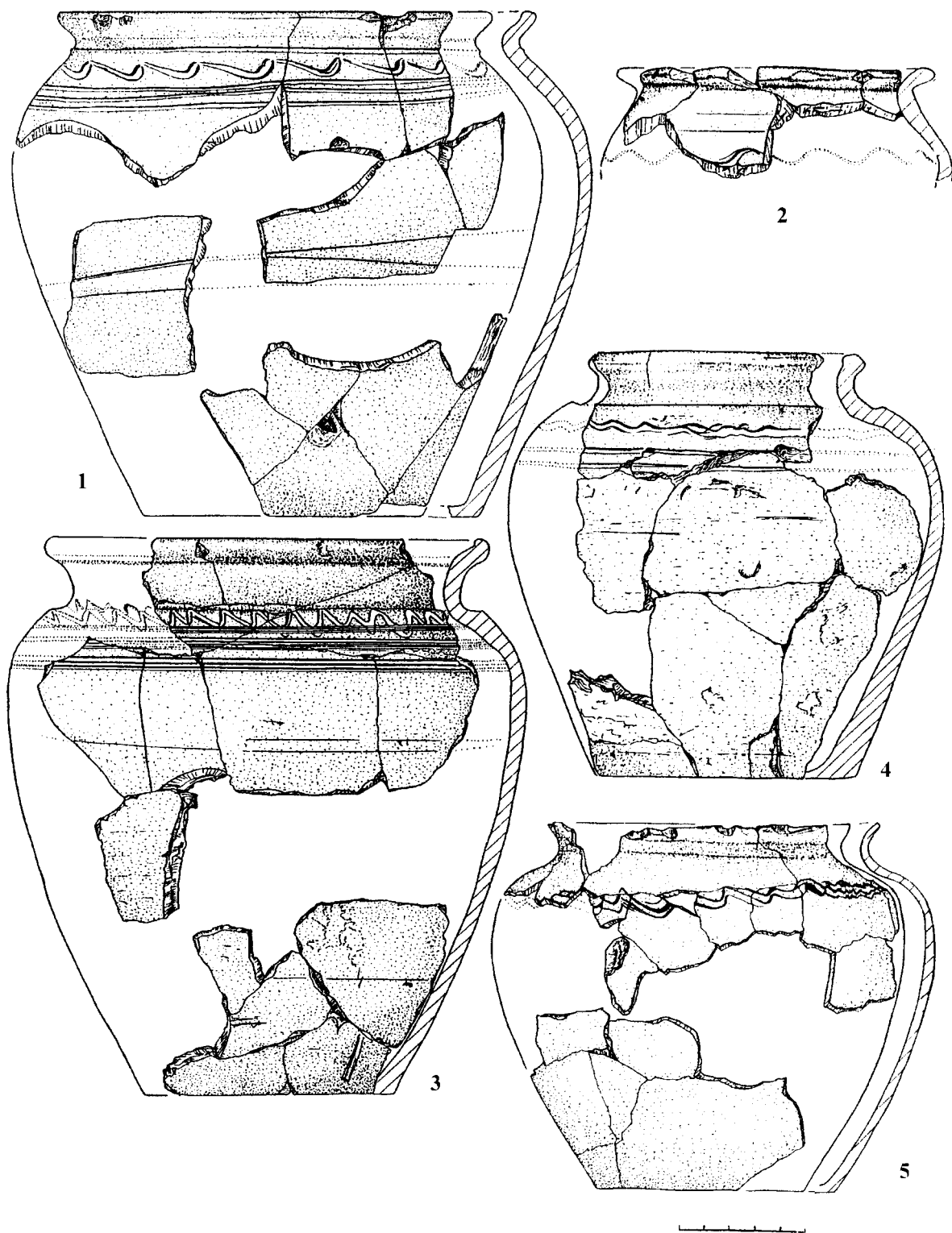

Рис. 13. Царино городище. Керамика: 1 – помещение № 5; 2 – помещение № 2; 3 – хозяйственная яма № 2; 4 – помещения №№ 1, 3; 5 – помещения №№ 2, 3, 4, хозяйственные ямы №№ 1, 4.

Fig. 13. The Tsarino hillfort. Ceramics: 1 – building No 5; 2 – building No 2; 3 – household pit No 2; 4 – buildings NoNo 1, 3; 5 – buildings NoNo 2, 3, 4, household pits NoNo 1, 4.

Abb. 13. Vorgeschichtliche Siedlung Zarino. Keramik: 1 – Raum № 5; 2 – Raum №2; 3 – Wirtschaftsgrube № 2; 4 – Raum №№ 1, 3; 5 – Raum №№ 2, 3, 4; Wirtschaftsgruben №№ 1, 4.

Dessin 13. Site Tsarino. Céramique: 1 – logis № 5; 2 – logis № 2; 3 – fosse de ménage № 2; 4 – logis №№ 1, 3; 5 – logis №№ 2, 3, 4, fosses de ménage №№ 1, 4.

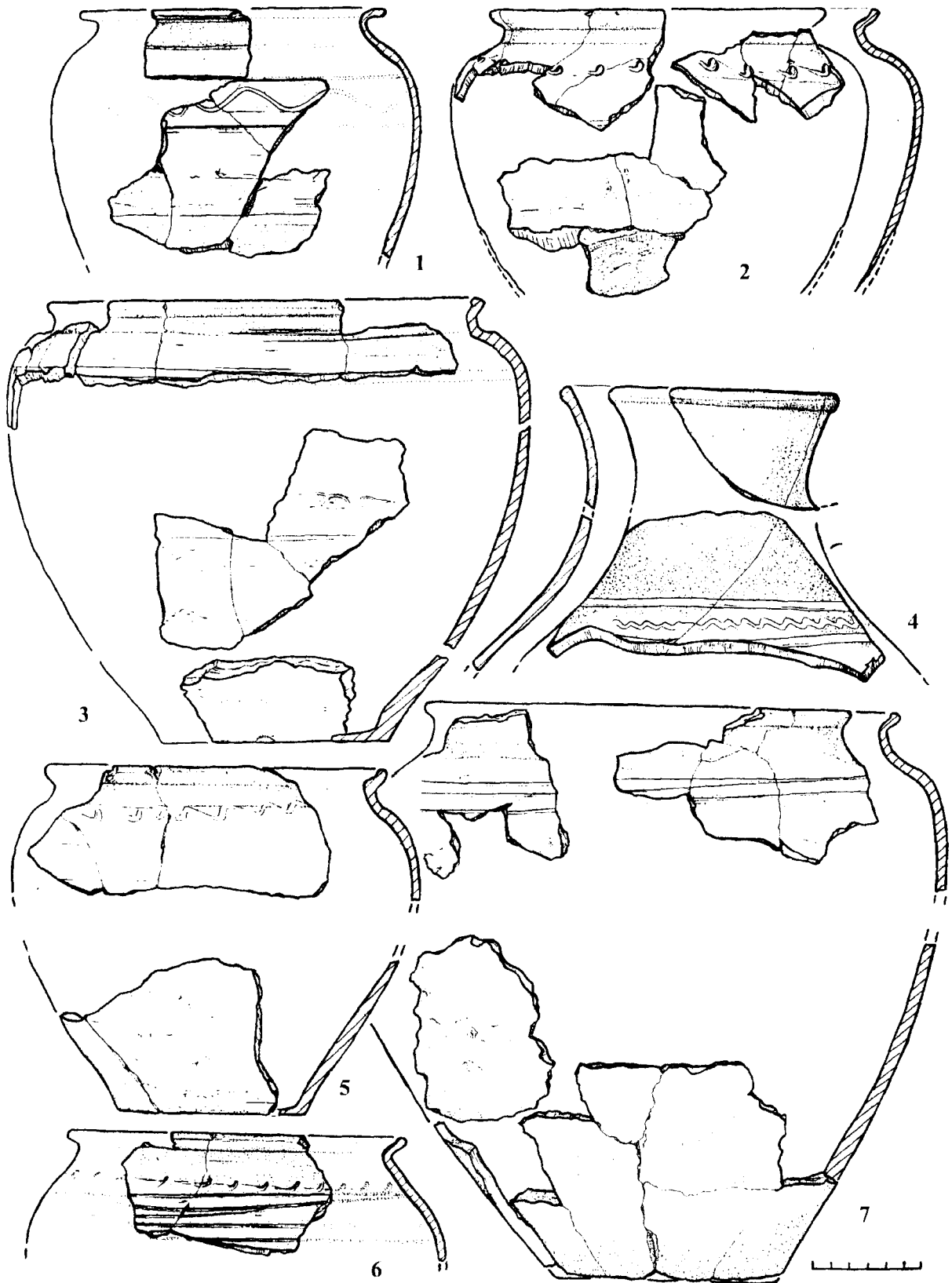

Рис. 14. Царино городище. Керамика: 1, 4 – хозяйственная яма № 5; 2, 3, 5-7 – помещение № 5.

Fig. 14. The Tsarino hillfort. Ceramics: 1, 4 – household pit No 5; 2, 3, 5-7 – building No 5.

Abb. 14. Vorgeschichtliche Siedlung Zarino. Keramik: 1, 4 – Wirtschaftsgrube № 5; 2, 3, 5-7 – Raum № 5.

Dessin 14. Site Tsarino. Céramique: 1, 4 – fosse de ménage № 5; 2, 3, 5-7 – logis № 5

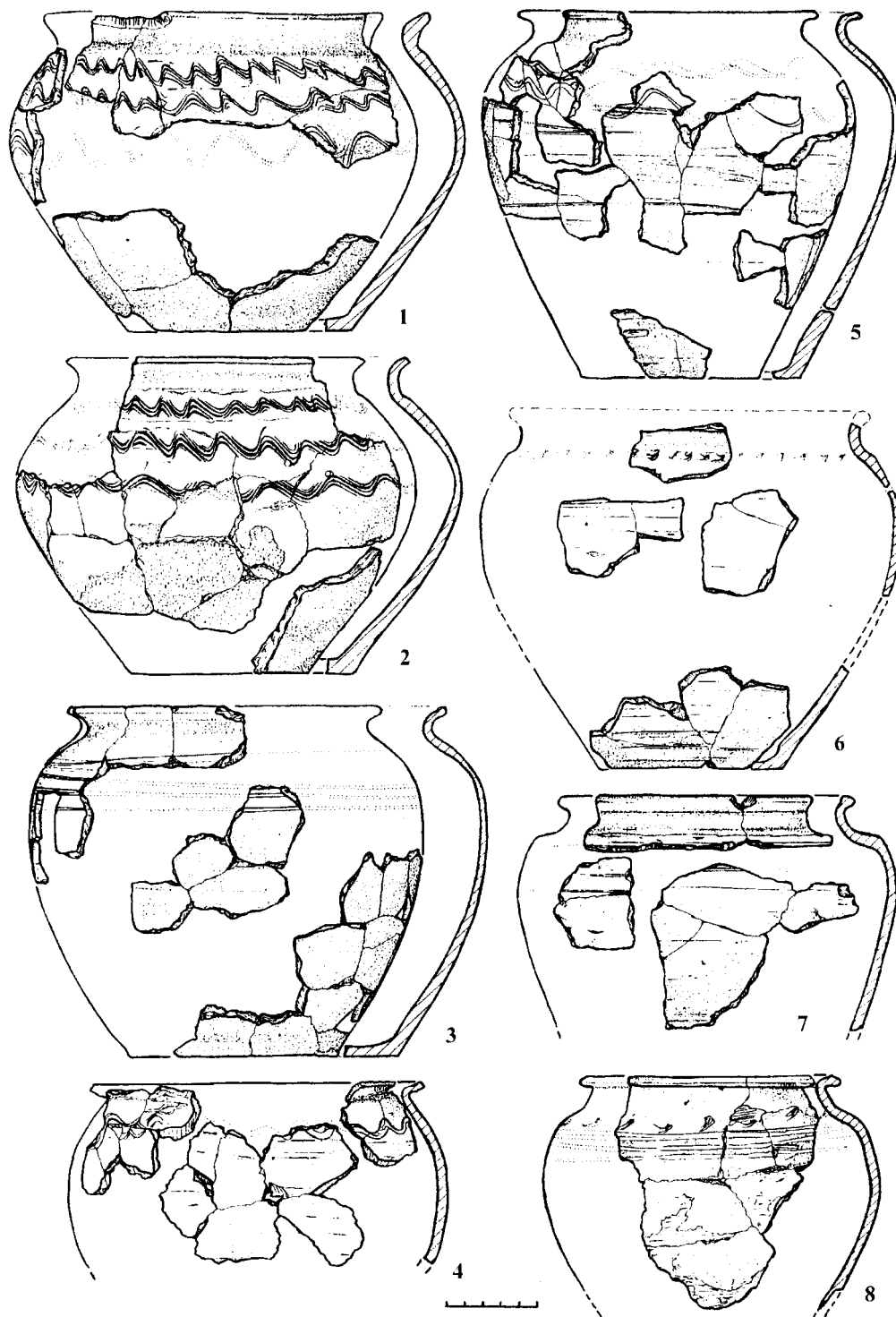

Рис. 15. Царино городище. Керамика: 1, 2 – хозяйственная яма № 6; 4, 8 – помещение № 2, хозяйственная яма № 2; 3, 6 – хозяйственная яма № 4; 5 – помещение № 2, 3, хозяйственная яма № 2; 7 – помещение № 5.

Fig. 15. The Tsarino hillfort. Ceramics: 1, 2 – household pit No 6; 4, 8 – building No 2, household pit No 2; 3, 6 – household pit No 4; 5 – building No 2, 3, household pit No 2; 7 – building No 5.

Abb. 15. Vorgeschichtliche Siedlung Zarino. Keramik: 1, 2 – Wirtschaftsgrube № 6; 4, 8 – Raum № 2, Wirtschaftsgrube № 2; 3, 6 – Wirtschaftsgrube № 4; 5 – Raum № 2, 3, Wirtschaftsgrube № 2; 7 – Raum № 5.

Dessin 15. Site Tsarino. Céramique: 1, 2 – fosse de ménage № 6; 4, 8 – logis № 2, fosse de ménage № 2; 3, 6 – fosse de ménage № 4; 5 – logis № 2, 3; fosse de ménage № 2; 7 – logis № 5

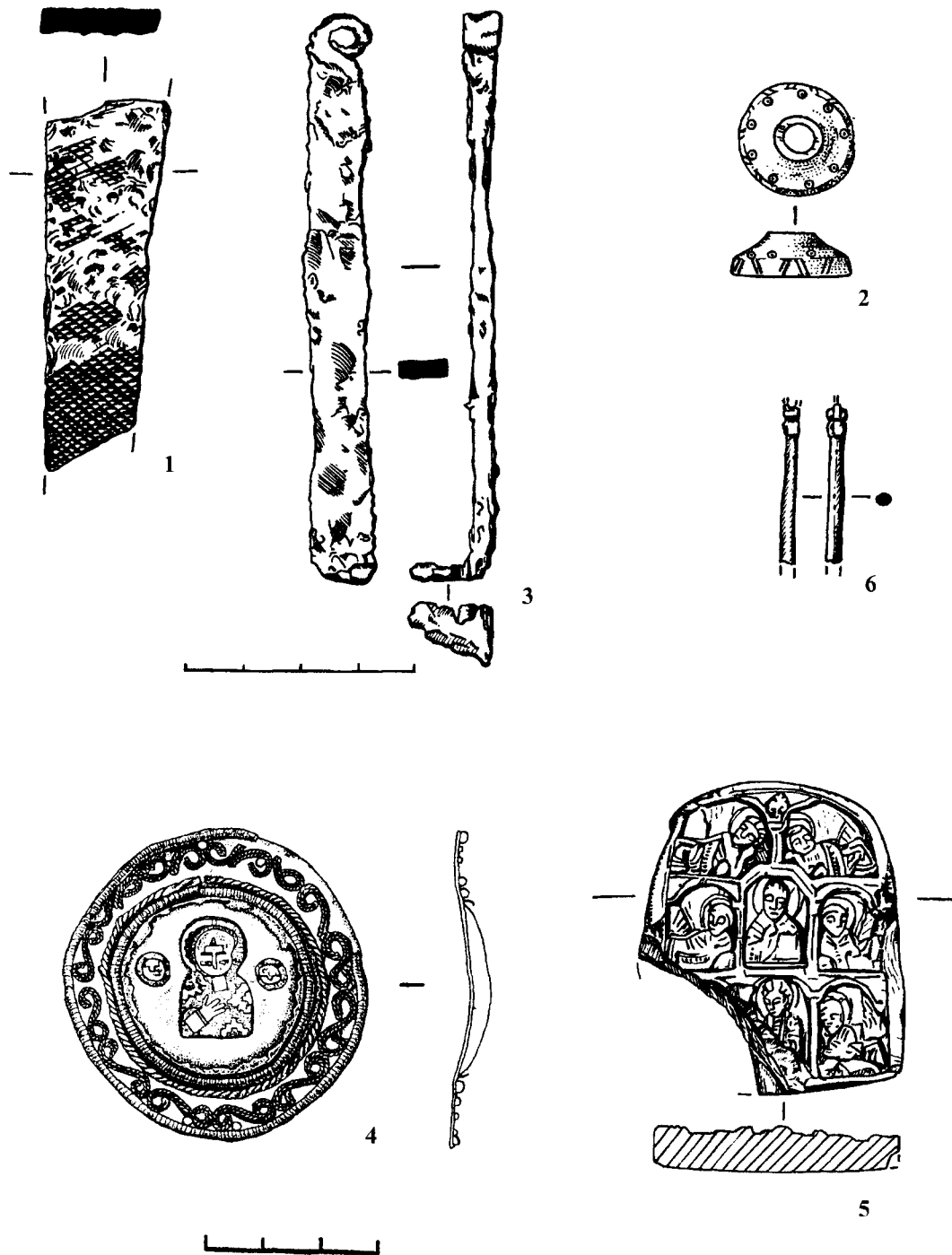

Рис. 16. Царино городище. Хозяйственная яма № 2, 1998: 1 – фрагмент напильника; 2 – костяная пуговица (Казачья Пристань); 3 – ключ; 4, 5 – предметы христианского культа с Царина городища; 6 – фрагмент копоушки.

Fig. 16. The Tsarino hillfort. Household pit No 2, 1998: 1 – the fragment of the file; 2 – the bone button (Kazachya Pristan); 3 – the key; 4, 5 – the things of the Christ worship of the Tsarino hillfort; 6 – the fragment of the ear-cleaner.

Abb. 16. Vorgeschichtliche Siedlung Zarino. Wirtschaftsgrube № 2, 1998: 1 – Feilenfragment; 2 – Beinknopf (Kasatschja Pristan); 3 – Schlüssel; 4, 5 – Gegenstände des christlichen Kults aus der vorgeschichtlichen Siedlung Zarino; 6 – Ohrtupferfragment.

Dessin 16. Site Tsarino. Fosse de ménage № 2, 1998: 1 – fragment de la lime; 2 – bouton en os (Kasatchaïa Pristan); 3 – clef; 4, 5 – objets du culte chrétien du site Tsarino; 6 – fragment de cure-oreille

Часть горшков среднедонецких памятников имеет генетическую связь с керамикой салтово-маяцкой культуры, а также с материалами донских поселений. В целом же, керамический комплекс среднедонецких поселений 1-й половины II-го тысячелетия близок синхронным материалам с памятников Нижнего Поднепровья и Нижнего Дона.

Сильное влияние степи проявилось также в домостроительстве, что хорошо прослежено на примере помещений посада Царина городища. Так, в ряде построек (помещения № 2, 4) зафиксировано употребление в конструкции стен самана. Помещения № 1, 2, возможно, и № 3 в качестве отопительного сооружения имели открытый очаг, не характерный для славянских памятников (Раппопорт П.А., 1967, с.144; Плетнева С.А., 1967, с.58).

В целом, эти сооружения очень схожи со второй группой жилищ Нижнего Поднепровья (Козловский А.О., 1992, с.15).

Особенно интересна самая поздняя постройка раскопа, имеющая два тандыра. Указанный тип отопительного сооружения, не характерный для русских земель, довольно широко распространен в степи, в частности, на Северском Донце, начиная с хазарского времени (Красильников К.И., 1986, с.48-61). Известен он и на Царинном городище в помещении с золотоордынским материалом, датированном монетами и фрагментами чугунных котлов 2-й половиной XIV в. (Кравченко Э.Е., Швецов М.Л., 1990, с.134-136), то есть тем же периодом, что и данная постройка.

Материалы свидетельствуют о многообразии культурных влияний и, вероятно, неоднородном этническом составе населения рассматриваемых памятников. Последнее заставляет усомниться в правомерности применения по отношению к подобным поселениям термина "русские поселки" (Полубояринова М.Д., 1978; Алихова А.Е., 1960).

Интересным представляется тот факт, что после монголо-татарского нашествия оседлые поселения в Среднем Подонцовье продолжают свое существование. Об этом свидетельствует наличие на ряде памятников (Правдешино, Казачья Пристань, Выдыльха, Миньевский Яр, Зливки) как керамических фрагментов, идентичных формам, обнаруженным в помещениях золотоордынского периода на Царинном городище, так и находок здесь же золотоордынских монет XIV в. и обломков чугунных котлов.

Показателен факт полного отсутствия в поздних помещениях раскопа №3 на посаде Царина городища поливной и красноглиняной золотоордынской керамики, в избытке встреченной на прилегающем к поселению памятнике, частью которого, собственно это поселение и является. Поливная керамика не встречена и на других памятниках с "русскими" горшками в среднем течении Северского Донца, которые существовали в золотоордынское время. Объясняется это, по всей видимости, как стойкостью культурной традиции, так и низким социальным статусом указанных населенных пунктов: на них отсутствует поливная керамика, очень редки находки красноглиняной непо-

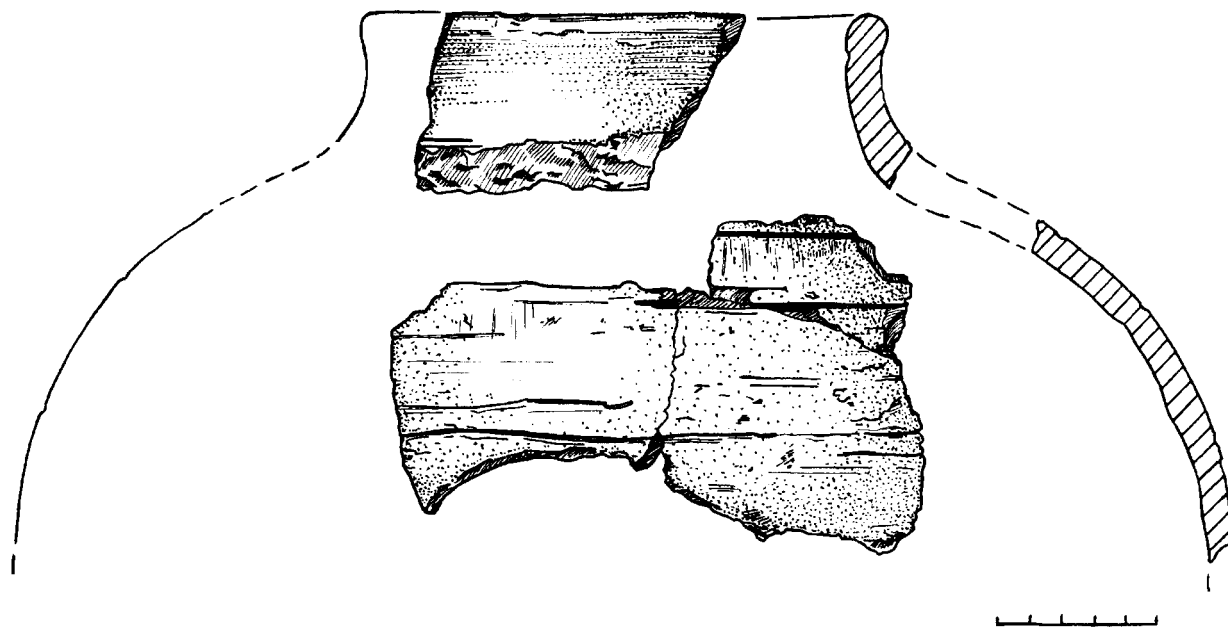

Рис. 17. Царино городище. Хозяйственная яма № 2, 1998 г.

Fig. 17. The Tsarino hillfort. Household pit No 2, 1998.

Abb. 17. Vorgeschichtliche Siedlung Zarino. Wirtschaftssgrube № 2, 1998.

Dessin 17. Site Tsarino. Fosse de ménage № 2, 1998

ливной золотоордынской посуды, тарной керамики, представленной фрагментами характерных для этого периода амфор с дуговыми ручками, фрагментов чугунных котлов, монет.

Наряду с этим, фрагменты керамики "древнерусского облика" попадают в ямах с собственно золотоордынской керамикой довольно редко. Так, в заполнении ряда расчищенных на Царином городище разрушающихся хозяйственных ям не встречено ни одного фрагмента подобной посуды. Зато хозяйственная яма № 2 (1998 г.), расположенная на большом (около 1 км) расстоянии от посада (на территории, примыкающей к золотоордынскому памятнику), наряду с фрагментами красноглиняных золотоордынских кувшинов, чугунных котлов, содержала обломки от

белоглиняного горшка древнерусского типа (рис.5, 2) и нескольких сосудов (тесто розового и серого цвета), близких обнаруженным на посаде. Создается впечатление, что население, использовавшее данную посуду, жило на окраинах золотоордынского памятника.

Вероятно, в золотоордынское время в среднем течении Северского Донца существовали поселения двух культурных типов, один из которых продолжал культурную традицию предшествующего времени (XI-XIII вв.) и представлен материальной культурой оседлого населения степи, другой же - памятники с собственно золотоордынским материалом (Кравченко Э.Е., 1989, с. 55-57). По-видимому, сходная ситуация наблюдается в Нижнем Поднепровье (Козловский А.О., 1992) и на Нижнем Дону (Ляпушкин И.И., 1958, с.260-262).

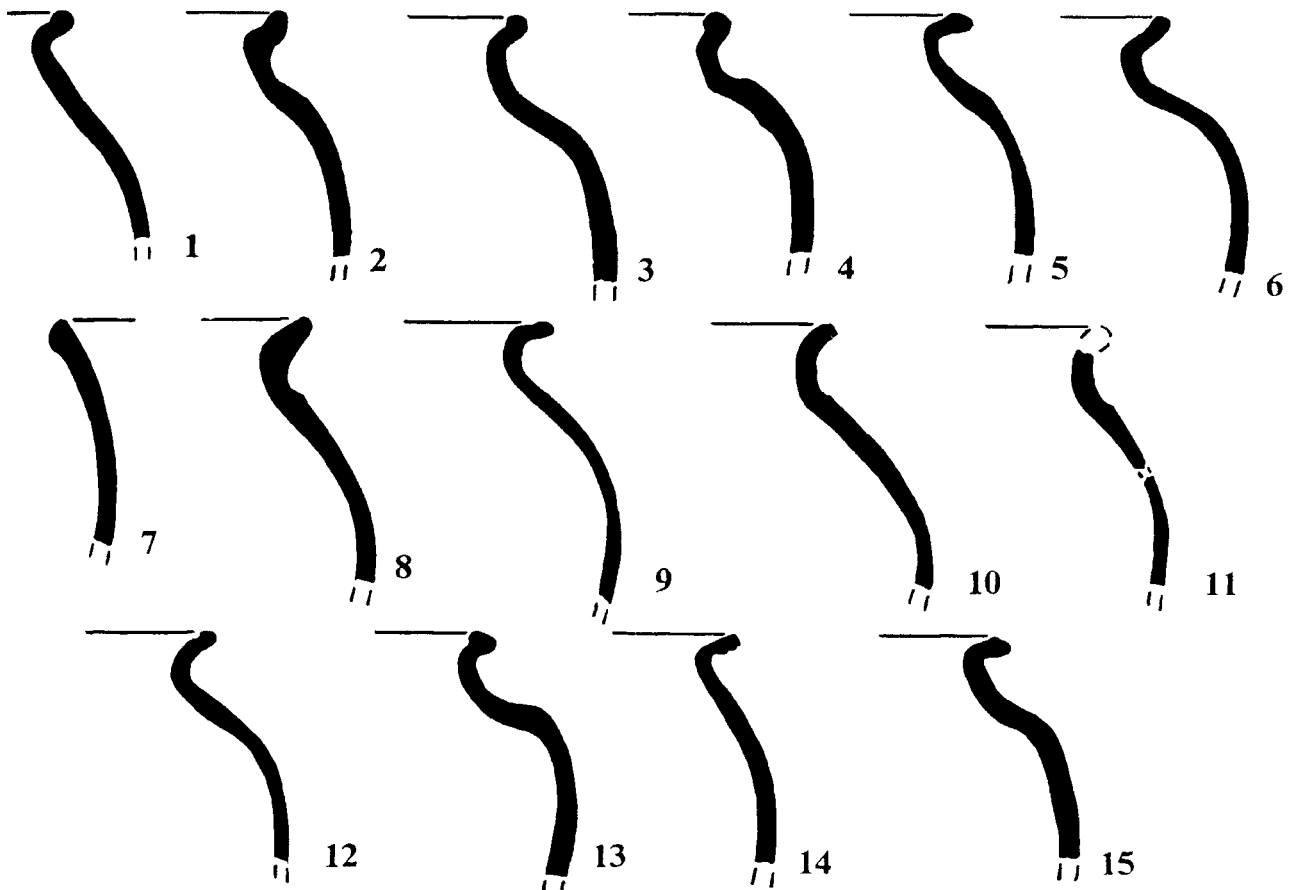

Рис. 18. Венчики сосудов: 1 – рис. 14, 6; 2 – рис. 14, 5; 3 – рис. 14, 7; 4 – рис. 14, 3; 5 – рис. 14, 1; 6 – рис. 14, 2; 7 – рис. 14, 4; 8 – рис. 15, 1; 9 – рис. 15, 5; 10 – рис. 15, 2; 11 – рис. 15, 6; 12 – рис. 15, 3; 13 – рис. 15, 7; 14 – рис. 15, 4; 15 – рис. 15, 8.

Fig. 18. The brims of the vessels: 1 – Fig. 14, 6; 2 – Fig. 14, 5; 3 – Fig. 14, 7; 4 – Fig. 14, 3; 5 – Fig. 14, 1; 6 – Fig. 14, 2; 7 – Fig. 14, 4; 8 – Fig. 15, 1; 9 – Fig. 15, 5; 10 – Fig. 15, 2; 11 – Fig. 15, 6; 12 – Fig. 15, 3; 13 – Fig. 15, 7; 14 – Fig. 15, 4; 15 – Fig. 15, 8.

Abb. 18. Gefäßkronen: 1 – Abb. 14, 6; 2 – Abb. 14, 5; 3 – Abb. 14, 7; 4 – 14, 3; 5 – Abb. 14, 1; 6 – Abb. 14, 2; 7 – Abb. 14, 4; 8 – Abb. 15, 1; 9 – Abb. 15, 5; 10 – Abb. 15, 2; 11 – Abb. 15, 6; 12 – Abb. 15, 3; 13 – Abb. 15, 7; 14 – Abb. 15, 4; 15 – Abb. 15, 8.

Dessin 18. Corolles des vaisseaux: 1 – dessin 14, 6; 2 – dessin 14, 5; 3 – dessin 14, 7; 4 – dessin 14, 3; 5 – dessin 14, 1; 6 – dessin 14, 2; 7 – dessin 14, 4; 8 – dessin 15, 1; 9 – dessin 15, 5; 10 – dessin 15, 2; 11 – dessin 15, 6; 12 – dessin 15, 3; 13 – dessin 15, 7; 14 – dessin 15, 4; 15 – dessin 15, 8.

В конце XIV в. золотоордынские населенные пункты в среднем течении Северского Донца прекращают свое существование (Кравченко Э.Е., 1989, с.55-57).

Судьба среднеднепровских поселений с керамикой древнерусского облика неясна. Разделили ли они судьбу золотоордынских населенных пунктов или про-

должали функционировать и в XV в. на основании имеющихся в нашем распоряжении данных сказать невозможно. Вполне вероятно, что в связи со сложной политической обстановкой в период распада и гибели Золотой Орды, население могло переместиться в более безопасные районы.

Литература и архивные материалы

1. Алихова А.Е., 1960. Русский поселок XIII - XIV вв. у с. Березовки// МИА. №80.
2. Багалій Д.І., 1990. Історія Слобідської України. Харків.
3. Довженко В.І., 1961. Татарське місто на Нижньому Дніпрі часів пізнього середньовіччя// Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 10. К.
4. Довженко В.І., Гончаров В.К., Юра Р.О., 1966. Древньоруське місто Воїнь. К.
5. Ключнев М.Я., 1998. Поселение периода развитого средневековья у с. Нижнетеплое Луганской области// Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тезисы докладов VII Донской археологической конференции. Ростов-на-Дону.
6. Коваленко В.П., Сытый Ю.Н., 1991. Летописная Белавежа (к вопросу локализации)// Археология Славянского Юго - Востока. Воронеж.
7. Козловський А.О., 1992. Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX - XIV ст. К.
8. Кравченко Э.Е., 1989. Материалы археологической экспедиции СГИАЗ 1989 г. Отчет об исследованиях под меловой скалой// Научный архив Славяногорского историко-архитектурного заповедника. Ф.III. Оп.6. Д. 3.
9. Кравченко Э.Е., 1989. Памятники золотоордынского времени на территории Донецкой области// Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов научно-практического семинара. Донецк.
10. Кравченко Э.Е., 1998. Раскопки поселения Казачья Пристань на Северском Донце// Музейні засоби з народознавства. Матеріали обласного семінару. Донецьк.
11. Кравченко Э.Е., Шамрай А.В., 1998. Сидоровское городище (к вопросу о датировке памятника)// Музей в XXI столетии. Материалы научной конференции. Донецк.
12. Кравченко Э.Е., Швецов М.Л., 1990. О хронологии 3-го этапа функционирования Царина городища// Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов. Луганск.
13. Кравченко Э.Е., Швецов М.Л., 1991. Отчет об археологических исследованиях на посаде Царина городища в 1991 г.// Научный архив СГИАЗ. Ф. III. Оп. 6. Д.7.
14. Кравченко Э.Е., Швецов М.Л., 1992. О находках фрагментов чугунных котлов на территориях к западу от Дона// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
15. Кравченко Э.Е., Швецов М.Л., 1995. Новые данные о христианском населении края в XIII-XIV вв.// Материалы научно-практического семинара. Славяногорск.
16. Красильников К.И., 1986. Тандыры в салтовских жилищах Подонья// СА. №3.
17. Ляпушкин И.И., 1958. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища// МИА. №62.
18. Макарова Т.И., 1967. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси// САИ. Вып. Е 1-38.
19. Макарова Т.И., 1972. Поливная керамика в Древней Руси. М.
20. Макарова Т.И., 1985. Две находки предметов с перегородчатой эмалью из Новгорода и Смоленска// СА. №3.
21. Максимов Е.В., Петрашенко В.А., 1988. Славянские памятники у села Монастырек на Среднем Днепре. К.
22. Масловский А.Н., 1997. Грунтовой могильник "Мартышкина Балка" и его место среди памятников предмонгольского времени Нижнего Подонья (к постановке проблемы)// Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Азов.
23. Михеев В.К., 1971. Отчет о работе средневековой археологической экспедиции ХГУ в 1971 г.// НА ИА НАНУ.
24. Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М., 1985. Исследования летописного города Юрьева на Руси и его окрестностей// Земли Южной Руси в IX-XIV вв. К.

25. Пирко В.А., 1988. Северное Приазовье в XVI - XVIII вв. К.
26. Пірко В.О., 1998. Заселення степової України в XVI - XVIII ст. Донецьк.
27. Плетнева С.А., 1959. Керамика Саркела – Белой Вежи// МИА. №75.
28. Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам// МИА. №142.
29. Полубояринова М.Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.
30. Прокофьев Р.В., 1998. Древнерусские поселения Северо-Восточного Приазовья// Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тезисы докладов VII Донской археологической конференции. Ростов-на-Дону.
31. Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1991. Древнерусское Семилукское городище XII - XIII вв. на реке Дон (итоги раскопок 1984-1986 гг.)// Археология Славянского Юго-Востока. Воронеж.
32. Раппопорт П.А., 1967. Древнерусское жилище// САИ. Вып. Е 1-32.
33. Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.
34. Список памятников археологии Украины. Донецкая область/ Составители: Привалова О.Я., Привалов А.И., 1988. К.
35. Татаринов С.И., 1996-1997. Загадочный культовый предмет з Маяцького городища на Донеччині// Бахмутський часопис. № 5, 6. Артемівськ.
36. Шамрай А.В., 1995. Каменная иконка с Царина городища// Материалы научно-практического семинара. Славяногорск.
37. Швецов М.Л., 1984. Работы на Зливкинском могильнике// АО 1982. М.
38. Швецов М.Л., 1985. Работы на Зливкинском могильнике// АО 1983. М.
39. Швецов М.Л., 1986. Работы на Зливкинском могильнике// АО 1984. М.
40. Швецов М.Л., 1987. К вопросу о заселении Подонцовья в IV - XIII вв.// Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов областного семинара. Донецк.
41. Швецов М.Л., 1992. Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье// Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье. Тезисы докладов научного семинара. Донецк.
42. Якобсон А.Л., 1964. Средневековый Крым. М. - Л.
43. Якобсон А.Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

Summary

E.Ye. Kravchenko (Donetsk)

The Relics of the XIth – the XIVth centuries Settled Population in the Region of the Middle Flow of the Seversky Donets River

In the 80-90-s of the XXth c. in the middle flow of the Seversky Donets river there has been detected a group of settlements with the ceramics of the Ancient Russian type. The excavations of some of them, especially the settlement with the good preserved cultural stratum – the Tsarino hillfort (near the village of Mayaki in Slaviansk area of Donetsk region), have shown that the above mentioned settlements combined in their material culture the features typical of the Ancient Russian material culture and steppe people. After the Mongol-Tatar invasion these settlements continued functioning; as the result of this fact in the middle area along the Donets river during the Golden Horde period there existed settlements of two cultural types, one of which developed the tradition times (the XIth-XIIIth cc). The other is represented by the settlement with the Golden Horde material proper.

There are no finds of the XVth c. in the given settlements and what was their further fortune is not so far clear. Probably, at the end of the XIVth c. this population and the population of the Golden Horde settlements in the area along the Seversky Donets river were either exterminated or went away to the territories with a more stable political situation.

E.Je., Krawtschenko (Donezk)

Spuren der ansässigen Bevölkerung des XI.-XIV. Jh. im mittleren Sewerskij Donez

In den 80.-90. Jahren des 20. Jhs wurde im Mittellauf des Sewerskij Donez eine Gruppe der Siedlungen mit den Mustern der Keramik der altrussischen Periode aufgefunden. Die Ausgrabungen in den einigen von

ihnen (besonders in der vorgeschichtlichen Siedlung Zarino beim Dorf Majaki, Kreis Slawjansk, Gebiet Donezk, das ein Denkmal mit der gut erhaltenden kulturellen Schicht ist) zeigten, daß diese Siedlungen in ihrer materiellen Kultur die für die materiellen Kulturen des Alten Ruß und der Steppenvölker typische Züge haben. Nach den mongolischen Kreuzzügen blieben diese Siedlungen immer noch besiedelt, so daß die Denkmäler zweier Kulturtypen im mittleren Donez in der goldenhordischen Zeit koexistierten, der eine davon setzte die Tradition der vorherigen Zeiten (11.-13. Jh.) fort, der andere wird durch eine Gruppe von Siedlungen mit dem eigentlichen goldenhordischen Material vertreten.

Es wurden in diesen Siedlungen keine Funde aus dem 15. Jh. gefunden und ihre weitere Geschichte ist unklar. Vielleicht, wurde ihre Bevölkerung und die Bevölkerung aus der goldenhordischen Siedlungen des Donezgebietes des 14. Jhs. vernichtet oder sie zog in die Territorien mit dem besseren politischen Lage.

E.E. Kravtchenko (Donetsk)
**Vestiges de la population sédentaire des XI-XIV
siècles sur le territoire du moyen Donets Séverski**

Dans les années 80-90 du 20 siècle sur le territoire du moyen Donets Séverski a été découvert un groupe de colonies aux céramiques rappelant celles de l'ancienne Russie. Les fouilles ont montré que ces colonies combinaient dans sa culture matérielle les traits particuliers de la culture matérielle de l'ancienne Russie et des peuples de steppe. (L'exemple le plus remarquable est le vestige de la couche culturelle démonstrative est la colonie Tsarino, près du village Maïaki, district Slavianski, région de Donetsk). Après l'invasion tataro-mongole ces sites continuaient encore à fonctionner. Comme suite on voit la coexistence des deux types culturelles dans la région de Podontsovie à l'époque de la Horde d'Or. Le premier type continuait la tradition du précédent. Le deuxième est représenté par colonies avec le matériel de la période de la Horde d'Or.

On ne trouve pas dans ces colonies d'objets du XV siècle et leur sort n'est pas clair. On laisse la supposition que vers la fin du XIV siècle les habitants de ces colonies étaient exterminés, ou bien ils ont abandonné ces territoires pour aller chercher des territoires avec l'organisation politique plus stable.

В.Е. Флёрова (Нахапетян)

КОСТЯНЫЕ ДЕТАЛИ ЛУКОВ, КОЛЧАНОВ И НАЛУЧИЙ БЕЛОЙ ВЕЖИ *

Как правило, находки деталей вооружения на поселениях редки, и в этом отношении коллекция изделий из кости, собранная в результате раскопок Саркела - Белой Вежи (экспедиция М.И.Артамонова), является исключением**. Детали вооружения и конского снаряжения составили в этой коллекции необычайно высокий, по сравнению с рядом синхронных памятников, процент. Так в Болгаре к этой группе находок отнесено только 8% костяных изделий, (Закирова И.А., 1988), на салтово-маяцких сельских поселениях – 1,8% (Красильников К.И., 1979), в Старой Ладогге – менее 1% (Давидан О.И., 1966), тогда как в Саркеле - Белой Веже в среднем - 24%. В слоях исторических периодов, выделяемых в хронологической шкале памятника, детали вооружения и конского снаряжения распределены неравномерно: в хазарский период они составляют в среднем 21% всех костяных изделий, а в беловежский - 36%, т.е. их доля возрастает в 1,5 раза, а без учета отнесённых к конскому снаряжению - более, чем вдвое. Такая “милитаризация” продукции роогообработки выглядит диссонансом на общем фоне развития вещевого комплекса. Для изделий из черного металла, наоборот, отмечается увеличение числа и ассортимента орудий труда в беловежское время, тогда как доля предметов вооружения и конского снаряжения падает с 26% в хазарское время до 15% в более поздних слоях (Сорокин С.С., 1959, с.194,195).

Тщательная фиксация находок в процессе раскопок, проводившаяся в 1934-1936 гг. по штыкам, а в 1949-1951 гг. с точными нивелировочными замерами, дала возможность соотнести их с датированными по массовому материалу пластинами памятника. Точность соответствия этих датировок для такой редкой категории находок как изделия из кости была проверена на гребнях Саркела - Белой Вежи с уже известными хронологическими рамками бытования отдельных типов. Из 24 находок с установленной стратиграфической ситуацией только две не соответствовали дате слоя. Обе находки - из одного комплекса, раскопанного в 1934 г. Это единственный год, для которого не было документации, дающей возможность скорректировать несоответствие. Ещё для двух гребней отмечалось запаздывание на срок до 50 лет (Флёрова В.Е., 1998а, с.625-634). Но, несмотря на то, что

стратиграфия находок даёт вполне адекватную картину развития вещевого комплекса, следует учитывать, что сильная перекопанность памятника не позволяет уверенно датировать по слою отдельные находки из-за слишком большой вероятности ошибок (Плетнёва С.А., 1996, с.133-141).

В результате проведённой работы по соотношению отдельных типов костяных предметов со слоями городища выяснилось, что в слоях, датированных временем после взятия Саркела Святославом в 965 г., сконцентрированы находки, связанные с вооружением лучника. Это наконечники стрел, накладки на сложный лук, петли колчанов и налучий и пластинки для их украшения, как правило, орнаментированные. Эти же категории вещей соответствуют практически всем костяным изделиям, найденным в кочевническом могильнике, расположенном рядом с крепостью и образовавшемся, кстати, после взятия Саркела Святославом (Плетнёва С.А., 1958, 1963, 1990).

Беловежские материалы, таким образом, не только предоставляют возможность проследить особенности комплекса вооружения лучника печенежско-торжеского и половецкого времени, но также могут дать новые основания для датировок отдельных типов предметов, пока еще имеющие слишком широкие диапазоны.

Накладки луков

В слоях IX - начала X вв. найдены две боковые концевые накладки (рис.1, 1,2; рис.2). Боковые концевые накладки происходят также из беловежского могильника, где в печенежском погребении в кургане 8, а также в кургане 40, датированных X - началом XI вв. (Плетнёва С.А., 1990, табл. 9, с.47, 48), было по одной паре концевых накладок. Две концевые накладки обычны для луков, происходящих из южносибирских памятников IX-X вв. Такие типы луков сосуществуют с более развитыми формами, имеющими только срединные накладки (Худяков Ю.С., 1981, с.123). С конца X в. в слоях городища их сменяют треугольные в сечении фронтальные концевые вкладыши с пазом для тетивы (рис.1, 4-6; рис.2). Южносибирские аналогии массивным вкладышам датированы А.А.Гавриловой VIII-X вв. (Гаврилова А.А., 1965,

* Данная статья является переработанным и дополненным вариантом ранее опубликованной в сборнике “Курганы кочевников Южного Урала”, Уфа, 1995, вышедшем тиражом 300 экз.

** Хранится в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Гос.Эрмитажа: № 2792 - костяные изделия с городища, № 2340 - могильник. Помощь в работе с коллекциями мне оказали К.В.Каспарова и З.А.Тьвова, с полевой документацией - С.А.Плетнёва.

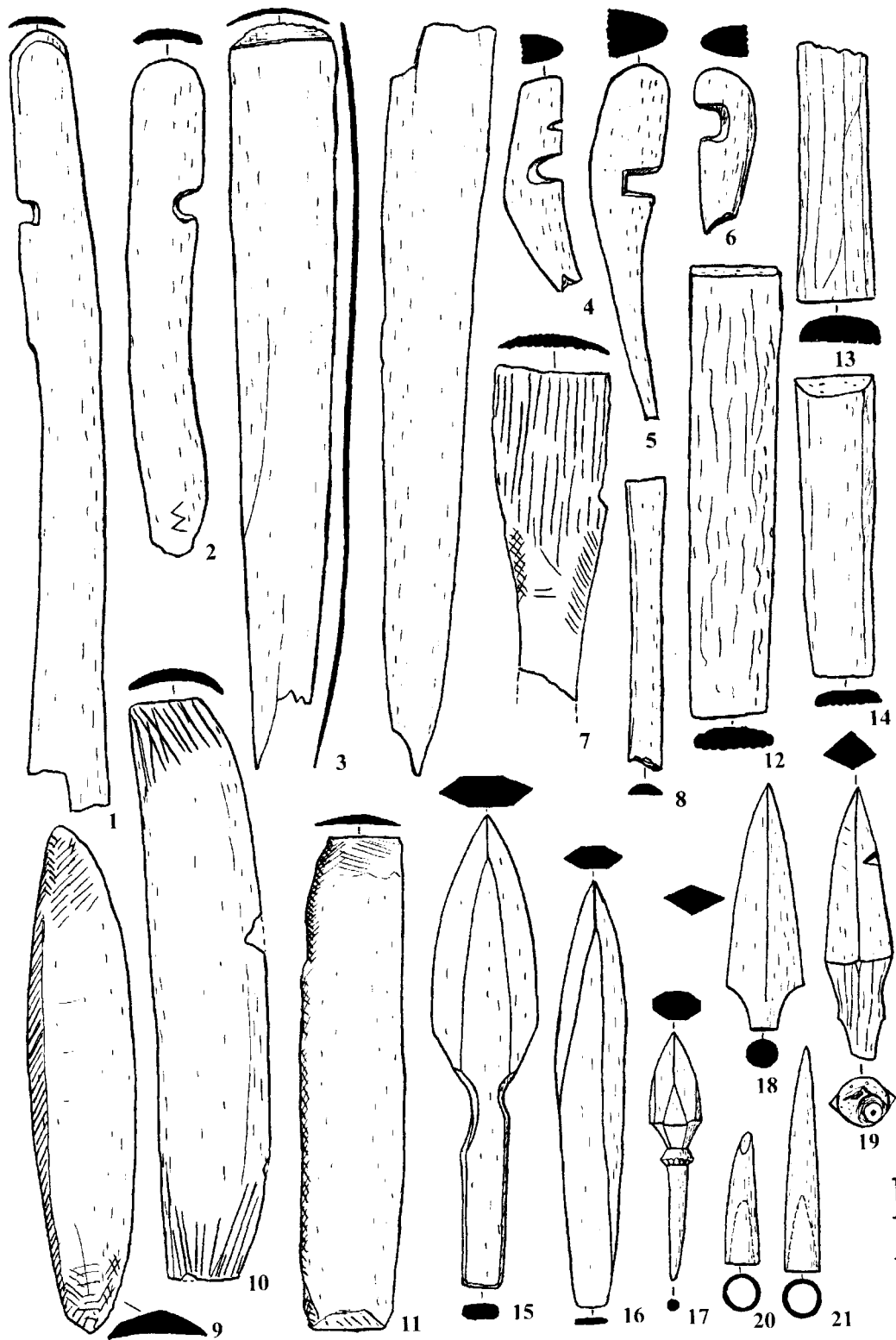

Рис.1. Роговые накладки на лук и наконечники стрел с городища Саркел – Белая Вежа.
 Fig. 1. The antler decorations on the bow and arrow-heads from Sarkel – Belaya Vezha hillfort.
 Abb. 1. Hornauflegestücke für Bogen und Pfeilspitzen aus der vorgeschichtlichen Siedlung Sarkel – Belaja Weshu.
 Dessin 1. Appliques en ramure pour l'arc et pointes des flèches du site de Sarkel – Bélaïa Véja

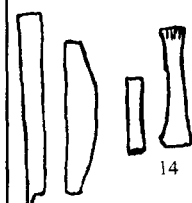

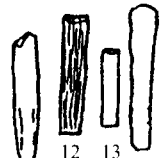

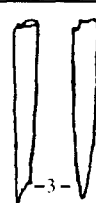
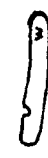

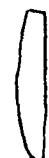

Слой, глубина, см	Концевые		Срединные		Заготовки
	фронтальные	концевые	фронтальные	боковые	
Конец XI в. начало XII в.	 6	 8			 14
150					
XI в.	 5			 11	 12 13
100					
Конец X в.	 4		 7	 9	
75					
30-60-е годы X в.				 10	
50					
IX - начало X в.	 3	 2		 9	 9
0					
Ямы		 11			

Рис. 2. Стратиграфическое распределение накладок лука. Уровень "0" соответствует подошве крепостных стен Саркела – Белой Вежи. Номера вещей в соответствии с номерами на рис. 1.

Fig. 2. The stratigraphical distribution of bow decorations. Level "0" corresponds to the foot of the fortress walls of Sarkel – Belaya Vezha. The numbers of the articles are in accordance with the numbers showed on the Fig. 1.

Abb. 2. Stratigraphische Verteilung der Bogenauflegestücke. Der "0" Stand entspricht der Festungswandsohle von Sarkel – Belaja Wesha. Sachenummern entsprechen den Nummern auf der Abb. 1.

Dessin 2. Distribution stratigraphique des crochets et des appliques de l'arc. Niveau "0" correspond aux pieds des remparts de la forteresse de Sarkel – Bélaïa Vêja. №№ des objets sont en conformité avec №№ sur le dessin 1

с.87,88), но в восточноевропейских степях такой тип накладок фиксируется на памятниках XII-XIV вв. (Медведев А.Ф., 1966, табл.4).

Срединные боковые пластины (рис.1, 9-11) как из слоя городища, так и из могильника имеют самые разнообразные формы: трапециевидные, овальные, дуговидные, прямоугольные. Отсутствуют только пластины с вырезом для фронтальной вставки. В слое самого конца X - начала XI вв. найдена лопатообразная срединная фронтальная накладка (рис.1, 7). В Южной Сибири эти накладки получают распространение с XI в. и приходят в Восточную Европу вместе с луком кимакского типа, который попадает туда во время миграции кыпчаков (Савинов Д.Г., 1981, с.146-162). Для данного типа лука характерны также прямоугольные вкладыши. Такие массивные вкладыши происходят из слоёв крепости XI - начала XII вв. (рис.1, 8, 12-14; рис.2).

Материал по лукам из крепости, особенно из ранних слоёв, небогат. Характерных для салтово-маяцких памятников концевых накладок лука с прорезью для тетивы не встречено. Единственной находкой, относящейся к луку такого типа, была пара тонких концевых накладок для нижней стороны лука. Они найдены в заполнении хазарской землянки (рис.1,3). Такие же накладки, найденные в паре с накладками-“челночками”, имеющими прорезь для тетивы, происходят из погребений IX в.: Первого Власовского могильника под Воронежем и подкурганного у хут. Красноармейского Ростовской обл. (Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., 1990, рис.7; Ильюков Л.С., Кляшторный С.Г., 1993, рис.5, 20, 21). Несмотря на незначительное число находок, по данным стратиграфии достаточно чётко прослеживается происшедшая в X в. смена типов лука (рис.2). Детали луков из восьми погребений кочевнического Беловежского могильника подробно проанализированы в работе С.А.Плетнёвой (Плетнёва С.А., 1990, с.46-48).

Наконечники стрел

Распространенность костяных наконечников стрел обычно отмечается для периферийных областей государств (Медведев А.Ф., 1966, с.53; Худяков Ю.С., 1981, с.127). В Саркеле - Белой Веже они составляют высокий процент. В хазарский период число их находок даже превышает количество железных (соответственно 8 и 6 экземпляров), а в беловежских слоях 29% наконечников выполнено из кости и рога (16:40) (Сорокин С.С., 1959). Основная часть наконечников - втульчатые пулевидной формы (рис.1, 20, 21). Найдено также пять наконечников с шестигранным и ромбическим в сечении пером: четыре - черешковые, а пятый - производственный брак, брошенный на стадии обработки шейки (рис.1, 15-19). Обнаружено пять втульчатых наконечников, оставшихся незавершенными. Интересно, что более массивные черешковые наконечники, которые могли служить не

только для охоты, но и для боевых действий, сосредоточены в более ранних слоях, а в беловежский период распространены легкие втульчатые наконечники. Вероятно, такая стратиграфия находок наконечников стрел отразила вытеснение железными боевыми наконечниками костяных в область охоты в связи с утяжелением доспеха.

Петли колчанов и налучий

А.Ф.Медведев предложил разделить костяные петли по их форме: петли с прямым основанием были отнесены к колчанам, а с изогнутым - к налучьям. Он также отметил, что встречающиеся в Восточной Европе в IX-XIV вв. петли налучий, как правило, сопутствуют петлям колчанов (Медведев А.Ф., 1966, с.20-23). По его классификации, в слоях Саркела - Белой Вежи найдено 12 петель колчанов и девять - налучий (рис.3). Еще три пары петель, из которых только у одной отмечено изогнутое основание, происходят из трех кочевнических погребений Беловежского могильника.

Две петли налучий по нивелировочным отметкам относятся к слою конца хазарского периода (рис.4). Сопутствующего этим находкам материала, характерного для салтово-маяцкой культуры VIII-X вв., в полевой документации не зафиксировано, и не исключена возможность попадания петель в слой 30-60 гг. X в. в результате перекопов. То же можно сказать и об одной из двух колчаных петель из слоя конца X в. Только с высоты 95 см над уровнем крепостной стены и выше петли начинают попадаться регулярно. Основное число находок приходится на слои, датированные второй половиной XI - началом XII вв. В слое конца XI - начала XII вв. зафиксированы заготовки для петель (рис.3, 6,7,15,21). Типы луков и стрел, сопутствующих находкам петель в погребениях кочевнического могильника, послужили основой для датировки этих стрелковых наборов VIII-X, IX-X и IX - началом XI вв. Принимая во внимание, что образование кочевнического могильника приходится на годы, последующие взятию Саркела в 965 г., и в целом он датируется серединой X-XI вв. (Плетнёва С.А., 1990, с.61,95), самой ранней возможной датой появления петель на городище можно считать середину X в. Но, поскольку датировки находок по глубинам не всегда верны, достоверная дата начала бытования данного типа изделий на городище - не ранее рубежа X - XI вв. К слою первой половины XII в., т.е. периоду превращения Белой Вежи (после ухода русского гарнизона) в половецкое зимовье, относится только одна находка. Но здесь надо оговориться, что для верхних слоев отмечена меньшая плотность распределения и других категорий находок. Вероятнее всего, это следствие того, что перед затоплением памятника Цимлянским морем, часть верхнего слоя на довольно большой площади сняли бульдозером.

Памятников кочевников южнорусских степей конца X - начала XI в. очень мало, и поэтому бело-

вежские находки петель приходится сравнивать с материалами из комплексов XI - XII и XII - начала XIII вв. При этом в Белой Веже не найдены петли с двумя отверстиями для подвешивания, имеющие датировку XII в. (тип Б 1) (Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966, рис.2, 4). Возможно, позднюю дату имеют и петли с ребристой спинкой (тип А VII по Г.А. Фёдорову-Давыдову), неизвестные в Белой Веже. Производство петель помимо Белой Вежи, зафиксировано также в Болгаре, Биляре и на Кыласовом городище (Медведев А.Ф., 1966, табл. 8, 9).

Накладки на колчан

С датировками находок петель колчанов и наилучший полностью совпадает время распространения на городище тонких орнаментированных пластин удлиненной формы (рис.5). Самые ранние находки зафиксированы на глубине 1 м от уровня крепостной стены, что соответствует слоям, датированным рубежом X и XI вв. (рис.4). Четыре однотипные накладки, найденные вместе (рис.5, 6-9), отнесены А.Ф. Медведевым к концевым боковым накладкам лука (Медведев А.Ф., 1966, прил. 1, № 56). Нет достаточных оснований считать эти накладки концевыми, поскольку не сохранилось следов от прорезей для тетивы. Не характерна для накладок лука плоская, а не дуговидная форма сечения. Если это - концевые накладки лука, то их длина составляла не менее 25 см. Но в любом случае, предназначались ли эти накладки на колчан или лук, они сделаны в соответствии с приемами, характерными для лучников: из тонкой роговой пластины с хорошо отшлифованной внешней стороной и штриховой нарезкой для приклеивания с внутренней. Помимо этой спорной находки, обнаружено еще 16 фрагментов накладок в слоях городища и четыре - в могильнике.

Все накладки орнаментированы, на двух вместо орнамента - рельеф. Основной тип орнамента - циркульный: это одинарные или двойные концентрические окружности, расположенные цепочками. Часто цепочка превращена в бегущую волну при помощи циркульной обводки или прямых касательных линий. Использовался также ромбический узор и сочетание ромбической сетки с циркульным орнаментом.

По форме накладки, не учитывая мелкие фрагменты, делятся на три типа. 1. Узкие, прямые, длинные накладки (рис.5, 1,2,5,9,10,19). Такого типа накладки применялись для орнаментации поверхности приемника колчана и придания ему жесткости. 2. Более широкие, прямоугольной формы, дуговидно изогнутые в профиле (рис.5, 3). С помощью таких накладок украшалась горловина колчана. 3. Узкие накладки, дуговидно изогнутые в плане (рис. 5, 11,13.). Накладки первых двух типов найдены в курганах 1 и 3 и в погребении в насыпи 18 Беловежского кочевнического могильника.

Как и для петель, основным материалом при изготовлении накладок служил сплошной рог, хотя

кость для них, по сравнению с петлями, использовалась несколько чаще: около четверти накладок - костяные. Половина накладок с тыльной стороны покрыта продольной, косой или сетевидной штриховой нарезкой, почти всегда более мелкой, чем у накладок на лук. Отличает их также плоское, а не дуговидное основание сечения с внутренней стороны. Пластины пришивались, приклеивались и приклепывались. На пластине из кургана 1 сохранилась пара железных заклепок. Отверстия сделаны примерно на половине накладок. Причем они в равной мере как заменяли, судя по отсутствию насечек, склейку, так и дополняли её.

Практически все накладки найдены в слое XI в., начиная с его середины. В более поздних слоях обнаружено только четыре фрагмента, но среди них - экземпляр, являвшийся производственным браком (рис.5,14), что согласуется с данными о начале производства в это время колчаных петель на городище (рис.4). Погребения, в которых найдены накладки, датируются С.А. Плетнёвой следующим образом: погребение в насыпи 18 - IX-X вв., в кургане 3 и кургане 8 - X - началом XI в., в кургане 1 - X-XI вв.

Украшение колчанов костяными накладками - устойчивая традиция в восточноевропейских степях, начиная с раннего средневековья. Декор вооружения лучника при помощи костяных деталей в эпоху господства в степях ранних тюрок был скуден. Можно выделить три этапа декора. В VIII-IX вв., вероятно, и в начале X в. колчан украшался у днища широкой дуговидной пластиной длиной 10-12 см. Такие пластины найдены вместе с другими деталями колчана и вооружения лучника в двух катакомбах Дмитриевского могильника в Белгородской обл. (Плетнёва С.А., 1989, с.72, рис.33 - реконструкция колчана), в катакомбе на Маяцком селище в Воронежской обл. (Винников А.З., Афанасьев Г.Е., 1991, рис.22, 8), в подкурганых захоронениях хазарского времени на Нижнем Дону (Ильюков Л.С., Кляшторный С.Г., 1993, с.154, рис.5, 1). Такие же накладки бытовали в ранней Волжской Болгарии (Казаков Е.П., 1992, с.37, рис.5, 11). Аналогичная пластина происходит из Ямаша-Таусского могильника на Южном Урале, курган 2, погребение 1, датированное IX-X вв. (Мажитов Н.А., 1981, с.34,35, рис.13, 19).

Третий период, вторая половина XIII - XIV вв., подробно проанализирован в работе Н.В.Малиновской. Колчаны украшались широкими вертикальными богато орнаментированными полосами резной кости. Этот тип декора, вероятно, был принесён во время монгольского нашествия и отчасти приспособлен к местной системе орнаментации (Гаврилина Л.М. 1981; Малиновская Н.В., 1974). Петли колчанов также орнаментировались, но отличались от предшествовавших более простой формой.

Останемся более подробно на втором периоде развития декора гарнитуры лучника в восточноевропейских степях. По сравнению с первым он вносит заметное оживление. Петли для подвешивания колчанов и наилучшие отличались изысканностью

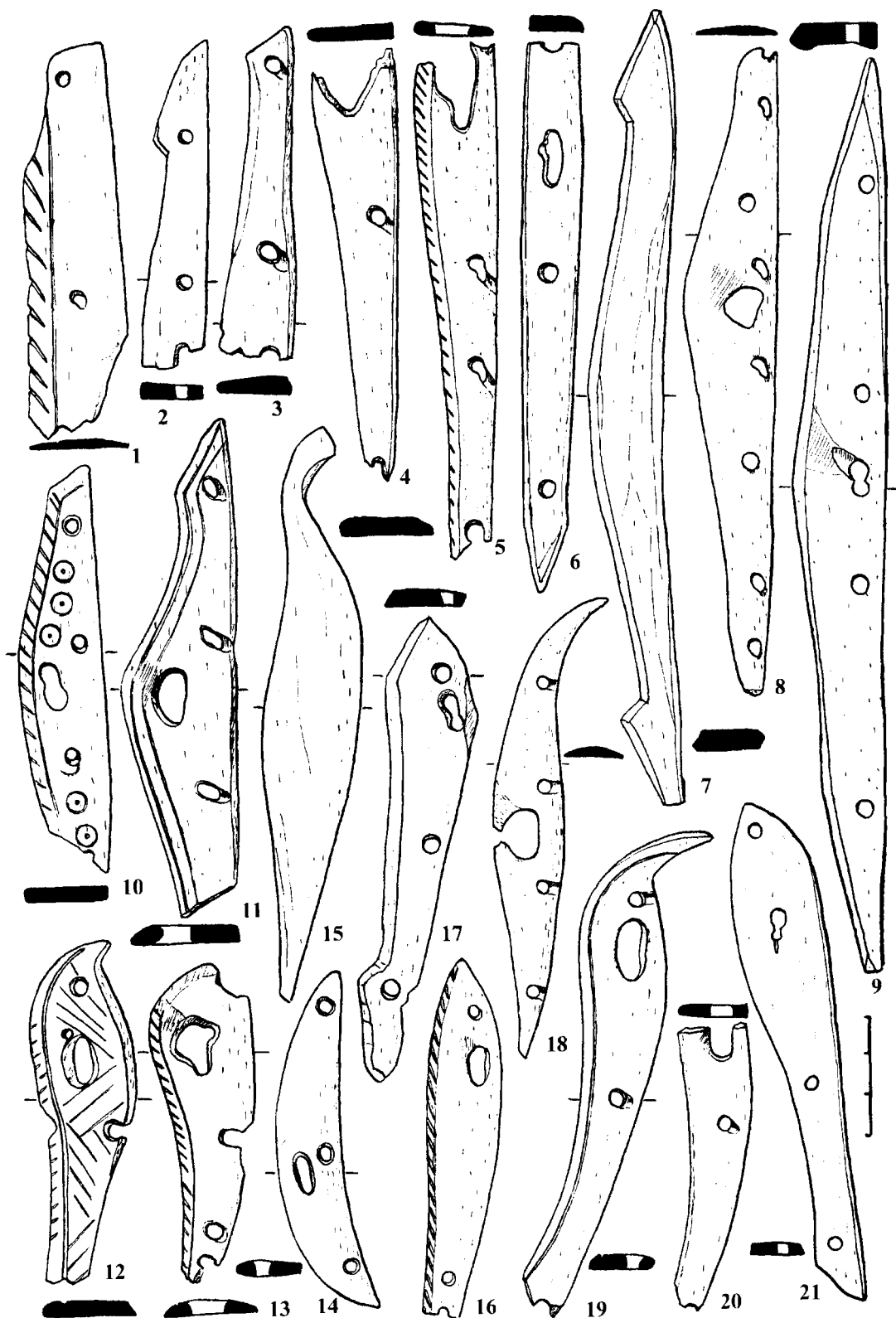

Рис. 3. Петли колчанов и налучий с городища Саркел – Белая Вежа.

Fig. 3. The loops of quivers and bow sheathes from Sarkel – Belaya Vezha hillfort.

Abb. 3. Köcher- und Bogenüberzugsschlingen aus der vorgeschichtlichen Siedlung Sarkel – Belaja Wesha.

Dessin 3. Crochets des carquois et des gaines pour les arcs du site de Sarkel – Bélaïa Véja

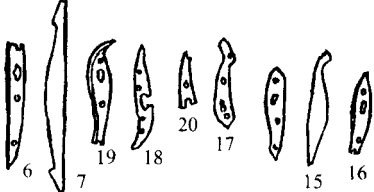
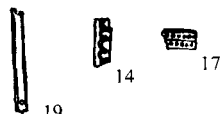

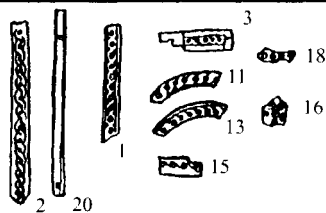
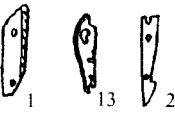
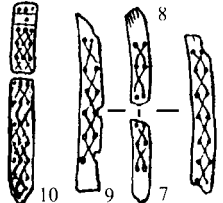

Слой, глубина, см	Петли	Накладки
Перв. половина XII века 200		
Конец XI в. начало XII в 150		
XI век 100		
Конец X века 75		
30-60-е годы X века 50		

Рис. 4. Стратиграфическое распределение петель и орнаментированных накладок колчанов и налучий. Уровень "0" соответствует подошве крепостных стен Саркела – Белой Вежи. Номера вещей в соответствии с номерами на рис.3 и 5.

Fig. 4. Stratigraphical distribution of loops and ornamented decorations of quivers and bow sheathes. Level "0" corresponds to the foot of the fortress walls of Sarkela – Belaya Vezha. The article numbers are in accordance with the numbers of these ones showed on the Fig. 3 and 5.

Abb. 4. Stratigraphische Verteilung der Schlingen und Ornamentaufgestücke der Köcher und Bogenüberzüge. Der "0" Stand entspricht der Festungswandsohle von Sarkel - Belaja Wesha. Die Sachennummern entsprechen den Nummern auf der Abb. 3 und 5.

Dessin 4. Distribution stratigraphique des crochets et des appliques ornementées des carquois et des gaines d'arc. Niveau "0" correspond aux pieds des remparts de la forteresse de Sarkel – Belaïa Veja. Numéros des objets sont en conformité avec les numéros sur les dessins 3 et 5

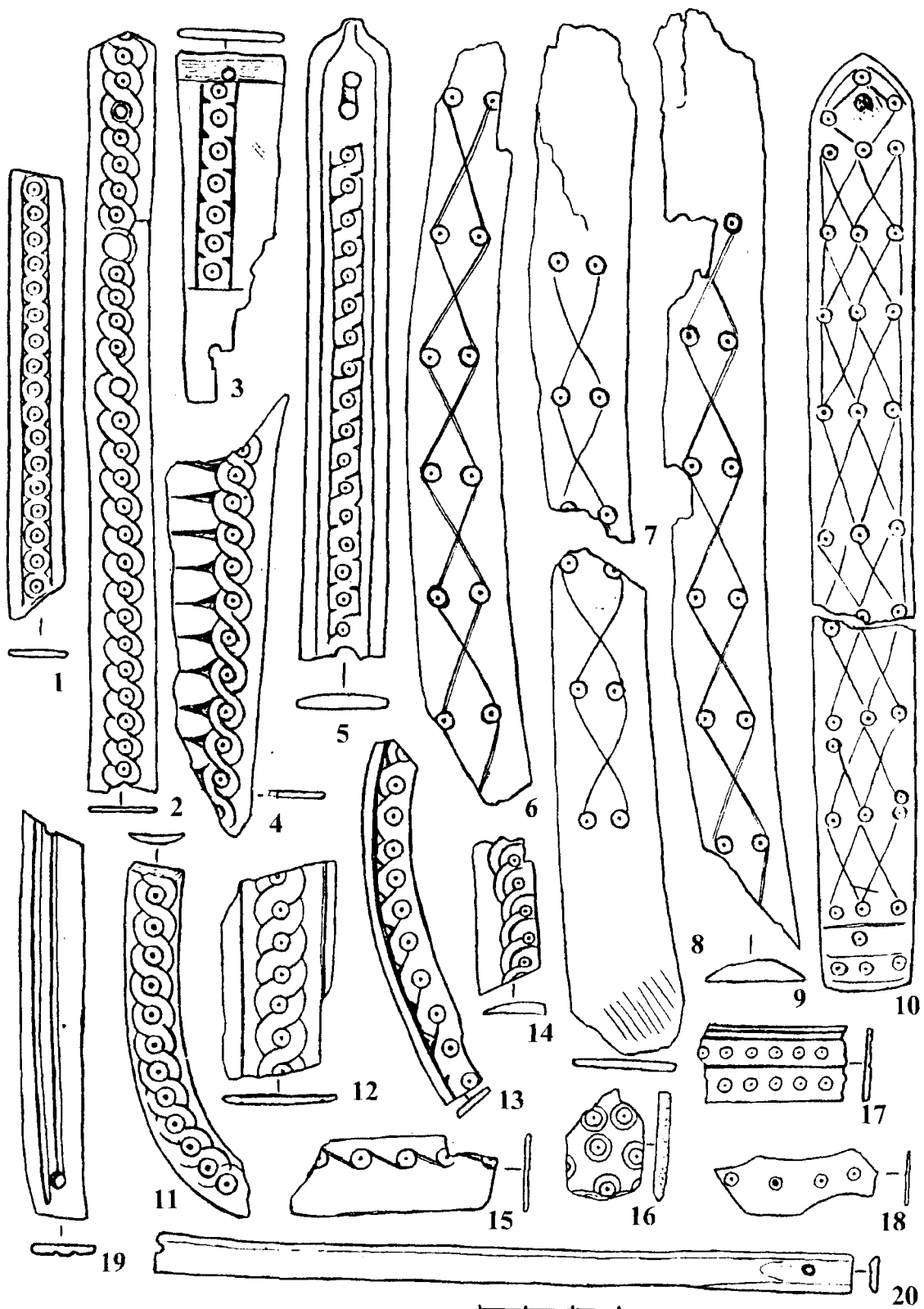

Рис. 5. Накладки для колчанов из кости и рога с городища Саркел – Белая Вежа.
 Fig. 5. The bone and antler decorations for quivers from Sarkel – Belaya Vezha hillfort.
 Abb. 5. Auflegestücke für Köcher aus Knochen und Horn aus der vorgeschichtlichen Siedlung
 Sarkel – Belaja Wesha.
 Dessin 5. Appliques en os et en ramure pour les carquois du site de Sarkel – Belaïa Veja

форм. Вероятно, именно из эстетических соображений в качестве сырья для них выбирали не стойкую к трению кость, из которой в беловежской коллекции вырезана только одна петля (рис.3,9), а более мягкий и податливый резчику олений и лосиный рог. При трении о ремень портупей рог быстро стирался, что и являлось основной причиной поломки петель. Орнамент, далеко не столь богатый как в золотоордынское время, украшает более трети петель. Наиболее часто встречаются косые насечки по гребню (рис.3, 1,5,10,12,13,16). Аналогичную орнаментацию имеют петли из погребений в курганах Цозаровка 250 и 269, Краснополка, Юзефовка 247/1, Зеленки 367, Прибрежное (Лагутин А.Б., 1998; Медведев А.Ф., 1966, табл.8,9; Плетнёва С.А., 1973). Петли из погребения в насыпи 18 Беловежского могильника украшены вдоль гребня цепью концентрических окружностей на углубленном фоне (рис.6). На двух петлях вдоль гребня нанесен желобок (рис.3, 11,19). Такую же систему декора имеют петли из Болгара, Биляра и могильника у оз. Солянина (Медведев А.Ф., 1966, табл.8, 2,3). Реже орнаментировалось внешнее поле петли сплошным орнаментом. Одна из петель Белой Вежи орнаментирована косой штриховкой, вторая - простыми циркульными окружностями (рис.3,10,12). Последний тип орнамента использован на одной из билярских петель (Медведев А.Ф., 1966, табл.9,3).

Орнаментировалась и тщательно обрабатывалась всегда только одна сторона петли. Как изогнутые петли, так и прямые, все повернуты гребнем влево. Бывшие в употреблении петли имеют характерные потёртости от трения о ремни, направленные косо вверх у отверстия для подвешивания и косо вниз - в местах прикрепления основания петли к колчану или налучью.

Таким образом, петли всегда располагались с левой стороны лицевой поверхности и колчанов, и налучий. Этот способ ношения вполне отчетливо запечатлен на половецких каменных изваяниях. Колчан всегда помещен справа. Он подвешен к поясу наклонно, горловиной вперед. Походный вариант чехла лука расположен слева и наклонен в ту же сторону, что и колчан, т.е. устье его обращено назад. Если бы на нём были петли, то они помещались бы с левой стороны лицевой поверхности налучья. Чехол закрывает немногим более половины лука. Способ крепления налучья к поясу на изваяниях ни разу не обозначен, но видно, что оно подвешивалось с изогнутой по форме кибити лука стороны (Плетнёва С.А., 1974, № 134, 295, 1176, 1205-1207, 1313), что характерно для средневековых чехлов лука типа "горит", в отличие от скифских горитов (Крыганов А.В., 1996, с.344-349).

Для многих кочевнических погребений отмечается обратное расположение колчана и лука, при котором лук оказывается с правой стороны (Измайлов И.Л., 1998, с.242-259). Есть случаи, когда вооружение клали в могилу отдельно от тела покойного, и его расположение могло не соответствовать способу при-

жизненного ношения, что объяснить пока затруднительно. Например, в погребении 2 Ямаши-Таусского кургана 2 колчан явно прикреплен ремнями с левой стороны стрелкового пояса, надетого на погребённого, а накладки лука лежат справа от скелета (Мажитов Н.А., 1981, рис.16). В Беловежском могильнике отмечено три случая находок колчана слева и по два случая размещения срединных накладок лука справа и между ног (кург.8, кург.10/2, кург. 21 - стрелы, кург.54, насыпь 18).

В трёх погребениях Беловежского могильника, где найдены петли, отчетливо прослеживается связь их расположения со срединными накладками лука (рис.6). В погребении из насыпи 18 берестяной колчан уложен вдоль левой ноги погребённого. С внутренней стороны правого бедра лежат срединные накладки лука (рис.7, 1,2), а между ног - две петли: напротив срединных накладок лука - изогнутая, а примерно на 40 см ниже, ближе к ступням - прямая петля. То же расстояние между петлями выдержано в кенотафе 4 из насыпи 15 (рис.6). Петли сохранились фрагментарно. Одна из них - рядом со срединными накладками лука. В погребении из кургана 49 более крупная петля находилась у правого колена, с его внешней стороны, а на 40 см выше по бедренной кости лежали срединные накладки лука (рис.6). Местоположение второй петли не зафиксировано: она оказалась в насыпи могилы, но, если бы и в этом случае она первоначально лежала напротив срединных накладок, то расстояние между петлями также было бы около 40 см. Обе петли имеют прямое основание. Нижняя, как и в первом из погребений, - более крупная. Только одна из шести петель имеет изогнутое основание.

Как местоположение в погребениях, так и внешний вид петель, их парность, предполагает принадлежность каждой из пар к одному предмету: или колчану, или налучью. Каждая пара выполнена в своём стиле. В двух черноклобуцких погребениях, где было найдено по три петли (Юзефовка, 247/1 и Цозаровка, 269) (Плетнёва С.А., 1973), две пары петель, в каждой - одна прямая и одна изогнутая, отличались стилистическим единством. Третьи петли, прямые у основания и длинные, выполнены в ином стиле. В Юзефовке последняя принадлежала колчану. В таком случае, две другие, очевидно, относились к налучью. В недавно опубликованном позднекочевническом погребении из Крыма (Лагутин А.Б., 1998, с.156-163) пара петель, судя по расположению стрел и накладок лука, принадлежала кожаному колчану. Петли также выполнены в одном стиле, и более длинная являлась нижней, а меньшая по размерам и с изогнутым основанием петли - верхней. Подобные наблюдения ставят под сомнение однозначное деление костяных петель на петли колчана и налучья по их форме.

Немаловажный довод, склоняющий к определению трех пар петель Беловежского могильника как петель налучья, - это находка в погребении в насыпи

18 вместе с двумя петлями (рис.6, насыпь 18,1,2) двух парных пластин вытянутой трапецевидной формы (рис. 6, насыпь 18, 5,6; рис. 7,4,5). Аналогичные пластины из Новгорода определены А.Ф. Медведевым как накладки на нижнюю часть налучья (Медведев А.Ф., 1959, с. 148, рис.11, 3,4). Так же следует атрибутировать и беловежскую находку. Асимметричная форма пластин соответствует с внешней стороны изгибу спинки лука при переходе конца к плечу, а с внутренней - прямой натянутой тетиве. Орнаментация пла-

стин совершенно аналогична орнаментации обеих петель и узкой накладки из того же погребения (рис. 7, 3), что подтверждает принадлежность всех пяти роговых деталей одному предмету. Кроме того, верхняя и нижняя кромки трапецевидных пластин покрыты насечками для склейки, что характерно для изделий лучников. Заметна сильная потертость края одной из накладок именно в той части, которая при предложенной реконструкции оказывается с внутренней стороны налучья, внизу и испытывает наи-

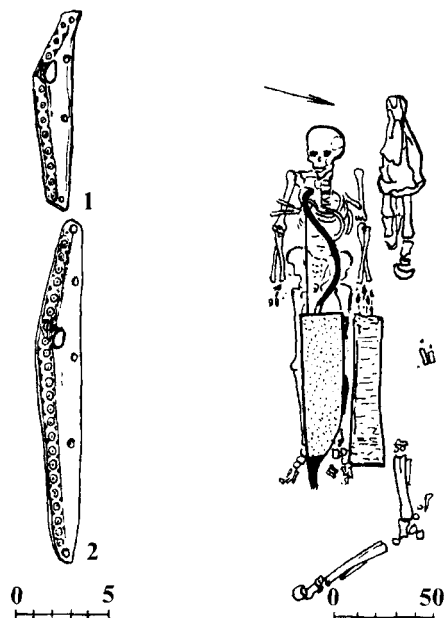
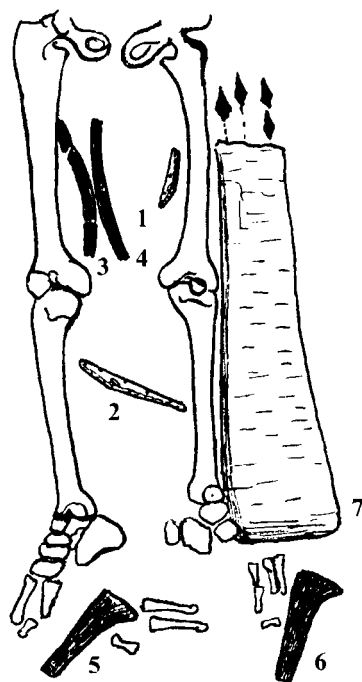
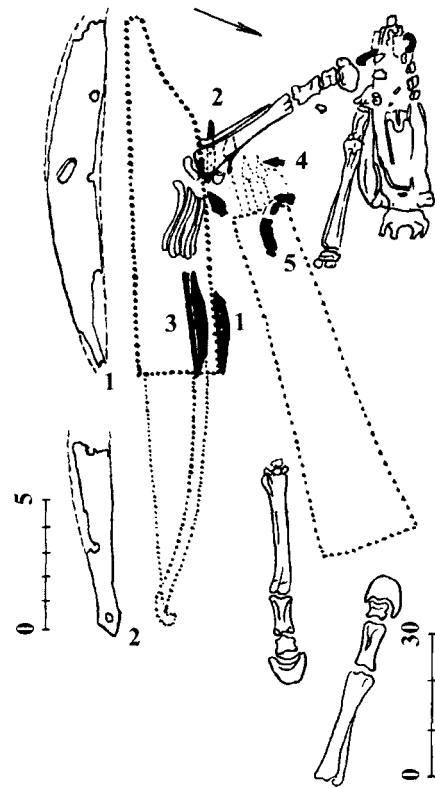
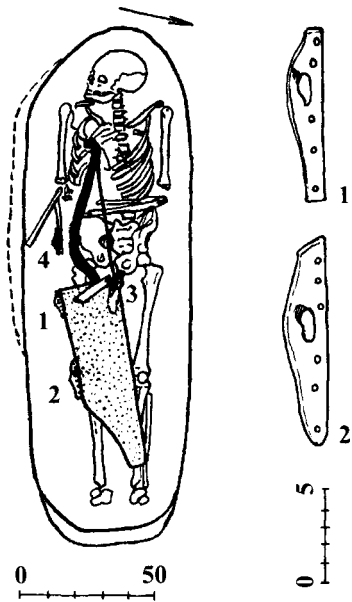

Рис. 6. Реконструкция расположения налучий в погребениях кочевнического могильника Саркел – Белой Вежи: курган 49 – план погребения (по: Плетнева С.А., 1990, рис.4), 1 – предполагаемое первоначальное положение верхней петли налучья, 2 – нижняя петля, 3 – срединные накладки лука, 4 – наконечник стрелы; насыпь 15, погребение 4: план погребения (по: Плетнева С.А., 1963, рис.13), 1, 2 – петли, 3 – две срединные накладки лука, 4 – наконечники стрел, 5 – обломок железной пластины с отпечатками бересты; насыпь 18: ситуационный план находок деталей набора лучника (по: Плетнева С.А., 1963, рис.12) и реконструкция первоначального положения лука в погребении: 1, 2 – петли, 3 – боковая срединная накладка лука, 4 – фронтальная срединная накладка на тыльную сторону рукояти лука, 5, 6 – орнаментированные накладки на нижний конец налучья, 7 – берестяной колчан со стрелами.

Fig. 6. Reconstruction of bow sheathes location in interments of nomadic burial of Sarkel – Belaya Vezha hillfort: the tumulus 49 – the scheme of interment (according to Плетнева С.А., 1990, pic.4), 1 – the supposed initial location of the upper loop of bow sheathe, 2 – the lower loop, 3 – the middle bow decorations, 4 – the arrow-head; the embankment 15, the interment 4: the scheme of interment (according to Плетнева С.А., 1963, pic.13), 1, 2 – the loops, 3 – two middle bow decorations, 4 – arrow-heads, 5 – the fragment of iron plate with the birch-bark prints; the embankment 18: the situational finds scheme of the details of archer's set (according to Плетнева С.А., 1963, pic.12.) and reconstruction of the initial position of the bow in the interment: 1, 2 – the loops, 3 – the side-middle bow decoration, 4 – frontal middle decoration on the back of the bow shaft, 5, 6 – ornamented decorations on the lower end of the bow sheathe, 7 – the birch-bark quiver with the arrows.

Abb. 6. Rekonstruktion der Bogenüberzugslage in Grabstätten des Nomadengrabs Sarkel – Belaja Wesha: Hunengrab 49 – Grabstättenplan (nach: Плетнева С.А., 1990, pic.4.), 1 – vermutliche ursprüngliche Lage der Obenschlinge des Bogenüberzugs, 2 – Unterschlinge, 3 – mittlere Bogenauflegestücke; 4 – Pfeilenspitze; Damm 15, Grabstätte 4: Grabstättenplan (nach: Плетнева С.А., 1963, pic.13), 1, 2 – Schlingen, 3 – 2 mittlere Bogenauflegestücke, 4 – Pfeilspitzen, 5 – Bruchstück der Eisenplatte mit den Birkenrindeabdrücken; Damm 18: Situationsplan der Funde der Satzteile von Bogenschützen (nach: Плетнева С.А., 1963, pic.12) und Rekonstruktion der ursprünglichen Bogenlage in der Grabstätte: 1, 2 – Schlingen, 3 – mittleres Seitenauflegestück des Bogens, 4 – frontales mittleres Auflegestück für Bogengriffücken, 5, 6 – Ornamentauflegestücke für untere Spitze des Bogenüberzugs, 7 – Birkenrindeköcher mit den Pfeilen.

Dessin 6. Restitution de la position des gaines pour les arcs dans les inhumations de la nécropole de Sarkel – Bélaïa Véja: tumulus 49 – plan d'une sépulture (selon: Плетнева С.А., 1990, pic.4) , 1 – position initiale supposée du crochet supérieur d'une gaine, 2 – crochet inférieur, 3 – appliques du milieu de l'arc, 4 – pointe d'une flèche; tumulus 15, sépulture 4: plan de la sépulture (selon: Плетнева С.А., 1963, pic.13), 1, 2 – crochets, 3 – deux appliques du milieu, 4 – pointes des arcs, 5 – fragment d'une plaque de fer avec les empreintes d'une écorce; tumulus 18: plan situationnel des trouvailles des éléments de l'équipement d'un archer (selon: Плетнева С.А., 1963, pic.12) et restitution d'une position initiale d'un arc dans la sépulture: 1, 2 – crochets, 3 – applique de côté du milieu d'un arc, 4 – appliques de front du milieu au dos de la manche d'un arc, 5, 6 – appliques ornementées au bout inférieur d'une gaine, 7 – carquois en écorce avec les flèches

большее трение об одежду (рис.7, 5). Может быть, после того, как тетива истлела в погребении, нижний рог рефлексующего лука в процессе выпрямления кибити сдвинул пластину налучья вместе с костями стопы погребенного в сторону, противоположную тетиве (рис.6, 6).

Ни в одном из трех погребений Беловежского могильника рядом с петлями не зафиксировано бересты. В кенотафе из насыпи 15 она отмечена на обломках железной оковки, лежавшей ниже наконечников стрел и, возможно, принадлежавшей истлевшему в мелкой могиле колчану (рис.6, 5). Судя по расположению костяных деталей лука и петель, налучье положили лицевой поверхностью вверх, но при этом устье его направлено в противоположную сторону, чем устье колчана. Вслед за вооружением в кенотаф

поместили чучело(?) коня и баранью грудинку. При этом задние конечности коня тоже направлены в противоположные стороны. В погребении кургана 49 налучье положено тоже лицевой поверхностью вверх. Справа от лука найден один наконечник стрелы. Не исключено, что стрела лежала с ним в одном футляре, хотя ношение стрел в одном футляре с луком для кочевников средневековья не характерно (Крыганов А.В., 1996).

В погребении из насыпи 18 налучье положено лицевой поверхностью вниз. Является ли перемена сторон, столь часто отмечаемая при положении в могилу стрелкового оружия, частью обряда или небрежностью, не ясно. При реконструкции снаряжения лучника, очевидно, следует иметь ввиду возможность при погребении в соответствии с законами потусто-

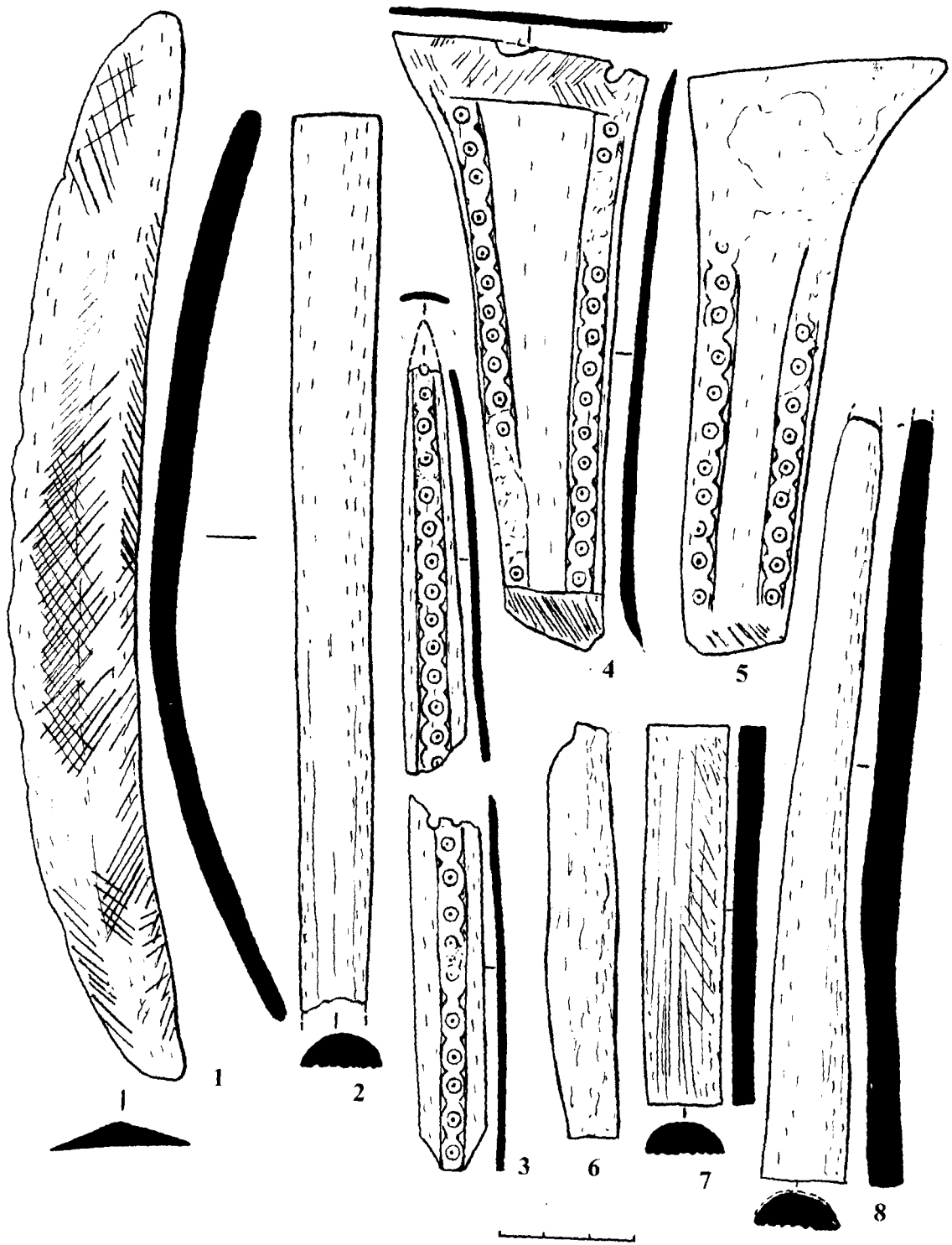

Рис. 7. Роговые накладки и вкладыши из погребения в насыпи 18 кочевнического могильника Саркел – Белой Вежи.
 Fig. 7. The antler decorations and supplementary sheets from the interment in the embankment 18 of the nomadic burial of Sarkel – Belaya Vezha.
 Abb. 7. Hornauflegestücke und Einsätze aus Grabstätten im Damm 18 des Nomadengrabs Sarkel – Belaja Wesha.
 Dessin 7. Appliques en ramure d'une sépulture du tumulus 18 de la nécropole de nomades de Sarkel – Bélaïa Vèja

ронного мира перемену места ношения колчана и лука, на противоположное, известное по изобразительным источникам.

Длина лука, исходя из расположения срединных пластин и петель с учетом треугольного окончания чехла и возможной асимметричности кибити, часто имевшей более длинный верхний конец, составляла от 120 до 160 см. Самый крупный лук - из погребения в насыпи 18. Длина по хорде его срединной и фронтальной нижней (обломана) накладки - 23,4 см. Хотя известны луки аналогичных размеров со срединными пластинами, достигавшими 30-35 см, от длинной рукояти, рациональной для стран с жарким климатом (Баруздин Ю.Д., 1961, с.61,62).

Рассмотрение антропологических материалов беловежских курганов наводит на предположение, что мода украшать гарнитуру лучника костяными петлями и орнаментированными накладками привнесена в Подонье новой волной западной миграции тюркских племен в XI в. Ниже - данные определения черепов Л.Г. Вуич (1963). Погребения с петлями: кург.49 - монголоид с элементами андроновского типа; насыпь 18 - монголоид южносибирского типа. Погребения с накладками: кург.1 - монголоид с европеоидной примесью, смягченный южносибирский тип; кург.3 - приближается к монголоидному, возможно, южносибирскому; кург.8 - европеоидный тип Среднеазиатского междуречья; кург.10/1 - монголоид южносибирского типа; насыпь 18 - см. выше. По определению В.В.Гинзбурга (1963), в курганном могильнике Белой Вежи европеоидные черепа составляли половину, 30% приходилось на монголоидов южносибирского типа, остальные - смешанный тип. Из исследованных черепов городищенских могильников монголоидная примесь отмечена менее, чем у 9%: подавляющее большинство населения крепости было европеоидным.

Материалы Белой Вежи, вероятно, являются звеном в развитии южносибирской традиции декора гарнитуры лучника в степях Восточной Европы (Худяков Ю.С., 1980, с. 112-117). Аналогии ему представлены в могильниках Уйбат II середины IX в. (Евтюхова Л.А., 1948, с. 62; Худяков Ю.С., 1980, табл. 37) и Монгун-Тайге-58-Х, VIII-IX вв. (Грач А.Д., 1960, рис.67), в районе Верхнего Прииртышья: Акчий II/2, VIII в. (Археологические... 1987, рис. 84) и кургане 19 Ждановского могильника X-XII вв. (Арсланова Ф.Х., 1968, сводная табл., №№ 87,88).

Во всех этих погребениях обнаружены костяные пластины, орнаментированные цепочками циркулярных окружностей и орнаментом типа "бегущая волна", а в могильнике Яконур, кург.5, IX-X вв. (Худяков Ю.С., 1981, рис. 5, 6,8) и на поселении Кипо-Кулары VIII-XII вв. (Соловьев А.И., 1987, табл. 1, 11) - колчаные петли, правда, не являющиеся близкими аналогиями донским.

Мода на орнаментированные костяные накладки колчанов южносибирского типа, так полно представленная в слое XI в. Белой Вежи, очевидно, была

кратковременной в степях Восточной Европы. В погребениях кочевников XII в. накладки встречаются в пять раз реже, чем петли, и не все имеют орнаментацию. Полной аналогией беловежским является пластина с Тигашевского городища X-XI вв. (Фёдоров-Давыдов Г.А., 1962, рис.21). Орнаментом "бегущая волна" украшены пластины из погребений половецкого времени Поднепровья и Северного Кавказа (Беляев О.С., Молодчикова И.О., 1978, с.87; Минаева Т.М., 1964, рис.3; Телегин Д.Я., 1977, с.43-83). Но, если традиция орнаментированных накладок в XII в. слабо прослеживается, то костяные петли распространяются от Новгорода до Крыма. Не исключено, что первоначально привнесенный способ крепления колчана и налучья обязан своему распространению не только внешнему влиянию, но и потребностям развития комплекса вооружения - повсеместным переходом к типу лука, который можно было носить в натянутом виде, и вытеснением длинного узкого налучья, хорошо известного по изобразительным памятникам VI-IX вв., открытым чехлом типа горита, в котором лук находился в боевом положении (Распопова В.И., 1980, с.65-68). Широкий плоский футляр диктовал форму удлиненных петель, придававших ему жесткость и устойчивость при ношении. Для крепления колчана могла применяться как пара петель, так и одна петля. На половецких изваяниях изображено три способа подвешивания колчана: на одном ремне, идущем от горловины (Плетнева С.А., 1974, № 134); на двух ремнях - от верхней и нижней части приемника (№ 1176, 1205); на двух ремнях - от верхней части приемника и от днища (№ 295, 1313). Второй способ крепления, который мог осуществляться с помощью двух петель, и третий - с помощью одной петли и крючка, засвидетельствованы археологически (Кызласов И.Л., 1983, рис.26, 73; Лагутин А.Б., 1998; Малиновская Н.В., 1974, табл. XIX; Телегин Д.Я., 1977, рис.16, 2).

Судя по костяным деталям из погребения в насыпи 18, налучья и колчаны оформлялись примерно в одном стиле. Несомненно, что оформлением футляра лука занимался мастер-лучник, так как приёмы обработки накладок те же, что и для пластин лука. Кроме того, область, где можно предполагать специализацию, повлекшую заметное однообразие в стиле, являлось изготовление лука, а не косторезное ремесло, не выходящее во все время существования Белой Вежи за рамки занятия в часы досуга (Флёрова В.Е., 1998б, с.86-99). Изготовление сложного рефлексирующего лука, усиленного роговыми пластинами, требовало от 5 до 15 лет (Адлер Б.Ф., 1903, с.190). Мастер-лучник был уважаем. Среди терминов арабско-кыпчакского словаря имеются названия для лучника и мастера по изготовлению стрел. Торговля луками между степью и городами IX-XI вв. процветала (Ахинжанов С.М., 1989, с.165, 249).

По данным распределения в слоях Белой Вежи, новые типы костяных деталей вооружения лучника первоначально принадлежали привозным его образцам (рис.2; 4). На рубеже X-XI вв. появляются первые

костяные петли и орнаментированные накладки, массивные срединные и концевые вкладыши лука. В слое XI в., преимущественно его второй половины, отмечаются не только многочисленные готовые изделия, но и заготовки для вкладышей, что свидетельствует об освоении населением крепости производства лука, близкого к кимакскому (Савинов Д.Г., 1981, с.152; Савинов Д.Г., 1984, с.108). С конца XI в. встречаются также заготовки для костяных деталей оформления колчана и налучья. Наиболее полно комплекс вооружения лучника этого времени представлен в погребении из насыпи 18 Беловежского могильника (рис.6, 7). После того, как под натиском половцев русский гарнизон в 1117 г. оставил крепость, те же типы костяных деталей гарнитуры лучника продолжали бытовать и изготавливаться на городище, превратившемся в половецкое зимовье.

В свое время Т.И. Макарова обратила внимание на появление в беловежских слоях начала XI в. лазу-

ритовых подвесок, которое она связала с приходом в Подонье одной из групп кочевников кыпчакского объединения (Макарова Т.И., 1962). Очевидно, одновременно сюда были привнесены и новые типы вооружения из набора лучника с особым декором гарнитуры. Комплекс вооружения поздних кочевников известен в основном по материалам погребений. Поскольку унификация вооружения, торговые связи и поступление трофеев делают привязку отдельных типов деталей вооружения к тем или иным этнотерриториальным группам затруднительной, находки следов производства предметов вооружения на поселениях особенно ценны. Около сотни костяных деталей сложных луков, налучий и колчанов, найденных при раскопках Саркела - Белой Вежи, представляют немалый интерес и в связи с тем, что основная часть их датируется XI в., для которого кочевнические комплексы в южнорусских степях - большая редкость.

Литература и архивные материалы

1. Адлер Б.Ф., 1903. Лук и стрелы Северной Азии// Русский антропологический журнал. №№ 3, 4. М.
2. Арсланова Ф.Х., 1968. Памятники Павлодарского Прииртышья VII-XII вв.// Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
3. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС, 1987. Алма-Ата.
4. Ахинжанов С.М., 1989. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата.
5. Баруздин Ю.Д., 1961. Карабулакский могильник// Известия Академии Наук Киргизской ССР. Сер.общ.наук. Т.3. Вып.3. Фрунзе.
6. Беляев О.С., Молодчикова Г.О., 1978. Похоронения кочевников на р.Орель// Археология. 28.
7. Винников А.З., Афанасьев Г.Е., 1991. Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж.
8. Вуич Л.Г., 1963. Черепа из кочевнического могильника возле Саркела - Белой Вежи// МИА. № 109.
9. Гаврилина Л.М., 1981. К вопросу о культурных традициях в искусстве поздних кочевников// Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста.
10. Гаврилова А.А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. - Л.
11. Гинзбург В.В., 1963. Антропологический состав населения Саркела - Белой Вежи и его происхождение// МИА. № 109.
12. Грач А.Д., 1960. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге// Тр.ТКАЭЭ. Т.1.
13. Давидан О.И., 1966. Староладожские изделия из рога и кости// АСГЭ. Вып.8.
14. Евтюхова Л.А., 1948. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан.
15. Закирова И.А., 1988. Косторезное дело Болгара// Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
16. Измайлов И.Л., 1998. К истории сложносоставного лука населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья середины VIII - X вв.// Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.
17. Илюков Л.С., Кляшторный С.Г., 1993. Руническое графитто из раннесредневекового кочевнического погребения в долине р.Сал// Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. М.
18. Казаков Е.П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. М.
19. Красильников К.И., 1979. Изделия из кости салтовской культуры// СА. № 2.
20. Кызласов И.Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв.// САИ. Вып.ЕЗ-18.
21. Крыганов А.В., 1996. Налучья и их ношение раннесредневековыми кочевниками Евразии// Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.

22. Лагутин А.Б., 1998. Погребение средневекового кочевника у села Прибрежное в северо-западном Крыму// РА. № 3.
23. Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М.
24. Макарова Т.И., 1962. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X-XI вв.// АСГЭ. Вып.4.
25. Малиновская Н.В., 1974. Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей// Города Поволжья в средние века. М.
26. Медведев А.Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого// МИА. № 65.
27. Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел// САИ. Вып.Е1-36.
28. Минаева Т.М., 1964. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным// Материалы по изучению Ставропольского края. Вып.11. Ставрополь.
29. Плетнёва С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях// МИА. № 62.
30. Плетнёва С.А., 1963. Кочевнический могильник близ Саркела – Белой Вежи// МИА. № 109.
31. Плетнёва С.А., 1973. Древности черных клобуков// САИ. Вып.Е1-19.
32. Плетнёва С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып.Е4-2.
33. Плетнёва С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
34. Плетнёва С.А., 1990. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела - Белой Вежи). М.
35. Плетнёва С.А., 1996. Саркел и “Шелковый путь”. Воронеж.
36. Распопова В.И., 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.
37. Савинов Д.Г., 1981. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири// Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
38. Савинов Д.Г., 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.
39. Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., 1991. Раннесредневековое подземное святилище - лабиринт// СА. № 3.
40. Соловьев А.И., 1987. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск.
41. Сорокин С.С., 1959. Железные изделия Саркела - Белой Вежи// МИА. № 75.
42. Телегин Д.Я., Круц В.А., Братченко С.Н. и др., 1977. Вильнянская курганная группа// Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. К.
43. Фёдоров-Давыдов Г.А., 1962. Тигашевское городище// МИА. № 111.
44. Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
45. Флёрова В.Е., 1998а. Гребни средневекового Подонья по материалам Саркела - Белой Вежи// МАИЭТ. Т.VI. Симферополь.
46. Флёрова В.Е., 1998б. Орнаментированные костяные изделия Саркела - Белой Вежи: проблемы специализации ремесла// РА. № 2.
47. Худяков Ю.С., 1980. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. Новосибирск.
48. Худяков Ю.С., 1981. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX-X вв.// Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.

Summary

V.Ye. Fliorova (Nakhapetian) (Moscow)

The Bone and Antler Details of the Bows, Quivers and Sheathes for Bows of Belaya Vezha

During the excavations of medieval settlement Sarkel – Belaya Vezha, situated on the river Nizhny Don, about 100 articles made of bone and antler, belonging to the armament of the archer, were found. They are concentrated mainly in the layers of the end of the Xth – the beginning of the XIIth century. In the Xth century there took place the change of article types from the archer's set (Fig. 2, 4): there appeared the bow with massive frontal final and middle supplementary sheets (Fig. 1, 4-8, 12-14, Fig. 7, 2, 7, 8). As a result of the transition from precise to high-speed shooting, the narrow bow sheathes with lower bowstring were ousted by the sheathes of open type, in which the bow was kept in the tight state. The bone loops and ornamented decorations were made in the same style both for bow sheathes and quivers (Fig. 3, 5, 7, 3-5).

In a number of interments of nomadic burials near Belaya Vezha the loops and ornamented decorations, allowing to reconstruct the original position of archer's set, were discovered. The fashion for the type of archer's set, met in the layers of Belaya Vezha and in a number of nomadic interments, could be traced to the XIIIth century. The blanks and the production waste confirm that the population of this steppe town was engaged in bow manufacturing, which was similar to Kimak type, particularly bone loops and ornamented decorations.

W.Je., Fljorowa (Nachapetjan) (Moskau)
**Knochenteile der Bögen, Köcher und Bogenüberzüge aus
Belaja Wescha**

Bei den Ausgrabungen der mittelalterlichen Siedlung von Sarkel – Belaja Wescha am unteren Don wurden etwa 100 Knochen- und Hornringe gefunden, die für das Bewaffnen eines Bogenschießers dienten. Sie treten hauptsächlich in den Schichten von Ende des 10. Jhs. bis Anfang des 12. Jhs. auf. Im 10. Jh. ändern sich Typen von Sachen aus dem Bogenschießersatz (2, 4): es entsteht ein Bogen mit massiven frontalen End- und Mitteleinsätzen (1, 4-8, 12-14, 7, 2, 7,8). In Folge des Übergangs von Ziel- zu Schnellschießen wurden die engen Bogenüberzüge für den Bogen mit der losen Bogensehne durch Futterale des offenen Typs verdrängt, wo der Bogen gespannt aufbewahrt wurde. Knochenschlingen und ornamentale Auflegestücke wurden in einem Stil sowohl bei Bogenüberzügen als auch bei Köchern ausgestattet (3, 5, 7, 3-5).

In einer Reihe von Gräbern der Nomadengrabstätten bei Belaja Wescha wurden Schlingen und ornamentale Auflegestücke entdeckt, die ursprüngliche Lage des Bogenschießersatzes rekonstruieren lassen. Die Satztypen, die Schichten Belaja Wescha und eine Reihe von Nomadengräbern darstellen, waren bis zum 13. Jh. in Mode. Bogenteile und Ausschußware sprechen dafür, daß die Bevölkerung dieser Steppenstadt nach seinem Typ dem Kimakbogen ähnliche Bogenerzeugung beherrschte, insbesondere Knochenschlingen und ornamentale Auflegestücke.

V.E. Fljorova (Nakhapétian) (Moscou)
Détails en os des arcs, des carquois et des gaines d'arc de Bélaïa Véja

Pendant les fouilles d'un bourg médiéval Sarkel – Bélaïa Véja sur le Bas Don on a mis au jour près de 100 objets en os et en ramure attribués à l'équipement d'un archer. Ils sont concentrés principalement dans les couches fin X - début XII siècles. Le X siècle est marqué par le changement typologique de ces objets (dessins 2,4). Il se caractérise par l'apparition d'un arc aux appliques de front massives, situées à au bout ou au milieu d'un arc (dessins 1, 4-8, 12-14, dessins 7, 2,7,8). Le passage du tir ajusté au tir accéléré provoque le remplacement des gaines étroites pour les arcs débandés par les gaines d'un type ouvert. Ceux-ci permettent de conserver les arcs à corde tendue. Les crochets en os et les appliques ornementées sont décorés dans un même style aussi dans les gaines que dans les carquois (dessins 3, 5, 7, 3-5).

Dans certaines sépultures de la nécropole de nomade de Bélaïa Véja on a trouvé les crochets en os et les appliques ornementées permettant de reconstituer une position initiale d'une garniture d'un archer. Le type de garniture trouvé dans les couches de Bélaïa Véja et dans certaines sépultures des nomades est à la mode jusqu'au XIII siècle. Les objets inachevés et les déchets témoignent que la population de cette ville de steppe assimile la production de l'arc de type kimak, en particulier des crochets en os et des appliques ornementées.

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКИЕ САБЛИ

Введение

Позднекочевническая сабля принадлежит к той категории погребального инвентаря, которая более, чем какие-либо другие, маркирует не только принадлежность погребенного к кочевому укладу, во многом определяет его социальное и имущественное положение, но и играет одну из ведущих ролей в погребальном обряде. В период развитого средневековья сабля стала ведущим видом клинкового оружия, одним из важнейших элементов всего комплекса вооружения восточноевропейских номадов. Все это определяет пристальный интерес к сабле исследователей военного дела всего Великого степного пояса.

Средневековому оружию посвящены многочисленные статьи и монографии. Однако сабли восточноевропейских кочевников развитого средневековья являются до сих пор недостаточно изученным видом оружия. Еще в 1973 г. С.А.Плетнева* отмечала, что вопросы классификации и датировки позднекочевнических сабель ждут своего исследователя (Плетнева С.А., 1973, с.17). Действительно, в работах известных археологов-медиевистов, затрагивающих в той или иной мере вопросы изучения позднекочевнических сабель Восточной Европы, использован лишь небольшой массив клинков из отдельных регионов. Так, С.А.Плетнева предложила типологию и датировку для 14 сабель из древностей черных клобуков (Плетнева С.А., 1973, с.17-18). В фундаментальной монографии Г.А.Федорова-Давыдова классифицированы и продатированы всего 27 экземпляров с обширной территории от Поднестровья и Побужья до Заволжья и Южного Приуралья (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.22-23). Около 30 сабель (целых и в обломках), происходящих из позднекочевнических курганов бывшей Киевской губернии, исследовал А.Н.Кирпичников (Кирпичников А.Н., 1966, с.61-72).

За 1960 - 1980 годы благодаря интенсивным полевым работам накоплен значительный по своему объему материал по средневековому оружию поздних кочевников, в том числе и по саблям. Это дает возможность по-новому подойти ко многим проблемам, связанным с изучением сабель. Например, вопрос эволюции сабель Северного Кавказа в последнее время разрабатывает В.А.Тарабанов (Тарабанов В.А., 1996, с.143-144). Однако обобщающей работы по данному виду клинкового оружия поздних кочевников до сих пор не существует, поэтому всестороннее исследование многочисленной серии позднекочевнических сабель Восточной Европы позволит использовать ши-

рокий объем информации, который заложен в этом историческом источнике.

Нельзя не обратить внимание на существование проблем в терминологии рубяще-колющего оружия средневековья и сабли в частности. Еще в 80-е годы многие авторы отмечали отсутствие единообразия в терминологии, недифференцированный подход к различным видам рубяще-колющего вооружения, что препятствует адекватному восприятию материала, затушевывает принципиальные моменты (Плотников Ю.А., 1981, с.163; Соловьев А.И., 1985, с.147). Вот один из примеров подобной терминологии: "Мечи аскизской культуры относятся к тому же типу палашей, что и найденные в тюхтятских памятниках... Вполне вероятно, что все традиционно называемые палашами экземпляры в действительности являются слабоизогнутыми саблями..." (Кызласов И.Л., 1983, с.37-38). Как видим, для исследователя нет четких различий между мечом, палашом и саблей. К сожалению, подобных примеров немало. В археологической литературе можно встретить "термины": однолезвийные мечи-палаши (Полесских М.Р., 1968, с.200), сабля-палаш (Рунич А.П., 1977, с.253), сабля-меч (Корзухина Г.Ф., 1950, с.80, 82) и даже двулезвийный меч-сабля (Плетнева С.А., 1967, с.158). Хотя необходимо отметить, что ряд исследователей четко разграничивают понятия "меч", "палаш", "сабля", вкладывая в них свое собственное представление.

В словарях ("Толковый словарь" В.Даля, "Словарь современного русского литературного языка", "Военный энциклопедический словарь" и др.) эти термины трактуются однозначно: "меч" - обоюдоострый прямой клинок; "палаш" - прямой длинный широкий однолезвийный (к концу обоюдоострый) клинок, появился в 16 в. на вооружении тяжелой кавалерии; "сабля" - длинный однолезвийный изогнутый клинок с острием. Но в то же время в "Археологическом словаре" Брея У. и Трампа Д., которые, по мнению редакции, ввели читателя в научную терминологию, дано такое определение сабли: "Мечи, заостренные с одной стороны, встречаются редко, они называются саблями" (Брей У., Трамп Д., 1990, с.5, 156). Чем же отличаются сабли от других видов клинкового оружия? И почему возникла путаница терминов в археологической литературе? Возможно, дело в том, что нет исторического названия однолезвийного клинка, от которого, по мнению большинства археологов, произошла сабля. Такие клинки у многих исследователей получили условное наименование "однолезвийный меч", что не противоречило их главной

*Искренне благодарим профессора С.А.Плетневу за рекомендации по написанию статьи.

функции - рубящему удару. Однако в 1946 г. Б.А.Рыбаков в своем докладе (Доклады и сообщения..., 1946, с.41) подобное оружие переименовал в "палаш", на что обратила внимание лишь Г.Ф.Корзухина (Корзухина Г.Ф., 1950, с.82, ссылка 3). Новый термин стали употреблять те археологи, которые полагают, что меч - это прямой двулезвийный клинок (Н.Я.Мерперт, Ю.С. Худяков, А.И.Соловьев, Ю.А.Плотников, Е.И.Деревянко и др.). Но никто из них даже не попытался выяснить, насколько корректно именовать однолезвийные раннесредневековые клинки термином, возникшим в 16 в., насколько близки характеристики этих клинков, есть ли между ними принципиальные различия. Механическое переименование однолезвийных мечей в палаш привело к двойственности в терминологии. Нельзя умолчать о появившихся в последнее время работах, в которых присутствует не только непонимание сути употребляемых терминов, но и прямое сознательное искажение чужих мыслей и высказываний по терминологии* (Мотов Ю.А., 1998, с.424-435).

Важнейшим вопросом, на наш взгляд, в ранне-средневековом оружиеведении является выяснение критериев отличительных черт ранней сабли от однолезвийного меча. Ряд археологов полагает, что главное отличие сабли - наличие, пусть даже незначительной, кривизны полосы. Однако этот, казалось бы безусловный признак сабли, игнорируется некоторыми авторами. Так, А.Г.Атавин, не задумываясь, называет изогнутый в центре (кривизна около 1 см) однолезвийный клинок из погребения у хут. Чапаевский двойным термином "меч (палаш)", полагая, вероятно,

что эти термины - синонимы** (Атавин А.Г., 1996, с.209, табл. 5,1). Некоторые сибирские археологи (Ю.С. Худяков, Ю.А.Плотников, Е.И.Деревянко, А.В.Циркин) и С.А.Плетнева считают, что клинок сабли может быть прямой (Плетнева С.А., 1967, с.158). Более того, С.А.Плетнева и А.В.Циркин полагают, что прямой клинок сабли может сочетаться с прямой рукоятью (Плетнева С.А., 1990а, с.43; Циркин А.В., 1987, с.163). В чем же отличие подобной сабли от однолезвийного меча? Ответ, как мы полагаем, следует искать в принципиальной разнице характера удара сабли и меча. Сабельный удар, как известно, скользящий, режуще-секущий и, благодаря протягиванию, захватывающий большую площадь, чем удар меча (Мерперт Н.Я., 1955, с.152-154; Кирпичников А.Н., 1966, с.62; Деревянко Е.И., 1987, с.45; Соловьев А.И., 1985, с.151-153). Кроме того, особенность удара сабли состоит в том, что позволяет обе его фазы (поражение и извлечение) производить в один прием (Соловьев А.И., 1985, с.152). Поэтому, по-видимому, прав А.И.Соловьев, который относит к саблям все оружие, которое позволяет в нормальном случае (из расчета прямого перпендикулярного удара) проводить одноактно обе его фазы (расчленение, извлечение) (Соловьев А.И., 1987, с.65). Но как по внешнему виду клинка (если он прямой) определить, способен ли он нанести сабельный удар? По-видимому, наиболее убедителен путь эксперимента. И, если экспериментальным путем будет доказано, что прямые однолезвийные клинки, которые ряд исследователей относит к саблям, действительно могут нанести характерный для сабли удар, то необходимо будет выделить особенности

*Ю.А.Мотов только на двух страницах своей работы (с.425-426) 5 раз (!) клинковое оружие называет "орудием". Но, несмотря на это явное пренебрежение терминологией, этот автор позволяет себе поучать других исследователей, сообщая, например, что "сабля определяется легче других, благодаря характерной изогнутости клинка и ножен" (с. 426), забывая или не зная прописной истины, что в эпоху раннего средневековья сабли были слабоизогнутыми или даже практически прямыми. Далее Ю.А.Мотов приписывает ряду авторов свою мысль о якобы существовании "самостоятельных типов рубящего оружия" (меч и сабля) и "переходных" (с.426), затем выдуманную им же "установку" объявляет "принципиальной ошибкой". Но и это далеко не все. Не говоря о том, что Ю.А.Мотову "форма полосы позволяет безошибочно определить, имеем ли мы дело с мечом, палашом или саблей" (с.426), оказывается "классический" палаш (цитируем) "является оружием рубяще-колющего действия с прямым однолезвийным клинком, рубящая часть которого имела на конце специфический скос - елмань" (?!). Было бы понятно и неудивительно, если бы столь "блестящее определение" Ю.А.Мотов оставил бы за собой, но он эту нелепость (имеется ввиду вторая часть предложения) приписывает Ю.С.Худякову и Н.Я. Мерперту, которые ни на указанных Ю.А.Мотовым страницах и нигде вообще не писали ничего подобного. Буквально в следующей фразе сознательному искажению подверглось высказывание Г.Ф.Корзухиной о длинных, глубоких наконечниках ножен сабли (Корзухина Г.Ф., 1950, с.86). В интерпретации Ю.А.Мотова эти наконечники превратились в наконечники ножен палашей (с.427). Такое, мягко говоря, некорректное "цитирование" чужих работ вызывает недоумение и недоверие к собственным мыслям и выводам подобных "исследователей".

**Судя по рисунку этого клинка, это - действительно однолезвийный меч, кривизна его, по-видимому, искусственная, образованная в результате неудачной реконструкции (в месте изгиба хорошо видны 2 излома, а лезвие клинка до места излома абсолютно прямое). Если же мы ошибаемся, и клинок действительно изогнут, то, в таком случае, это - одна из самых ранних сабель, если, опять же, верна датировка этого погребения, предложенная А.Г.Атавиным. Кстати, сечение этого клинка в виде узкого прямоугольника с заостренной одной из коротких сторон встречается как у однолезвийных мечей этого периода (Рунич А.П., 1977, рис.3, 28,29), так и у раннесредневековых сабель (Мерперт Н.Я., 1955, рис.3).

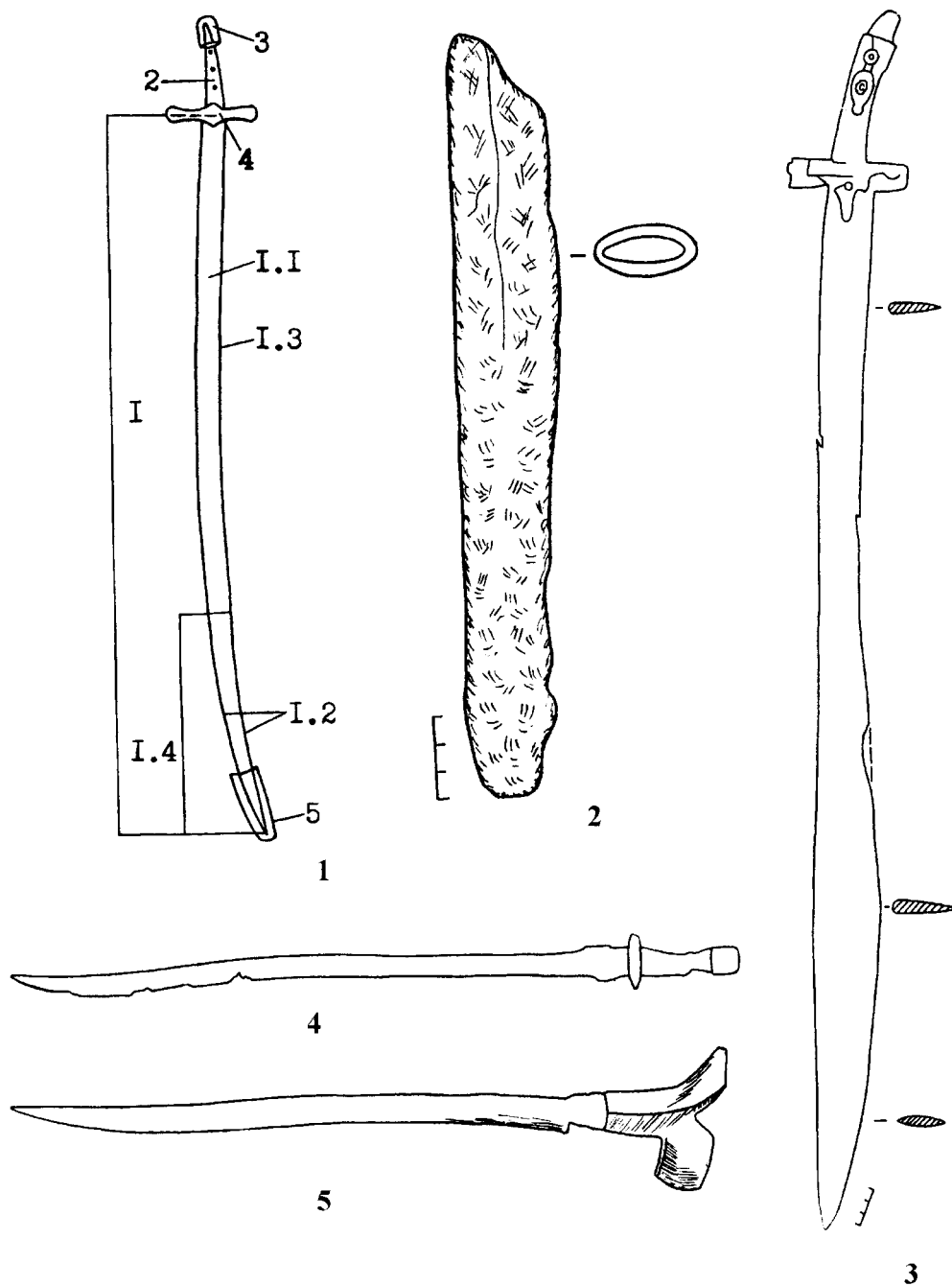

Рис. 1. 1 – конструктивные элементы сабли: 1 – клинок: 1.1 – полоса, 1.2 – лезвие, 1.3 – спинка, 1.4 – острие; 2 – стержень рукояти; 3 – навершие; 4 – перекрестие; 5 – наконечник ножен. 2 – фрагмент ножен; 3 – сабля из Кайрки 3/1; 4 – сабля из Текстильщика 4/5; 5 – ятаган.

Fig. 1. 1 – sabre constructive elements: 1 – the blade: 1.1 – the band, 1.2 – the blade proper, 1.3 – the back, 1.4 – the edge; 2 – the pivot of the haft; 3 – the top; 4 – the crossing; 5 – the sheath head. 2 – the fragment of the sheath; 3 – the sabre from the region of Kairka 3/1; 4 – the sabre from the region of Tekstilschik 4/5; 5 – yatagan.

Abb. 1. 1 – die konstruktiven Säbelemente: 1 – Klinge: 1.1 – Blatt, 1.2 – Schneide, 1.3 – Rückenlehne, 1.4 – Spitze; 2 – Griffstange; 3 – Säbelscheide; 4 – Schaft; 5 – Scheidenspitze. 2 – Scheidefragment; 3 – Säbel aus Kairka 3/1; 4 – Säbel aus Textilschtschik 4/5; 5 – Jatagan.

Dessin 1. Eléments constructifs du sabre: 1 – lame: 1.1 – raie, 1.2 – fil, 1.3 – dos, 1.4 – tranchant; 2 – poignée; 3 – pommeau; 4 – garde; 5 – pointe de la gaine. 2 – fragment de la gaine; 3 – sabre de Kairka 3/1; 4 – sabre de Tekstilshchik 4/5; 5 – yatagan

полосы (длина, ширина, толщина, вес, изгиб лезвия и т.д.) и рукояти этих клинков, чтобы отличать их от однолезвийных мечей.

В 1998 г. в Санкт-Петербурге вышли тезисы одного из авторов (Потемкина Т.М., 1998, с. 289-290), целью которых предполагалась апробация некоторых положений данной статьи. К сожалению, тезисы были значительно искажены*.

По мнению археологов-медиевистов, занимавшихся в той или иной степени оружием, характерными чертами сабли развитого средневековья (по сравнению с саблей VII-X вв.) являются: увеличение изгиба полосы (Н.Я.Мерперт, А.Н.Кирпичников, С.А.Плетнева, Е.И.Деревянко, Ф.А.Сунгатов), появление дола (Е.И.Деревянко), клинок в последней трети приобретает плавное сужение (А.И.Соловьев), острие - длинное узкое острое (Н.Я.Мерперт, С.А. Плетнева), обоюдоострое (Е.И.Деревянко, В.А.Тарабанов), бронебойное (В.А.Тарабанов), приобретает колющую функцию (А.И.Соловьев, В.А. Тарабанов). Клинок становится длиннее (А.Н.Кирпичников, С.А.Плетнева, В.А. Тарабанов), шире (А.Н. Кирпичников), наибольшее расширение приходится на зону перекрестия (А.И. Соловьев). Стержень рукояти имеет резкий наклон (Н.Я.Мерперт, Е.И.Деревянко, Ю.А. Плотников, Ф.А. Сунгатов, В.А.Тарабанов) и становится обязательным (Е.И.Деревянко). Эволюция перекрестия проходила в сторону постепенного превращения прямого перекрестия в дугообразное (А.Н.Кирпичников, Е.И.Деревянко, Ю.А.Плотников), обеспечивающего круговую защиту руки, преобразуясь в гарду (В.А.Тарабанов).

Анализ конструктивных особенностей сабель

Из 2235 погребений кочевников 2-й половины X-XIV вв. Восточной Европы, вошедших в наш архив, сабли (целые и обломки) обнаружены в 372 комплексах, что составляет 16,6%. Для типологического и хронологического анализа нами отобраны 135 эк-

земпляров**, имеющих целый клинок***, так как именно клинок является основой предлагаемой типологии позднекочевнических сабель. Большинство исследователей (Н.Я.Мерперт, Г.А.Федоров-Давыдов, С.А.Плетнева, Ю.С.Худяков, А.В.Циркин и др.) справедливо полагают, что главная часть сабли - полоса, поскольку она является вполне объективным и адекватным отражением реального изменения оружия, обладает устойчивыми диагностическими признаками, отражающими не только уровень военного производства, но и способы ведения боя (Циркин А.В., 1987, с.159).

Типы перекрестий, наверший, наконечников ножен, наклона стержня рукояти, острия являются дополнительными вспомогательными признаками, к тому же они сохранились не у всех сабель из рассматриваемой ниже серии.

Конструктивные элементы сабли, которыми оперируют исследователи: рабочая часть - клинок состоит из полосы (полотна), лезвия (режущего края), спинки (тупого края), острия (колющего окончания клинка), иногда еще выделяют вершину (Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А., 1994, с.59, рис.3) (завершение клинка). Рукоять состоит из стержня (черена), цельнокovanного с клинком, служащего основой, на которую крепятся обкладки (деревянные или костяные). На верхнюю часть рукояти туго надевалось навершие - ограничитель для прочности хвата руки. Элемент, отделяющий рукоять от клинка, предохраняющий руку, - перекрестие. От ножен, как правило, сохраняются металлические детали: наконечники, обоймы, портупейные пряжки, петли (рис. 1,1).

Из 135 сабель 134 изогнуты (кривизна измерялась по методике С.А.Плетневой) от 0,4 до 6,8 см. 1 клинок (Каирка 3/1) - прямой, точнее с выпуклой спинкой. Длина клинков от 70 до 115 см (1 экз. очень короткий - 60,9 см; 3 экз. очень длинные: 118,6 см, 121 см и 128,8 см). Ширина клинков (у перекрестия) от 2,6 до 4,6 см (по одному экземпляру имеют ширину 2,3, 2,4 и 2,5 см; 1 экз. очень широкий - 5 см, по-видимому, результат расслоения железа). Острие - от тупого широкого до штыковидного, у многих экземпля-

* Мало того, что название тезисов в содержании искажено, они отнесены почему-то в раздел "Военная археология средневекового Востока", хотя тезисы - теоретического плана и в них нет географических привязок. Но это не главное. Содержательная часть тезисов подверглась значительному искажению, сокращению и выхолащиванию (полностью убрана вся критика, совершенно исчезли выводы о необходимости эксперимента для определения категорий прямых однолезвийных клинков с прямой рукоятью). Но и это еще не все. Анонимный "корректор", выбросив выводы, позволил себе приписать Т.М. Потемкиной в качестве итога вот какой "шедевр" (цитирую): "Таким образом, оружие с прямым клинком и рукоятью, находящейся в плоскости этого клинка, нельзя называть саблей". (?! - Т.П.). Отсылаем анонима к рис. 6 данной статьи, чтобы он разобрался, где находится угол наклона рукояти к клинку, а также советуем ему взглянуть хотя бы на обыкновенный нож, чтобы убедиться, что рукоять и клинок *всегда* находятся в одной плоскости. Приписывать авторам какие-либо чужие мысли, а тем более подобную нелепость, считаем недопустимым.

** Все 135 экземпляров - из комплексов, отдельно найденные сабли привлекались в качестве дополнительного источника.

*** У некоторых экземпляров незначительно обломан кончик (вершина) клинка, однако длина клинка реконструируется.

№ разновидности	Шифр разновидности	Номера комплексов
0	$K_0Y_0P_1$	0
1	$K_1Y_1P_1$	8, 44
2	$K_1Y_1P_2$	25, 26, 37
3	$K_1Y_1P_3$	
4	$K_1Y_2P_1$	6, 9, 10, 11, 12, 13, 18, 22, 29, 32, 34, 35, 36, 38, 40, 43, 45, 47, 77, 134
5	$K_1Y_2P_2$	15, 19, 20, 27, 39, 54, 65, 122, 132
6	$K_1Y_2P_3$	46
7	$K_1Y_3P_1$	3, 14, 16, 21, 24, 33, 42, 64, 119, 121
8	$K_1Y_3P_2$	1, 2, 4, 5, 7, 23, 30, 31, 41
9	$K_1Y_3P_3$	28
10	$K_2Y_1P_1$	52
11	$K_2Y_1P_2$	
12	$K_2Y_1P_3$	
13	$K_2Y_2P_1$	53, 59, 60, 62, 68, 69, 72, 73, 81, 82, 83, 86, 94, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 124
14	$K_2Y_2P_2$	48, 49, 50, 51, 55, 56, 57, 61, 63, 66, 67, 70, 71, 74, 76, 78, 79, 80, 85, 87, 88, 89, 91, 95, 96, 107, 116, 125, 128
15	$K_2Y_2P_3$	17, 84, 90, 93, 131
16	$K_2Y_3P_1$	58, 75, 92, 126
17	$K_2Y_3P_2$	123
18	$K_2Y_3P_3$	
19	$K_3Y_1P_1$	
20	$K_3Y_1P_2$	
21	$K_3Y_1P_3$	
22	$K_3Y_2P_1$	109, 118, 133
23	$K_3Y_2P_2$	106, 108, 110, 113, 114, 115, 120, 129
24	$K_3Y_2P_3$	112, 117, 130
25	$K_3Y_3P_1$	111
26	$K_3Y_3P_2$	127
27	$K_3Y_3P_3$	

Табл. 1. Разновидности клинков.

Table 1. The variety of the blades.

Tafel 1. Klingeabarten.

Tableau 1. Types de la lame

ров - двулезвийное. Елмань есть только у одной сабли (Каирка 3/1), дол - у двух (Чокурча и Таборовка-III, 1/5).

Стержень рукояти у большинства экземпляров имеет наклон в сторону лезвия от 2° до 13°. У одной сабли - 18°, у трех - наклон стержня в сторону спинки (4° - 7°). У полностью сохранившихся стержней имеются 2-3 отверстия с железными (изредка бронзовыми) заклепками для крепления деревянных или костяных обкладок. Длина рукоятей 10-14 см, ширина 2,4-3 см. У 5 экземпляров (Арпачин-II, 23/5; Лебеди-I, 3/6; Кастырский-V, 9/1; Московский-II, 25/1; Кировский-V, 1/1) с "левой" стороны рукояти по оси располагалась узкая железная пластинка, сквозь нее пропущены заклепки. Рукоять сабли из Текстильщика 4/5 украшена орнаментом из пересекающихся линий, у сабли из Каирки 3/1 на рукояти - серебряная позолоченная орнаментированная накладка. У 2 экземпляров (Дудчаны 1/16 и Кировский-IV, 5/1) конец или основание рукояти скреплены бронзовой обоймой. Рукоять сабли из Московского-II, 25/1 оформлена подобным образом и в верхней, и в нижней части. Кроме того, деревянные обкладки рукояти этой сабли, по мнению авторов отчета, обтянуты кожей морской рыбы. Миниатюрными глоточными зубами морской рыбы, по мнению авторов отчета, обклеены деревянные обкладки рукояти сабли из Кировского-V, 1/1.

Навершие, как и перекрестие, у сабель менее прочно скреплено с клинком, чем у мечей, поэтому чаще могло ломаться и теряться даже в мирное время (Кирпичников А.Н., 1966, с.66, сноска 25). Сохранился 51 экземпляр трех типов. Высота наверший, в зависимости от типов, 1,3 - 5,8 см. Навершия железные, иногда с бронзовыми деталями. У сабли из Каирки 3/1 навершие серебряное позолоченное. У некоторых экземпляров сохранились петли с колечками для темляков.

У 94 сабель сохранилось полностью или частично перекрестие. 77 перекрестий удовлетворительной сохранности были подвергнуты типологическому анализу. Размеры перекрестий (в зависимости от типов): длина 5,8 - 14 см, высота 1,1 - 4,4 см. Все перекрестия напускные железные, некоторые асимметричные. Для более жесткого крепления перекрестие иногда набивалось на железную, а чаще бронзовую обойму.

Почти на всех саблях в той или иной мере сохранились остатки деревянных ножен. У сабель из Арпачина авторы отчета указали даже породу дерева: тополь (Арпачин-II, 23/5) и липа (Арпачин-II, 40/1). У четырех сабель (Родионовка 3/1, Новый 61/2, Степанцы, к.215, Солдатово 5/2) деревянные ножны были обклеены берестой. У сабли из Самойлово 2/2 сохранился крупный фрагмент железных ножен (рис.1,2). У многих сабель сохранились железные детали ножен. Ножны, как правило, снабжены двумя петлями для портупейных ремней, к которым крепились пластин-

чатые скобы (обоймы), стягивающие ножны. Одна располагалась чуть ниже устья, другая - в центре ножен.

Наконечники ножен сохранились всего у 40 сабель. Они двух типов. Большинство прямоугольные в плане, овальные в сечении. Их размеры: длина 3 - 13 см, ширина от 2 до 4,9 см. 4 экземпляра очень короткие (от 1,7 до 2,7 см) и столько же очень длинных (16 - 28 см). У двух наконечников (Мамай и Надежовка 2/1) на внутренней стороне сохранились отпечатки тонкой ткани. Наконечники сабель из комплексов Ильинка 5/1 и Кировский-V, 1/1 были надеты поверх широкой бронзовой пластины, которая находилась на ножнах. Наконечники из Нового 61/2 и Кировского-V, 1/1 были перетянуты кожаным жгутом. Несколько экземпляров были декорированы бронзовой (или медной) проволокой (Лебеди-I, 3/6; Таборовка-III, 1/5; Коллекторский 2/14; Новониколаевка 6/1; Ново-Александровка-I, 48/1; Ново-Подкраж 6/1). У двух сабель вместо наконечника нижняя часть ножен была оформлена треугольной костяной обкладкой с двумя прочерченными линиями (Морская Кошара 4/3) и подтреугольной железной пластинчатой оковкой (Острый 1/1). Ножны двух сабель были украшены двумя накладками в виде сильно изогнутых, дуговидных в сечении серебряных с позолотой пластин (Каирка 3/1) и парными бляхами листовидной формы с гравированным орнаментом (Ново-Подкраж 6/1).

Типология

Основой типологии сабель исследователи выбирают, как правило, либо перекрестие и навершие (Кирпичников А.Н., 1966, с. 68; Плотников Ю.А., 1981, с.165), либо отдельные характеристики клинка (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.22-23; Плетнева С.А., 1973, с.17-18; Худяков Ю.С., 1980, с.39-41; Циркин А.В., 1987, с.159, 163-165 и др.).

Дробную шестичленную классификационную схему предложили на весьма ограниченном материале С.В.Неверов, В.В.Горбунов (Неверов С.В., Горбунов В.В., 1989, с.81), в которой смешаны как отдельные характеристики клинка (например, длина, поперечное сечение, форма острия, но совершенно не учтены кривизна и ширина), так и отдельные характеристики рукояти и перекрестия.

Из основных признаков клинка в типологии сабель чаще всего учитывались: ширина и кривизна (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.22-23; Циркин А.В., 1987, с.163-165), кривизна и длина (Плетнева С.А., 1973, с.17-18), кривизна (Худяков Ю.С., 1980, с.39-41; Иванов В.А., 1987, с.185-186; Хузин Ф.Ш., 1985, с.176-177), кривизна и острие (Мерперт Н.Я., 1955, с.134), острие (Соловьев А.И., 1987, с.73-75). При этом необходимо отметить, что лишь отдельные исследователи (например, С.А.Плетнева) указали конкретные размеры, учитывавшихся ими характеристик. К сожалению, для всех типологий присущ важнейший недостаток: незначительная в количественном отношении источниковая

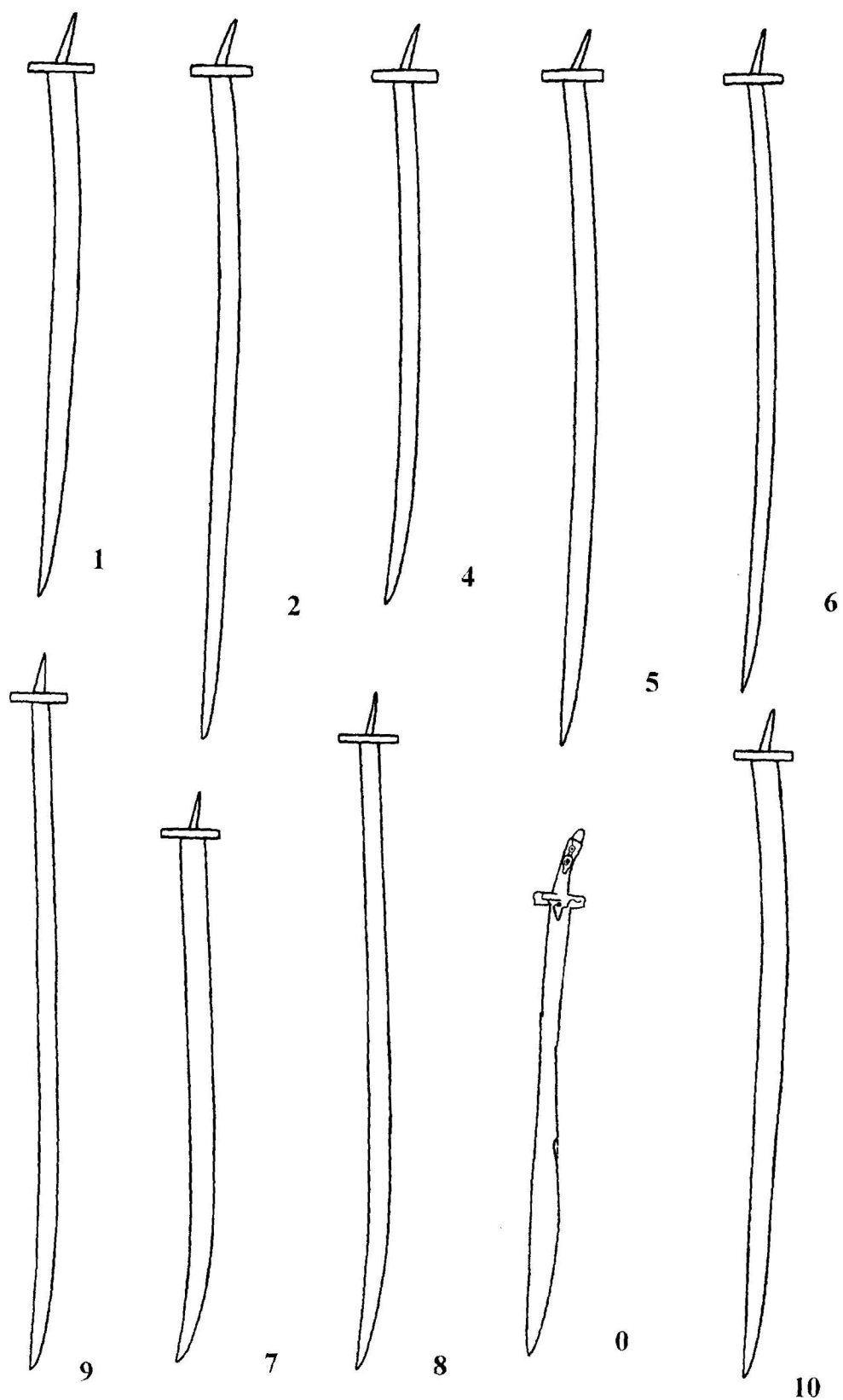

Рис. 2. Разновидности клинков: 0-2, 4-10 – №№ разновидностей.

Fig. 2. The variety of blades: 0-2, 4-10 – the numbers of the types.

Abb. 2. Klingeabarten: 0-2, 4-10 – Abartennummern.

Dessin 2. Types de sabre: 0-2, 4-10 – №№ de types

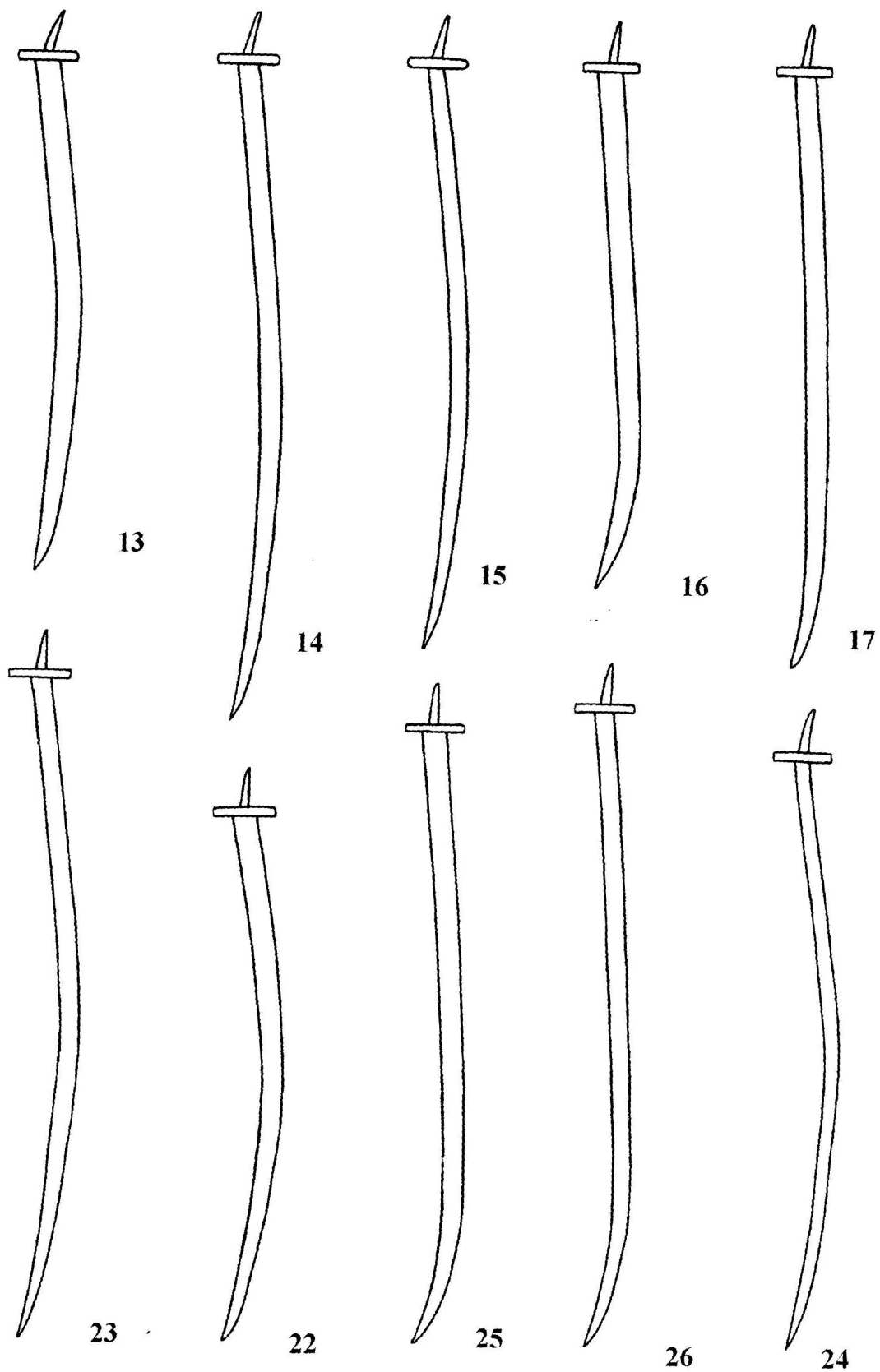

Рис. 3. Разновидности клинков: 13-17, 22-26 – №№ разновидностей.

Fig. 3. The variety of blades: 13-17, 22-26 – the numbers of the types.

Abb. 3. Klingeabarten: 13-17, 22-26 – Abartennummern.

Dessin 3. Types de lame: 13-17, 22-26 – №№ de types

база. И даже один из основных выводов А.Н. Кирпичникова о том, что эволюция сабельной полосы происходила в сторону удлинения, большего изгиба и увеличения веса не подтверждена автором конкретными статистическими данными, что значительно снижает его ценность и убедительность. Для массового материала, который представлен в настоящей работе, ни одна из существующих типологий или классификаций сабель не подходит.

Предлагаемая типология позднекочевнических сабель основана на принципах процесса типобразования, которые разработаны Г.А.Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов Г.А., 1981, с.267-317; 1987, 216 с.). Благодаря применению методов математической статистики возможно выявить тенденции, которые в многочисленном материале обычными способами не выявляются (Федоров-Давыдов Г.А., 1987, с.5). Одной из задач, где использование этих методов целесообразно и часто необходимо, является выявление типичных видов вещей, в которых признаки закономерно и тесно связаны между собой (Федоров-Давыдов Г.А., 1987, с.6).

Тип - это такая разновидность археологического материала, в котором типобразующие признаки соединены между собой связями с высокими показателями сопряженности (Федоров-Давыдов Г.А., 1981, с.268). Типобразующие признаки определяют наиболее важные изменения и различия объектов одной категории (Федоров-Давыдов Г.А., 1987, с.171). Именно они образуют структурные ядра взаимосвязанных значений у разновидностей предметов (Федоров-Давыдов Г.А., 1981, с.282).

К типобразующим признакам сабли нами отнесены следующие: кривизна (К), участок максимального изгиба клинка (У), соотношение длины и ширины клинка - пропорции (П). Каждый из этих признаков разделен на три примерно равные группы, поскольку полигоны частот их значений, хотя и многовершинны, но "вершины" и "понижения" выделены не четко (Федоров-Давыдов Г.А., 1987, с.71).

Кривизна

- К₁ - слабоизогнутые - 0,1-1,9 см
- К₂ - среднеизогнутые - 2-4 см
- К₃ - сильноизогнутые - 4,1-5,9 см (и более)

Участок максимального изгиба клинка

- У₁ - верхняя (I) треть клинка
- У₂ - центральная (II) треть клинка
- У₃ - нижняя (III) треть клинка

Пропорциональное соотношение длины и ширины клинка

- П₁ - 18-25
- П₂ - 26-33
- П₃ - 34-41

Длина клинка

- Д₁ - короткие - 60-79 см
- Д₂ - средней длины - 80-100 см
- Д₃ - длинные - 101-121 см (и более)

Ширина клинка

- Ш₁ - узкие - 2,3-3 см
- Ш₂ - средней ширины - 3,1-3,8 см
- Ш₃ - широкие - 3,9-4,6 см

Теоретическое сочетание признаков К₁, К₂, К₃, У₁, У₂, У₃, П₁, П₂, П₃ дает 27 разновидностей (табл. 1). В действительности 134 изогнутых клинка объединились всего в 19 разновидностей* (рис. 2, 3). Очевидно, признаки соединились по каким-то закономерностям и поэтому некоторые их значения встречаются вместе чаще, чем другие (Федоров-Давыдов Г.А., 1981, с.275).

Для количественного выражения тесноты связи между типобразующими признаками мы используем коэффициент сопряженности Q (Федоров-Давыдов Г.А., 1987, с.97). Q колеблется от -1 до +1, то есть от максимальной отрицательной связи до максимальной положительной. По мнению Г.А.Федорова-Давыдова, могут существовать 3 степени типичности: "сильные" типы, "слабые" типы и нетипичные разновидности. К "сильным" типам относятся разновидности, имеющие полностью связанное ядро типобразующих признаков, где количество типобразующих связей максимально и между значениями других признаков нет отрицательных связей. К "слабым" типам относятся разновидности, которые имеют не полностью связанное ядро, то есть количество типобразующих связей составляет не менее 2/3 максимального. Если число типобразующих связей в ядре разновидности меньше, чем 2/3 максимального, или, если в нем есть отрицательные связи, то такую разновидность типом признать нельзя (Федоров-Давыдов Г.А., 1981, с.284).

Разновидности бывают массовыми и редкими. К массовым Г.А. Федоров-Давыдов относит разновидности, которые составляют не менее 1,5% от всего количества предметов комплекса. Таким образом, по Г.А.Федорову-Давыдову, существуют следующие ряды разновидностей: массовые и редкие "сильные" типы, массовые и редкие "слабые" типы и массовые и редкие нетипичные разновидности (Федоров-Давыдов Г.А., 1981, с.285).

Сопоставление коэффициентов сопряженности типобразующих признаков клинков сабель дало следующие результаты:

1. Положительная существенная связь наблюдается у сочетания признаков: К₁П₁ (0,174), К₁У₁ (0,19), К₂У₂ (0,33), К₁У₃ (0,34).

*Сабля из Каирки 3/1, не имея кривизны спинки, образует самостоятельную разновидность № 0 - К₀У₀П₁.

2. Отрицательная существенная связь наблюдается у сочетания признаков: K_1U_2 (-0,4), K_2U_3 (-0,29), K_3P_1 (-0,17).

3. У остальных сочетаний типобразующих признаков сабли наблюдаются как положительные, так и отрицательные слабые связи.

4. Доверительный уровень при подсчете коэффициента сопряженности Q взят 0,95 (при вероятности ошибки 0,05).

5. Выделяются два массовых “слабых” типа (№ 1 $K_1U_1P_1$ и № 7 $K_1U_3P_1$), 11 массовых нетипичных разновидностей (№ 14,15 - одна связь K_2U_2 - сильная положительная, две - слабые положительные; № 23,24 - все связи слабые положительные; № 2,4, 5,8,13,16,22 - среди связей есть отрицательные), 7 редких нетипичных разновидностей (№ 6,9,10,17,25,26 - среди связей есть отрицательные, а также № 0). В процентном соотношении: массовые “слабые” типы и нетипичные разновидности составляют 94,8%, редкие нетипичные разновидности - 5,2% (рис.2 и 3).

Выделение разновидностей форм, обладающих различной степенью массовости и типичности, по мнению Г.А.Федорова-Давыдова, позволяет более точно охарактеризовать данную культуру. При этом, в первую очередь, во внимание следует принимать массовые и типичные разновидности.

Каждая разновидность проходила несколько стадий в своем развитии, доходя до определенной массовости и типичности, или не достигая ни того, ни другого, или только одного из этих качеств. Когда в процессе изготовления предмета значения различных признаков соединяются на изделиях, то часты и случайные сочетания массовых значений признаков. Таким образом, формируются массовые разновидности, не являющиеся сильными типами с тесно связанным ядром (Федоров-Давыдов Г.А., 1981, с.286-287).

Поскольку типобразующие признаки тесно связаны между собой и ни один из них не является основным, рассмотрим нашу серию сабельных клинков по каждому признаку отдельно.

Кривизна

Слабоизогнутые (55 экз.)

1. Половина из них (28 экз.) имеют среднюю длину, 19 клинков длинных, 8 - коротких.

2. Половина из них (28 экз.) - широкие, имеют среднюю ширину -14, узких - 13.

3. У большинства (32 экз.) клинков соотношение длины и ширины относится к P_1 , к P_2 относится 21 клинок, а к P_3 - всего 2.

4. Максимальный изгиб полосы у большинства клинков (30 экз.) во 2-й (центральной) трети, у 20 - в нижней трети, у 5 - в верхней трети.

5. Распределение клинков по разновидностям: из 9 разновидностей и типов задействованы 8. Большин-

ство (20 экз.) - разновидность $K_1U_2P_1$, 10 клинков в типе $K_1U_3P_1$, по 9 экземпляров в разновидностях $K_1U_2P_2$ и $K_1U_3P_2$, 3 клинка в разновидности $K_1U_1P_2$, 2 клинка в типе $K_1U_1P_1$, по 1 клинку в разновидностях $K_1U_2P_3$ и $K_1U_3P_3$.

Среднеизогнутые (63 экз.)

1. Большинство из них (35 экз.) имеют среднюю длину, 25 - длинных, только 3 - короткие.

2. Почти половина из них (28 экз.) - широкие, имеют среднюю ширину 24, 11 - узкие.

3. Почти половина (30 экз.) клинков имеют P_2 , 28 сабель - P_1 , 5 экз. имеют P_3 .

4. Максимальный изгиб полосы у большинства клинков (57 экз.) во 2-й (центральной) трети, у 5 экз. - в нижней (3-й) трети и только у 1 клинка в верхней (1-й) трети.

5. Распределение клинков по разновидностям: из 9 разновидностей задействованы 6. Большинство (29 экз.) - разновидность $K_2U_2P_1$, 23 экз. - разновидность $K_2U_2P_1$, 5 экз. - разновидность $K_2U_2P_3$, 4 экз. - разновидность $K_2U_3P_1$, по 1 экз. в разновидностях $K_2U_1P_1$ и $K_2U_3P_2$.

Сильноизогнутые (16 экз.)

1. Среди них нет ни одного короткого клинка. Средних по длине - 7, а длинных - 9 экз.

2. Почти половина (7 экз.) клинков - широкие, 6 имеют среднюю ширину, 3 клинка узких.

3. Более половины (9 экз.) клинков имеют P_3 , 4 клинка имеют P_1 , у 3 экз. - P_2 .

4. Максимальный изгиб полосы у большинства (14 экз.) клинков в центральной трети, у 2 - в нижней трети.

5. Распределение клинков по разновидностям: из 9 теоретических разновидностей задействованы только 5. 8 экз. - разновидность $K_3U_2P_2$, по 3 экз. в разновидностях $K_3U_2P_1$ и $K_3U_2P_3$, по 1 экз. в разновидностях $K_3U_3P_1$ и $K_3U_3P_2$.

Таким образом, почти половина из изогнутых клинков (47%), относится к среднеизогнутым, 41% - слабоизогнутые, остальные 12% - сильноизогнутые клинки. Большинство среднеизогнутых и слабоизогнутых клинков имеют среднюю длину (80-100 см). У сильноизогнутых сабель коротких клинков нет, большинство (56%) - длинные. Почти половина всех клинков (47%) - широкие (3,9-4,6 см). Подавляющее большинство клинков (75%) имеют максимальный изгиб полосы во 2-й (центральной) трети. Наименьшее количество разновидностей (6) при количестве клинков 63 экз. у среднеизогнутых сабель, затем 8 (55) - у слабоизогнутых, наибольшее 5 (16) - у сильноизогнутых. Почти половина (48%) сабель имела соотношение длины и ширины P_1 , 45% - P_2 и только 7% - P_3 .

Участок максимального изгиба клинка

В верхней (1-й) трети (6 экз.)

1. 5 экз. - слабоизогнутые, 1 - среднеизогнутый.
2. По 2 экз. длинных, средней длины и коротких.
3. По 2 экз. узких, средней ширины и широких.
4. По 3 экз. имеют P_1 и P_2 , P_3 отсутствует.
5. Распределение клинков по разновидностям: из 9 возможных разновидностей задействованы 3. 3 экз. в разновидности $K_1Y_1P_1$, 2 экз. в типе $K_1Y_1P_1$, 1 сабля относится к разновидности $K_2Y_1P_1$.

В центральной (2-й) трети (101 экз.)

1. Большинство клинков среднеизогнутые - 57 экз., 30 - слабоизогнутые, 14 - сильноизогнутые.
2. Большинство (55 экз.) средней длины, 38 - длинных, 8 - коротких.
3. Почти половина клинков (48 экз.) - широкие, средней ширины - 31 экз., 22 - узкие.
4. По 46 клинков имеют P_1 и P_2 , P_3 - 9 экз.
5. Из 9 возможных разновидностей задействованы все 9: 29 экз. - $K_2Y_2P_2$, 23 - $K_2Y_2P_1$, 20 - $K_1Y_2P_1$, 9 - $K_1Y_2P_2$, 8 - $K_3Y_2P_2$, 5 - $K_2Y_2P_3$, по 3 экз. - $K_3Y_2P_1$ и $K_3Y_2P_3$, 1 - $K_1Y_2P_3$.

В нижней (3-й) трети (27 экз.)

1. Большинство клинков (20) - слабоизогнутые, 5 - среднеизогнутые, 2 - сильноизогнутые.
2. Длинных и средней длины по 13 экз., коротких - 1 экз.
3. Половина клинков (13 экз.) широкие, средней ширины - 11, узких - 3.
4. Более половины (15 экз.) имеют P_1 , 11 - P_2 , 1 - P_3 .
5. Распределение клинков по разновидностям: из 9 возможных разновидностей задействовано 7. 10 экз. - тип $K_1Y_3P_1$, 9 - разновидность $K_1Y_3P_2$, 4 - $K_2Y_3P_1$, единичные клинки - $K_1Y_3P_3$, $K_2Y_3P_2$, $K_3Y_3P_1$, $K_3Y_3P_2$.

Таким образом, 5% клинков изогнуты в верхней трети, 75% - в центральной трети, 20% - в нижней трети. Большинство клинков с максимальным изгибом в верхней и нижней третях - слабоизогнутые, в центральной трети - среднеизогнутые. Среди клинков с Y_1 - одинаковое количество коротких, средних и длинных клинков; с Y_2 - большинство клинков средней длины; с Y_3 - поровну (48%) клинков средней длины и длинных. По 50% клинков с Y_1 имеют P_1 и P_2 , по 45,5% клинков с Y_2 имеют P_1 и P_2 , большинство клинков с Y_3 имеют P_1 . Наименьшее количество разновидностей (9) при количестве клинков 101 - у сабель с Y_2 , далее 7 (27) у клинков с Y_3 и наибольшее - 3 (6) - с Y_1 .

Один клинок (Каирка 3/1) - прямой. Его типобразующий признак P_1 и его составляющие (средняя длина и ширина) учтены в соответствующих разделах.

Пропорциональное соотношение длины и ширины клинка

Пропорция 1 (65 экз.)

1. Половина из них (32 экз.) - слабоизогнутые, 28 - среднеизогнутые, 4 - сильноизогнутые., 1 экз. - прямой.
2. Максимальный изгиб полосы у большинства клинков (46 экз.) с P_1 во 2-й трети, 15 - в нижней трети, 3 - в верхней трети.
3. Большинство клинков (45 экз.) имеют среднюю длину, 13 - длинных, 7 - коротких.
4. Большинство клинков (46 экз.) - широкие, 15 - средней ширины, 4 - узкие.
5. Распределение клинков по разновидностям: из 9 задействовано 8. 23 - разновидность $K_2Y_2P_1$, 20 - разновидность $K_1Y_2P_1$, 10 - тип $K_1Y_3P_1$, 4 - разновидность $K_2Y_3P_1$, 3 - разновидность $K_3Y_2P_1$, 2 - тип $K_1Y_1P_1$, единичные клинки - $K_2Y_1P_1$ и $K_3Y_3P_1$.

Пропорция 2 (60 экз.)

1. Половина из них (30 экз.) - среднеизогнутые, 21 - слабоизогнутые, 9 - сильноизогнутые.
2. Максимальный изгиб полосы у большинства клинков (46 экз.) во 2-й трети, 11 - в нижней трети, 3 - в верхней.
3. Большинство (33 экз.) клинков - длинные, 23 - средней длины, 4 - короткие.
4. Почти половина (28 экз.) клинков - средней ширины, 17 - широкие, 15 - узкие.
5. Распределение клинков по разновидностям: из 9 задействовано 7. 29 экз. - $K_2Y_2P_2$, 9 - $K_1Y_3P_2$, $K_1Y_2P_2$, 8 - $K_3Y_2P_2$, 3 - $K_1Y_1P_2$, единичные клинки - $K_2Y_3P_2$ и $K_3Y_3P_2$.

Пропорция 3 (10 экз.)

1. Половина (5 экз.) клинков - среднеизогнутые, 3 - сильноизогнутые, 2 - слабоизогнутые.
2. Максимальный изгиб полосы почти у всех клинков (9 из 10) во 2-й трети, 1 - в нижней трети.
3. Большинство (7 экз.) клинков - длинные, 3 - средней длины, коротких нет.
4. Большинство (8 экз.) клинков - узкие, 2 - средней ширины, широких нет.
5. Распределение клинков по разновидностям: из 9 задействовано всего 4. Большинство (5 экз.) - разновидность $K_2Y_2P_3$, 3 - $K_3Y_2P_3$, единичные клинки - $K_1Y_2P_3$ и $K_1Y_3P_3$.

Таким образом, почти половина (48,2%) клинков имеют P_1 , 44,4% - P_2 и только 7,4% - P_3 . Половина сабель с P_2 и P_3 - среднеизогнутые, половина с P_1 - слабоизогнутые. У большинства сабель с P_1 и P_2 и почти у всех (82%) сабель с P_3 максимальный изгиб полосы во 2-й трети. Большинство сабель с P_2 и P_3 - длинные, с P_1 - средней длины. Большинство клинков с P_1 - широкие, а с P_3 - узкие. Наименьшее количество разновидностей (7) при количестве 60 клинков с P_2 , далее 8 (65) с P_1 и 6 (10) с P_3 .

Так как типобразующий признак “пропорции” представляет собой соотношение длины и ширины клинка, целесообразно пояснить какие конкретные сочетания длины и ширины сабли присутствуют в P_1 , P_2 и P_3 . 65 клинков, которые относятся к P_1 , имеют следующие сочетания длины и ширины: $D_2Ш_3$ - 33 экз., $D_3Ш_3$ - 13 экз., $D_2Ш_2$ - 12 экз., $D_1Ш_1$ - 4 экз., $D_1Ш_2$ - 3 экз. Сочетания длины и ширины у сабель с P_2 (60 экз.) следующие: $D_3Ш_3$ - 17 экз., $D_3Ш_2$ - 16 экз., $D_2Ш_2$ - 12 экз., $D_2Ш_1$ - 11 экз., $D_1Ш_1$ - 4 экз. Сочетания длины и ширины у сабель с P_3 (10 экз.) следующие: $D_3Ш_1$ - 5 экз., $D_2Ш_1$ - 3 экз., $D_1Ш_2$ - 2 экз.

Сочетание $D_1Ш_3$ отсутствует, сочетания $D_2Ш_3$ и $D_1Ш_2$ присутствуют только в P_1 , $D_3Ш_1$ - только в P_3 . Сочетания $D_3Ш_3$, $D_2Ш_3$, $D_1Ш_1$ присутствуют и в P_1 , и в P_2 . Сочетания $D_3Ш_2$, $D_2Ш_1$ присутствуют в P_2 и P_3 .

- P_1 : D_1 - в сочетании только с $Ш_1$ и $Ш_2$
 D_2 - в сочетании только с $Ш_2$ и $Ш_3$
 D_3 - в сочетании только с $Ш_3$
- P_2 : D_1 - в сочетании только с $Ш_1$
 D_2 - в сочетании только с $Ш_1$ и $Ш_2$
 D_3 - в сочетании только с $Ш_2$ и $Ш_3$
- P_3 : D_1 - и $Ш_3$ отсутствуют
 D_2 - в сочетании только с $Ш_1$
 D_3 - в сочетании только с $Ш_1$ и $Ш_2$

Рассмотрим также исследуемую серию клинков отдельно по составляющим типобразующий признак “пропорции” длине и ширине клинка.

Длина

Короткие (11 экз.)

1. Среди них нет сильноизогнутых клинков, большинство (8) - слабоизогнутые, 3 - среднеизогнутые.

2. Максимальный изгиб полосы у большинства изогнутых клинков (8) - во 2-й трети, у 2-х - в верхней трети, у 1 - в нижней трети.

3. Большинство клинков (8) узкие, 3 - средней ширины, широких нет.

4. 7 клинков имеют P_1 , 4 - P_2 , P_3 - нет.

5. Распределение клинков по разновидностям: из 27 разновидностей задействовано только 5. По 3 экз. в разновидностях $K_1У_2P_1$ и $K_2У_2P_1$, по 2 экз. в разновидностях $K_1У_2P_2$ и $K_1У_1P_3$, 1 экз. в типе $K_1У_3P_1$.

Средней длины (71)

1. Половина из них (35) среднеизогнутые, 28 - слабоизогнутые, 7 - сильноизогнутые, 1 экз. - прямой.

2. Максимальный изгиб полосы у большинства клинков (55) во 2-й трети, у 13 экз. - в нижней трети, у 2-х клинков - в верхней трети.

3. Большинство клинков (36) имеют среднюю ширину, широких - 21 экз., узких - 14 экз.

4. Большинство (45) клинков имеют P_1 , 23 - P_2 , 3 - P_3 .

5. Распределение клинков по разновидностям: из 27 разновидностей задействовано 12. Большинство

(16) - $K_2У_2P_1$, 14 - $K_2У_2P_2$, 13 - $K_1У_2P_1$, 7 - тип $K_1У_3P_1$, по 3 экз. в разновидностях: $K_1У_3P_2$, $K_1У_2P_2$, $K_3У_2P_1$, $K_3У_2P_2$; по 2 экз. в типе $K_1У_1P_1$ и в разновидности $K_2У_2P_3$, единичные клинки - $K_3У_2P_3$ и $K_0У_0P_1$.

Длинные (53 экз.)

1. Почти половина из них (25) - среднеизогнутые, 19 - слабоизогнутые, 9 - сильноизогнутые.

2. Максимальный изгиб полосы у большинства (38) клинков в центральной трети, у 13 экз. - в нижней трети, у 2-х - в верхней трети.

3. Большинство клинков (30) - широкие, 18 экз. имеют среднюю ширину, узких - 5.

4. Большинство (33) клинков имеют P_2 , 13 - P_1 , 7 - P_3 .

5. Распределение клинков по разновидностям: из 27 задействовано 17 разновидностей. 15 - $K_2У_2P_2$, 6 - $K_1У_3P_2$, 5 - $K_3У_2P_2$, по 4 экз.: $K_1У_2P_1$, $K_1У_2P_2$, $K_2У_2P_1$, по 3 экз. - $K_2У_2P_3$, по 2 экз. в типе $K_1У_3P_1$ и разновидности $K_3У_2P_3$, по 1 экз. в разновидностях: $K_1У_1P_2$, $K_1У_3P_3$, $K_1У_2P_3$, $K_2У_1P_1$, $K_2У_3P_2$, $K_2У_3P_1$, $K_3У_3P_2$, $K_3У_3P_1$.

Таким образом, большинство клинков имеют среднюю длину (53%), длинных - 39%, а коротких всего - 8%. Половина из средних и длинных клинков - среднеизогнутые, подавляющее большинство коротких клинков - слабоизогнутые и узкие. Большинство клинков средней длины имеют среднюю ширину, большинство длинных клинков - широкие. Наименьшее количество разновидностей (12) при количестве клинков 70 у сабель средней длины, затем 17 (53) - у длинных, наибольшее - 5 (11) - у коротких. Большинство коротких и средних клинков имеют P_1 , а длинных - P_2 .

Ширина

Узкие (27 экз.)

1. Половина из них (13) - слабоизогнутые, 11 экз. - среднеизогнутые, 3 - сильноизогнутые.

2. Максимальный изгиб полосы у большинства (22) в центральной трети клинка, у 3 - в нижней трети, 2 - в верхней трети.

3. Половина из них (14) средней длины, коротких клинков - 8 экз., длинных - 5.

4. Больше половины узких клинков имеют P_2 , 8 - P_3 , 4 - P_1 .

5. Распределение клинков по разновидностям: из 27 задействовано 11 разновидностей. По 5 экз. - $K_1У_2P_2$, $K_2У_2P_2$, $K_2У_2P_3$, по 2 экз. - $K_1У_3P_2$, $K_1У_1P_2$, $K_1У_2P_1$, $K_3У_2P_3$, единичные клинки: тип $K_1У_3P_1$, разновидности $K_1У_2P_3$, $K_2У_2P_1$, $K_3У_2P_2$.

Средней ширины (45 экз.)

1. Большинство из изогнутых сабель (24) - среднеизогнутые, 14 экз. слабоизогнутые, 6 - сильноизогнутые, 1 экз. - прямой.

2. Максимальный изгиб полосы у большинства изогнутых клинков (31) - в центральной трети клинка, у 11

экз. - в нижней трети, у 2 экз. - в верхней трети. 1 сабля - прямая.

3. Большинство клинков (24) средней длины, 18 - длинные, 3 - короткие.

4. Большинство клинков (28) имеют P_2 , 15 - P_1 , 2 - P_3 .

5. Распределение клинков по разновидностям: из 27 разновидностей задействовано 11. Большинство (17) - $K_2U_2P_2$, 6 - $K_2U_2P_1$, 5 - $K_1U_3P_2$, 4 - $K_3U_2P_2$, по 3 экз. в типе $K_1U_3P_1$ и разновидности $K_1U_2P_1$, 2 - в типе $K_1U_1P_1$, единичные клинки - $K_1U_3P_3$, $K_2U_3P_2$, $K_3U_3P_2$, $K_3U_2P_3$, $K_0U_0P_1$.

Широкие (63 экз.)

1. Среди широких сабель поровну (по 28) среднеизогнутых и слабоизогнутых, 7 - сильноизогнутых.

2. Максимальный изгиб полосы у большинства широких клинков (48) - в центральной трети, у 13 экз. - в нижней трети, у 2 - в верхней трети.

3. Большинство (33) клинков имеют среднюю длину, 30 экз. - длинные, коротких нет.

4. Большинство сабель имеют P_1 (46), 17 экз. - P_2 , P_3 отсутствует.

5. Распределение клинков по разновидностям: из 27 задействовано 12 разновидностей. 16 экз. - $K_2U_2P_1$, 15 - $K_1U_2P_1$, 7 - $K_2U_2P_2$, 6 - в типе $K_1U_3P_1$, 4 - $K_1U_2P_2$ и $K_2U_3P_1$, 3 - $K_3U_2P_1$ и $K_3U_2P_2$, 2 - $K_1U_3P_3$, по 1 экз. - $K_1U_1P_2$, $K_2U_2P_1$ и $K_3U_3P_1$.

Таким образом, 47% клинков широкие, 33% - средней ширины, 20% - узкие. Среди широких клинков поровну слабоизогнутых и среднеизогнутых, большинство клинков средней ширины - среднеизогнутые, половина узких клинков - слабоизогнутые. Половина узких клинков имеют среднюю длину, а среди клинков средней ширины и широких большинство имеют среднюю длину. Большинство узких и средней ширины клинков имеют P_2 , широких - P_1 . Наименьшее количество разновидностей (12) при количестве клинков 63 - у широких сабель, затем 11 (44) - у клинков средней ширины, наибольшее количество разновидностей - 11 (27) у узких клинков.

Дополнительные признаки

Кроме основных типобразующих признаков, которые характеризуют рабочую часть сабли - клинок, у значительного количества экземпляров сохранились перекрестия, навершия, наконечники ножен, существует наклон стержня рукояти, определим тип острия. Все эти дополнительные признаки также подверглись типологическому анализу.

Перекрестия

Тип I. С шаровидными увенчаниями на концах

- 1 вариант. Прямые.
- 2 вариант. Арочные.

3 вариант. С треугольным (мысовидным) выступом.

Тип II. С ромбическим расширением в центре

- 1 вариант. Прямые.
- 2 вариант. С опущенными концами.
- 2а подвариант. С опущенными концами, увенчанными дисковидными расширениями.
- 3 вариант. Крестовидные.
- 3а подвариант. Крестовидные с расширениями на концах.

Тип III. Брусковидные

- 1 вариант. Прямоугольные.
- 2 вариант. С треугольным (мысовидным) выступом.
- 3 вариант. Пластинчатые.
- 4 вариант. Овальные.
- 5 вариант. С опущенными расширяющимися концами.

Перекрестий всего 84 экз. 7 из них не принадлежит основному источнику и используется в качестве дополнительного. Все названия типов и вариантов даны по форме перекрестий вида сбоку.

Тип I. С шаровидными увенчаниями на концах

Перекрестия этого типа объединяет шаровидное оформление концов. По форме центральной части они делятся на три варианта. По типологии А.Н. Кирпичникова соответствует I типу.

1 вариант. Прямые. К нему относятся 3 перекрестия. Центральная часть в виде прямоугольника, по бокам которого расположены шаровидные утолщения. Длина перекрестий 7 - 11,9 см, высота 1,5 - 3 см (рис. 4, 1).

2 вариант. Арочные. К этому варианту относятся 7 экз. Центральная часть арочной формы, причем верхняя дуга более крутая, нижняя - плавная, слабо изогнута. Длина перекрестий 8,8 - 11 см, высота 1,7 - 2,4 см (рис. 4, 2).

3 вариант. С треугольным (мысовидным) выступом. К нему относятся 7 экз. В центральной части перекрестий расположен мысовидный остроугольный выступ в сторону рукояти. Длина 6,8 - 12 см, высота 1,6 - 2,7 см (рис. 4, 3, 4).

У сабли из Успенского 11/1, перекрестие которой также относится к этому типу, вариант не ясен, так как центральная часть перекрестия не сохранилась.

Тип II. С ромбическим расширением в центре

Перекрестия этого типа объединяет оформление центральной части. По форме концов они делятся на три варианта. По типологии А.Н. Кирпичникова соответствует II типу.

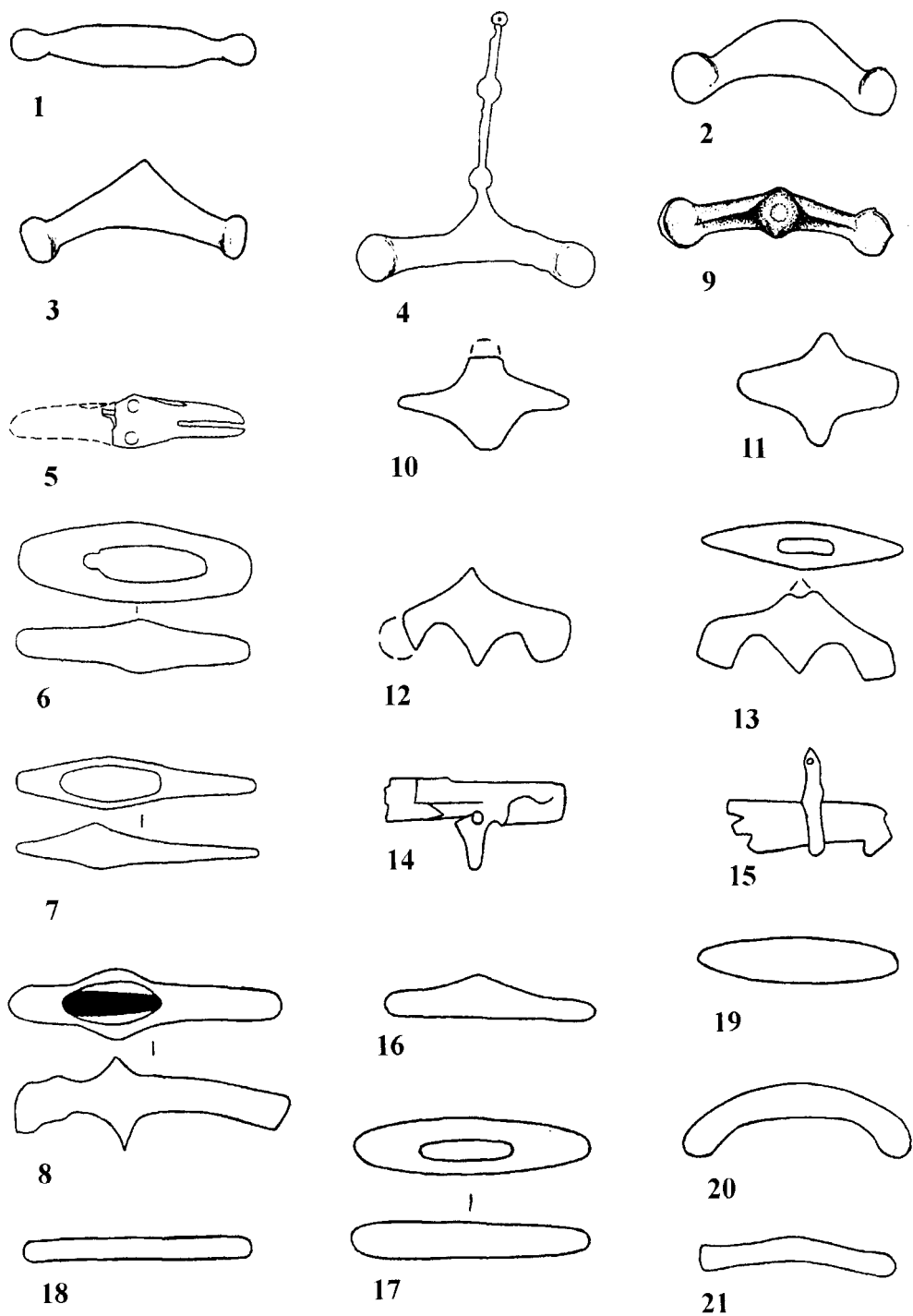

Рис. 4. Типы и варианты перекрестий: 1-4 – варианты I типа; 5-13 – варианты и подварианты II типа; 14-21 – варианты III типа.

Fig. 4. Types and variants of the crossing: 1-4 – variants of the 1st type; 5-13 – variants and subvariants of the 2nd type; 14-21 – variants of the 3^d type.

Abb. 4. Typen und Varianten der Schäfte: 1-4 – Varianten des 1. Typs; 5-13 – Varianten und Untervarianten des 2. Typs; 14-21 – Varianten des 3. Typs.

Dessin 4. Types et versions de gardes: 1-4 – versions de type 1; 5-13 – version et sous-versions de type 2; 14-21 – version de type 3

1 вариант. Прямые. К нему относятся 19 экз. Перекрестия в виде сильно вытянутого ромба с суженными концами или неширокого прямоугольника, в центре которого - ромбическое расширение (рис. 4, 6). У двух перекрестий (Зеленки к.367 и Дудчаны 1/16) в конце со стороны лезвия сделан глубокий продольный узкий вырез (рис. 4, 5). Перекрестие из Дудчан 1/16 закреплено на клинке двумя железными заклепками. 4 перекрестия асимметричны, со стороны спинки - более короткий конец. Длина 7,3 - 12,1 см, высота 1,5 - 3,8 см (рис. 4, 7).

2 вариант. С опущенными концами. К нему относятся 2 экз. По типологии А.Н.Кирпичникова - тип ПА. Оба перекрестия асимметричны, более короткий конец - со стороны спинки. Концы широкие, прямые, плавно изогнуты вниз. Длина 10,3 см и 12,8 см, высота (в центральной части) 2,6 см и 4,4 см (рис. 4, 8).

2а подвариант. С опущенными концами, увенчанными дисковидными расширениями. К нему относится 1 экз. (из подъемного материала у аула Казазово). Ромбическое расширение в центре небольшое, по форме близко к квадрату. Концы - широкие длинные, слабо изогнуты вниз, заканчиваются дисковидными расширениями. Его размеры: длина - 8 см, высота - 1,7 см, диаметр дисковидного расширения - 1,6 - 1,7 см (рис. 4, 9). Перекрестие близко по типологии А.Н.Кирпичникова к типам ПА (изогнутые концы) и ПБ (дисковидные расширения на концах).

3 вариант. Крестовидные. К нему относятся 2 экз. Разница между ними в том, что у одного перекрестия средняя часть более массивная и широкая, а концы - узкие, а у второго - наоборот. Их размеры: длина 7 см и 9,7 см, высота 3,9 см и 6,7 см (рис. 4, 10, 11).

3а подвариант. Крестовидные с расширениями на концах. К нему относятся 2 экз. У перекрестия сабли из Родионовки 3/1 центральная часть несколько асимметрична, концы дисковидно расширены. У перекрестия из Центрлабы-П, 3/1 расширенные концы подквадратной формы. Их размеры: длина 9,5 см и 12 см, высота 4,2 см и 6 см (рис. 4, 12, 13).

Тип III. Брусковидные

Перекрестия этого типа в виде прямого бруска. По форме делятся на 5 вариантов.

1 вариант. Прямоугольные. К нему относятся 17 экз. Характерное отличие этих перекрестий, состоящих из двух соединенных прямоугольных пластин, в том, что соотношение длины и высоты у них менее 6. Их размеры: длина 5,8 - 10 см, высота 1,3 - 3 см. 1 экземпляр асимметричен. Перекрестие из Веселого-П, 4/2 имело дополнительное крепление в виде узкой железной пластины, расположенной перпендикулярно перекрестию (рис. 4, 14-15).

2 вариант. С треугольным (мысовидным) выступом. К нему относятся 10 экз. По форме близок к перекрестиям I типа 3 варианта, но отличается тем, что имеет вид вытянутого треугольника с суживающимися (без какого-либо дополнительного оформле-

ния) концами. 2 экз. асимметричны. Их длина 9 - 13,6 см, высота 1,5 - 2,5 см (рис. 4, 16).

3 вариант. Пластинчатые. К нему относятся 9 экз. Эти перекрестия состоят из очень узких прямоугольных пластин часто с закругленными концами. Соотношение их длины и ширины (Д:Ш) равно или более 6. Их размеры: длина 7,5 - 14 см, высота 1,1 - 2 см. 2 экз. асимметричны (рис. 4, 17, 18).

4 вариант. Овальные. К нему относятся 2 экз., которые имеют форму вытянутых овалов. Их размеры: длина 8,6 см и 9,8 см, высота 2 см и 2,2 см (рис. 4, 19).

5 вариант. С опущенными расширяющимися концами. К нему относятся 2 экз. У перекрестий этого варианта центральная часть слегка изогнута, концы расплющены и опущены вниз. Их размеры: длина 8,2 см и 10 см, высота 2 см и 1,3 см (рис. 4, 20, 21).

Навершия

Тип I. Уплощенно-цилиндрические

- 1 вариант. Короткие с плоским верхом.
- 2 вариант. Короткие с выпуклым верхом.
- 3 вариант. Длинные с плоским верхом.
- 4 вариант. Длинные с выпуклым верхом.

Тип II. Овальные с двумя боковыми выступами

Тип III. Граненые

Наверший сохранилось всего 57 экз., из них 6 относятся к дополнительному источнику.

Тип I. Уплощенно-цилиндрические

Навершия этого типа объединяет форма. По своим размерам и оформлению верхнего края они подразделяются на 4 варианта. По типологии А.Н.Кирпичникова соответствуют I типу.

1 и 2 варианты. Короткие с плоским или выпуклым верхом (рис. 5, 1-3). К 1 варианту относятся 8 экз., ко второму - 9. Их объединяет небольшая высота, которая меньше диаметра наверший; разница между вариантами в оформлении верхней части, что, по мнению А.Н.Кирпичникова, является хронологическим показателем. Их размеры: высота 1,3 - 2,8 см, диаметр 2,7 - 4,8 см. 2 экз. (Александровск 5/17 и Провалье 6/1) закреплены сверху гвоздем.

3 и 4 варианты. Длинные с плоским или выпуклым верхом (рис. 5, 4-6). К 3 варианту относятся 10 экз., а к 4-му - 11. Их объединяет то, что длина этих наверший больше диаметра. У многих сохранился крепивший навершие к рукояти поперечный стержень, который снаружи заканчивался колечком для темляка. Их размеры: высота 2,4 - 5 см, диаметр 1,8 - 3,6 см. Навершие из Таборовки-III, 1/5 крепилось к рукояти двумя сверху вбитыми миниатюрными гвоздиками.

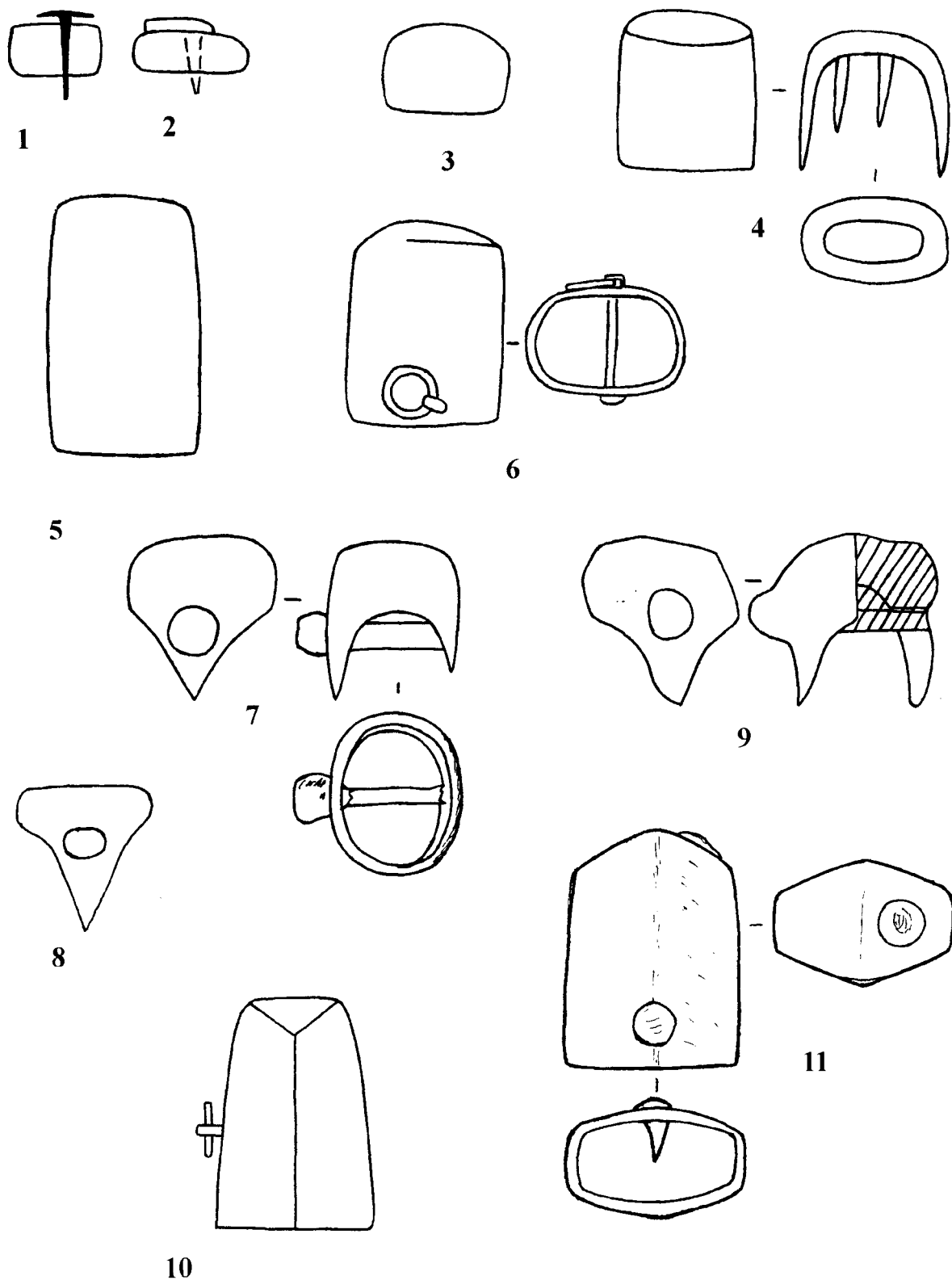

Рис. 5. Типы и варианты наверший: 1-6 – варианты I муня; 7-9 – мун II; 10, 11 – мун III.
 Fig. 5. Types and variants of the top: 1-6 – the variants of the 1st type; 7-9 – the 2nd type; 10, 11 – the 3^d type.
 Abb. 5. Typen und Varianten der Säbelscheiden: 1-6 – Varianten des 1. Typs; 7-9 – der 2. Typ; 10, 11 – der 3. Typ.
 Dessin 5. Types et versions de pommeaux: 1-6 – version de type 1; 7-9 – type 2; 10, 11 – type 3

У навершия из Сухой Калины 1/1 спереди и сзади в нижней части - невысокие арочные вырезы (Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1987, с.129, рис.1,8). Своеобразный гибрид 4 варианта I типа и II типа представляет собой навершие из Копани 1/2 (Берестнев С.И., Крыганов А.В., 1990, табл. XXVII, 26).

Тип II. Овальные с двумя боковыми выступами

Навершия этого типа изготовлены в виде овальной в плане обоймы с отходящими вниз двумя подтреугольными выступами. Через основание этих выступов пропущен стержень-заклепка, крепивший навершие к рукояти. Головка заклепки имела отверстие для темляка. К этому типу относятся 17 экз. Их высота 2 - 5 см (рис. 5, 7-9). По-видимому, этот тип наверший появился еще в конце VIII-X вв. Известен он в Больше-Тиганском могильнике (Халикова Е.А., 1976, с.172, рис.4,21) и на Северном Кавказе (Археология СССР. Степи Евразии..., 1981, рис. 94,9).

Тип III. Граненые

К этому типу относятся 2 экз. Навершие из Пролетарского-XXX, 14/5 подцилиндрической формы с выпуклым верхом, на котором находилась бронзовая кнопка-накладка, шестигранное, крепилось с помощью заклепки. Его размеры: высота 4 см, диаметр 2,6 см (рис. 5, 11). Навершие из Александровки-II, 2/1 в виде трехгранной усеченной пирамиды с колечком для темляка. Его высота 4,3 см, диаметр 3,3 см (рис. 5, 10).

Наконечники ножен

Тип I. Уплощенно-цилиндрические

- 1 вариант. Короткие.
- 2 вариант. Квадратные.
- 3 вариант. Длинные.

Тип II. Конусовидные

Наконечников ножен сохранилось всего 40 экз. Почти все относятся к I типу.

Тип I. Уплощенно-цилиндрические

Наконечники этого типа имеют одинаковую форму, на варианты они делятся по пропорциям.

1 вариант. Короткие. К нему относятся 5 экз. Они отличаются тем, что их высота меньше диаметра. Их размеры: высота 2 - 3,5 см, диаметр 3 - 4,9 см (рис. 6, 1).

2 вариант. Квадратные. К нему относятся 4 экз. Высота и диаметр наконечников этого варианта одинаковые, в пределах 4 - 4,5 см (рис. 6, 2).

3 вариант. Длинные. К нему относятся подавляющее большинство наконечников ножен - 29 экз. Высота наконечников этого варианта больше их диа-

метра. Их размеры: высота 3,4 - 28 см, диаметр 2,4 - 4,5 см (рис. 6, 3).

Тип II. Конусовидные

К нему относятся 2 экз. Наконечники ножен в виде перевернутого вверх основанием конуса, нижняя часть закручена. Высота их 6 см и 11,5 см. Подобный тип наконечника ножен обнаружен у сабли из п.8 грунтового могильника № 3 у хут. Ленина, на восточном берегу Краснодарского водохранилища. Он сочетался с перекрестием типа III.5, как и у сабли из Центрлабы 8/2 (рис. 6, 4).

Наклон стержня рукояти

Тип I. 2° - 7° (45 экз.)

Тип II. 8° - 13° (24 экз.)

Тип III. больше 13° (1 экз.)

Тип IV. Наклон стержня в сторону спинки 4° - 7° (3 экз.)

У 73 экземпляров (1 - дополнительный источник) стержень рукояти сохранился достаточно хорошо, чтобы четко зафиксировать величину угла наклона. У 10 экз. стержень значительно обломан, хотя и видно, что был наклонен (рис. 6, 5-8).

Острие

Тип I. Узкое острое. (27 экз.)

Тип II. Штыковидное. (6 экз.)

Тип III. Узкое тупое. (4 экз.)

Тип IV. Широкое острое. (31 экз.)

Тип V. Широкое тупое. (24 экз.)

Тип острия определен только у 92 экз. (рис. 6, 9-13). У остальных клинков либо обломан кончик, либо острие закрыто наконечником ножен. У 68 экз. (70%) - заостренный конец клинка. У 55 экз. (60%) - острие широкое. В каждом типе, кроме III, острие есть как двулезвийное, так и однолезвийное. Двулезвийность острия зафиксирована лишь у 32 сабель (24%). Но, по-видимому, эта цифра должна быть больше, так как не все авторы публикаций и отчетов обращали внимание на эту деталь. Длина двулезвийного острия в какой-то мере зависела от длины клинка и колебалась от 9 см до 27 см. Как уже было сказано выше, острие одной сабли (Каирка 3/1) имеет ярко выраженную елмань шириной 5,5 см (ширина сабли у основания клинка - 3,6 см) (рис. 6, 14).

Корреляция дополнительных признаков

Наиболее устойчивое сочетание дополнительных признаков таково: перекрестие типа II.1 (после точки - номер варианта), навершие типа I.3, наконечник ножен типа I.3, наклон стержня рукояти I типа, острие типа -IV (- однолезвийное, + двулезвийное острие), что подтверждается корреляцией признаков попарно. Подобное сочетание дополнительных признаков (от 3 до 5)

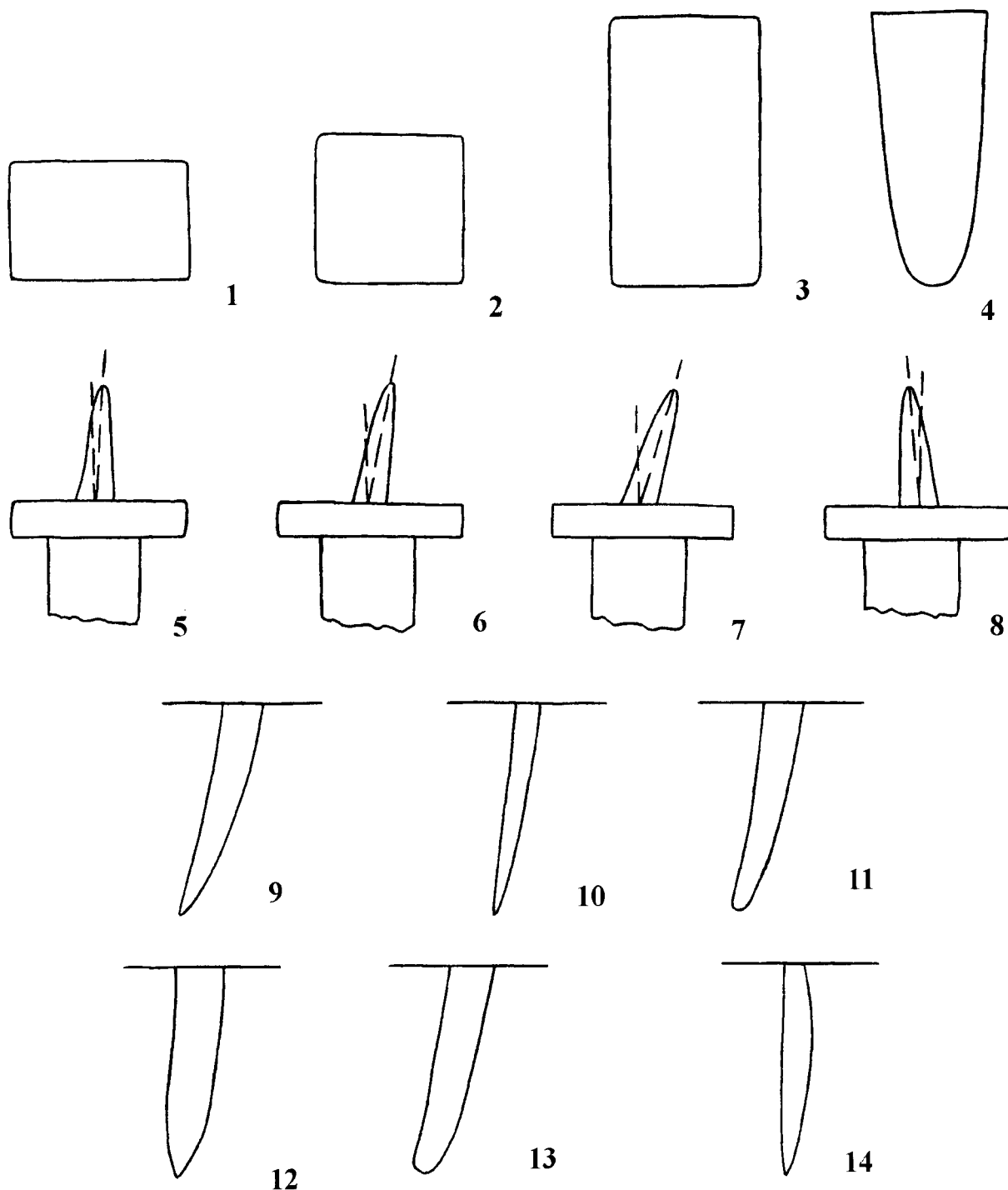

Рис. 6. Типы и варианты наконечников ножен: 1-3 – варианты I типа, 4 – тип II. Типы наклона стержня рукоятки: 5-8 – типы I-IV. Типы острия: 9-13 – типы I-V, 14 – острие с елманью.

Fig. 6. Types and variants of the sheath head: 1-3 – the variants of the 1st type, 4 – the 2nd type. Types of the haft pivot pitch: 5-8 – the 1st-4th types. Types of the point: 9-13 – the 1st-5th types, 14 – the point with the curve.

Abb. 6. Typen und Varianten der Scheidenspitzen: 1-3 – Varianten des 1. Typs, 4 – der 2. Typ. Die Typen der Neigung der Griffstange: 5-8 – die 1.-4. Typen. Die Spitzentypen: 9-13 – die 1.-5. Typen, 14 – Spitze mit Vorsatz.

Dessin 6. Types et versions de pointe de la gaine: 1-3 – version de type 1; 4 – type 2. Types de penchement de la poignée: 5-8 – types 1-4. Types de tranchant: 9-13 – types 1-5, 14 – tranchant avec elmagñiia

имеют 6 сабель: Таборовка-III, 1/5, Южный 2/1, Дубовики-I, 1/3, Ольховатка-II, 4/1, Чингул 5/3, Новотитаровка 1/4. У всех 6 сабель максимальный участок изгиба клинка - в центральной трети. У 4 экз. кривизна средняя (K_2), длина и ширина большие (D_3 и $Ш_3$). Три сабли (Ново-Александровка-I, 48/1, Лебеди-I, 3/6, Краснополка 271/2) имеют по 2 из перечисленных дополнительных признака. Две из них со слабой кривизной (K_1), длинные (D_3) и широкие ($Ш_3$).

По 2 сабли имеют 3 одинаковых дополнительных признака: перекрестие типа III.1, наклон стержня рукояти типа II, острие тип -I (Кут 23/4 и Новоселицкое 1/3);

навершие типа I.1, наклон стержня рукояти типа I, острие типа -IV (Широкое-I, 4/1 и Каменка 26/1);

навершие типа II, наконечник ножен типа I.3, наклон стержня рукояти II типа (Кировский-V, 1/1 и Терны, п.1);

перекрестие типа III.1, наклон стержня рукояти I типа, острие типа -V (Острый 1/1 и Дмитриевка 1/1);

перекрестие типа III.3, навершие типа I.4, острие типа -IV (Карповка 1/1 и Павлоград-I, 7/1);

перекрестие типа I.1, наконечник ножен типа I.3, наклон стержня рукояти I типа (Тузулки 9/14 и Дмитриевская-I, 4/1);

перекрестие типа I.3, навершие II типа, наклон стержня рукояти I типа (Арпачин-II, 23/5 и Булганакское городище, п.1);

перекрестие типа I.3, навершие II типа, острие типа +I (Самойлово 2/2 и Булганакское городище, п.1).

Корреляция дополнительных признаков с наиболее массовыми разновидностями клинков (кроме № 5, где сохранилось небольшое количество перекрестий, наверший и т.д.) дала следующие результаты (табл. 2).

Перекрестие I типа чаще всего встречается у разновидности № 14 (7 из 15). Перекрестие типа II.1 чаще всего связано с разновидностью № 23 (5 из 8), реже с разновидностью клинка № 13 (5 из 16) и 14 (4 из 15). Перекрестие III типа чаще встречается с разновидностями № 4 (7 из 12) и № 13 (9 из 16).

Навершие I типа наиболее тесно связаны с пятью разновидностями: № 23 (4 из 4), № 13 (7 из 8), № 4 (6 из 8), № 7 (3 из 4), № 14 (8 из 13). II тип навершия чаще всего встречается у разновидности № 14 (4 из 13).

Наиболее многочисленный тип наконечника ножен I.3 тесно связан с 3-мя разновидностями: № 23 (3 из 3), № 14 (10 из 11), № 13 (6 из 10).

I тип наклона стержня рукояти наиболее тесно связан с разновидностями: № 23 (3 из 4), № 4 (10 из 14), № 14 (9 из 15), № 7 (3 из 5), № 13 (9 из 16). II тип наклона стержня рукояти чаще всего встречается у разновидностей: № 7 (2 из 5), № 14 (6 из 15), № 13 (6 из 16) и № 4 (4 из 14).

Только I, IV и V типы острия дали результаты при корреляции с разновидностями клинков. I тип острия чаще всего встречается у разновидностей: № 15 (5 из 5), № 8 (4 из 7), № 7 (4 из 8) и № 4 (5 из 15). IV тип острия

чаще встречен у разновидностей: № 14 (9 из 17), № 13 (7 из 14), № 23 (3 из 6). V тип острия связан с такими разновидностями: № 4 (5 из 15), № 14 (5 из 17) и № 13 (4 из 14).

Корреляция типобразующих и дополнительных признаков

Процентное соотношение типов дополнительных признаков по отношению к каждому из типобразующих признаков (кривизна, участок максимальной кривизны, пропорции и их составляющие - длина и ширина клинка) представлено на таблицах 3 - 7. Процентное соотношение вычислялось следующим образом. Например: каково количество процентов перекрестий I, II и III типов у слабоизогнутых сабель (K_1)? Сравнивались не абсолютные данные 5, 6 и 16, а их доли по отношению к количеству перекрестий каждого типа, то есть 5/16, 6/24 и 16/36. Такой же принцип применялся при вычислении процентного соотношения внутри типов по отношению к типобразующему признаку. Например, чтобы определить, как распределялся I тип перекрестия среди сабель с K_1 , K_2 и K_3 , сравнивались не абсолютные данные 5, 10 и 1, а их доли по отношению к количеству сабель с K_1 , K_2 и K_3 , у которых сохранились перекрестия, то есть 5/27, 10/36 и 1/13.

Необходимо обратить внимание на численность выборки. К выводам по выборкам, составляющим 5% и менее от общего количества, нужно относиться осторожно, так как достаточно велика вероятность ошибки. Таковыми, например, являются III тип навершия (3.9 - 4%), II тип наконечника ножен (5%), III и IV типы наклона стержня рукояти (1.4% и 4.2%), III тип острия (4.4%). К подобным можно отнести и сабли с $У_1$ - 4.5%.

Кривизна

1. Перекрестие

Почти половина (49%) слабоизогнутых клинков имеют перекрестие. Среди них преобладает III тип (43.3%). У среднеизогнутых клинков 57% имеют перекрестия. Преобладающим типом является I - 41.7%. Среди сильноизогнутых сабель 81% с перекрестиями. Преобладающий тип II - 58.7%. Процентное соотношение перекрестий внутри типов таково: большинство перекрестий I типа (51.5%) относится к клинкам с K_2 ; большинство перекрестий II типа (50.5%) относится к клинкам с K_3 ; большинство перекрестий III типа (42.5%) относится к саблям с K_1 .

2. Навершие

Среди слабоизогнутых клинков только 35% имеют навершие. В процентном соотношении они распределяются почти одинаково: II тип - 52.8%, I тип - 47.2%. Наверший III типа у слабоизогнутых клинков нет. 41% среднеизогнутых сабель имеет навершие. Большинство (49%) принадлежит III типу.

№ разновидности	Шифр разновидности клинка	Количество	Тип перекрестия	Тип навершия	Тип наконечника ножен	Тип наклона стержня рукояти	Тип острия
4	K ₁ Y ₂ П ₁	20	III (7) 12	I (6) 8	Не выделяется	I (10), II (4) 14	I (5), V (5) 15
7	K ₁ Y ₃ П ₁	10	Не выделяется	I (3) 4	Не выделяется	I (3), II (2) 5	I (4) 8
8	K ₁ Y ₃ П ₂	9	Не выделяется	Не выделяется	Не выделяется	Не выделяется	I (4) 7
13	K ₂ Y ₂ П ₁	23	III (9), II.1 (5) 16	I (7) 8	I.3 (6) 10	I (9), II (6) 16	IV (7), V (4) 14
14	K ₂ Y ₂ П ₂	29	I (7), II.1 (4), III (4) 15	I (8), II (4) 13	I.3 (10) 11	I (9), II (6) 15	IV (9), V (5) 17
15	K ₂ Y ₂ П ₃	5	Не выделяется	Не выделяется	Не выделяется	Не выделяется	I (5) 5
23	K ₃ Y ₂ П ₂	8	II.1 (5), III (3) 8	I (4) 4	I.3 (3) 3	I (3) 4	IV (3) 6

Табл. 2. Корреляция дополнительных признаков с наиболее массовыми разновидностями клинков.

Table 2. The correlation of the additional features with the most frequent types of the blades.

Tafel 2. Korrelation der zusätzlichen Merkmale mit den Höchstmassenklingeabarten.

Tableau 2. Corrélation des indices supplémentaires par rapport à la courbure de la lame

Кривизна клинка	Типы дополнит. признаков	Перекрестие (76)*				Навершие (50)*				Наконечник ножен (40)			Наклон стержня рукояти (71)*					Острие (91)*					
		I (16)	II (24)	III (36)	Всего	I (34)	II (14)	III (2)	Всего	I (38)	II (2)	Всего	I (44)	II (23)	III (1)	IV (3)	Всего	I (27)	II (6)	III (4)	IV (30)	V (24)	Всего
K ₁ (55)	Абсол. количество	5	6	16	27	13	6	0	19	7	0	7	18	7	1	1	27	14	3	3	9	13	42
	% соотн. типов	32,4	24,3	43,3	100	47,2	52,8	0	100	100	0	100	20	14,8	48,9	16,3	100	19,4	19,3	28,9	11,5	20,9	100
	% соотн. внутри типа	34,3	20,8	42,5		29,7	50,6	0		36,4	0		36,4	25	100	40,7		37,5	32,1	41,7	20,4	46,5	
K ₂ (63)	Абсол. количество	10	11	15	36	16	8	2	26	25	0	25	22	13	0	2	37	10	2	0	17	10	39
	% соотн. типов	41,7	30,5	27,8	100	23	28	49	100	100	0	100	28,9	32,6	0	38,5	100	21,9	19,8	0	33,6	24,7	100
	% соотн. внутри типа	51,5	28,7	29,9		26,8	49,4	100		36,4	0		32,4	33,8	0	59,3		28,8	23	0	41,5	38,5	
K ₃ (16)	Абсол. количество	1	7	5	13	5	0	0	5	6	2	8	4	3	0	0	7	3	1	1	4	1	10
	% соотн. типов	13,4	58,7	27,9	100	100	0	0	100	13,6	86,4	100	41	59	0	0	100	15,8	23,7	35,6	19	5,9	100
	% соотн. внутри типа	14,2	50,5	27,6		43,5	0	0		27,2	100		31,2	41,2	0	0		33,7	44,9	58,3	38,1	15	

Табл. 3. Процентное соотношение дополнительных признаков по отношению к кривизне клинка.

Table 3. The percentage of the additional features to the curvature of the blade.

Tafel 3. Prozentverhältnis der zusätzlichen Merkmale in Bezug auf die Klingekrümmung.

Tableau 3. Corrélation de pourcentage des indices supplémentaires par rapport à la courbure de la lame

* В таблицах №№ 3-7 учет дополнительных признаков не одинаков, поскольку в таблицах №№ 5-7 учтены дополнительные признаки прямой сабли из Капрки 3/1.

Среди сильноизогнутых сабель только 31% имеет навершия. Все они (100%) относятся к I типу. Процентное соотношение внутри типов: большинство наверший I типа (43.5%) относится к клинкам с K_3 . Навершия II типа практически одинаково распределены среди клинков с K_1 (50.6%) и K_2 (49.4%). Все 100% наверший III типа относятся к клинкам с K_2 .

3. Наконечник ножен

Только 13% слабоизогнутых клинков имеют наконечник ножен, все они (100%) - I типа. Среди среднеизогнутых сабель 40% имеют наконечник ножен и также 100% - I типа. Из сильноизогнутых клинков 50% имеют наконечник ножен. Большинство (86.4%) - II типа. Процентное соотношение наконечников ножен внутри типов: по 36.4% наконечников I типа имеют клинки с K_1 и K_2 . Чуть меньше (27.2%) наконечников I типа у сабель с K_3 . 100% наконечников II типа относится к клинкам с K_3 .

4. Наклон стержня рукояти

Почти у половины (49%) слабоизогнутых сабель есть наклон стержня рукояти. Большинство (48.9%) - III тип. 59% среднеизогнутых сабель имеют наклон стержня рукояти. Полностью отсутствует III тип. Процентное соотношение между остальными типами приблизительно равномерное. Среди 44% сильноизогнутых сабель, имеющих наклон стержня рукояти, полностью отсутствуют III и IV типы. Преобладает II тип - 59%. Процентное соотношение внутри типов: I тип приблизительно равномерно распределен между всеми саблями, II тип преобладает (41.2%) у клинков с K_3 , 100% III типа у сабель с K_1 , преобладающее большинство IV типа (59.3%) у сабель с K_2 .

5. Острие

У 76% слабоизогнутых сабель определим тип острия. Однако ни один из типов не является преобладающим. Немного выделяется III тип - 28.9%. У 62% среднеизогнутых сабель определим тип острия. Полностью отсутствует III тип. Процентное соотношение остальных более или менее равномерное, немного выделяется IV тип (33.6%). У 63% сильноизогнутых сабель определим тип острия. Ни один из типов не преобладает. Выделяется III тип - 35.6%. Очень незначителен процент V типа - всего 5.9%. Процентное соотношение внутри типов: I тип приблизительно равномерно распределен между саблями, II тип преобладает у сабель с K_3 (44.9%), III тип также чаще (58.3%) встречается у сабель с K_3 . IV тип является преобладающим для сабель с K_2 (41.5%), V тип преобладает у сабель с K_1 (46.5%).

Участок максимального изгиба клинка

1. Перекрестие

Только 33% сабель с Y_1 имеют перекрестие. Все 100% - III типа. 60% сабель с Y_2 имеют перекрестие. Ни один из типов не преобладает, их процентное соотношение приблизительно одинаковое. 48% сабель с Y_3 имеют перекрестие. Немного выделяется I тип - 37.5%, II и III типы имеют одинаковое количество - по 31.5%. Процентное соотношение внутри типов: I тип преобладает у сабель с Y_3 (52%), полностью отсутствует у сабель с Y_1 . II тип приблизительно равномерно распределен между саблями с Y_2 (51.6%) и саблями с Y_3 (48.4%). Полностью отсутствует у сабель с Y_1 . III тип преобладает у сабель с Y_1 (52.1%).

2. Навершие

33% клинков с Y_1 имеют навершие. Преобладает II тип (70.8%). Полностью отсутствует III тип. 38% сабель с Y_2 имеют навершие. Немного выделяется III тип - 39.9%. У 33% сабель с Y_3 имеется навершие. Преобладает II тип (54.8%). Полностью отсутствует III тип. Процентное соотношение внутри типов: I тип преобладает у сабель с Y_2 (45.4%), II тип преобладает у сабель с Y_1 (45.9%), III тип - полностью 100% у сабель с Y_2 .

3. Наконечник ножен

Только 17% сабель с Y_1 имеют наконечник ножен. Все 100% - I типа. 30% сабель с Y_2 имеют наконечник ножен. Преобладает (57.6%) II тип. 33% сабель с Y_3 имеют наконечник ножен, полностью 100% - I тип. Процентное соотношение внутри типов: I тип - одинаковое количество у сабель с Y_1 и Y_3 (34.1%), чуть меньше у сабель с Y_2 - 31.8%. II тип - все 100% у сабель с Y_2 .

4. Наклон стержня рукояти

У 50% сабель с Y_1 зафиксирован наклон стержня рукояти. Преобладает (95.7%) III тип. Полностью отсутствуют II и IV типы. У 55% сабель с Y_2 зафиксирован наклон стержня рукояти. Полностью отсутствует III тип, преобладают II (42.3%) и I (40.7%) типы. У 48% сабель с Y_3 имеется наклон стержня рукояти. Полностью отсутствует III тип, преобладает IV тип (66.7%). Процентное соотношение внутри типов: I тип распределен приблизительно равномерно между всеми саблями, II тип отсутствует у сабель с Y_1 , приблизительно равномерно распределен между саблями с Y_2 (52.9%) и Y_3 (47.1%). III тип - все 100% у сабель с Y_1 , IV тип преобладает (89.4%) у сабель с Y_3 .

5. Острие

У всех сабель с Y_1 определим тип острия. Полностью отсутствуют I, II, III типы. Преобладает V тип - 86.2%. У 66% сабель с Y_2 определим тип острия. Все типы достаточно равномерно распределены. У 67% сабель с Y_3 определим тип острия. Выделяется I тип - 33.6%. Процентное соотношение внутри типов: I тип полностью отсутствует у сабель с Y_1 , преобладает у сабель с Y_3 - 65%. II тип полностью отсутствует у сабель с Y_1 , преобладает у сабель с Y_2 (57.3%). III тип

Участ. макс. крив. клинка	Типы дополнит. признаков	Перекрестие (76)				Навершие (50)				Наконечник ножен (40)			Наклон стержня рукоятки (71)					Острие (91)					
		I (16)	II (24)	III (36)	Всего	I (34)	II (14)	III (2)	Всего	I (38)	II (2)	Всего	I (44)	II (23)	III (1)	IV (3)	Всего	I (27)	II (6)	III (4)	IV (30)	V (24)	Всего
У ₁ (6)	Абсол. количество	0	0	2	2	1	1	0	2	1	0	1	2	0	1	0	3	0	0	0	1	5	6
	% соотн. типов	0	0	100	100	29,2	70,8	0	100	100	0	100	4,3	0	95,7	0	100	0	0	0	13,8	86,2	100
	% соотн. внутри типа	0	0	52,1		32,8	45,9	0		34,1	0		36,2	0	100	0		0	0	0	19,8	72	
У ₂ (101)	Абсол. количество	13	20	28	61	27	10	2	39	28	2	30	35	19	0	1	55	18	5	3	23	18	67
	% соотн. типов	33,5	34,4	32,1	100	31,6	28,5	39,9	100	42,4	57,6	100	40,7	42,3	0	17	100	17,7	22,1	19,9	20,4	19,9	100
	% соотн. внутри типа	48	51,6	23,9		45,4	23,5	100		31,8	100		34,6	52,9	0	10,6		35	57,3	44,6	40,7	23,2	
У ₃ (27)	Абсол. количество	3	4	6	13	6	3	0	9	9	0	9	7	4	0	2	13	9	1	1	6	1	18
	% соотн. типов	37,5	31,25	31,25	100	45,2	54,8	0	100	100	0	100	15,9	17,4	0	66,7	100	33,6	16,8	25,2	20,2	4,2	100
	% соотн. внутри типа	52	48,4	24		21,8	30,6	0		34,1	0		29,2	47,1	0	89,4		65	42,7	55,4	39,5	4,8	

Табл. 4. Процентное соотношение дополнительных признаков по отношению к участку максимальной кривизны клинка.

Table 4. The percentage of the additional features to the maximum curvature section of the blade.

Tafel 4. Prozentverhältnis der zusätzlichen Merkmale in Bezug auf den maximalen Krümmungsteil.

Tableau 4. Corrélation de pourcentage des indices supplémentaires par rapport à l'espace de la courbure maximale de la lame

Пропорции клинка	Типы дополнит. признаков	Перекрестие (77)				Навершие (51)				Наконечник ножен (40)			Наклон стержня рукояти (72)					Острие (92)					
		I (16)	II (24)	III (37)	Всего	I (35)	II (14)	III (2)	Всего	I (38)	II (2)	Всего	I (44)	II (24)	III (1)	IV (3)	Всего	I (27)	II (6)	III (4)	IV (3D)	V (24)	Всего
п, (65)	Абсол. количество	5	13	23	41	20	5	1	26	17	1	18	26	14	0	2	42	15	2	2	14	12	45
	% соотн. типов	21	37	42	100	40	25	35	100	47,2	52,8	100	32	32	0	36	100	23,6	14,6	21,3	19,2	21,3	100
	% соотн. внутри типа	13,5	48	39		53	13	46		35	18		35,7	29	0	55		29	18	46	33	46	
п ² (60)	Абсол. количество	9	11	12	32	15	6	1	22	18	0	18	16	8	1	1	26	7	3	2	15	12	39
	% соотн. типов	41,8	34,1	24,1	100	31,6	31,6	36,8	100	100	0	100	17,9	16,4	49,3	16,4	100	11,5	22,3	22,3	21,6	22,3	100
	% соотн. внутри типа	31,1	52	26		47	19	54		37	0		35,5	27	100	45		16	31	54	41	54	
п ³ (10)	Абсол. количество	2	0	2	4	0	3	0	3	3	1	4	2	2	0	0	4	5	1	0	2	0	8
	% соотн. типов	70	0	30	100	0	100	0	100	13,6	86,4	100	35	65	0	0	100	44,5	40	0	15,5	0	100
	% соотн. внутри типа	55,4	0	35		0	68	0		28	82		28,8	44	0	0		55	51	0	26	0	

Табл. 5. Процентное соотношение дополнительных признаков по отношению к пропорциям клинка.

Table 5. The percentage of the additional features to the proportions of the blade.

Tafel 5. Prozentverhältnis der zusätzlichen Merkmale in Bezug auf die Klinge proportion.

Tableau 5. Corrélation de pourcentage des indices supplémentaires par rapport aux proportions de la lame

полностью отсутствует у сабель с $У_1$, преобладает у сабель с $У_3$ (55.4%). IV тип достаточно равномерно распределен между саблями с $У_2$ и $У_3$ (40.7% и 39.5%), остальные 19.8% у сабель с $У_1$. V тип преобладает у сабель с $У_1$ - 72%.

Пропорции

1. Перекрестие

62.5% сабель с $П_1$ имеют перекрестие. Преобладает III тип (40.4%). 53% сабель с $П_2$ имеют перекрестие. Преобладает I тип (41.8%). 45% сабель с $П_3$ имеют перекрестие. Большинство - I тип (62%). Полностью отсутствует II тип. Процентное соотношение внутри типов: I тип преобладает у сабель с $П_3$ (49.6%), II тип приблизительно равномерно распределен между саблями с $П_2$ (51.4%) и $П_1$ (48.6%). Полностью отсутствует у сабель с $П_3$. III тип приблизительно равномерно распределен между саблями с $П_3$ (39.3%) и $П_1$ (36.1%), несколько меньше у сабель с $П_2$ - 24.6%.

2. Навершие

39% сабель с $П_1$ имеют навершие. Ни один из типов не преобладает. 37% сабель с $П_2$ имеют навершие. Ни один из типов также не преобладает. У 36% сабель с $П_3$ имеется навершие, подавляющее большинство (88%) - II тип. Полностью отсутствует III тип. Процентное соотношение внутри типов: I тип приблизительно равномерно распределен между саблями с $П_1$ (45%) и $П_2$ (40%), только 15% у сабель с $П_3$. II тип преобладает у сабель с $П_3$ (61.3%), III тип полностью отсутствует у сабель с $П_3$, приблизительно равномерно распределен между саблями с $П_1$ (46.8%) и $П_2$ (53.2%).

3. Наконечник ножен

Только 28% сабель с $П_1$ имеют наконечник ножен. Они приблизительно равномерно распределены между II (52.8%) и I (47.2%) типами. 30% сабель с $П_2$ имеют наконечник ножен. Все 100% - I тип. 36% сабель с $П_3$ имеют наконечник ножен, подавляющее большинство у II типа - 86.4%. Процентное соотношение внутри типов: I тип приблизительно равномерно распределен между всеми саблями, II тип преобладает у сабель с $П_3$ (82%).

4. Наклон стержня рукояти

У 64% сабель с $П_1$ зафиксирован наклон стержня рукояти. Они приблизительно равномерно распределены между I, II и IV типами, III тип полностью отсутствует. У 43% сабель с $П_2$ зафиксирован наклон стержня рукояти, преобладает (49.3%) III тип. У 45% сабель с $П_3$ есть наклон стержня рукояти, преобладает (73%) II тип. Полностью отсутствуют III и IV типы. Процентное соотношение внутри типов: I тип преобладает у сабель с $П_2$ (42.3%), II тип преобладает у сабель с $П_3$ (53.2%), III тип - полностью

100% у сабель с $П_2$. IV тип полностью отсутствует у сабель с $П_3$. Преобладает у сабель с $П_1$ (56%).

5. Острие

У 69% сабель с $П_1$ определим тип острия. Они приблизительно равномерно распределены между всеми типами. У 65% сабель с $П_2$ определим тип острия. Они достаточно равномерно распределены между II, III, IV и V типами. I тип острия - всего 11.5%. У 82% сабель с $П_3$ определим тип острия. Полностью отсутствуют III и V типы, подавляющее большинство (59.1%) - тип II. Процентное соотношение внутри типов: I тип преобладает у сабель с $П_3$ (51.6%), II тип преобладает у сабель с $П_3$ (47.6%), III тип приблизительно равномерно распределен между саблями с $П_1$ (47%) и $П_2$ (53%), полностью отсутствует у сабель с $П_3$. IV тип приблизительно равномерно распределен между всеми саблями, V тип полностью повторяет процентное соотношение III типа.

Длина

1. Перекрестие

Только 18% коротких сабель имеют перекрестия. Все они относятся к III типу. Среди сабель средней длины 63% с перекрестиями, преобладает II тип (43.4%). Среди длинных сабель 56% имеют перекрестия, преобладает I тип (47.8%). Процентное соотношение внутри типов: I тип преобладает (65.9%) у длинных сабель, II тип преобладает (66.7%) у сабель средней длины, III тип преобладает (51.4%) у коротких сабель.

2. Навершие

Лишь у 18% коротких сабель есть навершие. Все они относятся к I типу. 31% сабель средней длины имеет навершие. Не преобладает ни один тип. 51% длинных сабель имеет навершие. Преобладает (42.7%) II тип. Процентное соотношение внутри типов: I тип преобладает (42.3%) у коротких сабель, II тип преобладает (67.1%) у длинных сабель, III тип преобладает (55.1%) у сабель средней длины.

3. Наконечник ножен

18% коротких сабель имеют наконечник ножен. Все они относятся к I типу. 23% сабель средней длины имеют наконечник ножен, преобладает (55.9%) II тип. 42% длинных клинков имеют наконечник ножен, преобладает (52.5%) I тип. Процентное соотношение внутри типов: I тип равномерно распределен между всеми саблями, II тип преобладает (57.9%) у сабель средней длины.

4. Наклон стержня рукояти

55% коротких сабель имеют наклон стержня рукояти. Преобладает III тип (70.2%), II тип отсутствует. 54%

клинков средней длины имеют наклон стержня рукояти. III тип полностью отсутствует, I и II типы представлены практически одинаково: 38.4% и 38.1%. Меньше всего доля IV типа - 23.5%. У 53% длинных сабель зафиксирован наклон стержня рукояти, III тип полностью отсутствует, среди остальных преобладающего нет. Процентное соотношение среди типов: I тип распределен приблизительно равномерно, II тип преобладает у длинных сабель (53.5%), III тип - полностью 100% у коротких сабель, IV тип преобладает (72.9%) у коротких сабель.

5. Острие

У 82% коротких сабель определим тип острия. II и III типы полностью отсутствуют, преобладает V тип (48.7%). У 70% сабель средней длины определим тип острия. Преобладает III тип (31.3%). У 62% длинных сабель определим острие. Полностью отсутствует III тип, все остальные типы распределены достаточно равномерно. Процентное соотношение внутри типов: I тип - равномерное распределение среди всех сабель, II тип преобладает (56.9%) у сабель средней длины, III тип - все 100% у сабель средней длины, IV тип преобладает (42.1%) у длинных сабель, V тип преобладает (47.4%) у коротких сабель.

Ширина

1. Перекрестие

У 33% узких сабель сохранилось перекрестие. Большинство (51.9%) из них III типа. У 58% сабель средней ширины есть перекрестие, преобладает (42.1%) I тип. У 67% широких сабель зафиксировано перекрестие. Распределение типов приблизительно равномерное. Процентное соотношение внутри типов: I тип преобладает (47.1%) у сабель средней ширины, II тип преобладает (45.7%) у широких сабель, III тип преобладает (41.8%) у узких сабель.

2. Навершие

У 18.5% узких сабель есть навершие. III тип у них полностью отсутствует. Подавляющее большинство (90.9%) II типа. У 42% сабель средней ширины есть навершие. Большинство (63.6%) III типа. 43% широких сабель имеют навершие. Преобладает II тип (51.3%), III тип полностью отсутствует. Процентное соотношение внутри типов: I тип - почти одинаковое количество у сабель средней ширины (46.6%) и широких сабель (41.6%), у узких сабель всего 11.8%. II тип преобладает (66.6%) у узких сабель, III тип полностью у сабель средней ширины.

3. Наконечник ножен

22% узких сабель имеют наконечник ножен, преобладает II тип - 79.2%. 29% сабель средней ширины имеют наконечник ножен, все 100% I типа. У широких сабель 33% имеют наконечник ножен. Распреде-

ление по типам почти равномерное: I тип - 51.3%, II тип - 48.7%. Процентное соотношение внутри типов: I тип - распределение относительно равномерное между всеми саблями, II тип преобладает у узких сабель (77.8%), полностью отсутствует у сабель средней ширины.

4. Наклон стержня рукояти

У 44% узких сабель выявлен наклон стержня рукояти. Преобладает (75.4%) III тип, отсутствует IV тип. У 38% сабель средней ширины отмечен наклон стержня рукояти. Преобладает (50.7%) IV тип, полностью отсутствует III тип. У 68% широких сабель наблюдается наклон стержня рукояти. Отсутствует III тип, преобладает (44%) II тип. Процентное соотношение внутри типов: I тип относительно равномерно распределен между всеми саблями, II тип преобладает (43.7%) у широких сабель, III тип - все 100% у узких сабель, IV тип преобладает (83.5%) у сабель средней ширины.

5. Острие

У 85% узких сабель определим острие. Ни один из типов не преобладает. У 58% сабель средней ширины определим острие. Ни один из типов не преобладает. Немного выделяется III тип - 29.7%. У 68% широких сабель определим тип острия. Ни один из типов не преобладает. Процентное соотношение внутри типов: I тип преобладает (51.6%) у узких сабель, II тип преобладает (41.3%) также у узких сабель, III тип преобладает (53.5%) у сабель средней ширины, IV тип преобладает (41%) у широких сабель, V тип преобладает (45.8%) у сабель средней ширины.

Две сабли из исследуемой серии резко отличаются от остальных. Это сабли из комплексов Каирка 3/1 и Текстильщик 4/5. Комплекс из Каирки очень богатый и сабля украшена соответственно серебряными позолоченными навершием, накладками рукояти и ножен. Но главная ее особенность не в этом. Как было сказано выше, спинка сабли не изогнута (кривизна равна 0), точнее она слабо выпуклая до 6 мм в районе елмани. Елмань - вторая отличительная особенность этой сабли, она начинается плавной дугой с расстояния 37,5 см от перекрестия и достигает максимального расширения 5,5 см на расстоянии 58,5 см от перекрестия (рис. 1,3). За счет елмани лезвие сабли сильно изогнуто в нижней трети клинка, к тому же, стержень рукояти имеет наклон в 12°. Елмань предназначалась для утяжеления клинка и увеличения силы удара (Нацвеладзе Ю.А., 1979, с.212; фонВинклер П., 1992, с.286). Елмань появляется на саблях в XIV в. (Там же), а по А.Н. Кирпичникову встречается и у сабель X-XIII вв., но крайне редко (Кирпичников А.Н., 1966, с.67). Сабля из Каирки датируется второй половиной XIV в.*

Сабля из Текстильщика, хотя и отнесена формально к 7 типу (К,У П ^, но имеет особенности, которые выделяют ее из серии. Одна из отличительных черт этого клинка состоит в том, что лезвие сабли вогнуто на протяжении 66,7 см (2/3 клинка), и только нижняя треть лезвия плавно выгну-

Длина клинка	Типы дополнит. признаков	Перекрестие (77)				Навершие (51)				Наконечник ножен (40)			Наклон стержня рукояти (72)					Острие (92)					
		I (16)	II (24)	III (37)	Всего	I (35)	II (14)	III (2)	Всего	I (38)	II (2)	Всего	I (44)	II (24)	III (1)	IV (3)	Всего	I (27)	II (6)	III (4)	IV (31)	V (24)	Всего
Д ₁ (11)	Абсол. количество	0	0	2	2	2	0	0	2	2	0	2	4	0	1	1	6	3	0	0	2	4	9
	% соотн. типов	0	0	100	100	100	0	0	100	100	0	100	6,4	0	70,2	23,4	100	32,5	0	0	18,8	48,7	100
	% соотн. внутри типа	0	0	51,4		42,3	0	0		44,6	0		35,6	0	100	72,9		36,8	0	0	23,7	47,4	
Д ₂ (71)	Абсол. количество	7	18	20	45	17	4	1	22	15	1	16	24	13	0	1	38	15	4	4	16	11	50
	% соотн. типов	25,3	43,4	31,3	100	38,2	22,5	39,3	100	44,1	55,9	100	38,4	38,1	0	23,5	100	17,4	20,9	31,3	16,1	14,3	100
	% соотн. внутри типа	34,1	66,7	22,9		32,7	32,9	55,1		32,4	57,9		33,8	46,5	0	11,5		33,1	56,9	100	34,2	23,5	
Д ₃ (53)	Абсол. количество	9	6	15	30	16	10	1	27	21	1	22	16	11	0	1	28	9	2	0	13	9	33
	% соотн. типов	47,8	19,9	32,3	100	27,4	42,7	29,9	100	52,5	47,5	100	31,5	39,7	0	28,8	100	22,8	22,8	0	28,7	25,7	100
	% соотн. внутри типа	65,9	33,3	25,7		25	67,1	44,9		33	42,1		30,6	53,5	0	15,6		30,1	43,1	0	42,1	29,1	

Табл. 6. Процентное соотношение дополнительных признаков по отношению к длине клинка.

Table 6. The percentage of the additional features to the length of the blade.

Tafel 6. Prozentverhältnis der zusätzlichen Merkmale in Bezug auf die Klingelänge.

Tableau 6. Corrélation de pourcentage des indices supplémentaires par rapport à la longueur de la lame

Ширина клинка	Типы дополнит. признаков	Перекрестие (77)				Навершие (51)				Наконечник ножен (40)			Наклон стержня рукояти (72)					Острие (92)					
		1 (16)	II (24)	III (37)	Всего	I (35)	II (14)	III (2)	Всего	I (38)	II (2)	Всего	I (44)	II (24)	III (1)	IV (3)	Всего	I (27)	II (6)	III (4)	IV (31)	V (24)	Всего
ш ₁ (27)	Абсол. количество	1	2	6	9	1	4	0	5	5	1	6	7	4	1	0	12	11	2	1	6	3	23
	% соотн. типов	21,4	26,7	51,9	100	9,1	90,9	0	100	20,8	79,2	100	12	12,6	75,4	0	100	31,1	25,5	19,1	14,8	9,5	100
	% соотн. внутри типа	19,5	26,6	41,8		11,8	66,6	0		29,9	77,8		31,2	36,8	100	0		51,6	41,3	30,3	27,1	17,3	
ш ₂ (45)	Абсол. количество	7	6	13	26	15	2	2	19	13	0	13	12	3	0	2	17	5	2	2	8	9	26
	% соотн. типов	42,1	24,1	33,8	100	27,3	9,1	63,6	100	100	0	100	20,8	28,5	0	50,7	100	11	19,8	29,7	17,2	22,3	100
	% соотн. внутри типа	47,1	27,7	31,3		46,6	8,8	100		35,9	0		37,7	19,5	0	83,5		20,8	36,6	53,5	31,9	45,8	
ш ₃ (63)	Абсол. количество	8	16	18	42	19	8	0	27	20	1	21	25	17	0	1	43	11	2	1	17	12	43
	% соотн. типов	31,6	39,5	28,9	100	48,7	51,3	0	100	51,3	48,7	100	35,3	44	0	20,7	100	20	16,3	12,3	26,9	24,5	100
	% соотн. внутри типа	33,4	45,7	26,9		41,6	24,6	0		34,2	22,2		31,1	43,7	0	16,5		27,6	22,1	16,2	41	36,9	

Табл. 7. Процентное соотношение дополнительных признаков по отношению к ширине клинка.

Table 7. The percentage of the additional features to the width of the blade.

Tafel 7. Prozentverhältnis der zusätzlichen Merkmale in Bezug auf die Klingebreite.

Tableau 7. Correlation de pourcentage des indices supplémentaires par rapport à la largeur de la lame

№ разновидности клинка	2-я пол. X в.	1-я пол. XI в.	2-я пол. XI в.	1-я пол. XII в.	2-я пол. XII в.	1-я пол. XIII в.	2-я пол. XIII в.	1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV в.
0									
1									
2									
4									
5									
6									
7									
8									
9									
10									
13									
14									
15									
16									
17									
22									
23									
24									
25									
26									

Табл. 8. Хронологические рамки бытования разновидностей клинков позднекочевнических сабель Восточной Европы.

Table 8. The chronological limits of the existence of the variety of the late nomadic sabre blades in the Eastern Europe.

Tafel 8. Der chronologische Rahmen des Vorhandenseins von den Klingeabarten der Säbel von Spätnomaden Osteuropas.

Tableau 8. Cadres chronologiques de l'existence des types des lames des sabres des nomades avancés de l'Europe de l'Est

та. В соответствии с лезвием изготовлена и спинка этой сабли. На протяжении 36,7 см (от перекрестия) она прямая, далее на протяжении 33,3 см она слабо выпуклая (до 6 мм), в нижней трети - слабо вогнутая (1,3 см) (рис. 1,4)**. Таким образом, клинок сабли волнообразно изогнут, что не свойственно саблям. Слабую выпуклость спинки в верхней половине клинка из Потока 452/3 отмечала С.А. Плетнева (Плетнева С.А., 1973, с.17). Но, по-видимому, это результат остатков ножен. Клинок сабли из Текстильщика по своей форме чрезвычайно напоминает ятаган (рис. 1,5), который имел лезвие на вогнутой стороне клинка (так называемый обратный изгиб) (ВЭС, 1984, с. 847). Но ятаган известен с XVI в. у народов Ближнего и Среднего Востока (Там же). Перекрестие у ятагана отсутствовало, а рукоять имела специфические расширения ("уши") для упора кисти руки. Сабля из Текстильщика датируется XII в. и представляет собой необычное, оригинальное оружие.

Хотелось бы еще отметить неестественный наклон стержня рукояти в сторону спинки у трех сабель: Самойлово 2/2 (4°), Овальный п.22 (4°), Ново-Ботайск 1/2 (7°). Если это не результат неверной реконструкции, то, возможно, это брак или неудачный эксперимент мастеров.

Хронология

Хронологический анализ исследуемой серии сабель производился следующим образом. Все комплексы были продатированы по погребальному обряду и узкодатируемым вещам. 5 комплексов (Крупская 8/2, Степанцы, к.216, Павловка 2/1, канал Волга-Чограй, к.гр.55, 2/3, Бугундырь-VI, 5/1) имеют широкие хронологические рамки: 2-я половина X - XIV вв.; 1 комплекс (Студенок-5) – кенотаф - не продатирован. Таким образом, 6 сабель из перечисленных комплексов из дальнейших хронологических построений были исключены.

Продатированы все 20 массовых и редких типов и нетипичных разновидностей (табл.8)***. Весь период развитого средневековья (2-я половина X-XIV вв.) функционировали сабли разновидностей № 8 и 14. Широкая датировка (XI-XIV вв.) и у сабель из разновидности № 4. Концом XI-XIII вв. и концом XI-XIV вв. датируются сабли разновидностей № 7 и 13. Сабли из остальных разновидностей датированы более поздним временем. XII-XIII вв. - № 16, 2-й половиной XII - 1-й половиной XIII вв. - № 2, 2-й половиной XII - XIV вв. - № 5, XII - 1-й половиной XIII вв. - № 15, 24, XII - началом

XIV вв. - № 23, конец XII - XIII вв. - № 9, 1-й половиной XIII в. - № 1, XIII в. - № 6, 2-й половиной XIII - серединой XIV вв. - № 10, 2-й половиной XIII - рубежом XIII-XIV вв. - № 26, XIII - началом XIV вв. - № 25, 2-й половиной XIII - XIV вв. - № 17, 22, 2-й половиной XIV в. - № 0.

Далее все сабли (кроме 6) были подвергнуты хронологическому анализу по каждому из типобразующих признаков: кривизне, участку максимальной кривизны, пропорциям клинка и ее составляющим (длине и ширине). Результаты отражены на графиках. Исходя из политической обстановки, сложившейся в период развитого средневековья в степях Восточной Европы, все сабли были разбиты на 3 группы по трем периодам: 2-я половина X - XI вв. (6 экз. - 5%), XII - 1-я половина XIII вв. (76 экз. - 59%), 2-я половина XIII - XIV вв. (47 экз. - 36%).

Кривизна

По периодам сабли распределены следующим образом:

- K₁ 2-я половина X - XI вв. - 7.4% (4)****
- XII - 1-я половина XIII вв. - 70.4% (38)
- 2-я половина XIII - XIV вв. - 22.2% (12)
- K₂ 2-я половина X - XI вв. - 4% (2)
- XII - 1-я половина XIII вв. - 55% (32)
- 2-я половина XIII - XIV вв. - 41% (24)
- K₃ 2-я половина X - XI вв. - 0% (0)
- XII - 1-я половина XIII вв. - 37.5% (6)
- 2-я половина XIII - XIV вв. - 62.5% (10)

Таким образом, пик бытования слабоизогнутых сабель приходится на период XII - 1-я половина XIII вв. - 70.4%, среднеизогнутых - также на этот период - 55%, сильноизогнутых - на золотоордынский период - 62.5% (в период 2-й половины X - XI вв. они полностью отсутствуют) (табл. 9, график № 1). На графике № 2 (табл. 9) представлены доли (%) сабель с K₁, K₂ и K₃ по каждому периоду отдельно. Так, во 2-й половине X - XI вв. преобладали слабоизогнутые сабли - 67%. Сильноизогнутые сабли, как было сказано выше, в этот период отсутствовали. В период XII - 1-я половина XIII вв. картина меняется. Доля слабоизогнутых клинков падает до 50%, доля среднеизогнутых сабель увеличивается с 33% до 42%, появляются сильноизогнутые клинки - 8%. В золотоордынский период преобладают среднеизогнутые сабли - 52%, резко увеличивается (с 8% до 22%) доля сильноизогнутых клинков и так же резко падает количество слабоизогнутых сабель (с 50% до 26%).

* Искренне благодарим А.И.Кубышева за разрешение опубликовать саблю из Каирки 3/1.

** Искренне благодарим М.Л.Швецова за разрешение опубликовать саблю из Текстильщика 4/5 и фрагмент ножен сабли из Самойлово 2/2.

*** Надо иметь в виду, что датировка разновидностей сабель сложилась в результате различного количества имеющихся у нас материалов. Поэтому, вполне возможно, что при новых пополнениях базы данных, хронологические рамки расширятся.

**** В скобках даны абсолютные шифры.

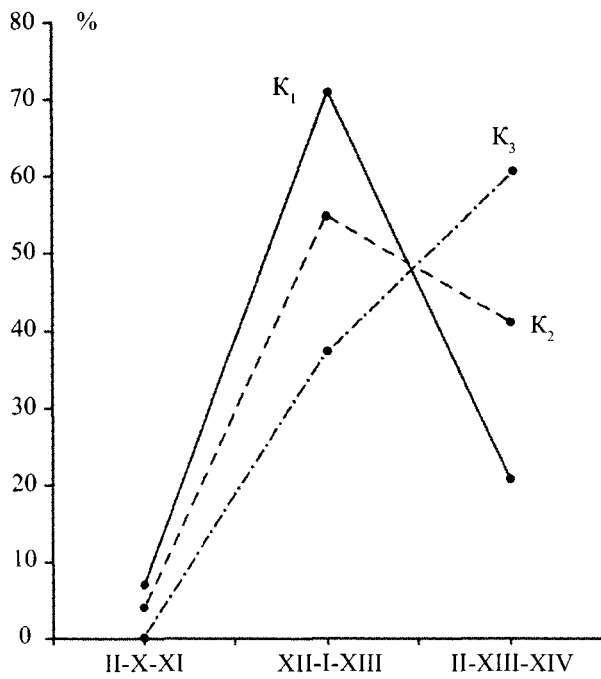

График №1

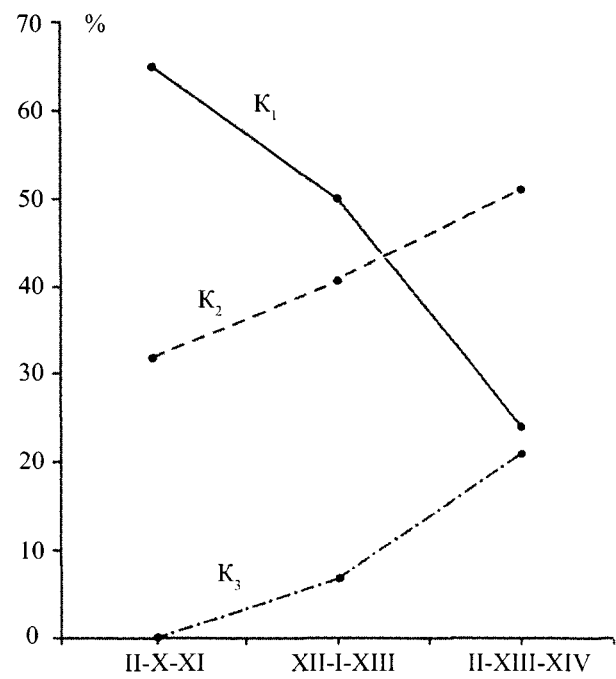

График №2

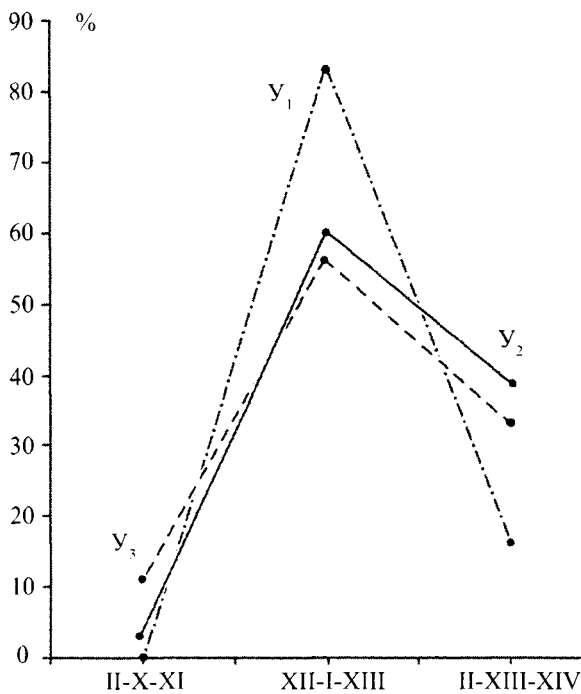

График №3

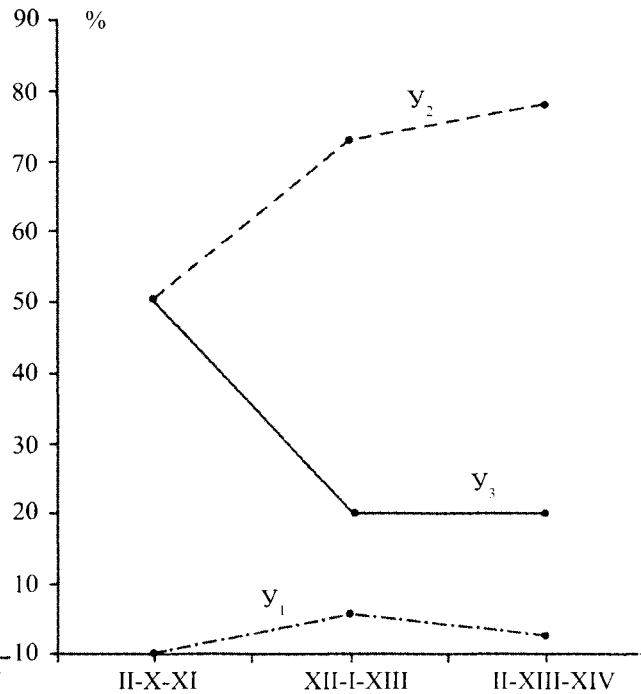

График №4

Табл. 9. Распределение клинков с K_1 , K_2 , K_3 и Y_1 , Y_2 , Y_3 по эпохам.
 Table 9. The distribution of the blades with K_1 , K_2 , K_3 and Y_1 , Y_2 , Y_3 (K is curvature and Y is the maximum curvature section) within the epochs.

Tafel 9. Einteilung der Klingen mit der Krümmung 1 (K_1), Krümmung 2 (K_2), Krümmung 3 (K_3) und mit dem maximalen Krümmungsteil 1 (Y_1), maximalen Krümmungsteil 2 (Y_2), maximalen Krümmungsteil 3 (Y_3) nach Epochen.

Tableau 9. Répartition des lames avec la courbure 1, 2, 3 (K_1 , K_2 , K_3) et l'espace de la courbure maximale 1, 2, 3 (Y_1 , Y_2 , Y_3) d'après les époques

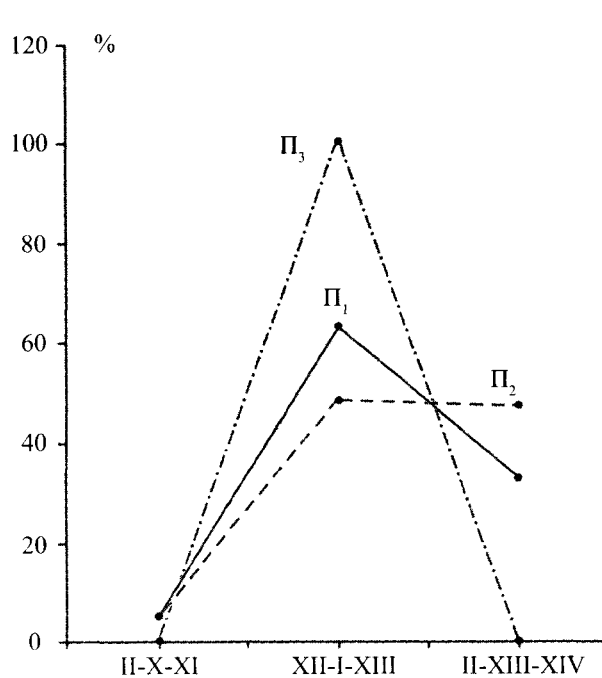

График №5

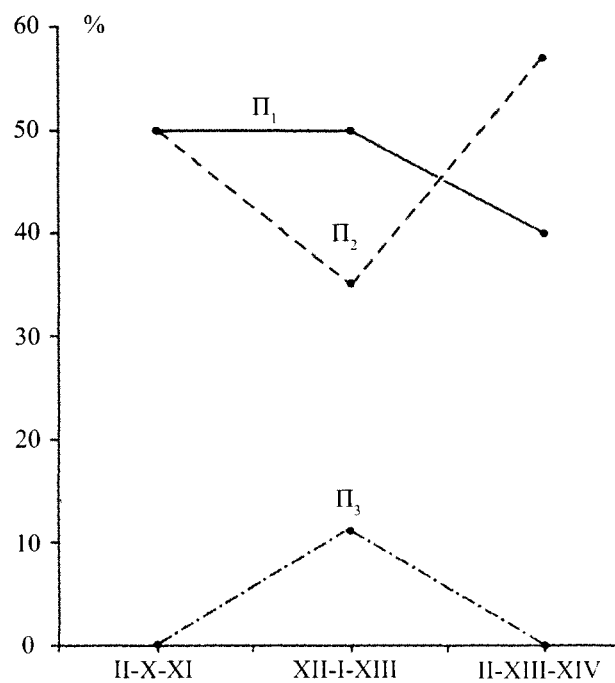

График №6

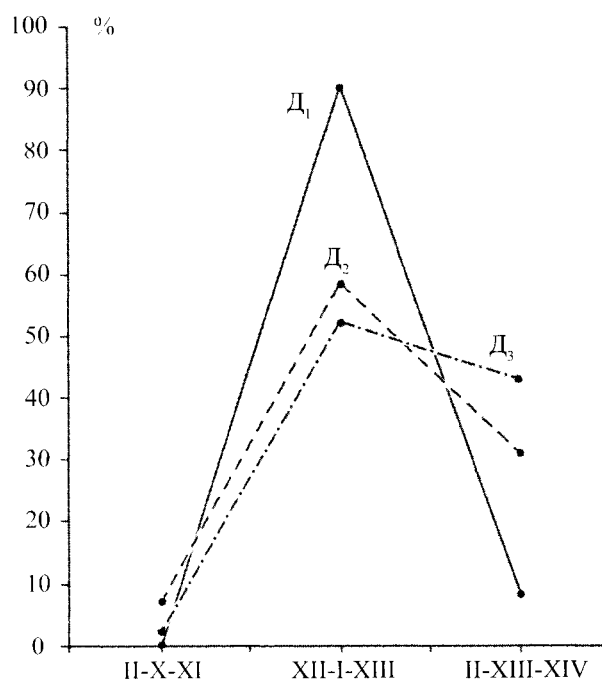

График №7

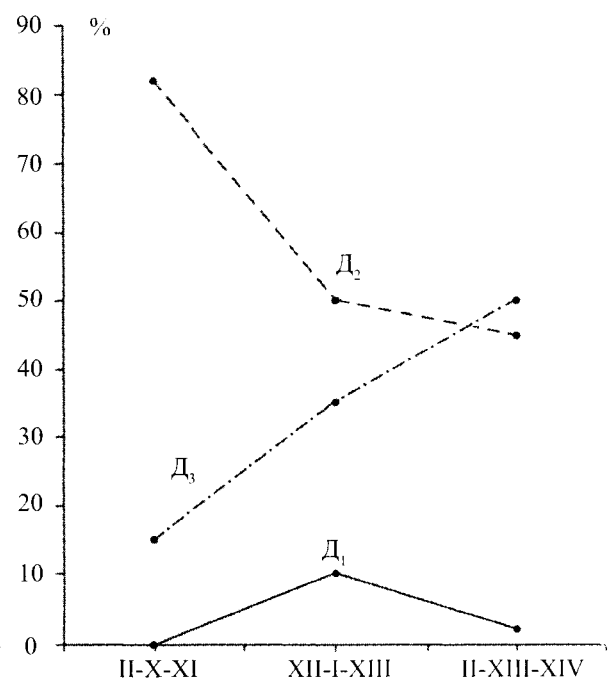

График №8

Табл. 10. Распределение клинков с П₁, П₂, П₃ и Д₁, Д₂, Д₃ по эпохам.
 Table 10. The distribution of the blades with П₁, П₂, П₃ and Д₁, Д₂, Д₃ within the epochs (П is proportions, Д is length).

Tafel 10. Einteilung der Klängen mit der Proportion 1 (П₁), Proportion 2 (П₂), Proportion 3 (П₃) und mit der Länge 1 (Д₁), Länge 2 (Д₂), Länge 3 (Д₃) nach Epochen.

Tableau 10. Répartition des lames avec des proportions 1, 2, 3 (П₁, П₂, П₃) et la longueur 1, 2, 3 (Д₁, Д₂, Д₃) d'après les époques

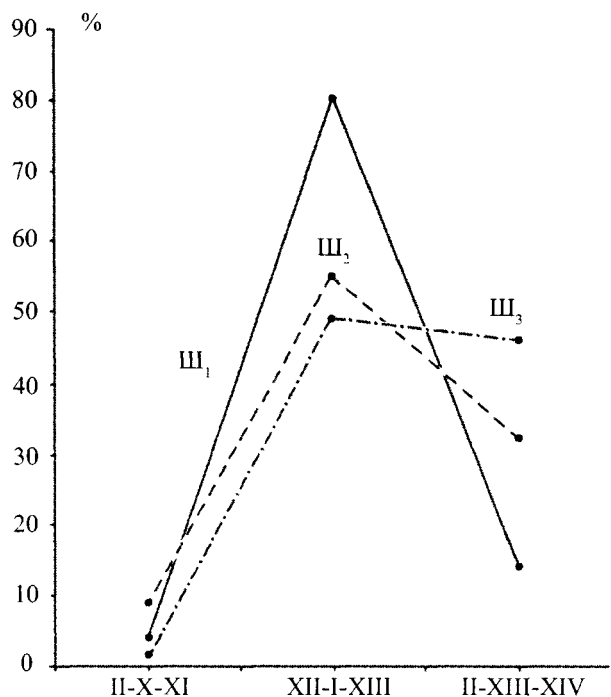

График №9

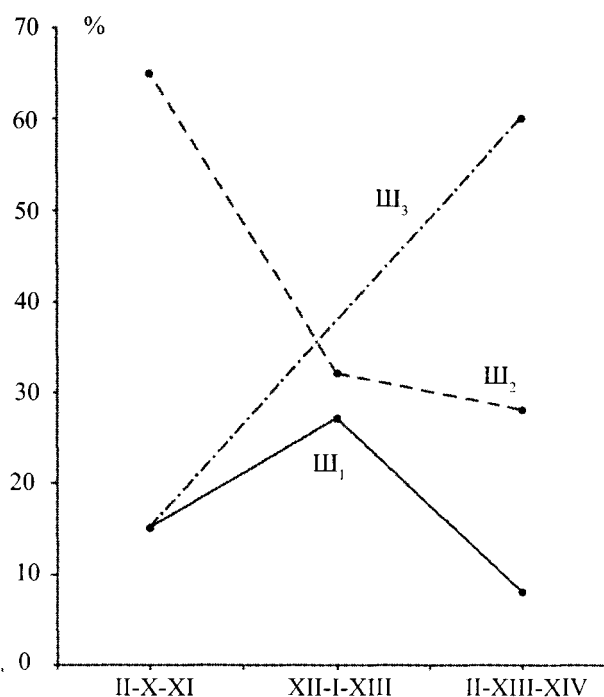

График №10

Табл. 11. Распределение клинков с Ш₁, Ш₂, Ш₃ по эпохам.

Table 11. The distribution of the blades with Ш₁, Ш₂, Ш₃ within the epochs (Ш is width).

Tafel 11. Einteilung der Klingen mit der Breite 1 (Ш₁), Breite 2 (Ш₂), Breite 3 (Ш₃) nach Epochen.

Tableau 11. Répartition des lames avec la largeur 1, 2, 3 (Ш₁, Ш₂, Ш₃) d'après les époques

Участок максимальной кривизны

По периодам сабли распределены следующим образом:

- У₁ 2-я половина X - XI вв. - 0% (0)
- XII - 1-я половина XIII вв. - 83% (5)
- 2-я половина XIII - XIV вв. - 17% (1)
- У₂ 2-я половина X - XI вв. - 3% (3)
- XII - 1-я половина XIII вв. - 59% (56)
- 2-я половина XIII - XIV вв. - 38% (36)
- У₃ 2-я половина X - XI вв. - 11% (3)
- XII - 1-я половина XIII вв. - 56% (15)
- 2-я половина XIII - XIV вв. - 33% (9)

Таким образом, пик бытования сабель с У₁, У₂ и У₃ приходится на один период XII - 1-я половина XIII вв. (табл. 9, график № 3). На графике № 4 (табл. 9) представлены доли (в %) сабель с У₁, У₂ и У₃ по периодам. В период 2-я половина X - XI вв. сабли с У₁ отсутствовали, доли сабель с У₂ и У₃ одинаковы (по 50%). В период XII - 1-я половина XIII вв. преобладали сабли с У₃ (74%), резко упала доля сабель с У₃ (с 50% до 20%), появляются сабли с У₁ - 6% (процесс поиска или брак?). В золотоордынский период картина практически не изменяется:

доля клинков с У₂ немного увеличивается (с 74% до 78%), количество сабель с У₃ остается прежним - 20%, уменьшается количество клинков с У₁ до 2%.

Пропорции

По периодам сабли распределены следующим образом:

- П₁ 2-я половина X - XI вв. - 5% (3)
- XII - 1-я половина XIII вв. - 62% (38)
- 2-я половина XIII - XIV вв. - 33% (20)
- П₂ 2-я половина X - XI вв. - 5% (3)
- XII - 1-я половина XIII вв. - 48% (28)
- 2-я половина XIII - XIV вв. - 47% (27)
- П₃ 2-я половина X - XI вв. - 0% (0)
- XII - 1-я половина XIII вв. - 100% (10)
- 2-я половина XIII - XIV вв. - 0% (0)

У сабель с П₁ и П₃ пик бытования приходится на XII - 1-я половина XIII вв. У сабель с П₂ такого пика нет, в периоды XII - 1-я половина XIII вв. и 2-я половина XIII - XIV вв. их было практически одинаковое количество (табл. 10, график № 5). На графике № 6 (табл. 10) представлены доли сабель с П₁, П₂ и П₃ по периодам. В период 2-я половина X - XI вв.

полностью отсутствуют сабли с Π_3 . Количество сабель с Π_1 и Π_2 в этот период одинаково - по 50%. В период XII - 1-я половина XIII вв. доля сабель с Π_1 та же - 50%, с Π_2 уменьшается до 37%, появляются сабли с Π_3 (13%). В золотоордынский период картина снова изменяется: доля сабель с Π_1 уменьшается до 42%, с Π_2 увеличивается резко до 57%, с Π_3 падает до 0%.

Длина

По периодам сабли распределены следующим образом:

- D_1 2-я половина X - XI вв. - 0% (0)
 XII - 1-я половина XIII вв. - 90% (9)
 2-я половина XIII - XIV вв. - 10% (1)
- D_2 2-я половина X - XI вв. - 8% (5)
 XII - 1-я половина XIII вв. - 59% (39)
 2-я половина XIII - XIV вв. - 33% (22)
- D_3 2-я половина X - XI вв. - 2% (1)
 XII - 1-я половина XIII вв. - 53% (28)
 2-я половина XIII - XIV вв. - 45% (24)

Пик бытования коротких, средних и длинных сабель приходится на период XII - 1-я половина XIII вв. (табл. 10, график № 7). Интересный момент: среди сабель 2-й половины X - XI вв. нет коротких, преобладают (83%) клинки средней длины, есть и длинные - 17%. В период XII - 1-я половина XIII вв. доля клинков средней длины резко падает до 51%, а количество длинных резко увеличивается до 37%, появляются короткие сабли - 12%. В золотоордынский период длинные сабли уже преобладают (51%), клинков средней длины становится меньше (47%), коротких - очень мало (2%) (табл. 10, график № 8).

Ширина

По периодам сабли распределены следующим образом:

- Π_1 2-я половина X - XI вв. - 4% (1)
 XII - 1-я половина XIII вв. - 81% (21)
 2-я половина XIII - XIV вв. - 15% (4)
- Π_2 2-я половина X - XI вв. - 9% (4)
 XII - 1-я половина XIII вв. - 58% (25)
 2-я половина XIII - XIV вв. - 33% (14)
- Π_3 2-я половина X - XI вв. - 2% (1)
 XII - 1-я половина XIII вв. - 50% (30)
 2-я половина XIII - XIV вв. - 48% (29)

Пик бытования сабель с Π_1 и Π_2 приходится на период XII - 1-я половина XIII вв. Пика бытования в один из периодов у широких сабель не наблюдается, доли их в последние два периода практически одинаковы - 50% и 48% (табл. 11, график № 9). На графике № 10 (табл. 11) представлены доли сабель с Π_1 , Π_2 и Π_3 по периодам. Во 2-й половине X - XI вв. преобладают сабли средней ширины (66.6%), доли узких и широких сабель одинаковы - по 16.7%. В XII - 1-й половине XIII вв. доля средней ширины клинков вполнину уменьшается (до 33%), узких сабель становится 28%, а широких - 39%. В золотоордынский период преобладают широкие сабли - 62%,

средней ширины клинков - 30%, резко уменьшается количество узких клинков - до 8%.

Таким образом, можно констатировать, что наши данные подтверждают, в основном, вывод А.Н. Кирпичникова о том, что эволюция сабельного клинка происходила в сторону удлинения, большего изгиба и увеличения веса (что давали увеличивавшаяся длина и ширина клинка - А.Е. и Т.П.). Однако следует отметить, что этот процесс проходил не плавно и равномерно, а во многом скачкообразно и с отклонениями.

Хронологический анализ сабель будет неполным, если ничего не сказать о датировках некоторых типов перекрестий и наверхий. Нами отнесены ко 2-й половине X - XI вв. 6 сабель, из которых 4 экземпляра имеют перекрестия III типа (3 - III.1 и 1 - III.2) и только 1 сабля (Поток 452/3) - наверхие I.3, которое А.Н. Кирпичников датирует X-XI вв. 9 сабель, кроме упомянутого клинка, имеют наверхие типа I.3. Они датируются XII - XIV вв. (2 - XII в., 3 - XII - 1-й половиной XIII вв., 4 - 2-й половиной XIII - XIV вв.). Из 9 сабель с наверхием типа I.3 восемь имеют перекрестия. 3 экз. - III типа (1 - III.1, 1 - III.4, 1 - III.5), 5 экз. - типа II.1, которое датировано А.Н.Кирпичниковым XI - XIII вв. Последние 5 сабель (наверхие I.3, перекрестие II.1) найдены в погребениях XII - 1-й половины XIV вв. Перекрестия III типа у А.Н.Кирпичникова не отмечены. 3 сабли, которые их имеют в сочетании с наверхием типа I.3, датируются XII в., серединой XIII в. и 2-й половиной XIV в.

Варианты 1 и 2 перекрестия I типа отнесены А.Н. Кирпичниковым соответственно к IX-XI вв. и 2-й половине X - XI вв. 9 сабель имеют эти перекрестия, из них 4 экз. сочетаются с наверхием (3 - тип II, 1 - тип I.2). Наверхия типа I.2 А.Н. Кирпичников отнес к XII-XIII вв. Наверхия II типа А.Н.Кирпичниковым не отмечены, по-видимому, они являются более поздней модификацией наверхий, которые появились в конце VIII - X вв. Все погребения с саблями, имеющими перекрестия типа I.1 и I.2 (кроме одного, которое не продатировано) датируются в пределах XII - XIV вв.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что ранние (X-XI вв.) типы перекрестий и наверхий сабель продолжают бытовать у кочевников Восточной Европы и в более поздний период (XII - XIV вв.), причем первые составляют от общего числа перекрестий 12%, а наверхия - 20%. Судя по тому, что из 4 клинков X - XI вв., имеющих перекрестия, 3 относятся к типу III.1, можно предположить, что этот тип перекрестия (прямоугольный брусковидный) начал бытовать у поздних кочевников уже в этот период.

Картографирование

Подвижность кочевников способствовала, как известно, быстрому распространению не только престижных категорий вещей, но и моды (инноваций). В условиях кочевого быта передвижение вещей чаще всего отражает передвижение людей. При этом важ-

но отметить, что этапы, маршруты, интенсивность и темпы передвижения вещей в пространстве напрямую зависят от характера движения людей. Это может быть: “переселение народов”, воинские походы, инфильтрация отдельных групп населения в инокультурную среду и т.д. Далее, очень важно определить пространственные связи между типами вещей. Носят ли они случайный характер или же имеют какую-либо внутреннюю взаимосвязь. Решение этих и многих других вопросов может дать метод серий сравниваемых карт, предложенный нами ниже.

Статистические подсчеты 372 погребений с саблями показывают, что процентное соотношение их в различных регионах Восточной Европы к общему массиву позднекочевнических погребений в этих регионах не одинаково. Наибольший показатель (35%) - в Приазовье (39 погребений с саблями из 113 обнаруженных в регионе позднекочевнических погребений). Крым - 33% (17 из 51), левобережье Нижнего Днепра - 20% (86 из 425), Поросье - 19% (21 из 110), Северный Кавказ - 17% (69 из 406), Нижнее Поволжье - 16% (19 из 118), Нижний Дон - 15% (72 из 468), междуречье Орели и Самары - 14% (21 из 150), междуречье Северского Донца и Дона - 7% (9 из 135), междуречье Днестра и Днепра - 7% (19 из 259).

Картографирование 135 находок сабель (основной источник, рис. 7) показывает, что 6 самых ранних погребений, датирующихся 2-й пол. X - XI вв., по одному разбросаны от Поросья до Нижнего Дона (рис. 8), отсутствуя во многих регионах (междуречье Днестра и Днепра, Крым, Северный Кавказ и др.).

Другая картина наблюдается в периоды XII - 1-й пол. XIII вв. и 2-й пол. XIII - XIV вв. Погребения с саблями фиксируются практически на всей исследуемой территории. В XII - 1-й пол. XIII вв. можно отметить концентрацию памятников в Нижнем Подонье, Прикубанье и в Поросье (рис. 9).

Во 2-й половине XIII-XIV вв. некоторая концентрация погребений с саблями наблюдается на правом берегу Северского Донца и Кубани (рис. 10).

Картографирование разновидностей сабель показало, что редкие и малочисленные (1-5 комплексов) разновидности локализуются в центральной и наиболее заселенной в X-XIV вв. части восточноевропейских степей - междуречье Днепра и Молочной, в устьях Дона и Кубани, а также в Крыму (рис. 11).

Из разновидностей, представленных 8-29 комплексами концентрации наблюдаются в двух случаях. Так, например, разновидность №5 (9 комплексов) явно доминирует в могильнике Черноклен в Закубанье. Остальные погребения с саблями этой разновидности фиксируются в относительной близости от указанного ядра в Крыму и на Нижнем Дону. В других регионах, т.е. к северу и северо-западу, их нет. Обратная картина наблюдается с саблями разновидности №23 (8 комплексов), которые обнаружены в Поросье (4) и в Поднепровье (4), при этом их совсем нет в Крыму, на Северном Кавказе и на Нижнем Дону (рис. 12). Все другие разновидности не дают столь выразитель-

ных картин (рис. 12, 13). Ситуация, описанная выше, свидетельствует о том, что зоны, где имеется тенденция к выделению одной ведущей формы, были достаточно открыты для внешних влияний, что, собственно, и было, в целом, характерно для позднекочевнической культуры.

Картографирование типобразующих признаков сабли дало следующие результаты.

Кривизна. Этот признак в X-XI вв., а также в золотоордынское время не образцовывает, судя по карте, каких-то концентраций (рис.14, 16). А вот в период XII - 1-й пол. XIII вв. ситуация иная. В могильниках Высочино и Новый (Нижнее Подонье), Черноклен (Северный Кавказ) большинство сабель - слабоизогнутые (рис. 15). В могильниках Кастырский (Нижнее Подонье), Мингрельский (Северный Кавказ) и Зеленки (Поросье) практически все сабли в это время - среднеизогнутые. В могильниках Поросья в XII-XIV вв. (рис.15, 16) наблюдается концентрация сильноизогнутых сабель (5 из 16). Важно отметить, что 3 из них происходят из погребений золотоордынского времени. Хотя по мнению С.А.Плетневой, сосредоточенные в Поросье черноклобуцкие могильники датируются XI - 1-й пол. XIII вв. (Плетнева С.А., 1973). Отметим и то обстоятельство, что в насыщенных погребениями с саблями бассейне Дона не обнаружено ни одной сильноизогнутой сабли (рис.15, 16).

Участок максимальной кривизны. Сабель с максимальным изгибом в верхней трети клинка всего 6, 4 из них обнаружены на Нижнем Дону. Картографирование сабель по признаку “участок максимальной кривизны” во 2-й пол. X - XI вв. не дало территориальных концентраций (рис. 17). В период XII - 1-я пол. XIII вв. наблюдается слабая концентрация сабель с максимальной кривизной в нижней трети клинка на Нижнем Дону (рис.18). В золотоордынское время все находки сабель с максимальной кривизной в нижней трети клинка сосредоточены в южной части степи. Более того, лишь две находки происходят с северного побережья Азовского моря, а остальные сосредоточены на Северном Кавказе (рис.19). Следует отметить, что такой показатель в данном регионе в два раза перекрывает показатель сабель с максимальным изгибом клинка в средней трети, что само по себе выглядит достаточно контрастно на фоне остальной рассматриваемой территории, где на северо-западе, севере и северо-востоке другие значения, кроме как расположение максимального изгиба в центральной части клинка, отсутствуют вообще.

Пропорции. Прежде всего отметим, что большинство сабель с P_1 - средней длины (45 из 65) и широкие (46 из 65); большинство сабель с P_2 - длинные (33 из 60), почти половина из них (28 из 60) - средней ширины. Большинство сабель с P_3 - длинные (7 из 10) и узкие (8 из 10).

В период 2-я пол. X - XI вв. территориальных концентраций по признаку “пропорции” не наблюдается (рис. 20). В XII - 1-й пол. XIII вв. (рис. 21) присутствуют

такие концентрации: P_1 - Нижнее Подонье и Северный Кавказ; P_2 - Поросье, Нижний Дон, Северный Кавказ; P_3 - Северный Кавказ (только в этот период). В золотоордынское время (рис. 22) наблюдаются такие концентрации: сабли с P_1 - на Нижнем Дону; с P_2 - в Поросье и на Северном Кавказе.

Характеристика обрядовых черт

Уровень военизованности и степень оснащенности кочевников в отдельных регионах восточно-европейских степей была, конечно, в разное время различной. Это, в свою очередь, объясняется с одной стороны определенной политической обстановкой, складывающейся во взаимоотношениях с соседями, а с другой - уровнем военного дела определенного периода.

Любопытно проследить взаимовстречаемость сабель с другими видами вооружения. В погребениях с саблями чаще всего находят (вместе с другими видами вооружения) принадлежности лучника: наконечники стрел (здесь и далее именуются стрелами) (204), колчан (147), лук (98); реже атрибуты защитного вооружения: кольчуга (60), шлем (31), пластинчатый доспех (3), щит (2). Копье встречено 19 раз. Очень редко встречаются следующие предметы: кистень (2), булава (2), топор (2), шестопер (1), кинжал (1). Достаточно большое количество погребений с саблями не имели никакого другого вида вооружения - 131.

Если проанализировать различные комбинации (всего 48), при которых отдельные категории вооружения встречаются в одном комплексе, то увидим, что чаще всего сабля сочетается в одном комплексе с колчаным набором (то есть колчан и стрелы) - 50 раз, стрелами, колчаном и луком - 49, только со стрелами - 46, луком и стрелами - 11. Такие комплекты оружия - свидетельство того, что основной массой поздних кочевников были легковооруженные воины - всадники. Относительно меньшая встречаемость колчана и особенно лука, в сравнении со стрелами, очевидно, является следствием того, что последние, изготовленные из дерева, коры и бересты, часто не имели костяных накладок, металлических и костяных крепежных и декоративного характера деталей. Соответственно они не сохранялись в земле, а значит и не фиксировались. Примечательно, что часто в наборе лучника, при наличии колчана и лука, нет стрел (железные наконечники которых не должны были полностью окислиться и исчезнуть). Это такие комбинации: а) сабля-лук-колчан; б) сабля-колчан; в) сабля-лук. Нет сомнения, что отсутствие стрел не случайно, и это вряд ли стоит объяснять какими-то социальными, этническими, хронологическими или локальными факторами, хотя и они внесли свою долю в такую обрядность. Ответ здесь, как мы полагаем, надо искать в идеологической сфере.

Копье встречено с саблей 19 раз. Это достаточно устойчивая связь, если учесть, что копия в погребальном обряде поздних кочевников встречаются крайне редко.

Любопытно, что в половине случаев, когда они взаимовстречаются, в погребении больше нет никакого другого вида оружия (5 случаев) или есть только стрелы (4 случая). Такое явление характерно для погребений, датирующихся до золотоордынского времени. В золотоордынское время, наоборот, копия встречаются с саблями в тех комплексах, где находится полный набор защитного и наступательного вооружения (шлем, кольчуга, колчан, лук, стрелы, кистень (или булава) и т.д.

Достаточно часто сабля встречается среди вооружения, где, кроме отдельных атрибутов лучника, есть еще только кольчуга. Таких комплексов - 30.

Кистень, булава и шестопер - редкие виды вооружения и встречаются с саблями лишь тогда, когда в погребениях есть что-либо из предметов защитного вооружения (шлем, кольчуга, панцирь). Отметим, что эти виды вооружения встречаются у поздних кочевников только в золотоордынское время.

Сабля никогда не сочеталась со шлемом, если в погребении не было достаточно разнообразного набора вооружения.

Кроме предметов вооружения, погребенным с саблями сопутствовал и другой инвентарь. Среди бытовых вещей это чаще всего: нож (160 случаев), кресало (56), оселок (37), котел (32), нагайка (18), деревянный сосуд (10), амфора (6), серебряная чаша (6). Из украшений и предметов одежды и обуви чаще всего встречаются: костяные "пуговицы" (ворворки) - 71, бубенцы - 64, серебряные серьги - 50, сапоги - 24, парча - 23, золотые серьги - 13, пояс - 11, шейные гривны - 3. Из других предметов чаще всего встречаются: распрямленные гривны - 38, каменные амулеты - 6, астрагалы - 3. Атрибуты конского снаряжения (стремена, удила, пряжки, седло) взаимовстречаются с саблями в подавляющем большинстве тогда, когда в могиле есть конь. При этом седло встречается (периодически в более или менее "богатых" погребениях (47), остальное конское снаряжение (за редчайшим исключением) присутствует при коне всегда (208). В 18 комплексах с саблями зафиксированы остатки повозки. В 126 погребениях, кроме собственно сабель, из всего возможного инвентаря, находилось только конское снаряжение, либо невыразительные железные, каменные, керамические и костяные фрагменты от неопределенных изделий, а также железные пряжки-крючки - принадлежности одежды, которые мы склонны рассматривать в качестве своеобразного независимого ("обязательного") инвентаря не только поздних кочевников, но и всех других этнокультурных образований.

В двух комплексах сабли сочетались только с горшками, других вещей в погребениях не обнаружено. Кроме того, около 40 погребений - судя по инвентарю, мужских - имели один или, реже, два предмета женской атрибутики. Чаще всего это лепные или гончарные сосуды (как правило, горшки древнерусского облика) или их отдельные фрагменты. Реже встречались: гребни, бусы, серьги и браслеты. Такие единичные находки женской атрибутики в погребениях мужчин (как и в обратном

случае) принято связывать с дарами, предназначенными для умерших ранее родственников.

Показательно, что сабли, судя по сопутствующему инвентарю и антропологическим данным, не встречаются в женских погребениях. Единственным исключением является погребение, обнаруженное на левобережье Нижнего Днепра (Мамай Гора 43/2) (Андрух С.И., Тоцев Г. Н., 1990), где среди мужских атрибутов (лук, фрагмент сабли), обнаружен специфический женский набор вещей: бусы, браслет, шейная гривна.

Таким образом, все погребенные, за исключением выше упомянутого погребения, где была, судя по сопутствующему инвентарю, захоронена женщина, являлись мужчинами-воинами. Об этом свидетельствует сопровождающий инвентарь. Даже, если в погребении из всей возможной воинской атрибутики обнаружена одна сабля, то все равно мы расцениваем такие комплексы как погребения воинов-мужчин. Это, очевидно, так, поскольку нам не известно ни одного детского или подросткового погребения, где были бы встречены сабли. Нет их и среди инвентаря чрезвычайно редких погребений ремесленников и служителей культа, как нет их и среди захоронений зависимых людей и женщин.

В археологической литературе сложилось мнение, что сабля - оружие наиболее богатой прослойки кочевников. Однако статистические данные показывают, что сабли обнаружены в 16% погребений кочевников развитого средневековья Восточной Европы. Если же вычтеть из общего числа погребений могилы женщин и детей, то этот процент будет еще больше (33%). Для сравнения: широко распространенная бытовая вещь - кресало обнаружено лишь в 14% (29% среди мужских) погребений поздних кочевников Северного Причерноморья этого же периода (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1996, с.23).

Если для X-XII вв. отсутствие погребального инвентаря или его скромность и малочисленность в значительной степени объясняется, во-первых, уровнем материальной культуры кочевников, а, во-вторых, бедностью умершего или принадлежностью к низкому социальному слою, то такое же отсутствие инвентаря для золотоордынского времени следует объяснять процессом оседания кочевников на землю и распространением влияния мировых религий: христианства и особенно ислама. В результате этого процесса военно-кочевой уклад практически утратил свое значение в обрядности, что незамедлительно проявилось в "уходе" инвентаря воинского и конского назначения из погребений.

Особенно велик процент находок сабель для всего XIII века. Большое количество погребений с саблями говорит о том, что саблю укладывали умершим, принадлежавшим различным воинским прослойкам. Так или иначе, но статистика свидетельствует, что "богатые", "средние" и "бедные" (определение проведено условно по характеру инвентаря) составили соответственно: 35 (9,4%), 131 (35,2%) и 206 (55,4%) погребений. Эти цифры доказывают, что сабля - это

специфический атрибут кочевника-воина вне его социального положения. Очевидно, сабля была настолько важна для кочевников, что и в погребальном обряде она занимала исключительно важное место и была практически неотъемлемой частью такого церемониала. Сказанное, конечно, не означает, что сабля была у любого воина-кочевника. Но то, что ее имел большой процент рядовых воинов - это факт, противоречащий устоявшемуся мнению о сабле, как оружии только богатых кочевников.

Говоря о погребальном обряде захоронений с саблями, необходимо отметить, что конструкции могил, гробовища, ориентация умерших, типы и характер укладки коней не отличаются какой-либо взаимозависимостью. Учитывая огромный территориальный массив и широкие хронологические рамки исследуемой выборки, это выглядит вполне естественно. Вместе с тем, это свидетельствует об этнической пестроты и социальных различиях погребенных.

Погребения исследуемой выборки, как правило, впускные. Процентное соотношение их по отношению к основным 88:12. Те и другие погребения, в основном, были обнаружены в центре кургана. Однако целый ряд впускных захоронений обнаружен в иных секторах. В северном секторе - 6 комплексов, северо-восточном - 6, северо-западном - 3, восточном - 4, юго-восточном - 7, юго-западном - 2, южном - 9, западном - 7. Могильные ямы представлены многочисленными конструктивными типами. Большинство могил - это простые прямоугольные ямы, 15 простых ям имели подбой, около 40 могил - это ямы с одной ступенькой вдоль длинной стены и подбоем в южной, юго-восточной или юго-западной стенке. В пяти погребениях сооружены по 2 последовательно спускающихся ступеньки, а еще 10, кроме таких двух ступенек, имели подбой. Одна могила имела 3 ступеньки и подбой (Смелое 4/2). 20 комплексов - ямы со ступенями вдоль длинных стен. Одна могила (Константиновка 10/1) имела заплечики с трех сторон. Особые конструкции представлены в Чингуле (Заможное) 5/3 и Александровске 5/17, где, кроме двух ступенек вдоль одной из стен, были еще и разного типа ниши.

Почти в каждом втором случае (46%) умершие уложены в разного рода гробовища. Большинство из них имели решетчатые конструкции: решетчатые гробовища (68) и решетчатые настилы (26). В колодах захоронены 28 человек, дощатых гробовищах - 17, гробовищах неустановленного типа - 25, в гробовищах из брусьев - 3, на дощатом настиле - 1, в саркофаге - 1.

Ориентация умерших, рассматриваемая по 16 направлениям, дала следующую картину:

запад - 87	северо-восток - 29
юго-запад - 24	северо-восток-восток - 24
юго-запад-запад - 36	юг - 2
северо-запад - 8	юго-юго-запад - 3
северо-запад-запад - 15	юго-юго-восток - 1
восток - 92	север - 1
юго-восток - 5	северо-северо-запад - 1

юго-восток-восток - 10 северо-северо-восток - 5

Конь сопровождал погребенного в 206 случаях (56%), без коня - 166 погребений. Чаще всего конь находился на ступеньке - 107 раз, 39 - рядом, 23 - над человеком, 11 - в отдельной яме. По типу укладки коня показатели следующие: III тип (здесь и далее типология конских останков дана по А.Г.Атавину) (Атавин А.Г., 1984, с.134-143) - 63, целый остов - 58, II тип - 21, I тип - 8, череп - 3. К сожалению, большое количество останков коней осталось не определенным из-за плохого качества чертежей в отчетах экспедиций и публикаций или из-за разрушенности комплексов. Отсутствие в могиле коня не является свидетельством того, что умерший был пешим воином, поскольку таковых в войске кочевников практически не было, если не считать тыловую прислугу, рабов, конюхов, походных мастеров и т.д. Без сомнения, отсутствие коня в погребении являлось вместе с социально-экономическими причинами отражением идеологической системы кочевников, которая непрерывно трансформировалась в условиях интенсивного социально-экономического, культурного и политического развития. Показательно, например, что 3 богатейших комплекса с саблями: Каирка 3/1 (Кубышев А.И., Дорофеев В.В. и др., 1983), Родионовка 3/1 (Кубышев А.И., Дорофеев В.В. и др., 1982), Ново-Подкряж 6/1 (Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1980, с.90-97; Ковалева И.Ф., 1975) не имели коней. Эти 3 комплекса и целый ряд других датируются наиболее поздним временем из всей нашей выборки - 2-й половиной XIV в. Ситуация прямо противоположная по отношению к наиболее ранним погребениям (2-я пол.X - XI вв.), например: Саркел, к.34 (Плетнева С.А., 1990а), Барвиновка 9/1 (Отрошенко В.В., Ляшко С.Н. и др., 1987), Острый 1/1 (Моруженко А.А. и др., 1983) и другие, где практически всегда есть конь, точнее череп и ноги коня (I и II типы). Та же тенденция прослеживается и в период XII - 1-я пол.XIV вв., где с течением времени коня в погребениях кочевников в целом, и в захоронениях с саблями в частности, укладывали все реже и реже.

Интерес представляют данные о местонахождении сабель в погребениях. Исследователи обычно указывают на расположение эфеса сабли у левого или правого плеча, острие при этом достигает бедер погребенного (Кирпичников А.Н., 1966, с.62).

Из 372 погребений поздних кочевников, в которых обнаружены сабли, конкретное расположение последних зафиксировано не всегда. Так, позиция "острием к ногам" отмечена 343 раза, а позиция "острием к лицу" - 23 раза. В большинстве случаев сабля располагалась слева от погребенного - 193 (62%), справа - 102 (33%), редкие позиции (по центру человека, на

крышке гроба, на перекрытии, воткнутая в землю и др.) зафиксированы 18 раз (включая 3 кенотафа).

В расположении сабли по так называемой "вертикальной структуре", то есть при фиксации рукояти сабли в отдельных зонах скелета человека, мы выделили 4 зоны: у головы - 60 раз, у плечевой кости - 92 раза, у предплечья - 16 раз, у кисти - 12.

При рассмотрении типичных позиций укладки сабель по "горизонтали" выделяются 3 зоны: снаружи от руки - 147 раз, на руке - 84, с внутренней стороны руки - 21. В шести погребениях (Новеселовка 6/1, "4 Брата" 1/1, Высочино-IV, 2/5, Костырский-VI, 4/11, Крупская 14/1, Тимашевка 9/5) сабля была уложена по диагонали, в 1 погребении (Солдатово 5/2) по центру корпуса человека.

Сложная взаимосвязь сабель с погребальным инвентарем и элементами погребального обряда ставит перед исследователями особые задачи, решение которых позволит понять (в определенной степени реконструировать) значение вещи в погребальном обряде с позиции традиционного мифологического сознания. Расположение сабель в погребениях поздних кочевников Восточной Европы, а также вопрос об этнической привязке этих погребений семиотическим методом будут рассмотрены в специальной работе*.

Заключение

Роль сабли в жизни и погребальном обряде кочевников средневековой Восточной Европы трудно переоценить. Сабля - это ведущий (основной) вид вооружения, дорогая, престижная вещь, обладание которой в какой-то степени маркировало социальное и имущественное положение человека.

Типологический анализ позднекочевнических сабель, основанный на принципах процесса типобразования, дал следующие результаты:

1. Все клинки сабель основного источника объединились в 20 разновидностей.

2. Из 20 разновидностей выделяются 2 массовых "слабых" типа, 11 массовых нетипичных разновидностей, 7 редких нетипичных разновидностей. 94,8% составляют массовые "слабые" типы и нетипичные разновидности.

3. Проведенная корреляция дополнительных признаков выявила наиболее устойчивые сочетания определенных типов последних. Корреляция дополнительных признаков с наиболее массовыми разновидностями клинков показала наличие тесных связей между некоторыми типами дополнительных признаков и определенными разновидностями.

4. Процентное соотношение типов дополнительных признаков по отношению к каждому из типобразующих признаков дало представление о преобладании либо отсутствии тех или иных типов перекрестия,

*Статья готова, но из-за лимита места в 1-м томе, выйдет во 2-м (см.: Евглевский А.В. Семиотические аспекты функционирования сабли в погребальном обряде кочевников Восточной Европы X-XIV вв.).

навершия, наконечника ножен и других элементов сабли в сочетании с определенным видом типобразующего признака, что может свидетельствовать о принадлежности их к различным оружейным центрам (традициям).

Хронологический анализ исследуемой серии сабель показал, что развитие отдельных типобразующих признаков во времени происходило не всегда плавно. Например, наши данные противоречат распространенному мнению о том, что слабая кривизна клинка - признак бытования сабли лишь в период раннего средневековья. Статистика показывает, что слабоизогнутые клинки, явно преобладая во 2-й половине X - XI вв., продолжали бытовать (хотя их количество резко уменьшилось) и в XII-XIV вв. Подобную мысль, ссылаясь на С.А.Плетневу и А.П.Смирнова, высказал еще в 1955 г. Н.Я.Мерперт (Мерперт Н.Я., 1955, с. 168). Таким образом, слабая кривизна клинка, в отличие от сильной кривизны, не может быть хронологическим показателем. Не было плавного эволюционного развития и у других важнейших характеристик клинка: длины и ширины. Необходимо также отметить, что нельзя датировать позднекочевнические сабли по перекрестиям и навершиям, так как ранние их типы в небольших количествах встречаются и на клинках золотоордынского периода.

Хронологический анализ выделенных 20 разновидностей клинков сабель показал, что во 2-й половине X-XI вв. бытуют 3 разновидности: №№ 4, 8, 14. В конце XI в. появляются клинки разновидностей № 7 и 13. Наибольшее разнообразие сабель приходится на XII-XIII вв. В этот период на вооружении кочевников зафиксировано от 12 до 19 разновидностей клинков сабель (XII в. - 12, XIII в. - 19), кроме разновидности № 0 (2-я пол. XIV в.). В XIV в. количество разновидностей сабель, используемых номадами восточноевропейских

степей, сокращается до 9. Эти данные противоречат мнению о необычайном единообразии размеров и форм сабель, о их стандартизации у кочевников всей европейской степи вплоть до Урала (Плетнева С.А., 1990б, с.122).

Важное значение имеет и тот факт, что большой процент рядовых воинов рассматриваемого периода похоронен с саблями, что также противоречит устоявшемуся мнению о сабле, как оружии только богатых номадов.

Не менее важную роль, чем в реальной жизни, сабля играла в погребальном обряде. То, как она была «организована», то есть в какой взаимосвязи она находилась с другим инвентарем и элементами обряда, соответствует определенным мировоззренческим представлениям той или иной группы кочевников. А такие традиционные представления кочевников (даже в единой кочевой культуре) о роли сабли в погребальной обрядности, очевидно, имели свои особенности: локальные варианты - в пространстве, этапы (трансформации) - во времени.

Следует, очевидно, признать и то, что ритуальная функция сабель в погребальном обряде кочевников развитого средневековья перекрыла в период своей наивысшей популярности понимание функции сабли, как оружия. Сабля, по-видимому, в представлениях номадов наделялась определенными символическими значениями на основе отдельных ее характеристик на бессознательном уровне (т.е. такие символы, исходя из их мышления, находились в сабле сами по себе, с самого начала). В свою очередь, каждый из таких символов, вероятно, имел свой вполне конкретный смысл. Главный же смысл сабли в погребальном обряде (как, по-видимому, и всех остальных вещей) заключался в том, что она выполняла медиативную функцию.

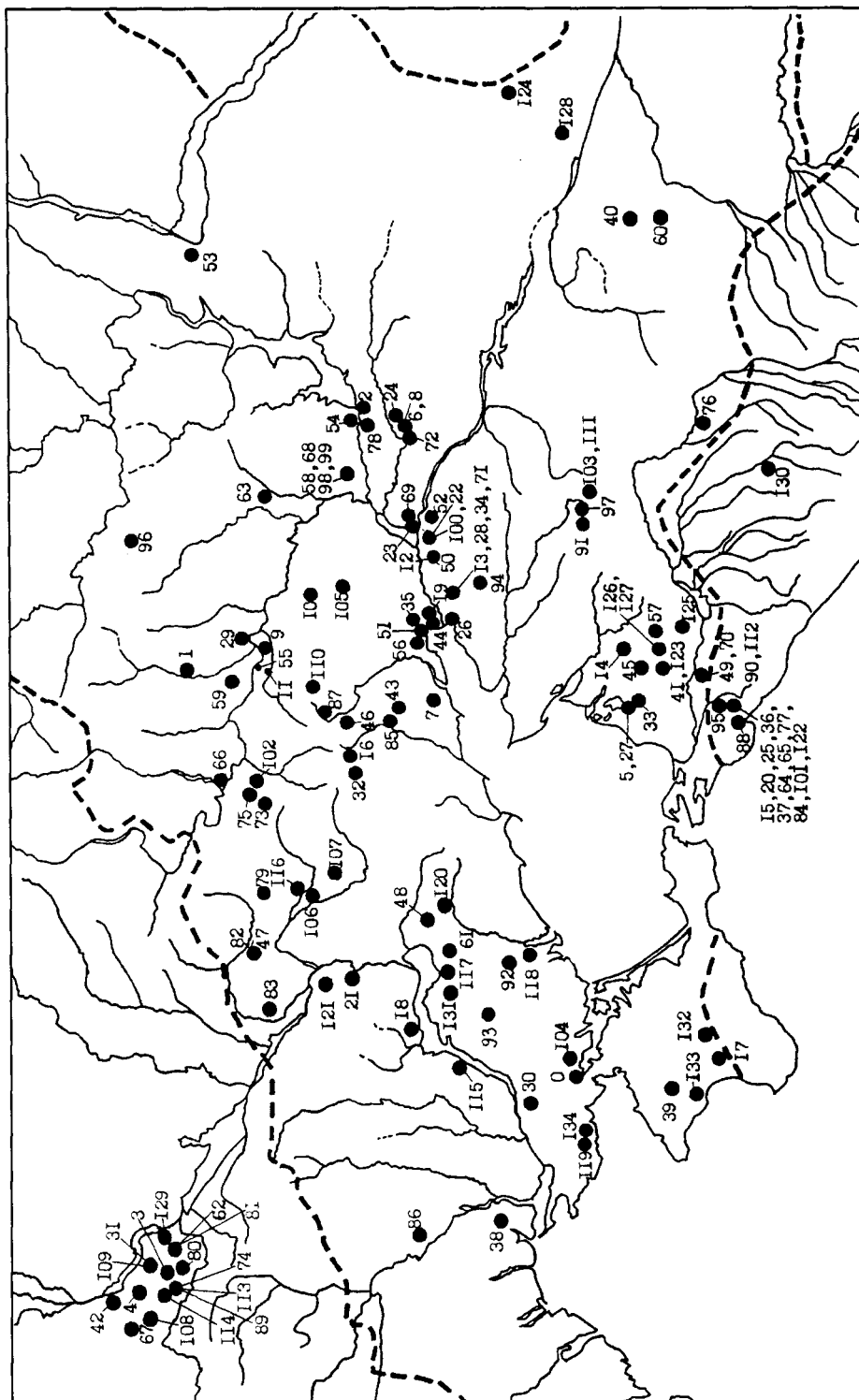

Рис. 7. Погребения с саблями поздних кочевников Восточной Европы (№№ соответствуют №№ комплексов в приложении).

Fig. 7. The interments with the late nomadic sabres of the Eastern Europe (the numbers correspond to the numbers of complexes in the supplement).

Abb. 7. Grabstätten mit Säbeln der Spätnomaden Osteuropas (Die Nummern entsprechen den Komplexnummern in der Anlage).

Dessin 7. Inhumations avec des sabres des nomades avancés de l'Europe de l'Est (№№ se correspondent aux №№ des complexes d'appendice)

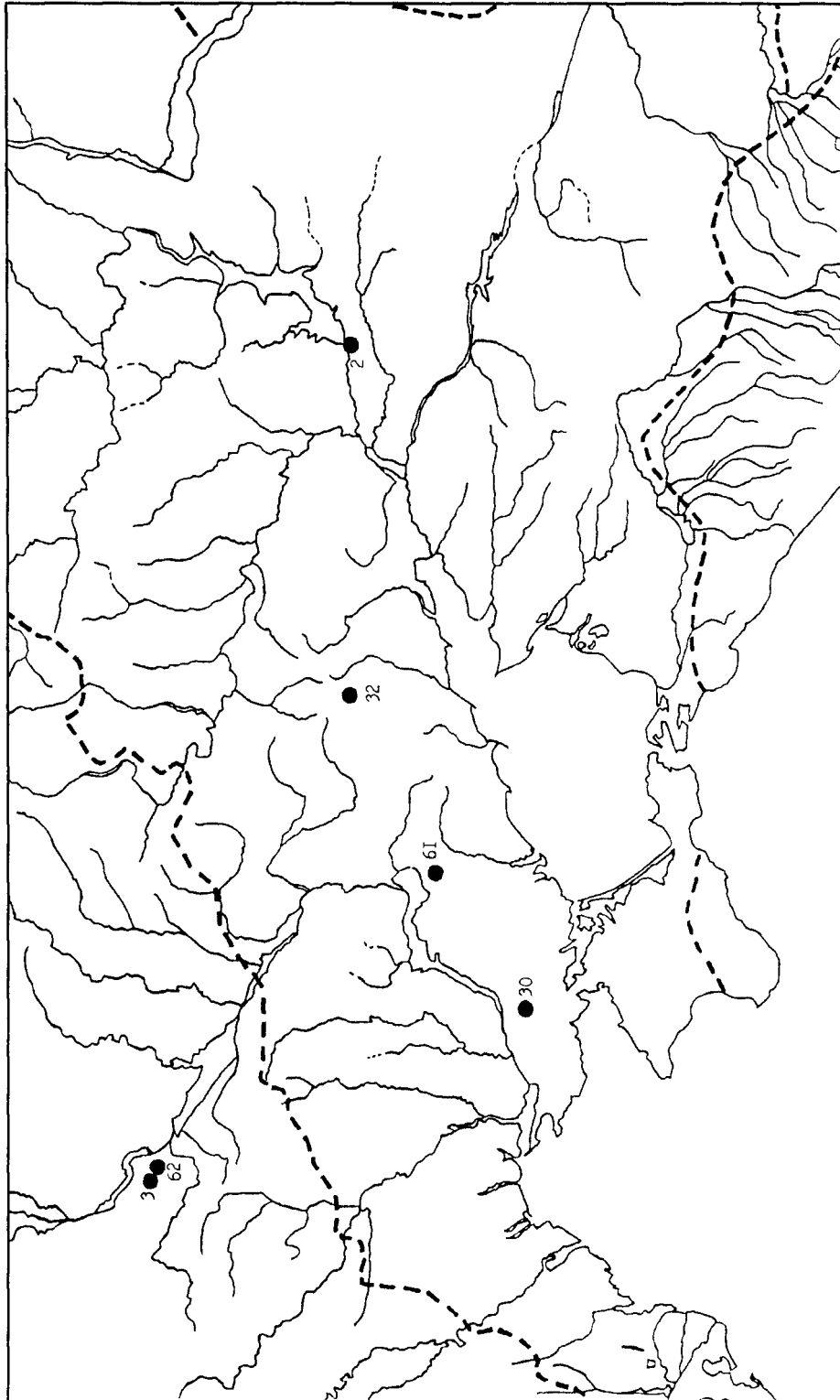

Рис. 8. Погребения с саблями поздних кочевников Восточной Европы во 2-й половине X – XI вв.
 Fig. 8. The interments with the sabres of the late nomads of Eastern Europe of the second half of the Xth – XIth cc.
 Abb. 8. Grabstätten mit Säbeln der Spätnomaden Osteuropas in der 2. Hälfte des 10. – 11. Jh.
 Dessin 8. Inhumations avec des sabres des nomades avancés de l'Europe de l'Est dans la 2ème moitié de X – XI siècles

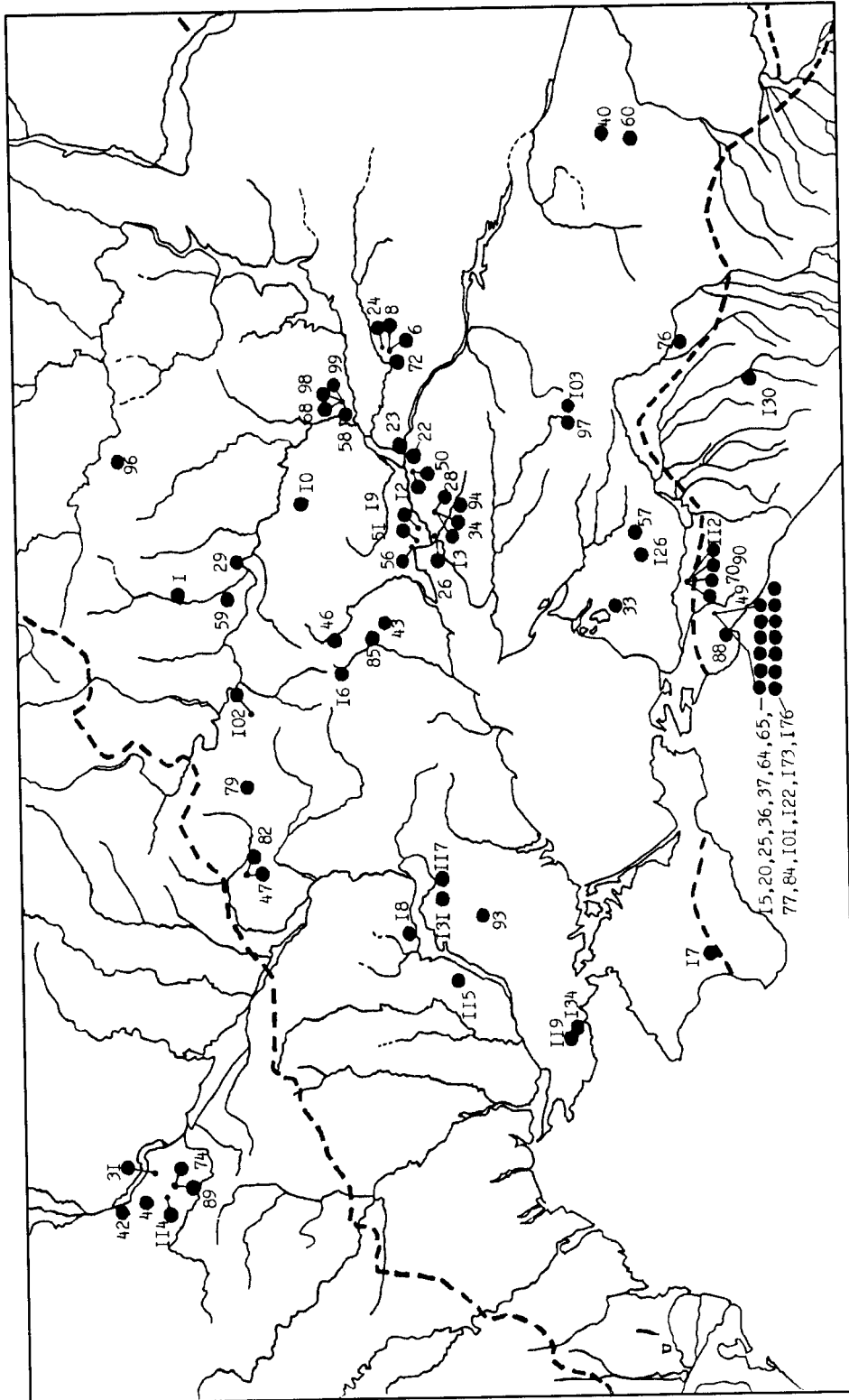

Рис. 9. Погребения с саблями поздних кочевников Восточной Европы XII – 1 пол. XIII вв.
 Fig. 9. The interments with the sabres of the late nomads of Eastern Europe of the XIIth – 1st half of the XIIIth cc.
 Abb. 9. Grabstätten mit Säbeln der Spätnomaden Osteuropas im 12. – in der 1. Hälfte des 13. Jh.
 Dessin 9. Inhumations avec des sabres des nomades avancés de l'Europe de l'Est de XII – 1ère moitié de XIII siècles

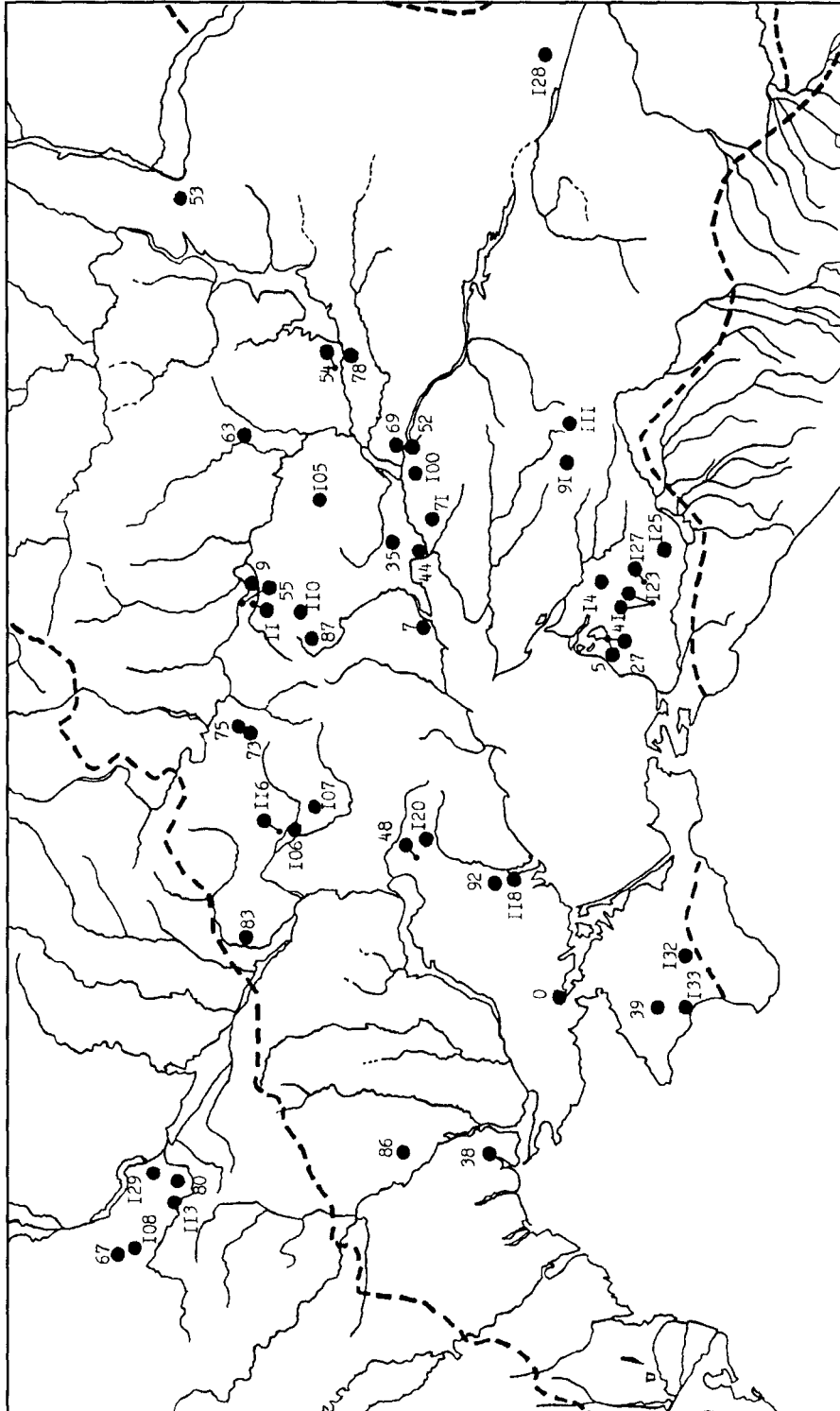
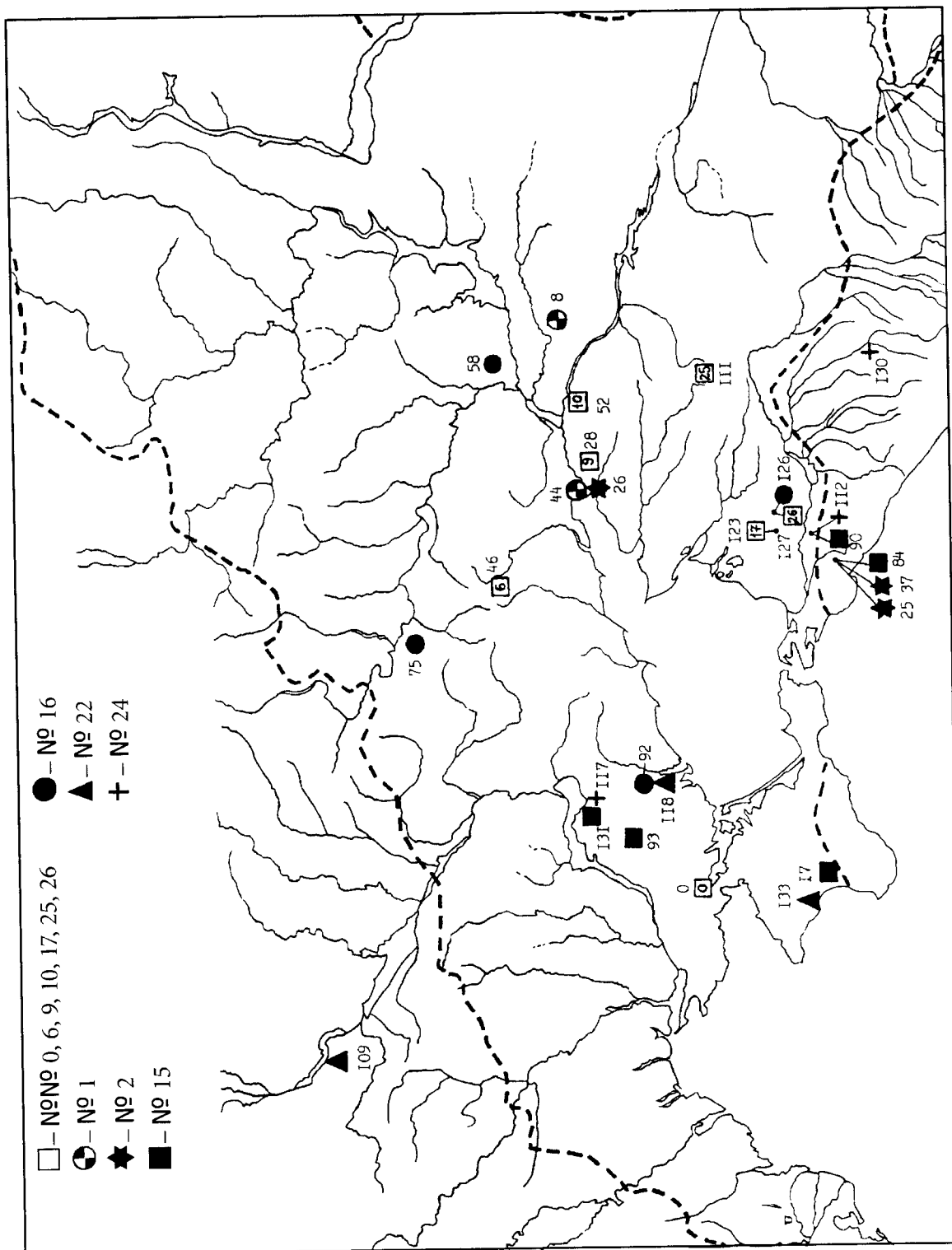

Рис. 10. Погребения с саблями поздних кочевников Восточной Европы 2-й половины XIII – XIV вв.

Fig. 10. The interments with the sabres of the late nomads of Eastern Europe of the 2nd half of the XIIIth – XIVth cc.

Abb. 10. Grabstätten mit Säbeln der Spätnomaden Osteuropas in der 2. Hälfte des 13. – 14. Jh.

Dessin 10. Inumations avec des sabres des nomades avancés de l'Europe de l'Est de la 2ème moitié des XIII – XIV siècles

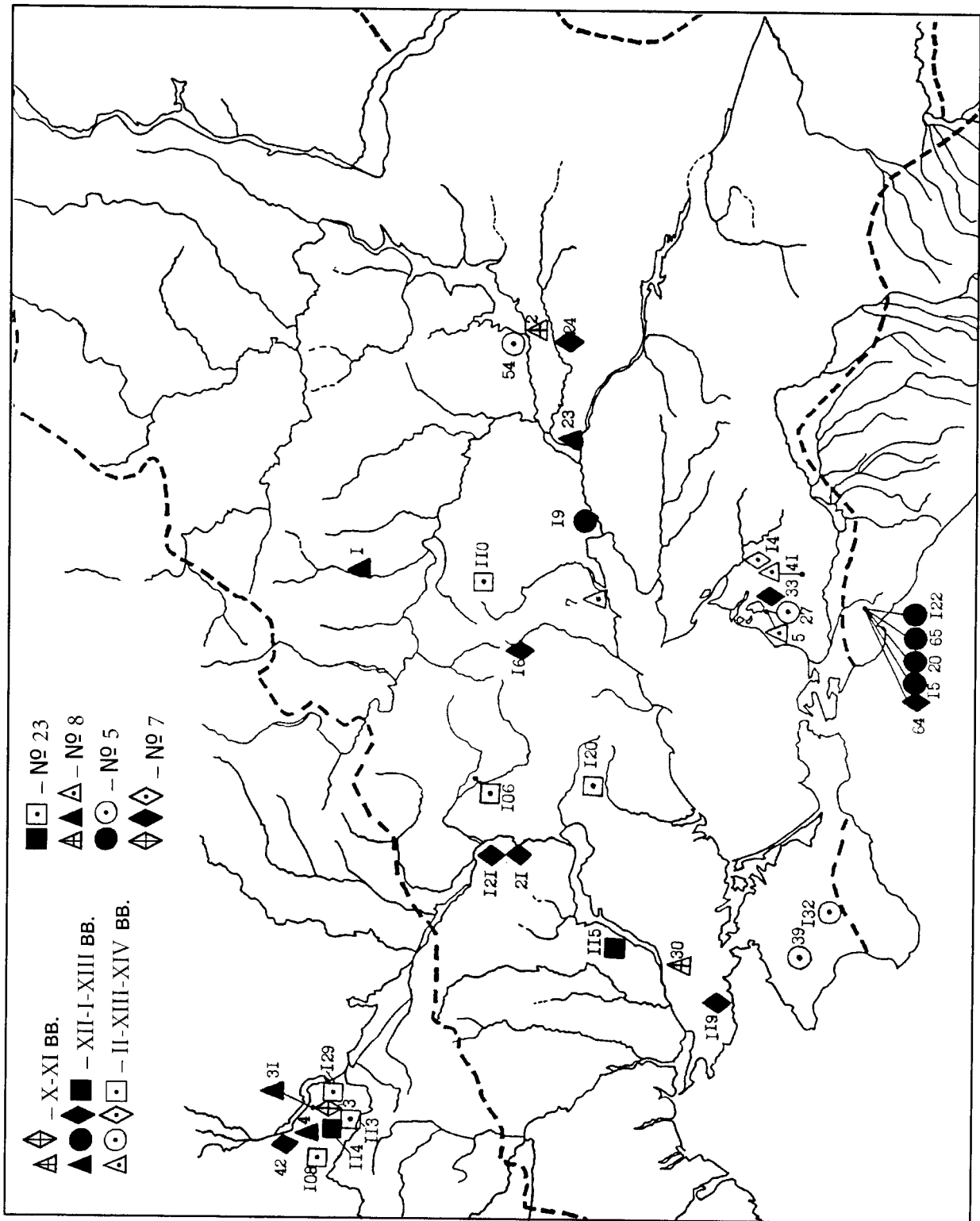

Рис. 12. Разновидности сабель, включающие от 8 до 10 комплексов (№№ 5, 7, 8, 23).
 Fig. 12. The variety of sabres with the number of complexes from 8 to 10 (No 5, 7, 8, 23).
 Abb. 12. Säbelabarten, die von 8 bis 10 Komplexe enthalten (Nr 5, 7, 8, 23).
 Dessin 12. Variétés des sabres de 8 à 10 complèxes (№№ 5, 7, 8, 23)

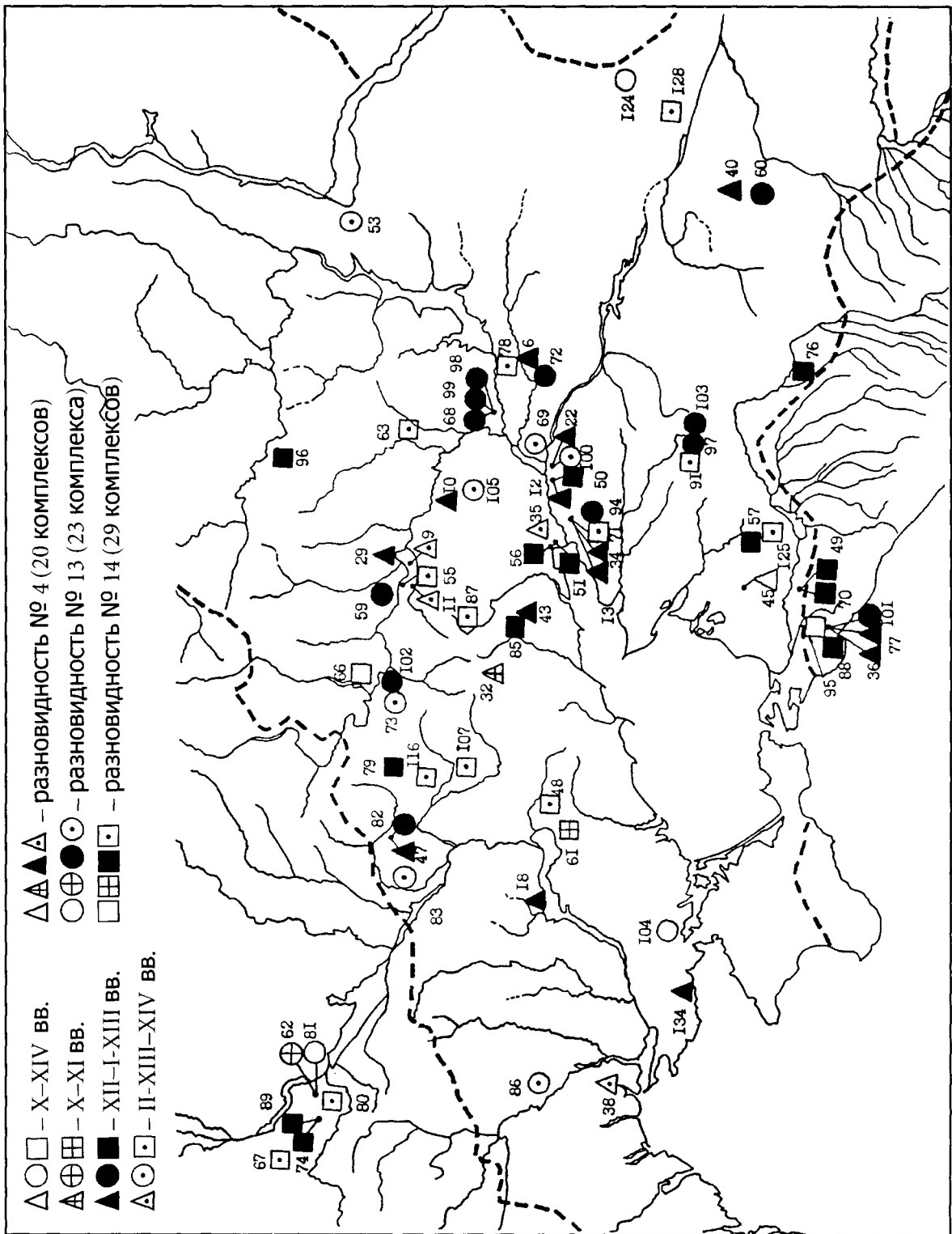

Рис. 13. Разновидности сабель, включающие от 20 до 29 комплексов (№№ 4, 13, 14).
 Fig. 13. The variety of sabres with the number of complexes from 20 to 29 (No 4, 13, 14).
 Abb. 13. Säbelabarten, die von 20 bis 29 Komplexe enthalten (Nr 4, 13, 14).
 Dessin 13. Variétés des sabres de 20 à 29 complexes (№№ 4, 13, 14)

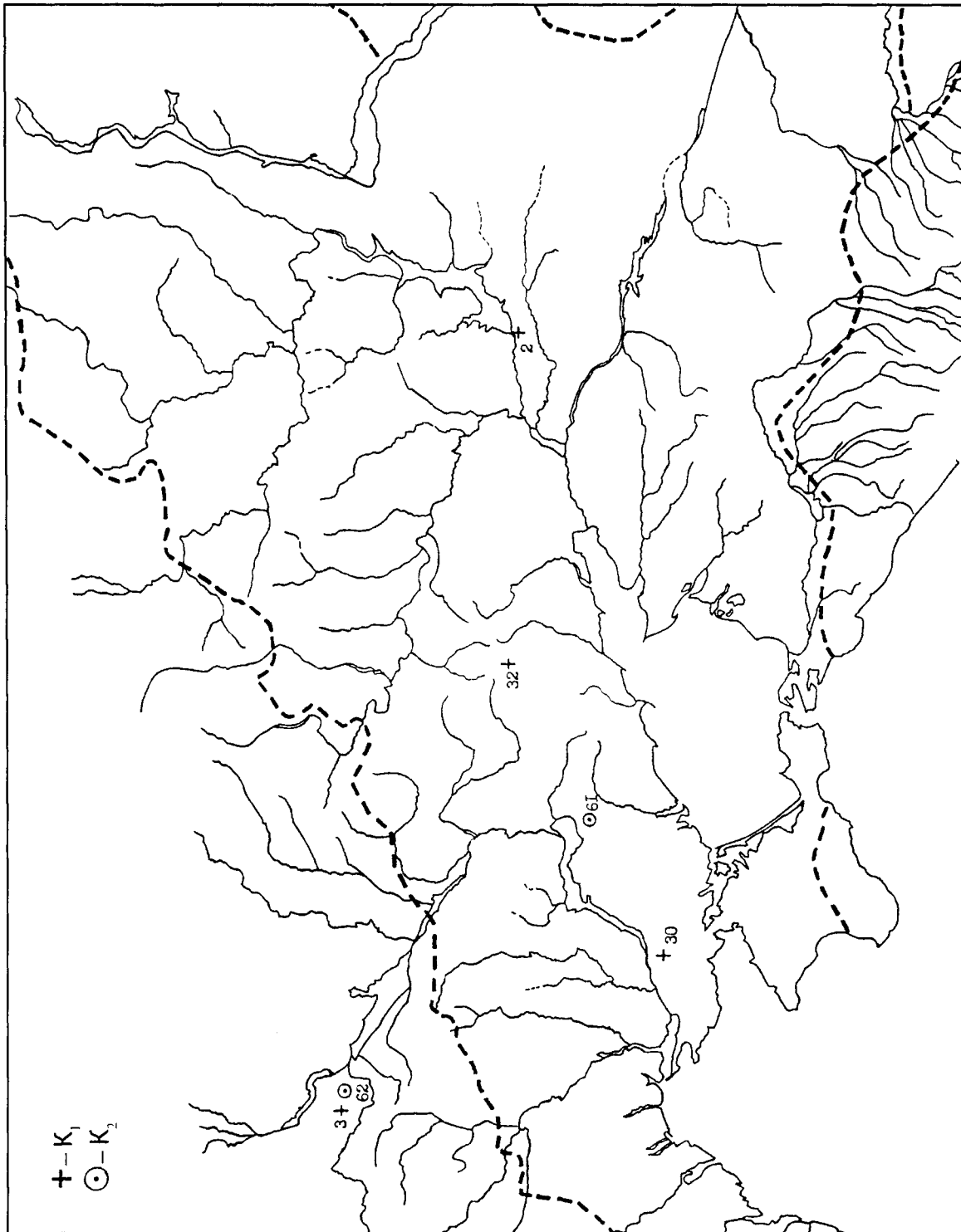

Рис. 14. Распространение сабель с типобразующим признаком "кривизна" во 2-й пол. X – XI вв.

Fig. 14. The spreading of the sabres with the distinctive feature of "curvature" in the second half of the Xth – XIth centuries.

Abb. 14. Verbreitung der Säbel mit dem typenbildenden Merkmal "Krümmung" in der 2. Hälfte des 10. – 11. Jh.

Dessin 14. Expansion des sabres avec l'indice typologique "courbure" dans la 2ème moitié des X – XI siècles

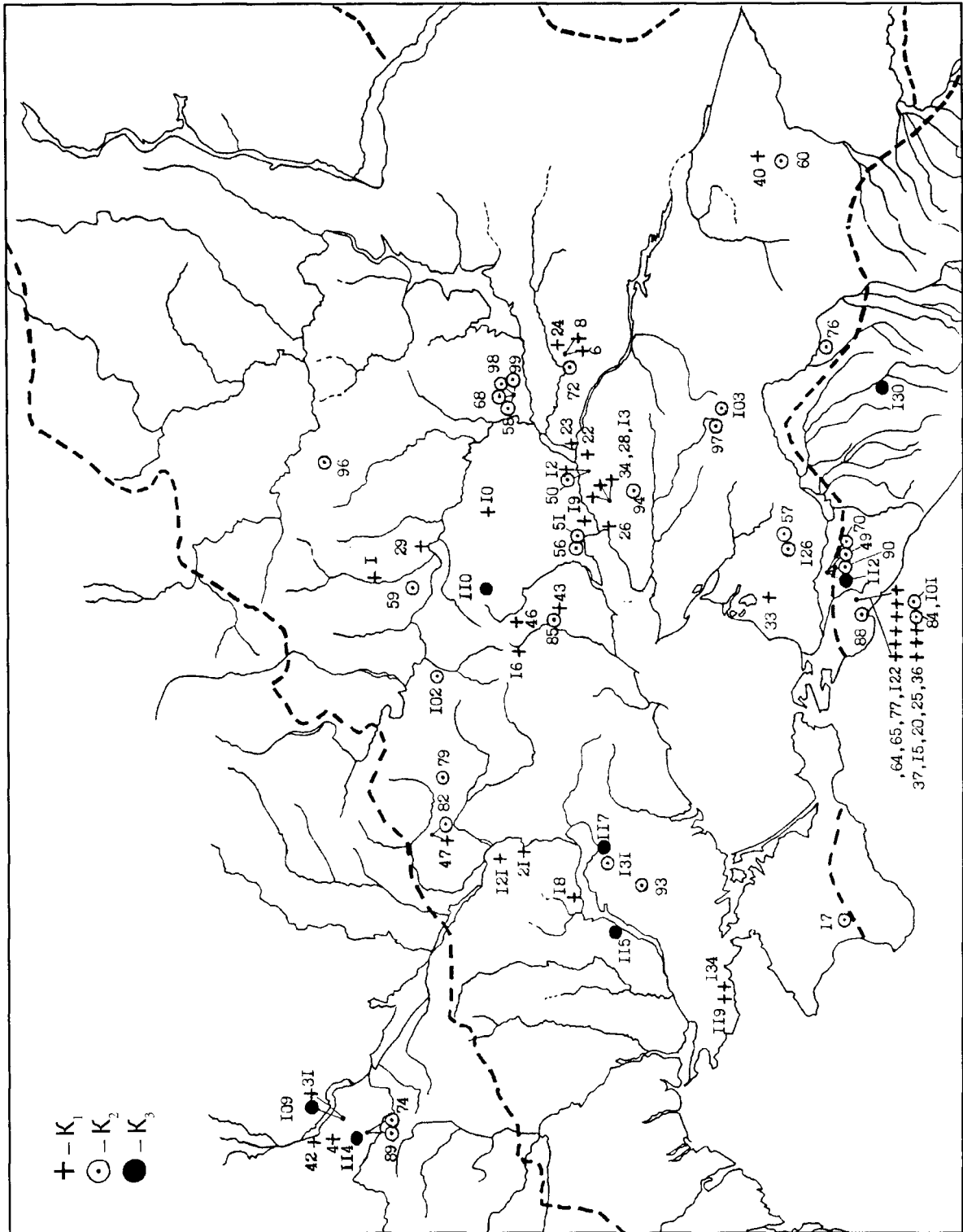

Рис. 15. Распространение сабель с типобразующим признаком "кривизна" в XII – 1-й пол. XIII вв.

Fig. 15. The spreading of the sabres with the distinctive feature of "curvature" in the XIIth c. and in the 1st half of the XIIIth c.

Abb. 15. Verbreitung der Säbel mit dem typenbildenden Merkmal "Krümmung" im 12. – in der 1. Hälfte des 13. Jh.

Dessin 15. Expansion des sabres avec l'indice typologique "courbure" au XII – 1ère moitié du XIII siècles

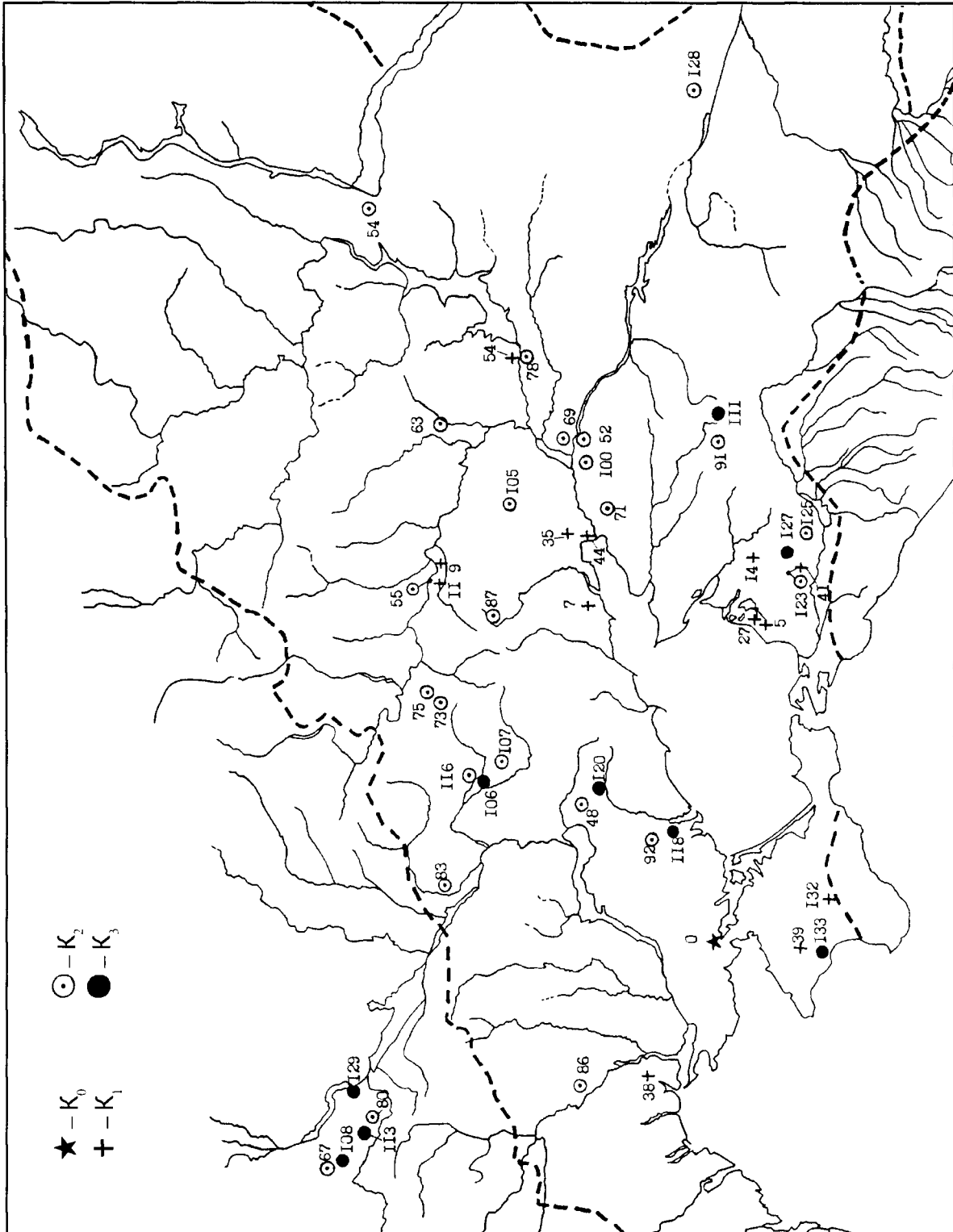

Рис. 16. Распространение сабель с типобразующим признаком "кривизна" во 2-й пол. XIII – XIV вв.

Fig. 16. The spreading of the sabres with the distinctive feature of "curvature" in the 2nd half of the XIIIth – XIVth centuries.

Abb. 16. Verbreitung der Säbel mit dem typenbildenden Merkmal "Krümmung" in der 2. Hälfte des 13. – 14. Jh.

Dessin 16. Expansion des sabres avec l'indice typologique "courbure" dans la 2ème moitié des XIII – XIV siècles

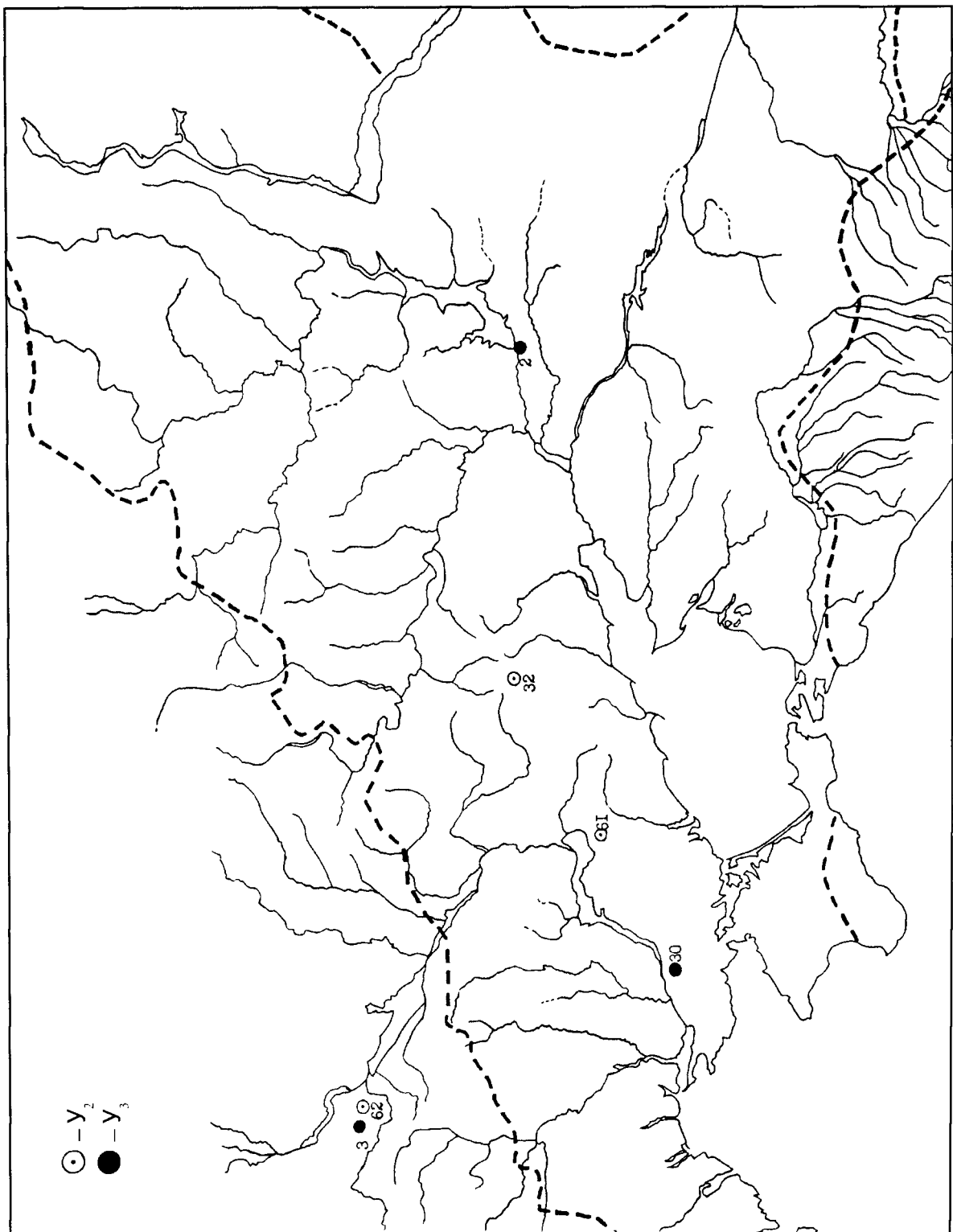

Рис. 17. Распространение сабель с типобразующим признаком “участок максимальной кривизны” во 2-й пол. X – XI вв.

Fig. 17. The spreading of the sabres with the distinctive feature of “the maximum curvature section” in the 2nd half of the Xth – XIth centuries.

Abb. 17. Verbreitung der Säbel mit dem typenbildenden Merkmal “der maximale Krümmungsteil” in der 2. Hälfte des 10. – 11. Jh.

Dessin 17. Expansion des sabre avec l'indice typologique “espace de la courbure maximale” dans la 2ème moitié des X – XI siècles

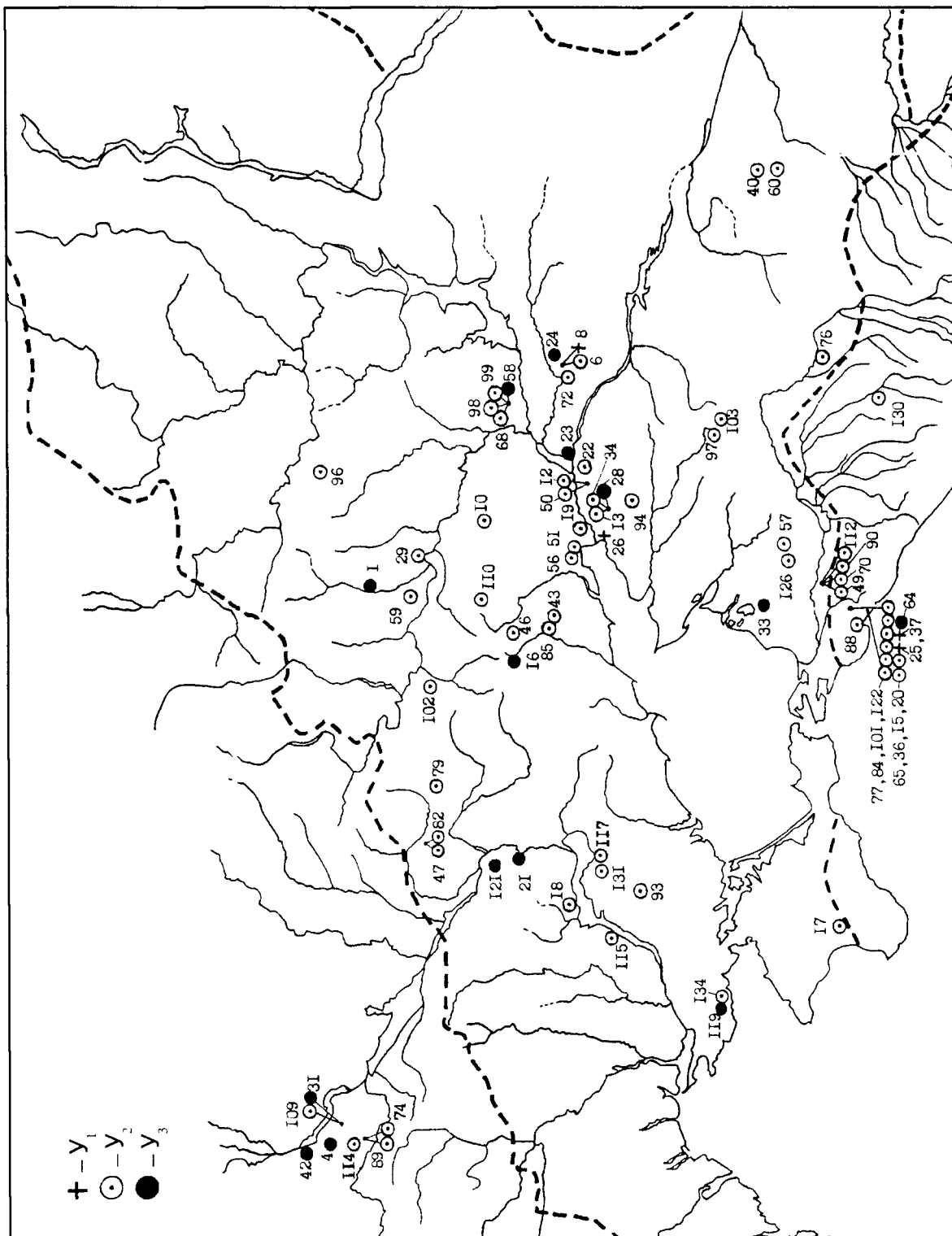

Рис. 18. Распространение сабель с типобразующим признаком "участок максимальной кривизны" в XII – 1-й пол. XIII вв.

Fig. 18. The spreading of the sabres with the distinctive feature of "the maximum curvature section" in the XIIth – the 1st half of the XIIIth centuries.

Abb. 18. Verbreitung der Säbel mit dem typenbildenden Merkmal "der maximale Krümmungsteil" im 12. – in der 1. Hälfte des 13. Jh.

Dessin 18. Expansion des sabres avec l'indice typologique "espace de la courbure maximale" aux XII – 1ère moitié du XIII siècles

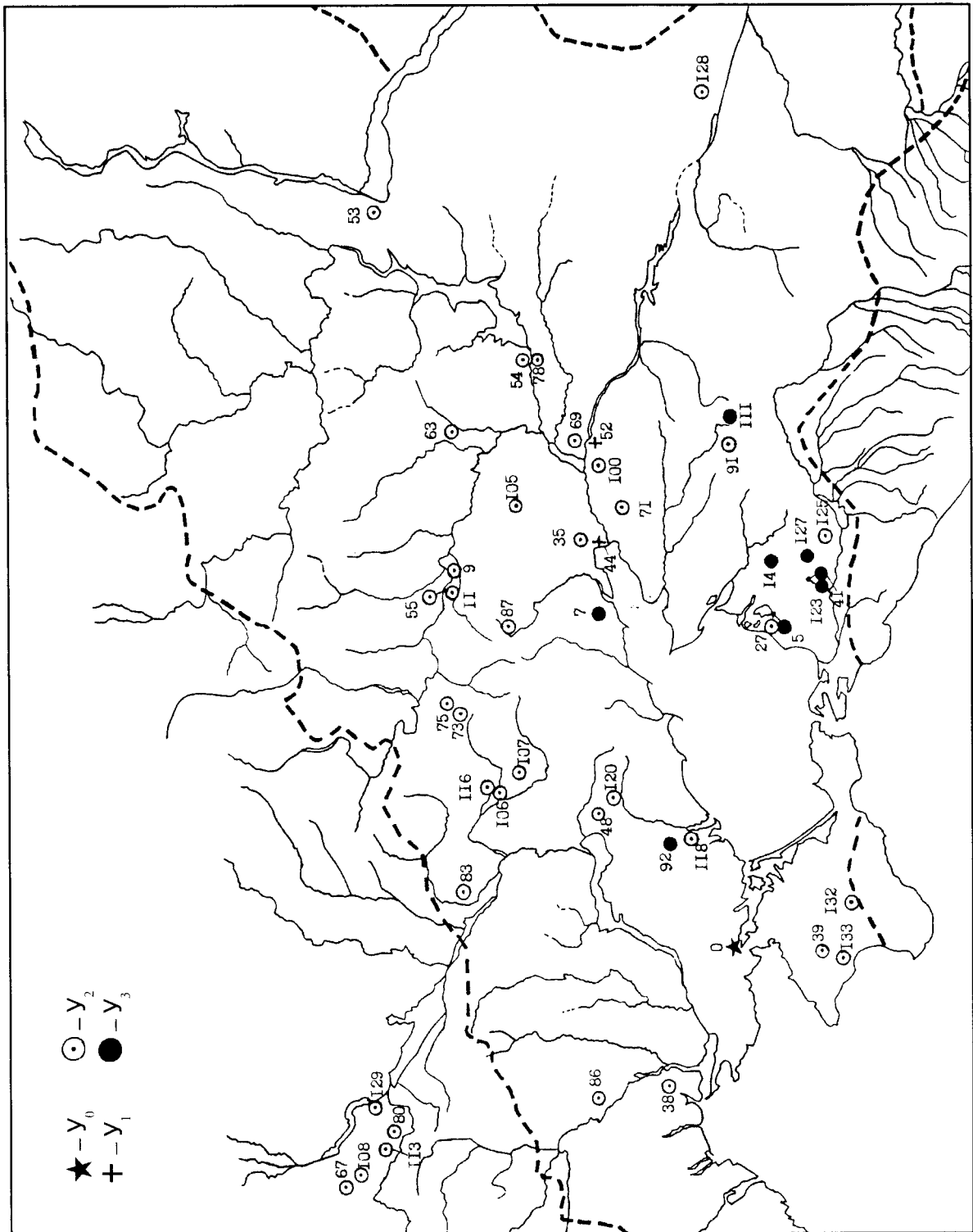

Рис. 19. Распространение сабель с типобразующим признаком «участок максимальной кривизны» во 2-й пол. XIII – XIV вв.

Fig. 19. The spreading of the sabres with the distinctive feature of "the maximum curvature section" in the 2nd half of the XIIIth – XIVth centuries.

Abb. 19. Verbreitung der Säbel mit dem typenbildenden Merkmal "der maximale Krümmungsteil" in der 2. Hälfte des 13. – 14. Jh.

Dessin 19. Expansion des sabres avec l'indice typologique "espace de la courbure maximale" à la 2ème moitié du XIII – XIV siècles

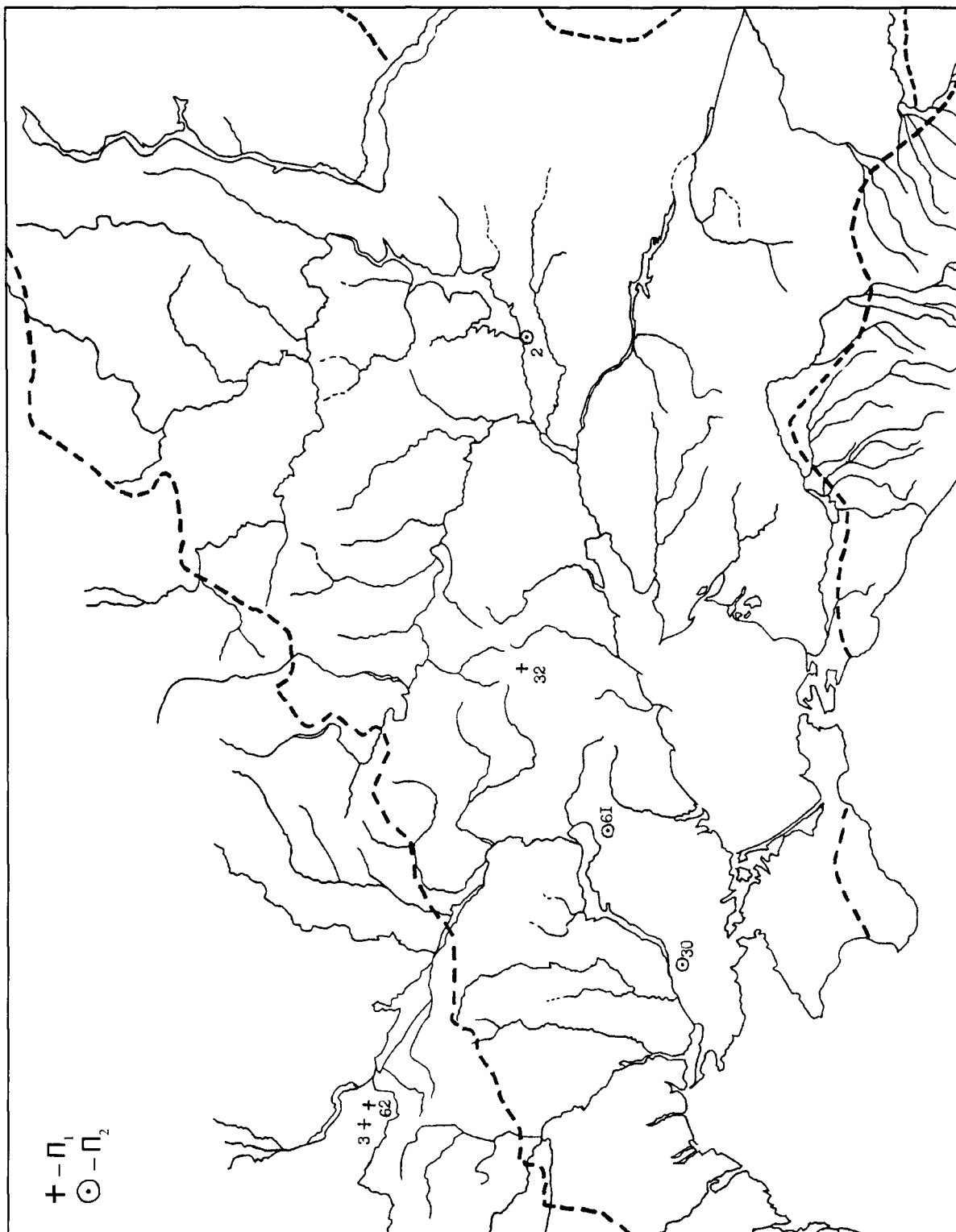

Рис. 20. Распространение сабель с типобразующим признаком "пропорция" во 2-й пол. X – XI вв.

Fig. 20. The spreading of the sabres with the distinctive feature of "proportion" in the 2nd half of the Xth – XIth centuries.

Abb. 20. Verbreitung der Säbel mit dem typenbildenden Merkmal "Proportion" in der 2. Hälfte des 10. – 11. Jh.

Dessin 20. Expansion des sabres avec l'indice typologique "proportion" à la 2ème moitié du X – XI siècles

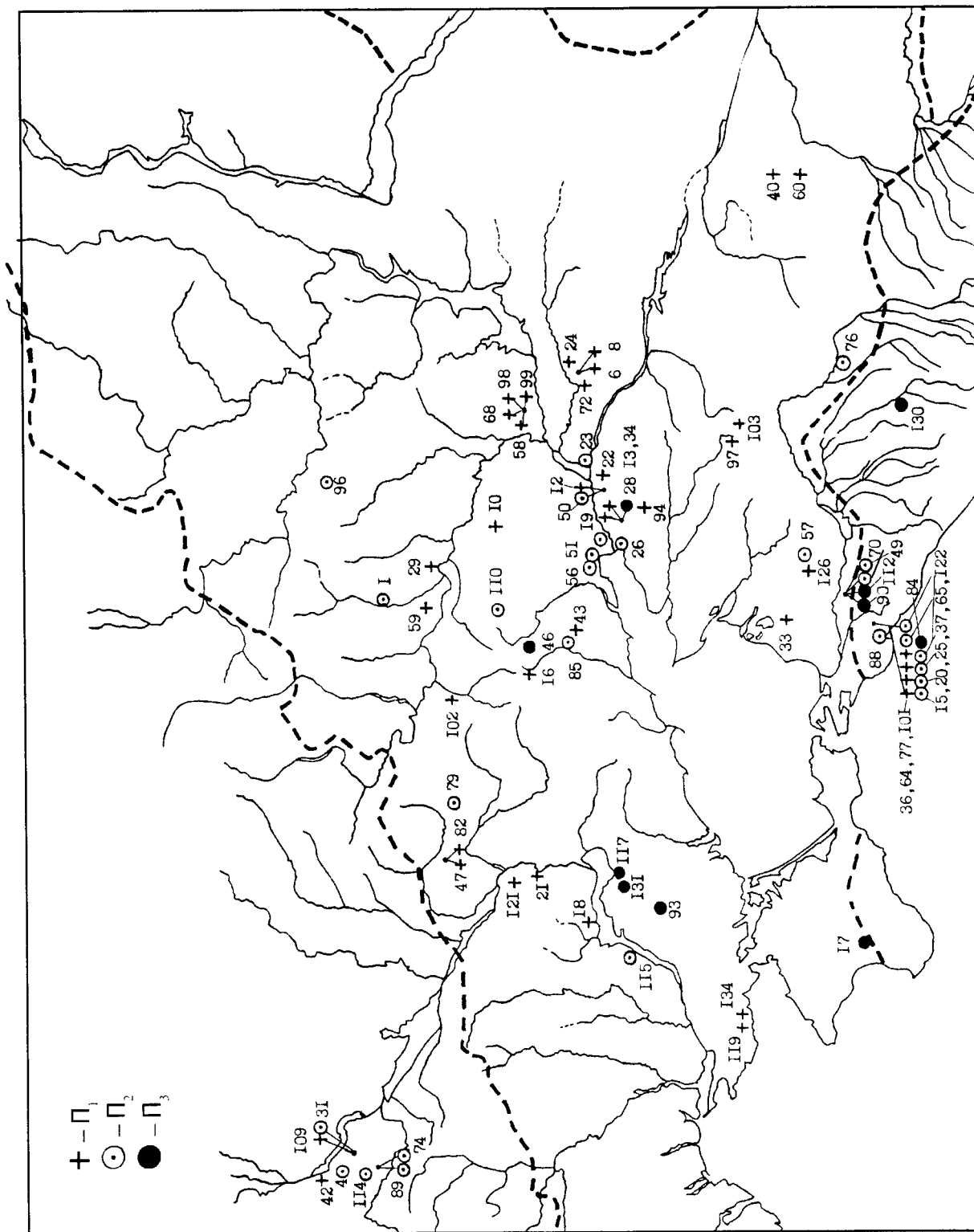

Рис. 21. Распространение сабель с типобразующим признаком "пропорция" в XII – 1-й пол. XIII вв.

Fig. 21. The spreading of the sabres with the distinctive feature of "proportion" in the XIIth – the 1st half of the XIIIth centuries.

Abb. 21. Verbreitung der Säbel mit dem typenbildenden Merkmal "Proportion" im 12. – in der 1. Hälfte des 13. Jh.

Dessin 21. Expansion des sabres avec l'indice typologique "proportion" au XII – 1ère moitié du XIII siècles

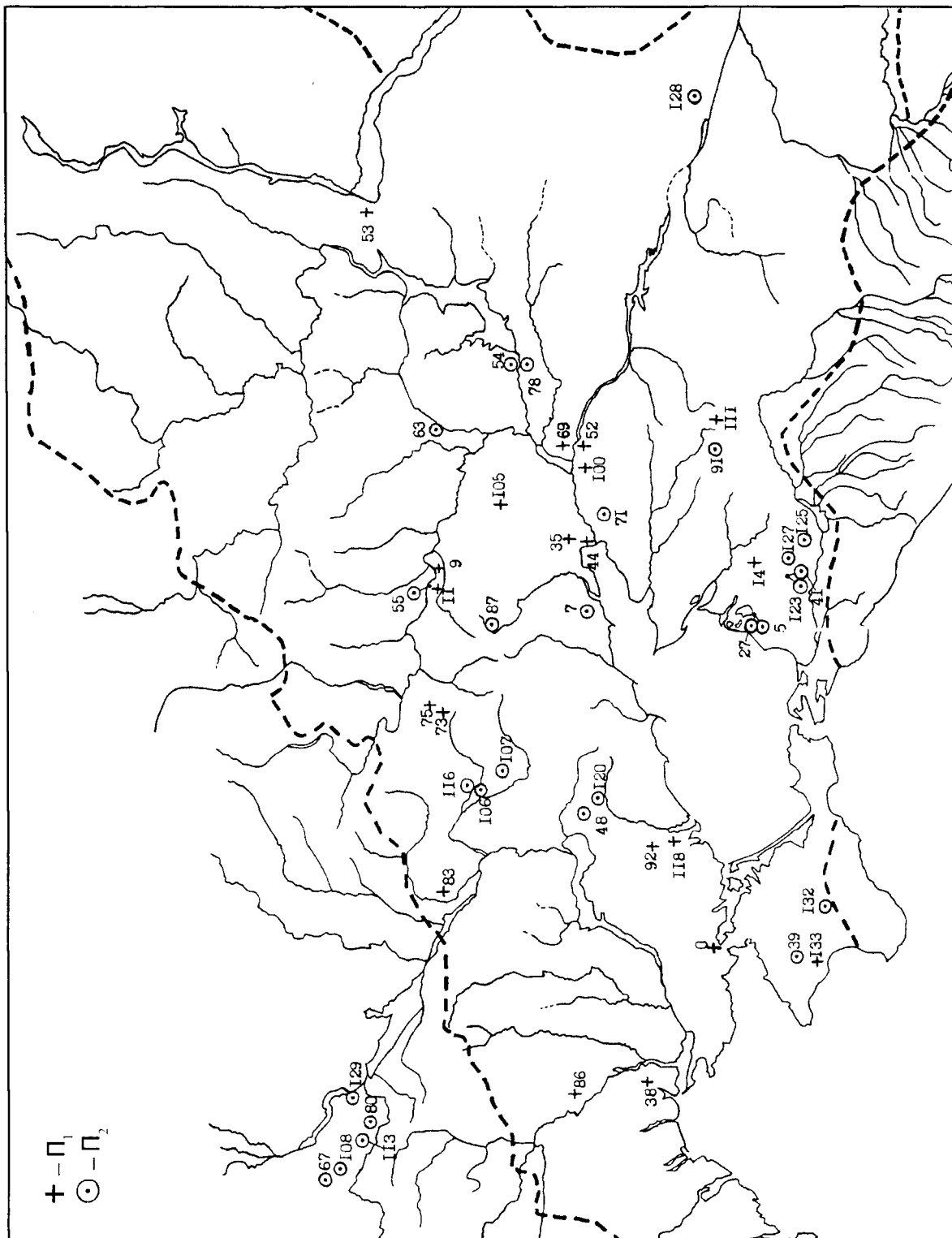

Рис. 22. Распространение сабель с типобразующим признаком "пропорция" во 2-й пол. XIII – XIV вв.

Fig. 22. The spreading of the sabres with the distinctive feature of "proportion" in the 2nd half of the XIIIth – XIVth centuries.

Abb. 22. Verbreitung der Säbel mit dem typenbildenden Merkmal "Proportion" in der 2. Hälfte des 13. – 14. Jh.

Dessin 22. Expansion des sabres avec l'indice typologique "proportion" dans la 2ème moitié des XIII – XIV siècles

Приложение

№ п/п	№ Комплекса	Пункт	Шифр клинка	Типы дополнительных признаков					Дата
				Перекрестие	Навершие	Наконеч. ножен	Наклон рукояти	Острие**	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	9	Александровск 5/17	К ₁ У ₂ П ₁	III.3	I.1	-	-	- I	рубеж XIII – XIV
2	85	Александровка - II, 2/1	К ₂ У ₂ П ₂	II.1	III	I.1	-	-	XII – I-XIII
3	102	Андреевка 1/3	К ₂ У ₂ П ₁	III.3	-	-	II	- I	II-XII – I-XIII
4	12	Арпачин-II, 23/5	К ₁ У ₂ П ₁	I.3	II	-	I	- V	рубеж XII – XIII
5	50	Арпачин-II, 40/1	К ₂ У ₂ П ₂	I.3	II	-	-	-	рубеж XII – XIII
6	117	Балки 6/1	К ₂ У ₂ П ₂	-	-	-	-	- IV	II – XII
7	61	Барвиновка 9/1	К ₂ У ₂ П ₂	+	-	-	+	- V	X – XI
8	105	Бирюково 3/1	К ₂ У ₂ П ₁	III.3	-	-	I	- I	II-XIII – XIV
9	116	Благодатное-IV, 4/1	К ₂ У ₂ П ₂	III.1	-	-	I	+ IV	II-XIII – XIV
10	95	Бугундырь-VI, 5/1	К ₂ У ₂ П ₂	III.2	-	-	+	- IV	X – XIV
11	17	Булганакское г-ще, п.1	К ₂ У ₂ П ₃	I.3	II	-	I	+ I	XII – I-XIII
12	44	Бубнов Ерик-V, п.1	К ₁ У ₁ П ₁	III.2	I.2	-	-	- V	II – XIII
13	129	Ковали, к.53	К ₃ У ₂ П ₂	III.2	+	-	-	- III	рубеж XIII – XIV
14	52	Веселый-II, 4/1	К ₂ У ₁ П	III.1	II	-	-	- V	II-XIII – сер.XIV
15	48	Виноградное 30/3	К ₂ У ₂ П ₂	I.2	II	+	II	+ V	II-XIII – нач. XIV
16	124	канал Волга-Чограй-55, 2/3	К ₂ У ₂ П ₁	+	I.4	-	-	-	X – XIV
17	29	Войтово-III, 7/2	К ₂ У ₂ П ₁	III.4	+	-	I	- IV	XII – I-XIII
18	13	Высочино-IV, 2/5	К ₁ У ₂ П ₁	-	-	-	I	- III	XII
19	71	Высочино-I, 18/3	К ₂ У ₂ П ₂	-	I.2	+	-	-	II – XIII
20	28	Высочино-III, 12/1	К ₁ У ₃ П ₃	-	+	-	-	- IV	кон. XII – I-XIII
21	34	Высочино-IV, 4/4	К ₁ У ₂ П ₁	-	-	-	I	- V	I – XIII
22	42	Гадомка, к.222	К ₁ У ₁ П ₁	-	-	-	-	- III	I – XIII
23	93	Демьяновка	К ₂ У ₂ П ₃	-	-	-	I	- I	I – XIII
24	53	Дмитриевка 1/1	К ₂ У ₂ П ₁	III.1	-	-	I	- V	II-XIII – XIV
25	103	Дмитриевская-I, 4/1	К ₂ У ₂ П ₁	I.1	-	I.3	I	-	рубеж XII – XIII

* Присутствует, но тип не определим.

** -I однолезвийное острие I типа, +I двулезвийное острие I типа.

Приложение (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
26	111	Дмитриевская-1, 1/2	K ₃ У ₃ П ₁	-	-	1.3	II	-	II-XII – нач.XIV
27	87	Дружный 2/2	K ₂ У ₂ П ₂	1.3	-	-	I	+ IV	II-XIII – XIV
28	107	Дубовики-1, 1/3	K ₂ У ₂ П ₂	II.1	1.3	1.3	-	- IV	II-XIII – XIV
29	115	Дудчаны 1/16	K ₃ У ₂ П ₂	II.1	1.3	-	-	+ IV	XII
30	19	Елизаветовский 57/1	K ₁ У ₂ П ₂	+	+	-	I	-I	XII – I-XIII
31	79	Жемчужное-1, 4/4	K ₂ У ₂ П ₂	II.1	1.2	-	I	- II	XII – I-XIII
32	113	Зеленки, к.367	K ₃ У ₂ П ₂	II.1	-	-	II	- I	II – XIII
33	74	Зеленки, к.314	K ₂ У ₂ П ₂	III.2	-	1.3	-	-	XII – I-XIII
34	89	Зеленки, к.312	K ₂ У ₂ П ₂	-	1.1	1.3	-	-	XII
35	131	Ильинка 5/1	K ₂ У ₂ П ₃	+	II	1.3	-	- I	XII – I-XIII
36	67	Кагарлыкская слобода, к.336	K ₂ У ₂ П ₂	-	-	1.3	-	-	XIII – I-XIV
37	0	Каирка 3/1	K ₀ У ₀ П ₁	III.1	1.3	-	II	+ IV	II – XIV
38	43	Каменка-II, 1/1	K ₁ У ₂ П ₁	1.2	II	-	-	+ V	XII – I-XIII
39	38	Каменка 26/1	K ₁ У ₂ П ₁	II.3	1.1	-	I	- IV	II-XIII – XIV
40	69	Карповка 1/1	K ₂ У ₂ П ₁	III.3?	1.4	1.3	-	- IV	XIII – XIV
41	54	Камышевский-I, 7/1	K ₁ У ₂ П ₂	III.1	-	-	-	- V	XIV
42	99	Кастырский-VI, 4/11	K ₂ У ₂ П ₁	+	-	-	+	-	XII – I-XIII
43	98	Кастырский-V, 7/2	K ₂ У ₂ П ₁	II.1	1.3	-	II	- IV	XII – I-XIII
44	58	Кастырский-VIII, 6/2	K ₂ У ₃ П ₁	III.1	-	-	I	- I	I - XIII
45	68	Кастырский-V, 9/1	K ₂ У ₂ П ₁	-	-	-	-	-	I - XIII
46	24	Кировский-V, 1/1	K ₁ У ₃ П ₁	1.1	II	1.3	II	-	XII
47	5	Коллекторский 2/14	K ₁ У ₃ П ₂	II.2	-	+	-	+ I	рубеж XIII – XIV
48	27	Коллекторский 1/1	K ₁ У ₂ П ₂	-	II	-	-	- V	I – XIV
49	114	Краснополка 271/2	K ₃ У ₂ П ₂	II.1	-	1.3	-	-	XII – нач.XIII
50	91	Кривуша 1/1	K ₂ У ₂ П ₂	II.1	1.3	1.3	II	- IV	XIII – нач.XIV
51	45	Крупская 8/2	K ₁ У ₂ П ₁	-	-	-	I	-	X – XIV
52	18	Кут 23/4	K ₁ У ₂ П ₁	III.1	-	-	II	- I	XII
53	108	Липовец	K ₃ У ₂ П ₂	II.1	-	-	I	- IV	XIII – рубеж XIV
54	123	к-з "Ленина" 61/3	K ₂ У ₃ П ₂	-	-	-	-	-	II – XIII
55	41	к-з "Ленина" 2/7	K ₁ У ₃ П ₂	1.2	+	+	-	- V	II-XIII – XIV
56	33	Лебеди-I, 3/6	K ₂ У ₃ П ₁	-	-	1.3	I	-	рубеж XII – XIII
57	133	Мамай	K ₃ У ₂ П ₁	II.1	-	II	-	-	II-XIII - XIV

Приложение (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
58	14	Малаи 3/1	$K_1Y_3P_1$	II.2	-	-	II	+ IV	II-XIII - XIV
59	112	Мингрельский-II, 17/1	$K_3Y_2P_3$	I.2	-	I.3	+	+	XII
60	70	Мингрельский-II, 17/6	$K_2Y_2P_2$	-	-	I.3	+	+ I	XII
61	90	Мингрельский-II, 16/4	$K_2Y_2P_3$	-	-	-	II	+ I	XII
62	49	Мингрельский-II, 16/9	$K_2Y_2P_2$	+	-	I.3	II	+	XII
63	134	Морская Кошара 4/3	$K_1Y_2P_1$	II.3	-	+	I	+	I-XIII
64	72	Московский-II, 25/1	$K_2Y_2P_1$	III.3	I.2	I.2	I	- IV	XII - XIII
65	63	Надежовка-I, 2/1	$K_2Y_2P_2$	+	-	+	I	+ IV	II-XIII - XIV
66	121	Николаевка-I, 4/5	$K_1Y_3P_1$	-	-	-	-	+ I	XII
67	46	Нижняя Крынка 6/1	$K_1Y_2P_3$	III,2	II	I.3	-	-	XII - I-XIII
68	26	Ново-Александровка-I, 48/1	$K_1Y_1P_2$	+	-	I.3	+	- IV	XII - I-XIII
69	75	Новониколаевка-I, 1/2	$K_2Y_3P_1$	+	-	I.3	I	+ IV	II - XIII
70	92	Новониколаевка 6/1	$K_2Y_3P_1$	II.1	I.2	I.2	-	-	II-XIII - нач.XIV
71	83	Ново-Подкряж 6/1	$K_2Y_2P_1$	II.1	-	I.1	-	-	XIV
72	94	Ново-Ботайск 1/2	$K_2Y_2P_1$	III.1	I.2	I.1	IV	+ V	XII - I-XIII
73	125	Новотитаровка 1/4	$K_2Y_2P_2$	+	II	I.3	I	- IV	II - XIII
74	60	Новоселицкое 1/3	$K_2Y_2P_1$	III.1	-	-	II	- I	I - XII
75	6	Новый 61/2	$K_1Y_2P_1$	-	-	+	-	- V	XII - I-XIII
76	8	Новый 40/1	$K_1Y_1P_1$	+	+	-	I	- V	XII - I-XIII
77	126	Овальный, п.22	$K_2Y_3P_1$	II.1	II	I.3	IV	-	XII
78	127	Овальный, п.13	$K_3Y_3P_2$	+	-	I.3	-	-	II-XIII - рубеж XIV
79	96	Ольховатка	$K_2Y_2P_2$	III.2	I.4	-	-	- V	XII - нач.XIII
80	110	Ольховатка-II, 4/1	$K_3Y_2P_2$	III.5	I.3	I.3	I	-	сер.XIII
81	73	Октябрьское 8/8	$K_2Y_2P_1$	III.1	+	I.2	I	-	рубеж XIII - XIV
82	32	Острый 1/1	$K_1Y_2P_1$	III.1	-	-	I	- V	X - XI
83	106	Павлоград-I, 7/1	$K_3Y_2P_2$	III.3	I.4	-	-	- IV	II-XIII - нач.XIV
84	57	Победа 66/1	$K_2Y_2P_2$	I.2	-	I.3	II	+	XII - I-XIII
85	104	Павловка 2/1	$K_2Y_2P_1$	+	+	I.3	II	-	X - XIV
86	80	Пешки, к.323	$K_2Y_2P_2$	-	I.4	+	-	-	II-XIII - XIV
87	23	Плоский-I, 9/1	$K_1Y_3P_2$	+	I.4	+	I	- IV	XII
88	30	Привольное-I, 14/1	$K_1Y_2P_2$	III.1	-	I.1	II	-	XI
89	59	Пришиб 2/2	$K_2Y_2P_1$	+	-	-	II	-	XII - I-XIII

Приложение (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
90	47	Пролетарское-XXX, 9/7	K ₁ Y ₂ П ₁	II.1	I.1	-	I	+ I	XII
91	82	Пролетарское-XXX, 14/5	K ₂ Y ₂ П ₁	II.1	III	-	I	+ IV	I - XIII
92	10	Провалье 6/1	K ₁ Y ₂ П ₁	III.3	I.1	-	-	- II	XII - I-XIII
93	3	Поток 452/3	K ₁ Y ₃ П ₁	-	I.3	-	-	- I	кон.XI
94	4	Разоренный курган	K ₁ Y ₃ П ₂	-	-	-	I	+ II	XII - I-XIII
95	88	Раевское г-ще 1/2	K ₂ Y ₂ П ₂	-	-	-	I	- V	XII - I-XIII
96	118	Родионовка 3/1	K ₃ Y ₂ П ₁	II.3a	+	-	I	- I	II-XIV
97	2	Саркел, к.34	K ₁ Y ₃ П ₂	III.1	-	-	-	+ I	X - XI
98	7	Самойлово 2/2	K ₁ Y ₃ П ₂	I.3	II	-	IV	+ I	II - XIII
99	11	Смелое 1/2	K ₁ Y ₂ П ₁	-	I.4	I.2	II	-	II-XIII - нач.XIV
100	1	Сосновка 1/2	K ₁ Y ₃ П ₂	III.1	-	-	-	- I	XII - I-XIII
101	39	Солдатово 5/2	K ₁ Y ₂ П ₂	III.3	-	-	-	- III	II-XII - XIV
102	81	Степанцы, к.216	K ₂ Y ₂ П ₁	II.1	-	-	II	- V	X - XIV
103	62	Степанцы, к.215	K ₂ Y ₂ П ₁	III.2	-	-	-	- V	кон.XI
104	66	Студенок-5	K ₂ Y ₂ П ₂	I.2	I.2?	-	I	+ IV	развитие средневековье
105	55	Смелое 4/2	K ₂ Y ₂ П ₂	+	-	-	I	-	II - XII
106	40	Сухая Падина 2/4	K ₁ Y ₂ П ₁	+	I.2	-	II	-	XII
107	51	Сухо-Чалтырская балка 2/1	K ₂ Y ₂ П ₂	I.3	+	-	I	- II	XII
108	86	Таборовка-III, 1/5	K ₂ Y ₂ П ₁	+	I.3	I.3	I	- IV	I - XIV
109	16	Текстильщик 4/5	K ₁ Y ₃ П ₁	III.4	I.3	-	-	- I	XII
110	56	Терны (дельта Дона), п.1	K ₂ Y ₂ П ₂	+	II	I.3	II	-	XII
111	22	Тузлуки 2/3	K ₁ Y ₂ П ₁	III.3	+	-	II	-	I - XIII
112	100	Тузлуки 9/14	K ₂ Y ₂ П ₁	I.1	+	I.3	I	-	II-XIII - XIV
113	76	Успенское 11/1	K ₂ Y ₂ П ₂	I	+	-	+	-	XII - I-XIII
114	35	Царский 40/1	K ₁ Y ₂ П ₁	III.2	-	-	-	- II	II-XIII - нач.XIV
115	78	Центральный-IV, 10/1	K ₂ Y ₂ П ₂	-	-	-	+	- V	II-XIII - XIV
116	130	Центрлаба-I, 8/2	K ₃ Y ₂ П ₃	III.5	-	II	II	- II	XII - I-XIII
117	109	Цозаровка 250/1	K ₃ Y ₂ П ₁	II.1	I.4	-	-	- I	XII - XIV
118	31	Цозаровка 250/4	K ₁ Y ₃ П ₂	-	I.1	I.1	-	-	XII - I-XIII
119	122	Черноклен 1/52	K ₁ Y ₂ П ₂	-	-	-	-	+	XIII
120	36	Черноклен 1/58	K ₁ Y ₂ П ₁	+	-	-	-	+ I	XIII
121	65	Черноклен 1/69	K ₁ Y ₂ П ₂	-	-	-	+	+ IV	XIII

Приложение (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
122	20	Черноклен 1/74	K ₁ У ₂ П ₂	-	-	-	-	+	XIII
123	15	Черноклен 1/75	K ₁ У ₂ П ₂	-	-	-	+	+V	XIII
124	64	Черноклен 1/78	K ₁ У ₃ П ₁	+	-	-	I	+I	XIII
125	37	Черноклен 1/79	K ₁ У ₁ П ₂	+	-	+	III	+V	XIII
126	77	Черноклен 1/83	K ₁ У ₂ П ₁	-	-	-	I	-I	XIII
127	84	Черноклен 1/86	K ₂ У ₂ П ₃	+	-	-	-	+I	XIII
128	25	Черноклен 1/88	K ₁ У ₁ П ₂	-	-	-	I	-V	XIII
129	101	Черноклен 1/89	K ₂ У ₂ П ₁	-	-	+	-	-IV	XIII
130	120	Чингул (Заможное) 5/3	K ₃ У ₂ П ₂	II.1?	I.4	I.3	I	-V	II - XIII
131	132	Чокурча	K ₁ У ₂ П ₂	II.1?	I.2	-	-	+	XIII - нач.XIV
132	128	Шаред 1/2	K ₂ У ₂ П ₂	+	-	+	II	-IV	II-XIII - XIV
133	119	Шевченко 3/1	K ₁ У ₃ П ₁	-	-	-	-	-IV	I - XIII
134	21	Широкое-1, 4/1	K ₁ У ₃ П ₁	III.1	I.1	-	I	-IV	XII - сер.XIII
135	97	Южный 2/1	K ₂ У ₂ П ₁	II.1	I.3	I.3	I	-IV	XII - I-XIII

Литература и архивные материалы

- Андрух С.И., Тощев Г.Н., 1990. Отчет о полевых археологических работах в Каменско-Днепровском и Акимовском районах Запорожской области в 1990 г. Ч. 1// НА ИА НАН Украины, № 1990/ 78.
- Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981. М.
- Атавин А.Г., 1984. Некоторые особенности захоронений тучел коней в кочевнических погребениях X-XIV вв.// СА. № I.
- Атавин А.Г., 1996. Погребения VII - начала VIII вв. из Восточного Приазовья// Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
- Берестнев С.И., Крыганов А.В., 1990. Два позднекочевнических погребения Самаро-Орельского междуречья// Питання археології Сумщини. Матеріали науково-практичної конференції "Проблеми вивчення і охорони пам'яток археології Сумщини". Суми.
- Брей У., Трамп Д., 1990. Археологический словарь: Пер. с англ. М.
- Васюткин С.М., Кольцов П.М., Николаева Н.А., 1992. Средневековые погребения зоны канала Волга-Чограй// Исследования по археологии юга Восточной Европы. Элиста.
- фон Винклер П., 1992. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века/ под ред. А.И.Устинова, Ю.В.Шокорева. М.
- Военный энциклопедический словарь, 1984. М.
- Даль В., 1980. Толковый словарь. Т.IV. М.
- Деревянко Е.И., 1987. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск.
- Деревянко Е.И., 1981. Племена Приамурья I тысячелетия нашей эры (Очерки этнической истории и культуры). Новосибирск.
- Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, 1946. Вып.IV. М.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1996. Кресала в позднекочевнических погребениях Северного Причерноморья// ДАС. Вып.6.

15. Иванов В.А., 1987. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII-XIV вв.)// Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск.
16. Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып.1. Мечи и сабли// САИ. Вып. Е1-36.
17. Ковалева И.Ф., 1975. Отчет по научно-исследовательской работе (промежуточный этап). Исследование археологических памятников в районе строительства Царичанской оросительной системы// НА ИА НАН Украины, № 1975/52.
18. Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.Л., 1994. Конструктивная классификация проникающего оружия и орудий// История и эволюция древних вещей. М.
19. Корзухина Г.Ф., 1950. Из истории древнерусского оружия XI в.// СА. XIII.
20. Кубышев А.И., Дорофеев В.В. и др., 1982. Отчет об исследованиях Херсонской археологической экспедиции в 1982 году// НА ИА НАН Украины, № 1982/4.
21. Кубышев А.И., Дорофеев В.В. и др., 1983. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской и Запорожской областях в 1983 г.// НА ИА НАН Украины, № 1983/26.
22. Кызласов И.Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв.// САИ. Вып. Е3-18.
23. Малый толковый словарь. 1990. М.
24. Мерперт Н.Я., 1951. О генезисе салтовской культуры// КСИИМК. Вып. XXXVI.
25. Мерперт Н.Я., 1955. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье// СА. XXIII.
26. Моруженко А.А., Зарайская Н.П. и др., 1983. Отчет об археологических раскопках курганов в зоне строительства мелиоративных систем на территории Амвросиевского, Марьинского, Першотравневого и Славянского районов Донецкой области в 1983 г.// НА ИА НАН Украины, № 1983/50.
27. Мотов Ю.А., 1998. О датировке мечей с настенных росписей раннесредневековых городов Средней Азии// Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции 17-20 ноября 1997 г. Самара.
28. Нацвеладзе Ю.А., 1979. Сабля// СВЭ. Т.7. М.
29. Неверов С.В., Горбунов В.В., 1989. Об одной особенности рубяще-колющего оружия кимаков Восточного Казахстана и племен сросткинской культуры Верхнего Приобья// Археологические исследования в Сибири (Тезисы материалов к конференции). Барнаул.
30. Отрощенко В.В., Ляшко С.Н. и др., 1987. Отчет с раскопках Запорожской экспедиции в 1987 году// НА ИА НАН Украины, № 1987/18.
31. Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам// МИА. № 142.
32. Плетнева С.А., 1973. Древности Черных Клобуков// САИ. Вып. Е1-19.
33. Плетнева С.А., 1990а. Печенег и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела-Белой Вежи). М.
34. Плетнева С.А., 1990б. Половцы. М.
35. Плотников Ю.А., 1981. Рубящее оружие прииртышских кимаков// Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
36. Полесских М.Р., 1968. Боевое оружие и снаряжение из могильников армиевского типа// СА. № 1.
37. Потемкина Т.М., 1998. О терминологии и отличительных чертах некоторых видов раннесредневекового клинкового оружия// Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции 2-5 сентября 1998 г. СПб.
38. Рунич А.П., 1977. Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины// СА. № 1.
39. Словарь современного русского литературного языка, 1962. Т.13. М.-Л.
40. Советская военная энциклопедия, 1979. Т.6. М.
41. Соловьев А.И., 1985. О некоторых характеристиках клинкового оружия// Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск.
42. Соловьев А.И., 1987. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск.
43. Сунгатов Ф.А., 1993. К вопросу о датировке Варнинского и Тольенского могильников// Хронология памятников Южного Урала. Уфа.
44. Тарабанов В.А., 1996. Сабля - основной вид вооружения племен Северо-Западного Кавказа в период средневековья// Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX "Крупновские чтения"). Тезисы докладов. М.

45. Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
46. Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Археологическая типология и процесс типобразования (на примере средневековых бус)// Математические методы в социально-экономических исследованиях. М.
47. Федоров-Давыдов Г.А., 1987. Статистические методы в археологии. М.
48. Халикова Е.А., 1976. Больше-Тиганский могильник// СА. № 2.
49. Худяков Ю.С., 1980. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. Новосибирск.
50. Худяков Ю.С., 1981. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX-X вв.// Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
51. Хузин Ф.Ш., 1985. Оружие ближнего боя// Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. М.
52. Циркин А.В., 1987. Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н.э. Красноярск.
53. Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1980. Кочевнические погребения Среднего Приорелья// Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск.
54. Шалобудов В.Н., Яремак В.Н., 1987. Гривны в погребениях средневековых кочевников// Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск.
55. Энциклопедический словарь, 1955. Т.3. М.

Summary

A.V. Yevglevsky, T.M. Potyomkina (Donetsk)
Late Nomadic Sabres of Eastern Europe

The article is devoted to the most important type of offensive armament of medieval nomads - a sabre. The article presents rather complete historiography of the question, and puts actual problems concerning terminology of prickly-sabring weapon.

All studied sabres originate from late nomadic interments of Eastern Europe, which constitutes 16% of the total amount of complexes. The typological analysis is made by means of mathematical statistics; its base is the model-making process worked out by G.A. Fedorov-Davydov.

Chronological analysis of the investigated series of sabres showed that the development of separate model-making features was not always smooth in time. For example, slight curvature of the blade, in contrast to the strong one, can not serve as a chronological indicator. Neither there was smooth evolutionary development of other most important characteristics of the blade: its length and width. One can not date late nomadic sabres on the basis of gardas and tops, as their early types could be found among the blades of the Golden Horde period in small numbers.

The greatest variety of sabres falls on the XIIth-XIIIth cc. During the period from the XIIth c. to the XIIIth c. the varieties are fixed. In the XIVth c. the quantity of sabre diversity, used by nomads, reduces to 9. These data contradict the opinion of extraordinary uniformity of sabre sizes and forms, of their standardization in the nomads of the whole European steppe up to the Urals.

Judging from the available excerpts a great number of ordinary nomad-soldiers were buried with their sabres, what also contradicts the traditional point of view on a sabre as a weapon which was used only by rich nomads.

A.W., Jewglewskij, T.M., Potjomkina (Donezk)
Spätnomadensäbel Osteuropas

Der Artikel ist dem Säbel, dem wichtigsten Angriffswaffentyp von mittelalterlichen Nomaden gewidmet. In der Arbeit gibt es auch ziemlich volle Säbelhistoriographie, sie spricht über aktuelle terminologische Probleme der stechend-schneidenden Waffen.

Alle erforschten Säbel stammen aus den Spätnomadengräbern Osteuropas, das macht 16% der Gesamtanzahl von Komplexen aus. Die typologische Säbelklassifikation ist mit Hilfe von der mathematischen Statistik gemacht, ihre Grundlage bilden die Prinzipien der typbildenden Prozesse, die von G.A. Fjodorow-Dawidow erarbeitet wurden.

Die chronologische Analyse der erforschten Säbelserie zeigte, daß die Entwicklung der einzelnen typkennzeichnenden Merkmale im Laufe der Zeit nicht immer fließend verlief. Z. B. Die leichte Klingekrümmung im Unterschied zur starken Krümmung kann als das chronologische Merkmal nicht berücksichtigt werden. Auch andere wichtige Klingecharakteristika - Länge und Breite - hatten keine fließende Entwicklung. Man kann die Spätnomadensäbel nach Säbelkreuzen und Säbeloberteilen nicht datieren, weil ihre früheren Typen in geringen Mengen auch auf Klingflächen von der Zeit der Goldenen Horde vorkommen.

Die größte Säbelmannigfaltigkeit fällt in das 12.-13. Jh. In dieser Periode wurden von 13 (im 12. Jh.) bis 19 (im 13. Jh.) Säbeltypen festgestellt. Im 14. Jh. verringert sich die Säbeltypenanzahl bis auf 9 Typen. Diese Angaben widersprechen der Meinung über die Einheitlichkeit der Form und Größe aller Säbel, über ihre Standardisierung bei Nomaden der ganzen europäischen Steppe bis zu dem Ural.

Ein großer Anteil der Nomadenmannschaften, ausgehend von dem vorhandenen Auszug, wurde mit Säbel beerdigt, was auch der üblichen Meinung über Säbel widerspricht, daß nur reiche Nomaden diese Waffe besaßen.

A.V. Evglevski, T.M. Potemkina (Donetsk)

Sabres des nomades avancés de l'Europe de l'Est

L'article est consacré au sabre, l'arme la plus importante d'un armement offensif des nomades du Moyen Age. Le travail offre une historiographie assez exhaustive de la question, soulève les problèmes actuels de la terminologie d'une arme de taille et perforante.

Tous les sabres étudiés proviennent des sépultures des nomades avancés de l'Europe Orientale, ce qui fait 16% de tous les complexes archéologiques. L'analyse typologique est entreprise à l'aide d'une statistique mathématique. Les principes du processus de la formation des modèles élaborés par G.A. Fiodorov-Davydov sont à sa base.

L'analyse chronologique d'une série de sabres étudiée montre que certaines marques typologiques ne se développent pas harmonieusement avec le temps. Par exemple, une légère courbure d'une lame, à la différence d'une courbure plus marquante ne peut être considérée comme un indice chronologique. Les autres marques importantes d'une lame (longueur et largeur) n'évolutionnent pas harmonieusement non plus. Les sabres des nomades avancés ne peuvent pas être datés selon les gardes et les pommeaux, car un petit nombre de leurs versions anciennes se rencontrent déjà dans les lames de la Horde d'Or.

La diversité la plus grande des sabres tombe sur les XII-XIII siècles. Pendant cette période les nomades sont équipés de 12 (au XII siècle) à 19 (au XIII siècle) variétés de sabres. Au XIV siècle leur quantité diminue jusqu'à 9. Ces données contredisent à l'idée que les sabres sont extraordinairement uniformes et standardisés chez les nomades de toute la steppe européenne jusqu'aux Monts Oural.

A juger des exemples choisis, un grand pourcent de simples guerriers est enterré avec les sabres. Ce fait contredit à l'opinion constante qui considère le sabre comme une arme exclusivement des nomades riches.

КРЕСАЛА В ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

Введение

Железные кресала - одна из интереснейших категорий бытового инвентаря, распространенного повсеместно в период средневековья как у оседлых, так и у кочевых народов. Кресала являются относительно частой находкой среди поселенческого материала и в погребениях. За последние полвека в связи с крупномасштабными раскопками различных памятников на территории Советского Союза был накоплен довольно значительный материал по кресалам. Однако эта категория инвентаря до сих пор остается без должного внимания исследователей. Изучению подвергались многие типы вещей: украшения, керамика, вооружение, поясной набор, предметы конской упряжи и т.д. Из бытового инвентаря более всего изучены ножи. Специальных работ, посвященных железным огнивам, в отечественной литературе всего несколько. Прежде всего следует назвать статьи Л.А.Голубевой (Голубева Л.А., 1964, с.130-132; 1965, с.257-260; Голубева Л.А., Варенова А.Б., 1993, с.94-107). В них рассмотрено два типа кресал: пластинчатые и кресала с бронзовыми рукоятями. Семантике кресал с бронзовыми рукоятями Прикамья посвящена работа Г.Ф.Корзухиной (Корзухина Г.Ф., 1977, с.156-161). Происхождение и распространение кресал с бронзовыми рукоятями интересовало некоторых зарубежных ученых (Пиркко-Лииза Лехтосало-Хиландер, 1979, с.81-90; Kivikoski E., 1937, s.244-245; Kaks P., 1969, s.155). Типологию пластинчатых пшеворских кресал разработал А.Кокковский (Kokowski A., 1985, s.109-127). Бытовым находкам из Пскова посвящена статья Н.А. Лобанова (Лобанов Н.А., 1989, с.83-84). В ней дана типология и хронология 28 экземпляров псковских кресал. Классификация и датировка дальневосточных кресал представлена в работах Л.П.Ходзевича и Э.В. Шавкунова (Ходзевич Л.П., Шавкунов Э.В., 1990, с.109-121). В основном же, кресала изучались попутно и довольно поверхностно среди прочего инвентаря, который был добыт при раскопках различных памятников. Первую разработку типологии и хронологии древнерусских кресал на материалах Новгорода сделал Б.А.Колчин (Колчин Б.А., 1959, с.98-102, рис.84). Спустя более двадцати лет он ее значительно (особенно хронологические рамки) переработал и уточ-

нил (Колчин Б.А., 1982, с.161, рис.4). Большинство исследователей приняло и широко пользуется классификацией и датировкой кресал, которые предложил Б.А.Колчин.

Типологию и хронологию кресал, встречающихся в погребениях поздних кочевников Восточной Европы, разработал Г.А.Федоров-Давыдов. Правда, продатировал он лишь тип Б-III, который отнес к IV периоду (вторая половина XIII-XIV вв.). А типам А-II и Б-II даны аналогии в Новгороде (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.84, рис.12). Этой разработкой также часто пользуются исследователи.

Некоторые авторы (Коренько А.В., Атавин А.Г., 1986, с.100 и др.) используют датировки кресал, предложенные для позднекочевнических погребений С.А.Плетневой в 1958 г. (Плетнева С.А., 1958, с. 159, 169). Однако следует отметить, что в своей работе исследовательница не дала никакого обоснования хронологии кресал, тем более таким узким датам как середина XII в. и начало XIII в. Более того, если на с.169 "прямоугольные замкнутые" кресала датируются началом XIII в., то на с.173-176 они уже упоминаются среди древностей XIII и даже XIV вв. На рис. 9, на котором якобы изображено "овальное замкнутое" кресало, датируемое С.А.Плетневой серединой XII в., вообще нет никаких кресал (!). Непонятно, что же автор имела в виду. К сожалению, терминология кресал, которую исследовательница использовала в данной работе, крайне неудачна. Так, например, калачевидные с треугольным язычком кресала названы ею овальными с незамкнутыми, загнутыми в завитки концами (с.159) и треугольными с завитыми концами (с.169). С.А.Плетнева сама в 1973 г. признала, что в этой статье "материалы не были рассмотрены и обработаны с должной тщательностью и полнотой" (Плетнева С.А., 1973, с.7). В подтверждение вышесказанного можно привести следующее. В работе 1958 г. на рис. 16, 1 (комплекс из Каменки, к.434) изображено прямоугольное кресало, а в своде источников в этом же комплексе опубликовано калачевидное кресало с треугольным язычком** (Плетнева С.А., 1973, табл.39,14).

Некоторые исследователи попытались предложить собственные классификации кресал из изученных ими памятников. Но принципы, на которых они построены, близки либо типологии Б.А.Колчина (Савельева Э.А., 1987, с.60), либо Г.А.Федорова-Давыдова (Циркин А.В.,

* Данная статья является расширенным и дополненным вариантом статьи Евглевского А.В., Потемкиной Т.М., 1996. Кресала в позднекочевнических погребениях Северного Причерноморья// ДАС. Вып.6.

** За прямоугольное кресало, видимо, была принята одна из обоев, которые в "Древностях Черных Клобуков" в описании табл. 39 упомянуты как "цепочка из колечек" (Плетнева С.А., 1973, с. 43).

1987, с.73-74). Многие же авторы, как отечественные, так и зарубежные, вообще не придерживаются не только какой-либо распространенной типологии, но и не употребляют устоявшуюся, общепризнанную терминологию. Больше всего в этом отношении не “повезло” калачевидным кресалам. Как их только не называют: кресала лировидной формы (Береш Ю., 1988, с.206), скобообразные (Асеев И.В., 1980, с.74), железные пластины треугольной формы, длинные концы которых скруглены и загнуты внутрь (Симонова Е., 1984, с.142), луковидные кресала (Воронов Ю.Н., 1979, с.49-50), фигурные (Мовчан И.И., Степаненко Л.Я., 1976, с.115-116), незамкнутый овал с согнутыми концами (Археология Украинской ССР, 1986, с.508-509), прямоугольник с несомкнутыми изогнутыми назад в крутой завиток концами и углощенной рабочей частью (Плетнева С.А., 1963, с.252) и т.д. К сожалению, не меньшая путаница в терминологии наблюдается и по отношению к другим типам кресал. И даже в классификациях Б.А.Колчина и Г.А.Федорова-Давыдова мы находим подобные неточности. Так, тип А-1 у Г.А.Федорова-Давыдова назван “прямоугольным с прямоугольной прорезью”, а на рисунке изображено укороченно-овальное кресало (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.84, рис.12, А-1). Б.А.Колчин к третьему типу (овальные кресала) отнес укороченно-овальные и прямоугольные кресала (Колчин Б.А., 1959, с.101). Правда, в новой редакции типологии кресал (Колчин Б.А., 1982, рис.4) он разделит овальные кресала на 2 типа: овальные короткие и овальные длинные (судя по рисунку, так названы прямоугольные кресала). Б.А.Колчин почему-то так и не решился назвать прямоугольными прямоугольные кресала. Хотя еще А.Л.Монгайт в 1955 г. писал о кресалах Старой Рязани: “Обычно они калачевидной формы, реже встречаются овальные или прямоугольные” (Монгайт А.Л., 1955, с.181). Как нам кажется, именно эти неточности и несоответствия названий действительным геометрическим формам изделий породили ту массу неудачных, а порою просто неверных терминов, которыми изобилует археологическая литература. Так, например, укороченно-овальное кресало из Пскова авторы назвали “прямоугольно овальным” (Овсянников О.В., Царькова Л.А., 1983, с.122, рис.2,7), удлиненно-овальное - “прямоугольной формы” (Никитина Т.Б., 1992, с.66, рис.31,3), прямоугольное и удлиненно-овальные кресала названы, причем неоднократно, пластинчатыми с щелевидной прорезью (Розенфельдт Р.Л., 1987б, с.142; 1987а, с.128; Могильников В.А., 1987, с.172), прямоугольное кресало из кочевнического погребения Миусского полуострова получило наименование “С-видное кресало” (Ильюков Л.С., Казакова Л.М., 1988, с.126, 127). Впрочем, этим термином упомянутые выше авторы называли все кресала из позднекочевнических погребений Миусского полуострова. Ряд исследователей вообще избегает называть форму некоторых типов кресал. Например, что можно понять из таких обозначений: “прорезные” (Розенфельдт Р.Л., 1974, с.184-185; Лысенко П.Ф., 1974, с.130), “удлиненные” (Сагайдак М.А., 1988, с.140), “четырёхугольной формы с вырезом” (Циркин А.В.,

1987, с.73)? Максимум, что можно предположить, это то, что речь идет о двулезвийных кресалах. Для тех же, кто далек от данной проблематики, эти так называемые “определения” вообще ни о чем не говорят.

Но есть и положительные примеры. Хотелось бы отметить в этом плане работы Э.А.Савельевой. Если в раннем своем труде (Савельева Э.А., 1971, с.60) она довольно поверхностно отнеслась к классификации кресал, то в работе, посвященной вымским могильникам XI-XIV вв. (Савельева Э.А., 1987, с.60), типология кресал ею была разработана самым тщательным образом. И, если некоторые исследователи порой довольно неуверенно пытались выделить тип прямоугольных кресал, называя их “подпрямоугольными” (Культура Биляра..., 1985, с.123), “близкими к прямоугольнику” (Лобанов Н.А., 1989, с.84), то Э.А.Савельева четко выделила 4 типа двулезвийных прямоугольных кресал.

После того, как Б.А.Колчин разработал типологию и хронологию новгородских кресал, эту категорию инвентаря стали широко привлекать для датировки памятников. И, если часть исследователей уточняла, что подобные кресала в Новгороде датируются тем или иным временем, то многие прямо перенесли новгородскую хронологию кресал на публикуемые памятники. Примеров, к сожалению, немало (Равдина Т.В., 1966, с.222; Бируля И.В., 1970, с.120-121; Кочкуркина С.И., 1986, с.54-55; Назаренко В.А., 1984, с.146; Арсланова Ф.Х., 1983, с.104; Мовчан И.И., Степаненко Л.Я., 1976, с.115-116; Загорюльский Э.М., 1982, с.248; Штыхов Г.В., 1978, с.105; Зверуго Я.Г., 1989, с.125).

Однако есть работы и иного характера. Так, Н.А.Лобанов, исследуя псковские кресала, внимательно отнесся к проблеме хронологии кресал и по каждому типу и варианту провел сравнение с новгородской датировкой (Лобанов Н.А., 1989, с.83-84). Автор убедительно доказал отличное от Новгорода время возникновения и бытования тех или иных типов кресал Пскова.

Недостаточно обоснованным, на наш взгляд, является датирование комплексов по кресалам лишь периодом их наиболее массового распространения (Моця А.П., 1990а, с.120, табл.2). С помощью кресал даже делаются попытки не только датировать памятники, но и определять их этническую принадлежность. Так, например, кресала в виде пластины с ручкой и овальноизогнутой пластины со сходящимися концами считаются этнически определяющими признаками культуры муромы (Голубева Л.А., 1987, с.90; Муромы VII-XI вв., 1990, с.44).

Таким образом, отсутствие специального обобщающего труда, посвященного появлению, распространению, бытованию различных типов кресал у народов Восточной Европы, является значительным пробелом в изучении не только материальной, но и духовной культуры, взаимоотношений древнего населения этой огромной территории.

Среди известных нам 2235 комплексов поздних кочевников X-XIV вв. Восточной Европы кресала обнаружены в 293 погребениях, что составляет 13%. Для сравнения: в древнерусских языческих подкурганых захоронениях Южной Руси IX-XIII вв. кресала составляли всего 2% (Моця О.П., 1993, с.28).

Типология

Для типологического и хронологического анализа нами было отобрано 176 экземпляров, сохранность которых удовлетворяет необходимым требованиям. При разработке типологии позднекочевнических кресал нами, как и нашими предшественниками, были учтены два наиболее устойчивых признака: число рабочих сторон и общая форма. Из 176 кресал выделены четыре типа, которые объединены в два отдела.

I отдел (однолезвийные кресала)

Калачевидные

- 1 вариант (с треугольным язычком)
- 2 вариант (с удлинённым язычком)
- 3 вариант (без язычка)

Скобовидные

- 1 вариант (с вертикальными концами)
- 2 вариант (с полостью для рукояти)

II отдел (двулезвийные кресала)

Овальные

- 1 вариант (овальные)
- 2 вариант (удлинённо-овальные)
- 3 вариант (укороченно-овальные)

Прямоугольные

- 1 вариант (длинные)
- 2 вариант (короткие)

I отдел

Тип: калачевидные

Кресала этого типа по наличию и форме ударной части лезвия (язычка) делятся на три варианта. Кроме калачевидной формы их объединяет оформление концов. В каждом из вариантов есть группа кресал с прямыми концами и есть группа с загнутыми наружу, утолщенными или оформленными завитками концами.

I вариант (с треугольным язычком). По типологии Б.А.Колчина соответствует I типу, раннему вари-

анту; по Г.А.Федорову-Давыдову - тип Б-I и Б-II; по Э.А.Савельевой - тип I, вариант I-A (рис.2).

Это наиболее многочисленная группа кресал из изучаемой серии (рис. 1, 1-8). Их 54 экземпляра. Из них 6 - из грунтовых могильников. Длина кресал варьирует в пределах 6-9 см. 6 экземпляров более миниатюрные, их длина от 4 до 6 см. Одно кресало (Лакедемоновка) отличается своей массивностью. Его длина - 10,4 см. Высота кресал разная, она зависит от угла наклона концов к рабочей части. У некоторых изделий концы расположены практически параллельно основанию. У большинства кресал концы либо утолщены, либо имеют завитки. Лишь у 11 кресал концы прямые*. У большей части сохранившихся полностью экземпляров концы смыкаются, либо почти соприкасаются. Есть несколько изделий, концы которых расположены необычно. Так, у кресала из Волновахи они в верхней части пересекаются, образуя крест. У кресала из Власовки 15/3 (Березуцкий В.Д., 1988, рис.3,18) концы смыкаются в средней части, а их утолщенные окончания отогнуты в противоположные стороны. У трех кресал (Кэпрэрия, п.2; Острая Могила 1/1; Новосадковский 1/1) концы так изогнуты, что примыкают вплотную к язычку, образуя петли. Такая форма несколько напоминает букву В. В-образные кресала (которые мы считаем разновидностью калачевидных) были широко распространены в Приамурье, в памятниках культуры мохэ и чжурчженей. Однако, в отличие от приамурских кресал, у описываемых нами изделий концы утолщены либо завиты.

Язычок у большинства кресал этого варианта небольшой, подтреугольной формы, часто довольно выпуклый, а иногда - плавный, дуговидный бугорок. У многих экземпляров на нем заметны следы от удара кремнем. У 3-х кресал (Центрлаба 8/12; Черемшина 3/1; Балкин хутор-II, 1/1) язычок отличается своеобразием формы. Он - узкий, вертикально вытянутый, смыкается с утолщенными концами, деля кресало пополам. Кроме того, кресало из Центрлабы 8/12 имеет форму равнобедренного треугольника. По нашим наблюдениям, кресала подобной формы и с вертикально вытянутым язычком чаще всего встречаются на Северном Кавказе.

Аналогии этому варианту кресал самые многочисленные, так как распространены они были на территории Центральной, Северной и Восточной Европы, в Азии проникли до Забайкалья и Приамурья. Время их бытования очень широкое. В древнерусских памятниках они обнаружены, в основном, в слоях X - 3-ей четверти XII вв. (Колчин Б.А., 1982, с.161, рис.4), хотя в небольшом количестве бытовали вплоть до середины XIV в. (Гайдуков П.Г., 1992, с.94, рис.3).

*Здесь имеется в виду не угол наклона по отношению к основанию, а то, что концы на протяжении всей своей длины имеют одинаковую толщину.

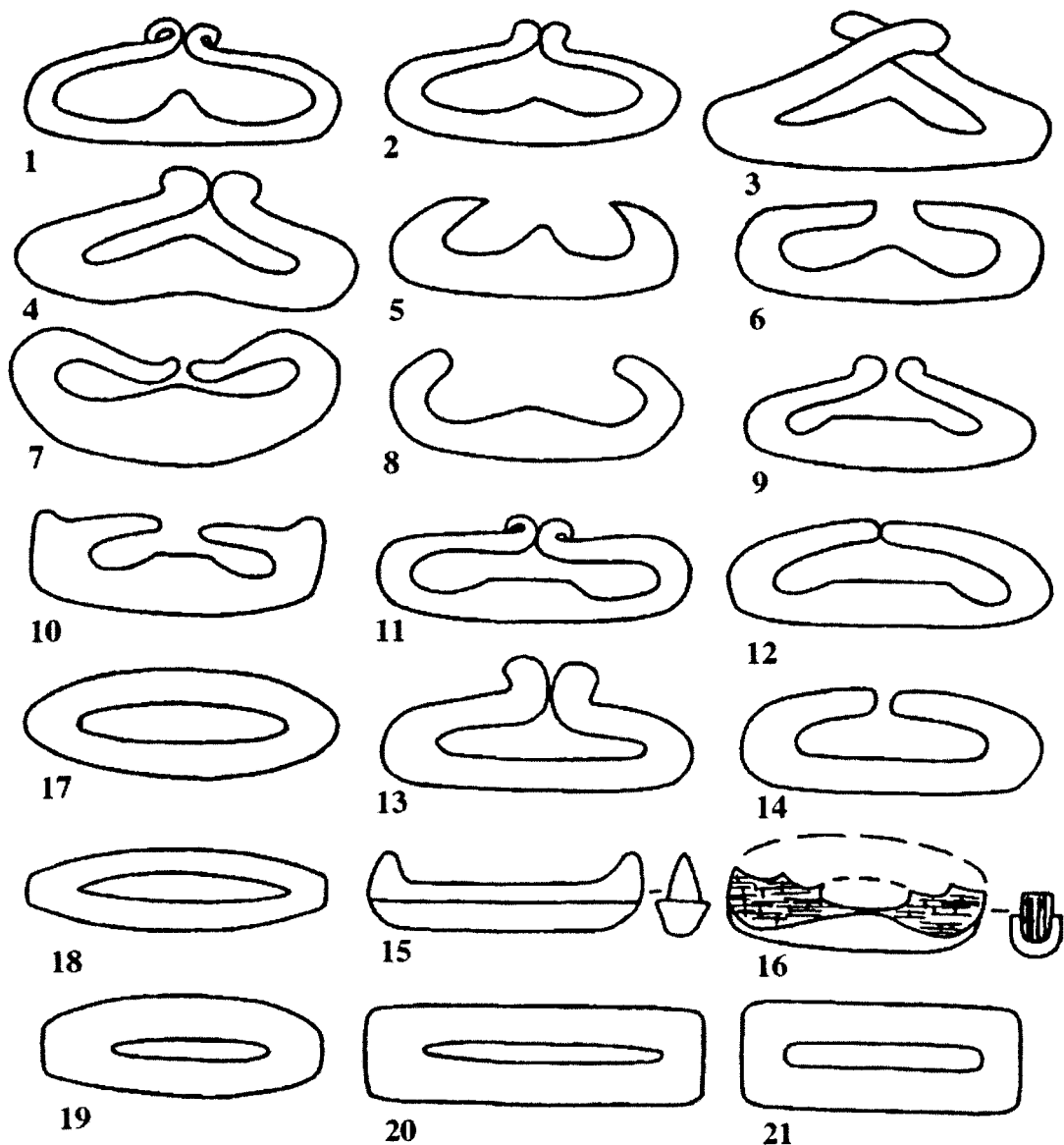

Рис. 1. Типы позднекочевнических кресал Восточной Европы. 1-14 – I отдел, тип калачевидные (1-8 – 1 вариант; 9-12 – 2-й вариант; 13, 14 – 3-й вариант); 15, 16 – I отдел, тип скобовидные (15 – 1-й вариант, 16 – 2-й вариант); 17-19 – II отдел, тип овальные (17 – 1-й вариант, 18 – 2-й вариант, 19 – 3-й вариант); 20, 21 – II отдел, тип прямоугольные (20 – 1-й вариант, 21 – 2-й вариант).

Fig. 1. The types of the late nomadic steels of the Eastern Europe. 1-14 – I section, the crescent type (1-8 – the 1st variant; 9-12 – the 2nd variant; 13, 14 – the 3rd variant); 15, 16 – I section, the staple type (15 – the 1st variant, 16 – the 2nd variant); 17-19 – section II, the oval type (17 – the 1st variant, 18 – the 2nd variant, 19 – the 3rd variant); 20, 21 – II section the rectangular type (20 – the 1st variant, 21 – the 2nd variant).

Abb. 1. Typen der Spätnomadenfeuerzeuge Osteuropas. 1-14 – Abschnitt 1, kalatschförmig (1-8 – Variante 1; 9-12 – Variante 2; 13, 14 – Variante 3); 15, 16 – Abschnitt 1, klammerförmig (15 – Variante 1, 16 – Variante 2); 17-19 – Abschnitt 2, oval (17 – Variante 1, 18 – Variante 2, 19 – Variante 3); 20, 21 – Abschnitt 2, rechteckig (20 – Variante 1; 21 – Variante 2).

Dessin 1. Types des briquets des nomades avancés de l'Europe de l'Est. 1-14 – I partie, briquets en forme de cadenas (1-8 – première version; 9-12 – deuxième version; 13, 14 – troisième version); 15, 16 – I partie, briquets aux crampons (15 – première version, 16 – deuxième version); 17-19 – 2 partie, briquets ovales (17 – première version, 18 – deuxième version, 19 – troisième version); 20, 21 – 2 partie, briquets rectangulaires (20 – première version; 21 – deuxième version)

Кресала этого варианта часто встречаются в погребениях поздних кочевников. Наиболее ранние (XI-XII вв.) происходят из Мрясимовских курганов (Мажитов Н.А., 1981, к.1,2). Большинство известно в комплексах XIII-XIV вв. (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 8,8; 13,32; Мамонтов В.И., 1992, с.30, к.7, п.1; Заднепровский Ю.А., 1975, с. 276-280; Ягодин В.Н., 1991, рис. 57,8).

2 вариант (с удлинённым язычком). По типологии Б.А.Колчина соответствует 1 типу, позднему варианту (Б.А.Колчин не считал выступающую, удлинённую часть основания язычком, называя его лезвием). Г.А.Федоров-Давыдов эти кресала не выделяет. По типологии Э.А.Савельевой - 1 тип, 2 вариант Б - кресало с приподнятым гладким лезвием.

К этому варианту относится 12 экземпляров. Длина кресал от 6 до 7,7 см. Их характерное отличие состоит в том, что язычок у них удлинён в виде прямоугольника, располагаясь либо почти по всей длине лезвия, либо только в его центральной части (рис. 1, 9-12). В первом случае длина язычка составляет 3 см (Новоселовка, Вишневы Дол 1/3), во втором случае - 2-2,5 см (8 экземпляров). У самых крупных кресал (Поток, к.452; Шербанка 1/12) соответственно и самый длинный язычок - 5 см.

У кресал из Каменки, Шербанки, Шахтерска, Ветютнева и Потапова концы утолщены и завиты. У остальных кресал они - прямые. У трех экземпляров концы не сомкнуты, у остальных - сомкнуты или почти соприкасаются. У кресал из Шахтерска, Шербанки, Ново-Подкряжа и Ветютнева концы расположены параллельно основанию. Кроме того, кресало из Ново-Подкряжа выделяется наличием подтреугольных выступов в центральной части концов.

Аналогии данному варианту кресал обнаружены, в основном, на территории Восточной Европы. Они найдены в Карелии и Приладожье, Коми, Пскове и Новгороде, Минске и Полоцке, на Волыни, Нижней Клязьме, Верхнем и Среднем Поволжье, Подонье (Равдоникас В.И., 1934, табл. IV,4; VI,7; Савельева Э.А., 1971, табл. 24,7; Лобанов Н.А., 1989, рис. 2,2; Колчин Б.А., 1959, рис. 84,4-6; Загорюльский Э.М., 1982, табл. XX-X,3; Штыхов Г.В., 1975, с.60; Петегирич В.М., 1990, с.159-160, рис. 38,38; Седова М.В., 1978, табл. 2,19; Дубов И.В., 1982, рис. 12,13; Культура Биляра..., 1985, табл. XLIII,3; Артамонова О.А., 1963, рис. 60). Наиболее ранние относятся к X в. Пик их бытования зафиксирован в XI-XII вв. К началу XIV в. они практически исчезают из употребления оседлого населения Восточной Европы.

В быт кочевников кресала с удлинённым язычком вошли практически с момента появления. Так, подобное кресало обнаружено в погребении кургана 6 у с. Волчанка Куйбышевской обл. (Васильева И.Н., 1985, с. 173, рис. 2,7). Автор датирует это захоронение X-XI вв. Еще один экземпляр найден в Ждановском могильнике, в Казахстане (Археология СССР. Степи Евразии..., 1981, рис. 72,51). Это кимакский могильник XI-XII вв.

3 вариант (без язычка). По уточненной типологии Б.А.Колчина соответствует 2 типу - калачевидные,

по Г.А.Федорову-Давыдову - тип Б-III, по типологии Э.А.Савельевой - тип 1, 2 вариант А - с собственно гладким лезвием.

К этому варианту относится 13 кресал. Их длина от 5,3 до 8,6 см. Характерным для них является отсутствие язычка на лезвии (рис.1, 13,14). У шести экземпляров концы утолщены, у пяти - прямые. У кресал из Таборовки и Третьяков концы обломаны (у кресала из Таборовки почти у основания), поэтому описать их невозможно. Почти у всех изделий концы соприкасаются или почти соприкасаются. Только у кресала из Покровки концы расположены далеко друг от друга.

Калачевидные кресала без язычка были почти также широко распространены, как и калачевидные кресала с треугольным язычком. Они встречаются практически на всей территории Древнерусского государства, в Карелии, Коми, памятниках заволжской чуди, в Волжской Болгарии, Центральной Европе, Прибалтике, на Северном Кавказе, Башкирии, лесостепном Зауралье и Нижнем Приобье (Кочуркина С.И., 1981, табл. 7,7; Савельева Э.А., 1971, табл. 22,1; 30,7; Назаренко В.А., 1984, с.146, рис. 9; Семькин Ю.А., 1991, рис. 5, 128-129; Нидерле Л., 1956, рис. 49, 8-9; Археология СССР. Финно-угры..., 1987, табл. CX,11; LXXIV, 22; XC, 16; Мужухоев М.Б., 1980, рис. 5,11; Археология СССР. Степи Евразии..., 1981, рис. 90,50). Достигли они Прибайкалья и Приамурья (Асеев И.В., 1980, табл. XII, 12; XXIV, 9; XXVI, 14-15; Медведев В.Е., 1986, рис. 27,2; 31,2,4).

Калачевидные кресала без язычка с прямыми, несходящимися концами в плане напоминают букву С. Поэтому некоторые исследователи их называют С-видными. В Приамурье этот вариант кресал называют В-образными, так как их прямые концы сильно загнуты внутрь (почти касаются лезвия), образуя петли. Первые калачевидные кресала без язычка известны еще в VIII-IX вв. Пик их бытования приходится на XI-XIII вв. Хотя на некоторых памятниках, например, на Северном Кавказе (Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963, рис. 5,9; Марковин В.И., 1963, рис. 1,18), они встречаются даже в XVI в.

В погребениях средневековых кочевников подобные кресала также широко известны. Например, аналогичное кресало найдено в погребении (IX-X вв.) карлука в долине р.Кашка-Дарья (Узбекистан) (Кабанов С.К., 1963, рис. 2,2). Четыре экземпляра обнаружены в кыпчакских погребениях XIII-XIV вв. на Южном Урале (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 8,23; 9,5,18; 13,9). Известны они и в половецких погребениях восточноевропейских степей. Г.А.Федоров-Давыдов полагает, что пик бытования подобных кресал у поздних кочевников приходится на вторую половину XIII-XIV вв.

Тип: скобовидные

Они обнаружены в 20 комплексах. К сожалению, не все сохранились полностью, но форма реконструирует-

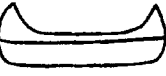

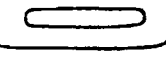
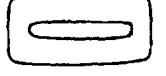
Типы и варианты кресал	А.В.Евглевский Т.М.Потемкина	Б.А. Колчин		Г.А. Федоров-Давыдов	Э.А. Савельева	Л.П. Ходзевич Э.В.Шавкунов
		1 типология	2 типология			
	I отдел, калачевидные, 1 вариант	1 тип, ранний вариант	Калачевидные с язычком	Б-I, Б-II	Тип 1, вариант 1-А	Категория однолезвийные, отдел А, тип III, вариант А, В-Е
	I отдел, калачевидные, 2 вариант	1 тип, поздний вариант	-	-	Тип 1, вариант 2-Б	-
	I отдел, калачевидные, 3 вариант	-	Калачевидные	Б-III	Тип 1, вариант 2-А	Категория однолезвийные, отдел А, тип III, вариант Б
	I отдел, скобовидные, 1 вариант	-	-	-	-	Категория однолезвийные, отдел Б, тип I, вариант А
	I отдел, скобовидные, 2 вариант	-	-	-	-	-
	II отдел, овальные, 1 вариант	-	-	А-II	Тип 3, вид 1	-
	II отдел, овальные, 2 вариант	2 тип	Овальные заостренные	А-III	Тип 2, варианты 1-А,Б	-
	II отдел, овальные, 3 вариант	3 тип	Овальные короткие	-	Тип 3, вид 2	-
	II отдел, прямоугольные, 1 вариант	-	Овальные длинные	А-I (описание)	Тип 4	Категория двулезвийные, тип подпрямоугольно-овальные
	II отдел, прямоугольные, 2 вариант	-	-	-	-	-

Рис. 2. Сравнительная таблица типологий кресал.

Fig. 2. The comparative table of the steel typology.

Abb. 2. Vergleichende Tabelle der Feuerzeugtypologie.

Dessin 2. Tableau comparatif de la typologie des briquets

ся. А у двух экземпляров (Александровка, Николаевка) в значительной степени сохранились деревянные рукояти. Кресала этого типа внешне напоминают скобы, но принципиально отличаются от них. Поскольку функциональное назначение скобы - скреплять предметы, то ее основание расположено горизонтально, чтобы плотно прилегать к изделию и не выступать за его границы. У кресала же - наоборот. Его основание является лезвием, ударяя по которому, высекают искру. Поэтому оно расположено вертикально.

Скобовидные кресала по конструктивным особенностям можно разделить на 2 варианта.

1 вариант (18 экз.). Представляет собой железную пластину с двумя вертикально отходящими сужающимися (часто заостренными) концами (рис. 1,15). Они предназначены для крепления деревянной ручки-колодочки, отпечатки которой практически сохранились на всех экземплярах. Размеры кресал: длина 5-8 см, ширина лезвия 0,8-1,4 см. У пяти изделий основание не плоское: в верхней части, к которой прилегает деревянная рукоять, оно более широкое, чем в нижней. Сечение оснований этих кресал разное: трапециевидное, треугольное, квадратное, полуовальное.

Многочисленные аналогии 1 варианта имеются в Хакасии, на Алтае, в Минусинской котловине, Туве, Приамурье. Считаются типичными для аскизской культуры Южной Сибири и для культуры амурских чжурчжэней. Наиболее ранние встречи в комплексах IX-X вв., самые поздние датируются XIII-XIV вв. По мнению В.А. Могильникова, однолезвийные кресала в виде П-образной скобы, насаживающейся на деревянную рукоятку, встречаются только на Саяно-Алтае и в прилегающем районе (Могильников В.А., 1981, с.195). Однако, несколько экземпляров этого типа встречаются на европейских памятниках: в Саркеле (Сорокин С.С., 1959, рис. 26,13) - 1, на Правобережном Цимлянском городище (Плетнева С.А., 1967, рис. 39,6) - 1 и 1 - в грабленном сарматском кургане в дельте Дуная (Гудкова А.В., Фокеев М.М., 1984, рис. 15,7, с.50). Многочисленны кресала этого типа в погребениях IX-X вв. Танкеевского могильника (Казаков Е.П., 1971, табл. VIII,8).

2 вариант (с полостью для рукояти). К нему относятся 2 экземпляра (кресала из Александровки и Николаевки). Конструктивной особенностью этих кресал является отсутствие заостренных вертикальных шипов для насаживания деревянной рукояти. Она вставлялась в углубление-полость в железном основании (рис. 1,16). Размеры кресал: длина - 6,7 и 7,2 см, ширина - 1,2 см, толщина - 0,5 и 1 см. Аналогии этому варианту скобовидных кресал нам не известны.

II отдел

Тип: овальные

Двулезвийные кресала этого типа делятся на три варианта.

1 вариант (овальные). К нему относятся 13 экземпляров. Из них 4 кресала во фрагментах, но форма реконструируется. Кресала этого варианта характерны тем, что их форма близка к классическому геометрическому овалу (рис. 1,17). Их размеры: длина - 6,3-9,5 см, ширина - 2,6-3,3 см. Ширина кресала из Вербового Лога значительно отличается от других экземпляров - 7 см. У шести кресал прорезь широкая, овальная, у остальных - узкая, щелевидная. Наиболее близки к этому варианту по типологии Г.А. Федорова-Давыдова - тип А-II, по Э.А. Савельевой - тип 3, вид 1 (рис. 2). В типологии Б.А. Колчина эти кресала не выделены.

Аналогичные кресала были распространены, в основном, в Европе. Например, они обнаружены в Приладожье, на Ижорском плато, в Северо-Западной Руси, в Поволжье, в бассейне Северной Двины, Камы, в Нижнем Подонье (Археология СССР. Финно-угры..., 1987, табл. XXIII, 13; XXXVII, 3-4; XLIV, 21; Лесман Ю.М., 1982, с.67-68, рис. на 4-й полосе обложки; Нидерле Л., 1956, рис. 50,6; Рябинин Е.А., 1986, табл. VIII, 4; Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989, рис. 57,28; Артамонова О.А., 1963, рис. 48) и т.д. Но есть находка подобного кресала и далеко на востоке, в Приамурье, в Надеждинском могильнике чжурчжэней (Медведев В.Е., 1977, табл. XXXIX, 7). Аналогичные кресала найдены и в могилах поздних кочевников Южного Приуралья (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 10,15). Датируются эти кресала в широком хронологическом диапазоне. Наиболее ранние известны с начала X в.

2 вариант (удлиненно-овальные). К этому варианту относятся 13 экземпляров. Они представляют собой значительно вытянутый овал, узкие боковые части которого обрезаны (рис. 1,18). Размеры этих кресал: длина 7,2-12,7 см, ширина 2,5-4 см, длина короткой боковой стороны 0,9-2 см. Отношение общей длины изделий к длине короткой боковой стороны: от 6 до 8,4. Прорезь у кресал этого варианта короткая, овальная. У экземпляра из Вербового Лога - длинная с заостренными концами, а у кресала из Кобяковского могильника - широкая овальная фигурная, с миниатюрными язычками. Наиболее близки к этому варианту тип 2 (овальные заостренные) по типологии Б.А. Колчина и тип А-III по классификации Г.А. Федорова-Давыдова; тип 2, варианты 1-Б и 1-А по Э.А. Савельевой.

Аналогичные кресала были распространены практически по всей Северной и Восточной Европе. Широко известны они: в Приладожье, Карелии, Коми, на Белом озере, в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, в бассейне Оки и в Волжской Болгарии, на Волыни, в Беларуси, Молдове (Кочуркина С.И., 1981, табл. 12,5; 15,13; Равдоникас В.И., 1934, табл. VII,4; V,17; Савельева Э.А., 1987, рис. 16,32; 17,1; Голубева Л.А., 1973, рис. 44,8; Пронин Г.Н., 1986, рис. 3,2; Толмачева М.М., 1983, рис. 3, №1307; Седова М.В., Беленькая Д.А., 1981, рис. 6,3; Никольская Т.Н., 1981, рис. 100,39-40; 29,43; Семькин Ю.А., 1991, рис. 5, 134; Медведев А.Ф., 1967, рис. 27, 9-10; Петегирич В.М., 1990, рис. 38,-37; Гуринов М.Ф., 1987, рис. 29,1,5; Рафалович И.А.,

1974, с.111). На востоке они обнаружены в памятниках юдинской культуры лесного Зауралья (Археология СССР. Степи Евразии..., 1981, рис. 90,49; Археология СССР. Финно-угры..., 1987, табл. LIII, 27-29; LXII,10; LXX,20). Наиболее ранние экземпляры найдены в Кичильковскийском могильнике (Савельева Э.А., 1971, табл. 22,9) перми вычегодской, где датируются X-XI вв. Широкое распространение получили эти кресала в XII-XIII вв. Наиболее позднее, которое датируется XVI в. обнаружено в Зарядье, Москве (Дубынин А.Ф., 1956, рис. 43,7).

Кресала этого варианта попадают и в позднечетвических погребениях. Например, два подобных кресала найдены в средневековых погребениях Южного Урала (Мажитов Н.А., 1981, к.15; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 16,25 - к.2, п.2).

3 вариант (укороченно-овальные). К этому варианту относятся 18 экземпляров. Кресало этого варианта представляет собой овал, у которого отсечено плавное, округлое соединение длинных сторон, присутствующее у классических геометрических овалов. В результате получилась форма неполных, укороченных овалов (рис. 1,19). Размеры этих кресал: длина от 6 до 10 см, ширина от 2,3 до 4 см, длина короткой боковой стороны от 1,2 до 3 см. Коэффициент (отношение общей длины к длине короткой боковой стороны) от 3,2 до 5. Прорезь у большинства кресал этого варианта - короткая, узкая, щелевидная. Лишь у двух экземпляров (Каменка, к.430 и Мариуполь, п.7) прорезь широкая, овальная. У Г.А.Федорова-Давыдова эти кресала не выделены. Б.А.Колчин назвал укороченно-овальные кресала овальными короткими (3 тип). Подобные кресала выделяет Э.А.Савельева (Савельева Э.А., 1987, с.60) (тип 3 - укороченно-овальные), М.Ф.Гурин вслед за Б.А. Колчиным называет их овальными короткими (Гурин М.Ф., 1987, с.68), Я.Г. Зверуго, В.М.Петегирич, а также Э.М.Загорульский выделяют кресала в форме укороченного овала, хотя и не дают их рисунков (Зверуго Я.Г., 1989, с.125; Петегирич В.М., 1990, с.159; Загорульский Э.М., 1982, с.248).

Кресала этого варианта получили широкое распространение на территории Древней Руси и на соседних землях. Они известны в Карелии, Коми, Прибалтике, в Минске, Полоцке, Верхнем Понеманье, Прикарпатье, на землях Северо-Восточной Руси, Среднем и Нижнем Поволжье, в Москве и Посеймье, на памятниках Волжской Болгарии (Кочуркина С.И., 1981, табл. 7,9; 12,2; Савельева Э.А., 1987, рис. 16,31; 17,4; Археология СССР. Финно-угры..., 1987, табл. CX, 7; Загорульский Э.М., 1989, с.248; Гурин М.Ф., 1987, рис. 29,7; Зверуго Я.Г., 1989, с.125; Петегирич В.М., 1990, с.159; Седова М.В., 1978, табл. 2,17; Мальм В.А., Фехнер М.В., 1974, рис. 6; Культура Биляра..., 1985, табл. XLIII, 11-12; Дубынин А.В., 1956, рис. 43,2; Беляева С.А., Недопако Д.П., 1981, рис. 2,71; Археология СССР. Степи Евразии..., 1981, рис. 78,57). Укороченно-овальные кресала

проникли и за Урал. Подобное кресало найдено на городище Искер в Приобье (Археология СССР. Финно-угры..., 1987, табл. XCII,8). В позднечетвических погребениях также встречаются аналогичные кресала.

Наиболее ранняя находка этого варианта кресал (если верна датировка авторов - XI в.) происходит из погребения кургана 6 у с.Подолье на Киевщине (Орлов Р.С., Погорілий В.І., 1977, с.87-89, рис. 1,11)*. Известны они в слоях многих памятников, но не ранее XII в. (Гурин М.Ф., 1987, с.68, рис. 29,7). Но все же пик бытования подобных кресал приходится на период XIII-XIV вв.

Тип: прямоугольные

Характерным признаком этого типа кресал является их форма, практически не отличающаяся от геометрического прямоугольника. Хотя у некоторых экземпляров бывают скруглены углы, у других - чуть выпуклы длинные стороны, что может быть и результатом плохой сохранности железа. По своим пропорциям данный тип кресал делится на два варианта.

1 вариант (длинные). К нему относится большинство кресал этого типа (26 экземпляров). Их размеры: длина 7-11 см, ширина 2-3,1 см. Отношение длины к ширине колеблется в пределах 3-4,5. Прорезь у большинства изделий этого варианта - длинная, узкая, щелевидная (рис. 1,20). У 3-х экземпляров прорезь длинная, узкая, подпрямоугольная, у шести - подпрямоугольная, длинная, широкая.

Многочисленные аналогии первому варианту находим среди древнерусских памятников Северной (Новгород, Псков) и Южной Руси (Киев и др.), в земле вятичей (Серенск, Слободка, Старая Рязань, Пронск). Особенно их много в Беларуси (Лысенко П.Ф., 1974, рис. 38,19; Зверуго Я.Г., 1989, рис. 37,15; 42,20; 65,4; Гурин М.Ф., 1987, рис. 29,4; Штыхов Г.В., 1978, рис. 17,22; Загорульский Э.М., 1982, табл. XXX, 12,13). Там они встречаются как в погребениях, так и в материалах поселений. Аналогичные кресала обнаружены у соседей Древнерусского государства: у балтов, корелов, в вымской культуре (Археология СССР. Финно-угры..., 1987, табл. CXXXI, 34,42; Кочуркина С.И., 1981, табл. 7,8; Савельева Э.А., 1971, табл. 30,5). Датируются эти кресала довольно широко: XII-XIV вв. Наиболее ранние встречены в Яблуневских курганах XI-XII вв. (Моця О.П., 1993, рис. 44). По мнению А.П. Моци, прямоугольные кресала в южнорусских погребениях датируются XII-XIII вв. (Моця А.П., 1990, с.67). В вымской культуре кресала этого типа появляются в XII в. (Савельева Э.А., 1971, с.60, 103). С конца XII в. они получают распространение в Пскове (Лобанов Н.А., 1989, с.84). В Новгороде подобные кресала датируются второй половиной XIII-XIV вв. (Колчин Б.А., 1982, рис.4,5). Судя по аналогиям, период наибольшей распространенности этого типа кресал - XIII-XIV вв. Известны они и в погребениях средневековых восточноевропейских кочевников

*Орлов Р.С. и Погорілий В.І. называют это кресало прямоугольным.

(Археология СССР. Степи Евразии..., 1981, рис. 82,101; 83,32).

Прямоугольные кресала 1 варианта соответствуют типу 5 (овальные длинные) по уточненной типологии Б.А.Колчина и типу 4 по классификации Э.А.Савельевой. В типологии Г.А.Федорова-Давыдова им наиболее близок тип А-I, точнее его описание, так как на рисунке изображено укороченно-овальное кресало.

2 вариант (короткие). К нему относится 4 экземпляра. Их размеры: длина 7-8 см, ширина 2,4-3 см. Кресало из Калмыкии (канал Волга-Чограй, гр. 52, 1/2) очень короткое, его длина всего 5 см. Отношение длины к ширине менее 3. Прорезь у всех кресал этого варианта одинакова: длинная, узкая, подпрямоугольная с сильно закругленными углами (рис. 1,21).

Три экземпляра этого типа (Кагарлыкская слобода, к.335 и к. 336; Петровское 7/1) не могут быть отнесены ни к одному из вариантов, так как сохранились в обломках, и у них не реконструируется длина. Ширина их варьирует от 2 до 3,5 см. Прорези разные: узкая длинная подпрямоугольная, широкая подпрямоугольная и узкая щелевидная.

Аналогий второму варианту известно значительно меньше. Но они также, как и кресала 1 варианта распространены в разных районах Древней Руси, а также на Каме и Волге. Датировка их та же, что и у 1 варианта. Однако следует отметить раннюю находку подобного кресала в Каргополье в комплексе с вещами конца X - начала XII вв. По мнению автора, этот памятник связан с финскими племенами, у которых прямоугольные кресала появились в период, предшествующий эпохе викингов (Макаров Н.А., 1982, с.85, рис. 3,13).

Следует отметить, что из всей серии анализируемых кресал нет ни одного экземпляра, близкого к выделенному Г.А.Федоровым-Давыдовым типу Б-IV. В нашу типологию не вошли также так называемые "пластинчатые кресала". Они обнаружены в Северокавказском регионе (Краснодарский край, ст. Старонижестеблиевская и к-з им. Ленина). Два происходят из погребений XII-XIV вв., одно - из раннесредневекового погребения. Представляют собой подпрямоугольную пластину длиной от 6,5 до 9,8 см, шириной 2,3-3 см, толщиной 0,5-0,6 см. Пока не произведен металлографический анализ этих предметов, не определено, есть ли у них рабочие края с повышенным содержанием углерода в железе, нельзя утверждать, что это - специальные изделия - кресала. Возможно, что "пластинчатые кресала" - это всего лишь вторичное использование пластинчатых изделий из высококачественного железа.

Хронология

Нет необходимости объяснять невозможность датировки определенных типов вещей (в нашем случае кресал) по дальним аналогиям. Такие сопоставления все же нередко определяют синхронность бытования отдельных типов изделий в какие-то отрезки времени, однако

не могут применяться для абсолютной датировки памятников.

Для установления хронологических рамок бытования кресал у поздних кочевников Восточной Европы нами использован широко известный метод взаимной встречаемости четко датированных основных типов вещей в одном погребении и частоты их находок.

Применяя этот метод, удалось выявить такие группы предметов (рис. 5), которые закономерно находят вместе в захоронениях, что объясняется бытованием их в одно и то же время. Период же появления отдельных типов изделий различен, и поэтому для более точной датировки важно обнаружить так называемые объединяющие типы вещей. Так, например, если калачевидные кресала закономерно встречаются с односоставными удилами, а последние также закономерно встречаются со свинцовыми ворворками, то объединяющим типом здесь выступают удила. Однако важнейшее требование к объединяющему типу - он не должен иметь длительный период бытования. Таким образом, выявляются цепочки взаимосвязанных типов, при определенном допущении относящихся к одному периоду.

Если же датирующий инвентарь существовал в широком хронологическом диапазоне, то для определения более узкой даты погребения (когда это возможно) использовался блок признаков погребального обряда (Евглевский А.В., 1992, с.107-116). Так, например, решетчатые гробовища, каменные заклады, северная ориентировка и разворот лица погребенного на юг, подбой в могилах, следы огня и др. изредка встречаются в период X - первой половины XIII вв., широкое распространение они получили только в золотоордынское время. Таким образом, сочетание этих признаков в одном погребении (не менее трех, чтобы избежать элемента случайности) позволяет отнести такой комплекс ко второй половине XIII-XIV вв.

Датировка основных типов вещей в позднекочевнических погребениях, которой мы придерживаемся, разработана Г.А.Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов Г.А., 1966). Но нельзя забывать, что четыре периода, на которые он разделит время бытования некоторых типов предметов, являются лишь периодами наибольшей распространенности данных типов вещей. Отрезки же времени, на протяжении которых существовали определенные типы изделий от начала появления до полного исчезновения, были естественно шире.

Комплексы, не имеющие в составе погребального инвентаря узкодатируемых предметов и не обладающие блоком признаков погребального обряда, были продатированы нами в широких хронологических рамках. В тех случаях, когда в погребениях присутствовал нумизматический материал, он был максимально использован для уточнения даты комплексов.

Калачевидные с треугольным язычком кресала обнаружены во всех регионах исследуемой территории, кроме Крыма (рис.3). Хронологически комплексы с кресалами

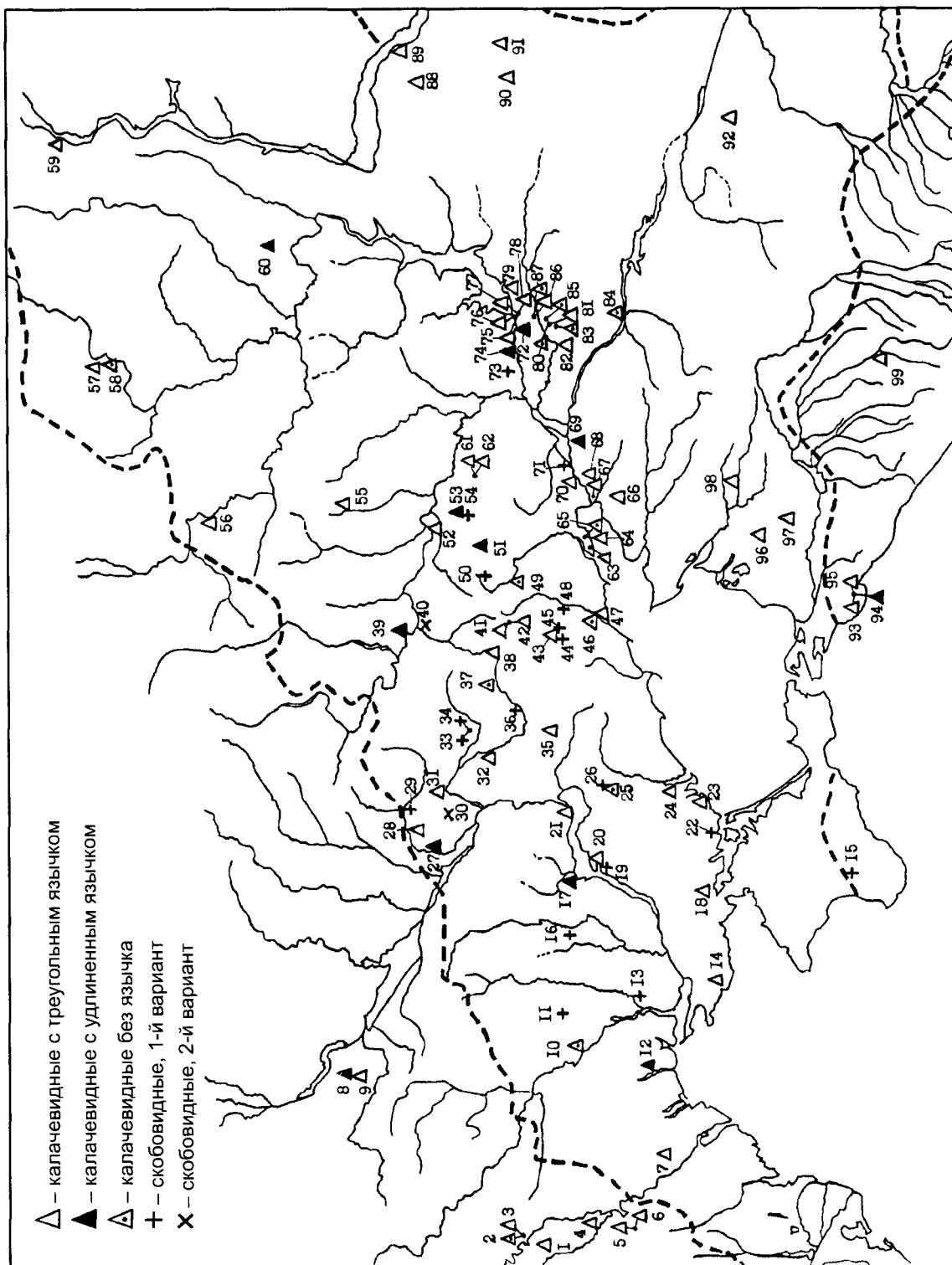

Рис. 3. Погребения с однолезвийными кресалами поздних кочевников Восточной Европы (объяснение на с. 191).

Fig. 3. The interments with the monoblade steels of the late nomads of the Eastern Europe (the explanations on page 191).

Abb. 3. Grabstätten mit den einschneidigen Feuerzeugen der Spätnomaden Osteuropas (Erläuterung auf der Seite 191).

Dessin 3. Inhumations des nomades avancés de l'Europe de l'Est avec les briquets à un fil (explication voir page 191)

Рис. 3. Погребения с однолезвийными кресалами поздних кочевников Восточной Европы: 1 – Фрумушика; 2 – Каменка, к. 433; 3 – Каменка, к. 434; 4 – Селиште, п. 51; 5 – Кэпрэрия, п. 24; 6 – Кэпрэрия, п. 2; 7 – Щербанка 1/12; 8 – Поток, к. 452; 9 – Поток 417/1; 10 – Таборовка 31/6; 11 – Еланец 1/9; 12 – Краснополье 3/13; 13 – Виноградовка 1/3; 14 – Бехтеры 5/9; 15 – Казанки, к. 1; 16 – Розовка 1/1; 17 – Каменка-IV, 4/1 (Днепр.); 18 – Каирка 5/2; 19 – Первомаевка-II, 2/2; 20 – Каменка, п. 92; (Запор. обл.); 21 – Острая Могила-I, 1/1; 22 – Новомихайловка 6/1; 23 – Новогригорьевка 1/1; 24 – Родионовка 4/1; 25 – Тимашевка-II, 5/2; 26 – Пришиб 4/2 (Запор. обл.); 27 – Ново-Подкряж 6/1; 28 – Дмухайловка 6/1; 29 – Котовка-II, 2/2; 30 – Александровка-II, 2/11 (Днепр. обл.); 31 – Губиниха 3-4/3; 32 – Богуслав-I, 25/1; 33 – Марьяна Роца-I, 6/3; 34 – Марьяна Роца-I, 6/2; 35 – Зеленое; 36 – Б. Михайловка-II, 1/2; 37 – Филия 3/1; 38 – Калиново 1/7; 39 – Новоселовка; 40 – Николаевка 3/1 (Дон. обл.); 41 – Текстильщик 4/5; 42 – Сталино, к. 3; 43 – Волноваха 6/1; 44 – Октябрьское 4/2 (Дон. обл.); 45 – Рыбинское 9/1; 46 – Мариуполь, п. 12; 47 – Мариуполь, п. 27; 48 – Балашовка 1/12; 49 – Покровка 2/1; 50 – Шахтерск 8/8; 51 – Шахтерск 4/1; 52 – Александровск 6/1; 53 – Вишневы Дол 1/3; 54 – Смелое 1/2; 55 – Новострельцовка 4/5; 56 – Марки; 57 – Власовка 15/3; 58 – Третьяки 1/2; 59 – Саратов; 60 – Ветютнев 2/3; 61 – Черемшина, к. IV; 62 – Черемшина, к. 3; 63 – Лакедемоновка-II, 1/5; 64 – Русский колодец-VII, 2/10; 65 – Русский колодец-VII, 11/1; 66 – Колузаево 10/29; 67 – Ново-Александровка-I, 48/1 (Рост. обл.); 68 – Высочино-IV, 2/5; 69 – Арпачин 36/1; 70 – Мех. завод 18/1; 71 – Алитуб 6/5; 72 – Потапов-III, 1/1; 73 – Кастырский-VI, 4/6; 74 – Богоявленская 6/1; 75 – Саркел – Белая Вежа, к. 21; 76 – Саркел – Белая Вежа, к. 45; 77 – Саркел – Белая Вежа, к. 1; 78 – Саркел – Белая Вежа, к. 54; 79 – Подгорненский-V, 4/2; 80 – Ново-Садковский 19/1; 81 – Ново-Садковский 1/1; 82 – Московский-I, 8/1; 83 – Новый 3/1 (Рост. обл.); 84 – Козинка-I, 8/1; 85 – Кировский-V, 7/1; 86 – Семенкин, к. 25; 87 – Семенкин, к. 29; 88 – Гува, к. 2; 89 – Кривая Лука-V, 6/1; 90 – Балкин хутор-II, 1/1; 91 – Иджид-I, уч. 4, 6/1; 92 – канал Волга-Чограй, гр. 48, 9/1; 93 – Цемдолина, п. 35; 94 – Цемдолина, п. 34; 95 – Раевский уч. центр 1/2; 96 – Греки-III, 1/6; 97 – Овальный, п. 22; 98 – Анапская-I, 11/1; 99 – Центрлаба 8/2

этого варианта разбиваются на несколько узко и широко датированных групп.

Наиболее раннюю датировку IX-XI вв. имеют 5 погребений. Два комплекса из этой группы датируются по стременам типов В-I (Ново-Стрельцовка 4/5) и В-II (Саркел-Белая Вежа, к. 1). Захоронение из к. 54 Саркела-Белой Вежи имеет четкую хронологическую привязку по двузвеньевым удилам с крылатыми псаллиями, близкими к типу В-III.

Одно погребение датируется по бронзовым сердцевидным, плакированным серебром, бляшкам поясного набора (Новогригорьевка 1/1). И, наконец, пятый комплекс датируется этим временем по бронзовой лировидной пряжке типа Г-II и бронзовой четырехконечной соединительной бляхе конской упряжи, украшенной растительным орнаментом, которая близка по форме бляхе А-I, хотя последняя не имеет орнамента.

Вторая группа погребений имеет широкие хронологические рамки X-XIV вв.; Острая Могила-I, 1/1; Бехтеры 5/9; Саркел-Белая Вежа, к. 21; Сталино, к. 3; Кэпрэрия, п. 2; Анапская-I, 11/1.

Одно погребение (Кэпрэрия, п. 24) датируется по подпружной пряжке XI-XII вв. К XII в. относится 8 комплексов, так как в них присутствуют односоставные удила, бытовавшие только в этот период. Это погребения: Губиниха, к. 3-4/3; Родионовка 4/1; Краснополье 3/13; Калиново 1/7; Текстильщик 4/5; Саркел-Белая Вежа, к. 45; Зеленое; Высочино-IV, 2/5.

XII - 1-й половиной XIII вв. датируется погребение из Калмыкии (канал Волга-Чограй, гр. 48, 9/1).

Оно основное, ориентация погребенного северо-северо-западная, стремяна типа Г-I.

Погребение из Черемшины 4/1 относится к периоду рубежа XII-XIII вв. - середины XIII в. по стременам типа В-I. К XII-XIII вв. относится одно погребение (Богуслав-I, 25/1), датируемое по гончарному горшку древнерусского облика - тип III (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1994, с. 78-96).

Семь комплексов мы отнесли к XII-XIV вв. Раевский учебный центр 1/2; Каирка 5/2; Александровск 6/1; Подгорненский-V, 4/2 и Иджид-I, уч. 4, 6/1 продатированы на основании восточных ориентировок погребенных. Подобная ориентация у поздних кочевников не встречается с инвентарем, датирующимся ранее XII в. Комплекс из Овального, п. 22 датируется по наличию костяного наконечника стрелы, костяных пластинок с циркульным орнаментом и подбоя. Комплекс из Центрлабы 8/2 отнесен к XII-XIV вв. по наличию сильноизогнутой сабли.

Три комплекса датируются раннезолотоордынским временем (2-й половиной XIII - началом XIV вв.). Комплексу из Московского-I, 8/1 такую дату дают наконечники стрел (срезни) и стремяна типа В-II. Погребение из Ново-Александровки-I, 48/1 датируется по блоку признаков (восточная ориентировка, подбой, решетчатое гробовище) и по ромбовидному наконечнику стрелы. Комплекс из Черемшины 3/1 датируется по стременам типа Е-I и Е-II, крупному ромбовидному наконечнику стрелы, серебряной пиале.

Второй половиной XIII-XIV вв. датируются пять комплексов (Фрумушика; Семенкин, к. 25; Власовка

15/3; Гува, к.2; Ново-Садковский 1/1) по наконечникам стрел (срезни) типа: В-IX, В-VI, В-XI, стремнам типа Е-II, а также накладкам колчана со звериным, растительным и геометрическим орнаментом. XIII-XIV вв. датируется погребение Греки-III, 1/6 по рогатому наконечнику стрелы, удилам с крупными кольцами, кольчуге.

Концом XIII-XIV вв. датируют авторы погребение 35 из Цемдолины по перекрестию сабли типа II-A (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, с.109-110).

И, наконец, наиболее узкую дату погребений дают находки джучидских монет: XIV в. - Балкин хутор-II, 1/1; не ранее 30-х гг. XIV в. - Кривая Лука-V, 6/1; не ранее 60-х гг. XIV в. - Мариуполь, п.27; Марки; не ранее 2-й половины 60-х гг. XIV в. - Саратов; не ранее 70-х гг. XIV в. - Мехзавод 18/1; не ранее 80-х гг. XIV в. - Дмухайловка 6/1.

Калачевидные кресала с удлиненным язычком обнаружены в 12 комплексах, которые распределены почти по всей степной территории Восточной Европы, за исключением междуречья Днепра и Миуса, Крыма, Нижнего Поволжья, Северного Кавказа (есть 1 комплекс) (рис. 3). Комплексы, где встречаются подобные кресала, как правило, не богаты сопроводительным инвентарем и не отличаются устойчивой связью не только с каким-либо типом вещей, но даже с определенными категориями инвентаря, кроме ножей.

Не наблюдается у всей группы и какого-либо единства среди погребальных конструкций, ориентировок и других особенностей обряда. Пожалуй единственным объединяющим признаком для всей группы является отсутствие захоронений коня. Лишь два погребения, где найдены наконечники стрел и сабля, можно связать с воинами (Ново-Подкраж 6/1; Ветютнев 2/3). Социальное положение остальных не имеет ярко выраженных черт.

Погребения этой группы имеют различные хронологические рамки. Пять погребений датируются по сопутствующему инвентарю очень широко, в пределах X-XIV вв. (Каменка-IV, 4/1; Новоселовка; Поток, к.452; Щербанка 1/12; Потапов-III, 1/1).

Погребение 34 из Цемдолины по зеркалу типа Е-I и костяной пуговице с циркульным орнаментом датируется XII-XIII вв.

Пять комплексов имеют четкие хронологические привязки к золотоордынскому периоду. Такую дату дают кованые железные, квадратные в сечении гвозди (Шахтерск 4/1), стрема, имеющее синкретичные черты двух типов Д-I и Е-II (Вишневы Дол 1/3), вопросовидная серьга - тип VI (Ново-Подкраж 6/1), датирующаяся XIV в., срезень и северо-восточная ориентировка (Ветютнев 2/3), джучидский дирхем (Богоявленская 6/1). Один комплекс можно отнести к XII-XIV вв. (Арпачин 31/1) по стремени, близкому к типам Г-I и Д-I, не встречающихся в памятниках поздних кочевников ранее XII в.

Таким образом, в группе погребений с калачевидными кресалами, имеющими удлиненный язычок, нет комплексов, четко датирующихся X-XI вв., и, напротив, есть датирующиеся золотоордынским

временем. Это позволяет определить бытование этого варианта в рамках XII-XIV вв., а, возможно, и XII-XV вв. (Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1980, с.91). Такие выводы подкрепляют и результаты анализа погребального обряда. Основное положение в курганах, наличие ступенек в погребениях и гробовищ, представленных колодой, решетчатой конструкцией и дощатым гробовищем, - явления, получившие широкое распространение только в XIII-XIV вв., подтверждают предложенную датировку.

Калачевидные кресала без язычка встречаются примерно равномерно по всей территории Северного Причерноморья, но отсутствуют: в Поросье, в бассейнах Северского Донца и Дона, в Крыму, на Северном Кавказе и Нижнем Поволжье (рис. 3). Серия из этих кресал не отличается какими-либо закономерностями во взаимовстречаемости данного варианта кресал с определенными типами вещей или обрядовыми чертами.

Исходя из датирующего инвентаря, погребения с калачевидными кресалами без язычка имеют различные хронологические рамки. Широко датируются (X-XIV вв.) два комплекса: Тимашевка-II, 5/2 и Таборовка 31/6.

К XII-XIV вв. относятся три погребения (Русский Колодец-VII, 11/1; Каменка, к.433; Покровка 2/1). Нижнюю дату у них ограничивают северо-восточные и восточная ориентировки погребенных, не встречающиеся в более раннее время.

Золотоордынским периодом датируются 7 погребений. Комплексу Филия 3/1 такую дату дают пышно орнаментированные костяные накладки седла. Погребению из к.29 у х.Семенкин - наконечники стрел - срезни: В-IX, В-X, В-XI. Срезни встречены также в комплексах: Новый Сад 19/1; Кировский-V, 7/1; Козинка-I, 8/1. Каждый из них, кроме того, датируется соответственно по яме с уступами и наконечнику стрелы типа В-XIII, железной кованой площадке, северо-северо-восточной ориентировке. Комплексам из Третьяков 1/2 и Нового 3/1 такую дату дают бронзовые чаша и площадка, костяные накладки колчана со звериным орнаментом, а также северо-восточные ориентировки погребенных.

Погребение 12 из Мариупольского грунтового могильника датируется находками четырех джучидских монет в разных синхронных погребениях могильника. Удовлетворительная сохранность дирхема из п.2 позволяет прочесть выпуск монеты 1367 г. и имя хана - Абдаллах. Таким образом, могильник и, следовательно, погребение 12 возникли не ранее конца 60-х гг. XIV в.

Необходимо отметить, что в хронологии данной серии кресал наблюдается устойчивая верхняя граница - XIV в. и неустойчивая нижняя, где степень точности датирующего инвентаря в разных погребениях неодинакова. Явное тяготение их ко второй половине XIII-XIV вв. и отсутствие хотя бы одного точно датирующегося ранним периодом комплекса, по-видимому, позволяет отнести период массового бытования этого варианта кресал у поздних кочевников к золотоордынскому времени. Кстати, это единственный тип кресал, получивший в классификации Г.А.

Федорова-Давыдова относительно узкую дату - вторая половина XIII-XIV вв.

Большинство скобовидных кресал (14 из 20 экземпляров) обнаружены в погребениях, расположенных в междуречье Днепра и Миуса. Три кресала этого типа происходят из междуречья Южного Буга и Ингульца, два обнаружено в регионе нижнего течения Дона, 1 - в Крыму (рис. 3).

Среди инвентаря изучаемых погребений обнаруживают наиболее устойчивую связь односоставные удила и восьмерковидные железные пряжки (тип А-V). Восьмерковидные пряжки имеют широкие хронологические рамки (X-XIV вв.). Односоставные удила бытовали лишь в XII в.

Самую раннюю дату (X-XI вв.) дают перекрестные бляхи ремней от уздечного набора (Новомихайловка 6/1), однако в погребении имеются односоставные удила. По-видимому, в данном случае наблюдается финальная стадия бытования перекрестных блях и начало распространения односоставных удили, что дает основание датировать это погребение началом XII в.

Четыре комплекса относятся к периоду X-XIV вв. (Октябрьское 4/2; Пришиб-I, 4/2; Кастырский-VI, 4/6; Виноградовка 1/3), так как сопроводительный инвентарь имеет широкие хронологические рамки. Комплекс Казанки, к.1 датируется 2-й половиной X-XIII вв. (II тип членения ног коня, юго-западная ориентировка погребенного).

XII в. датируются четыре погребения: Рыбинское 9/1; Александровка-II, 2/11; Первомаевка-II, 2/2; Марьяна Роща-I, 6/3. В трех из них присутствуют односоставные удила типа В-I, а в последнем - стремя Б-II.

Комплекс из Николаевки 3/1 можно отнести к XII-XIII вв. на основании однозвеньевых удили и восточной ориентировки, которые дают нижнюю дату, а также наконечника стрелы (срезня), который появляется у поздних кочевников Восточной Европы во второй половине XIII в. В рамках XII-XIV вв. датируется комплекс Балашовка 1/12. Датировку погребения из Балашовки подтверждает наличие каменного заклада погребения и присутствие своеобразных железных гвоздей - признаки, характерные для XIII-XIV вв. Комплекс из Смелого 1/2 автор публикации датирует XII-XIII вв. (Швецов М.Л., 1984, с.264-271). Однако, учитывая северо-восточную ориентацию погребенного и наличие колоды, получивших наибольшее распространение в золотоордынское время, возможно сузить хронологические рамки до 2-й половины XIII в.

Один комплекс относится ко второй половине XIII - началу XIV вв. (Б.Михайловка-II, 1/2). Дату здесь дает наконечник стрелы (срезень - тип В-XI).

В комплексе из Шахтерска 8/8 обнаружен джучидский дирхем хана Узбека (1312 - 1341 гг. правления). Учитывая некоторую стертость монеты, датировать погребение можно не ранее 30-х годов XIV в. (Евглевский А.В., 1989, с.172-173; 1992, с.114).

И, наконец, второй половиной XIII-XIV вв. можно датировать погребение у с.Котовка-II, 2/2. Об этом свидетельствует обряд, где положение костяка головой на запад с разворотом на правый бок (об этом говорит положение рук и стоп, наклоненных на юг, в сторону Кыблы) связывается с влиянием мусульманства (Евглевский А.В., 1990, с. 131-134).

XIII-XIV вв. датируется комплекс Алитуб 6/5 (по удилам с крупными кольцами). Подбой с двумя ступенями, каменный заклад, северо-северо-западная ориентация погребенного, а также практически круглые стремени позволяют отнести погребение из Розовки 1/1 к XIV в.

Таким образом, проведенный анализ присутствия скобовидных кресал в погребениях поздних кочевников свидетельствует о их бытовании в широких хронологических рамках X-XIV вв. Наиболее ранние экземпляры кресал скобовидного типа могли попасть в причерноморские степи с приходом печенегов в X в. К сожалению, мы не располагаем комплексами, датирующимися лишь X в. Необходимо отметить, что этого типа кресал нет в грунтовых погребениях. Вероятно, во второй половине XIV в. они постепенно выходят из обихода.

Овальные кресала (1 вариант) обнаружены во всех регионах исследуемой территории, кроме Порося (рис. 4).

Погребения с этой группой кресал практически не имеют каких-либо общих закономерностей в обряде и в сопутствующем инвентаре. Не удивительно поэтому и большое размежевание в их датировке.

Наиболее широкие хронологические рамки (X-XIV вв.) имеют 3 комплекса: Каменка к.429; Басань-I, 5/3; Архаринский могильник 24/1, в инвентарь которых не входят узкодатируемые вещи.

Один комплекс относится ко второй половине XI-XIV вв. (Днепрельстан 7/1). Нижнюю дату здесь ограничивает наличие в погребении III типа членения ног коня (по А.Г. Атавину), являющегося характерной особенностью половецких погребений, появившихся в Восточной Европе, если верить письменным источникам, лишь во второй половине XI в.

Два погребения (Новоселицкое 1/1 и Кривая Лука-XIV, 28/1) датируются XII-XIII вв. Комплексу из Новоселицкого такую дату дают стремени и удила (соответственно тип VII и тип IV по А.Н.Кирпичникову). В погребении из Кривой Луки присутствуют костяные накладки колчана с геометрическим орнаментом и двухзвеньевые удила с маленькими кольцами и круглым в сечении грызлом.

XII-XIV вв. датируется погребение из Войтово-III, 7/2. Нижнюю дату здесь ограничивает северо-восточная ориентировка умершего, появившаяся в обряде кочевников Восточной Европы лишь с приходом какой-то волны номадов в XII в. Инвентарь, датирующегося более ранним временем, встреченного с восточными ориентациями погребенных, нам не известно.

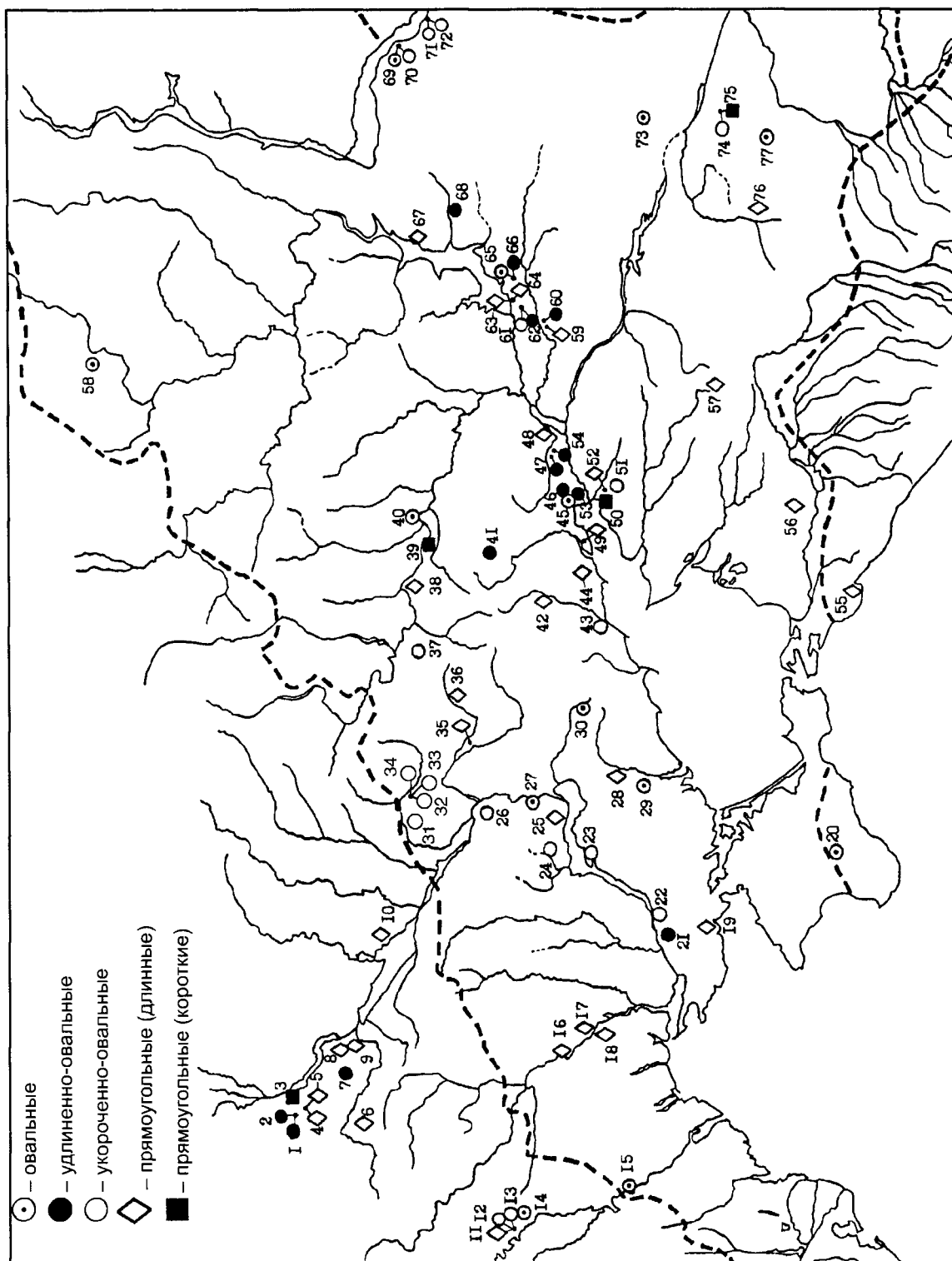

Рис. 4. Погребения с двулезвийными кресалами поздних кочевников Восточной Европы (объяснение на с. 195).

Fig. 4. The interments with the doubleblade steels of the late nomads of the Eastern Europe (the explanations on page 195).

Abb. 4. Grabstätten mit den zweischneidigen Feuerzeugen der Spätnomaden Osteuropas (Erläuterung auf der Seite 195).

Dessin 4. Inuhmations des nomades avancés de l'Europe de l'Est avec les briquets à deux fils (explication voir page 195)

Рис. 4. Погребения с двулезвийными кресалами поздних кочевников Восточной Европы: 1 – Гороховатка 283/2; 2 – Гороховатка 283/1; 3 – Гадомка, к. 222; 4 – Кагарлыкская слобода, к.335; 5 – Кагарлыкская слобода, к. 336; 6 – Яблунька 46/1; 7 – Зеленки, к. 366; 8 – Бабичи; 9 – Ковали 39-4/1; 10 – Шушваливка; 11 – Каменка, к. 441 (Поднепровье); 12 – Каменка, к.430 (Поднепровье); 13 – Каменка, к.443 (Поднепровье); 14 – Каменка, к.429; 15 – Парканы 3.98/180; 16 – Кременчуг 3/1; 17 – Троицкое 1/1 (Никол. обл.); 18 – Ковалевка, к.6 (Никол. обл.); 19 – Морская Кошара 4/3; 20 – Симферопольский аэропорт; 21 – Подокалиновка 6/1; 22 – Новокаменка 3/22; 23 – Каменка, п.27 (Запор. обл.); 24 – Богдана Хмельницкого 6/1; 25 – В.Тарасовка-II, 6/2; 26 – Николаевка-I, 2/1 (Днепр. обл.); 27 – Днепрельстан 7/1; 28 – Троицкое 2/22 (Запор. обл.); 29 – Новониколаевка 6/1 (Запор. обл.); 30 – Басань-1, 5/3; 31 – Миновка-XVII, 3/2; 32 – Котовка-I, 3/1; 33 – Котовка-III, 4/1; 34 – Котовка-I, 8/1; 35 – Павлоград-I, 7/1; 36 – Богдановка-III, 10/1; 37 – Новониколаевка-I, 1/2 (Дон. обл.); 38 – Приволье 12/1; 39 – Пришиб 2/31 (Луг. обл.); 40 – Войтово-III, 7/2; 41 – Никифорово 1/1; 42 – Петровское 7/1; 43 – Марцуполь, п.7; 44 – Самойлово 2/2; 45 – Недвиговка, п. 3; 46 – Царский 40/1; 47 – Октябрьское 5/1 (Рост. обл.); 48 – Агрос 3/1; 49 – Русский колодец-VII, 5/1; 50 – Колузаево 10/24; 51 – Колузаево 10/8; 52 – Колузаево 10/18; 53 – Кобяковский могильник 15/13; 54 – Грушевский, к. 14; 55 – Цемдолина, п. 36; 56 – Новотитаровка 1/4; 57 – Дмитриевская-I, 1/2; 58 – Власовка 3/2; 59 – Ново-Садковский 3/1; 60 – Кировский-V, 4/1; 61 – Романовский-I, к. 5; 62 – Романовский 1/1; 63 – Подгорненский-IV, 29/1; 64 – Подгорненский-V, 3/2; 65 – Вербовый Лог-VIII, 3/1; 66 – Вербовый Лог-VII, 5/1; 67 – Первомайский-VII, к. 48; 68 – Жутовский 89/1; 69 – Кривая Лука-XIV, 28/1; 70 – Кривая Лука-III, 3/1; 71 – Никольское-I, 3/1; 72 – Никольское-I, 10/1; 73 – Архаринский могильник 24/1; 74 – канал Волга-Чограй, гр. 42. 1/1; 75 – канал Волга-Чограй, гр. 52, 1/2; 76 – Калиновская 10/1; 77 – Новоселицкое 1/1

Пять комплексов относятся ко второй половине XIII-XIV вв. Дату здесь дают наконечники стрел В-Х, В-ХIII, В-ХV (Парканы 3.98/180 и Недвиговка п.3), стремена Е-II (Новониколаевка 6/1), Е-I и удила с крупными кольцами (Симферопольский аэропорт). К XIV в. принадлежит одно погребение (Вербовый Лог-VIII, 3/1), датирующееся серебряной серьгой в виде знака вопроса.

Удлиненно-овальные кресала чаще всего встречаются на Нижнем Дону и в Поросье, по одному обнаружены в истоке Миуса и на левобережье Нижнего Днепра (рис. 4). В четырех комплексах (Гороховатка, к.283, п.1 и п.2; Зеленки, к.366; Подокалиновка 6/1), к сожалению, отсутствует узкодатируемый инвентарь, что позволяет отнести их к широкому хронологическому периоду X-XIV вв.

Погребение Грушевский, к.14 датируется XII-XIV вв. по яме с уступами и стременам, близким к отделам Г, Д, Е.

Два комплекса (Царский 40/1 и Романовский 1/1) относятся к середине XIII в. В первом случае дату дают северо-восточно-восточная ориентация и стремя типа В-II, во втором - сочетание в одном комплексе стремян типа Е-I и близкого к типу В-IV.

Остальные шесть погребений относятся ко второй половине XIII-XIV вв. Четкие хронологические привязки здесь дают наконечники стрел: В-IX (Никифорово 1/1) и 86-го типа (Медведев А.Ф., 1966, табл. 30Г, с.177) (Вербовый Лог-VIII, 5/1), срезни (Жутовский 89/1; Октябрьское 5/1; Кировский-V, 4/1). Датировку последних трех погребений подтверждают также серьга в виде знака вопроса; удила с большими кольцами; бронзовая площадка, северная ориентация и яма с заплечиками. Комплекс из Кобяковского могильника 15/3 отнесен к золотоордынскому времени по стремену

типа Е-I, ромбовидному наконечнику стрелы, удилам с крылатыми дуговидными псалями и удилам с большими кольцами. Таким образом, исходя из материала, логично предположить, что удлиненно-овальные кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы бытовали в золотоордынский период.

Картографирование укороченно-овальных кресал выявило их концентрацию вдоль обоих берегов нижнего течения Днепра. Остальные кресала этого варианта происходят из различных регионов Восточной Европы (рис. 4).

Анализ датирующего инвентаря позволил выявить две хронологические группы погребений с укороченно-овальными кресалами. Первая группа относится к XII-XIV вв. К более раннему времени, чем XII в., эти погребения нельзя отнести в связи с восточной ориентацией погребенных (Новокаменка 3/22 и Каменка, к.430).

Подавляющее большинство комплексов (Каменка, к.443; Б.Хмельницкого 6/1; Николаевка-I, 2/1; Новониколаевка-I, 1/2; Котовка-I, 8/1; Котовка-III, 4/1; Котовка-I, 3/1; Каменка, п.27; Кривая Лука-III, 3/1; Нильское-I, 3/1; Никольское-I, 10/1; канал Волга-Чограй, гр.42, 4/1) можно уверенно датировать второй половиной XIII-XIV вв. Все они без исключения имеют относительно богатый и разнообразный инвентарь. В их числе предметы оборонительного и наступательного вооружения: шлем, сабля, кинжал, наконечники стрел типов В-VI, В-XV, срезни, кистень, берестяные колчаны, костяные декорированные геометрическим, растительным и звериным орнаментом накладки колчана и лука, конское снаряжение (стремена Е-I и Е-II), костяные наперстки плетей, прямоугольные и лировидные подпружные и ременные пряжки, железный пинцет, медные и железные сосудики,

	IX-X вв.		X в.	XI вв.		XI-XII вв.	XII вв.		XII-XIII вв.				Кон. XII- -XIII вв.	II пол. XIII в.	Руб. XII-XIII - 1-я тр. XIV вв.
	В-I	К XX	А-I	Б-I	Б-III	А-I	Б-II	В-I	Тип V	Костян. "пугов."	Е-I	В-IV	В-I	В-II	Распрямл. гвивны
Типы кресал															
	1	1	1	1	1	3	1	5	1	2			1		
										1	1				
			1			2	1	3							
								2							
												1		1	
										2			1	1	2

Рис. 5. Взаимовстречаемость кресал с узкодатируемыми типами вещей в позднекочевнических погребениях Восточной Европы.
 Fig. 5. The reciprocal meeting of steels and short-term dated things in the late nomadic interments of the Eastern Europe.
 Abb. 5. Überschneiden der Feuerzeuge mit den engdatierenden Sachentypen in den Spätnomadengrabstätten Osteuropas.
 Dessin 5. Fréquence de rencontre des briquets et des objets datés des termes limités dans les mêmes inhumations des nomades avancés de l'Europe de l'Est

2-я половина XIII-XIV вв.															
Типы кресал	Д-I	Е-I	Е-II	Е-II а		Г-IV	Г-III		К-I	Желез. и бронз. плошки	Костян. накладки с растит. и звер. орнам.	Джучид- ские монеты	Тип IV	Листо- вые метал. фигур.	Тип VI
	1	3	4	3	1					3	1	6			1
											1	3			1
			1							4	1				2
			1				2					1			
		2	2				1		1		1				2
		3	1				3	1		2					2
		1	5		1	1				1	3	2		1	2
		2	2	1			1			4	2	2	1		1
			2												

Рис. 5. (продолжение).

Fig. 5. (continuation).

Abb. 5. (Fortsetzung).

Dessin 5. (suite)

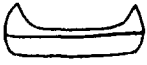

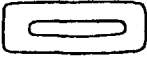
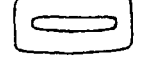
		2-я половина XIII – XIV вв.																				
Типы након.		53	53	68	68	54	54	54	54	54	54	49	49	36	~40	72	72	60	73		~72	~54
Типы кресал		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18		19	20
		2	5	1	2		2					4		2				3				
		1	1	1										1								
		2	3	2			1			1	1	1		1		1	1					1
			1		1																	
																						
			1				1							1			1				1	
		2	3	4		2	2	1			1	2			1	2				1		
		2	4	1	4					2	2		2						1			
			7	1	4		4	2	1		1	2			1		1	1				
		1				1	1															

Рис. 5. (окончание). 1-20 даны по: Медведев А.Ф., 1966, 184 с.

Fig. 5. (the end). 1-20 are given according to the work by: Медведев А.Ф., 1966, 184 с.

Abb. 5. (Abschluss). 1-20 sind nach: Медведев А.Ф., 1966, 184 с.

Dessin 5. (fin). 1-20 données de: Медведев А.Ф., 1966, 184 с.

бронзовые чаши, серебряный амулет в виде фигурки человечка. Среди остального, относительно более широко датированного инвентаря, оселки, костяные ворворки, стремяна типов Г-I, Д-I, костяные петли колчана и др.

Ограбленное основное погребение из к.5 (Романовский-I) датируется XIV в. по наличию сырцово-кирпичной площадки в западной поле кургана.

Отметим и некоторые общие черты погребального обряда: основное положение погребений в курганах, наличие уступов и подбоев, укладка погребенных в колоды, решетчатые гробовища или простые дощатые гробы.

Показательно отсутствие в подавляющем большинстве погребений остовов коня или его частей, что свидетельствует о тенденции к изживанию традиции захоронения коня, которая постепенно заменяется укладкой в могилу только стремян, реже удила.

Несколько укороченно-овальных кресал узко датируются по джучидским монетам: Миновка-XVII, 3/2 - 60-е годы XIV в., Колузаево 10/8 - серединой XIV в., Мариуполь, п.7 - конец 60-х гг. XIV в.

Наличие почти во всех погребениях с кресалами этого варианта предметов вооружения, очевидно, свидетельствует о принадлежности их воинам.

Картографирование прямоугольных кресал показало, что они приблизительно равномерно распределены на исследуемой территории, отсутствуя в Крыму и на Нижнем Поволжье. Некоторую концентрацию их можно отметить в Поросье (рис.4).

Всю группу погребений с прямоугольными кресалами, исходя из возможностей датирующего инвентаря, можно разделить на три части. Широко, в пределах XII-XIV вв. датируются комплексы из Кагарлыкской слободы, к.335 и к.336; Гадомки, к.222; Ковалей 394/1; Бабичей; Новотитаровки 1/4; Троицкого 2/22; Калмыкии (канал Волга-Чограй, гр.52, 1/2); Яблунивки 46/1. Нижнюю дату не позволяют опустить костяные ворворки, как правило, орнаментированные кружками и парными параллельными насечками, стремяна типов Г-I и Д-I, не бытовавшие ранее XII в., восточные ориентировки, присутствие целого остова коня, сильноизогнутая сабля. Комплекс Дмитриевская-I, 1/2 по кольчуге, шлему, распрямленной гривне датируется несколько уже: XII- середина XIV вв.

Пятнадцать комплексов датируются в рамках золотоордынского периода. Датированным инвентарем здесь выступают наконечники стрел с широкими верхними гранями и узкими нижними (Медведев А.Ф., 1966, табл. 30Г, с.177) (Богдановка-III, 10/1), наконечники стрел В-XI, В-XIII (Кременчуг 3/1), В-IX (Каменка, к.4-41), орнаментированные костяные накладки колчана (Ковалевка, к.6), амфора (Волков И.В., 1992, с.145, тип 4) (Морская Кошара 4/3), стремя Е-II (Пришиб 2/31; Русский колодец-VII, 5/1), стремя Е-II и сильноизогнутая сабля (Павлоград-I, 7/1), наконечники стрел В-VI, Б-IV (Самойлово 2/2), бронзовая плочка (Подгорненский-IV, 29/1), железная плочка и срезни (Подгорненский-V, 3/2), бронзовая мисочка, срезни, стремяна с ши-

роками подножками (Калиновское 10/1), срезень, костяные пулевидные наконечники стрел (Первомайский-VII, к.48), ромбовидный наконечник стрелы и модель котла (Троицкое 1/1). Концом XIII-XIV вв. по монете и общему облику инвентаря продатировали авторы публикации погребение 36 из Цемдолины (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, с.109-110).

Одно погребение датируется XIV в. (Ново-Садковский 3/1) по обнаруженной в этом комплексе серебряной серже в виде знака вопроса. Наиболее узкую дату имеют три захоронения. Два из них происходят из кургана у х.Колузаево, где идентичный материал и черты обряда имеют более 20 погребений, впущенных в курган, по-видимому, в одно время. Джучидские монеты середины XIV в., обнаруженные в этих погребениях, позволяют датировать этим временем и комплексы с прямоугольными кресалами (Колузаево, пп.18 и 24). В комплексе Агрос 3/1 присутствует 5 монет Узбека, а, следовательно, он датируется 20-40 гг. XIV в.

Определение датировок погребений с прямоугольными кресалами показало, что все могилы имеют инвентарь, взаимодействующий в XIV в. XIII век, очевидно, определяет начало их распространения, а датировка XII в. требует дополнительной аргументации. Во всяком случае, прямоугольные кресала ни разу не встречены с одноставными удилами или монетами XII в.

Таким образом, можно констатировать, что однолезвийные кресала (калчевидные и скобовидные), появившись у поздних кочевников Восточной Европы в X в., бытовали до конца XIV в. Двулезвийные кресала, широко бытовавшие у номадов южнорусских степей в золотоордынский период, не вытеснили однолезвийных, сосуществуя с последними (рис. 6). Такая хронология кресал, основанная на методе взаимовстречаемости узкодатированных вещей, может быть в дальнейшем в какой-то степени уточнена после проведения корреляции позднекочевнических древностей Восточной Европы.

Анализ погребального обряда

Проведенная корреляция изучаемой серии кресал со способами укладки коня в погребение* (рис. 7) дала следующие результаты: три варианта кресал имели устойчивые связи с определенными типами укладки коня. Скобовидные кресала I варианта в подавляющем большинстве случаев встречены с I (20%) и II (67%) типами членения ног коней (Атавин А.Г., 1984, с.134-140). Такой чертой обрядности характеризуются и погребения с калчевидными кресалами I варианта (I тип - 44%, II тип - 44%). I и II типы захоронения чучел коня в позднекочевнических погребениях, по мнению А.Г.Атавина, следует связывать с печенежско-торческим населением. Прямоугольные кресала I варианта в основном (80%) происходят из погребений с целым остовом коня. Подобная деталь обряда связывается исследователями с половцами (Плетнева С.А., 1973, с.12-14, 20-22).

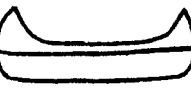

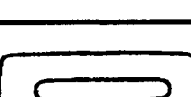
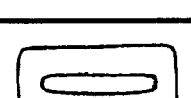
Типы кресал	1-я пол. X в.	2-я пол. X в.	1-я пол. XI в.	2-я пол. XI в.	1-я пол. XII в.	2-я пол. XII в.	1-я пол. XIII в.	2-я пол. XIII в.	1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV в.
										
										
										
										
										
										
										
										
										
										

Рис. 6. Хронологические рамки бытования позднекочевнических кресал Восточной Европы.
 Fig. 6. The chronological limits of the existence of the late nomadic steels of the Eastern Europe.
 Abb. 6. Der chronologissche Rahmen des Vorhandenseins der Spätnomadenfeuerzeuge Osteuropas.
 Dessin 6. Cadres cronologiques d'existence des briquets des nomades avancés de l'Europe de l'Est

Как известно, кресало у поздних кочевников, как и у многих других народов, является сугубо мужским атрибутом. Это наблюдение подтверждается и на наших материалах. Лишь только в трех случаях кресала были встречены в могилах с женским инвентарем (Богуслав-1, 25/1; Ново-Подкряж 6/1; Александровск 6/1). Около 10 погребений имели смешанный сопровождающий инвентарь. В большинстве таких захоронений среди вещей мужского обихода встречены женские предметы - гребни. Здесь, вероятно, отразился обряд передачи в качестве подарка вещи ранее умершему родственнику противоположного пола. Это подтверждается многочисленными этнографическими данными (Вышеславцев А., 1886, с.115). Два кенотафа, судя по наличию наконечников стрел и отсутствию специфических женских вещей, можно отнести к мужским кенотафам. Несколько комплексов не поддаются определению по половому признаку.

У разных народов, кочевых и оседлых, зафиксированных этнографически, кресало носилось на поясе в специальном мешочке или футляре, либо просто заворачивалось в ткань. Подобные способы хранения кресал отразились и в погребальной обрядности поздних кочевников Восточной Европы. Так, в 18 комплексах кресала обнаружены с остатками матерчатых или кожаных мешочков, в четырех - были завернуты в ткань, а в двух погребениях они находились в специальных небольших кожаных сумках. Кресалу в таких случаях чаще всего сопутствовали трут, кремь, нож и оселок. Эти предметы вместе с кресалом составляли так называемый походный комплект. Подобные наборы в целом характерны для многих народов, прежде всего кочевых и горных. Так, у тибетцев мужчина в числе основных вещей постоянно носит с собой кресало (Козлов П.К., 1920, с.24). Алтайцы опоясывались ремнем, на котором на отдельных ремешках висели нож и кресало в кожаной оправе с сумочкой для крепления и трута. Без этих принадлежностей алтаец никогда не бывал (Вербицкий В.И., 1893, с.10). У горных таджиков охотник носил специальный охотничий пояс "камар", в котором всегда находились кремь и кресало (Андреев М.С., 1958, с.216). Изображение кресал или мешочков для их хранения иногда встречаются на каменных изваяниях Южной Сибири, Монголии, а также на половецких каменных бабах южнорусских степей (Евтюхова Л.А., 1952, с.110; Плетнева С.А., 1974, с.47).

Известно, что каждая элементарная единица погребального инвентаря занимает определенное место в погребальном сооружении, заполняя его ячейки. Под ячейкой понимают элементарные единицы структуры погребения. Деление структуры на ячейки устанавливается экспериментально, а место, занимаемое предметом, может быть фиксированным и не фиксированным (Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А., 1977, с.21).

Логично предположить, что место расположения кресала в погребении должно соответствовать тому,

где оно носилось при жизни. Однако, в отличие от некоторых категорий инвентаря, например, шейных гривн, бус, удила, стремян (если есть конь), располагающихся в погребении на том же месте, где они носились при жизни, кресала, как и ножи, костяные ворворки, ножницы и некоторые другие предметы, не имеют устойчивой позиции.

Из 293 комплексов, в которых обнаружены кресала, местоположение последних зафиксировано в 199 погребениях. Из них 107 экземпляров находились в районе пояса: 27 - у бедер, 44 - на, под, слева или справа от таза, 30 - между кистью руки и тазом, 6 - между предплечьем и тазом. 92 кресала (46%) занимали нетипичные ячейки погребения, то есть располагались не у пояса. 18 раз кресала обнаружены в кисти левой или правой руки, 15 - в районе локтевых суставов, 14 - находились в районе колен, 13 - между бедренными костями, 9 - у, на, под левой или правой рукой, по 6 раз - в районе плеч, у и под левым боком, по 2 раза - в заполнении, у берцовых костей и напротив ступни. Единичные находки кресал отмечены на крышке гроба, в костях лошади, у седла, возле черепа, на груди.

В месторасположении кресал в погребениях наблюдается интересная закономерность: в 103 могилах они обнаружены в левой зоне, то есть слева от костяка, в 62 случаях справа. Чем это можно объяснить? У тюрков Южной Сибири понятие "правый" и его производные дают ряд положительных значений: правый, лицевой, правильный, попутный, успех, удача, прямо, по направлению вперед, исправить, поправляться, жиреть (о лошади). Понятие "левый" - тождественно таким значениям как: убивать, исчезать, усыхать, слепнуть, ложное, неискреннее, заирать. Не случайно шаман держит бубен в левой руке, а колотушку в правой: здесь символика мужского и женского начал передается через противоположность правого и левого (Традиционное мировоззрение..., 1988, с.44). Однако, по отношению к кресалам противопоставление значений "левый-правый" не фиксируется, то есть нет прямых данных, связанных с половозрастными факторами.

На наш взгляд, небезынтересно выяснить причину, по которой такое большое число кресал (46%) располагались в погребениях "не на своем месте". Как известно, практически любая вещь, находящаяся в погребении, имеет неоднозначный характер. Во-первых, изделие выполняет чисто утилитарное назначение, во-вторых, в зависимости от идеологических представлений предмет обладает определенной культовой нагрузкой. Здесь важно отметить, что один и тот же ритуал, одна и та же семантическая нагрузка вещи могла облачаться в различные формы, поскольку языческая религия не имеет писаных канонов. Поэтому, естественно, что один и тот же культ выражался в отдельных коллективах по-разному (Рыбаков Б.А., 1981). В силу различных историко-географических условий

*Искренне благодарим профессора С.А.Плетневу за совет провести данную корреляцию и за другие ценные для авторов рекомендации по написанию статьи.

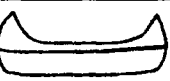
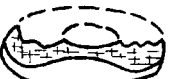
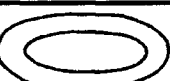

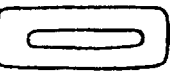
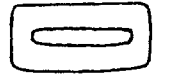
Типы и варианты кресал	Типы укладки чучел коня в позднекочевнических погребениях (по А.Г. Атавину)			Целый остов коня
	I тип	II тип	III тип	
	7	7	1	1
	-	-	-	1
	1	-	1	-
	3	10	1	1
	-	2	-	-
	-	-	3	1
	-	-	1	2
	-	-	1	1
	-	1	1	8
	-	-	-	-

Рис. 7. Корреляция кресал с типами укладки коня в погребениях.

Fig. 7. The steels and the horse location in the interments correlation.

Abb. 7. Feuerzeugkorrelation mit den Arten der Pferdlage in den Grabstätten.

Dessin 7. Corrélation des briquets avec de différents types de mise en tombeau du cheval dans les inhumations

у кочевников могли быть модификации одного и того же культа или верования.

По мнению исследователей, расположение кресал в погребении не в типичном для них месте связано, как и у некоторых других категорий инвентаря, с выполнением ими магических функций оберега (Моця А.П., 1990б, с.36-37; Зеленин Д.К., 1931, с.744). Так, в могилах восточных славян иногда находят кресала, расположенные не у пояса: в насыпи, у ног, плеч, колен (Моця А.П., 1990б, с.37).

Вероятно, кресало должно было защищать прежде всего ту часть тела, рядом с которой его положили. Другие же части тела охраняли часто другие амулеты. Все вместе они создавали воображаемую "стену", охраняющую умершего от злых, враждебных сил потустороннего мира. Такие обереги обладали, по-видимому, низшим защитным рангом в системе охранительных структур. Более высокими по рангу (по возрастающей) последовательно являлись структуры (артефакты), охраняющие погребение, курган, могильник, территорию рода, племени, этноса (Ткачев В.Н., 1985, с.35-48).

Известно, что у кочевников средневековья был широко распространен культ огня, и кресало могло выступать в роли атрибута этого культа, то есть заместителем огня. Близкая мысль была высказана М.Стенбергером. О магической силе кресал свидетельствуют многочисленные данные этнографии, фольклора, а также сказки. Например, у кумандинцев считалось, что умершие, в погребении которых были допущены ошибки, оставались в мире живых. Их называли турлаг. Они обитали в лесу. Поздним вечером турлаг преследовал запоздалых путников. Спасались от них разными способами, в том числе считалось, что их можно отпугнуть искрой из огнива (Сатлаев Ф.А., 1974, с.151-152). По данным карельского фольклора при заговоре знахарь привязывал к себе и исцеляемому поясу, начиненный металлическими изделиями, головами змей, кресалом и другими преграждающими принадлежностями (Лавонен Н.А., 1977, с.73-81). В сказках многих европейских народов железные огнива наряду с практическими функциями наделены и магическими свойствами оберега.

Более того, в Скандинавии эпохи викингов и на территории Восточной Европы во второй половине IX-X вв. бытовали миниатюрные серебряные привески-амулеты (иногда изготовленные из железа), которые копировали форму широко распространенных калачевидных кресал. Они найдены в женских погребениях и кладах (Новикова Г.Л., 1988, с.38).

Таким образом, в тех случаях, когда кресало в погребении клали не в районе пояса, то, вероятно, этим подчеркивались прежде всего его магические свойства.

Основная масса сопроводительного инвентаря, равно как и заупокойная пища, помещались в могилу с целью снабдить покойника (душу-тень?) "дорожным" запасом на период очень опасного и весьма длительного путешествия в нижний мир. В дальнейшем эти вещи могли служить погребенному в стране мертвых так же, как они ему служили при жизни. Некоторым покойникам клали в могилу подарки для ранее умерших родственников. Другая группа инвентаря, назовем ее дополнительной, по-видимому, должна была оберегать умершего в пути в страну мертвых. Именно в эту группу, вероятно, входили и кресала.

Таким образом, проведенный анализ кресал, обнаруженных в позднекочевнических погребениях Восточной Европы, показывает, что номады южнорусских степей использовали в быту четыре типа этих изделий: калачевидные, скобовидные, овальные и прямоугольные. Причем, если первые два типа бытовали на протяжении X-XIV вв., то овальные и прямоугольные кресала использовались в XIII-XIV вв.

Необходимо подчеркнуть, что кресала как в повседневной жизни, так и в погребальной обрядности, наряду с практической функцией наделались и магическими свойствами оберега. Эти представления были широко распространены не только у кочевников, но и у оседлого языческого населения.

Важно отметить, что из четырех типов кресал, которыми пользовались средневековые кочевники Восточной Европы, лишь один тип - скобовидные - происходит из среды номадов. Остальные три типа заимствованы у соседей и, вероятнее всего, у древнерусского населения. Возможно, здесь свою роль сыграли технологические особенности изготовления кресал. Ведь кресала, по мнению В.Д.Гопака, принадлежат к группе качественных кузнечных изделий, которые выполнены в сложной технике, доступной лишь высококвалифицированным профессионалам в условиях специализации производства (Гопак В.Д., 1986, с.427). Нельзя также не учитывать и определенное влияние моды на те или иные вещи.

Проведенный анализ источников дает основание считать, что в погребениях поздних кочевников как, по-видимому, и в других культурах (Андреев М.С., 1958, с.216), могут присутствовать два своеобразных комплекта сопроводительного инвентаря: основной и дополнительный.

Кресала встречаются в погребениях бедных и исключительно богатых кочевников, у подростков, взрослых и пожилых людей, у воинов и простых пастухов, крайне редко - у женщин. Кресала, без сомнения, принадлежат к тем категориям инвентаря, которые были необходимы каждому кочевнику вне зависимости от его социального и имущественного положения.

Литература и архивные материалы

1. Андреев М.С., 1958. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи)// Тр. АН Таджикской ССР. Т. LXI. Вып. II. Сталинабад.
2. Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине// Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир-Москва.
3. Арсланова Ф.Х., 1983. Курганы у села Избрижье// Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин.
4. Артамонова О.А., 1963. Могильник Саркела-Белой Вежи// МИА. №109.
5. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981. М.
6. Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987. М.
7. Археология Украинской ССР, 1986. Т. 3. К.
8. Асеев И.В., 1980. Прибайкалье в средние века. Новосибирск.
9. Атавин А.Г., 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X-XIV вв.// СА. №1.
10. Беляева С.А., Недопако Д.П., 1981. О металлообработке в Посеймье в XIII-XIV вв. (по материалам Озаричского селища)// Использование методов естественных наук в археологии. К.
11. Береш Ю., 1988. Современное состояние исследования славянских городищ в Восточной Словакии// Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов. Т. 2. К.
12. Бируля И.В., 1970. Курганы у дер. Ратайчицы// МИА. №176.
13. Васильева И.Н., 1985. Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области// Древности Среднего Поволжья. Куйбышев.
14. Вербицкий В.И., 1983. Алтайские инородцы. Сб. этнографических статей и исследований. М.
15. Волков И.В., 1992. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор// Донские древности. Вып. I. Азов.
16. Воронов Ю.Н., 1979. Материальная культура Абхазии I тысячелетия н.э.// КСИА. Вып. 159.
17. Вышеславцев А., 1886. Похоронные и поминальные обычаи некрещенных чуваш Симбирской губернии во второй половине XVII в.// ИРГО. Т. XXI.
18. Гайдуков П.Г., 1992. Словенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.
19. Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.
20. Голубева Л.А., 1964. Огнива с бронзовыми рукоятями// СА. №3.
21. Голубева Л.А., 1965. К истории пластинчатых огнив Восточной Европы// Новое в советской археологии. М.
22. Голубева Л.А., 1973. Вещь и славяне на Белом озере X-XIII вв. М.
23. Голубева Л.А., 1987. Муром// Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.
24. Голубева Л.А., Варенова А.Б., 1993. Новое об огнивах с бронзовыми рукоятями// РА. №4.
25. Гопак В.Д., 1986. Железообрабатывающее ремесло// Археология Украинской ССР. Т. 3. К.
26. Гудкова А.В., Фокеев М.М., 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. К.
27. Гурин М.Ф., 1987. Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX-XIII вв. Минск.
28. Дубов И.В., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.
29. Дубынин А.Ф., 1956. Археологические исследования в Зарядье (Москва)// КСИИМК. Вып. 65.
30. Евглевский А.В., 1989. Позднекочевническое погребение с джучидской монетой в Донбассе// Науч.-практ. семинар Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк.
31. Евглевский А.В., 1990. Влияние ислама на половецкий погребальный обряд в золотоордынское время// Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы конференции. Луганск.
32. Евглевский А.В., 1992. Погребения золотоордынского времени из раскопок новостроечной экспедиции Донецкого университета// ДАС. Вып. 1.
33. Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1994. Позднекочевнические погребения с керамикой древнерусского облика из Северо-Восточного Причерноморья// ДАС. Вып. 5.
34. Евтюхова Л.А., 1952. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии// МИА. №24.
35. Загорюльский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Минск.
36. Заднепровский Ю.А., 1975. Кочевническое погребение XIII-XIV вв. в Фергане// СА. №4.
37. Зверуго Я.Г., 1989. Верхнее Понеманье в IX-XIII вв. Минск.
38. Зеленин Д.К., 1931. Магические функции примитивных орудий// Известия АН СССР. Л.
39. Иванов В.А., Кригер В.А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М.

40. Ильюков Л.С., Казакова Л.М., 1988. Курганы Миусского полуострова. Ростов-на-Дону.
41. Кабанов С.К., 1963. Погребение воина в долине р.Кашка-Дарья// СА. №3.
42. Казаков Е.П., 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника// Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.
43. Козлов П.К., 1920. Тибет и далай-лама. Пг.
44. Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого// МИА. №65.
45. Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей// Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
46. Коренько А.В., Атавин А.Г., 1986. Позднекочевнические погребения в курганах у с.Новоселицкое (Ставропольский край)// КСИА. №183.
47. Корзухина Г.Ф., 1977. Об Одинах и кресалах Прикамья// Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.
48. Кочуркина С.И., 1981. Археологические памятники корелы V-XV вв. Л.
49. Кочуркина С.И., 1986. Корела и Русь. Л.
50. Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963. Бамутский курганный могильник XIV-XVI вв.// Древности Чечено-Ингушетии. М.
51. Культура Билеяра. Болгарские орудия труда и оружие X-XIII вв., 1985. М.
52. Лавонен Н.А., 1977. О древних магических оберегах (по данным карельского фольклора)// Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.
53. Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А., 1977. Погребение как объект формального анализа// КСИА. №148.
54. Лесман Ю.М., 1982. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато// Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
55. Лобанов Н.А., 1989. Некоторые бытовые находки из Пскова// КСИА. Вып.195.
56. Лысенко П.Ф., 1974. Города Туровской земли. Минск.
57. Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М.
58. Макаров Н.А., 1982. Средневековый могильник Попово на Каргополье// КСИА. №171.
59. Мальм В.А., Фехнер М.В., 1974. Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневна// Археология Рязанской земли. М.
60. Мамонтов В.И., 1992. Курганный могильник Зубовка// Древности Волго-Донских степей. Вып.2. Волгоград.
61. Марковин В.И., 1963. Чеченские средневековые памятники в верховьях р.Чанты-Аргуна// Древности Чечено-Ингушетии. М.
62. Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII-XIV вв.// САИ. Вып. Е 1-36.
63. Медведев А.Ф., 1967. Первые раскопки в Городце на Волге// КСИА. №110.
64. Медведев В.Е., 1977. Культура амурских чжурчжэней. Конец X-XI вв. Новосибирск.
65. Медведев В.Е., 1986. Приамурье в конце I - начале II тыс. (чжурчжэньская эпоха). Новосибирск.
66. Мовчан Л.И., Степаненко Л.Я., 1976. Раскопки поселения та могильника в Китаєво// Археологічні дослідження стародавнього Києва. К.
67. Могильников В.А., 1981. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII-XIV вв.// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
68. Могильников В.А., 1987. Юдинская культура// Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.
69. Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань// МИА. №49.
70. Моця А.П., 1990а. Некоторые сведения о распространении христианства на юге Руси по данным погребального обряда// Обряды и верования древнего населения Украины. К.
71. Моця А.П., 1990б. Погребальные памятники южнорусских земель IX-XIII вв. К.
72. Моця О.П., 1993. Населения південно-руських земель IX-XIII ст. К.
73. Муром VII-XI вв., 1990. Йошкар-Ола.
74. Мужухоев М.Б., 1980. Таргимский храм// Северный Кавказ в древности и средние века. М.
75. Назаренко В.А., 1984. Новый памятник заволочской чуди// Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.
76. Нидерле Л., 1956. Славянские древности. М.
77. Никитина Т.Б., 1992. Марийцы (конец XVI - начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола.

78. Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М.
79. Новикова Г.Л., 1988. Языческая символика кресаловидных привесок// Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч. конференции Древнерусское язычество и его традиции. Псков.
80. Овсянников О.В., Царькова Л.А., 1983. Охранные работы на территории Застенья и окольного города в 1973 и 1974 гг.// Археологическое изучение Пскова. М.
81. Орлов Р.С., Погорілий В.І., 1977. Поховання кочівника поблизу с. Поділля на Київщині// Археологія. №24.
82. Петегирич В.М., 1990. Предметы быта// Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (ранне-славянский и древнерусский периоды). К.
83. Пиркко-Лииза Лехтосало-Хиландер, 1979. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов// Финно-угры и славяне. Л.
84. Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях// МИА. №62.
85. Плетнева С.А., 1963. Кочевнический могильник близ Саркела-Белой Вежи// МИА. №109.
86. Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура)// МИА. №142.
87. Плетнева С.А., 1973. Древности черных клобуков// САИ. Вып. Е 1-19.
88. Плетнева С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып. Е 1-2.
89. Пронин Г.Н., 1986. Раскопки курганно-жальничного могильника у дер. Новинка// КСИА. №183.
90. Равдина Т.В., 1966. Шишимровские курганы// Культура древней Руси. М.
91. Равдоникас В.И., 1934. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье// ИГАИМК. Вып.94.
92. Рафалович И.А., 1974. Культура славян Молдавии (VI-IX вв.)// Древняя культура Молдавии. Кишинев.
93. Розенфельдт Р.Л., 1974. Егорьевская коллекция рязанских вещей// Археология Рязанской земли. М.
94. Розенфельдт Р.Л., 1987а. Коми - зырянские племена IX-XI вв. Вымская культура// Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.
95. Розенфельдт Р.Л., 1987б. Удмуртские племена в IX-XV вв. Чепецкая культура// Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.
96. Рыбаков Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.
97. Рябинин Е.А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.
98. Савельева Э.А., 1971. Пермь вычегодская. М.
99. Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI-XIV вв. Л.
100. Сагайдак М.А., 1988. Хронология археологических комплексов древнего Киева// Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов. Т.2. К.
101. Сатлаев Ф.А., 1974. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX - первой четверти XX века). Горно-Алтайск.
102. Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.
103. Седова М.В., Беленькая Д.А., 1981. Окольный город Суздаля// Древнерусские города. М.
104. Семькин Ю.А., 1991. Технология кузнечного производства Биляра// Биляр - столица домонгольской Булгарии. Казань.
105. Симонова Е., 1984. Некоторые результаты раскопок позднеаварского могильника в Фесерлакпуста// Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово.
106. Сорокин С.С., 1959. Железные изделия Саркела-Белой Вежи// МИА. № 75.
107. Ткачев В.Н., 1985. К эволюции охранной символики в архитектуре кочевников Центральной Азии// СЭ. № 1.
108. Толмачева М.М., 1983. Технология кузнечного ремесла Старой Рязани// СА. №1.
109. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири, 1988. Новосибирск.
110. Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
111. Ходзевич Л.П., Шавкунов Э.В., 1990. Классификация и датировка дальневосточных кресал// Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока. Владивосток.
112. Циркин А.В., 1987. Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н.э. Красноярск.
113. Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1980. Кочевнические погребения Среднего Приорелья// Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск.
114. Швецов М.Л., 1984. Позднекочевническое погребение у с.Смелое на Северском Донце// СА. № 1.

115. Штыхов Г.В., 1975. Древний Полоцк. Минск.
116. Штыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли. Минск.
117. Ягодин В.Н., 1991. Стреловидные планировки Устюрта (опыт историко-культурной интерпретации)// Археология Приаралья. Вып. V. Ташкент.
118. Kaks P., 1969. Ett ryttareldstel. Nordsvensk forntid. Skytteanska samfundets handlingar 6. Umeå.
119. Kivikoski E., 1937. Studien zu Birkas Handel im nördlichen Ostseegebiet// Acta archaeologica. VIII.
120. Kokowski A., 1985. Die Feuerstahlwerkzeuge der Pszeworskultur// Memoires Archeologiques. Lublin.

Summary

A.V. Yevglevsky, T.M. Potjomkina (Donetsk)
Steels in Late Nomadic Interments of Eastern Europe

Interments with steels (the device for kindling fire) constitute 13 % of all nomadic interments of the Xth-XIVth cc. in Eastern Europe. The article presents the most complete typology and chronology of steels, which were used by nomads of southern Russian steppes.

It is for the first time when staple-shape type of steels (the 2nd type) has taken its place in the typological and chronological scale of the present category of articles. Analogue in other regions are not known. The constructive peculiarity of these steels is the presence of deepening-cavity in the iron base for wooden halve instead of pointed vertical tenons.

One-blade steels (U-shaped and staple-shaped ones), having appeared in late nomads of Eastern Europe in the Xth c., are traced up to the end of the XIVth c. Two-blade steels, widely occurring in nomads during the Golden Horde epoch did not oust one-blade ones coexisting with the latter.

It is notable that among 4 types of steels used by medieval nomads of Eastern Europe, only one type – staple-shaped – is of nomadic environment origin. Three others (U-shaped, oval and rectangular) are apparently borrowed from settled neighbours, chiefly from the Old Russian inhabitants.

Steels are found in the interments of poor and extremely rich nomads, of herdsmen and soldiers, of young, grown up and old people, but very seldom in women's interments.

A.W., Jewglewskij, T.M., Potjomkina (Donezk)
Steinstücke zum Feuerschlagen in den Spätnomadengräbern Osteuropas

Gräber mit Steinstücken zum Feuerschlagen machen 13% aller Nomadengräber des 10.-14. Jhs. Osteuropas aus. In diesem Artikel werden die volle Typologie und Chronologie der Steinstücke zum Feuerschlagen aufgeführt, die Nomaden der südrussischen Steppen benutzen.

Zum ersten Mal wird die Stelle der klammerförmigen Steinstücke (die 2. Variante) in der Typologie und in der chronologischen Skala dieser Sachekategorie bestimmt. Ihre Analogen in anderen Gebieten sind unbekannt. Die konstruktionsmäßige Besonderheit dieser Steinstücke ist das Vorhandensein der Vertiefung-Höhhlung in der eisernen Basis für den Holzgriff statt der senkrechten Spitzdörne.

Zylinder- und klammerförmige einschneidige Steinstücke, die bei den Spätnomaden Osteuropas im 10. Jh. entstanden, existierten bis Ende des 14. Jhs. Zweischneidige Steinstücke, die bei Nomaden in der Zeit der Goldenen Horde breit verwendet wurden, verdrängten die einschneidigen Steinstücke nicht, sondern koexistierten mit ihnen.

Es ist beachtenswert, daß von 4 Typen der Steinstücke, die mittelalterlichen Nomaden Osteuropas benutzten, nur 1 Typ (die klammerförmigen Steinstücke) aus dem Nomadenmilieu stammt. Die anderen 3 Typen (zylinder-, oval- und rechtwinkliche Steinstücke) wurden von den seßhaften Nachbarn entlehnt, vorwiegend von der altrussischen Bevölkerung.

Steinstücke wurden in Gräbern sowohl armer als auch reicher Nomaden, in Gräbern von Hirten und Kriegern, von Halbwüchsigen und Erwachsenen, aber sehr selten in den Frauengräbern entdeckt.

A.V. Evglevski, T.M. Potemkina (Donetsk)

Briquets dans les inhumations des nomades avancés de l'Europe de l'Est

Les sépultures avec les briquets (en russe «kressalo») font 13% des inhumations des nomades de X-XIV siècles de l'Europe Orientale. L'article offre une typologie et une chronologie les plus exhaustives des briquets utilisés par les nomades des steppes russes de sud.

Pour la première fois on définit une place des briquets aux crampons (2 version) dans une échelle typologique et chronologique de cette catégorie d'objets. Ils n'ont pas d'analogies connues dans d'autres régions. Une particularité constructive de ces briquets est une cavité dans la base en fer pour la manche de bois au lieu de tenons verticaux pointus.

Les briquets à un fil (aux crampons et en forme de cadenas) apparaissent chez les nomades avancés de l'Europe de l'Est au X siècle et existent jusqu'à la fin du XIV siècle. Les briquets à deux fils existent chez les nomades à l'époque de la Horde d'Or. Ils ne supplantent pas les briquets à un fil, mais coexistent avec eux.

Il est à noter que de 4 types de briquets utilisés par les nomades de l'Europe de l'Est au Moyen Age, seuls les briquets aux crampons sont inventés par eux-mêmes. Les autres 3 types (ovales, rectangulaires, en forme de cadenas) sont empruntés aux voisins attachés au sol, principalement aux Russes anciens.

On rencontre des briquets dans les sépultures des nomades pauvres aussi que des nomades extrêmement riches, des bergers comme des guerriers, des adolescents, des adultes et des gens âgés. Mais ils sont très rares dans les inhumations féminines.

О НЕКОТОРЫХ ВИДАХ ГОНЧАРНОЙ КЕРАМИКИ У ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ НОМАДОВ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

Керамика, одна из редких категорий погребального инвентаря поздних кочевников, в последнее время стала привлекать внимание исследователей (Шалобудов В.Н., 1993, с. 91-104). Наряду с лепными сосудами, изготовление которых связывается с самими номадами (Шалобудов В.Н., 1993, с. 101; Плетнева С.А., 1963, с. 29; 1959, с. 230-239), в позднекочевнических курганах встречается кружальная керамика различного производства.

Сосуды древнерусского облика нами были проанализированы в специальной статье (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1994, с. 78-96). Данная работа посвящена некоторым видам гончарной керамики не древнерусского происхождения: амфорам, горшкам, кувшинам. Часть из исследуемых сосудов была уже ранее опубликована, остальные публикуются впервые**.

Одним из видов керамической тары, широко распространенным в эпоху средневековья, являлись амфоры. Нам известно 10 экземпляров амфор (Отрощенко В.В., Рассамкин Ю.Я., 1986, с. 14-36, рис. 4; Гуркин С.В., 1990, с. 97-106, рис. 2, 2; Швецов М.Л., 1979, с. 205, рис. 6, 4; Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с. 114-143, рис. 6, 2; Шалобудов В.Н., 1993, рис. 4, 7; Черненко Е.В., Яковенко Э.В., Корпусова В.Н., 1967, с. 20-32, рис. 3, 2; Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А. и др., 1983; Отрощенко В.В., Болтрик Ю.В., Ляшко С.Н. и др., 1975; Лесков А.М., 1962) (8 - практически целых или реконструируемых и 2 - крупные фрагменты верхней части, дающие представление о типе), происходящих из позднекочевнических погребений или насыпей (тризна, святилища) курганов (рис. 1). 9 из них относятся к господствующему на большинстве причерноморских памятников типу амфор с дуговидными ручками (Рудаков В.Е., 1975, с. 26; Романчук А.И., 1982, с. 94; Яковсон А.Л., 1979, с. 111; Волков И.В., 1989, с. 87; 1990, с. 79; Абызова Е.Н., 1985, с. 55). По классификации И.В.Волкова они относятся к первой группе, первому отделу (Волков И.В., 1989, с. 87-89). Для этого типа амфор характерны грушевидно-сфериче-

ское (Чаплинка, Большая Белозерка, Каирка, Морская Кошара, Чингул) или яйцевидное (Ливенцовский-VII, к. 2) тулово***, округлое дно (рис. 2). У двух экземпляров дно узкое (Каирка и Морская Кошара), у остальных (Чингул, Чаплинка, Большая Белозерка, Ливенцовский-VII, к. 2) достаточно широкое. Причем, у амфоры из святилища Ливенцовский-VII, к. 2 в центре дна - едва намеченный небольшой выступ (Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с. 123, рис. 6, 2) (рис. 2, 6). Широчайшая часть тулова приходится у сосудов из Чингула (рис. 2, 7), Большой Белозерки (рис. 2, 1) и Ливенцовского-VII, к. 2 на 3/5 его высоты, из Чаплинки (рис. 2, 4) и Морской Кошары (рис. 2, 2) на 3/4 его высоты, а из Каирки на 2/3 высоты тулова (рис. 2, 5). Горло у большинства экземпляров низкое - 2 - 3,4 см. Но у трех амфор (Ливенцовский-VII, к. 2; Чаплинка и Каирка) оно значительно выше (3,9 - 4,5 см). Диаметр горла колеблется в пределах 7,5 - 9,7 см. Но две амфоры выделяются по этому параметру: Морская Кошара - 5,8 см, Большая Белозерка - 13,3 см. Диаметр венчиков у сосудов небольшой - 4,1 - 7,2 см. Овальные в сечении ручки, образуя плавную дугу, возвышаются над венчиком. Их верхние концы крепятся к венчику, нижние - к плечу. Плечи у всех амфор покрыты мелким рифлением. У некоторых экземпляров прослеживается рифление и в нижней части тулова. По мнению И.В.Волкова, для амфор этой группы характерно наличие белого ангоба на верхней части тулова (Волков И.В., 1989, с. 89). Из рассматриваемой серии 3 экземпляра (Чингул - 2 экз. и Каирка) имеют покрытие белым ангобом.

Тесто амфор, по классификации И.В.Волкова, относится к третьему типу (цвет красный или оранжевый). Исследуя импортную амфорную тару золотоордынского города Азака, И. В. Волков пришел к выводу, что в XIII-XIV вв. у амфор с дуговидными ручками существовало, по крайней мере, четыре устойчивых стандарта объема (Волков И.В., 1989, с. 89). Амфоры из Большой Белозерки, Ливенцовского-VII, к. 2 и Чингула относятся ко второму стандарту (наи-

* Настоящая статья является переизданием ранее вышедшей крайне малочисленным тиражом работы в Донецком археологическом сборнике, вып. 7, с. 47-76.

** Искренне благодарим профессора Г.А.Федорова-Давыдова за рекомендации по написанию статьи, В.В.Дорофеева, Г.Л.Евдокимова, А.Н.Дьяченко, В.Г.Житникова, Л.М.Казакову, А.И.Кубышева, В.В.Отрощенко, З.Х.Попандопуло, О.Я.Привалову, М.Л.Швецова за разрешение использовать неопубликованные материалы.

*** У амфор из Новоселовки и Кугейской Пади-II, к. 4 сохранились лишь фрагменты верхней части, что не дает возможности точного описания формы тулова, а также основных параметров сосудов.

больший диаметр тулова - 40-44 см). Причем Чингульские амфоры имеют самый устойчивый размер этого стандарта - 42 см. Сосуды из Морской Кошары, Каирки и Чаплинки, имея наибольший диаметр тулова в пределах 27,6 - 33,5 см, наиболее близки к третьему стандарту (диаметр 28-32 см). Самая крупная амфора из Ливенцовского-VII, к. 2. Ее высота без ручек 56 см. Четыре амфоры среднего размера 50,3 - 46,3 см (Чингул - 2 экз., Чаплинка, Большая Белозерка). Сосуды из Морской Кошары и Каирки небольшие, их высота без ручек соответственно 33 и 36,6 см. У амфор из Большой Белозерки и Чаплинки в верхней части тулова процарапано граффити (рис. 2, 1, 4). (Основные параметры амфор см. рис. 3).

Подобный тип амфор начал появляться в Северном Причерноморье в конце XI в. (Гуркин С.В., 1990, с. 99). В XII-XIII вв. амфоры с грушевидным туловом и дуговидными ручками уже регулярно поступали в Северное Причерноморье и далее на север. Для XIII-XIV вв. они являются обычной находкой в поселенческом материале Причерноморского региона (Гуркин С.В., 1990, с. 99; Волков И.В., 1990, с. 79-81; Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с. 127). По мнению И. В. Волкова, специально занимавшегося происхождением и эволюцией некоторых типов средневековых амфор, эта группа амфор имеет трапезундское происхождение (Волков И.В., 1989, с. 85-100; 1990, с. 79-81; 1992, с. 147-150). Судя по эволюционному ряду, который он

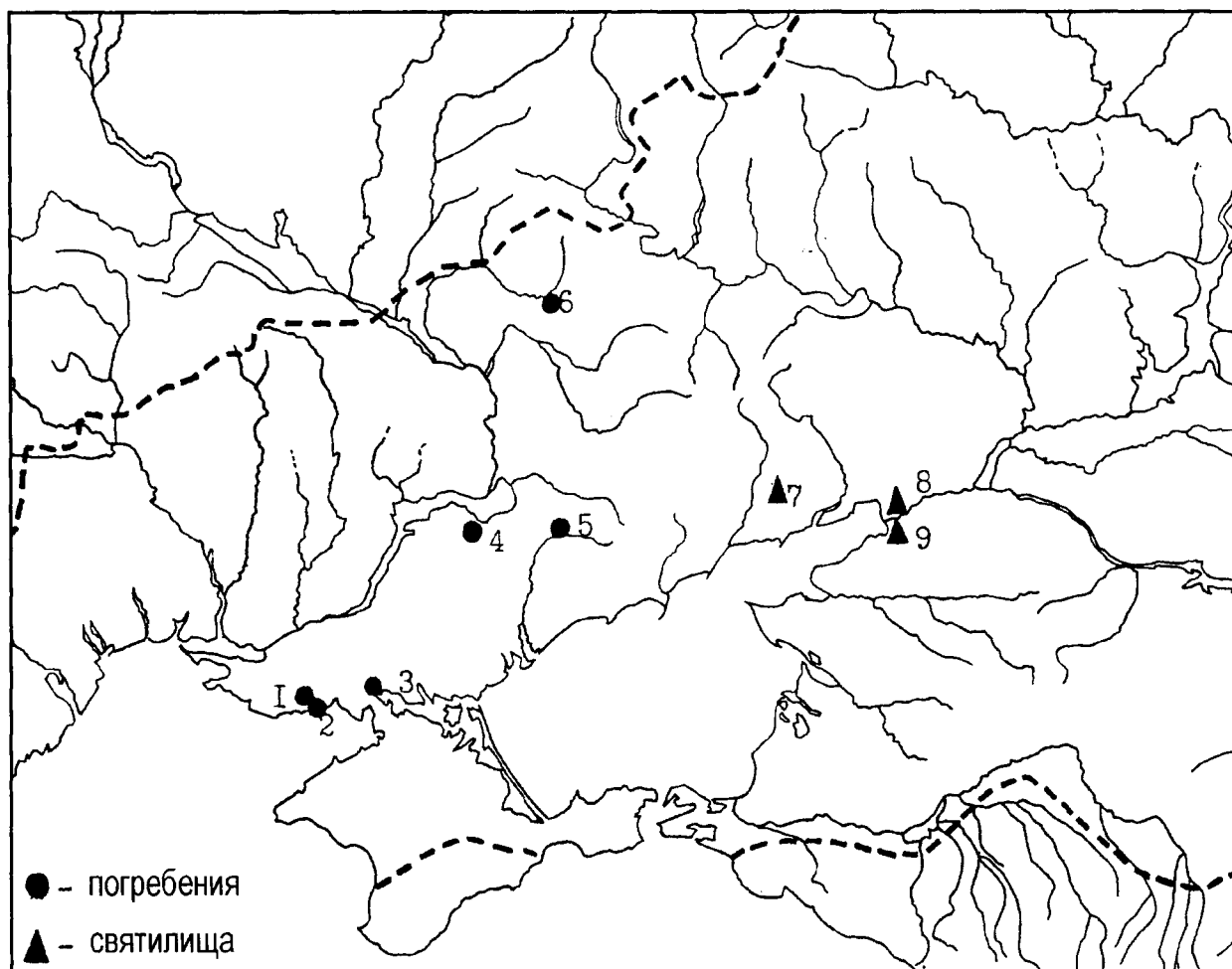

Рис. 1. Амфоры: 1 – Шевченко, 2 – Морская Кошара, 3 – Каирка, 4 – Большая Белозерка, 5 – Чингул, 6 – Чаплинка, 7 – Новоселовка, 8 – Ливенцовский, 9 – Кугейская Падь.
 Fig. 1. Amphorae: 1 – Shevchenko, 2 – Morskaya Koshara, 3 – Kairka, 4 – Bolshaya Belozerka, 5 – Chingul, 6 – Chaplinka, 7 – Novoselovka, 8 – Liventsovskij, 9 – Kugejskaya Pad.
 Abb. 1. Amphoren: 1 – Schewtschenko, 2 – Morskaja Koschara, 3 – Kairka, 4 – Bolschaja Belosjorka, 5 – Tschingul, 6 – Tschaplinka, 7 – Nowossjolowka, 8 – Liwenzowskij, 9 – Kugejskaja Pad.
 Dessin 1. Amphores: 1 – Chevtschenko, 2 – Morskaïa Kochara, 3 – Kairka, 4 – Bolchaïa Beloserka, 5 – Tchingoul, 6 – Tchaplinka, 7 – Novoselovka, 8 – Liventsovski, 9 – Kougueïskaïa Pad

предложил для данного вида амфор (Волков И.В., 1992, с. 144-145, рис. 1), большинство сосудов из рассматриваемой серии (Каирка, Большая Белозерка, Морская Кошара, Чингул) относятся к первой половине XIII в. Амфора из Чаплинки более поздняя - конец XIII-XIV вв.* Наиболее ранняя амфора из половецкого святилища Ливенцовский-VII, к. 2. И.В.Волков датировал ее по определенным признакам второй половиной XII - началом XIII вв. (Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с. 127).

Все погребения с данным типом амфор имеют достаточно узкие хронологические рамки. Золотоордынским временем датируют погребение Каирка, 3/1 крупные наконечники стрел нескольких типов, стремя типа Е-I (по Г. А. Федорову-Давыдову), серьга в виде вопросительного знака. К XIV в., а, возможно, к его второй половине относится деревянный жезл, лежавший у правой ноги (Евглевский А.В., 1998, с. 141-156). Второй половиной XIV в. датируется погребальная конструкция (подбой с высокоподнятым вертикальным сводом, закрытым каменными плитами). И, наконец, наиболее четкую дату дают золотоордынские дирхемы. Они отчеканены в Крыму в 40-х годах XIV в. и с учетом стертости от хождения в обращении датируются не ранее 50-х годов XIV в.

Почти весь инвентарь из погребения Морская Кошара 4/3 имеет широкий хронологический диапазон бытования. Уточнить дату может лишь прямоугольное кресало - вторая половина XIII - XIV вв. (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1996, с. 46).

В уникальном ханском захоронении из Чингула имеется огромное количество богатейшего и разнообразнейшего инвентаря. Авторы публикации В.В.Отрощенко и Ю.Я.Рассамакин на основании наиболее узко датированных вещей - поясных наборов, имеющих точные аналогии в половецких погребениях Чойош, Кигйошпущта, Фельшоменткирари (Венгрия), относят весь комплекс ко второй трети XIII в. (Отрощенко В.В., Рассамакин Ю.Я., 1986, с. 31).

Комплекс из Чаплинки-I, 2/3 полностью ограблен, инвентарь испорчен. Однако в могиле обнаружен крупный фрагмент чугунного котла с вертикальным ушком, что позволило автору публикации датировать погребение XIV в. (Шалобудов В.Н., 1993, с. 99; Кравченко Э.Е., Швецов М.Л., 1992, с. 110), с чем нельзя не согласиться.

В погребении из Большой Белозерки 1/2 присутствуют односоставные удила, которые встречаются в захоронениях поздних кочевников, по мнению Г.А.Федорова-Давыдова, во второй половине XI - XII вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 20). Амфора из этого погребения, если верен эволюционно-хронологический ряд И. В. Волкова, изготовлена в первой половине XIII в. Таким образом, захоронение, по-видимому, было произведено в начале XIII в. Только в этот узкий временной промежуток могли в него попасть в виде

исключения архаичные для этого времени односоставные удила.

В святилищах из Новоселовки и Кугейской Пади-II, кроме фрагментов амфор (рис. 2, 8, 9), никаких других датирующих находок не было обнаружено. Поэтому эти комплексы приходится датировать очень широкими хронологическими рамками - конец XI - первая половина XIV вв. (Гуркин С.В., 1990, с. 99). В святилище из Ливенцовского-VII, к. 2 обнаружено сразу 4 относительно хорошо сохранившихся изваяния. Святилище сооружалось поэтапно и, если весь комплекс в целом авторы публикации датировали серединой XI - началом XIII вв., то время попадания амфоры в святилище следует определять на основании двух каменных изваяний (тип III и V по С. А. Плетневой), при установке которых она, по-видимому, специально была разбита. Подобные изваяния С. А. Плетнева относит ко второй половине XII - началу XIII вв. (Плетнева С.А., 1974, с. 61-65, 69-79, рис. 33).

Амфора из комплекса Шевченко 2/2 необычная (рис. 2, 3). Судя по форме ее тулова, она должна относиться к амфорам с "веретенообразным туловом и высоко поднятыми ручками" (Якобсон А.Л., 1979, с. 72), по классификации И. В. Волкова - вторая группа, первый отдел, первый тип (Волков И.В., 1989, с. 96). Однако ручки у нее не подняты над венчиком. Они широко расставлены, изогнуты в верхней части под «прямым» углом, верхним концом прикреплены к горлу-венчику, нижним к плечу. Плечики сравнительно крутые, плавно скругляющиеся в нижнюю коническую часть тулова. Максимальный диаметр тулова относится к его высоте приблизительно как 1:2. Высота максимального диаметра тулова приходится на 2/3 высоты его корпуса. Горло невысокое (3 см), узкое (5 см), сливается с воротничковым обрезным венчиком, диаметр которого равен диаметру горла. Амфора красноглиняная, поверхность тщательно заглажена, без рифления, дно закопчено, в трех местах прослежены граффити (Черненко Е.В., Яковенко Э.В., Корпусова В.Н., 1967, с. 22-25). Она небольшая, ее высота 30 см, наибольший диаметр тулова - 13 см. Такие небольшие амфоры использовались, в основном, в качестве мелкой тары для жидкостей (вода, масло, вино) (Якобсон А.Л., 1950, с. 106). Полной аналогии этой амфоры нам не известно. Близкая форма у сосуда из храма Иоанна Предтечи в Керчи (Никитченко М.М., 1970, с. 276-278; Якобсон А.Л., 1979, с. 75, рис. 43, 1а), который датируется IX-X вв., у амфоры из Киева (Петров Н.И., 1915, с. 11, табл. XI, 6) (конец X-XI вв. - датировка А. Л. Якобсона (Якобсон А.Л., 1950, с. 106, ссылка 1), а также среди амфор X-XI вв. из Западного Причерноморья: Диногетии, Преславы (Якобсон А.Л., 1979, с. 75). Мы склонны датировать эту амфору не позднее XI в., так как для амфор с веретенообразным туловом в XII в. характерны уже высоко поднятые

* Автор публикации датировал эту амфору более узко (Шалобудов В.Н., 1993, с. 99).

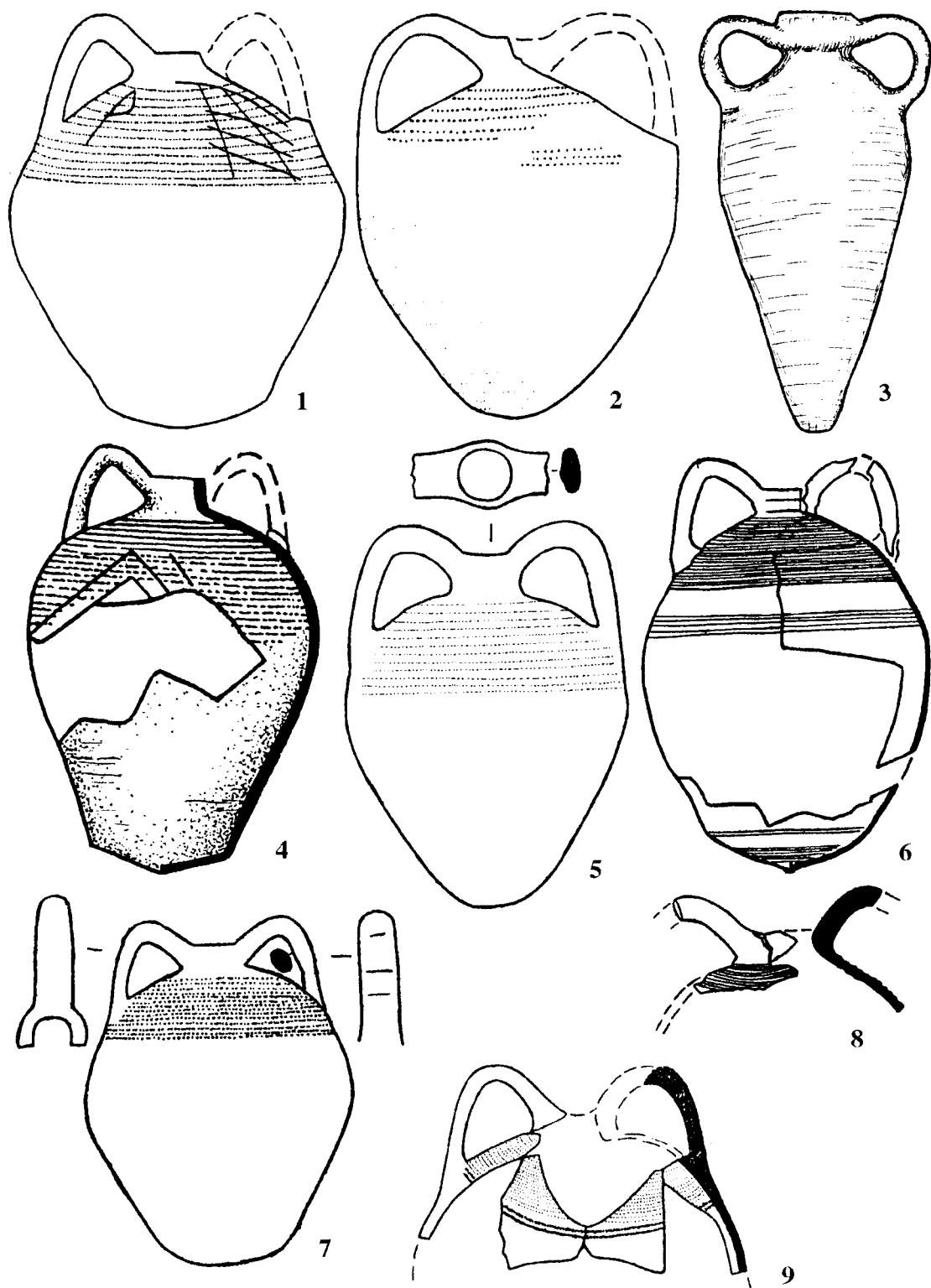

Рис. 2. Амфоры.
 Fig. 2. Amphorae.
 Abb. 2. Amphor.
 Dessin 2. Amphores

(над уровнем венчика) ручки (Якобсон А.Л., 1951, с. 339, рис. 10, 35-36, ссылка 2).

Уточнить датировку погребения из Шевченко 2/2 могут стремена (тип Г-1*). Подобные стремена появились у кочевников восточноевропейских степей лишь с XII в. Элементы погребального обряда (решетчатый настил из досок под умершим, ступенчатая конструкция могилы и юго-западная ориентировка погребенного) в совокупности дают тенденцию для датировки комплекса не ранее XII в. (Евглевский А.В., 1992, с. 107).

Следующая группа гончарной керамики, представленная в позднекочевнических погребениях, большинством исследователей именуется одноручными горшками (Якобсон А.Л., 1979, с. 117; Абызова Е.Н., 1985, с. 41; Рудаков В.Е., 1975, с. 26; Романчук А.И., 1975, с. 15; Бырня П.П., Руссев Н.Д., 1988, с. 127; Михальченко С.Е., 1973, с. 122). Однако некоторые авторы подобные сосуды называют иначе: горшкообразные кувшинчики (Плетнева С.А., 1963, с. 29, тип Б), полукувшины-полугоршки (Плетнева С.А., 1959, с. 251) и просто кувшинчики (Каминский В.Н., 1987, с. 191, рис. 7, 56). Хотя С.А.Плетнева и предложила термин «полукувшины-полугоршки», однако подчеркнула, что сосуды подобной формы объединяет с кувшинами лишь состав теста и форма ручек.

Из позднекочевнических погребений Восточной Европы нам известны 4 одноручных горшка со сферическим или шаровидным туловом (рис. 4; 5, 1-4) (Ольховский В.С., Отрощенко В.В., 1991, с. 111-125, рис. 1, 3; Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А. и др., 1980; Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Нечитайло А.Л. и др., 1984; Список памятников..., 1988, с. 42, рис.

21, 2). Наибольший диаметр тулова у трех сосудов располагается ниже середины высоты горшков. У горшка из Волчанска наибольший диаметр корпуса приходится на середину сосуда. Шейка выражена слабо, плавно переходит в слегка отогнутый, закругленный венчик (рис. 5, 2). У горшка из Сивашского венчик прямой. Овальная в сечении ручка прикреплена одним концом к венчику, другим - в наиболее широкой части тулова (рис. 5, 1). Ручка у горшка из Никифорово слегка поднимается над уровнем устья, дно у него отсутствует (рис. 5, 4). Диаметр венчика у всех экземпляров немного больше диаметра дна, которое у всех сосудов равно диаметру шейки. (Основные параметры горшков см. рис. 8). Сосуд из Сусанино орнаментирован по плечикам однорядной волной (рис. 5, 3). Два горшка (Сусанино, Никифорово) - красноглиняные, 1 - сероглиняный (Сивашское). Тесто сосуда из Волчанска не описано автором отчета. Все горшки сильно закопчены. Подобные шаровидные одноручные горшки имеют очень широкий круг аналогий. Они известны в керамических материалах золотоордынских памятников Днестровско-Прутского междуречья (Бырня П.П., Руссев Н.Д., 1988, с. 127, рис. 3, 5; Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1981, с. 57, рис. 17; Абызова Е.Н., 1985, с. 41-42, рис. 9-14) и Нижнего Поволжья (Михальченко С.Е., 1973, с. 122-123, рис. 3, 1). В Крыму они бытуют очень продолжительное время (IX-XIV вв.) (Якобсон А.Л., 1970, с. 42-43, рис. 10, 2-3; Рудаков В.Е., 1975, с. 26, рис. 2, 1, 4; Романчук А.И., 1975, с. 15, рис. 9, 1, 2; 1982, с. 95, рис. 2, 1).

Три комплекса с одноручными горшками (Волчанск-II, 2/4; Сусанино 1/2; Никифорово 1/1) относятся

№ п/п	Параметры		Высота общая	Высота без ручек	Наибольший диаметр тулова	Высота горла	Диаметр горла	Диаметр венчика
	Пункт							
1	Б.Белозерка 1/2		53,3	46,5	41,1	3	13,3	7,2
2	Морская Кошара 4/3		35	33	27,6	3,3	5,8	4,1
3	Каирка 3/1		39,9	36,6	29,5	4,5	7,5	4,5
4	ЧапLINK-I, 2/3		49,9	46,3	33,5	4,4	8	6,2
5	Ливенцовский-VII, к. 2		61	56	45	3,9	9,4	6
6	Шевченко 2/2		30	30	13	2,7	5	5
7	Чингул (2 экз.)		54	50,3	42	3,4	9,7	6,9

Рис. 3. Основные параметры амфор (в см).

Fig. 3. The basic parameters of amphora (in centimeters).

Abb. 3. Grundabmessungen der Amphor (cm).

Dessin 3. Paramètres principales des amphores (centimètres)

* Здесь и далее индексация типов вещей дана по: Федоров-Давыдов Г.А., 1966.

к золотоордынскому времени. Об этом свидетельствуют особенности погребального обряда: уступы вдоль длинных стен, решетчатое гробовище, ориентировка умершего на юго-запад, лицом на юг (Волчанск-II, 2/4); решетчатое гробовище, подбой, закрытый камнями известняка, восточная ориентация погребенного (Сусанино 1/2); забутка входной ямы камнями, решетчатый настил (Никифорово 1/1) (Евглевский А.В., 1992, с. 107; 1990, с. 131-134). Инвентарь погребений не противоречит указанной датировке. Все типы вещей из комплекса Сусанино 1/2 бытовали в раннезолотоордынское время. Стремена из погребения Никифорово 1/1 близки к типу Е-1, который датируется второй половиной XIII-XIV вв. Уточнить хронологические рамки данного комплекса позволяет серебряная распрямленная гривна, не встречающаяся позднее 1-й трети XIV в. (Евглевский А.В., 1998, с. 141-156).

Продатировать погребение Сивашское 4/4 достаточно сложно, так как могила, костяк и сопроводительный инвентарь очень сильно повреждены. Можно лишь констатировать, что захоронение совершено не ранее второй половины XI в., на что указывает способ членения коня (III тип по А. Г. Атавину*).

Среди рассматриваемой серии керамики наиболее многочисленны кувшины. Их 14 (Швецов М.Л., 1974, с. 93-97, рис. 3, 4; Синицын И.В., 1978, с. 96-97, табл. 110, 1; Шалобудов В.Н., 1993, с. 101, 97, рис. 4, 9; 2, 9; 1982, с. 60, 61, 67, рис. 1, 4; Плетнева С.А., 1973, с. 37, табл. 15, 6; Казакова Л.М., 1986; Житников В.Г., 1984; Синицын И.В., 1966; Дьяченко А.Н., 1984; Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Шевченко Н.П., 1986; Швецов М.Л., 1981; Плешивенко А.Г., Попандопуло З.Х., 1986; Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А. и др., 1982; 1980) (рис. 4). Не все сохранились полностью, у некоторых экземпляров отбиты в древности ручки, венчики, горло и т. д. Все сосуды неполивные, кроме кувшина из Волчанска 13/1. Большинство (10 из 14) красноглиняные. Два кувшина из глины оранжевого цвета (Самойлово, Новоивановка), один из желтовато-белой глины (Волчанск). Описание кувшина из Гадомки, к. 221 отсутствует (Плетнева С.А., 1973, с. 37). Сосуды, как правило, изготовлены из хорошо отмученной глины с примесью песка. (Основные параметры кувшинов см. рис. 8).

Кувшин из Волчанска 13/1 покрыт поливой бирюзового цвета (рис. 5, 6), венчик с частью горла отбит в древности. Тулово биконическое, низкое, плавно сужаясь, переходит в кольцевой поддон. Горло узкое, высокое, цилиндрическое. Отношение его высоты (реконструируемой) к диаметру равно 2,5. Овальная в сечении ручка прикреплена одним концом в нижней части горла, другим - к ребру тулова. Основание горла украшено небольшим концентрическим валиком. Наиболее расширяющаяся часть корпуса приходится на его середину. Очень близкий по форме

сосуд, покрытый зеленой поливой, найден в золотоордынском слое Старого Орхья (Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1981, с. 56-57, вид 1, рис. 15). В позднезолотоордынском слое (середина XIV - начало XV вв.) Болгара Т.А.Хлебникова отмечает появление новых форм кувшинов с сильно заниженным туловом, расширяющимся чуть выше середины, с чрезвычайно высоким и узким горлом, почти равным высоте тулова (Хлебникова Т.А., 1988, с. 62, рис. 39, 1-2). В составе инвентаря комплекса Волчанск 13/1 есть амальгамированное зеркало с арабской надписью по черком "наси". Подобные зеркала известны в Новом Сарае и золотоордынском слое Болгара (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 83, отдел С).

Среди красноглиняных кувшинов, которые имеют средние размеры (высота 19-42 см) выделяется высокий кувшин (высота 55 см), служивший, как верно отметил автор публикации (Шалобудов В.Н., 1993, с. 101), тарой. Кувшин из Котовки-III, 2/2 изготовлен из высококачественной глины, хорошего обжига (рис. 5,5). У него стройное, вытянуто-яйцевидное тулово, с выпуклыми плечиками, расположенными в верхней трети тулова. Относительно узкое, высокое цилиндрическое горло имеет слив. Овальная в сечении ручка, утраченная в древности, крепилась в верхней части горла и на плечике. Венчик оформлен двумя невыразительными валиками. Под ними, а также по плечикам и в верхней части тулова сосуд украшен орнаментом из прочерченных поясков. У верхнего прилепа ручки - пальцевое вдавление. Автор публикации полагает, что подобные кувшины изготавливались в золотоордынских городах Поволжья (Шалобудов В.Н., 1993, с. 101). Однако ни в статье С.Е.Михальченко, систематизировавшей массовую неполивную керамику золотоордынских городов Поволжья (Михальченко С.Е., 1973, с. 124-126, рис. 3), ни в работе Т.А.Хлебниковой о неполивной керамике Болгара (Хлебникова Т.А., 1988, с. 7-102) нет даже близких форм среди кувшинов. Зато многочисленные аналоги этому сосуду есть в золотоордынском Азаке (Перевозчиков В.И., 1990, рис. 4, 8-9, 11-12, 14-15). Погребение Котовка-III, 2/2 хорошо датируется по зеркалу из оловянистой бронзы (тип Б-III) XIII-XIV вв. Но автор публикации, приведя достаточно убедительную аргументацию, сузил хронологические рамки до XIV в. (Шалобудов В.Н., 1982, с. 60, 61, 67).

В комплексе Родионовка 3/1 найден кувшин с носиком (рис. 6, 1). Такие сосуды у разных народов называют по-разному: кумганы, кунганы, куманы, афтоба, афтофа. У сосуда узкое высокое коническое горло, цилиндрический венчик, по которому прочерчены парные линии. Горло резко переходит в шаровидное тулово с узким плоским дном. В центральной части тулова украшено врезной линией. Плоская ручка прикреплена одним концом под венчиком, другим в

* Здесь и далее типология способа членения коня дана по: Атавин А.Г., 1984, с.134-140.

верхней части корпуса. Напротив нее, с противоположной стороны, у основания горла - отверстие для отбитого в древности носика. Кувшины с носиками имеют очень широкие аналогии. Они известны в средневековых памятниках Днестровско-Прутского междуречья (Абызова Е.Н., 1985, с. 40, 41, класс I, тип 2, рис. 1, 8; Рябой Т.Ф., 1988, с. 116, рис. 1, 5), в Херсонесе встречаются с XII в. Особенно массовыми их находки в Херсонесе становятся в XIII-XIV вв. (Якобсон А.Л., 1950, с. 100, рис. 69, 1; 71, 72; Романчук А.И., 1982, с. 97, рис. 3, 12; Ивашута Л.П., 1974, с. 15, 16, рис. 26). Обычны сосуды подобной формы в материалах гончарных комплексов золотоордынского Азака (Перевозчиков В.И., 1990, с. 127, рис. 4, 10), встречаются среди неполивной керамики городов Поволжья (Михальченко С.Е., 1973, группа 5, рис. 3, 9; Хлебникова Т.А., 1988, I группа, тип 6, рис. 34, 8), в Закавказье (Якобсон А.Л., 1959, с. 135, рис. 104) и Средней Азии (Пещерова Е.М., 1959, с. 7). В погребении Родионовка 3/1 присутствует разнообразный набор инвентаря: железная булава, круглое стремя, близкое к типу 3-III, сильно искривленная сабля, медные сосудики, кафтан из шелковой ткани с серебряной тесьмой и др. Все эти предметы встречаются не ранее XIV в. Но наиболее узкую дату дают серебряные джучидские монеты (41 экз.), чеканенные в Крыму в 40-х годах XIV в. Учитывая некоторую стертость монет, а также надчеканки, сделанные на них несколько позже их выпуска, весь комплекс следует датировать не ранее 50-х годов XIV в.

Кувшин из Самойлово 2/2 с коротким широким горлом, венчик со сливом (рис. 6, 2). Корпус яйцевидный, стройный, наибольший диаметр его находится выше середины. Полуовальная в сечении ручка прикреплена верхним концом к горлу, нижним к плечу. Тулово в наиболее широкой своей части украшено небольшим выделенным валиком. Дно относительно узкое, плоское. Весь сосуд от венчика до дна покрыт вертикальным полосчатым лощением. В верхней части кувшина ширина полосы лощения 3 мм, в нижней - 4-5 мм, внешняя поверхность местами закопчена. Близкая форма тулова и соотношение пропорций (го есть диаметр венчика примерно равен диаметру дна) у сосудов из Старого Орхья (Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1981, рис. 16; Абызова Е.Н., 1985, рис. 38; 1, 1). В раннезолотоордынском слое (середина XIII - начало XIV вв.) Болгара есть кувшин с близкой формой тулова и ручки (Хлебникова Т.А., 1988, тип 10, рис. 37, 2). Хотя широкогорлые кувшины с прикреплением ручки к средней части горла более характерны для Болгара домонгольского времени (Хлебникова Т.А., 1988, с. 55). Аналогичная верхняя часть сосуда (венчик, горло, плечики) найдена на Куричанском поселении (Рязанов С.В., 1990, с. 108-112, рис. 2, 6). Вертикальное полосчатое лощение, которое появилось в керамике Золотой Орды под влиянием традиций позднеаланского и болгарского керамического производства, обычно для

неполивной посуды городов Поволжья (Михальченко С.Е., 1973, с. 121; Хлебникова Т.А., 1988, с. 54), Азака (Перевозчиков В.И., 1990, с. 124-125). Погребение из Самойлово 2/2 по бронебойным наконечникам стрел с ромбическим сечением, прямоугольному кресалу (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1996, с. 46), а также по решетчатому гробовищу следует датировать золотоордынским временем.

Кувшин из п. 2, к. 38, 2-й курганной группы восточного берега Маньча (Синицын И.В., 1978, с. 96-97, табл. 110, 1) отличается очень высоким и относительно узким цилиндрическим горлом со слабо отогнутым венчиком и сливом (рис. 6, 3). Горло плавно переходит в низкое биконическое тулово, наиболее широкая часть которого расположена несколько выше середины корпуса. Массивная, овальная в сечении ручка прикреплена одним концом под венчиком, другим - к плечу. Поверхность кувшина тщательно заглажена. Тулово в наиболее широкой части орнаментировано прочерченной зигзагообразной полосой и короткими насечками. Прямые аналогии этому кувшину нам не известны. Близкие формы есть на Северном Кавказе (Археология СССР. Степи Евразии..., 1981, табл. 94, 202). Датировать погребение с этим сосудом можно XII - первой половиной XIII вв. по бронзовому котлу (Швецов М.Л., 1980, с. 200) и на основании способа членения коня (тип III по А. Г. Атавину).

У кувшина из Новоукраинки-I, 1/2 отбиты в древности верхняя часть горла с венчиком и ручка (рис. 6, 4). Горло, по-видимому, было относительно высоким и узким. Оно плавно переходит в покатые узкие плечики. Тулово стройное, вытянутых пропорций, с наибольшим расширением в верхней трети. Дно узкое, плоское. Ручка, овальная в сечении, крепилась к горлу и тулову. Близкая форма сосуда имеется в Тмутаракани (Плетнева С.А., 1963, рис. 35, 2), а также в Старом Орхье (Абызова Е.Н., 1985, с. 49, класс II, тип 4, рис. 4, 8). Инвентарь данного погребения очень беден, кроме кувшина, есть только бронзовый бубенчик с пояском посередине корпуса, от которого спускаются насечки. Донышко имеет крестовидную прорезь. Такие бубенчики датируются в рамках X - первой половины XII вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 70).

Кувшины из трех комплексов (Гадомка, к. 221; Кобяковский могильник 15/13; восточный берег Маньча, III курганная группа, 13/3) объединяет в группу наличие низкого шаровидного тулова (рис. 6, 5, 6; 7, 3). Кроме того, у них широкое плоское дно (у сосуда из Гадомки с невысоким кольцевым поддоном). Объединяет их и прилеп ручки - верхний конец прикреплен к горлу, нижний - к наиболее широкой части тулова. Корпус у этих кувшинов имеет наибольшее расширение чуть выше середины. Горло у сосудов из Гадомки и Калмыкии невысокое, относительно широкое, цилиндрическое, у кувшина из Кобяковского могильника относительно высокое и узкое и также

цилиндрическое. У кувшина из Гадомки венчик профилирован, резко отогнут наружу, с наплывом с внешней стороны. У двух других сосудов венчики отбиты в древности. У всех экземпляров ручки плоские, овальные в сечении. На ручке кувшина из Кобяковского могильника в верхней части - треугольный в сечении выступ-налеп. Украшены сосуды по-разному. У кувшина из Калмыкии в средней части горла - поясok из

нескольких прочерченных линий. В этом же месте расположен небольшой рельефный валик у сосуда из Гадомки. Кувшин из Кобяковского могильника залощен в вертикальном и горизонтальном направлениях. Он декорирован тремя орнаментальными поясами: в верхней части горла - две глубоко пролощенные горизонтальные линии, внутри которых заключены насечки, нанесенные гребенчатым штампом, пересека-

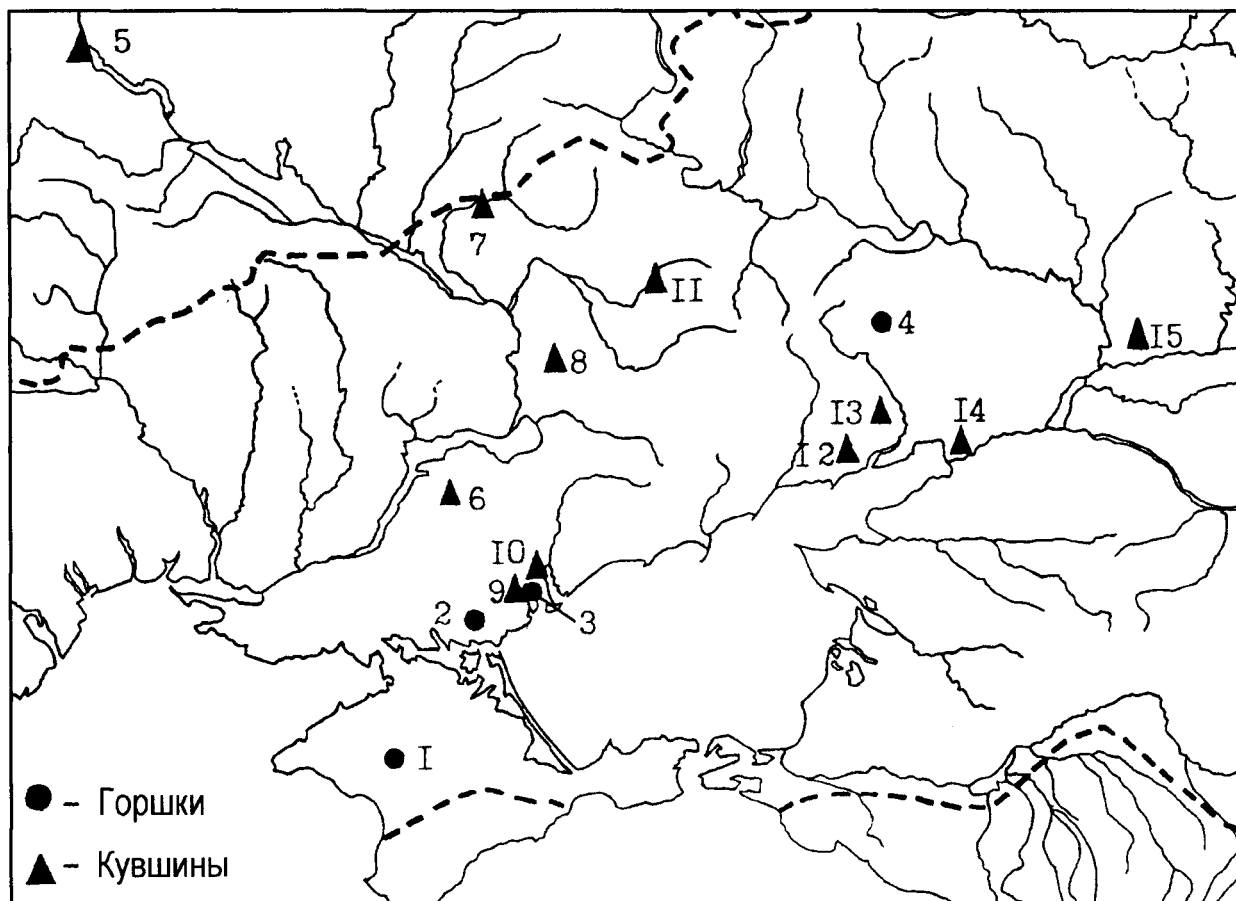

Рис. 4. 1-4 – горшки: 1 – Сусанино, 2 – Сивашское, 3 – Волчанск, 4 – Никифорово; 5-18 – кувшины: 5 – Гадомка, 6 – Демидовка, 7 – Котовка, 8 – Новоукраинка, 9 – Волчанск, 10 – Родионовка, 11 – Богдановка, 12 – Самойлово, 13 – Новоивановка, 14 – Кобяков, 15 – Кастырский, 16 – Кривуша, 17 – Калмыкия III к. г. 13/3, 18 – Калмыкия II к. г. 38/2.

Fig. 4. 1-4 Pots: 1 – Susanino, 2 – Sivashskoe, 3 – Volchansk, 4 – Nikiforovo; 5-18 – Jugs: 5 – Gadomka, 6 – Demidovka, 7 – Kotovka, 8 – Novoukrainka, 9 – Volchansk, 10 – Rodionovka, 11 – Bogdanovka, 12 – Samoilovo, 13 – Novoivanovka, 14 – Kobiakov, 15 – Kastyrsky, 16 – Krivusha, 17 – Kalmykiya the 3^d tumulus group, 13/3, 18 – Kalmykiya, the 2nd tumulus group, 38/2.

Abb. 4. 1-4 – Töpfe: 1 – Sussanino, 2 – Siwaschskoje, 3 – Woltschansk, 4 – Nikiforowo; 5-18 – Krüge: 5 – Gadomka, 6 – Demidowka, 7 – Kotowka, 8 – Nowoukrainka, 9 – Woltschansk, 10 – Rodionowka, 11 – Bogdanowka, 12 – Samojlowo, 13 – Nowoiwanowka, 14 – Kobjakow, 15 – Kastirskij, 16 – Kriwuschka, 17 – Kalmykija, Hunengrabgruppe 3, 13/3, 18 – Kalmykija, Hunengrabgruppe 2, 38/2.

Dessin 4. 1-4 – pots: 1 – Sousanino, 2 – Sivachskoïe, 3 – Voltchansk, 4 – Nikiforovo; 5-18 – cruches: 5 – Gadomka, 6 – Demidovka, 7 – Kotovka, 8 – Novoukraïinka, 9 – Voltchansk, 10 – Rodionovka, 11 – Bogdanovka, 12 – Samoilovo, 13 – Novoivanovka, 14 – Kobiakov, 15 – Kastyrski, 16 – Krivoucha, 17 – Kalmykiïa III groupe de tumulus 13/3, 18 – Kalmykiïa II groupe de tumulus 38/2

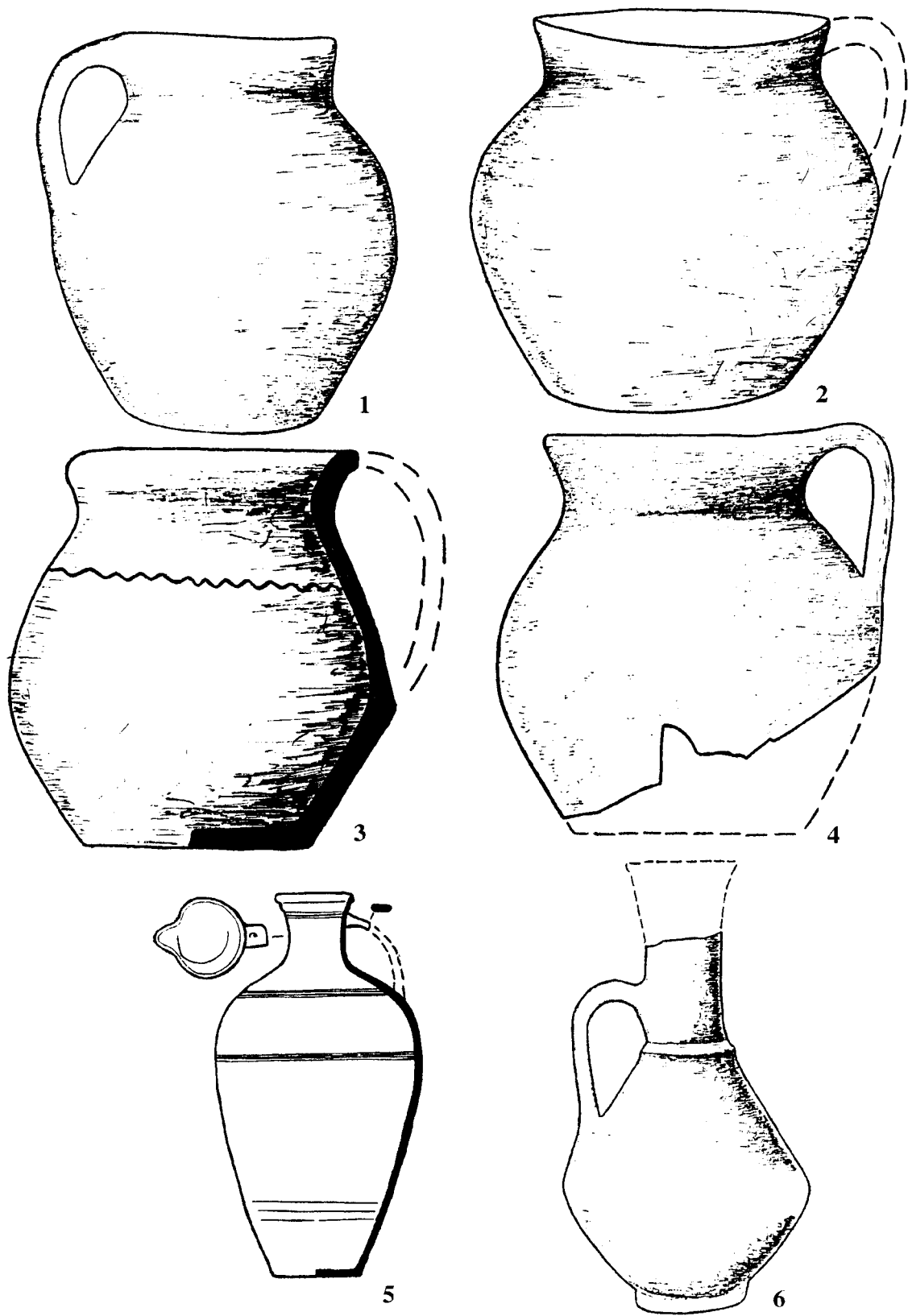

Рис. 5. Горшки и кувшины.
Fig. 5. Pots and jugs.
Abb. 5. Töpfe und Krüge.
Dessin 5. Pots et cruches

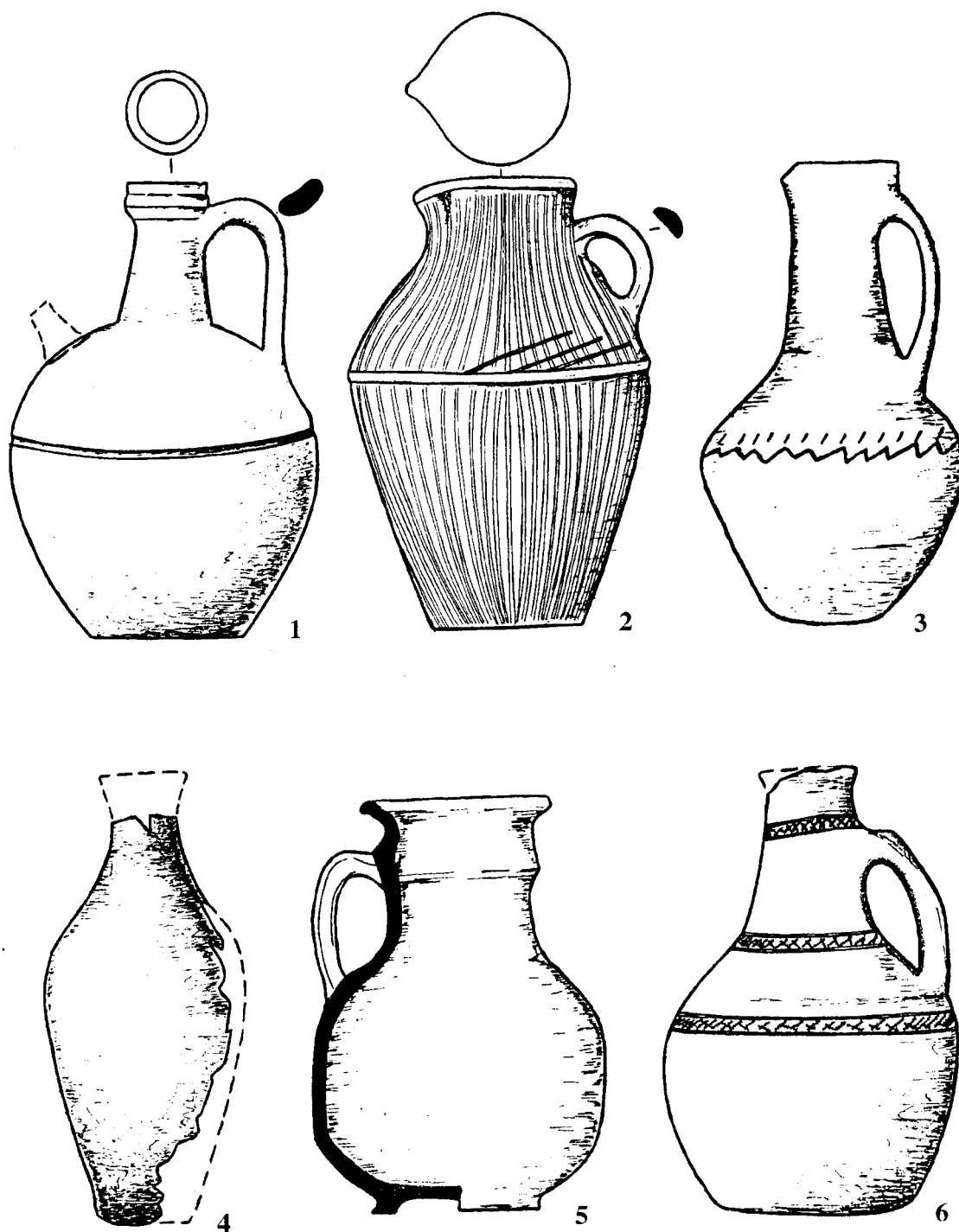

Рис. 6. Кувшины.
Fig. 6. Jugs.
Abb. 6. Krüge.
Dessin 6. Cruches

Рис. 7. Кувшины.
 Fig. 7. Jugs.
 Abb. 7. Krüge.
 Dessin 7. Cruches

ющие друг друга крест-накрест. Два аналогичных пояска расположены у основания горла и в центральной части тулова (рис. 6, 6).

Бликие формы кувшинам из Кобьяковского могильника и Калмыкии есть в Крыму, соответственно в материалах XII-XIII вв. Баклинского городища (Рудаков В.Е., 1975, рис. 3, 2) и в Херсонесе (Якобсон А.Л., 1979, рис. 72, Б, 15) (XIII в.). Кувшин из Гадомки своеобразен. Подобного сочетания оформления венчика, горла, тулова и дна мы не нашли. Близкая форма тулова и дна с поддоном (к сожалению, венчик и ручка отсутствуют) у сосуда из керамического комплекса XI-XII вв. Херсонеса (Романчук А.И., 1975, рис. 7, 3). Аналогичное оформление венчика и горла у кувшина с носиком в Старом Орхее (Абызова Е.Н., 1985, рис. 4,9). По наблюдениям Т.А.Хлебниковой, валик на горловине у кувшинов из Болгара появляется в позднезолотоордынское время (Хлебникова Т.А., 1988, с. 63-64). Комплекс из Гадомки, к. 221 разрушен. Единственным сохранившимся сопутствующим кувшину предметом является копьё (кресало в публикации не воспроизведено и не описано). О хронологии копья, по нашим наблюдениям, можно сказать лишь то, что к XIII в. копьё постепенно исчезают из погребальной обрядности кочевников. Погребение из Кобьяковского курганного могильника 15/13, без всяких сомнений, датируется второй половиной XIII-XIV вв. Такую дату дают стремена с широкими подножками, удлиненно-овальное кресало (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1996, с. 46) и удила с массивными кольцами, диаметр которых почти равен длине звена удил, с дуговидными псалиями. У последних по контуру их дуги находятся декоративные зубчики. Способ членения ног коня по колено в погребении из Калмыкии принято считать печенежско-торческим (?) этническим показателем, распространенным в основном в X-XI вв., но часто встречающимся в XII и даже в XIII-XIV вв. Стремена в этом погребении, судя по описанию в тексте отчета (иллюстративно представлен только кувшин), с круглой дужкой, квадратным ушком и плоской подножкой (тип В-1) бытовали у восточноевропейских кочевников в XIII-XIV вв., что и позволяет датировать весь комплекс этим же временем.

Кувшины из Кривуши 1/1 и Демидовки 2/2 аналогичны друг другу в оформлении венчика, горла, тулова и дна (рис. 7, 1, 2). Тулово у обоих сосудов высокое, яйцевидное с невыраженными покатыми плечиками, с наибольшим расширением в центральной части корпуса. Они имеют одинакового размера плоское дно. Но поскольку по высоте тулова кувшины отличаются друг от друга на 10 см, то дно у сосуда из Кривуши - узкое, а у кувшина из Демидовки - широкое. Горло у обоих сосудов цилиндрическое, невысокое, широкое.

Венчик слабо выражен, слегка отогнут наружу. Верхним концом петлевидные ручки прикреплены к основанию горла. Ручка кувшина из Кривуши нижним концом прикреплена к плечу, а у сосуда из Демидовки - к центральной части тулова, как бы продолжая линию корпуса. Обе ручки украшены: тремя желобками по внешней поверхности (Кривуша), фигурными вдавлениями (Демидовка). Близкие формы этим кувшинам есть в золотоордынских слоях Херсонеса (Романчук А.И., 1982, рис. 4,18; 6,23) и Старого Орхее (Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1981, с. 59, рис. 16). Аналогичные сосуды найдены на Куричанском поселении (Рязанов С.В., 1990, рис. 2,1-2). Инвентарь погребения из Кривуши 1/1 яркий и разнообразный: шлем, сабля, костяные накладки колчана, костяная ворворка, кольчуга и др. Однако хронология этих позднекочевнических древностей в достаточной степени еще не разработана. Датируют погребение броневые наконечники стрел, которые появились у поздних кочевников Восточной Европы лишь в золотоордынское время*. Комплекс из Демидовки 2/2 датируется золотоордынским временем. Об этом свидетельствует наличие броневых наконечников стрелы с ромбическим сечением, кольчуги и особенности конструкции могилы (подбой, закрытый от входной ямы деревянными плахами).

У кувшинов из Новоивановки и Богдановки-III, 15/3 невысокое яйцевидное тулово с выпуклыми боками, с наибольшим расширением в середине корпуса (рис. 7, 4,5). Дно плоское, у сосуда из Новоивановки узкое, у сосуда из Богдановки - широкое. Оба кувшина имеют слив, у экземпляра из Новоивановки - ойноховидный. Горло у кувшинов невысокое, широкое, цилиндрическое в комплексе из Богдановки и узкое в основании, раструбовидно расширяющееся к венчику из погребения в Новоивановке. Венчик почти не выделен, его округлый край слабо отогнут наружу. Часть горла и венчика у кувшина из Новоивановки и ручка у сосуда из Богдановки отбиты в древности. Прилеп ручки у обоих кувшинов одинаков: верхний конец - под венчиком, нижний - на плечике. Сечение ручек разное: круглое (Новоивановка) и овальное (Богдановка). Сосуд из Богдановки орнаментирован в верхней части тулова тремя волнистыми линиями. На дне у него расположено клеймо в виде двух вдавленных прямоугольников, налегающих друг на друга. По мнению автора публикации, небрежность изготовления, неравномерный обжиг и включение известковых частиц кварца в тесте сближает кувшин из Богдановки с керамикой IX-X вв. городища Бакла в Крыму (Шалобудов В.Н., 1993, с. 97). Однако он отмечает наличие близких форм в слоях XI-XII вв. в Херсонесе. Действительно в этот период

* Здесь имеются в виду «петлевидные» типы броневых наконечников стрел квадратного, ромбического и овального сечения, которые, по нашим наблюдениям, широко распространились у кочевников Восточной Европы только в золотоордынское время.

в Херсонесе есть близкие формы (Романчук А.И., 1975, рис. 7, 1), а по мнению В. Е. Рудакова, волнистый орнамент на кувшинах Крыма типичен для XII-XIII вв. (Рудаков В.Е., 1975, с. 25, рис. 3, 1-4). Аналогии кувшину, приведенные автором публикации позднекочевнического комплекса из Новоивановки (Швецов М.Л., 1974, с. 96, 97) (Крым, Волжская Болгария, Танкеевка, Северный Кавказ), достаточно полны и убедительны. Исследователь датирует это погребение концом XII - началом XIII вв., с чем мы полностью согласны. Погребение Богдановка-III, 15/3 ограблено. Сохранившийся инвентарь не богат, хронологически не выразителен и представлен помимо кувшина серебряным с позолотой спиралевидным височным кольцом, железной пряжкой, ножом и стеклянной бусиной. По нашим наблюдениям, подобный тип височных колец встречается с инвентарем, хронологический диапазон которого - вторая половина XI - первая половина XIII вв.

Кувшин из комплекса Кастырский-VI, 2/8 отличается от всей серии кувшинов, описанных выше, верхним прилепом ручки (рис. 7,6). Она прикреплена не под венчиком, который имеет форму, близкую к раструбу, а непосредственно к нему. В месте верхнего крепления на ручке нанесены два невыразительных вертикальных желобка и пальцевое вдавление. Нижним концом длинная вертикальная, овальная в сечении ручка прикреплена к наиболее широкой части тулова. Горло - цилиндрическое, широкое, невысокое, с широким рифлением по внешней поверхности - плавно переходит в покатые плечики относительно высокого стройного тулова. Наибольшее расширение корпуса в верхней трети. Дно плоское, широкое. Часть венчика и горла отбиты в древности. Поверхность кувшина покрыта светлым ангобом. В тесте заметны крупные черные вкрапления. Близкие формы есть в позднесредневековом Херсонесе (Ивашута Л.П., 1974, рис. 3в) XII-XIII вв., а также в золотоордынском слое Старого Орхоя (Абызова Е.Н., 1985, рис. 1,7, класс I, тип 1, вид 3) и Азака (Перевозчиков В.И., 1990, рис. 3,4). Е. Н. Абызова отмечает, что керамика I класса иногда покрывалась белым или красным ангобом (Абызова Е.Н., 1985, с. 38). Ни погребальный обряд захоронения Кастырский-VI, 2/8, ни сопроводительный инвентарь (трапециевидная железная пряжка, нож, лепной сосуд) не уточняют его хронологические рамки.

Картографирование исследуемой серии керамики дало следующую картину. Несмотря на небольшое количество амфор, следует отметить их основную локализацию в Нижнем Поднепровье (5 находок). Единична находка в Приорелье, 3 экземпляра обнаружены в Приазовье (1 - в Северном Приазовье, 2 - вблизи устья Дона). Карта показывает, что амфоры территориально тяготеют к побережью Черного и Азовского морей, и за исключением одного пункта их практически нет в глубине степи (рис. 1). Это, по-видимому, не случайно и вполне объяснимо. В

памятники Нижнего Поднепровья амфоры попали, скорее всего, из Крыма, в городах которого торговали вином и маслом как собственного производства, так и привозными. В приазовские памятники амфоры могли попасть, вероятно, из поселений на берегу Азовского моря, среди которых в золотоордынское время наиболее крупным был город Азак. Интересно, что в Поднепровье амфоры встречаются как в погребальных комплексах, так и в святилищах, а в Приазовье - только в святилищах. Картографирование позднекочевнических погребений с кувшинами показало, что они, в отличие от амфор, встречаются не только в приморских районах и в Поднепровье, но и в глубине степи. Так, они есть в Волго-Маньчском междуречье, на Донецком кряже, в Орельско-Самарском междуречье, в бассейне Нижнего Дона (рис. 4).

Большинство (3 из 4) погребений с одноручными горшками не древнерусского происхождения обнаружены в Приазовье, 1 - в Крыму (рис. 4).

Большинство комплексов с амфорами сопровождалось захоронениями коней. Все погребенные, за исключением комплекса из Шевченко, где был похоронен ребенок, были мужчинами-воинами. Об этом говорит сопроводительный инвентарь: шлем, сабли, булава, кольчуги, принадлежности лучника. В трех из четырех погребений с горшками были похоронены мужчины. Кувшины также обнаружены в большинстве случаев в мужских захоронениях.

В отношении погребального обряда необходимо отметить, что конструкции могил, гробовища, ориентация умерших, типы и характер укладки коней не отличаются какими-либо устойчивыми связями. Это свидетельствует об этнической пестроте и социальных различиях погребенных в комплексах с амфорами, горшками и кувшинами. Исследуемая серия керамики не имеет какой-либо устойчивой связи с другими категориями находок.

Месторасположение амфор, горшков и кувшинов в захоронениях не одинаково. Амфоры не имеют устойчивого места. По два раза они обнаружены у изголовья и перед входом в камеру. По одному разу - в ногах и в насыпи. Большинство кувшинов располагались в районе головы (7 случаев) и у ступней (4). Единичны находки кувшинов у правого колена и на надмогильной площадке. Три одноручных горшка из четырех экземпляров располагались в районе ног, как и большинство горшков древнерусского облика (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1994, с. 85). По-видимому, у средневековых кочевников керамика, являясь одной из категорий основного погребального инвентаря, на протяжении веков не получила своего устойчивого места в погребении, как, например, предметы конского снаряжения, вооружение, украшения и т. п.

Анализ захоронений с гончарной керамикой недревнерусского производства показал, что в погребениях, отличающихся повышенным социальным уровнем и богатством инвентаря, как правило, на-

ходятся амфоры. Наиболее высоким социальным статусом, без сомнения, обладал умерший из Чингульского кургана, по-видимому, имевший ханский титул. У него в погребении, кстати, была не одна, а две амфоры. На порядок ниже ранг погребенного из Каирки. Еще более низкую ранговую позицию занимали умершие из Морской Кошары и Большой Белозерки. Наиболее низкий ранг у умершего из Чаплинки,

где были обнаружены лишь принадлежности лучника. Все они были воинами. Трудно объяснить социальный статус (как собственно и пол) погребенного из Шевченко, где сопутствующий инвентарь беден и невыразителен.

В мужских погребениях с одноручными горшками присутствуют предметы вооружения. Учитывая это, а также количество и качество

№ п/п	Параметры		Общая высота	Высота горла с венчиком	Диаметр венчика	Диаметр горла*	Диаметр тулова	Диаметр дна (поддона)	Высота горла: диаметр горла (у кувшинов)
	Пункт								
1	Никифорово 1/1		≈19	-	13	-	18	≈10,8	-
2	Волчанск-II, 2/4		14	-	10	-	15	9	-
3	Сивашское 4/4		17,5	-	11	-	15	8	-
4	Сусаннино 1/2		15,6	-	11	-	15,1	8,6	-
5	Волчанск 13/1		с. 22 р.40	р. 12,5	-	5	14	7	≈2,5
6	Котовка-III, 2/2		55	10	11,5	8,7	30,5	13	1,2
7	Родионовка 3/1		30	9	5,3	4,2	18	10,5	2,1
8	Самойлово 2/2		29,5	6	11	11,2	20	10	0,5
9	В.Маньч-II, 38/2		38	16	9,5	10	22	13	1,6
10	Новоукраинка-I, 1/2		с.38 р.42	р. 8,2	-	6,7	17	8,5	≈1,2
11	Гадомка, к.221		18	6,4	7,7	6,4	12,6	7,5	1
12	Кобяково 15/3		32	12	6,5	10	21	13,2	1,2
13	В.Маньч-III, 13/3		19	6,3	7	9	14,8	9	0,7
14	Кривуша 1/1		39	8	9,6	9,2	23	10	0,9
15	Демидовка 2/2		26	5	8	8,2	17,5	10	0,6
16	Новоивановка		29	7,5	10	6,5	19	9	1,2
17	Богдановка-III, 15/3		21	6	8	6,5	13	9	0,9
18	Кастырский-VI, 2/8		24,8	5,9	6,7	5,7	14,5	9,1	1

Рис. 8. Основные параметры горшков и кувшинов (в см).

c – сохранившаяся высота сосуда

p – реконструируемая высота

* – диаметр горла замерялся у его основания.

Fig. 8. The basic parameters of pots and jugs (in cm).

c – the preserved height of a vessel

p – the reconstructed height of a vessel

* – the diameter of a mouth is measured at its bottom.

Abb. 8. Grundabmessungen der Töpfe und Krüge (cm.).

c – die erhaltene Gefäßhöhe

p – die zu rekonstruierende Höhe

* – der Halsdurchmesser wurde neben seiner Grundlinie gemessen.

Dessin 8. Paramètres des cruches (centimètres).

c – Hauteur présente du récipient

p – Hauteur reconstruite

* – Diamètre du col est mesuré dans sa base

остального сопутствующего инвентаря можно предположить, что погребенные относились к "средневоинскому" сословию.

В четырех из восьми мужских погребений с кувшинами также были погребены воины. Социальный статус остальных мужчин-погребенных определить сложно. Инвентарь в их могилах, как правило, беден, но есть и один богатый комплекс. Женские погребения с кувшинами (4) представлены, судя по характеру сопроводительного инвентаря, разными социальными категориями. По-видимому, кувшины являлись той единственной группой керамики, которая могла выступать в качестве универсального инвентаря в погребальной обрядности кочевников развитого средневековья. Обрядовые черты умерших с этой категорией керамики не отличаются какими-либо устойчивыми признаками не только территориально и хронологически, но даже в социальном, половозрастном и этническом плане. Такими же категориями инвентаря у кочевников средневековья выступали, например, ножи, удила, стремена, серьги, амулеты, недрагоценные типы украшений.

Анализ гончарной посуды, встречающейся в погребениях поздних кочевников Восточной Европы, показал четкую смену во времени культурнозначимых видов керамики. Так, лепную, собственно кочевническую

керамику, представленную в основном кухонными горшками, в XII - начале XIII вв. заменяют гончарные горшки древнерусского облика, а их в свою очередь сменили гончарные горшки и многочисленные типы кувшинов, производимые в городах и поселениях золотоордынского времени. Амфоры в этой хронологической шкале сосуществуют с горшками древнерусского облика и с керамикой второй половины XIII-XIV вв.

Территориальное распределение этих культурнозначимых видов керамики в соответствующих им хронологических периодах было адекватно степени удаленности и влияния на кочевую степь ее ближайших соседей (рис. 1, 4).

Такая последовательная смена культурнозначимых видов керамики у поздних кочевников, как оказалось, - факт не только внешнепоказательный. Одновременно с эволюцией идеологических представлений происходит и смена парадигм в отношении роли и места керамики в погребении. Так, например, со временем прослеживается тенденция перемещения керамики из района ступней ног в основном за голову умершего. Посуда в XII-XIII вв., входившая в состав, как правило, женского инвентаря, постепенно начинает доминировать в мужских комплексах.

Литература и архивные материалы

1. Абызова Е.Н., 1985. Неполивная керамика XIV в. из Старого Орхья// Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев.
2. Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1981. Древности Старого Орхья. Золотоордынский период. Кишинев.
3. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981. М.
4. Атавин А.Г., 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X-XIV вв.// СА. № 1.
5. Бырня П.П., Руссев Н.Д., 1988. Гончарный комплекс XIV в. из Старого Орхья// Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.
6. Волков И.В., 1989. Импортная амфорная таразолотоордынского города Азака// Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках. Ростов-на-Дону.
7. Волков И.В., 1990. О происхождении амфор из золотоордынских слоев памятников Северного Причерноморья// Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. историко-краеведческой конференции. Ч. 1. История. Белгород-Днестровский.
8. Волков И.В., 1992. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор// Донские древности. Вып. 1. Азов.
9. Гугуев Ю.К., Гуркин С. В., 1992. Половецкое святилище середины XI - начала XIII вв. на правом берегу Дона (опыт исследования семантики культурного комплекса)// Донские древности. Вып. 1. Азов.
10. Гуркин С.В., 1990. Половецкий поминальный комплекс из Северо-Восточного Приазовья// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Вып. 9. Азов.
11. Дьяченко А.Н., 1984. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Краснодарской оросительной системы в Краснодарском крае в 1984 г.// НА ИА РАН. Р-1. № 11281.
12. Евглевский А.В., 1990. Влияние ислама на половецкий погребальный обряд в золотоордынское время// Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тез. докл. обл. науч.-практ. конференции. Луганск.

13. Евглевский А.В., 1992. Погребения золотоордынского времени из раскопок новостроечной экспедиции Донецкого университета// ДАС. Вып. 1.
14. Евглевский А.В., 1998. Семантика распрямленных гривен в контексте погребального обряда кочевников Восточной Европы XII-XIV вв.// Археологический альманах. № 7. Донецк.
15. Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1994. Позднекочевнические погребения с керамикой древнерусского облика из Северо-Восточного Причерноморья// ДАС. Вып. 5.
16. Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1996. Кресала в позднекочевнических погребениях Северного Причерноморья// ДАС. Вып. 6.
17. Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Шевченко Н.П., 1986. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства оросительных систем в Херсонской области в 1986 г.// НА ИА НАН Украины. Ф. е. 1986/12.
18. Житников В. Г., 1984. Отчет о работе Константиновского отряда Ростовского госуниверситета в зоне строительства Константиновской оросительной системы в 1984 г.// НА ИА РАН. Р-1. № 10321.
19. Ивашута Л. П., 1974. Неполивная керамика позднесредневекового Херсонеса (по материалам раскопок портового квартала)// АДСВ. Сб. 11.
20. Казакова Л.М., 1986. Отчет об исследовании Кобяковского курганного могильника по проспекту 40-летия Победы в Пролетарском районе г. Ростова-на-Дону в 1986г. (зона строительства второго микрорайона)// НА ИА РАН. Р-1. № 11426.
21. Каминский В.Н., 1987. Алано-болгарский могильник близ станции Старокорсунской на Кубани// СА. № 4.
22. Кравченко Э. Е., Швецов М. Л., 1992. О находках фрагментов чугунных котлов на территориях к западу от Дона// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
23. Кубышев А. И., Дорофеев В. В., Шилов Ю. А. и др., 1980. Отчет о работах ХАЭ ИА АН УССР у сел Волчанск, Владимировка, Красное Акимовского района Запорожской и у сел Громовка, Сивашовка Новотроицкого района Херсонской областей в 1980 году// НА ИА НАН Украины. Ф. е. 1980/15.
24. Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А. и др., 1982. Отчет об исследованиях Херсонской археологической экспедиции в 1982 году// НА ИА НАН Украины. Ф. е. 1982/4.
25. Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А. и др., 1983. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской и Запорожской областях в 1983 году// НА ИА НАН Украины. Ф. е. 1983/26.
26. Кубышев А. И., Дорофеев В. В., Нечитайло А. Л. и др., 1984. Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции Института археологии АН УССР в зоне строительства Каховской оросительной системы в 1984 году в Херсонской и Запорожской областях// НА ИА НАН Украины. Ф. е. 1984/11.
27. Лесков А. М., 1962. Отчет Южно-Украинской экспедиции за 1962 год// НА ИА НАН Украины.
28. Михальченко С.Е., 1973. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья// СА. № 3.
29. Никитченко М. М., 1970. Амфоры-голосники из ц. Иоанна Предтечи в Керчи// АО 1969 г. М.
30. Ольховский В. С., Отрощенко В. В., 1991. Курганное святилище эпохи бронзы в Крыму// Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
31. Отрощенко В. В., Болтрик Ю. В., Ляшко С. Н. и др., 1975. Отчет Запорожской экспедиции за 1975 год// НА ИА НАН Украины. Ф. е. 1975/2.
32. Отрощенко В.В., Рассмакин Ю.Я., 1986. Половецкий комплекс Чингульського кургану// Археологія. № 53.
33. Перевозчиков В.И., 1990. Гончарный комплекс в раскопе по ул. Комсомольской// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов.
34. Петров Н.И., 1915. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Вып. IV-V. К.
35. Пещерова Е. М., 1959. Гончарное производство Средней Азии. М.; Л.
36. Плетнева С. А., 1959. Керамика Саркела-Белой Вежи// МИА. № 75.
37. Плетнева С.А., 1963. Средневековая керамика Таманского городища// Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.
38. Плетнева С. А., 1973. Древности черных клобуков// САИ. Вып. Е 1-19.
39. Плетнева С. А., 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып. Е 4-2.
40. Плешивенко А. Г., Попандопуло З. Х., 1986. Отчет о раскопках курганов в Запорожской области на территории Каменско-Днепровского, Приморского, Вольнянского и Запорожского

- районов в 1986 году// НА ИА НАН Украины. Ф. е. 1986/42.
41. Романчук А. И., 1975. Керамический комплекс XI-XII вв. из раскопок портового района Херсонеса// АДСВ. Сб. 12.
 42. Романчук А. И., 1982. Материалы к истории Херсонеса XIV-XV вв.// АДСВ. Византия и ее провинции.
 43. Рудаков В. Е., 1975. Материалы XII-XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища (раскопки 1973 г.)// АДСВ. Сб. 12.
 44. Рябой Т.Ф., 1988. К вопросу о «больших» домах из Старого Орхья// Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.
 45. Рязанов С. В., 1990. Гончарная печь на Куричанском поселении// Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов.
 46. Сеницын И. В., 1966. Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР, произведенных в 1966 году// НА ИА РАН. Р-1. № 4223.
 47. Сеницын И. В., 1978. Древние памятники Восточного Мангыча. Ч. I, II. Саратов.
 48. Список памятников археологии Украины. Донецкая область, 1988. Сост. О. Я. Привалова, А. И. Привалов. К.
 49. Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
 50. Хлебникова Т. А., 1988. Неполивная керамика Болгара// Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
 51. Черненко Е.В., Яковенко Э.В., Корпусова В.Н., 1967. Раскопки в окрестностях Скадовска// Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. К.
 52. Шалобудов В.Н., 1982. Позднекочевнический могильник XIV в. у с. Котовка// Древности Степного Поднепровья. Днепропетровск.
 53. Шалобудов В.Н., 1993. Позднекочевнические погребения с керамикой (по материалам экспедиции ДГУ)// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
 54. Швецов М. Л., 1974. Багате кочівницьке поховання з Донбасу// Археологія. № 13.
 55. Швецов М. Л., 1979. Половецкие святилища // СА. № 1.
 56. Швецов М. Л., 1980. Котлы из погребений средневековых кочевников// СА. № 2.
 57. Швецов М. Л., 1981. Отчет об археологических исследованиях в Донецкой области// НА ИА НАН Украины. Ф. е. 1981/108.
 58. Яковсон А. Л., 1950. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.)// МИА. № 17.
 59. Яковсон А. Л., 1951. Средневековые амфоры Северного Причерноморья (Опыт хронологической классификации)// СА. XV.
 60. Яковсон А. Л., 1959. Раскопки на городище Орен-Кала в 1953-1955 гг.// МИА. № 67.
 61. Яковсон А. Л., 1970. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики// МИА. № 168.
 62. Яковсон А. Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

Summary

A.V. Yevglevsky, T.M. Potyomkina (Donetsk)
**On Some Types of Pottery Ceramics of Eastern European Nomads
of Developed Middle Ages**

Alongside with the moulded vessels, the manufacturing of which is connected with the nomads themselves, the wheeled ceramics of different way of making can be found in the late nomadic interments. The present work is devoted to some types of pottery ceramics not of Ancient Russian origin: an amphora, a pot, and a jug.

Most amphorae from late nomadic interments belong to the type prevailing in Prychernomoriye (the Black Sea basin) monuments and are characterized by curved handles, pyriform-spherical or egg-shaped trunk of Trapezund origin.

One-handled pottery globe-shaped pots are mostly close to analogous dishes of the Crimea, the Golden Horde monuments situated between the rivers Donets and Prut and in Lower Povolgie according to their peculiarities.

The jugs found served for both table and storage purpose. The range of their analogues is wide enough: Saray, Orkhey, Azack, the Crimea, Northern Caucasus, towns of Povolgie.

The analysis of these types occurring in the nomadic interments showed distinctive change of culturally significant types of ceramics in that time. So, the ceramics of the Ancient Rus pattern of the middle of the XIIIth c. is ousted by pots of Crimean and other origin, and numerous types of jugs. In this chronological scale amphorae correspond to the pots of Ancient Rus pattern and ceramics of the 2nd half of the XIIIth – XIVth cc.

A.W., Jewglewskij, T.M., Potjomkina (Donezk)
**Über einige Töpferkeramikarten bei den osteuropäischen
Nomaden des entwickelten Mittelalters**

Neben Stuckgefäßen, deren Erzeugung den Nomaden selbst zugeschrieben wird, wurde in Spätnomadengräbern auch Töpferkeramik verschiedener Herstellung entdeckt. Die vorliegende Arbeit ist einigen Töpferkeramikarten nicht altrussischer Herkunft gewidmet: Amphoren, Töpfen und Krügen.

Die Mehrzahl der Amphoren aus den Spätnomadengräbern gehört zu dem in dem Schwarzmeerküstenland am häufigsten vorkommenden Typ mit bogenförmigen Henkeln, mit sphärisch-birnförmigen oder eiförmigen trapesund herkömmlichen Rumpf.

Einhenklige Tontöpfe mit kugelförmigem Rumpf sind ihren Charakteristika nach den Töpferwaren der Krim und der Goldenen Horde aus dem Gebiet zwischen dem Dnestr und dem Prut und der unteren Wolga gleich. Unter Krügen kommen sowohl Geschirrkügel als auch Gefäßkrüge vor. Es gibt ziemlich viele Analogien: Starij Orchej, Asak, die Krim, der Nordkaukasus, die Städte der Wolga-Umgebung.

Die Analyse der Vorkommensfrequenz dieser Geschirrtypen in Nomadengräbern zeigte nicht abrupte, aber klare Abfolge mit der Zeit der kulturbedeutenden Keramikarten. Z. B. Die Keramik nach dem altrussischen Vorbild wird seit der Mitte des 13. Jhs. von Töpfen der Krimer oder anderer Herkunft und von verschiedenen Typen der Krügen abgelöst. Amphoren koexistieren in dieser chronologischen Skala mit nach dem altrussischen Vorbild gemachten Töpfen und mit der Keramik der 2. Hälfte des 13.-14. Jhs.

A.V. Evglevski, T.M. Potemkina (Donetsk)
**Quelques types de la céramique de poterie chez les nomades à l'époque
du Moyen Age avancé en Europe de l'Est**

Dans les sépultures des nomades avancés, à côté des vases façonnés à la main faits par les nomades eux-mêmes, on rencontre aussi la céramique tournée d'origine différente. Le présent travail est consacré aux certains types de la céramique de poterie qui ne sont pas originaires de l'ancienne Russie: amphores, pots, cruches.

La plupart des amphores des sépultures des nomades avancés appartiennent au type d'origine de Trapézounde: aux anses arquées, au corps piriforme et sphérique ou ovodïde. Ce type prédomine dans les monuments du territoire de la mer Noire.

Les particularités des pots sphériques à une anse sont proches de la vaisselle analogique de la Crimée, du territoire de la Basse Volga et du territoire entre Dniestr et Proute à l'époque de la Horde d'Or.

Les cruches de table et celles d'emballage sont rencontrées les deux. La sphère de leurs analogies est assez vaste: Starij Orkheï, Azak, Crimée, Caucase du Nord, les villes du territoire de la Volga.

L'analyse de la fréquence de ce type de vaisselle dans les sépultures des nomades montre une substitution pas brusque mais nette d'un type de céramique par un autre. Cette substitution déroule dans le temps et reflète l'état d'une civilisation. Ainsi, depuis le milieu du XIIIe siècle, les pots d'origine différente, par exemple de la Crimée, et les nombreux types de cruches commencent à remplacer la céramique d'une apparence russe. Selon cette échelle chronologique les amphores coexistent avec les pots d'une apparence russe et avec la céramique de la 2me moitié des XIII-XIV siècles.

**ПОЛОВЕЦКИЕ ИЗВАЯНИЯ СРЕДНЕГО ПОДОНЦОВЬЯ:
ТИПОЛОГИЯ, ЭВОЛЮЦИЯ, ХРОНОЛОГИЯ
(по материалам коллекций Луганской области)**

Первая карта распространения половецких каменных изваяний по югу России появилась в 1851 г., ее автор – А.И. Пискарев. Уже тогда он рекомендовал будущим исследователям собирать сведения о статуях и делать подробные описания каменных скульптур. Спустя 120 лет в Подонцовье такая работа усилиями археологов и краеведов была продолжена, в результате появилась новая археологическая карта половецких каменных изваяний, выявленных в обозначенном регионе, но, в основном из южной части Луганской области (табл. I).

В данном случае, мы остановимся на типологических, эволюционных и хронологических вопросах выявленной в среднем Подонцовье серии половецких скульптур, число которых составило 115 экз.

Несмотря на то, что еще со времен А.С. Уварова и Н.И. Веселовского разрабатываются вопросы классификации половецких изваяний, все же законченной типологической схемы еще нет.

Первые попытки типологизации половецких изваяний предприняты А.С. Уваровым (Уваров А.С., 1871, с.512-515). Уже тогда им все скульптуры были разделены на три композиционные группы: сидящие, стоящие, стеловидные, в каждой из них соответственно выделены мужские и женские фигуры. Он же установил и хронологическую шкалу скульптур: стеловидные – самые ранние, а объемные, круглые, особенно сидящие – поздние, изготовленные около IV – V вв. Как видим, интересная типологическая система Уварова, в конечном итоге, изначально свелась к ошибочным хронологическим построениям.

Значительно позднее, спустя столетие, вопрос классификации был поднят Г.А. Федоровым–Давыдовым. Он, вслед за А.С. Уваровым, взяв за основу типологии позу и последовательность их сменяемости, определил ее следующей схемой: стоящие были прототипом сидящих и поздних стеловидных, все это – типы скульптур, а два подтипа статуй происходят от характера пола (Федоров–Давыдов Г.А., 1966, с.167, 168, 184-186).

В 1974 г. издан фундаментальный и наиболее полный каталог сохранившихся на 70-е годы нашего столетия половецких изваяний. Среди 1323 экз. статуй в каталоге значатся 45 скульптур, известных к 1974 г. на Луганщине (Плетнева С.А., 1974, с.95-97). Спустя 20 лет их число увеличилось на 70 статуй, таким образом, становится совершенно необходимым не только включить в научный оборот новую серию источников камнерезного искусства тюркского населения Подонцовья, но и ввести их в существующую научную схему.

С.А. Плетнева в упомянутом каталоге первичным признаком классификации статуй определяет пол изваяния. Кто был изображен, по мнению С.А. Плетневой, имеет отношение к социальным, религиозным и даже политическим аспектам истории кочевников (Плетнева С.А., 1974, с.60). Все изваяния ею разделены на два отдела: мужские и женские. Вторым признаком – вид – определяется позу статуй: первый вид – стоящие, второй – сидящие, третий – стеловидные. Количественное соотношение видов статуй, по данным С.А. Плетневой, приблизительно одинаковое. Мы же, классифицируя по таким же признакам нашу коллекцию, наблюдаем заметное преобладание “стоящих” и “сидящих” статуй над стеловидными (табл. II).

Дальнейшее типологическое деление статуй на типы и подтипы происходит с учетом изобразительно-производственных приемов их обработки. По степени композиции рельефности различают три типа абриса скульптур (Плетнева С.А., 1974, с. 55). Такие же типы абрисов мы видим на изваяниях в пределах степного Среднедонечья, но композиционная палитра статуй из этого региона, на наш взгляд, все же разнообразнее. Мы наметили и предлагаем выделить 6 типов скульптур (табл. II).

Определенный вклад в изучение скульптур поздних кочевников внесли исследования Л.С. Гераськовой (Гераськова Л.С., 1991). Территориальный и историкоэтнографический диапазон ее работы огромный. В то же время классификация, разработанная Гераськовой Л.С., весьма обширная, во многом размыта теорией и забита типологической детализацией, не всегда удобная для работы с конкретной группой источников (Гераськова Л.С., 1991, с.34-53). Конечный результат предложенной Л.С. Гераськовой типологической схемы скульптур кочевников сводится к выделению четырех территориальнокомпозиционных признаков, свойственных всем средневековым статуям. Среднее Подонцовье (Луганщина) входит в восточноевропейский массив, где, как известно, были распространены лишь половецкие изваяния, и без соответствующих источников трудно согласиться с суждениями Л.С. Гераськовой о печенежской и торкской принадлежности определенной части статуй (Гераськова Л.С., 1991, с. 99).

Характеристика источника

Итак, нами выделено 6 типов изваяний (табл. II).

Тип первый. В первый тип включены плоские, стеловидные статуи, сделанные на плитах песчаника в технике низкого барельефа или даже гравировки (табл. III, изв. № 29,30,32,43,52,65,88,101). На них обычно видна

личина, на туловище иногда исполнены руки, грудь, сосуд. Анфас и спина без очевидных признаков обработки. Более всего скульпторы уделяли внимание исполнению головы. Верх головы выполнен тремя формами: округлой, плоской, конусовидной в виде островерхой шапки (изв. № 32,88). Половая принадлежность большинства статуй первого типа почти не определяется, и лишь на некоторых из них видны очевидные признаки пола (грудь, усы) (изв. №43,88,101).

Тип второй – столбовидные, частично объемные, до поясные изваяния, выполненные в технике среднего барельефа, с помощью которого скульпторы добивались изобразительного реализма головы, лица, туловища. Все они “стоящего” вида, верх выглядит уже как круглая скульптура, низ – еще без очевидной обработки. На плоской спине появляются признаки одежды, на голове – убора. У статуй второго типа особенно детально проработана голова, поэтому у них уже прослеживается

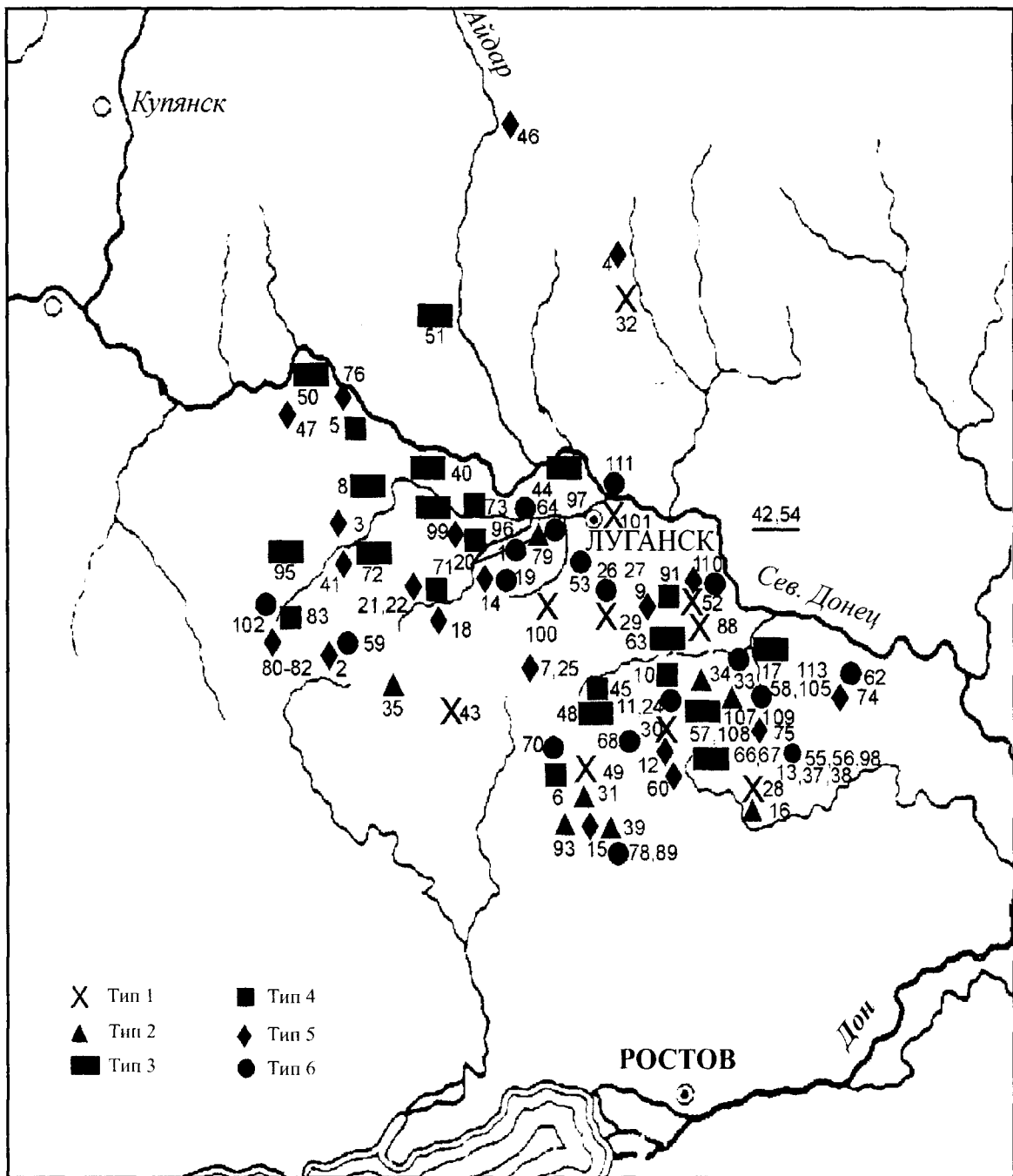

Табл. 1. Карта-схема местонахождений каменных изваяний (кроме типологически неопределимых).

Table 1. The scheme-map of stone statues location (except typologically undetermined ones).

Tabelle 1. Schemakarte der Orte mit Steinstatuen (außer typologisch unbestimmbaren).

Tableau 1. Carte-schéma du placement des statuts en pierre (sauf indéterminées typologiquement).

Табл. I. Карта-схема местонаблюдений половецких каменных изваяний.

1 - г. Брянка; 2 - п. Фацевка; 3 - с. Рубашкино; 4 - с. Даниловка; 5 - с. Сокольники; 6 - г. Антрацит; 7 - с. Ивановка; 8 - с. Рубашкино; 9 - с. Каменка; 10 - с. Новоалександровка; 11 - с. Новоалександровка; 12 - г. Ровеньки; 13 - п. Бирюково; 14 - с. Селезневка; 15 - с. Бобриково; 16 - п. Должанский; 17 - г. Краснопартизанск; 18 - с. Городище; 19 - с. Селезневка; 20 - п. Зимогорье; 21 - п. Чернухино; 22 - п. Чернухино; 24 - с. Новоалександровка; 25 - с. Ивановка; 26 - с. Пятигоровка; 28 - п. Должанский; 29 - с. Волнухино; 30 - г. Ровеньки, п. Большекаменка; 31 - с. Бобриково; 32 - с. Ноздревка; 33 - с. Дубовка; 34 - с. Дубовка; 35 - п. Фацевка; 37 - п. Бирюково; 38 - п. Бирюково; 39 - с. Астахово; 40 - с. Голубовка; 41 - п. Шитилово; 42 - с. Провалье; 43 - с. Красный Кут; 44 - с. Веселая Гора; 45 - с. Красное Поле; 46 - с. Писаревка; 47 - г. Золотое; 48 - с. Красное Поле; 49 - с. Нижний Нагольчик; 50 - г. Лисичанск; 51 - с. Чабановка; 52 - с. Провалье; 53 - с. Красное; 54 - с. Провалье; 55 - п. Бирюково; 56 - п. Бирюково; 57 - г. Свердловск; 58 - г. Свердловск; 59 - п. Фацевка; 60 - г. Ровеньки, п. Алмазняка; 62 - с. Березовка; 63 - с. Полиевка; 64 - п. Сентяновка; 65 - с. Астахово; 66 - с. Новоборовицы; 67 - с. Новоборовицы; 68 - с. Зеленополье; 70 - г. Антрацит; 71 - с. Чернухино; 72 - п. Криничное; 73 - п. Новотошковка; 74 - с. Березовка; 75 - г. Свердловск; 76 - п. Новодружеское; 78 - с. Бобриково; 79 - с. Михайловка; 80 - п. Калиново; 81 - п. Калиново; 82 - п. Калиново; 83 - п. Калиново; 88 - с. Зимовники; 89 - с. Бобриково; 91 - п. Краснодар; 93 - с. Дьяково; 95 - с. Долиновка; 96 - п. Борисовка; 97 - п. Борисовка; 98 - п. Бирюково; 99 - п. Хорошее; 100 - с. Иллирия; 101 - г. Луганск; 102 - с. Троицкое; 105 - г. Свердловск; 107 - г. Свердловск; 108 - г. Свердловск; 109 - г. Свердловск; 110 - с. Провалье; 111 - г. Луганск; 113 - г. Свердловск.

низкий и средний тип абриса (табл. IV, изв. 16,31,34, 35,39,79,107,109). Половая принадлежность здесь также еще неясная.

Тип третий – включает в себя как мужские, так и женские круглые, объемные, стоящие скульптуры, выполненные в технике высокого барельефа. Поверхность статуй обработана повсеместно. На голове прическа и головной убор, лица иногда с портретностью, на туловище изображены руки, сосуд, детали одежды, туалета, украшения, косы. Абрисы статуй выразительные - трех типов (табл.V, изв. № 8, 17, 44, 48, 51, 95, 99, 108.). Половая принадлежность скульптур здесь определяется многими признаками, в том числе этнографического характера, по одежде.

Тип четвертый – небольшая группа мужских и женских круглых, объемных, полусидящих статуй с тщательно обработанной и даже заполированной поверхностью (табл. VI, изв. № 5,10,71,73,91,96). Скульптуры реалистично передают признаки пола, позы, одежды, туалета, отличаются большим набором других изображенных предметов. Некоторым изваяниям этого типа свойственна портретность (изв. № 5,71), но главным признаком в определении полусидящего вида все же следует считать угол изгиба между вертикально поставленным туловищем и наклонно расположенными по отношению к туловищу, под углом 130° – 150°, ногами. В остальном они напоминают сидящие статуи.

Тип пятый – сидящие мужские и женские крупные, объемные изображения с различной абрисной посадкой головы, но преобладают все же статуи со средним и высоким абрисом. Фигуры скульптур “сидят” на массивных постаментах, угол изгиба ног по отношению к туловищу составляет 90° – 100° (табл. VII, изв. № 2,3,4,6,7,9,12,14). На изваяниях, в зависимости от их сохранности, хорошо видны детально проработанные:

одежда, сосуды, военная амуниция (изв. №4,7,12), предметы туалета (изв. № 7,14), вооружения (изв. № 14), украшения (изв. № 2), косы (изв. № 12,14), головные уборы (шлемы, шляпы, шляпки) (изв. № 4,6,7,12), обувь (изв. № 2,4,7,14) и другие аксессуары. Но, надо отметить, что многие из этих статуй, особенно женские, безликие, как бы с чадро-покрытыми лицами (изв. № 2,3,6,9). Мужчины, напротив, зачастую с личиной, даже портретом (изв. № 4,12). Изваяния этого типа, как правило, очень крупные, их высота достигает 2,5 – 3,5 м (изв. № 2,3,4,6,7,14 и др.). Поверхность некоторых изваяний тщательно зачищена, даже заполирована, но постаменты – со следами камнеобрабатывающих орудий – зубил.

Тип шестой – круглые, совершенно столбовидные статуи, у которых туловище имеет вид антропоморфного столба, зачастую без рук и всегда без ног (табл. VIII, изв. № 1,19,26,33,42,55,59,62,105,111). Однако технология обработки их довольно высокая, т.е. качественно изваяны голова, лицо, туловище. Иконография отдельных статуй весьма совершенна, даже с признаками скульптурной классики. Многие статуи сохраняют черты лица, иногда портретного (собираательно-образного тюркского вида) (табл.VIII, изв. № 1,19,26,42,59,62), но часть изваяний безликие (изв. № 33,105).

Все мужские скульптуры передают тот или другой вид головного убора (шлем, шапочка) (изв. № 1,33), на женских изваяниях показаны различные виды высоких (изв. № 42) или, наоборот, низких шляпок (изв. № 62, 105). На туловище, обычно, изображена небольшая, почти условная, женская грудь, здесь же 2-3 ряда ожерелий (изв. № 42) или шейные гривны (изв. № 19,55,105). Сосуды выполнены условно, в виде прямоугольного выступа или в виде ромбовидной фигуры, но часто признаков горшков мы вообще не замечаем, в то время как на уровне живота и на спине изображены 2-3 опоясывающих туловище линии пояса.

Табл. II.

Тип	Типообразующие признаки статуй	Номер соответствует сводному каталогу* изваяний Луганщины	Всего
I	Плоские, стеловидные	28,29,30,32,43,49,52,65,88,100,101	11
II	Столбовидные, до поясные, ранние	16,31,34,35,39,79,93,107,109	9
III	Стоящие, круглые, объемные	8,17,40,44,48,50,51,57,63,66,67,72,95,99,108	15
IV	Полусидящие, круглые, объемные	5,10,45,71,73,83,91,96	8
V	Сидящие, круглые, объемные	2,3,4,6,7,9,12,14,15,18,20,21,22,25,41,46,47,60,74,75,76,80,81,82,110	25
VI	Столбовидные, круглые, поздние	1,11,13,19,24,26,33,37,38,42,53,54,55,56,58,59,62,64,68,70,78,89,97,98,102,105,111,113	28
	Тип статуй не определяется	23,27,36,61,69,77,84,85,86,87,90,92,94,103,104,106,112	17
	Заготовки	114,115	2

Лучшими художественными образцами изваяний шестого типа являются изваяния №№ 1 и 33. У этих скульптур особенно выразительно подчеркнуты выпуклости груди, живота, а прослеживающийся изгиб спины и совершенные портретные черты лица изваяния №1 придают этой скульптуре выразительный, даже “живой” вид. В целом, поверхность скульптуры покрыта следами от орудия обработки и зачищена абразивом.

В нашу типологию включены 96 скульптур из 115 нам известных, 17 изваяний не классифицированы, поскольку они сильно повреждены или вообще разбиты (изв. № 23, 27, 36, 77 и др.). О них можно лишь сказать, что они относятся к числу круглых типов статуй. Не вошли в типологию частично сохранившиеся фрагменты статуй, сделанных из мергеля с личинами реального портретного вида (табл. IX, изв. № 69,90, 103). К сожалению, остальные детали этих наиболее оригинальных меловых скульптур, расколоты на десятки фрагментов, часть из которых утеряна.

Совершенно невозможно что-либо сказать о тех скульптурах, от которых сохранились только постаменты (изв. № 86,87), либо которые выглядят лишь скульптурными заготовками (изв. № 114,115).

Предложенная нами типология статуй почти соответствует классической типологии, разработанной С.А. Плетневой. Однако нам представляется логичным выделение самостоятельного типа так называемых “полусидящих” скульптур, которые никем из предшествующих исследователей, кроме А.С. Уварова, не принимались во внимание даже как промежуточный вариант. По нашим наблюдениям, половецкие скульптуры из Подонцовья не имеют четких типообразующих границ. В каждом типе есть много черт из других типов, а значит наша классификация не может претендовать на идеальную схему. Перепле-

тение различных типообразующих черт особенно заметно при сравнении первого и второго, второго и шестого типов изваяний или, например, четвертого и пятого типов. Каждый тип статуй соответствует определенной идеологической схеме, исторической ситуации и соответственно хронологическому этапу их бытования. Например, стело и столбовидные скульптуры первого и второго типов из нашего региона по изобразительным приемам лица, груди, головных уборов между собой наиболее близки по времени, к тому же они находят немало аналогий в иртышских (кимацских) и семиреченских статуях X-XI вв. (Шер Я.А., 1966; Арсланова Р.Х., Чариков А.А., 1974). Показательна в этом отношении стеловидная статуя № 43 из с. Красный Кут (табл. III). Некоторые черты, например, несимметрично расположенные руки, форма сосуда, опять же стеловидность, особенно сближают ее не только с кимацскими статуями X-XI вв., но и более ранними тюркскими тувинско-семиреченскими VIII-IX вв. (Плетнева С.А., 1974, с.69). Очевидно, статуи первых двух типов, в иконографии которых так много общего, можно считать самыми ранними половецкими изваяниями Подонцовья. Неслучайно они попадают в степях Восточного Донбасса. Этот район, по мнению С.А. Плетневой, как и регион нижнего течения Северского Донца, а также Приазовье были заняты и заселены половцами в первую очередь. Здесь, на плоскогорьях Донецкого края, в XI в. могли возникнуть зимовники, из которых половцы отпочковывали на весенне-летние пастбища, отправлялись в военные походы, промыслы.

И все же при детальном сопоставлении иконографических признаков ранних статуй в них видна хронологическая эволюция. Внешне, в своей основе, статуи второго типа продолжают быть несколько “стеловидными”, но своей “столбовидностью” во многом “ушли” от плоских, по-настоящему стеловидных первого типа. Во-первых,

* Каталог каменных изваяний Луганщины опубликован отдельно.

они округляются в туловище, на котором изображены теперь уже нагрудные бляхи, ремни, изредка горшки, но нет еще набора бытовых вещей, оружия. На голове появилась шапка, но еще не боевой шлем. Во-вторых, скульпторы начали изображать руки, ноги, косы, лица с признаками портретности. Следовательно, статуи второго типа в композиции и аксессуарах “шагнули” дальше статуй первого типа, но еще не превратились в круглые скульптуры последующих типов. Статуи второго типа, скорее всего, датируются первой половиной XII века, в то время как статуи первого типа, видимо, не выходят за рамки XI века.

Круглые статуи (типы III – V), кроме общей композиции, существенно отличаются от двух предыдущих, прежде всего, техническим, иконографическим совершенством образа человека, большим набором изображенных предметов: у мужчин обычно из области вооружения, у женщин – быта, туалета. Мужские статуи более строгие, стройные и при этом многие с боевой аммуницией (шлем, доспех, защитные бляхи, ремни), женские – несколько тяжелые, тучные, но костюмированные, на них длинные халаты, нередко украшенные орнаментами, накладками, нашивками, на груди, шее – ожерелья, подвески, на висках – височные кольца, талисманы и другая бижутерия. Статуи этих типов в большинстве случаев портретизированные, однако, среди них все же много безликих. Безликость могла быть вызвана тремя причинами: собирательностью образа тюркского прародителя, сложностью проработки лица из-за прочности камня – песчаника (наоборот, убедительные портреты мергелевых статуй) и, наконец, религиозными мотивами, вызванными влиянием мусульманства, которое к середине XII в. активно входило в идейно–религиозный мир половцев. Из трех перечисленных причин, на наш взгляд, наиболее весомым в этом вопросе следует считать фактор внедрения мусульманства (Плетнева С.А., 1974, с.56). Таким образом, вероятно, середина XII века была временем внедрения и развития круглых “стоящих” статуй третьего типа. “Полусидящие” и “сидящие” статуи (типы IV и V) вероятно все получили распространение соответственно во второй половине XII – начале XIII вв., т.е. на второй стадии развития половецкого камнерезного искусства, вызванного общим подъемом и расцветом половецкого общества. Ведущим признаком этой стадии можно считать скульптурный “классицизм” тюркских круглобарельефных статуй (изв. № 71,73,91).

К завершающему этапу изготовления изваяний относятся так называемые “столбовидные” скульптуры с антропоморфными чертами (тип VI). В них наибольшее внимание уделено изображению головы и груди. Руки, ноги, сосуд или вообще отсутствуют, или выглядят очень условно. Например, сосуды показаны в виде квадрата, ромба, выступа. Интересно заметить, что среди статуй шестого типа преобладают мужские образы, причем иногда с женской грудью. Такая женообразность, свойственная части мужских изваяний, по представлениям кочевников, очевидно, должна была усиливать идеи прародительства, непобедимости, бессмертия воинов. На туловище, порой прикрытом панцирем, изображенная женская грудь являлась символом жизни и силы

богатыря. В преданиях тюркского эпоса богатырь, напившийся материнского “золотистого густого молока”, становится непобедимым и неуязвимым перед оружием врага (Плетнева С.А., 1974, с.74). Однако эти статуи, в сравнении с 3-мя предшествующими типами, не всегда выразительны, и уже это свидетельствует о заметном упадке камнерезного искусства на позднем этапе истории половцев. Массовость и спешность изготовления таких скульптур незамедлительно сказались на качестве и мастерстве камнерезного искусства. Оно заметно пошло в сторону регресса, хотя встречаются изваяния несравненно более высокого уровня (см. изв. №1, табл.VIII). Эти изменения, по мнению С.А. Плетневой, считаются логическим завершением эволюционно–хронологического ряда в развитии камнерезных изваяний, и оно совпадает с последним запом господства половцев в восточноевропейских степях в XIII в. Таким образом, причины упадка камнерезного искусства следует искать в сложившейся военной обстановке, в которой оказались половцы в 1-й пол. XIII в. в связи с нашествием монголо–татар.

Итак, процесс развития и эволюцию половецких статуй, их распространение, а, следовательно, расселение половцев в наших степях можно реконструировать следующим образом. Известно, что половцы заняли степи Подонцовья во второй половине XI века. Освоившись, их мастера каменотесы взялись за изготовление изваяний подобно тем, которые они ставили на своей восточной прародине. Сначала статуи изображали, видимо, только воинов–мужчин, но вскоре появились и женские. Эти ранние изваяния имели стело и столбовидные очертания. К концу XI века половцы прочно освоили европейские степи до Днепра и с этого времени, но особенно в начале XII в., статуи видоизменяются в сторону круглого барельефа.

В первой половине XII века появились круглые, объемные, порой портретные скульптуры различной композиционной модификации, которые развивались до 40–х годов XIII века, т.е. до вторжения монголо–татар.

Как известно, расцвет половецкого общества приходится на середину XII – начало XIII веков. В этот промежуток времени они овладевают огромными пространствами в Восточной Европе. У половцев на этом пространстве возник ряд самостоятельных объединений, во главе которых стояли влиятельные и могущественные ханы (Плетнева С.А., 1974, с.23).

Картографирование статуй Подонцовья показало, где могли находиться становища – зимовники, святилища, карьеры и мастерские одного из могущественных половецких объединений, названном С.А. Плетневой “нижнеднецким” или “днецким” (Плетнева С.А., 1974, с.19,23). Подавляющее большинство изваяний происходит из плоскогорий северного склона Донецкого кряжа, т.е. находится в пределах правого берега реки Северский Донец, охватывая территории современных Свердловского, Антрацитовского, Краснодонского, Перевальского, Лутугинского, Попаснянского районов Луганской области и дальше по кряжу на восток в Ростовскую и на запад – Донецкую области (табл.I).

Итак, несмотря на типологическое разнообразие статуй, мы убеждаемся в том, что в скульптурах половцев

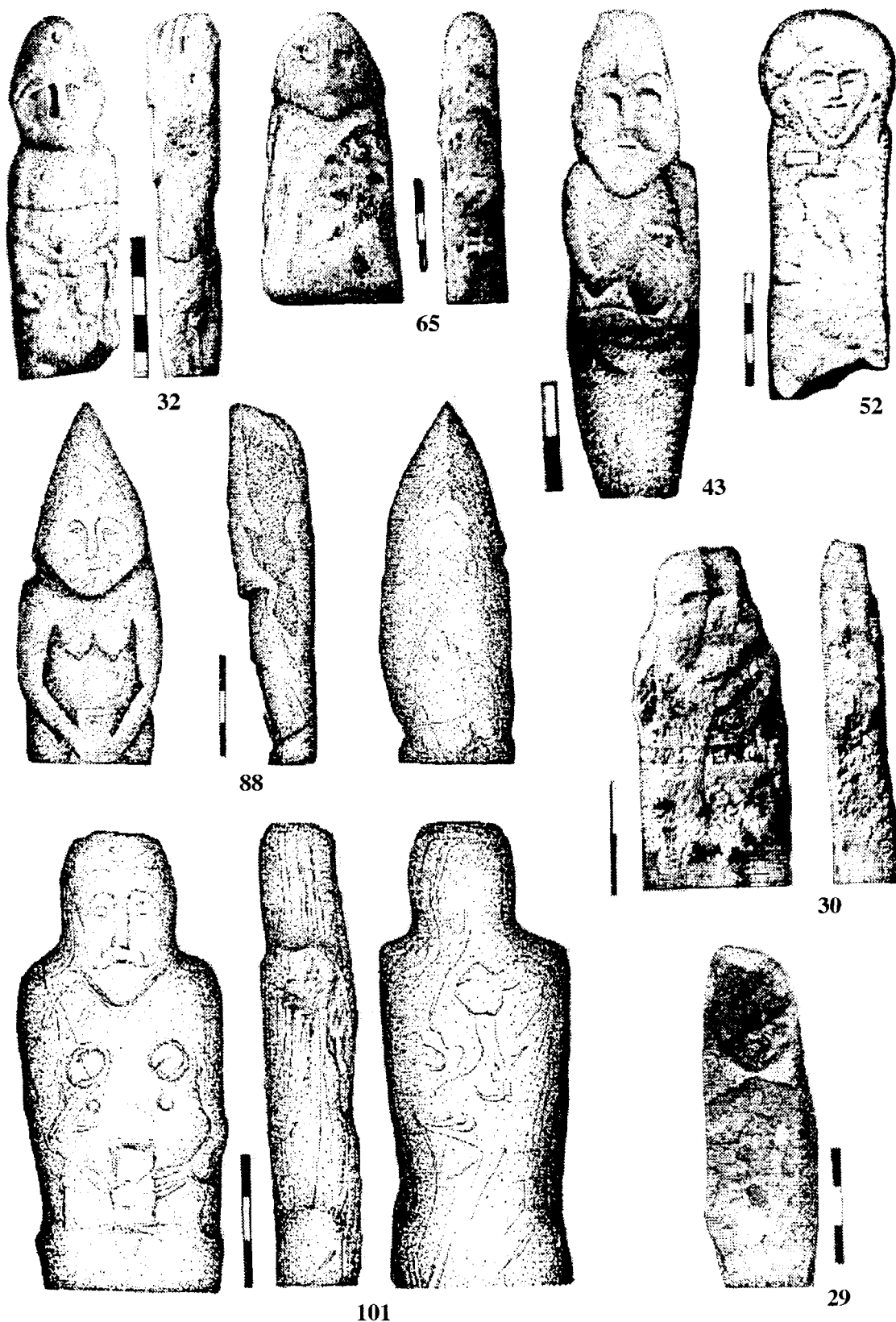

Табл. III. Стеловидные изваяния первого типа.
 Table III. Stele-like statues of the 1st type.
 Tabelle III. Stelenförmige Standbilder des 1. Typs.
 Tableau III. Statues de stèle du premier type

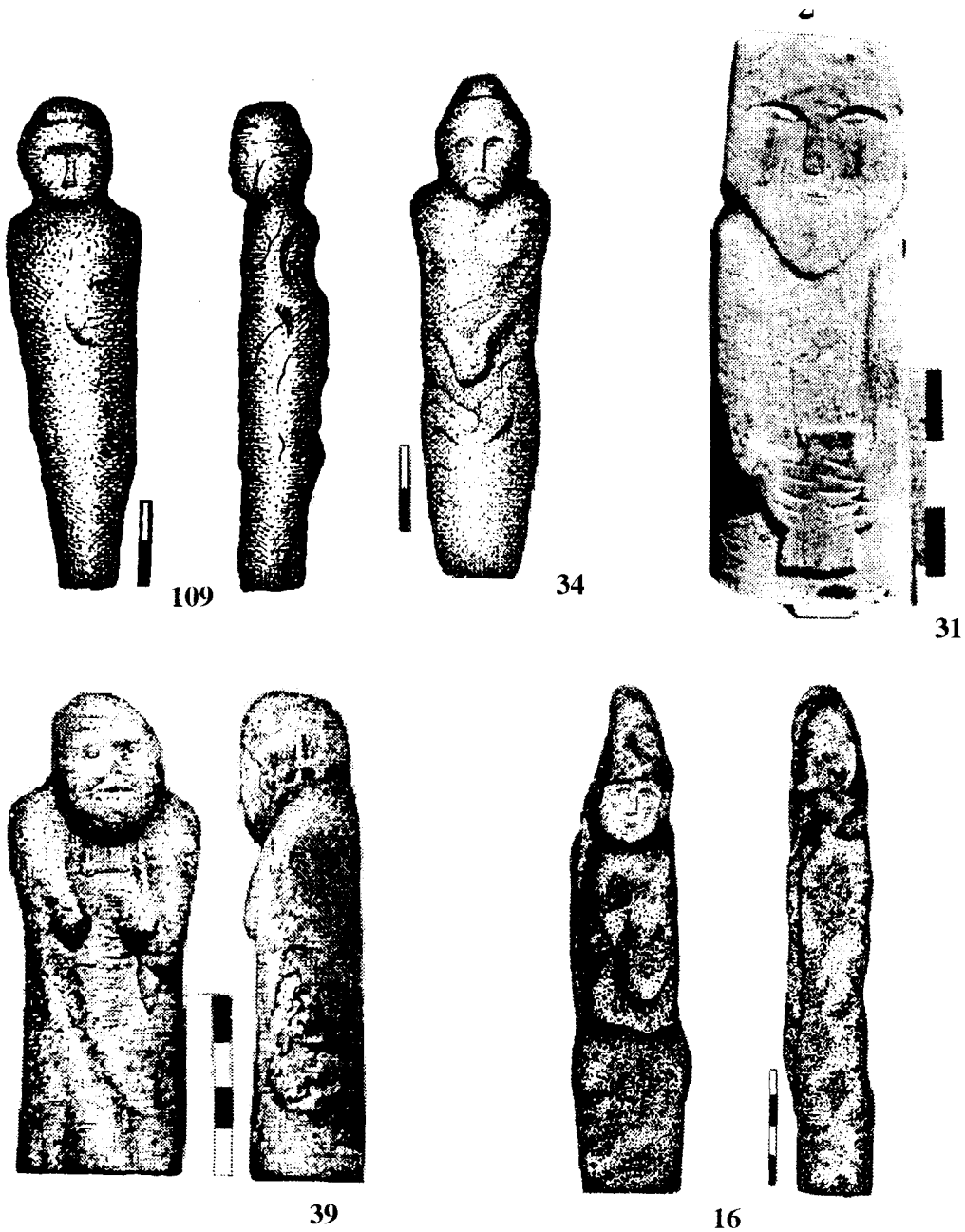
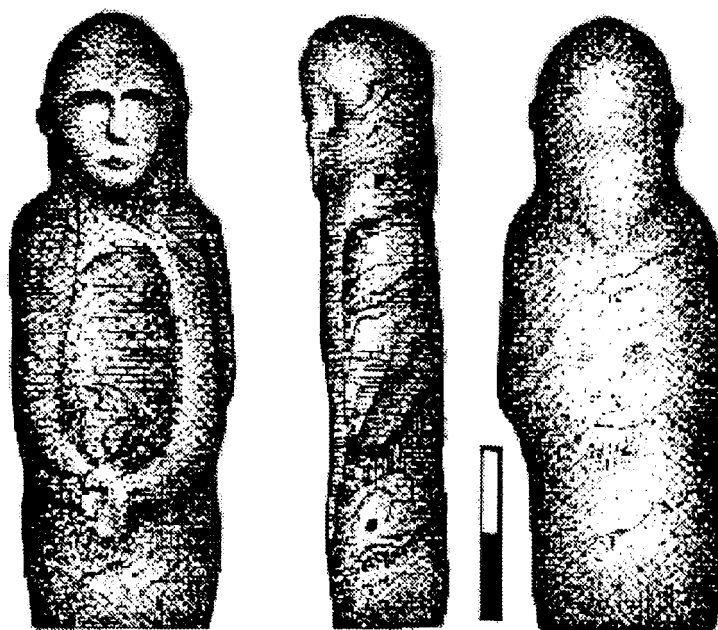
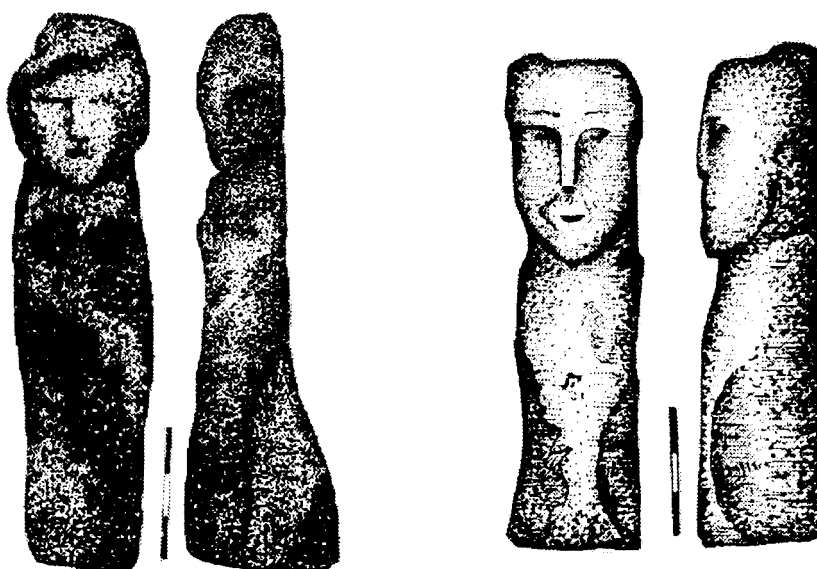

Табл. IV. Столбовидные изваяния второго типа.
 Table IV. Pillar-like statues of the 2nd type.
 Tabelle IV. Pfählförmige Standbilder des 2. Typs.
 Tableau IV. Statues en poteau du deuxième type

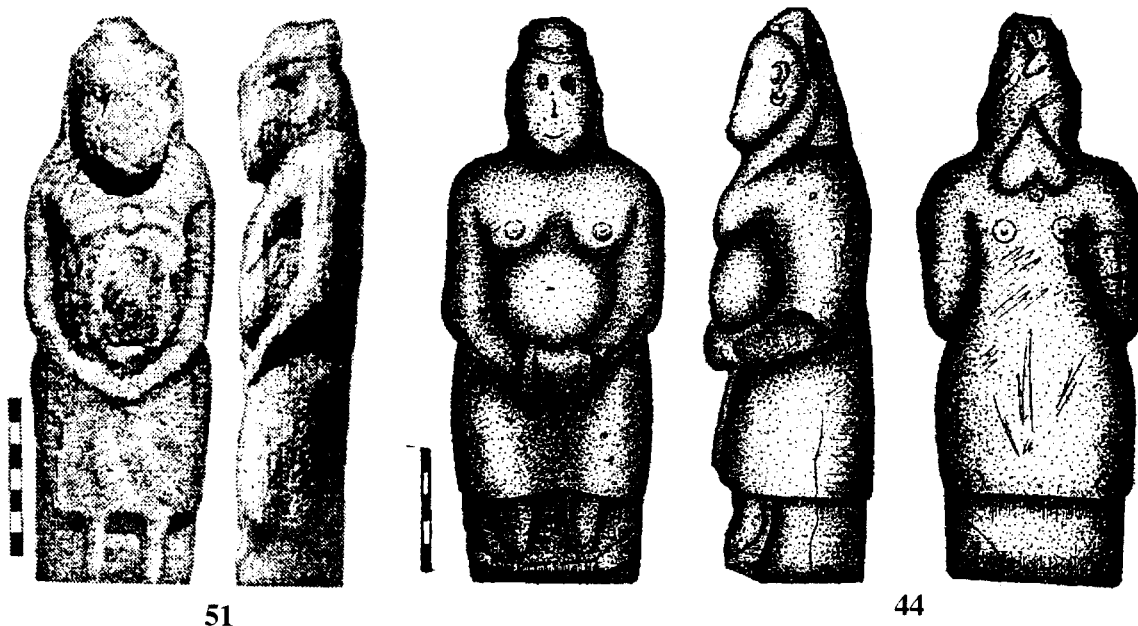
35

79

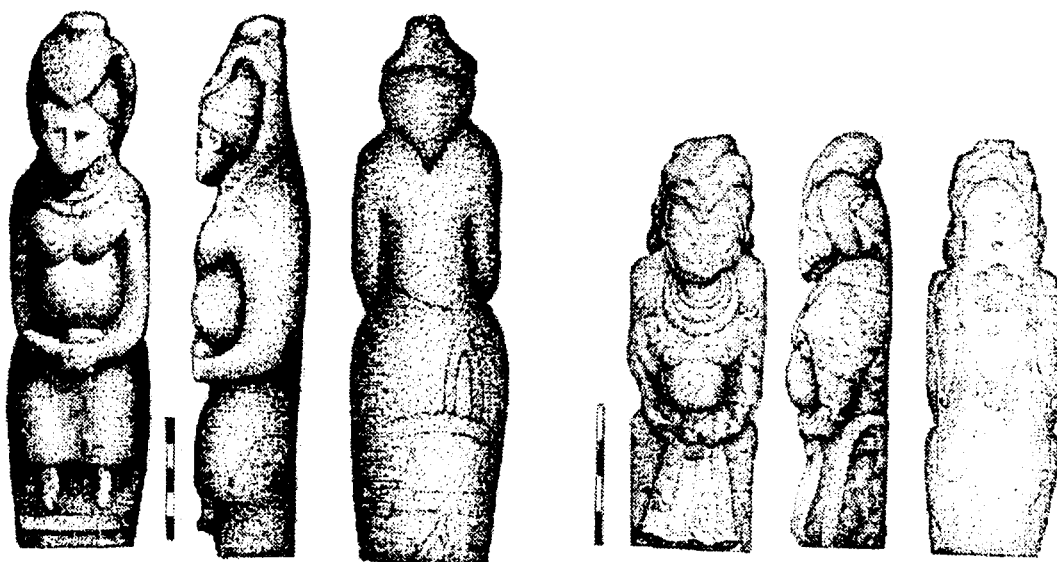
107

Табл. IV. (Продолжение). Столбовидные изваяния второго типа.
 Table IV. (Continuation). Pillar-like statues of the 2nd type.
 Tabelle IV. (Fortsetzung). Pfahlförmige Standbilder des 2. Typs.
 Tableau IV. (Suite). Statues en poteau du deuxième type

51

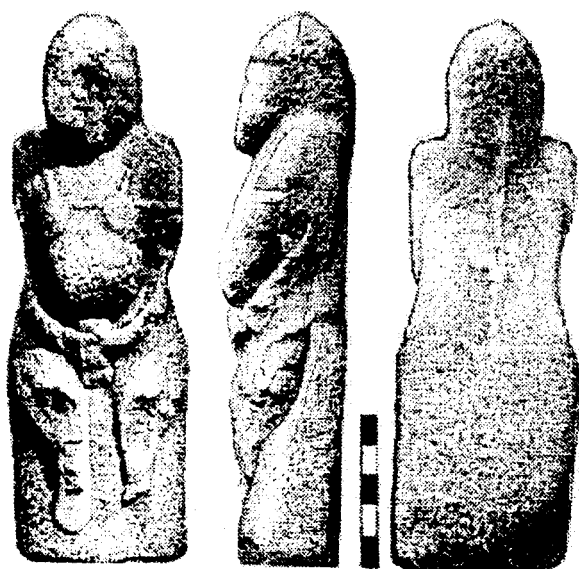
44

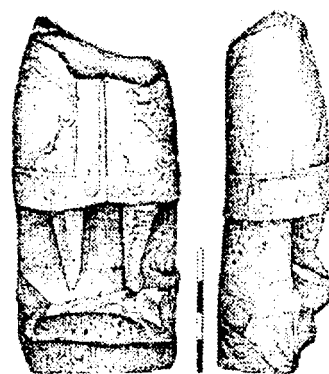
8

48

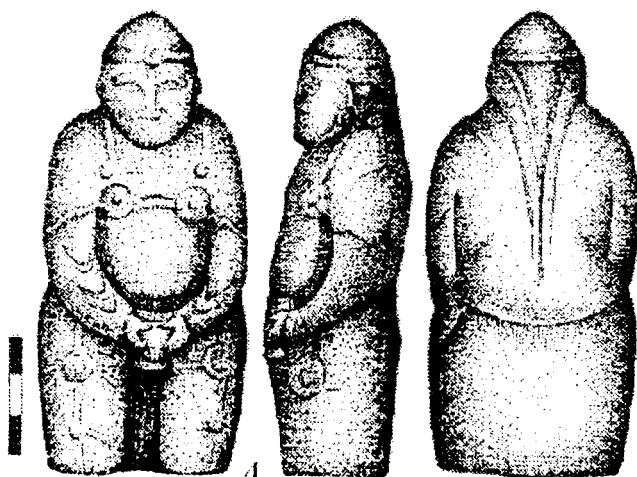
Табл. V. Стоящие, круглые изваяния третьего типа.
 Table V. Standing, round statues of the 3^d type.
 Tabelle V. Stehende, runde Standbilder des 3. Typs.
 Tableau V. Statues debout, rondes du troisième type

17

95

99

108

Табл. V. (Продолжение). Стоящие, круглые изваяния третьего типа.
 Table V. (Continuation). Standing, round statues of the 3rd type.
 Tabelle V. (Fortsetzung). Stehende, runde Standbilder des 3. Typs.
 Tableau V. (Suite). Statues debout, rondes du troisième type

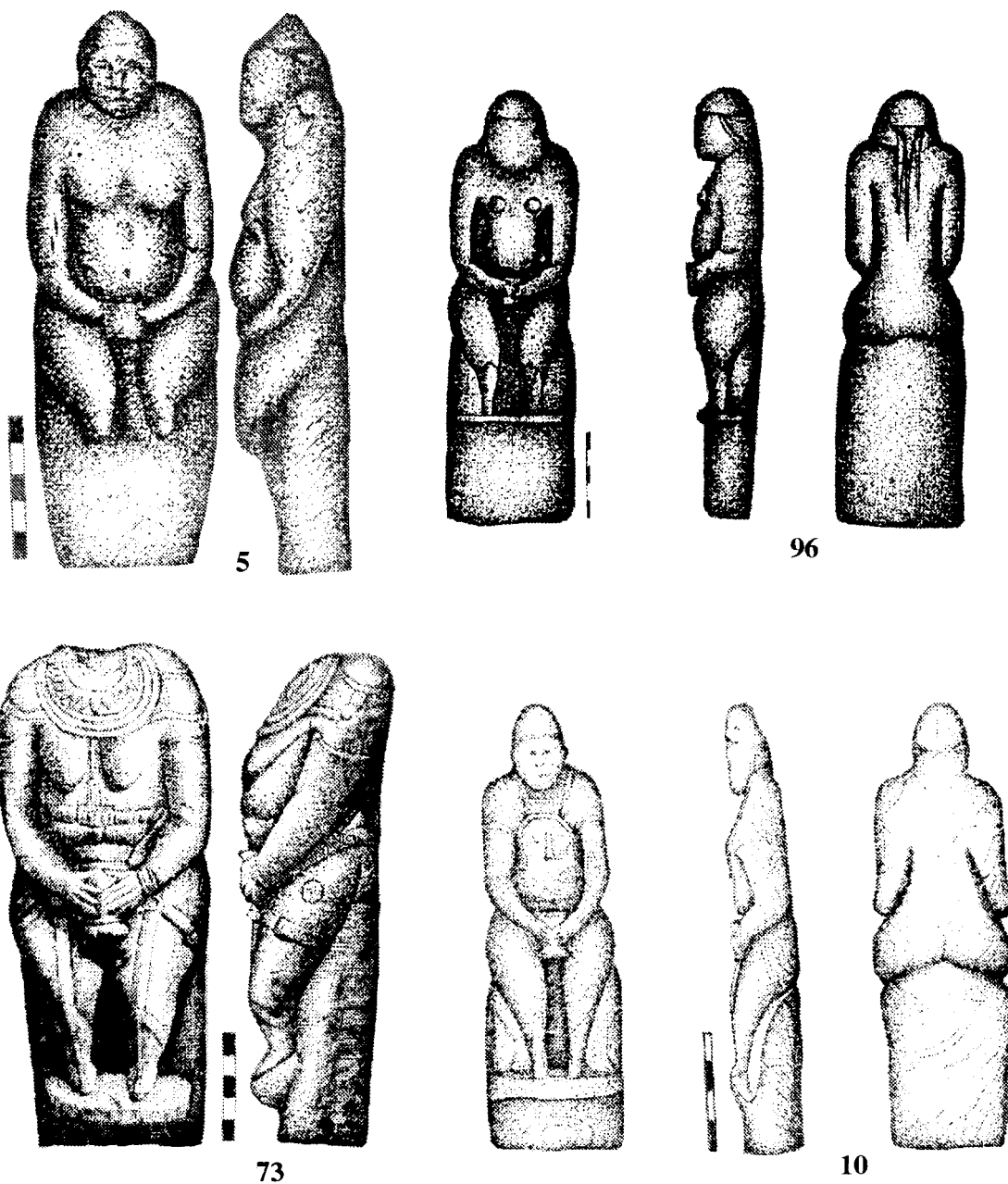
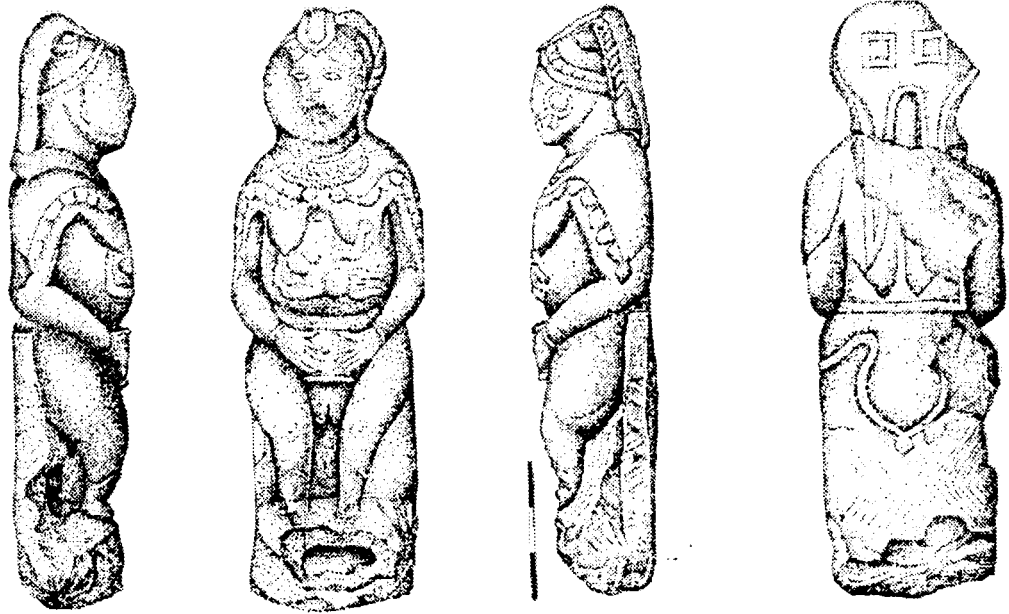
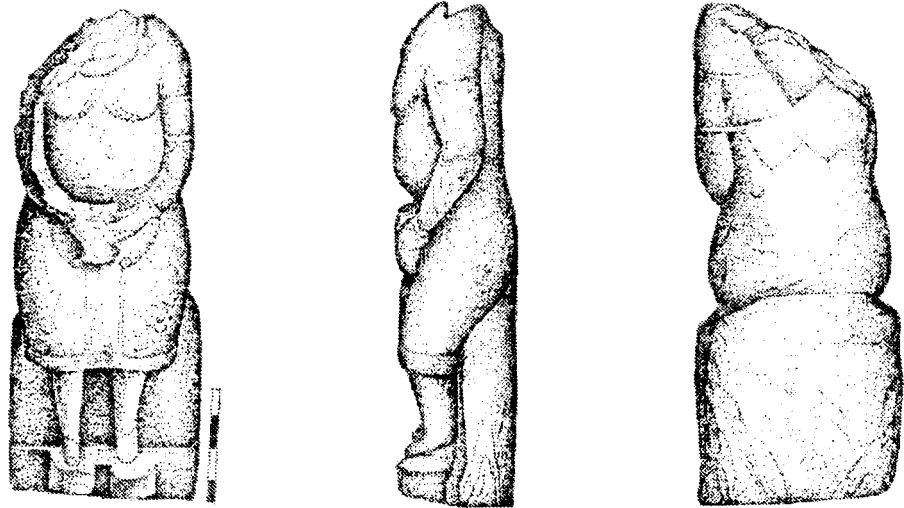

Табл. VI. Полусидящие, круглые изваяния четвертого типа.
 Table VI. Semi-sitting, round statues of the 4th type.
 Tabelle VI. Halbsitzende, runde Standbilder des 4. Typs.
 Tableau VI. Statues rondes, semi-assises du quatrième type

71

91

Табл. VI. (Продолжение). Полусидящие, круглые изваяния четвертого типа.
 Table VI. (Continuation). Semi-sitting, round statues of the 4th type.
 Tabelle VI. (Fortsetzung). Halbsitzende, runde Standbilder des 4. Typs.
 Tableau VI. (Suite). Statues rondes, semi-assises du quatrième type

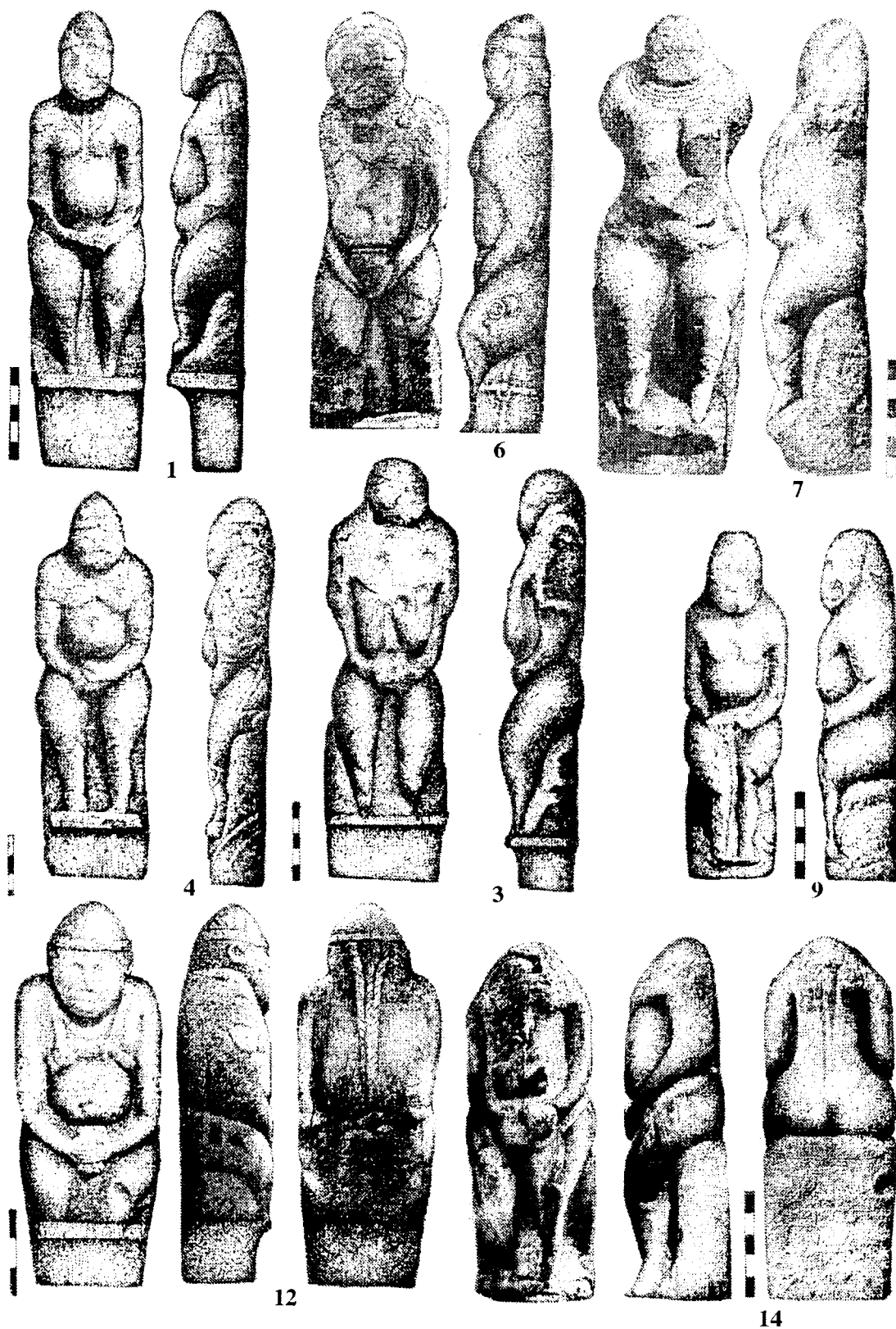

Табл. VII. Сидящие, объемные изваяния пятого типа.
 Table VII. Sitting, voluminous statues of the 5th type.
 Tabelle VII. Sitzende, räumliche Standbilder des 5. Typs.
 Tableau VII. Statues assises, bien travaillées du cinquième type

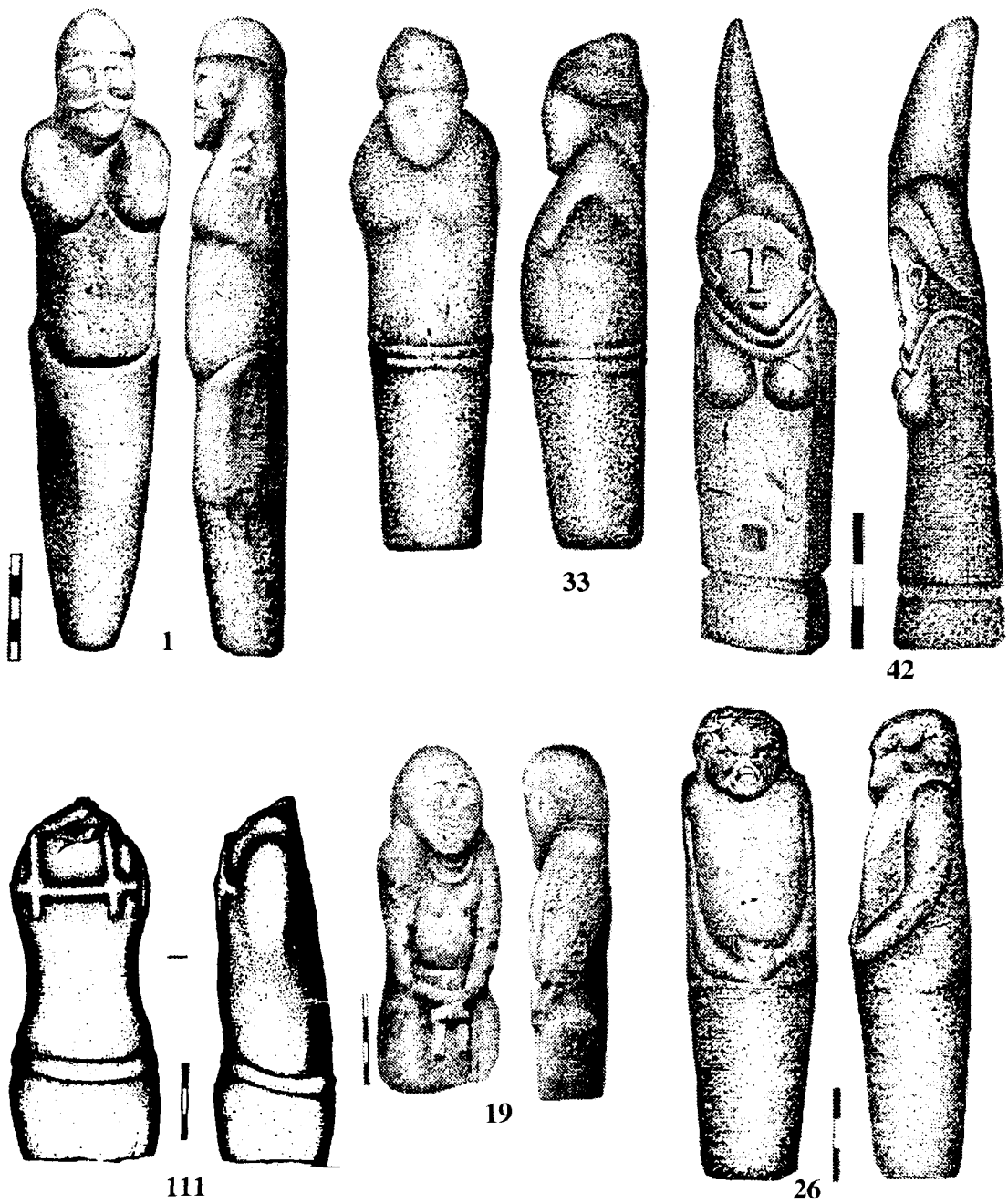
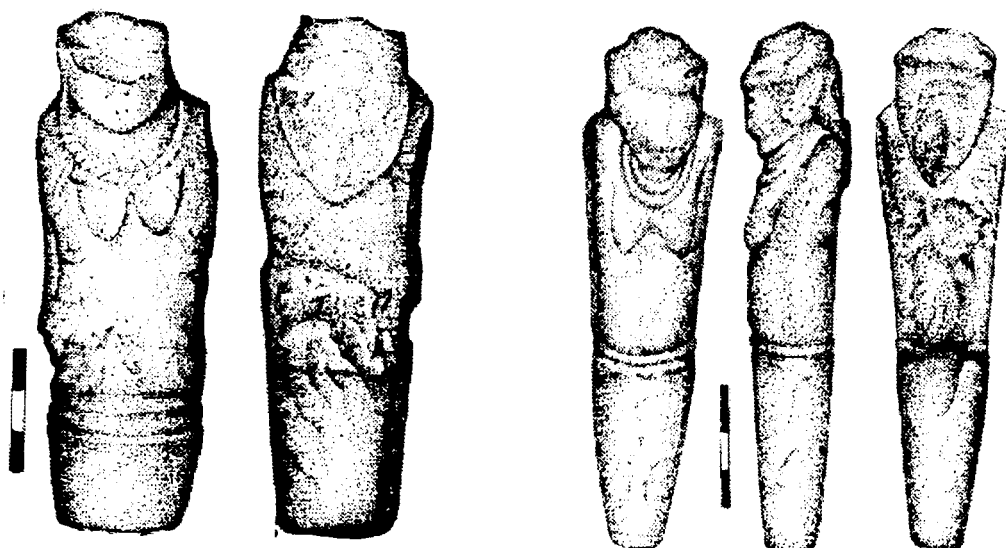
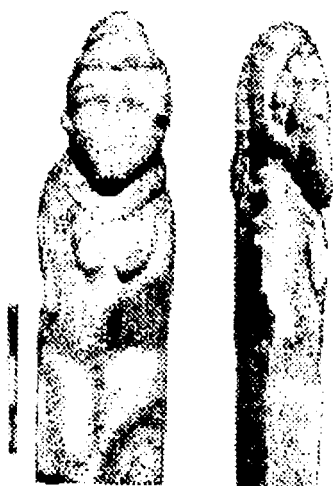

Табл. VIII. Столбовидные поздние, круглые изваяния шестого типа.
 Table VIII. Pillar-like late, round statues of the 6th type.
 Tabelle VIII. Pfahlförmige spätere, runde Standbilder des 6. Typs.
 Tableau VIII. Statues en forme de poteau avancées, rondes, du sixième type

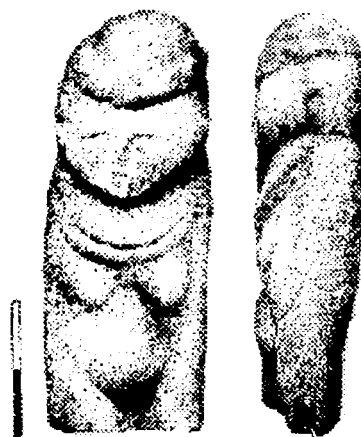

55

105

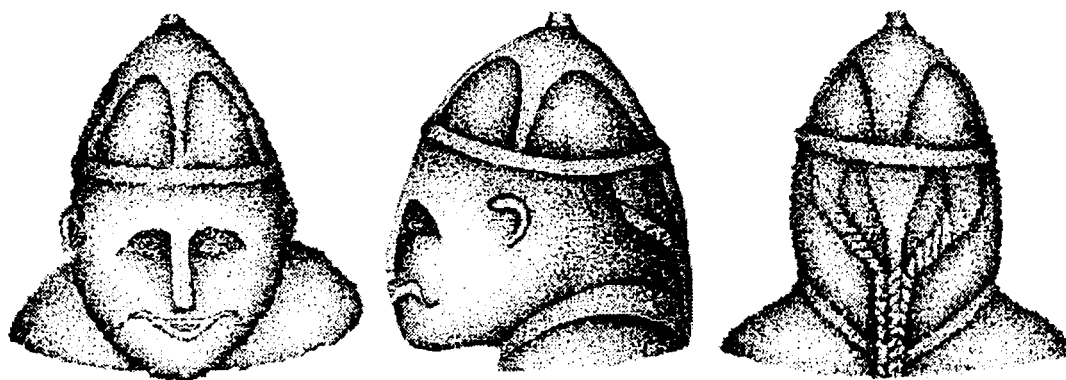

59

62

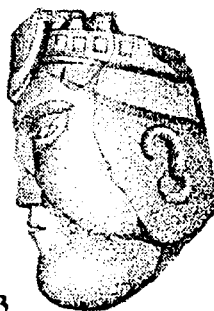
Табл. VIII. (Продолжение). Столбовидные поздние, круглые изваяния шестого типа.
 Table VIII. (Continuation). Pillar-like late, round statues of the 6th type.
 Tabelle VIII. (Fortsetzung). Pfahlförmige spätere, runde Standbilder des 6. Typs.
 Tableau VIII. (Suite). Statues en forme de poteau avancées, rond, de sixième type

90

103

69

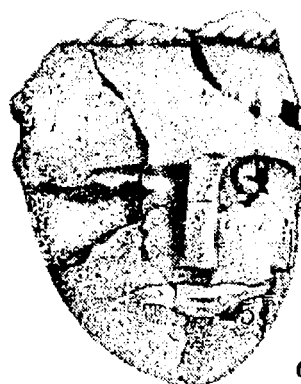
1

12

99

63

Табл. IX. Изваяния с портретностью.
 Table IX. Statues with portraitsigns.
 Tabelle IX. Standbilder mit Porträtzeichnungen.
 Tableau IX. Statues avec des portraits

были заложены два идейных смысла, относящихся к одной и той же языческой вере: во-первых, изваяния ассоциируются у нас со святилищем – местом поклонения и жертвоприношения предкам, во-вторых, статуи

– это символы – покровители реальных знатных, из числа аристократии, особо отличившихся воинов. Эти два смысла не исключают возможное многообразие социально-культурных процессов, происходивших в половецком обществе на позднем этапе их истории.

Литература и архивные материалы

1. Арсланова Р.Х., Чариков А.А., 1974. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья// СА. №3.
2. Гераськова Л.С., 1991. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. К.
3. Грач А.Д., 1961. Древнетюркские изваяния Тувы. М.
4. Пискарев А.И., 1851. О местонахождении каменных баб в России// ЗРАО. Т.III. М.
5. Плетнева С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып.Е 4-2.
6. Уваров А.С., 1871. Сведения о каменных бабах// Тр.И АС. Т.1. М.
7. Федоров–Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
8. Шер Я.А., 1968. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л.

Summary

K.I. Krasilnikov, L.I. Telnova (Lugansk)

Polovtsy Statues of the Seversky Donets Basin: The Typology, Evolution and Chronology (by materials of collections of Lugansk region)

After the publication of the most complete Codex-Catalogue “Половецкие каменные изваяния” (Плетнева С.А., 1974) about 25 years have elapsed. During this period 70 new statues have been discovered. In general in Lugansk region there has been collected the data of more than 120 sculptures of the XIth-XIIIth cc.

Taking into account the existing criteria of the typological statue, the authors have determined 6 types of sculptures: plane, stele-like, pillar-like early, standing, round, pillar-like late. Every typological group is characterized by iconographic, technical, graphic peculiarities inherent in it, and occupies its chronological place in the development of stone-cutting art of the late nomads in the area along the Seversky Donets river.

The typological variety of statues is connected with the changes in the economic, sociopolitical and spiritual life of the Polovtsy in the XIth – the first half of the XIIIth cc.

K.I., Krasilnikow, L.I., Telnowa (Lugansk)

Steinbilder der Polowzen aus dem Mittleren Donezgebiet: Typologie, Evolution, Chronologie (nach den Materialien einer Sammlung im Gebiet Lugansk)

Das am besten zusammengestellte Katalog “Половецкие каменные изваяния” (Плетнева С.А., 1974) wurde fast vor 25 Jahren. Herausgegeben in dieser Zeit wurden 70 neue Skulpturen aufgefunden. Insgesamt sind heute im Gebiet von Lugansk die Zeugnisse über mehr als 120 Skulpturen aus den 11.-13. Jh. gesammelt.

Von den vorhandenen Kriterien der typologischen Klassifikation der Skulpturen ausgehend, wurden von den Autoren 6 Skulpturentypen festgelegt: flache, stelenförmige, pfahlförmige-frühere, stehende, runde, pfahlförmige-spätere. Jede typologische Gruppe wird von den bestimmten ikonografischen, technischen, darstellenden Besonderheiten charakterisiert, nimmt ihren Platz im Prozeß der Entwicklung der Steinplastikkultur der späteren Nomaden im Donezgebiet ein.

Die typologische Verschiedenartigkeit der Skulpturen ist mit den Veränderungen im wirtschaftlichen, gesellschaftlich-politischen und religiösen Leben der Polowzer in der Periode vom 11. bis zur ersten Hälfte des 13. Jhs verbunden.

K.I. Krasilnikov, L.I. Telnova (Lougansk)
**Les sculptures polovtsiennes du cours médiane de Donets: typologie, évolution, chronologie
(d'après les collections dans la région de Lougansk)**

25 ans ont passé après la parution du catalogue le plus complet "Половецкие каменные изваяния" (Плетнева С.А., 1974). Depuis on a découvert 70 nouvelles statues. En tout on a des renseignements sur plus de 120 sculptures de XI-XIII siècles dans la région de Lougansk.

Prenant en considération les critères de la différenciation typologique des statues, les auteurs ont distingué six types de sculptures: plates, statues de stèle, statues en poteau précoces, rondes, debout, statues en poteau avancés. Chaque groupe typologique se caractérise par ses propres particularités: iconographiques, techniques, artistiques tient sa place chronologique dans le développement de l'art de sculpture sur pierre des nomades avancés de Podontsovie.

La diversité typologique des statues est liée avec le développement de la vie économique, sociale, politique, spirituelle des polovets au cours du XI et la première moitié du XIII siècles.

ЛАТИНСКАЯ РОМАНИЯ И ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ КРЫМ.
ЛАТИНСКИЕ ПЕРСТНЕВЫЕ НАХОДКИ И ПЕЧАТИ В СЕВЕРНОМ
ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. КЛАД ИЗ АЙ-ВАСИЛЬ

А. Перстень с родовым гербом
семьи Спинола

В 1913 г. археологом Р. Хр. Лепером при раскопках большой базилики на плато Мангупа в горном Крыму найден массивный золотой перстень (Г.Э. Инв. № 22 706) (Лепер Р. Хр., 1914, с.298). Базилика расположена в ста метрах северо-западнее дворца 1425 г. князей Феодоро; дворец и храм в период функционирования находились под защитой второй линии обороны крепостного ансамбля Мангупа (Герцен А.Г., 1990, с. 138, 139, 243, рис. 2, схема крепостного ансамбля Мангупа). До падения города в декабре 1475 г. базилика испытала ряд перестроек (Тиханова А.М., 1953, с. 334-429; Бармина Н.И., 1993, с. 3-4; 1995, с. 77-84). Еще в середине XV в. возобновленный храм функционировал, хотя и не в полном объеме. Об этом свидетельствует надгробие клирика Стефана с датой 9.11.1453 г. По наблюдениям Н.И.Барминой, во время осады Мангупа в 1475г. закрывается центральный вход базилики, богослужение переносится в южный неф, а большая часть храма и территория вокруг него превращается в кладбище (Бармина Н.И., 1993, с.4). Как следует из полевого дневника Лепера, перстень найден в захоронении (№ 3) под верхним полом базилики, в северном крыле храма (Архив ГХМ, д. № 90, л.8)*. Место захоронения в интерьере главного храма феодоритов говорит о высоком моральном статусе усопшего.

Перстень стремлявидной формы завершает печатающая площадка, где в технике контррельефа вырезан подтреугольный щит в шахматную клетку; в его верхнем поле, по оси симметрии над перевязью - трехчастный цветок или ветка (рис.1 а, б). На внешней стороне обода различима полустертая от употребления кольца надпись ломбардской бастардой; ее начало отмечено крестиком: AU<...> NSIENS<...> RMEDIUM: ILL<...>. С учетом сокращений и реконструкции утраченных букв предлагается следующее чтение надписи: "IESUS AU<TEM> <TRA>NSIENS <PE>RMEDIUM ILL<ORUM IBBAT IESUS NOMINE TUOS>" ("НО ОН, ПРОЙДЯ ПОСРЕДИ НИХ, УДАЛИЛСЯ" — Лука IV: 30). Эта евангельская фраза часто встречается на английских, французских и итальянских перстнях XIV-XV вв. (Cherry J., 1981, p. 68, № 139, p.69, № 141, p.70, №№ 145, 147, p. 79 № 49). Сходную

с нашей графику можно видеть в надписях на перстнях из Эвбеи, где они использовались как оберег при опасных путешествиях (Dalton O.M, 1911, vol. LXII, p.393, 397, 400, №№ 389, 391). В истоке легенды лежит библейская история о чудесном спасении Иисуса после скандала в синагоге Назарета. "Из Назарета может ли быть что доброе?" (Иоанн, 1, 46)***.

Мангупская находка имеет ряд типологических и стилистических аналогий (Scarlsbrick D., 1978, p. 51, №№ 330, 334, 335). На одном из золотых итальянских перстней XIV в. из музея Виктории и Альберта (инв.№ 88-1899) евангелический девиз соседствует с печаткой, состоящей из купеческой марки и имени владельца (Cherry J., 1981, p.70, № 145).

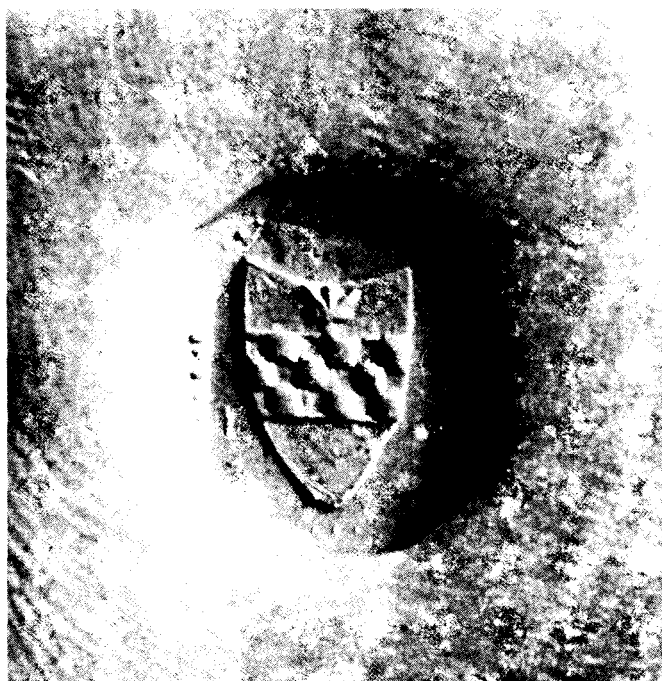
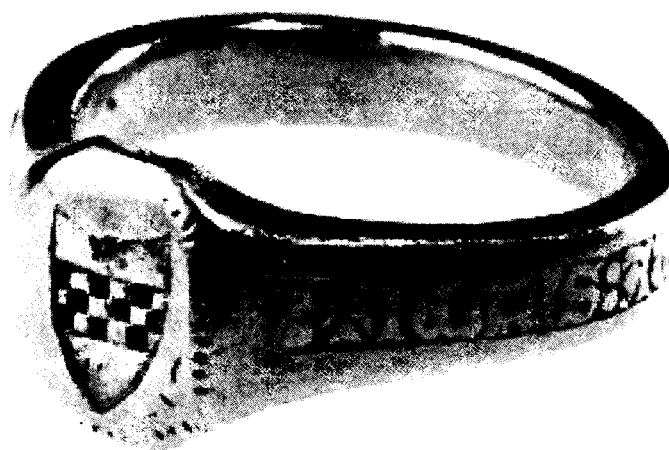
Как следует из обычной практики морских республик Италии, нобильское происхождение, дававшее право на геральдические знаки, не только не противоречило, но и способствовало торговле и банковско-ростовщическому делу. Источники сообщают о значительном списке молодых людей, выходцев из известных генуэзских фамилий, прибывших на Восток - в Крым и Северное Причерноморье - для "делового ученичества". Среди них только в Каффе конца XIII в. насчитывалось двадцать ди Негро, пятнадцать Маллоне, тридцать Дориа (Balard M., 1978, I, p.255). По наблюдениям М.Балара, каффинские представители генуэзского нобилитета оказались более привязаны к метрополии, чем генуэзские семьи Сальваго, Эмбриако, Каттанео, Дориа, де Марини, Леркарни, обосновавшиеся в Пере. Но для принципиальной оценки "латинского фона" и, прежде всего, генуэзского присутствия в Крыму, где была сделана наша находка, это не существенно. Тем более, что с усилением притока из Лигурии после 1350 г. среди горожан встречаются представители известных семей, таких как де Камилла, Чибо, Фьески, Империаале, Бургаро, Новелло, дель Орто (Balard M., 1978, I, p.258, 259). Людям этого круга как нельзя больше подходит характеристика, данная М.А.Гуковским новому типу деятельного человека, сформировавшемуся в Италии в период потрясений второй половины XIII - первой половины XIV вв.: "хозяин жизни, активный наживала" (Гуковский М.А., 1990, с. 330).

Приведем более полную социальную характеристику нового человека, как ее сформулировал Матвей

* Благодарю Т. Яшаеву за справку из Архива Херсонесского музея-заповедника.

** Благодарю Л. Климанова за чтение и перевод этой и других латинских надписей на вещах, приведенных в этой статье.

*** Последовательность события см.: Лука, IV, 16-18, 28-31.

б

Рис. 1. а – Перстень с фамильным знаком семьи Спинола. Эрмитаж; б – оттиск перстневой печати.

Fig. 1. а – The seal-ring with the Spinola family coat of arms. The Hermitage; б – the off-print of the seal-ring.

Abb. 1. а – Fingerring mit dem Familienwappen der Familie Spinola. Ermitage; б – Abdruck des Fingerringsriegels.

Dessin 1. а – Anneau avec les armoiries de la famille Spinola. Ermitage; б – Empreinte du sceau-anneau

Александрович: "...Это вышедший победителем из различных фаз ожесточенных классовых схваток, зажиточный и энергичный, гордый своими успехами и уверенный в своих силах горожанин. Он неукротим в своей жажде наживы, он не знает предела своим страстям и стремлениям и не хочет ограничивать себя ничем и в то же время расчетлив, он глубоко и во всем индивидуален и в противоположность, если не своему отцу, то, во всяком случае, своему деду, не только не считает даже худшие из своих индивидуальных черт и особенностей недостатками, осужденными Богом и Священным Писанием, но наоборот, гордится ими и выставляет их напоказ" (Гуковский М.А., 1990, с.330). В перечне активных наживал фамилия Спинола - одна из первых. Родовой герб семьи Спинола можно видеть на генуэзских памятных плитах всего Восточного Средиземноморья - и в Эрегли, и в Пере, и в Каффе. Назовем среди них каффинские плиты 1383, 1384, 1413 годов, плиты из Перы 1441 и 1442 годов (Maggiarotti L.A., 1933, pp.148, 150-153, 227, 229-231, 238, 245, 246, 341, 375). На памятной плите с башни Сан Теодоро в Каффе (1383) имя и герб Спинола высечены рядом с именем и гербом дожа Адорно и именами Гримальди и Газани (Maggiarotti L.A., 1933, fig.176, p.227); на плите с башни Сан Джордже, датированной 7.10.1383 г. (Maggiarotti L.A., 1933, fig.177, p.229), имя и герб Якопо Спинола, провизора, советника и массария Каффы, упомянуто в одном ряду с именами консула Пьетро Газани, Адорно и Гримальди, на плите с башни Сан Томмазо, датированной 4.11.1384 г. (Maggiarotti L.A., 1933, fig.178, p. 230), имя и герб Якопо Спинола стоит в одном ряду с именами консула Газани и Бенедикта де Гримальди, на плите с датой 1.03.1413 г. имя консула Антонио Спинола (Maggiarotti L.A., 1933, fig.179, p.231) внесено рядом с именами Панцани и де Франки. На памятных плитах из Перы с башни Сан Бартоломео (Maggiarotti L.A., 1933, fig.100, p.152), датированной после 1423 г., высечены имя и герб подеста Перы Анджело Антонио Спинола, на трех других памятных плитах высечено имя и герб подесты Перы Николо Антонио Спинола; плиты датированы 10.08.1441 г., 8.05.1442 г., 20.10.1442 г.; на последней - имя и герб подесты высечены рядом с именем и гербом дожа Генуи Кампофрегозо (Maggiarotti L.A., 1933, fig.98, p.150; fig.99, p.151; fig.102, p.153).

Мангупский перстень, чей геральдический знак тождествен изображением на памятных плитах Романии с именами представителей фамилии Спинола, и, что немаловажно, с изображением герба этой фамилии в рисунке родового древа, составленного в XVII веке библиотекарем герцога Баварского Доменико Калини (рисунок 1667г.), по стилистическим признакам может быть отнесен к последней четверти XIV- середине XV веков. Мы еще вернемся к характеристике исторического контекста находки. Сейчас же уместно коротко остановиться на общей характеристике дома Спинола и деятельности отдельных его представителей в метрополии и на Леванте.

Дом Спинола - один из четырех главнейших в Генуе. Его основатель - Гвидо, внук или правнук вице-графа

Удо; Гвидо первым принял фамилию (sopranomme) Spinola (от слова "spina", означающее колючее растение, шиповник, кустарниковое растение семейства розовых; отсюда и изображение шипа или стилизованного растения в поле герба). Он был консулом коммуны Генуи между 1102 и 1121 гг. От его сыновей Ансальдо и Оберто пошли многие ветви родового древа, разделившегося на две главные линии - "ди Луколи" и "ди Сан Лука" (по названию мест, где семьи имели дома и башни (Zanichelli, 1992, p. 1763). Среди выдающихся потомков Гвидо - Ансальдо, участник сражения при Мелории 6 августа 1284 г. Здесь флот республики св. Георгия нанес поражение пизанцам; генуэзским флотом командовал Оберто Дориа.

Оппицино Спинола (ум. 1315 г.) известен своей непримиримостью к роду Дориа (представитель рода Дориа - Бальбо - легендарный первопоселенец Каффы, ок.1266 г.). Обе фамилии - Спинола и Дориа - принадлежали к партии гибеллинов и вместе боролись против сторонников папы (Иннокентия IV, 1243-1254), представителя рода Фьески, весь свой понтификат враждовавшего с императорами. Но раздоры между семьями Дориа, Гримальди, Фьески и Спинола, возглавлявшими городскую знать Генуи, привели республику к тому, что подеста Лука Гримальди предложил Карлу Анжуйскому установить контроль над городом. Пополаны ответили новым переворотом. В октябре 1270 г. посты народных капитанов занимали представители все тех же Дориа и Спинола, остававшихся у власти на протяжении почти семидесяти лет. В этот период один из генуэзских Спинола, вместе с маршалом Монферратским, попали в Новую флорентийскую хронику Дж.Виллани (кн.9, с.268) как укрыватели фальшивомонетчиков, чеканивших поддельные золотые флорины (Виллани Дж., 1997, с.285). В декабре 1324 г. папа Иоанн осудил и проклял фальшивомонетчиков и их покровителей. Однако, как заметил автор хроники, исправляя отлучением других "... сам не справился" и продолжал выпуск золотого флорина, отличавшегося от муниципального изображением папской тиары и надписью "папа Иоанн" на лицевой стороне (рядом с изображением св. Иоанна), и на реверсе (со стороны лилии) девизом "Sancto Petro et Paulo" ("От святых Петра и Павла"). После переворота 1339 г. городские низы привели в конце концов к власти Симона Бокканегра, правнука капитана народа Гульельмо Бокканегра, при котором гвельфская Генуя заняла монопольное положение в восточной части Средиземноморья и всего Черноморья. Однако, это уже была не власть народного аббата, защитника пополанов и купцов, а пожизненного дожа (Гуковский М.А., 1990, с.198,199). Уже на следующий день после утверждения в должности нового лидера, совет пополанов лишает знать политических прав и отстраняет семьи Фьески, Гримальди, Дориа и Спинола от участия в управлении республикой. Ряд членов семей Спинола и Дориа были отправлены в изгнание. Лишение нобилей перспектив замещения высших должностных постов коммуны привело семьи Фьески, Гримальди, Дориа и Спинола к активной деятельности в заморских

владениях метрополии. В XIV в. Никколо Спинола - подеста Фамагусты, Джакомо Спинола - губернатор Тревизо. Но в отдельных случаях коммуна все же обращалась с ответственными поручениями к семейству Спинола. Так, Франческа Спинола командовал генуэзским флотом в неудавшейся морской битве при Портофино (1432г.).

В Восточном Крыму представители семьи Спинола появляются уже в конце XIII в. В июне 1289 г. Андреа Спинола отправляет из Каффы в Геную шелк, тюк которого стоит 12 000 аспров (Vratianu С., 1927, № 207,213,214). С этим же кораблем Бонвиссало и Персиваль Ломеллино посылают шелк, купленный в Солхате. В конце 80-х гг. Андреа Спинола и семья Ломеллино - крупнейшие ростовщики в Каффе (Старокадомская М.К., 1974, с.170).

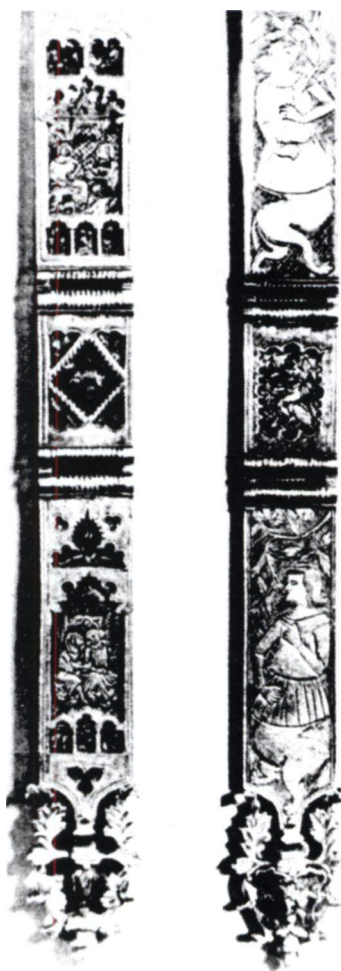

Рис. 2. Фрагменты пояса XIV в. из Музея искусств в Кливленде.

Fig. 2. The fragments of the XIV century belt from the Museum of Arts in Cleveland.

Abb. 2. Fragmente des Gurtels (14. Jh.) aus dem Kunstmuseum in Cleveland.

Dessin 2. Fragment de la ceinture du XIVsiècle dans le musée d'art a Klivland

"Золотой век" семьи Спинола в Крыму пришелся на время вхождения Генуи в состав Миланского герцогства в 1421-1436 гг. Захват Генуи герцогом Филиппо Мария Висконти (1412-1447) был осуществлен после победы над Пандольфо и Карло Малатеста и подчинения к началу 1421 г. всей Ломбардии. Филиппо Мария известен не только как беспринципный тиран, больше заботившийся о теле, чем о душе, но и как правитель, поощрявший систему пожалования административных должностей как форму оплаты государственных долгов. В 1428г. под нажимом герцога должность консула Каффы была предложена его личному кредитору Адамо Спинолади Луколли. Это произвольное решение вошло в противоречие с соглашением 1421г. между коммуной и герцогом; Адамо же удовлетворился викариатом в Кьявари. Но именно в период правления миланского сеньора в Генуе в руках семьи Спинола оказались ключевые посты генуэзской администрации Каффы: ей принадлежали должности городского *massaria*, *Capitaneatus burgorum*, *Capitaneatus Gothie*, *Ihegataria grani*, *Caput sancti Authonin*, начальствование над *galea custodie* Каффы. Позиция клана Спинола в Каффе укреплялась в той мере, в какой другие гибеллинские семьи, и в их числе и Дория, оказались оттеснены от герцога. По данным документов фонда *Diversorum Filze* секретного архива Генуи, в этот период в Каффе ведут дела не менее двадцати пяти представителей этой семьи (Карпов С.П., 1998, с. 13, 15, 21, 22, 26- 28, 31-34, 41, 44, 45, 47-49, 54, 60, 61, 64).

Наше внимание привлекло участие семьи Спинола в торговле серебряными и золотыми изделиями работы генуэзских ювелиров. Согласно договору от 28 августа 1278 г. Ичетто Спинола и Дезидерио Муссо договорились везти из Лигурии в Романию ветви кораллов, оправленные в серебро, и серебряные изделия - столовую посуду и бокалы, а также коралловые изделия и перламутр.

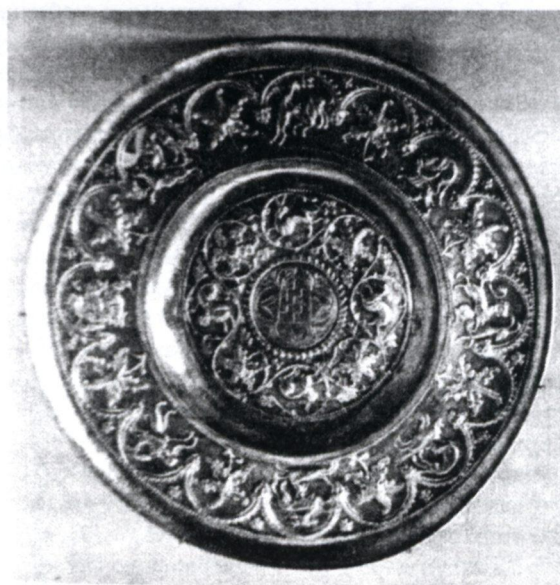
На Леванте генуэзские драгоценности и изделия из серебра известны с конца XIII в. В 1277г. генуэзский консул Клерико Леркари среди вещей умершего в Фамагусте Гримальди Пиккамилльо нашел, помимо ковшей и перстня с гранатом, 598,5 либры серебра в слитках с "маркой Коммуны Генуи"; Бонвиссало Ломеллино, генуэзский консул в Киликийской Армении, в этом же году в вещах покойного Бальано Панцано описал ковш, поднос с шестью кубками из серебра и перстень с гербом Панцано. В латинской среде Перы известен реликварий - рака св. Анны, доставленная с берегов Золотого Рога в 1460 г. в Геную. Орландо Гроссо по стилю датировал ее XIII в., предположив местом изготовления генуэзский квартал той же Перы (Grosso O., 1952, p. 562, ill. 553). Среди подлинного итальянского импорта в Северное Причерноморье упомянем пояс XIV в. с эмальями (Венеция или Ломбардия) из Музея искусств в Кливленде (МАК, 1904, т. 10, с. 144; Miniken W.M., 1930, p.35-41, ill.p.180,181; Wixom W.D., 1963, fig. 91; 1974, p.345; Gauthier M.-M., 1972, p.296, 297, ill.240) (рис.2). Несомненно, привозной вещью из числа находок погребального инвентаря Белореченских курганов (курган № 38) является серебряная с чернью обувная застежка (ОАК за 1896, с.22, рис. 106а, б). Застежка

(Венеция?) украшена триквестром и мужскими фигурами (костюм лучника и фигура на обороте находят аналогии в материалах последней четверти XIV в.). По-видимому, к числу привозных вещей относится и блюдо (рис.3 а, б) со сценами терзания животных (Крамаровский М.Г., 1985, с. 155, 156). Трудно сказать, где именно сделано это блюдо: в Генуе ли, или Дубровнике. Но нам представляется, что мишень этого парадного блюда, до того, как оно попало в адыгское захоронение, создана по заказу одного из последних владельцев в каком-то из латинских поселений Северного Причерноморья. Судя по геральдическому щиту в шахматную клетку, заказчиком мог быть один из представителей генуэзского нобилитета в Каффе или Солдае. Так, в Каффе в 1894 г. обнаружена погребальная плита без даты с именем де Джорджио (Georgio de S.-Giorgio) (Skrzinska E., 1928, №32). Де Джорджио ведут свой род из Боббио (Bobbio), где они известны с начала 1400-х годов (Scorza A.M.G., 1924, № 351). В 1422г. один из Джорджио - Пьетро - стал епископом Новарры; в 1528 г. эта семья вошла в альберго де Франки (De Franchi). Герб Джорджио состоял из шахматного поля с чередованием зеленого и золотого; во главе (вершине) щита изображен черный орел (эмблема гибеллинов). Другим владельцем этого блюда мог быть представитель семьи Кальви (Calvi). Кальви - генуэзские нобили из Поненте (Ponente), потомки знаменитого Оберто Лысого, советника коммуны Генуи в 1174 г. (Scorza A.M.G., 1924, № 150). Один из Кальви (Антонио) был губернатором Корсики в 1456 г. В 1528 году Кальви сформировали XIV альберго Генуи. В 1467г. Джанантонио Кальви - консул Чембало; в этом же году среди горожан Каффы значится и Джованни Баттиста Кальви. Герб Кальви состоял из щита в шахматную клетку с чередованием черного и белого. Этот герб (разумеется, без обозначения цвета шахматного поля) можно видеть на консульской плите Бернардо д'Амико, консула Солдаи 1469 года, семья которого была приписана к альберго Кальви (Скржинская Е. Ч, 1958, с. 166-168). Особый интерес представляет вопрос о составе предметов художественного ремесла в имущественном комплексе латинянина - жителя генуэзского Крыма. Редкую возможность ответа дает список распродажи имущества покойного нотариуса Николо Босони, выставленного на торги в Каффе 8 апреля 1371 г. (Balletto L., 1976, р. 339-350). В разделе драгоценностей здесь значатся одиннадцать золотых перстней, из которых четыре с сапфирами, два с алмазами, по одному с рубином, рубиновой шпинестью, с ониксом, с бирюзой и с "кошачьим глазом". Общая стоимость "коллекции" составила 722 аспра. В сокровищницу вошел ряд украшений из жемчуга, ожерелья и крест "с частицей древа креста, на котором был распят Христос" (стоимостью двенадцать аспров). Особо выделена золотая печать нотариуса стоимостью в 70 аспров. Вся сокровищница была оценена в 3758 аспров, что составило 1/6 стоимости выставленного на торги имущества (Balletto L., 1976, р.339-350). Золотая печать и коллекция драгоценностей свидетельствуют о высоком имущественном положении каффинского нотариуса. Для сравнения отметим, что

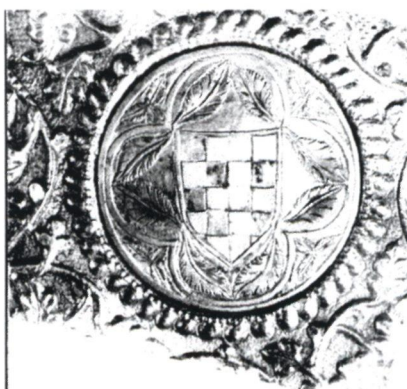
золотыми печатями обладали известные в Генуе патриции Антонио Спинола (умер в 1459) и Бенедетто Вивальди. Обычно, печати резались из бронзы. Уже в 1271 г. генуэзец Бальяно Панцано запечатывал письма печатью со своим гербом. Члены семьи Леркари и Ломеллини пользовались в 1348 и 1390 гг. серебряными печатями с фамильными гербами. В этом ряду золотая перстневая печать семьи Спинола не уникальна, хотя и редка, а как артефакт крымской археологии бесценна.

Рассмотрим теперь событийный контекст, благодаря которому печать с родовым гербом могла попасть на Мангуп, в столицу княжества Феодоро.

Назревающий конфликт с феодоритским князем в 20-30 гг. XV в. не стал неожиданностью для коммуны Каффы. Здесь хорошо осознавали страстное желание князя Алексея получить выход к морю. Наиболее подходящей для этой цели была бухта Чембало со стратегически важной крепостью на южном побережье Крыма. С начала двадцатых годов Каффа начала планомерную подготовку к надвигающемуся кризису: в октябре 1422 г. на укрепление Чембало и всего Капитанства Готии было выделено 16 460 аспров; спустя год на эти же цели пошло 27 850 аспров и был усилен гарнизон крепости (Vasiliev A.A., 1936, p.203). В мае 1423 г. на галеот, несший патрульную службу по охране Чембало и Солдаи, генуэзцы истратили 9 313 аспров; патроном корабля был генуэзский гражданин Марко Спинола ди Луколи (Vasiliev A.A., 1936, p.203). В октябре этого же года расходы на оборону и снабжение Чембало и Готии составили 16 460 аспров. Очевидно, воинское противостояние началось уже в начале октября 1423 г., поскольку в документе от 9 октября Алексей назван "бунтовщиком против коммуны" (Vasiliev A.A., 1936, p.203). Война оказалась столь же скоротечной, сколь неуспешной для Феодоро. Воинские действия прекратились в начале 1424 года (Vasiliev A.A., 1936, p.204). Существуют косвенные сведения о том, что замирение сторон состоялось при посредничестве Солхата. И, хотя мир оказался хрупким и непродолжительным, военные действия были приостановлены до 1433г., когда греческая община изгнала латинян из Чембало. Первая безуспешная попытка генуэзцев вернуть контроль над крепостью была предпринята в июне 1433г. С этой целью коммуна пригласила корабли Перы под командованием Бартоломео ди Леванто (Vasiliev A.A., 1936, p.208). Вторая попытка состоялась в октябре следующего года. Для возвращения Чембало была предпринята воинская экспедиция во главе с адмиралом Карло Ломеллино: двадцать кораблей и более 6 000 человек 13 марта 1434 г. были отправлены из Генуи к берегам южного Крыма; 4 июля генуэзцы вошли в бухту Чембало (Vasiliev A.A., 1936, p. 209). Еще до черноморской акции Карло Ломеллино, владельцу замка и города Вентимилья, миланским герцогом Филиппо Висконти, сеньором Генуи, был пожалован титул "Cavaliero aurato" ("Золотого рыцаря") (Agosto A., 1977, p.513). В письме к племяннику, отправленному из Каффы 9 июля 1434 г. и пришедшему в Геную 7 сентября того же года, дядя-адмирал к числу собственных удач у побережья Крыма отнес победы при Чембало,

а

б

*Рис. 3. а, б — Блюдо с родовым гербом семьи Кальви (?). Эрмитаж:
Fig. 3. а, б - The dish with the Kalvi (?) family coat of arms. The Hermitage.
Abb. 3. а, б - Schlüssel mit dem Familienwappen der Familie Calvi (?). Ermitage.
Dessin 3. а, б - Plat avec les armoiries de la famille Kalvi (?). Ermitage*

Каламите, Брозони и всей Готии (*tota Gotia*) (Agosto A., 1977, p.514, 515). Оттенок нескрываемой гордости в перечислении крепостей и населенных пунктов крымского южного бережья, где были одержаны победы “золотого рыцаря”, легко понять, если вспомнить о масштабах итальянских феодалов и политической организации отдельных провинций Италии, разделенной в XIII-XV вв. на мелкие государства. Не успело письмо адмирала дойти до адресата, как случилось роковое: экспедиционный корпус Ломеллино из 10 000 пехотинцев, с обозом в 700 повозок, был атакован на марше к Солхату и разбит вблизи города татарской конницей (Agosto A., 1977, p.511-517).

Но вернемся ненадолго к лету 1434 г. События июня развивались с головокружительной быстротой: седьмого числа в генуэзский плен вместе со всем окружением попадает сын князя Алексея; в этот день судовые пушки латинян обстреляли Чембало. Восьмого июля судьба Чембало была решена; девятого - без боя сдалась Каламита (Vasiliev A.A., 1936, p. 209; Колли Л.П., 1913, с.116-118).

Добрососедство феодалов и генуэзцев было восстановлено лишь в ноябре 1441 г. Это произошло одновременно с замирением Генуи с Флоренцией и Венецией, что едва ли простое совпадение во времени. Венецианцы и феодалы пытались выстроить собственные отношения (Vasiliev A.A., 1936, p.205, 206). Однако планам князя Алексея не суждено было сбыться. Да и сам князь не всегда находился в состоянии конфронтации с Кафгой. В генуэзских документах неоднократно сообщается о дорогих подарках владельцу Мангупа: в июле 1411 г. князь получил от коммуны подарки на сумму 1 121 аспр; в сентябре того же года в дар Алексею было закуплено одежды на сумму в 260 аспров (Vasiliev A. A., 1936, p. 201). Есть сведения и о других выплатах коммуны феодалам. Все они свидетельствуют об оживленных и, порой, достаточно близких контактах княжеского двора с администрацией Каффы. Диалог продолжался и в 70-е годы при князе Исааке (1471-1475). И все же, мы не видим места перстню с родовым гербом нобильской семьи в числе подарков семье владетельного князя Феодоро. Скорее речь могла бы идти о трофее. Несомненно, одно. История генуэзско-феодалитских отношений давала достаточно поводов для самых неожиданных вариантов. Источники не содержат упоминаний о представителях семьи Спинола на Мангупе. В том числе и среди генуэзцев, принявших участие в обороне Мангупа летом и осенью 1475 г. находка фамильного перстня в столице феодалов, возможно, свидетельствует об обратном.

Захоронение инославного итальянца в православном храме трудно допустить. Это было бы невероятно в обычных условиях. Но с июля по декабрь на плато сложилась экстремальная ситуация. Поэтому нельзя исключить, что раскопанное в 1913 г. погребение принадлежало одному из немногих латинян из числа генуэзского нобилитета Каффы, волею судьбы попавшего в Феодоро в роковые месяцы османской осады 1475 г.

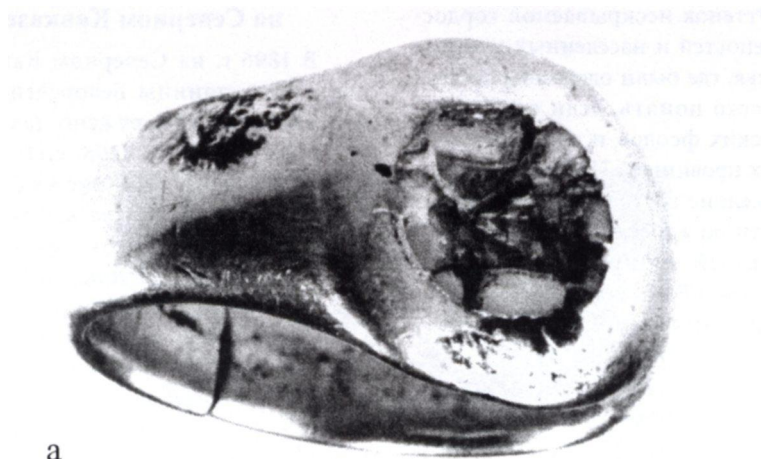
Б. Латинские перстневые находки и печати на Северном Кавказе и в Крыму

В 1896 г. на Северном Кавказе Н.И. Веселовским близ станицы Белореченской при раскопках кургана № 27 обнаружено два латинских перстня (Веселовский Н.И., 1898, с.11; Крамаровский М.Г., 1994, с.36-39). Первый (рис.4 а,б) перстень - печать с инталий из агата. Дужка перстня золотая, массивная, отличается сглаженностью форм. Инталья украшена изображением щита типа тарч, в поле которого резчиком выгравирована композиция из трех скрещенных у основания цветочных стеблей с шипами и бутонами. Эмблематика перстневой вставки близка к гербу нобильской семьи Канетолы (Canetoli) из Болоньи (Reggi G., 1971, p.52, № 86). Следы этой семьи в Северном Причерноморье нам не известны. Второй перстень (рис.5) тоже из золота; его перстневая вставка утрачена. Дужка украшена косыми полосами, в которых мотив лозы чередуется с лентой надписи, выполненной латиницей. Группировка букв: AVE//MA//GRA//PRE//MA позволяет прочесть “Ave Ma<ria> gra<tia> plena” (но не “prema”!) - “Привет тебе, Мария благодатная”. Здесь, “Ave Maria” - название и начало католической молитвы; “Gratia plena” - удостоенная милостей от Бога. “Радуйся, Мария Благодатная! Господь с Тобою; благославенна Ты между женами”. Обращение ангела к деве объясняют следующие строки: “...Ты приобрела благодать у Бога; и вот зачнешь во чреве, и родишь сына, и наречешь ему имя Иисус” (Лука: 1.30.31). Дата обоих перстней - XIV-XV вв. Перстни принадлежат инвентарю женского адыгского погребения, несмотря на то, что один из них мужской.

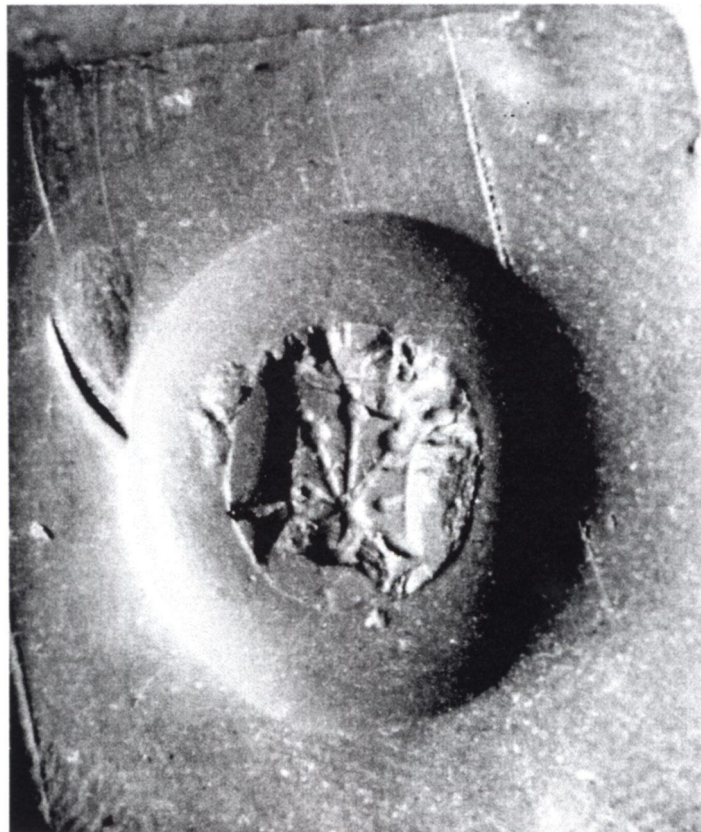
Нам известна еще одна кавказская находка массивного серебряного перстня стремлявидной формы. Он найден вне комплекса на восточном побережье Черноморья (Сизов В., 1889, с.139). Дужка перстня украшена латинской надписью “In nomine Dei” - “Во имя Бога”.

Несколько особняком, но, безусловно, к этой же группе находок принадлежит перстень из крымского клада у деревни Ай-Василь близ Ялты (рис.6). Дужка перстня серебряная, но щиток - из золотого дуката венецианского дожа Томмазо Мочениго (1413-1423). Монета напаяна оборотной стороной (с изображением Христа в мандорле). В поле дуката - известный девиз: “Sit tibi Christe Datus, quem Tureges Iste Ducatus” - “Это герцогство, которым Ты правишь, Тебе, Христос, посвящается”.

Итак, небольшая группа перстней знакомит нас с некоторыми характерными для XIV-XV вв. украшениями латинян в Крыму и на Кавказе. Перстень из Ай-Василь свидетельствует, что в стремлении к латинской самоидентификации какая-то часть местных жителей (венецианский золотой представлял немалую материальную ценность в регионе, не знаящем собственных номиналов из золота), оказалась готова к использованию весьма грубых имитаций. Продвижение изделий латинского ремесла в среду адыгов Северного Кавказа говорит скорее о силе городских рынков Восточного Крыма или торжищ Предкавказья,

a

б

Рис. 4. а - Перстень с фамильным знаком семьи Канетולי (?). Эрмитаж; б - оттиск перстневой печати.

Fig. 4. a - The seal-ring with the Kanetoli (?) family coat of arms. The Hermitage; б - the off-print of the seal-ring.

Abb. 4. а - Fingerring mit dem Familienwappen der Familie Canetoli (?). Ermitage; б - Abdruck des Fingerringesiegels.

Dessin 4. а - Anneau avec les armoiries de la famille Kanetoli (?). Ermitage; б - Empreinte du sceau-anneau

чем о духовных запросах далекого от традиций католической культуры местного населения. При этом, разумеется, следует учесть возможные последствия миссионерской деятельности духовных братств, среди которых преобладали францисканцы и доминиканцы.

Рассмотренная группа художественных изделий, по-преимуществу, импорт из метрополии, или, что более вероятно, из средиземноморских центров Латинской Романии и метрополии. Возможно, что некоторые из перстней изготовлены лигурийскими ювелирами, а одна из находок, похоже, связана с Болоньей, крупным торгово-ремесленным центром провинции Романия, где уже к середине XIII в. насчитывалось двадцать ремесленных цехов.

О самих мастерах, прибывающих на заработки в Северное Причерноморье, известно исключительно мало. Из ювелиров с уверенностью можно назвать лишь имя лигурийца Ансальдо ди Миконо, прибывшего со слугой в Каффу в 1465 г. Мастер заключил контракт с коммуна, подобно еще 49 стипендиариям других специальностей (Baletto L., 1976, p. 272). Но и это свидетельство драгоценно, поскольку дает ясное представление о спросе на профессию. Несомненно, что в Каффе и других городах региона работали неангажированные ремесленники, занимавшиеся обработкой золота и серебра. Но в документах их имена не отражены.

В наиболее крупных генуэзских колониях Леванта - на Хиосе, в Пере или Каффе средоточие торговли и ремесел оставило след в городской топонимии. На Хиосе - это площадь банкиров, контрада пекарей; в Пере - контрада прядильщиков; в Каффе - мост мясников, контрады торговцев скобяными товарами, меховщиков, портных, специализировавшихся по пошиву штанов и, разумеется, площадь банкиров (Balard M., 1978, I, p. 713). Но ни в одном из этих центров не известны свои Вико дель Орто, или Вико дель Ардженто, которых знала Генуя. Здесь, в метрополии, сказалась стойкая традиция цеховой корпоративности, отразившаяся в названиях площадей и улочек. В Генуе серебряники носили официальное название "Fabri"; в Савоне "Aurifeci", но сами горожане называли их в Генуе "Fraveghi", а савонцы - "Fraberi" от ("Faber"). Принадлежность к цеху золотых и серебряных дел, формально относящемуся к разряду средних, обеспечивала мастеру известный достаток и позволяла рассчитывать на общественное признание. Во Флоренции, где цеховая организация получила классическое развитие, к семи старшим цехам в середине XIII в. относили цех "Калимала", объединявший торговцев привозными шерстяными тканями, менял, судей и нотариусов, торговцев изделиями из шелка. Во 2-ой пол. XIII в. "Калимала" объединился с цехом шелкоделов, шерстянщиков (Lana), врачей и аптекарей, к составу последнего приписывались лица интеллектуального труда, и его членом состоял Данте. Поэтому не вызывает удивления, что какой-нибудь фравего или его потомки впоследствии оказывались вписаны в золотую книгу генуэзского нобилитета.

Сладостная мифологема социального перерождения пополана косвенно нашла отражение в символической аристократизации орудия труда - молотка ювелира - и результата многотрудного ремесла - кольца - в портрете Франческо д'Эсте работы фламандца Рогира ван дер Вейдена (1460г.) (рис.7). Франческо д'Эсте, внебрачный сын маркиза из Феррары Лионелло д'Эсте, воспитывался при бургундском дворе и провел большую часть жизни при дворе Филиппа Доброго и Карла Смелого. Портрет олицетворяет сущность дворцовой светскости: молоток фравего здесь символ энергии, кольцо - возможная награда (Bauman G., 1986, p. 38, pl. 29). Впрочем, известно, что кольцо, украшенное бриллиантом, еще и символ семьи д'Эсте, под чьей властью Феррара находилась с XIII века. Такое понимание семантики кольца вынудило современных исследователей изменить отождествление персонажа в портрете "Молодого мужчины" работы Франческо дель Косса, написанного между 1472 и 1474 гг. Но в XVII и XVIII вв. герой портрета-картины определялся как ювелир Франческо Франча, друг художника (в эту атрибуцию хорошо укладывается объяснение кольца, как символа ювелирного искусства). В настоящее время персонаж картины определяется как член семьи д'Эсте.

Находки перстневых печатей с геральдическими символами отдельных известных семей - Спинола и Канеттоли (?), а также родственных им, но более простых латинских перстней из числа находок в кладовых материалах Крыма и одного из могильников на Северном Кавказе, позволяет полнее охарактеризовать культуру ордыно-латинской зоны контактов, сложившуюся в Северном Причерноморье в XIII-XIV вв. Необходимо заметить, что на территории Крыма и Приазовья было найдено еще и несколько свинцовых латинских булл. Первая (наиболее ранняя) - в окрестностях Балаклавы (Чембало) - булла папы Александра IV (1254-1261) (Алексеев В.А., 1993, с. 267-269). Вторая - венецианского дожа Томмазо Мочениго (1414-1423) - найдена в Азове-Тане (об этой печати и найденной в Крыму булле Андреа Контарено В.С. Шандровской в мае 1991г. было сделано сообщение на симпозиуме "Болгария-Понтика" в Несебре) (Шандровская В.С., в печати; Sandrovskaya V., 1997, s.98). Некоторые дополнительные черты привносит находка редкой матрицы-печати из Крыма.

Печать (рис.8 а, б) случайно найдена на городище средневекового Солхата в 1979г. В предварительном сообщении она была сопоставлена нами с группой византийских и русских прикладных печатей и отнесена к XII-XIII вв. (Крамаровский М.Г., 1981, с.51,52). Печать предназначена для оттиска по воско-мастичной массе и отлита из бронзы с последующей механической доработкой. В верхней части трапециевидной рукоятки снизу вверх просверлены два канала для продевания шнура диаметром не более 0,2 см; на плоском основании печатающей площадки контррельефом изображены атрибуты кузнечного ремесла: молот-ручник в руке мастера опущен на некую пластину, лежащую на Т-образной наковальне. Изображение занимает всю площадь матрицы.

Прикладные печати с подобным сюжетом (но не сам сюжет) - редкость не только для Крыма, но и для европейской сфрагистики. В развитии атрибуции, высказанной в предварительном сообщении, в настоящем, предлагается латинская версия происхождения нашей печати. Для этого существуют две предпосылки. Первая состоит в том, что по характеру эмблематики находка из Солхата относится к европейскому типу "говорящих печатей". Здесь, и, прежде всего, в Италии, печати с "говорящими" символами по давности традиции не уступают геральдическим. Такие печати имели многие нобильские фамилии: римские Колонна, Делла Ровере, Спада, флорентийские Перуцци, миланские Торриани, Делла Порта, геноуэские Спинола и др. (Vascare G., I, p.387). Однако в нашем случае речь идет о человеке другого социального уровня, человеке, профессионально связанным с кузнечным делом, ремесленнике, имеющем собственную печать европейского типа. Возможно ли это в условиях небольшого золотоордынского города? Ответ, несомненно, утвердительный. Латинская колония Солхат известна с конца 80-х годов XIII в. (Крамаровский

М.Г., 1989, с.35-43). По данным нотариальных актов Ламберто ди Самбучето, здесь в 1289 г. жил и работал кузнец-лигуриец, уроженец Пьяченцы, Паоло Уголино, женатый на русской женщине по имени Франческа (Balard M., 1973, p.140). Возможно, что в Солхате работали и другие ремесленники-металлисты. Поэтому, не связывая интересующую матрицу-печать с конкретным человеком, мы все же полагаем, что на почву одного из далеких черноморских поселений северо-востока Латинской Романии печать попала из метрополии вместе с ее владельцем. В этом и состоит вторая предпосылка нашей атрибуции.

Изображение рабочего инструмента и предметов труда обычно для отдельных ремесленных объединений Италии. Здесь эмблема кузнецов - "ars fabrogum" - *молот и наковальня*. Эти инструменты в качестве символа избрал, например, цех Арещо; римские кузнецы в качестве символа изображали наковальню с подковой, замком и кольцом, а по сторонам наковальни обычно помещали два молотка и *rennata* (кривой нож), цех Перуджи - наковальню с крестом, молот, кувалду, и подкову; цех Прато - молот

*Рис. 5. Перстень с утраченной вставкой. Эрмитаж.
 Fig. 5. The seal-ring with the lost insertion. The Hermitage.
 Abb. 5. Fingerhng mil dem velorenen Einsatz. Ermitage.
 Dessin 5. Anneau avec l'anchdssure absente. Ermitage*

и клещи (Bascare G., I, p.353). Изображение инструментов и предметов труда вошло в качестве "девизов" цеховых знамен XIII в. во Флоренции у кузнецов и слесарей - большие черные клещи на белом фоне, у плотников - пила, топор, кирка и долото на красном (Виллани Дж., 1997, с. 208, табл. "Гербы цехов Флоренции", VIII, 10,11,19,20). Близкие или подобные "девизы" были характерны и для символики ремесленных корпораций Центральной Европы: молот и клещи изображались базельскими кузнецами, раскрытые ножницы вошли в герб и печати объединения портных, молот и топор - плотников; символ ремесла сапожников - башмаки - вошли в герб, изображенный в одном из витражей собора в Шартре (ок. 1230г.).

Солхатская находка не дает основания полагать, что в генуэзском Крыму существовали ремесленные объединения кузнецов цехового типа. Скорее речь должна идти о личной печати мастера, владельца собственной кузницы. В качестве альтернативы можно предложить идею принадлежности печати базарному контролеру, прикладывающему печать к товарной партии изделий, купленной на специализированном рынке (или в специализированном базарном ряду). В Каффе, например, насчитывалось *двадцать базаров*. Каждый из них находился под надзором начальника и *иегатария, располагавшего специальной печат-*

тью (Еманов А.Г., 1997, с.37). Вместе с тем, не исключается возможность существования в Каффе XIV в. варианта цеховой организации в других специализациях, например, у профессиональных каменщиков. На эту мысль наталкивает упоминание такого объединения в Уставе Каффы 1449 г., но еще и геральдическое изображение секиры (топора) на подтреугольном щите в декоре каменного обрамления одного из каффинских колодцев, воздвигнутого Михаилом из Падуи в августе 1331 г. (Крамаровский М.Г., 1992а, с.214-219). Близкое изображение секиры (в паре с киркой) можно видеть на печати XIV в. из местечка Сигилло в провинции Перуджа (печать из коллекции Густава Шлюмберже) (Collections, 1914, p.118, № 381).

Таким образом, солхатская находка датируется 2-ой пол. XIII-XIV вв., и мы связываем ее появление с деятельностью Лигурийского мастера-металлиста, работавшего в Крыму. В заключение необходимо отметить, что 2-я пол. XIII-XIV вв. - это время, когда политика "открытых дверей", провозглашенная при первых золотоордынских ханах, привела к формированию в Крыму ордыно-латинской зоны контактов (Крамаровский М. Г., 1992б, с.38-42), плоды которой мы частично рассмотрели в предлагаемой работе.

Рис. 6. Перстень со щитком из венецианского дуката. Эрмитаж.

Fig. 6. The seal-ring with the bow-string protection device made of the Venetian ducat. The Hermitage.

Abb. 6. Fingerring mit dem Schild aus dem venezianischen Ducat. Ermitage.

Dessin 6. Anneau avec le bouclier de doucat venitien. Ermitage

В. Клад из Ай-Василь

Клад обнаружен при случайных обстоятельствах в 1901 г. в дер. Ай-Василь (св.Василий), ныне пос. Васильевка, расположенной между южно-крымскими реками Бала и Панагия, правыми притоками Гувы. Клад составили 61 серебряная монета и восемь предметов (ОАК за 1901 г., с.135). Монетную часть клада составили сорок три каффинских аспра, четыре дирхема Хаджи Гирея и один дирхем хана Большой Орды Махмуда-бек Мухаммеда ибн Тимура, чеканенный в Увекe (сведения о 13 монетах до нас не дошли). Самыми поздними из монет клада, как можно предположить, были дирхемы Хаджи-Гирея (умер в 1466 г.), чеканка первых выпусков которого

датируется 845 г.Х. = 1441/1442 г., и дирхем большеордынского хана. Махмуд-бек занял большеордынский престол в 1459 г. и потерял его в 1465 г., после чего основал Астраханское ханство. Смене ханов Большой Орды способствовало поражение Махмуд-бека от Хаджи-Гирея в тот момент, когда большеордынские войска на Дону готовились к походу на Русь (Сафаргалиев М.Г., 1960, с.265). Чеканка Махмуд-беком своей монеты в Увекe отмечена в литературе (Кроткое А.А., 1930, с.6; Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с.167,169; Пырсов Ю., 1988, с.185). Видимо, вопреки предположениям В.Л.Егорова (Егоров В.Л., 1985, с.107), разорение Увекe в 1395 г. Тимуром не означало полной гибели города. Большеордынский хан чеканил здесь свою монету до событий 1465 г. Таким

Рис. 7. Портрет Франческо д'Эсте. Метрополитен музей, Нью-Йорк.

Fig. 7. The picture of Francesco d'Este. Metropolitan Museum of Art, New York.

Abb. 7. Portrat von Francesco d'Este. Metropolitan Museum, New York.

Dessin 7. Portrait de Francesco d'Este. Musee Metropolitan, New York

образом, выпадение из обращения монет и вещей клада из Ай-Василь произошло в пределах второй трети XV в., вероятно, около 1465 года.

Вещевой комплекс клада составили: серебряная чаша и медное блюдо (утрачено), два серебряных наперсных креста, обрывок серебряной цепочки и три серебряных перстня, один из которых уже упомянут выше (со щитком из золотого дуката венецианского дожа Томмазо Мочениго) (Залесская В.Н., 1995, с. 98-101, рис.1-6; Крамаровский М.Г., 1995, с.26-29). Два других перстня много проще: один с кастом, заполненным голубой пастой, другой - с овальным щитком, украшенным двойной S-образной пальметтой, характерной для серии латино-византийских перстней XIVв., среди которых хорошо известен золотой перстень королевы Феодоры (Сербия, монастырь Баньска) и серебряный с чернью из Ашмолеанского музея в Оксфорде (Dalton O.M., 1911, № 380). Привлекает внимание ай-васильская чаша с гладкими стенками в виде уплощенной полусферы с девятнадцатью симметричными вдавлениями (Смирнов Я.И., 1909, № 269). Подобные чаши найдены еще в Крыму - дер. Улу-Узень в районе Ялты в 1897 г. (Смирнов Я.И., 1909, № 270) и на Кавказе в курганном захоронении близ аула Махческ в Дигории в 1890 г. (Смирнов Я.И., 1909, № 271). В.Н.Залесская отметила еще две аналогии нашим чашам, одна из которых хранится в музее Садберк-Ханым в Стамбуле (Залесская В.Н., 1995, с.99); вторая - в Рязани. Чаша из раскопок в Рязани, впрочем, не имеет ничего общего с крымскими и кавказской находками (Монгайт А.Л., 1955, рис. 104). Вызывает недоумение авторское определение тождественности чаши из Ай-Василь с иранской (хорасанской) бронзовой чашей VIII-IX вв., найденной в Приобье (Залесская В.Н., 1995, с.100). Чаша с селища Остяцкий Живец 4 украшена шестилепестковой розеткой из вдавлений в центре дна (Крамаровский М.Г., Федорова Н.В., 1991, № 21), но этим и заканчивается их мнимая близость: не совпадает не только тип чаш (хорасанский сосуд выполнен в виде строгой полусферы), но и характер орнаментации. Поэтому нельзя согласиться с предположением В.Н.Залесской о ближневосточном генезисе чаш ай-васильского типа. По-видимому, их генезис имеет европейскую почву. Но, судя по трем однотипным находкам из Северного Причерноморья, они получили распространение в ареале генуэзского расселения в юго-восточном Крыму, откуда в результате торговых обменов попали в Дигорию. Едва ли их путь к отрогам Большого Кавказа отличался от маршрутов доставки в это труднодоступное ущелье итальянского стекла (Kramarovskiy M., 1998, p.96-100). Нет сомнения, что начальные пункты этого пути следует связывать с городами - эмпориями Восточного Крыма с их развитыми в XIV и XV вв. рынками.

В составе клада наибольший интерес вызывают два наперсных креста с трехлопастными завершениями (рис.9 а,б). Оба - представляют собой отливки, вероятно, с одной литейной формы, но с разными комбинациями отлитых деталей при окончательной монтировке. На лицевой стороне первого (№ 1815-6) представлено изображение

Богоматери Одигитрии с младенцем; на обороте - Распятие. На лицевой стороне второго (№ 1815-7) представлено Распятие, а на оборотной стороне Богоматерь с младенцем. Иконография Распятия - западная (ср. с трактовкой тела Христа на кресте Нитранского евангелия-апракоса из епископского архива, датируемого ок. 1360 г.) (Ruttkay A., 1979, p.90). Третий такой крест недавно обнаружен при раскопках средневекового монастырского комплекса близ Алушты (Адаксина С.Б., 1997, с.109-116).

Особое внимание привлекают растительные и геометрические узоры крестов, выполненные в технике гравировки и свободного чекана. Характерные четырехлистные в лопастях алуштинского креста очень близки к трактовке растительных узоров на латинской группе поясных украшений из Белореченского могильника; примерно то же можно сказать и о геометрических узорах ай-васильских крестов (Крамаровский М.Г., 1985, табл. II.1, 5а, б; 6а, б; III.1-3, 5, 6, 8-10). Прямые аналогии серии крымских латинских наперсных крестов в археологическом материале Лигурии или других итальянских провинций нам не известны. Но в целом, в их формах повторяется тип процессионных северо-итальянских крестов с трехлопастными концевыми завершениями, подобных богато украшенному экземпляру 1370г. из ц.Сан Джакомо Маджоре (S. Giacomo Maggiore) в Болонье работы Симона да Болоньи (crocifisso di Simone da Bologna). Трехлопастное завершение с так называемыми "слезками" есть и на ручке серебряного сосуда конца XIV - нач.XV вв., некогда хранившегося в ризнице Псково-Печерского монастыря (Крамаровский М.Г., 1985, табл.1.6). Сосуд представляет собой разновидность европейского двойного кубка. Но арабиграфическая надпись и сочетание восточных и западных элементов в декоре позволили отнести этот сосуд к латинской группе местного восточно-крымского ремесла. Предположительно, центром выделки церковной утвари, сочетающей восточные и западные черты, могла быть Каффа.

Совпадения в характере выполнения чеканенных узоров на крымской группе нательных крестиков, церковного кубка и в декоре поясной гарнитуры, выполненной в Крыму, позволяют рассматривать перечисленные памятники в рамках одной ремесленной традиции. Ее локализация в пределах Латинской Романии не вызывает сомнений. Нам представляется ошибочным наблюдение В.Н.Залесской о византийской традиции в орнаментальных узорах ай-васильских крестов, а ее гипотеза о производстве крестов и сосудов ай-васильского клада ремесленниками островов Эгейского архипелага недостаточно обоснованной (Zallesskaya V., 1993, p.57; Залесская В.Н., 1995, с.100; 1997, с.17). Один из промежуточных итогов состоит, таким образом, в том, что у нас нет оснований любые найденные в Крыму церковные вещи из латинских приходов связывать с ремеслом Эгеиды. Тем более, что, как уже было отмечено, среди представителей латинской колонии Крыма встречаются и итальянские ювелиры, работавшие как стипендиарии Каффы. Сопоставление предметов по признакам ремесленной традиции

позволяет отнести ай-васильские и алуштинские крестики к местному производству. Место изготовления сосудов с давленными определить не удается.

Для понимания Ай-Васильского клада существен не только чисто географический контекст места его обнаружения, но еще и учет специфики административно-политических особенностей района южного побережья Крыма в период господства здесь генуэзцев (Бертъе-Делагард А. Л., 1918, с. 18, 26; 1920, с. 19, 23; Веймарн Е.В., 1968, с.77-82). Деревня Ай-Василь располагалась в 3,2 км в юго-западном направлении от средневековой Ялты - Ялиты. Во времена Крымского ханства она была заселена греками, и в XV в. здесь существовала православная община и греческая приходская церковь. В последнюю четверть XIV в. южный берег полуострова уже принадлежал генуэзцам. В основе генуэзского status in statu лежал договор от 24 февраля 1381г., подписанный Тохтамышем. По этому соглашению Орда подтвердила в обмен на признание коммуной Каффы верховной власти Золотой Орды генуэзскую аннексию Солдайи и 18 деревень Готии. Следствием договора стало осложнение взаимоотношений Каффы с Солхатом, обеспокоенным угрозой своему привилегированному положению посредника в торговых обменах Орды с приморскими республиками Италии. Несмотря на подписание особого соглашения 1382 г., скрытая конфронтация привела к войне 1385-86 гг., в которой Солхат потерпел неудачу (Basso E., 1991, p.12-15). Создавшееся положение было разблокировано договором от 12 августа 1387 года. Но Крымская Готия с ее смешанным населением осталась подконтролем генуэзцев. Среди южнобережных поселений Готии упомянуты Алушта (Lusce, Lusta), большой и малый Ламбат (Lambadie), Партенит (Pertenite, Pertenice), Гурзуф (Gorzovium, Gorzonium), Никита (Sykita, Sicita), Ялта

(Jalita), Орианда, Мисхор (Muzacori), Алупка (Lupico), Кикенеиз (Chichineo), Форос (Fori), Балаклава (Cembalo) (Heyd W., 1886, p.209, 210). При этом Алушта, Партенит, Гурзуф, Ялта и Балаклава стали местом консульских резиденций генуэзцев. Во второй половине XV в. контроль над генуэзскими владениями южного побережья перешел к Феодоро. Таким образом, становится понятным, что клад из Ай-Василь (с его преобладанием латинских черт в ряде наиболее интересных памятников, составляющих сердцевину клада), дает редкую возможность реконструкции некоторых важных черт ремесленной и художественной жизни Капитанства Готии - полувоенной и административно-политической структуры, призванной обеспечить генуэзские интересы на береговом участке от Чембало до Каффы. Латинские наперсные кресты в греческой (?) среде свидетельствуют о попытках усиления католической пропаганды среди местного населения. Имеющиеся у нас данные о монетах из Ай-Василь позволяют охарактеризовать находку как клад короткого накопления. Владелец клада - сельский житель, предпринявший мало успешную попытку спасти свою сокровищницу в тревожное время молодого Хаджи Гирея, когда Крымское ханство как самостоятельное государство делало свои первые шаги. В свете сказанного, представляется неверным мнение о том, что клад из Ай-Василь документирует с одной стороны "...разнообразные историко-культурные связи Ялиты с итальянскими колониями в Восточном Средиземноморье, с другой - с Ближним Востоком и монгольским миром" (Залеская В.Н., 1995, с. 100). Из четырех составляющих этой формулы согласиться можно лишь с упоминанием о "монгольском мире", впрочем, размытым настолько, что в нем не осталось конкретного содержания. Ближневосточного компонента в составе клада нет вовсе. Как нет

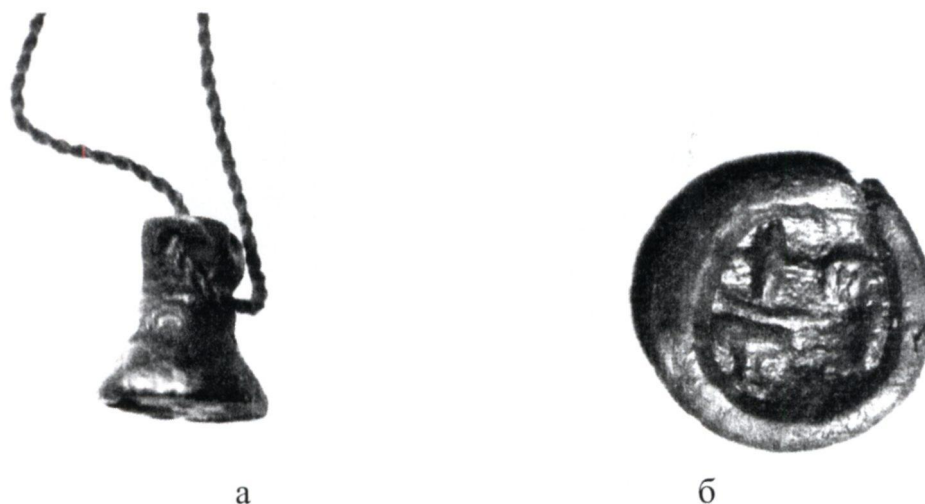

Рис. 8. а, б - Прикладная печать с атрибутами кузнечного ремесла. Эрмитаж.
 Fig. 8. а, б - The stamp with the black-smith handicraft attributes. The Hermitage.
 Abb. 8. а. б - Siegel mil den Attributen des Schmiedehandwerks. Ermitage.
 Dessin 8. а. б - Sceau applique avec les attributs du metier de forgeron. Ermitage

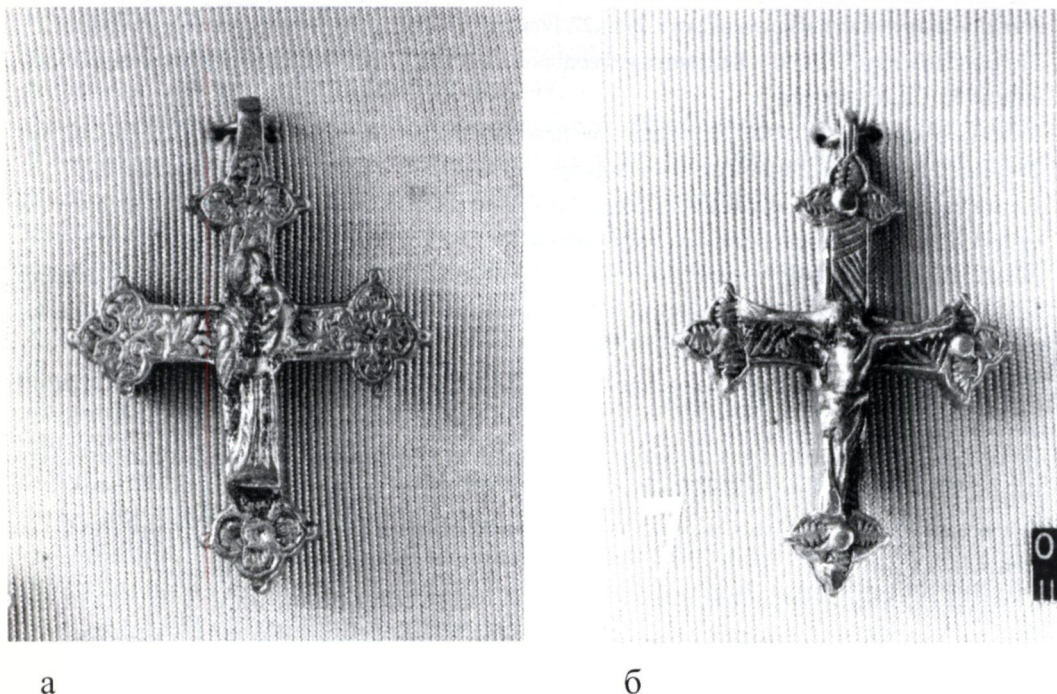

Рис. 9. а, б - Наперсные кресты из клада в Ай-Василь. Эрмитаж.
 Fig. 9. а, б - The breast crosses of the treasure of Ai-Vasil. The Hermitage .
 Abb. 9. а, б - Brustkreuze aus dem Schatz in Ai-Wassil. Ermitage.
 Dessin 9. а, б - Croix du tresor de Ai'-Vacile. Ermitage

для XIV-XV вв. Ялиты (от греческого "ялос" - берег) в виде сколько-нибудь исторически значимого района (в отличие от XII в., когда половецкая Джалита упоминается арабским географом Ибн-Идриси, жившим на Сицилии). Гипотетически, Ялите, одному из рядовых опорных пунктов каффинской администрации в Крымской Газарии, возможно, не были чужды интересы в Эгеиде. Но для обоснования "связей" между итальянскими поселениями крымского южного побережья, контролируемые генуэзцами, и Эгейским архипелагом, где ключевые позиции принадлежали венецианцам, материалов одного только крымского клада явно недостаточно.

Между тем, ай-васильская находка занимает особое место в системе монетно-вещевых кладов Крыма и всего

Северного Причерноморья. Это единственный кладовый комплекс в регионе, где преобладают вещи латинского обихода. Два наперсных крестика, возможно, указывают на то, что его владельцем был небогатый деревенский священник местного католического прихода. Клад зеркально отразил характерную для периодов нестабильности черту - семейные накопления делаются в пределах жизни одного поколения хозяев. Важно еще, что этот редкий клад времени становления новой династии крымских Гиреев дает представление о характере латинских заимствований в искусстве нарождающегося Крымского ханства.

Литература и архивные материалы

1. Адаксина С.Б., 1997. Историко-культурные связи средневекового Крыма в свете новых находок на г.Аю-Даг// Археология Крыма. Т.1. Симферополь.
2. Алексеев В.А., 1993. Печать римского папы Александра IV из окрестностей Балаклавы// Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III. Симферополь.
3. Бармина Н.И., 1993. Место и значение Мангупской базилики в истории Дороса - Мангупа - Феодоро// Научные чтения, посвященные столетию со дня рождения проф. М.Я.Сюзюмова (тезисы докладов). Екатеринбург.

4. Бармина Н.И., 1995. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья// Античная древность и средние века. Вып.27. Византия и средневековый Крым. Симферополь.
5. Бертъе-Делагард А.Л., 1918. Каламита и Феодоро// Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 55. Симферополь.
6. Бертъе-Делагард А.Л., 1920. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде// Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 57. Симферополь.
7. Веймарн Е.В., 1968. О двух неясных вопросах средневековья юго-западного Крыма// Археологические исследования средневекового Крыма. К.
8. Веселовский Н.И., 1898. Отчет о производстве раскопок в районе четырех станиц Майкопского отдела: Белореченской, Андрюковской, Ярославской и Костромской// Отчет императорской Археологической комиссии за 1896 г. СПб.
9. Виллани Джованни, 1997. Новая хроника, или история Флоренции. Перевод, статьи и примечания М.А.Юсима. М.
10. Герцен А.Г., 1990. Крепостной ансамбль Мангупа// Материалы по археологии, истории и этнографии Тавриды. Вып.1. Симферополь.
11. Гуковский М.А., 1990. Итальянское Возрождение/ Под ред. А.Н.Немилова и А.С.Кантор-Гуковской. Л.
12. Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.
13. Еманов А.Г., 1997. Образование городской коммуны Кафы (до середины XV в.). Автореферат на соиск. уч. степени доктора исторических наук. Екатеринбург.
14. Залеская В.Н., 1995. Клад из Ай-Василия: об историко-культурных связях средневековой Ялты// Античная древность и средние века. Вып.27. Византия и средневековый Крым. Симферополь.
15. Залеская В.Н., 1997. Западные варвары в византийской Таврике по данным двух забытых крымских кладов// Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего отечества. Тезисы докладов конференции. М.
16. Карпов С.П., 1998. Регесты документов Фонда Diversorum Filze Секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья// Причерноморье в средние века. Вып. III. М.
17. Колли Л.П., 1913. Хаджи-Гирей хан и его политика// Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 50. Симферополь.
18. Крамаровский М.Г., 1981. Прикладная печать с городища средневекового Крыма (предварительное сообщение)// СГЭ. Т. XLVI. Л.
19. Крамаровский М.Г., 1985. Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII-XV вв.// Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Сборник статей. Л.
20. Крамаровский М.Г., 1989. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII-XIV вв.// Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Сборник научных трудов. Л.
21. Крамаровский М.Г., 1992а. Обрамление каффинского колодца 1331 г. мастера Михаила из Падуи// Византия и средневековый Крым. Античная древность и средние века. Вып.26. Барнаул.
22. Крамаровский М.Г., 1992б. Северное Причерноморье, Лигурия и Латинская Романия в XIII-XV вв. К вопросу о латинском компоненте в культуре Золотой Орды// Степи Восточной Европы во взаимоотношениях Востока и Запада в средневековье. Материалы научного семинара. Донецк.
23. Крамаровский М.Г., 1994. Из художественного наследия Латинской Романии в Северном Причерноморье (XIII-XV вв.)// Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского. СПб.
24. Крамаровский М.Г., 1995. Клад из Ай-Василия: Крым, капитанство Готии, вторая треть XV в.// Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского. СПб.
25. Крамаровский М.Г., Федорова Н.В. (составители), 1991. Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Каталог. Л.
26. Кротков А.А., 1930. Два собрания джучидских монет// Труды Нижне-Волжского общества краеведения. Вып.37. Саратов.

27. Лепер Р.Хр., 1914. Сведения о раскопках в Мангупе в 1913 г.// Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 51. Симферополь.
28. Материалы по археологии Кавказа, 1904. Вып.10. М.
29. Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань// МИА. № 49.
30. Отчет императорской Археологической комиссии за 1896 год, 1897. СПб.
31. Отчет императорской Археологической комиссии за 1897 год, 1900. СПб.
32. Пырсов Ю., 1988. Приглашение к поиску// Годы и люди. Саратов.
33. Сафаргалиев М.Г., 1960. Распад Золотой Орды. Саранск.
34. Скржинская Е.Ч., 1958. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма// История и археология средневекового Крыма. М.
35. Сизов В., 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии// МАК. Вып.2. М.
36. Смирнов Я.И., 1909. Восточное серебро. СПб.
37. Старокадомская М.К., 1974. Солхат и Каффа в XIII-XIV вв.// Материалы по истории и археологии Крыма. К.
38. Тиханова А.М., 1953. Базилика// МИА. № 34. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп).
39. Федоров-Давыдов Г.А., 1960. Клады джучидских монет// НЭ. Т.1. М.
40. Шандровская В.С. (в печати). Находка печатей венецианских дождей// Материалы Пятого международного симпозиума "Болгария-Понтика". София.
41. Agosto A., 1977. Due lettere inedite sugli eventi del Cembalo e di Sorcati in Crimea nel 1434// Atti della società Ligure di storia patria. Vol. XVII, n.s. (XCI).
42. Balard M., 1973. Gînes et l'Outre-Mÿr. T.1. Les actes de Caffa du notair Lamberto di Sambuceto 1289-1290. Paris.
43. Balard M., 1978. La Romanie Genoise (XIII - debut du XVe siecle). Roma, Genova. T. I, II.
44. Baletto L., 1976. Genova Mediterraneo Mar Nero (secc. XIII-XV). Genova.
45. Bascapè G., 1969. Sigillografia il sigillo nella diplomatica, nel diritto nella storia et nell'arte. Vol.I, II. Milano.
46. Basso E., 1991. Il "Bellum de Sorcati" ed i trattati del 1380-87 tra Genova e l'Orda d'Oro// Studi Genuensi, 1990-8. Nuova serie. Genova.
47. Baumam G., 1986. Early Flemish Portraits 1425-1528// Reprinted from the Metropolitan Museum of Artbulletin. Spring.
48. Bratianu G., 1927. Actes des notaires genois de Pera et de Caffa de ia fn du XIII siecle. Bucarest.
49. Cherri J., 1981. Medieval Rings, 1100-1500// The Rings from Antiquity to the Twentieth century. London.
50. Collections sigillographique de Gustave Schlumbergeret Adrien Blanchet, 1914. Paris.
51. Dalton O.M., 1911. Mediaeval Personal Ornaments from Chalcis in the British and Ashmolean Museums// Archaeologia. Vol.62. Part II.
52. Gauthier M.-M., 1972. Emaux du Moyen Age occidental. Fribourg.
53. Grosso O., 1952. Il tesoro del Duomo di Genova// Dedalo. T.3. Milano - Roma.
54. Heyd W., 1886. Histoire du commerce du Levant au moyen-age. II. Leipzig.
55. Kramarovsky M., 1998. The import and manufacture of glassin the territories of Golden Horde// Gilded and Enamelled Glass from the Middle East. Ed. by Rachel Ward. London.
56. Maggiorotti L.A., 1933. Architetti e architetture militari. Vol.I. Medioevo. La libreria dello stato. [Roma].
57. Milliken W.M., 1930. Girdle of Fourteenth Century. The Bulletin of the Cleveland Museum of Art. Vol. XVII-1. March.
58. Reggi G., 1971. La ceramica graffita in Emilia - Romagna. Dal secolo XIV al secolo XIX. Catalogo della mostra. Modena.
59. Ruttikay A., 1979. Stredoveke umelecke remeslo. Bratislava.
60. Sandrovskaya V., 1997. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak// Studies in Byzatine Sigillography. № 3. Washington.

61. Scarisbrick D., 1978. *Finger Rings from Ancient Egypt to the Present Day*// Catalogue by Gerald Taylor with an introduction by Diana Scarisbrick. London.
62. Scorza A.M.G., 1924. *Le famiglie nobili genovesi*. Genova.
63. Skrzinska E., 1928. *Inscriptions latines des colonies g noises en Crim e (Th odosie, Soudak, Balaklava)*. Atti della Societ  Ligure di storia patria. Vol.56. Genova.
64. Vasiliev A.A., 1936. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Massachusets.
65. Wixom W.D., 1974. *A Gothic Madonna from Lorraine*// *The Bulletin of the Cleveland Museum of Art*, December.
66. Zaleskaya V., 1993. *Le tresor d'Ay-Basil: Les liens culturels entre la cite septentrionale de la Mer Noire et les iles de la Mer Egee a l'epoque des Paleoligues*// *City of Rhodos from the foundation to the Turkish Conquest (1523)*. Rhodos.
67. Zanichelli, 1992. *Enciclopedia Zanichelli*.

Summary

M.G. Kramarovsky (Saint-Petersburg)

Latin Romania and the Golden Horde Crimea. The Finds of the Latin Finger-rings and the Seals in the Northern Prichernomorie. The Treasure from Ai-Vasil

The article deals with the finds of the seal-rings and seals from the excavation in the Crimea (in the settlements of Mungup and Solhat) and also in the Northern Caucasus (Belorechensk sepulture). The most expensive find is the seal-ring with the sign of the famous Genoa family of Spinola.

A special place in the range of the medieval items found in the Northern Black Sea basin is occupied by the hidden treasure from Ai-Vasil village. This is the only hidden treasure complex in the region where the items of the Latin everyday life custom dominate. The complex of the Latin clerical and secular things found in the cache of treasure from Ai-Vasil and dated by the Golden Horde coins of the second third of the XVth century, gives an idea of the character of the Turkish – Genoa contacts in the Crimea during the rise of the Crimean khanate.

M.G., Kramarowskij (Sankt Petersburg)

Lateinische Romanien und die goldhordische Krim. Lateinische Funde der Fingerringe und Siegel im n rdlichen Schwarzmeergebiet. Der Schatz aus Ai-Wassil

Im Bericht geht es um die Funde der Fingerringe und Siegel aus den Ausgrabungen auf der Krim (vorgeschichtliche Siedlungen Mangup und Solchat) und im Nordkaukasus (die Grabst tte von Beloretschensk). Der bedeutendste Fund ist das goldene Fingerringsiegel (die vorgeschichtliche Siedlung Solchat), das als ein Fingerring mit dem Familienstammzeichen der bekannten Familie Spinola aus Genua identifiziert wurde.

Unter den mittelalterlichen Funden im N rdlichen Schwarzmeerk stenland nimmt der Schatz aus dem Dorf Ai-Wassil eine besondere Stelle ein. Das ist der einzige Schatzsatz in der Region, wo es eine gro e Anzahl der lateinischen Sachen gibt. Der Satz der lateinischen kirchlichen und weltlichen Sachen, der im Satz gefunden war, wurde durch die goldhordischen M nzen mit dem zweiten Drittel des 15. Jhs. datiert und gibt eine Vorstellung  ber den Charakter der Beziehungen zwischen Turkv lkern und Genua auf der Krim im Werdegang des krimischen Khanats.

M.G. Kramarovski (Saint-Petersbourg)

Romanie Latine et la Crim e   l' poque de la Horde d'Or. Bagues et anneaux   sceau latins dans la r gion de la mer Noire. Tr sor de Ai-Vacile

Dans cet article il s'agit des bagues et des sceaux des fouilles en Crim e (site Mangoupe et Solkhat) et au Caucase du nord (n cropole de Beloretchensk). Le tr sor le plus remarquable est le sceau-anneau (site Solkhat), identifi  comme anneau avec le signe patrimoniale de la famille de Spinola, G nes.

Le trésor du village Aï-Vacile tient une place particulière parmi les trouvailles du Moyen âge de la région de la mer Noire. C'est le seul complexe de trésors dans cette région où prédominent les objets d'usage latin. Le complexe des objets latins, trouvé dans le trésor de Aï-Vacile est daté selon la monnaie de la Horde d'Or du deuxième tiers du XV siècle. Ce complexe nous donne l'idée des contacts turko-génois en Crimée à l'époque du développement du Khanat de Crimée.

**О НОВЫХ ПРОЧТЕНИЯХ НОБИЛЬСКИХ ИМЕН КАФФИНСКОГО
И СОЛДАЙСКОГО ЛАПИДАРИЯ
(по материалам Е.Ч.Скржинской)**

Труд Е.Ч. Скржинской “Латинские надписи генуэзских колоний Крыма”, изданный в 1928 г. в Генуе на французском языке, не перестает привлекать внимание исследователей. В связи с публикацией С.П.Карповым в 1997 г. регест документов фонда *Diversorum, Filze* Секретного Архива Генуи, относящихся к истории Причерноморья, на сегодняшний день стало возможным во многом дополнить, а иногда и пересмотреть транскрипцию некоторых латинских имен генуэзских нобилей, зачастую сохранившихся в надписях лишь фрагментарно. Уникальным письменным источником для изучения последнего этапа бытования генуэзских колоний в Причерноморье (1453-1475 гг.) до сих пор остается официальная переписка между правлением Банка св.Георгия в Генуе и местной администрацией колоний, изданная в 1868-1871 гг. Амедео Винья в “Трудах Лигурийского общества отечественной истории” на языке оригинала. В ней задокументированы все назначения лигурийских граждан на административные посты разного уровня с указанием точных сроков их пребывания. Наконец, привлечение к этой работе материалов по генеалогии лигурийской знати, в частности, списков, составленных А.М.Дж. Скордза “Знатные фамилии Генуи” (Scorza A.M.G., 1924), позволяет установить принадлежность указанных в надписях фамилий к родам и семейным кланам, соотнести с лицами, отмеченными в архивных документах, так же как и идентифицировать выбитые на плитах гербы.

Остановимся на девяти памятниках, вошедших в издание Е.Ч.Скржинской, по поводу которых можем сообщить нечто новое:

1. №№ 1, 2. Плита 1342 г. Надпись гласит: [Консул Каффы генуэзец] *Johannis de Scaffa* (Scaffa). К сожалению, рассмотреть родовой герб консула не представляется возможным. Среди названных Скордза 833-х фамилий лигурийских патрициев фамилия *Scaffa* отсутствует. Вероятно, позднее она трансформировалась в *Scarpa* (Scorza A.M.G., № 705).

2. № 7. Плита 1363 г. Имя знатного генуэзца – *Francisci Salvet*. Надо полагать, что речь идет о представителе старинного лигурийского рода *Salvo* (Scorza A.M.G., № 687).

3. № 13. Строительная плита 1402 г. Из надписи следует, что она была установлена по заказу частного лица некоего *Joannes de Sancto Donato*. Джованни де Сан Донато, гласит надпись, “построил” (*edificavit*) храм св.Апостолов Петра и Павла в Каффе. Из двух гербовых щитов, фланкирующих надпись, левый, плохо сохранившийся, по-видимому, принадлежит

Сан Донато. Идентифицировать его не удалось, у Скордза фамилия Сан Донато не встречается. Однако установлено, что род нотариев Сан Донато известен в Каффе с 1288 г. (Карпов С.П., 1996, с. 169). В опубликованных С.П.Карповым переводах регест из *Archivio Segreto* находим: Джованни ди Сан Донато, *burgensis* (обладатель недвижимости) Каффы, совладелец и патрон навь, строящейся в Чембало – запись от 26/III-1393 (Карпов С.П., 1997, с. 10). Вполне допустимо, что мы имеем дело с одной и той же персоной.

Герб, помещенный справа (рис. 1), можно хорошо рассмотреть: поле щита поделено на две части, в верхней изображены три звезды. Е.Ч.Скржинская указывает в *NOTA BENE* (Skrzinska E., 1928, p. 61), что гербами подобной конфигурации располагали семьи Ривароло и Роверето. Обе фамилии принадлежат к генуэзскому патрициату. У Скордза под номером 659 дано описание герба Ривароло: поле щита белое, с вершиной (главой), в голубом поле главы – три золотые звезды (*d'argento al capo d'azzurro caricato di tre stelle d'oro*). Несколько иное изображение на щите рода Роверето (Scorza A.M.G., № 677) – щит двухчастный пересеченный, в верхнем голубом поле – три золотые звезды, нижнее поле красное (*troncato: nel primo d'azzurro a tre stelle d'oro, nel secondo di rosso pieno*). Не вызывает сомнений, что перед нами герб Роверето, в противном случае, щит был бы поделен в соотношении два к семи, исходя из правил изображения вершины (главы) щита. Надо полагать, среди донаторов на строительство храма св.Петра и Павла, были и знатные жители Каффы из рода Роверето.

4. № 18. Плита 1468 г. (рис. 2). Посвятительная надпись консула Каффы Джентиле де Камилла. По сторонам – гербы массариев, справа – представителя рода Дория и слева – неизвестный герб с внятно читающимся изображением геральдической фигуры, именуемой “три острия” (*tre scaglione*). Следует иметь в виду, что до реформы 1454 г. массарии колоний избирались на местах из *cives* (граждан) Генуи сроком на полгода. После передачи колоний под протекторат Банка Св.Георгия изменения в администрации коснулись и порядка избрания должностных лиц. Так, теперь всех официалов стали избирать в метрополии, причем не выделяя массариев, а называя трех консулов одновременно, каждый из которых поочередно в течение года исполнял обязанности консула, а в течение двух последующих лет был массарием и провизором (контролером). Из документов следует, что первым в тройке консулов-массариев шел Джентиле де Камилла, избранный 26 июня 1466 г. на 13 меся-

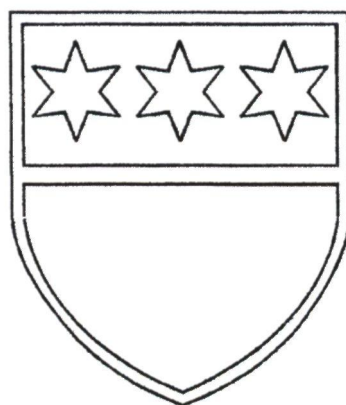

Рис. 1. Строительная плита 1402 г.

Fig. 1. The building slab of 1402.

Abb. 1. Bauplatte 1402.

Dessin 1. Dalle de construction de Van 1402

Рис. 2. Плита 1468 г.
Fig. 2. The slab of 1468.
Abb. 2. Platte 1468.
Dessin 2. Dalle del'an 1468

цев. Далее, с мая 1467 г., обязанности консула были возложены на Алаоне Дориа. Третьим, неустановленным массарием при де Камилла и Дориа, был некий патриций с гербом “tre scaglione”, будущий консул 1468 г. Дата, указанная на плите, в этой связи представляется своего рода анахронизмом, поскольку в 1468 г. для Джентиле де Камилла срок пребывания на посту консула уже истек, и его место занял Алаоне Дориа. Ситуация, отраженная в расположении гербовых щитов на плите, относится к временному отрезку с мая 1466 г. по июнь 1467 г., т.е. до избрания Алаоне Дориа консулом Каффы.

Любопытные, ранее неизвестные сведения и датировки, проясняющие некоторые моменты, указывает американский историк Р.Крессель. Ссылаясь на материалы дипломатических кодексов Тавро-лигурийских колоний, Крессель пишет о том, что 15 января 1467 г. протекторат принял решение об избрании не одного, а сразу двух консулов во имя безопасности и спокойствия города Каффы (Kressel R., 1966, p. 132-133). Эти меры были вызваны неудавшимися попытками предыдущих массариев и консула контролировать криминальные элементы в городе. В феврале консулом Каффы избирается Карло Чиконья, ему же поручено подобрать кандидатуру на пост викария. По документам именно он пришел на замену предыдущему консулу Джентиле де Камилла. В мае 1467 г. Алаоне Дориа был также избран консулом. Однако из-за бюрократических проволочек Карло Чиконья не получил патента на консульскую должность ранее 8 июня и, по-видимому, оставался консулом лишь де-факте, тогда как Алаоне Дориа выдают патент, как консулу, 28 июля при массарии Калоджеро де Гвизольфи (Kressel R., 1966, p. 132-133). Род Чиконья в справочнике Скордза не упоминается, однако, в довольно полном итальянском гербовнике Л.Теттони и Ф.Саладини (Tettoni L., Saladini F., 1846) фамилия Cicogna встречается дважды. Чиконья из Милана известны с 476 г., их ветви прослеживаются в Брешии, Падуе, Германии. Герб рода – “говорящий”: в зеленом поле белый аист (по-итальянски – cicogna) с шаром и змеей в лапах. Есть еще Чиконья, с 1381 г. приписанные к венецианскому патрициату. В их фамильном гербе в голубом поле изображен белый аист. По нашим представлениям, должна существовать и генуэзская ветвь этой фамилии – Niccolo Cicconia, жителя Перы (ок. 1370 г.) называет М.Балар (Balard M., 1978, p. 425), ссылаясь на данные из Секретного Архива Генуи. Среди генуэзских нобилей имеется и Giovanni Cicconia (Musso M., 1975, filza 843, doc. 123, anni 1456-1458). Наконец, имя генуэзского массария 1404 г. Carlo Cicconia указано в книге М.Муссо (Musso M., 1975, p. 257-258). Предположение о том, что это и есть “искомый” Карло Чиконья, номинированный на пост консула Каффы в 1467 г., лишено здравого смысла – в 1467 г. ему должно было исполниться не менее 84 лет. Ошибочность мнения В.Юргевича о том, что Карло Чиконья был избран каффинским консулом 1 марта 1469 г. на 13 месяцев, т.е. до 31 марта 1470 г., неоспорима. Уже 25 августа 1469 г. на тот же срок вступил в должность консула

Каффы Филиппо Кьявроя при массарии Джентиле де Камилла, что подтверждено в “Codice” (Codice diplomatico..., 1868-1871, Vol. VII, 1, p. 623). И все же остается лакуна – массарием при де Камилла был некто с гербом “три острия”. Вероятно, пролить свет на истину о каффинском массарии этого периода возможно только путем идентификации герба на вотивной плите де Камилла 1468 г.

Всего две нобильских фамилии из Лигурии обладали гербами с изображением tre scaglione (три острия) – де Форнари (de Fornari) и Ретальяри (Retagliari). Первая из перечисленных – известная семья дождей и сенаторов, сформировавшая 2-ое Альберго де Форнари (Scorza A.M.G., № 311), носила на гербовом щите следующее изображение: в голубом поле – три красных острия (d'azzurro a tre scaglioni di rosso). Немаловажно и то, что член семьи, Баттиста де Форнари, был консулом Каффы в 1434-1435 гг. Это значительно повышает вероятность того, что массарием Каффы при консулах Джентиле де Камилла и Алаоне Дориа был некто из семьи де Форнари, не исключено, что и сам бывший консул Баттиста. Однако и в семье Ретальяри (Scorza A.M.G., № 647) были те, кто занимал административные посты при консулах Каффы. Среди лиц, сопровождавших консула Карло Чиконья на его сухопутном пути в Каффу летом 1467 г., отметим Paolo di Negro, olim Retagliari. Его родственник, Antonio di Negro, olim Retagliari 28 июля 1468 г. получает патент на должность откупщика акциза на лес, угоды и уголь (iagataria) в Каффе. Их герб – в золотом поле – три красных острия (d'oro a tre scaglione di rosso), как видно, отличается от герба де Форнари лишь цветом поля. По сведениям Скордза, семья была приписана к альберго ди Негро с 1489 г. Однако приставка “olim” – “прежде, бывший”, перед фамилией Ретальяри означает, что уже некоторые члены этой знатной семьи обратились к покровительству более влиятельных ди Негро ранее 1467 г., сохраняя за собой право на собственный герб. Кому же отдать предпочтение – де Форнари или Ретальяри? У последних явное преимущество – близость к консулу Каффы 1467 г. Карло Чиконья. Впрочем, пока мы не решаемся дать определенный ответ.

5. № 27. Погребальная плита 1344 г. Эпитафия Ranuccii de Turri из Порто Венере. Древний род delle Torre из графов Лаванья известен с X в. (Scorza A.M.G., № 766).

6. № 31. Погребальная плита без даты. Сохранились фрагменты фамилии..(u)xoris. Род Luxого происходит из одноименной местности, известен с 1300 г., позднее вошли в альберго Кальви (Scorza A.M.G., № 430).

7. № 35. Погребальная плита без даты. Е.Ч. Скржинской восстановлены буквы фамилии Johannes Robella Cuius(ani). Фамилия Giussano происходит из Милана, позднее вошли в альберго де Франки (Scorza A.M.G., № 355).

8. № 43. Плита 1387 г. из Солдайи. Памятная плита в честь консула и кастеллана Солдайи Ihoannis Marihonis. В списках Скордза семейного имени Ма-

риони не значится. По документам из секретного архива Генуи от 13/III-1392 договор по доставке зерна из Каффы в Геную подписывает как ответчик Джованни Мариони, совладелец и патрон двухпалубной навьы “Святые Мария и Антоний”, находящейся в порту Генуи (Карпов С.П., 1997, с. 9). Более чем вероятно, что это одно и то же лицо.

9. № 49. Плита 1409 г. Посвятительная надпись консула и кастеллана Солдайи Bartholomeo de Illionibus. Род Illioni происходит из Сарцаны, известен с 1300 г. Позднее приписаны к альберго де Форнари (Scorza A.M.G., № 391). Один из членов знатного семейства Томмазо де Иллиони исполнял обязанности подеста Перы в 1367 г.

Литература и архивные материалы

1. Карпов С.П., 1997. Регесты документов фонда Diversorum Filze Секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья// Причерноморье в средние века. Вып. 3. М.
2. Юревич В., 1863. Генуэзские надписи в Крыму// ЗООИД. Т. V.
3. Balard M., 1978. La Romanie génoise (XIIe-début du XVe siècle). Roma-Genova.
4. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII – MCCCCLXXV) ordinato ed illustrato dal P.Amedeo Vigna ASLSP. 1868-1871. Vol. VI-VII. Genova.
5. Kressel R., 1966. The Administration of Caffa under the Ufficio di San Giorgio. The Univ of Wisconsin PhD. Ann Arbor. Michigan.
6. Musso M., 1975. Navigazione e commercio genovese con il Levante nei documenti dell'Archivio di Stato di Genova. Roma.
7. Scorza A.M.G., 1924. Le famiglie nobili genovesi. Genova.
8. Skrzinska E., 1928. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava)// ASLSP. Vol. LVI. Genova.
9. Tettoni L., Saladini F., 1846. “Teatro araldico... delle Armi ed Insegne Gentilizie... in tutta Italia”. Milano. Vol. II.

Summary

Ye.A. Yarovaya (St. Petersburg)

On New Reading of the Nobil Names of the Caffin and Soldai Lapidary (Based on the Materials Provided by Skrizhinskaya E.Ch.)

The article dwells on the consideration of medieval slabs with heraldic inscriptions originating from Genoa colonies in the Crimea: Caffa, Soldai, Chembalo. The aim of the work is to analyse the Latin inscriptions preserved in the fragments and there has been made an attempt to read them in a new way.

The research is based on three sources: 1) official correspondence between the protectorate “Uffizio di San Giorgio” in Genoa and the local administration of colonies known as “Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di San Giorgio (1453-1475)”; 2) some recently published documents of Genoa Secret Record Office; 3) the list of Genoa nobility (more than 800 titles of A. Scorza publications (Genoa, 1924). The main illustrative source was the collection of Latin inscriptions in the Crimea which were published by Helen Skrizhinskaya (Genoa, 1928). The author has revealed 8 new contractions of titles names of Genoa noblemen who lived and worked as administrative office-bearers of these colonies of the XIVth-XVth cc, and two new identifications of heraldic insignia.

Je.A., Jarowaja (St. Petersburg)

Über das neue Durchlesen der nobilischen Namen des Kaffischen und Soldaischen Lapidariums (nach dem Material von E. Skrschinskaja)

Der Bericht ist den mittelalterlichen Platten mit den heraldischen Aufschriften, die aus den genuesischen Kolonien auf der Krim kommen, nämlich Kaffa, Soldaj und Tschembalo. In der Arbeit werden lateinische fragmentare Aufschriften analysiert, es wurde der Versuch eines anderen Durchlesen der Namen unternommen. Die Forschung gründet sich auf drei geschichtlichen Quellen: 1) offizielle Briefe zwischen dem Protektorat Uffizio di San Giorgio in Genua und der örtlichen Kolonieverwaltung, die als “Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di San Giorgio (1453-

1475)“ bekannt ist; 2) einige vor kurzem veröffentlichte Dokumente des Geheimen Archivs von Genua; 3) die Liste des genuesischen Adels (mehr als 800 Namen, herausgegeben von A. Scorza (Genua, 1924).

Die illustrative Hauptquelle ist die Sammlung der lateinischen Aufschriften der Krim, die von Elena Skrschinska (Genua, 1928) herausgegeben wurde. Es wurden vom Autor 8 neue Namenabkürzungen der genuesischen Adligen entdeckt, die da leben und als Verwaltungsamtspersonen dieser Kolonien in den 14.-15. Jh. arbeiteten, sowie 2 neue Identifikationen der heraldischen Auszeichnungen.

E.A. Yarovaia (St.-Petersbourg)

**Nouveau traitement des noms nobil du lapidaire de Caffes et de Soldaï
(à partir des données de Skrginska E.)**

L'article est consacré aux dalles du Moyen âge avec les inscriptions héraldiques, issues des colonies de Gênes en Crimée: Caffes, Soldaï, Tchembalo. Le but du travail est l'étude analytique des inscriptions latines des trouvées en fragments. L'étude est basée sur trois sources historiques: 1) le courrier officiel du protectorat Ufficio di San Giorgio à Gênes avec l'administration locale des colonies "Codice diplomatico delle colonie Tauro-Ligur durante La signoria dell'Ufficio di San Giorgio (1453-1475)"; 2) les documents des archives de Gênes; 3) la liste de la noblesse de Gênes (plus de 800 noms d'éditions A. Scorza), (Gênes, 1924).

La principale source des noms est le recueil des inscriptions latines de Crimée, édité par Elena Skrginska (Gênes, 1928). L'auteur a identifié 8 nouvelles abréviations de noms de la noblesse qui représentaient l'administration de ces colonies aux XIV-XV siècles. L'auteur a trouvé 2 nouvelles identifications de la décoration héraldique.

ЭТИМОЛОГИЯ ДУНАЙ-ДНЕСТРОВСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ВРЕМЯ

Вопрос первого упоминания топонима или антропонима, связанного с Бессарабией, в исторической литературе ещё спорен. Считается, что впервые о бессарабской земле говорит венгерский документ 1331 года (Brézeanu S., 1997, p. 192), хотя имеются ещё источники, считавшие, что о бессарабах упоминается ещё в 1259 г. (Тунманн, 1991, с. 54).

Из персидских источников (архивы монгольских ханов) узнаём, что весной 1240 г. с частью татаро-монгольского войска дерётся местный полководец Базаран-бам (d'Ohsson, 1834-1835, p. 35).

Известный румынский поэт-классик Михай Эминеску, ссылаясь на польскую хронику (*Annales polonorum vestituores*) XIII века, сообщает, что к 1259 году татаро-монголы покорили бессарабцев (Eminescu M., 1990, p. 81). Другие источники сообщают, что в период 1324-1328 гг. валахский господарь Басараб I одержал ряд побед над татарами, и к 1330 г. Валахия расширилась до Килии и далее, отчего этот край и сохранил его имя (Штефанеску Ш., 1963, с. 542).

Так или иначе, несмотря на этимологию, топоним Бессарабия связан с татаро-ордынским периодом, как впрочем и другое название территории между Дунаем и Днестром - Буджак, означающее на татарском языке "угол" (Кантемир Д., 1973, с. 25). К этому же времени принадлежат и ряд гидронимов Одесской области, носящих имена татарских эмиров Хаджибея и Кутлубуга (Spinei V., 1982, p. 274). Похоже, что названия водоёмов Сасык, Алибей, а также ряд старых названий населённых пунктов Бессарабии как Гасан-Аспага, Хаджи-Абдул, Картал и др., также происходят от имён более или менее высоких чинов татаро-монголов.

Известны данные о том, что гидронимы Киргиз и Китай происходят от имени родо-племенных групп татар (Чеботарь П.А., 1990, с. 105).

Тюрко-татарские топонимы никак нельзя связывать с периодом турецкого владычества в Бессарабии, ибо известно, что они на этой территории сельских поселений не имели (Еремия А.И., 1990, с. 49). Еремия А.И. считает также, что названия озёр Кахул, Чугур, Ковурлуй, Кундук, Чулук, Ялпуг сохранились от печенегов и куманов (Еремия А.И., 1990, с. 49). На наш взгляд, все вышеупомянутые гидронимы, кроме Ялпуга, татарского происхождения. Ялпуг, скорее всего, трансформированное временем и множеством народностей название античного города Эполиум (Скржинская М.В., 1977, с. 55-56), стоявшего в начале нашей эры на берегу реки в районе современного села Табаки под Болградом (Стамати К., 1855, с. 810; Кантемир Д., 1957, с. 19).

Тут следует добавить, что в татарском селении Тобак (Табаки - В.К.), согласно источникам, родился отец Дмитрия Кантемира - Константин, бывший господарь Молдавии (Calinescu G., 1984, p. 23). О татарских корнях их семьи рассказывает сама фамилия, образованная из сочетания Хан-Темир. Темир / Тимур в тюркских языках означает "железо", "железный" (Чеботарь П.А., 1990, с. 70).

Протоиерей Михаил Чакир считал, что большинство населённых пунктов Бессарабии были когда-то татарскими аулами и даже сделал попытку (прилож. 1) перевести их названия, как к примеру: Бабел - рука отца; Барта - шапка, возвышенность; Болбоки - богатая окружность; Картал - орел и пр. (Ciachir M., 1922, p. 57-77). Несмотря на некоторые совпадения в переводе топонимов, согласиться с версией священника трудно, поскольку, в основном, часть описанных им сёл имели наименования XIX в., привезённые новым населением после 1812 года из Добруджи (Мещеряк И., 1965, с. 148).

Современный городок Рени в Одесской области известен как Рен с 1541 года (Reihersdorffer G., 1541). Турки берут его в 1621 и переименовывают в Тамар (Тамарова), что означает по Чакиру "вена" или "артерия", ибо, по его мнению, сей город имел такое же значение для всего Буджака, как вены для тела человеческого (Ciachir M. 1922, p. 47) или Томаров, как сообщают другие источники (Семёнов-Тянь-Шанский В.П., 1910, с. 503; Свиньин П., 1867, с. 313-314; Янко М., 1967, с. 123; Радянська енциклопедія, 1971, с. 547; Arbore Z., 1904, p. 176), не объясняя при этом этимологию названия. Встречаем и Тимарова (Кантемир Д., 1957, с. 50).

Известный специалист по средневековой истории Европы Н.Йорга придерживается мнения, что турки заимствовали название Томарова у славян (Iorga N., 1985, p. 75).

Отметим, что тюркоязычные гагаузы, живущие в сёлах ближе к Рени, и сегодня используют топоним Тимара.

Автору настоящей работы долгое время не поддавался объяснению топоним Тимара-Томорова, пока в источниках не обнаружилось письмо великого визирия Лэз-Ахмета-паши турецкому султану от 2 мая 1812 г., где обсуждается деление территорий Дунайских княжеств между турками и русскими, и в котором Рень-Томорова назван ещё и Тимурабадом (Relatiile Romano-Otomane, 1984, p. 698). Выходит туркам татарская хроника была известна, иначе, откуда бы мы знали, что в золотоордынское время сегодняшней Рени назывался Тимурабадом. К этому следует

добавить, что археологическая разведка берега Дуная в черте города дала много фрагментов поливной керамики этого времени.

На карте Молдавии, изданной русским генералом Бауэром после военных действий 1769-1771 гг. (Bawr F.G., 1783) более 80 % наименований населенных пунктов и водоемов рассматриваемой части территории тюрко-татарского происхождения.

Обнаруженный в разведках керамический материал с поливой у Орловки, Новосельского, Измаила и Килии на Нижнем Дунае (Кожокару В.М., Бейлекчи В.В., 1992, с. 4-12) позволяет в совокупности с выше-

описанными данными полагать, что на определенных этапах кочевники оседали рядом с автохтонным населением. Не исключено, что постепенно они поддавались ассимиляции. Археологические раскопки поселений золотоордынского времени на территории Одесской области проведены только в Белгороде (Кравченко А.А., 1992, с. 40) и они подтверждают седентарный образ жизни татаро-монголов. Смешение кочевых и оседлых черт жизни Золотой Орды прослеживается и в археологических комплексах Старого Орхоя на территории Молдовы (Рябой Т.Ф., 1990, с. 79).

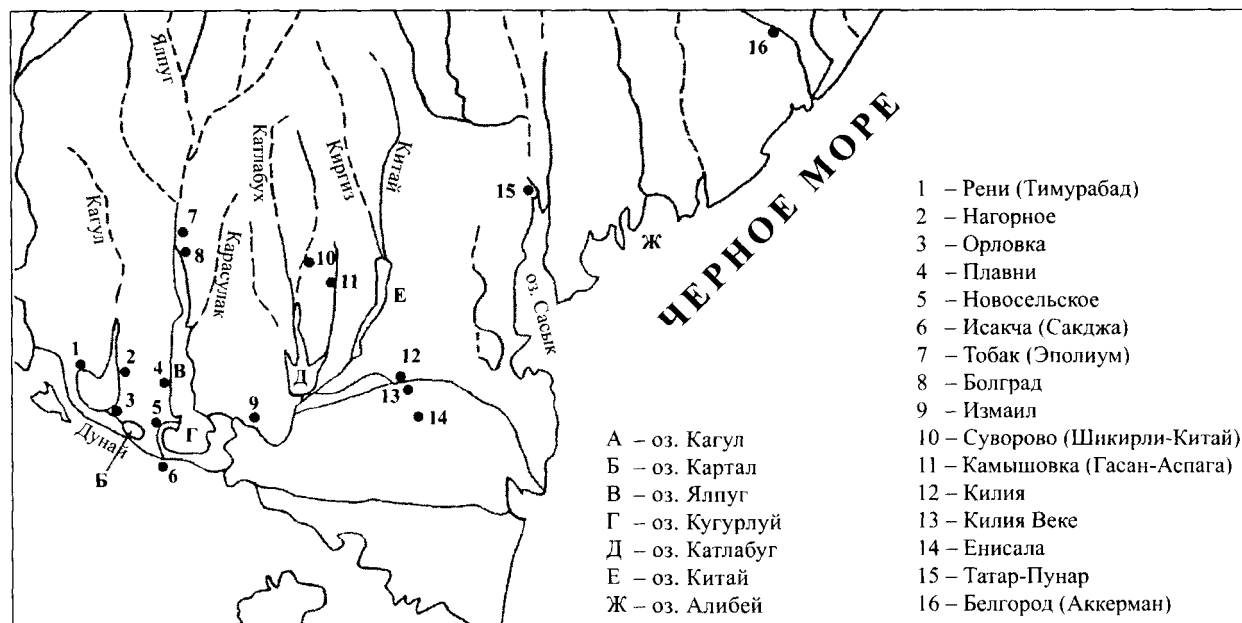

Рис. 1. Памятники Дунай-Днестровского междуречья в золотоордынское время.

Fig. 1. The sites of the territory between the Danube and the Dniester rivers at the Golden Horde epoch: 1 – Reny (Timurabad), 2 – Nagornoie, 3 – Orlovka, 4 – Plavni, 5 – Novoselskoie, 6 – Isakcha (Sakja), 7 – Tobak (Epolium), 8 – Bolgrad, 9 – Ismail, 10 – Suworovo (Shikirly-Kitay), 11 – Kamyshovka (Gasas-Aspaga), 12 – Kilia, 13 – Kilia Veke, 14 – Yenissala, 15 – Tatar-Punar, 16 – Belgorod (Akkerman). A – Kagul lake, Б – Kartal lake, В – Yalpug lake, Г – Kugurluy lake, Д – Katlabug lake, Е – Kitay lake, Ж – Alibey lake.

Abb. 1. Denkmäler aus dem Gebiet zwischen der Donau und dem Dniester in der Zeit der Goldenen Horde: 1 – Reni (Timurabad); 2 – Nagornoje, 3 – Orlowka, 4 – Plavni, 5 – Nowoselskoje, 6 – Issaktscha (Sakdscha), 7 – Tobak (Epolium), 8 – Bolgrad, 9 – Ismail, 10 – Suworowo (Schikirli-Kitai), 11 – Kamischowka (Gasas-Aspaga), 12 – Kilija, 13 – Kilija Weke, 14 – Jenissala, 15 – Tatar-Punar, 16 – Belgorod (Ackermann). A – Kagulsee, Б – Kartalsee, В – Jalpugsee, Г – Kugurluysee, Д – Katlabugsee, Е – Kitajsee, Ж – Alibeysee.

Dessin 1. Vestiges de la population territoire entre Danube et Dniestr a l'époque de la Horde d'Or: 1 – Réni (Timurabad), 2 – Nagornoné, 3 – Orlovka, 4 – Plavni, 5 – Novoselskoné, 6 – Issaktcha (Sakja), 7 – Tobak (Epolium), 8 – Bolgrad, 9 – Ismanl, 10 – Souvorovo (Chykirli-Kitan), 11 – Kamychovka (Gasas-Aspaga), 12 – Kilia, 13 – Kilia Veke, 14 – Enissala, 15 – Tatar-Punar, 16 – Belgorod (Akkerman). A – lac Kagoul, Б – lac Kartal, В – lac Yalpoug, Г – lac Kougourloun, Д – lac Katlaboug, Е – lac Kitan, Ж – lac Alibay

О том, что татары поддерживали тесные отношения с другими этнокультурными образованиями, свидетельствуют и нумизматические находки в Добрудже (Румыния). В средневековой крепости Енисала обнаружены 11 монет с тамгой на аверсе и генуэзским крестом на реверсе (Piescu O., 1997, p. 162). Подобная же монета обнаружена и в г.Килия-Веке. На них отсутствуют легенды. Изготовлены из низкосортной меди или бронзы и предназначались для обращения только в черте крепости-города, их выпускающей (Oberländer-Tärnoveanu E., Oberländer-Tärnoveanu I., 1989, p. 122-128). Идентифицируют их под названием follari, которые чеканились в восточных средневековых генуэзских колониях (Lunardi G., 1980, p. 43). Обнаруженные в Румынии фоллары чеканились в Енисале после 1363 г. генуэзскими купцами совместно с татарским ханом, предводителем Добруджи, Дмитрием (Piescu O., 1997, p. 178).

Данная работа была бы неполной без упоминания раскопок случайно обнаруженных погребений золотоордынского времени в курганах на обширной территории юга Украины. Они «маркируют» военно-торговый путь от Южного Буга до Дуная и датируются монетами ханов Токты (1290-1312) и Узбека

(1312-1340). В сочетании с наблюдениями за топографией кладов джучидских монет, тезаврированных к западу от Днестра не позднее конца XIII в., позволяет уточнить и верифицировать имеющиеся письменные известия об изменяющейся политической ситуации в Северо-Западном Причерноморье (Добролюбский А.О., 1989, с. 100-101). Этот же автор, ссылаясь на молдавского ученого Н.Д. Руссева, процесс возникновения золотоордынских городов в Пруто-Днестровском междуречье в середине XIV в. связывает с пандемией чумы, вызвавшей массовые переселения ордынцев из поволожских центров на периферию (Добролюбский А.О., 1989, с. 101).

Археологически не исследованы известные по источникам военно-административные центры Килия, Исакча (Guboglu M., Mehmet M., 1966, p. 130) и Облучица (Gonta A., 1983, p. 186), последняя даже еще не локализована.

Будем надеяться, что начатые в 1997 г. совместные украинно-молдово-румынские археологические исследования на Нижнем Дунае, дополнят неизвестную страницу истории средневековья новыми интересными данными.

Название XIII в.	По карте Молдавии 1541 г.	По карте Д.Кантемира 1714 г.	По карте генерала Бауэра 1783 г.	Название после 1812 г.	Современное название
Тимурабад	Рен	Рень	Рень	Рень	Рени
—	Облучица (?)	Сатабис	Ноу	Сатунов	Новосельское
—	—	Картал	Картал	Картал	Орловка
—	—	—	Кышлица	Барта	Плавни
—	—	Петричень	Петричень	Карагач	Нагорное
—	—	Тобак	Тобак	Табаки	Табаки
—	—	—	Гасан-Аспага	Гасан-Аспага	Камышовка

Табл. 1. Некоторые названия населенных пунктов Бессарабии по историческим и картографическим источникам.

Table 1. The names of some Bessarabian localities according to historical and cartographical sources.

Table 1. Namen einiger Ortschaften Bessarabiens nach den geschichtlichen und kartographischen Quellen.

Tableau 1. Noms de certaines localités de la Bessarabie selon les sources historiques et cartographiques

Литература и архивные материалы

1. Добролюбский А.О., 1989. О меняющихся западных пределах Золотой Орды в первой половине XIV в. // История и археология Нижнего Подунавья (чтения памяти профессора А.И.Доватура). Рени.
2. Еремия А.И., 1990. Географические названия рассказывают. Кишинев.
3. Кантемир Д., 1957. Дескриеря Молдавей. Кишинэу.
4. Кантемир Д., 1973. Описание Молдавии. Кишинев.
5. Кожокару В.М., Бейлекчи В.В., 1992. Отчет о полевых исследованиях в Ренийском, Измаильском и Килийском районах Одесской области разведывательной археологической экспеди-

- ции Ренийского историко-краеведческого музея// ИА НАН Украины.
6. Кравченко А.А., 1992. Ремесленное производство золотоордынского Белгорода// Историческое краеведение Одесщины. Вып. 2. Одесса.
 7. Мещеряк И., 1965. Переселение болгар в Южную Бессарабию. Кишинев.
 8. Радянська енциклопедія історії України, 1971. Т.3. К.
 9. Рябой Т., 1990. Классификация золотоордынских жилищ из Старого Орхеля// Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья (тезисы докладов науч.-практ. конференции). Ч. 2. Белгород-Днестровский.
 10. Свинын П., 1867. Описание Бессарабской области// ЗООИД. Одесса.
 11. Семенов-Тянь-Шанский П., 1910. Полное описание нашего отечества. Новоросия и Крым. Т. 14. СПб.
 12. Скржинская М.В., 1977. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. К.
 13. Стамати К., 1855. О Бессарабии и ея крепостях// ЗООИД. Вып. 11. Одесса.
 14. Тунманн, 1991. Крымское ханство. Симферополь.
 15. Чеботарь П.А., 1990. Что воскликнул турецкий паша? Кишинев.
 16. Штефэнеску Шт., 1963. Румыно-болгарские связи в IX-XIV вв. и становление румынской государственности// *Romanoslavica*. IX. Bucuresti.
 17. Янко М.Т., 1967. Топонімічний словник-довідник Української РСР. К.
 18. Arbore Z., 1904. Dictionarul geografic al Basarabiei. Bucuresti.
 19. Bawr F.G., 1783. Carte de la Moldavie pour servir a l'histoire millitaire entre les russes et les turcs ... Amsterdam.
 20. Brézeanu S., 1997. Modele européen et réalité locale dans la fondation des principautés roumaines// *Etudes byzantines et post-byzantines*. T. III. Bucuresti.
 21. Calinescu G., 1984. Istoria literaturii romane (de la origini pana in prezent). Bucuresti.
 22. Ciachir M., 1922. Explicarea numirilor turco-tatare...// *Revista societatii istorico-arheologice*. XIV. Chisinau.
 23. Eminescu M., 1990. Basarabia. Sibiu.
 24. Gonta A., 1983. Romanii si Hoarda de Aur (1241-1502). München.
 25. Guboglu M., Mehmet M., 1966. Cronici turcesti privind tarile romane. Bucuresti.
 26. Iliescu O., 1997. Génois et tatares en Dobroudja au XIV siècle: l'apport de la numismatique// *Etudes byzantines et post-byzantines*. III. Bucuresti.
 27. Iorga N., 1985. Istoria poporului romanesc. Bucuresti.
 28. Lunardi G., 1980. Le monete delle colonie genovesi. Gènes.
 29. Oberländer-Tarnoveanu E., Oberländer-Tarnoveanu I., 1989. Noi descoperiri de monede emise in zona gurilor Dunarii in sec. XIII-XIV// *Studii si cercetari de numismatica*. 9. Bucuresti.
 30. d'Ohsson, 1834-1835. Histoire des Mongols depuis Tschingis-Khan jusqu'à Timourbeg ou Tamerlan. T. I.
 31. Reihersdorffer G., 1541. Moldaviae finitimar vmq regionvm typvs. Vena.
 32. Relatiile romano-otomane (1711-1821), 1984. Bucuresti.
 33. Spinei V., 1982. Moldova in secolele XIII-XIV. Bucuresti.

Summary

V.M. Kozhokaru (Reni)

The Etymology of the Danube-Dniester interfluvium in the times of the Golden Horde

The article provides a substantiation of the appearance of the regional etymology dating back to the Golden Horde times. During the Golden Horde period in the Danube-Dniester interfluvium alongside with small settlements there also functioned large military-administrative centres such as Belgorod, Kiliya, Obluchitsa.

There is an explanation of many hydronyms and other contemporary geographical objects of the Tartarian origin.

W.M., Koschokaru (Reni)
**Etymologie des Gebietes zwischen der Donau und dem
Dniestr in der Zeit der Goldenen Horde**

Im Artikel wird die Herkunft vieler Namen in dieser Region gedeutet, die noch in der Zeit der Goldenen Horde verwurzelt sind. Ausser kleinen Siedlungen gab es in jenem Zeitraum in diesem Gebiet auch grössere militär-administrative Zentren, nämlich Belgorod, Kilia und Oblutschiza.

Viele Hydronyme und andere heutige geographische Objekte tatarischer Herkunft werden erklärt.

V.M. Kojokarou (Réni)
**Etymologie du territoire entre les fleuves Danube et
Dniestr à l'époque de la Horde d'Or**

Cet article présente l'argumentation de la dérivation de plusieurs étymologies de la région, provenant de l'époque de la Horde d'Or. A l'époque de la Horde d'Or sur le territoire entre les fleuves Danube et Dniestr, sauf les petites colonies, fonctionnaient de grands centres administratifs: Belgorod, Kilia, Obloutchitsa.

L'auteur explique plusieurs hydronymes et lieux géographiques de l'origine tatar.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАННЕДЖУЧИДСКОМ ЧЕКАНЕ ХОРЕЗМА И САРАЯ

Двухсотлетняя история монетного дела Золотой Орды изучена далеко не равномерно и больше белых пятен приходится на начальный период ее становления - третья четверть XIII в. Не установлены даты начала работы первых пяти монетных дворов: в древних Булгаре и Хорезме, в новых городах Укеке, Крыме и столичном Сарае, местоположение которого пока не найдено. На Селитренном городище, с которым ассоциируются развалины Сарая, до сих пор не обнаружено слоев XIII в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.25), не найдено и ни одной его монеты этого времени (Федоров-Давыдов Г.А., 1963, с.170,185). Тем не менее, корпус монет чекана Сарая XIII в. неуклонно пополняется, составляя сейчас 12 типов дирхамов и 2 типа полудирхамов (Федоров-Давыдов Г.А., 1961, с.79; Сингатуллина А.З., 1992, с.34).

Начало работы новых монетных дворов устанавливается по старшей дате монет и для окраинного Хорезма, на сегодня - это 678 г.Х.(1279/1280 гг.) (Федоров-Давыдов Г.А., 1965, с.179). Однако более 100 лет назад В.Трутовский (Трутовский В., 1886, с.109, № 1011) опубликовал дирхам Хорезма этого же типа, где после слова "год" вместо цифр даты был проставлен непонятный набор букв "хст". В 1965 г. такую же монету из собрания ГИМ (№ 6717) издал Г.А. Федоров-Давыдов. Недавно в частной московской коллекции был выявлен еще один экземпляр этого дирхама (рис.1,1), и В.Н. Настич, а также независимо от него автор данной статьи увидели в непонятном слове хронограмму, соответствующую дате 669 г.Х. (1270 /1271 гг.) Эта дата отодвинула на 9 лет открытие джучидского монетного двора в Хорезме и одновременно поставила вопрос о причине такого длительного перерыва в его работе. Ответ на него был получен находкой дирхама Хорезма этого же типа с новой хронограммой "х'ау", то есть 676 г.Х. (1277/1278 гг.) (рис.1,2). Он происходил из клада серебряных монет чекана Сарая 70-х гг. XIII в., найденного в 1990-1991 гг. в Нижнем Поволжье.

Существование уже двух вариантов дирхамов Хорезма, датированных с помощью хронограмм 669 и 676 гг.Х. (1270/1271 и 1277/1278 гг.), позволяет надеяться со временем обнаружить монеты с хронограммами промежуточных дат в этом интервале в фондах музеев городов Нижнего Поволжья или Узбекистана.

В 1961г. начало работы монетного двора в столичном Сарае относилось к 681 г.Х. (1282/1283 гг.) (Федоров-Давыдов Г.А., 1961, с.79), а на сегодня ступенчато отодвинуто на 8 лет ранее к 673 г.Х. (1274/1275 гг.). Сначала в составе клада из Булгара и раскопках Городца на Волге (Федоров-Давыдов Г.А.,

1986, с.5, №№ 29, 29а) было найдено два дирхама Сарая 677 г.Х.(1278/1279 гг.). Этот тип дирхамов (рис.1,3) являлся основным в упомянутом кладе из Нижнего Поволжья, где он был представлен более 10 штемпельными разновидностями. В 1992 г. на Эрмитажной конференции А.З.Сингатуллина сообщила о другом варианте этого типа дирхама с перестановкой строк на обратной стороне (рис. 1,4 - по реконструкции в тезисах доклада). По-видимому, третий его вариант приведен на рис.1,5 по 2-ум экземплярам из частных коллекций. Возможно, здесь на 3 строке о.с. вместо буквы "йā" хронограмма "х'аз", отвечающая тому же 677 г. Х. (1278/1279 гг.), который на варианте (рис. 1,4) показан цифрами: четко видны буквы "хā" и "айн", а от ушедшей за обрез третьей буквы "зейн" видна ее диакритическая точка.

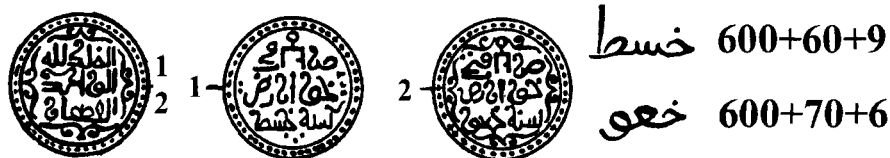
Богатый на типы и варианты сарайских монет 677 г.Х. нижеволжский клад 1991 г. явил нам еще один тип дирхамов - с тамгой дома Бату на обеих сторонах (рис.1,6). Не менее 5 таких монет оказалось в его составе, а один обломок недавно найден в Городце (Лебедев В.П., 1997, с.25). На л. с., по сторонам тамги, - традиционная для монет этого времени сентенция - "Власть богу единому, всемогущему". На о. с. - эта же тамга, но без шипа у ножки, вокруг - второе популярное изречение "Слава вечная, честь продолжающаяся", в 4-х сегментах у ободка - "Чекан Сарая года 677".

Приведем еще один тип дирхама из нижеволжского клада с искаженной датой "278", по-видимому, "678" (рис. 1,7). На л. с. - та же сентенция, как у дирхама на рис.1,6, но тамга перенесена на о. с., легенда которой пока непонятна, и не ясен монетный двор.

Тогда же в Эрмитаже А.З. Сингатуллина описала еще более ранний дирхам Сарая 673 г.Х. (1274/1275 гг.) (Сингатуллина А.З., 1992, с.34) по типу, аналогичному давно известному дирхаму Булгара (Френ Х.М., 1832, с.2, № 5). Два таких дирхама разных штемпелей найдено в составе частных коллекций (рис.1,8). Одинаковое оформление дирхамов давно функционировавшего монетного двора Булгара и только созданного в Сарае побудило А.З. Сингатуллину предположить заимствование монетного типа, а, может быть, и самих монетариев из Булгара в Сарай. Однако дело обстояло, очевидно, не так, ибо стал известен сарайский дирхам 671 г.Х. (1272/1273 гг.) (рис.1,9) - один экземпляр из частной саратовской коллекции. От варианта 673 г.Х. (1274/1275 гг.) он отличается не только датой, но и добавлением союза "фи" в легенде о. с.

В нижеволжском кладе джучидских монет 676-678 гг.Х. (1277/1278 - 1279/1280 гг.), преимуществен-

ДИРХАМЫ ХОРЕЗМА

ДИРХАМЫ САРАЯ

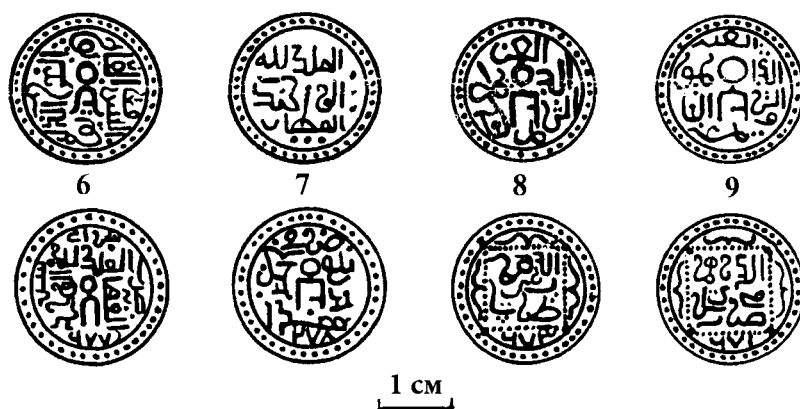
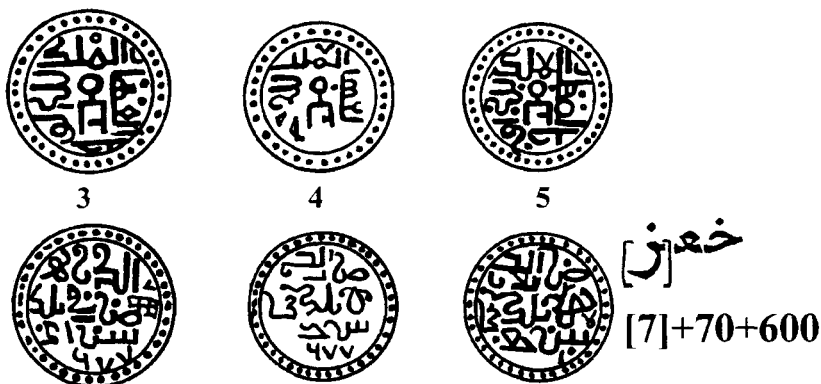

Рис. 1. Реконструкция штемпелей дирхамов Хорезма и Сарая XIII в. 1 – Хорезм, “хст” = 669 год Хиджры; 2 – Хорезм, “х’ау” = 676 год Хиджры; 3, 4 – Сарай, 677 год Хиджры (вариант по о. с.); 5 – Сарай, “х’аз” (?) = 677 год Хиджры; 6 – Сарай, 677 год Хиджры (тип с тамгой на обеих сторонах); 7 – Город (?), 678 год Хиджры; 8 – Сарай, 673 год Хиджры; 9 – Сарай, 671 год Хиджры.

Fig. 1. The reconstruction of the stamps of dirhams of the XIIIth century Horezm and Saray. 1 – Horezm, “xst” = the Hijrah of 669; 2 – Horezm, “x’ay” = the Hijrah of 676; 3, 4 – Saray, the Hijrah of 677 (the variant of the reverse side); 5 – Saray, “x’az” (?) = the Hijrah of 677; 6 – Saray, the Hijrah of 677 (the type with tamga on both sides); 7 – a town (?), the Hijrah of 678; 8 – Saray, the Hijrah of 673; 9 – Saray, the Hijrah of 671.

Abb. 1. Rekonstruktion der Stempel von Dirchame aus Choresm und Saraj 13 Jh. 1 – Choresm, “хст” – 669. Hedschra; 2 – Choresm, “х’ау” – 676. Hedschra; 3, 4 – Saraj, 677. Hedschra (Varianten nach Umsteuerung); 5 – Saraj, “х’аз” (?) – 677. Hedschra; 6 – Saraj, 677. Hedschra (Typ mit Symbol auf beiden Seiten); 7 – Stadt (?), 678. Hedschra; 8 – Saraj, 673. Hedschra; 9 – Saraj, 671. Hedschra.

Dessin 1. Reconstitution des timbres de dirhames de Khorésm et de Sérail du XIIIe siècle. 1 – Khorésm, “хст” = 669 année de l’Hégire; 2 – Khorésm, “х’ау” = 676 année de l’Hégire; 3, 4 – Sérail, 677 année de l’Hégire; 5 – Sérail, “х’аз” (?) = 677 année de l’Hégire; 6 – Sérail, 677 année de l’Hégire (type avec tamgue des deux côtés); 7 – Ville (?), 678 année de l’Hégire; 8 – Sérail, 673 année de l’Hégire; 9 – Sérail, 671 année de l’Hégire

ПОЛУДИРХАМЫ И ДИНАРЫ САРАЯ

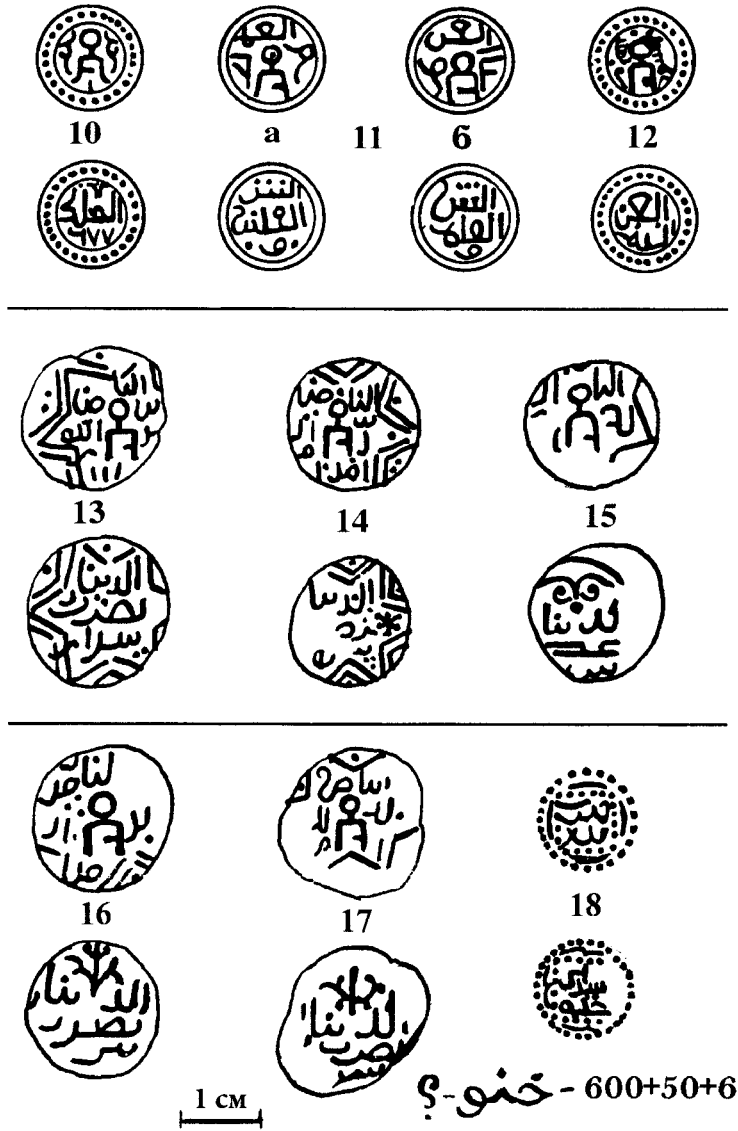

Рис. 2. Реконструкции штемпелей полудирхамов и динаров Сарая XIII в. Полудирхамы: 10 – 677 год Хиджры; 11, 12 – не датированные. Серебряные динары: 13-17 – Сарай, без даты; 18 – (1/4 - 1/2)? дирхама, Сарай, “хну” (?) = 656 год Хиджры.

Fig. 2. The reconstruction of the stamps of semidirhams and dinars of the XIIIth century Saray. Semidirhams: 10 – the Hijrah of 677; 11, 12 – undated. Silver dinars: 13-17 – Saray, undated; 18 – (1/4 - 1/2)? of dirkham, Saray, “хну” (?) = the Hijrah of 656.

Abb. 2. Rekonstruktion der Stempel von Halbdirchamen und Dinaren aus Saraj 13 Jh. Halbdirchame: 10 – 677. Hedschra; 11, 12 – nicht datiert. Silberne Dinare: 13-17 – Saraj, ohne Datum; 18 – (1/4 - 1/2)? Dircham; Saraj “хну” (?) = 656. Hedschra.

Dessin 2. Reconstruction des timbres des semi-dirhames et des dinares de Sérail du XIII^{siècle}. Semi-dirhames: 10 – 677 année de l’Hégire; 11, 12 – ne sont pas datés. Dinares d’argent: 13-17 – Sérail, non daté; 18 (1/4 - 1/2)? dirhames, Sérail, “хну” (?) = 656 année l’Hégire

но дирхамов Сарая 677 г.Х. (1278/1279 гг.) весом 1,45-1,6 г и размером 18-21 мм, имелось небольшое число, вероятно, его фракций весом 0,75-0,8 г и размером 13-15 мм. Монетный двор во всех случаях на них опущен, поэтому отнесение этих, по-видимому, полудирхамов к чекану Сарая вероятностное. Только один тип полудирхамов датирован - тем же 677 г.Х. (1278/1279 гг.) (рис.2,10). На одной стороне помещена обычная тамга и две виньетки по сторонам, на другой - "Ал-Малик /677". На л. с. полудирхама другого типа (рис.2,11а,б) вокруг тамги - начало знакомого изречения "Слава вечная", которое заканчивается на о. с. - "честь продолжающаяся". На варианте № 11б второе слово надписи л. с. изображено зеркально. У третьего типа полудирхама л.с. занимает двустрочная легенда "Слава Аллаху", на о.с. - тамга, по сторонам которой, неясная, плохо прочеканенная надпись.

Таким образом, дирхам 671г.Х. (1272/1273гг.) на сегодня - самая ранняя уверенно датированная монета Сарая. Но монетный двор в нем мог начать работу и раньше. Еще Х.М.Френ (Френ Х.М., 1832, с.5, №О*) опубликовал серебряный динар, место чекана которого прочел как неведомый "Серир". Сейчас известно, по крайней мере, 5 таких динаров разных штемпелей: 2 - в собрании Саратовского музея (№№ 0129, 0131) и 3 - в частных коллекциях. На рис.2,13-17 приведены изображения всех 5 динаров, воспроизведенные по реконструкциям саратовского нумизмата-краеведа Ю.Е.Пырсова (1930-1997), составителя каталога джучидских монет Саратовского музея. Легенды обеих сторон на всех экземплярах, кажется, одни и те же: на л. с. "Ан-Насир/Лид-Дин Аллах/Амир-ал-Муминин", на о. с. "Динар/ Чекан/Сарая". Однако, по внешнему оформлению их можно разбить на три варианта: А (№№ 13,14) - картуш обеих сторон образован двойной шестиугольной звездой, в поле о. с. - в правом луче - звездочка, в нижнем - 3 точки. Вариант Б (№№ 16, 17) - картуш л. с. как у варианта А, на о. с. не виден, в поле о. с. сверху - украшение в виде древесной ветки. Вариант В (№ 15) - картуши не сохранились, на о. с. вместо ветки помещена личина.

Вес серебряных динаров 1,2-1,5 г, как и серебряных дирхамов 671-678 г.Х. (1272/1273 - 1279-1280 гг.), и почти вдвое ниже веса дирхамов 80-90 гг. XIII в., поэтому кажется нелогичным одновременный чекан двух разных номиналов из одного металла одинакового или меньшего веса у динаров, чем у дирхамов. Можно предположить, что динары выпущены до 671 г. Х. (1272/1273

гг.), а верхней границей их чеканки является время появления на джучидских монетах тамги дома Бату. Самые ранние монеты Золотой Орды с этой тамгой чеканены в Крыму в 665 г. Х. (1266/ 1267 гг.) от имени Менгу-Тимура (Савельев П.С., 1858, № 491), тогда как при хане Берке там чеканились серебряные и медные монеты с другой, оригинальной тамгой (Янина С.А., 1964, с.169; Лебедев В.П., 1994, с.26, рис 1,4). Последняя из публикуемых в данной работе монет (из коллекции Ю.Е.Пырсова) может оказаться самым ранним образцом сарайского чекана (рис. 2,18). Монета происходит из небольшого клада сарайских монет 70-90 гг. XIII в., найденного около 20 лет назад в Нижнем Поволжье. На л.с. в две строки грубым почерком изображено "Чекан/города", продолжение на о. с. - "Сарая /...?". Может быть, здесь снова хронограмма: "хну" = 656 г.Х.? Вес монеты 0.44 г.

Впервые для монетного дела Золотой Орды выявлено использование хронограмм для датировки ранних дирхамов монетного двора в Хорезме - два варианта дирхамов: 669 ("хст") и 676 ("х'ау") гг.Х. Дирхам 669 г.Х. (1270/1271 гг.) на сегодня самый ранний в джучидском чекане Хорезма. Чекан 70-х гг. XIII в. столичного монетного двора в Сарае открыт чуть более 10 лет назад - два варианта дирхама 677 г.Х. (1278/1279 гг.) и один 673 г.Х. (1274/1275 гг.) В данном сообщении в научный оборот вводятся 9 типов и вариантов неизвестных ранее монет Сарая XIII в.: дирхамы - 671 (1), 677 (2), 678 (1) гг. Х., полудирхамы - 677 г.Х. (1), недатированные (3), по хронограмме "хну" = 656 г.Х. Дата одного из вариантов сарайских дирхамов 677 г.Х. (1278/1279 гг.) также изображена с помощью хронограммы - "х'аз" = 677 г.Х. Таким образом, начало работы монетного двора в Сарае по старшей дате на сегодня может быть отнесено к 671 г.Х. (1272/1273 гг.). Скорее всего, это - не окончательная дата, но не только из-за вероятной находки в будущем монет с более ранними годами выпуска. Возможно, более ранними могут оказаться недатированные серебряные динары Сарая с именем ан-Насир Лид-Дина, время выпуска которых предположительно можно отнести к 60-м годам XIII в., или мелкие серебряные монеты, предположительно датированные с помощью хронограммы 656 г.Х. (1258г.).

Литература и архивные материалы

1. Лебедев В.П., 1994. К нумизматике Крыма золотоордынского периода// Нумизматический сборник МНО. №3. М.
2. Лебедев В.П., Дунин В.Н., 1997. Золотоордынские монеты из находок в Городце на Волге// Древности Нижегородского Поволжья. Вып. II. Нумизматический сборник. Т. I. Нижний Новгород.
3. Лебедев В.П., Дунин В.Н., 1998. Золотоордынские монеты из находок в Городце на Волге// Тезисы докладов VI Всероссийской нумизматической конференции. СПб.

4. Савельев П.С., 1858. Монеты Джучидские, джагатаидские, джелаиридские и другие, брававшиеся в Золотой Орде в эпоху Токтамышша// ЗРАО. Т.ХII. Вып.II. СПб.
5. Сингатуллина А.З., 1992. Монеты Сарая XIII в. Краткие тезисы докладов Нумизматической конференции. СПб.
6. Трутовский В., 1886. Каталог восточных монет Московского Публичного и Румянцевского музеев. Вып. III. М.
7. Федоров-Давыдов Г. А., 1961. О начале монетной чеканки в Хорезме и Сарая в конце XIII в.// ЭВ. Вып. XIV.
8. Федоров-Давыдов Г. А., 1963. Находки джучидских монет// НЭ. Т.IV.
9. Федоров-Давыдов Г.А., 1965. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода// НЭ. Т. V.
10. Федоров-Давыдов Г.А., 1986. Клад серебряных монет XIII в. из Болгар// КСИИМК. №183.
11. Федоров-Давыдов Г. А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
12. Френ Х. М., 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб.
13. Янина С. А., 1965. О монетах, приписываемых хану Ногаю// Материалы сессии, посвященной итогам 1964 г. Баку.

Summary

V.P. Lebedev (Dzerzhinsk, region of Nizhny Novgorod)
The New Data on the Early Juchi Coinage of Khoresm and Saray

The use of letter khronograms for dating the earliest two dirkhams of Khoresm mint – the Hijrah of 669 (“хсг”) and 676 (“х’ау”) for the coin trade in Golden Horde was firstly discovered.

9 earlier unknown types and variants of coins: dirkhams of the Hijrah of 678 (1), 677 (2), 671 (1), semidirkhams of the Hijrah of 677 (1) and 4 undated coins were introduced into scientific circulation in the mintage of 70-s of the XIIIth century of capital Saray. The date of one of dirkhams of the Hijrah of 677 is depicted also in the type of khronogram – “х’аз”. It is possible that one of semidirkhams of Saray was also dated with the help of khronogram – “хну” = the Hijrah of 656 and in this case it made this coin to be the oldest one of the capital mint.

The formed temporal gap in mintage of Saray of 60-s of the XIIIth century could be filled with undated silver aureus minted in Saray with the name of the late caliph Nasir Lid-Din, five variants of which are described in the research.

W.P., Lebedew (Dserschinsk, Gebiet Nischnij Nowgorod)
**Neue Angaben über die frühere Periode in der Dschutschidi-Münzprägung
 Choresms und Sarajs**

Es wurde zum ersten Mal entdeckt, daß für die Münzprägung in der Goldenen Horde Buchstabenchronogramme für das Datieren zweier frühesten Dircheme der Choresmer Münzstätte benutzt wurden; das sind 669 (“хсг”) und 676 (“х’ау”) Hedschra.

In der Prägung der 70er Jahre des 13. Jhs. in der Hauptstadt Saraj führt man in den Wissenschaftsumgang früher unbekannte Typen und Varianten der Münzen ein: Dircheme von 678(1), 677(2), 671(1) Hedschra, Halbdircheme von 677(1) Hedschra und 4 undatierte Münzen. Das Prägungsjahr eines der Dircheme 677 Hedschra steht auch in Form eines Chronogramms “х’аз”. Es ist auch möglich, daß einer der Halbdircheme Sarajs auch mit Hilfe des Chronogramms “хну”, d. h. 656 Hedschra, datiert wurde. Er ist in diesem Fall die älteste Münze der hauptstädtischen Münzstätte.

Die undatierten silbernen Dinare könnten aus den 60er Jahren des 13. Jhs. stammen, und die zeitweilige Leere in der Prägung in Saraj ausfüllen, die in Saraj im Namen des gestorbenen Kalifs Nasir Lid-Din geprägt wurden, deren 5 Varianten auch in dieser Arbeit beschrieben wurden.

V.P. Lebediev (Dzerjynsk, région de Nijni Novgorod)
**Données récentes sur le monnayage de Khoesm et de Sérail
à l'époque des Djoutchi anciens**

Pour la première fois on a découvert l'utilisation des chronogrammes en lettres dans l'art monétaire de la Horde d'Or. Elles datent deux dirhames les plus anciens de l'Hôtel des Monnaies à Khoesm: l'année 669 ("xcr") et l'année 676 ("x'ay") de l'Hégire.

Dans le monnayage des années 70 du XIII siècle de la capitale de Sérail on a découvert 9 types de pièces de monnaie auparavant inconnus: dirhames des années 678(1), 677(2), 671(1) de l'Hégire, demi-dirhames de l'année 677 de l'Hégire et 4 pièces non datées. La date d'un des dirhames de l'année 677 de l'Hégire est marquée par un chronogramme "x'az". Il est possible que l'un des demi-dirhames de Sérail, soit marqué par un chronogramme "xny" = l'année 656 de l'Hégire. Dans ce cas c'est une pièce de monnaie la plus ancienne de l'Hôtel des Monnaies de la capitale.

Ainsi, dans le monnayage de Sérail les années 60 du XIII siècle forment une lacune temporelle. Elle pourrait être remplie par les dinars d'argent battus à Sérail avec le nom du kalif Nasir Lid-Din. Cinq versions de ces pièces sont aussi décrites dans le présent travail.

МОНЕТЫ В ПОГРЕБЕНИЯХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

За десятилетия археологического изучения Золотой Орды российскими археологами были выявлены, раскопаны и исследованы сотни погребальных памятников золотоордынской эпохи. При их изучении в центре внимания исследователей всегда были вопросы хронологико-типологических схем сопровождающего инвентаря.

Монетам же, обнаруженным в погребениях, не придавалось особого значения. Единичные монеты интересовали археологов прежде всего как датирующий материал (Федоров-Давыдов Г.А., 1965; Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1981, с. 63; Мажитов Н.А., 1981, с.124; Мыськов Е.П., 1992, с.16). Специфичность находок монет в погребениях не учитывалась. Разработка этого вопроса, однако, может иметь большое значение для археологии и этнологии.

В предлагаемой работе рассматриваются погребения с монетами, исследованные на территории Золотой Орды. В современных географических рамках распространение таких комплексов охватывает: Астраханскую, Волгоградскую, Саратовскую, Самарскую области, Татарию, Калмыкию, Казахстан, Украину и прилегающие к ним соседние территории.

В целом, монеты, обнаруженные в погребениях, можно разделить на две большие группы: монеты-украшения и монеты - "оболы мертвых". Отличительная особенность первой группы – наличие на монете ушка или отверстия для подвешивания. Вряд ли монеты этой группы могут обладать датировочной "способностью", т.к. продолжительность "жизни" украшений может быть достаточно длительной. Несмотря на встречаемость в более позднее время монет-украшений у тюркских народов (татар, казахов, ногайцев), ведущих свое происхождение с эпохи Золотой Орды, они не замечены в погребениях XIII-XIV веков.

Все монеты, найденные на данный момент в золотоордынских погребениях на исследуемой территории, несут нагрузку "оболы мертвых". В этом случае монета должна отвечать следующим требованиям: 1 - отсутствие на монете приспособления для подвешивания, 2 - характерное местоположение монеты в погребении. Обычное местоположение монеты: во рту, в районе черепа, в районе рук, на груди, зафиксированы случаи положения монеты на дно и в засыпи могильной ямы.

Историография этого вопроса крайне скудна. Такого рода исследования проводились на материале погребений Древней Руси (Потин В.М., 1971; Равдина Т.В., 1988).

Традиции положения монеты в погребения оседло-земледельческого населения прослежены на территории Восточной Европы еще с римского времени. Этот обычай не являлся характерным только для одного какого-нибудь народа. Он бытовал в античном мире, у германских племен, финно-угорских народностей, тюрков и др.

В кочевнических культурах (до XIII в.) эти традиции практически не прослеживаются, при этом гораздо чаще в погребениях встречаются монеты-украшения, находки монет-"оболов" единичны (Шилов В.П., 1975, с. 159, 162; Круглов Е.В., 1992, с. 153, 156; Филиппченко В.А., 1959, с. 239; Мажитов Н.А., 1981, с.49, 105, 114, 116, 155; Максимов Е.К., 1969; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.104-106).

Что касается золотоордынской эпохи, то в археологии этот вопрос не поднимался, а каких-либо специальных этнографических наблюдений, связанных с этим обрядом, не проводилось (Пигарев Е.М., 1995).

XIII-XIV вв. характеризуются образованием золотоордынского государства, градостроительной политикой ханов, процессом оседания кочевников (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 199, 207; Егоров В.Л., 1985, с. 77). Именно в этот период появляется чеканка собственно золотоордынских монет, устанавливается тесная связь между городом и степью, в среде кочевников развиваются товарно-денежные отношения (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 214; Мухамадиев А.Г., 1983, с.43; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с.29). В кочевых и полукочевых обществах средством обмена, показателем уровня богатства, деньгами был скот и, видимо, в составе погребального инвентаря кочевнического погребения части туш крупного или мелкого рогатого скота несли и такое значение.

Новые социально-экономические отношения изменили не только быт кочевников, они внесли коррективы в представление человека о мире мертвых. И именно в золотоордынский период, с появлением собственного монетного чекана, количество погребений с монетами значительно увеличивается.

В сопровождающий статью каталог вошли фигурирующие в отчетах, музейных коллекциях и публикациях данные о 213 погребениях XIII-XV вв. с золотоордынскими монетами*.

Из 214 погребений, содержащих в погребальном инвентаре одну или несколько монет, только три погребения (по таблице №№ 60, 86а, 163), кроме золотоордынских, имели в своем составе иноземные монеты: № 60 - золотой мамлюкский динар султана Бей-

*Нумерация курганов и погребений соответствует нумерации в отчетах о раскопках и публикациях.

барса; № 86а - бронзовая китайская монета; № 163 - медная византийская монета, что составляет 1.4 % от общего количества погребений. Золотоордынские монеты распределяются следующим образом: в 48 погребениях встречены только медные монеты (пулы) (22.4 %), в 166 погребениях - серебряные (дирхемы) (77.6 %), медные и серебряные зафиксированы в 6 погребениях (2.8 %).

Из 214 погребений определены по возрасту как взрослые - 210 (98 %), как детские - 4 (1.9%); по полу: определяются как мужские - 55 погребений (25.7 %), женские - 49 (22.9%), в 110 погребениях (51.4%) половая принадлежность не определяется.

Наибольшее количество погребений раскопано в Астраханской и Волгоградской областях, соответственно 74 и 66. Это обусловлено тем, что именно здесь располагалась столица государства - город Сарай (Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джедид), с вытянувшимися в цепочку вдоль Волги и Ахтубы многочисленными городами и сельскими поселениями. Последнее обстоятельство, кстати, и активизировало процесс оседания кочевников и развитие в их среде товарно-денежных отношений.

Хронологически рассматриваемые нами погребения делятся на три основных периода: XIII, XIV и XV века. Если монет в погребении несколько, то датировка дается по поздней монете.

- XIII в. - 21 погребение (9.8 %);
- XIV в. - 134 погребения (62.6 %);
- XV в. - 5 погребений (2.3 %);
- неопределенных - 54 погребения (25.2 %).

XIV век условно разделен нами на три подпериода:

- 1300 -1330-е гг. - 38 погребений (17.8 % от общего количества, 28.4 % от погребений XIV в.);
- 1340 -1360-е гг. - 62 погребения (29 % и 46 %, соответственно);
- 1370 -1390-е гг. - 6 погребений (2.8 % и 4.5 %, соответственно).

28 погребений определены авторами просто XIV веком, без уточнения, что составляет 13 % от общего количества и 20.9 % от погребений XIVв.

Из приведенного выше статистического анализа видно, что наибольшее количество погребений с монетами приходится на XIV век, особенно, на 1340 - 1360-е гг. Это совпадает с периодом наивысшего расцвета золотоордынского государства (Егоров В.Л., 1985, с. 78; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.17). Самые ранние погребения относятся к 60-м гг. XIII века, к периоду становления государства. Самые поздние – к 20-м гг. XV века, периоду угасания Золотой Орды.

Количественное неравенство погребений с монетами связано не только с экономической нестабильностью. Это напрямую связано и с процессом постепенной исламизации все больших слоев золотоордынского населения и изменением, в связи с этим, погребально-поминальной практики. Одно из основных требований ислама к погребальному обряду

- полное отсутствие в могиле каких бы то ни было вещей, кроме савана.

В 83 погребениях находилась не одна, а несколько монет (от 2 до 49 штук), при этом зафиксирована разница между старшей и младшей монетами от 79-99 до 2-10 лет.

Анализ встречаемости монет в погребениях по половозрастным признакам показал, что монета не характерна для состава погребального инвентаря ребенка. В то же время монеты (в примерно одинаковом количестве) сопровождают в погребении как мужчин, так и женщин. Кроме того, монета социально универсальна, т.к. входила в погребальный инвентарь и условно богатых захоронений (10-15 предметов, изделия из драгметаллов, надмогильное сооружение и др.), и бедных, хотя в последних их все же заметно меньше, в связи с их относительной ценностью.

Золотая Орда была носителем двух культур – кочевой, степной и городской (ремесленно-торговой). С ростом городов, с активизацией торговли крепились экономические связи и культурный взаимообмен. Это явление заметно при рассмотрении погребального инвентаря кочевого и оседлого населения. Интересующий нас объект - монета - встречается как в первом, так и во втором случаях.

Нами проведен сравнительный анализ Бахтияровского курганного могильника (Волгоградская область, автор исследований - Кригер В.А.) и грунтового могильника Маячный – 1, 2 (Астраханская область, авторы исследований - Котеньков С.А., Артемьев С.Б., Малов Н.М., Четвериков С.И.). Среди погребального инвентаря Бахтияровского могильника встречены седла, стремена, удила, ножи, ножницы, изделия из ткани и кожи, гребни, зеркала, серьги в виде знака вопроса из различных металлов, берестяные колчаны, наконечники, бокка. Погребенных иногда сопровождал конь; в качестве заупокойной пищи использовалась овца. В зависимости от социального статуса погребенного в погребении находилось от 1-2 до 10-15 предметов сопровождающего инвентаря. Отсутствие предметов, характерных для оседлых народов, определяет могильник как кочевнический. Погребальный инвентарь могильника Маячный: ножи, ножницы, изделия из ткани и кожи, гребни, зеркала, серьги в виде знака вопроса, берестяные колчаны, наконечники, бокка, деревянная посуда. Крайне редко встречались остатки заупокойной мясной пищи (кости овцы или других домашних животных). Намного чаще присутствовали зерна проса, винограда и других сельскохозяйственных культур. В зависимости от социального статуса погребенного в могиле находилось от 1-2 до 10-15 предметов сопровождающего инвентаря. Отсутствие предметов, характерных для кочевых народов, определяет могильник, как некрополь городского оседлого населения.

На Бахтияровском могильнике было раскопано 135 погребений. 14 из них, совершенных по мусульманскому обряду, нами в настоящей статье не рассмат-

риваются. В сравнительном анализе используется 121 погребение.

На могильнике Маячный - 1, 2 раскопано 326 погребений. При этом 203 погребения определены как мусульманские и в работе не использованы. Для сравнительного анализа выбрано 123 погребения.

Из таблицы № 1 видно, что на примерно равное количество погребений с обоих могильников, приходится равное количество погребений с монетами. Это свидетельствует о том, что обряд обола был принят примерно в равной степени и в среде кочевников, и у оседлого населения.

Как уже отмечалось выше, монеты практически не встречаются в детских погребениях могильников, и, приблизительно, одинаково встречаются в погребениях мужчин и женщин.

Население Золотой Орды было весьма пестрым по этническому составу, что в немалой степени объясняет обилие различных ориентировок погребений на обоих могильниках (Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т., 1987, с.146-147). Примечательно, что во всех случаях ориентации могил, кроме северной, присутствуют монеты. Северная ориентировка могил считается характерной для монгольских племен (Пугаченкова Г.А., 1967). В частности, наличие монеты в погребениях Монголии - явление весьма необычное (Волков В.В., 1981, с. 486). Однако, в кыпчакских погребениях монета - относительно распространенная категория погребального инвентаря (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 25-26).

Во второй половине XIV века в погребальном обряде населения Золотой Орды происходят значи-

Характеристика	Маячный				Бахтияровка			
	Количество	%	Монеты		Количество	%	Монеты	
			Количество	%			Количество	%
С монетами	32	26	-	-	33	27	-	-
Взрослое	109	89	31	97	121	100	33	100
Детское	14	11	1	3	-	-	-	-
Всего погребений	123	100	32	100	121	100	33	100
Мужчина	20	16	6	19	30	25	9	27.3
Женщина	29	24	14	44	36	30	10	30.3
Неопределенные	74	60	12	37	55	45	14	42.4
Всего погребений	123	100	32	100	121	100	33	100

Ориентировка	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Запад	14	11	2	6.3	59	49	17	51.5
Восток	21	17	8	25	2	1.6	1	3
Север	6	5	-	-	2	1.6	-	-
Юг	24	20	15	47	2	1.6	1	3
Юго-запад	20	16	2	6.3	52	43	14	42.4
Северо-восток	14	11	3	9	2	1.6	-	-
Юго-восток	5	4	2	6.3	-	-	-	-
Северо-запад	19	15	-	-	2	1.6	-	-

Таблица 1. Сравнительный анализ Бахтияровского курганного и Маячного грунтового могильников.

Table 1. Comparative analysis of Bakhtiyarovsk tumulus and Maiachny subsoil burial grounds.

Table 1. Vergleichende Analyse des Hunenegrabs Bachtjarowskij mit dem Bodengrab Majatschnij.

Tableau 1. Analyse comparative de la necropole des tumulus de Bakhti'arovsk et de la necropole souterraine de Mai'aki

тельные изменения: из могил исчезают предметы всадничества, вооружения. Однако сохраняются монеты и украшения. Сокращение ассортимента погребального инвентаря и изменения в погребальном обряде свидетельствуют о наступлении нового периода, основным содержанием которого явилось принятие ислама большинством населения, и, как следствие, постепенное отмирание языческих традиций (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 30).

Ислам выдвигал совершенно новые идейно-эстетические задачи, приобщая население Золотой Орды к мусульманской культуре.

Е.А.Халикова, проанализировав тексты “Аль-хидая-фильфуру” и “Аль-Кифая-фи шарх аль-Хидая”, выделила два основных требования ислама к погребальному обряду: 1 - отсутствие в могиле каких бы то ни было вещей, кроме савана; 2 - соблюдение кыблы, т.е. ориентация лица покойного на Мекку с небольшим разворотом погребенного на правый бок (Халикова Е.А., 1986, с. 44).

Современный мусульманский погребальный обряд полностью соответствует вышеуказанным требованиям

ислама, в то же время поминальный - сохранил ряд реликтовых (доисламских) действий. Так, на поминках после похорон, у многих народов, придерживающихся ислама, происходит предписанная шариатом раздача денег - милостыня для “выкупа грехов”. Поскольку душа покойного, по традиционным представлениям, является грозной и таинственной силой, то ее надо умиловить, обеспечить всем необходимым для жизни в потустороннем мире. Если умиловить людей на поминках, то их благодарность будет служить ходатайством перед Богом об отправлении покойника в рай (Смирнова Я.С., 1978, с.136; Толеубаев А., 1978, с.51; Есбергенов Х., 1963, с. 32-42; Пигарев Е.М., 1995, с.10).

Таким образом, из всего выше сказанного, можно сделать вывод, что в XIII-XIV вв. у этнокультурных групп, населявших прежде всего восточные районы золотоордынского государства, в погребальном обряде функционирует обол мертвых, который доживает до XV века. Под влиянием исламских тенденций этот элемент переходит из погребального обряда в поминальный, существующий до сих пор.

Таблица-каталог

Наименование разделов таблицы

1. *Порядковый номер.*
2. *Название могильника, его географическое положение.*
3. *Номер кургана и погребения.*
4. *Характер погребения (ТП - трупоположение, ТС - трупосожжение).*
5. *Пол (М - мужской, Ж - женский, ? - не установлено, в отчете или публикации не указан).*
6. *Возраст (взр. - взрослый, дет. - детский).*
7. *Наличие ордынской монеты.*
8. *Наличие иноземной монеты.*
9. *Монетный металл - серебро.*
10. *Монетный металл - медь.*
11. *Монетный металл - золото.*
12. *Общее количество монет.*
13. *Датировка, старшая и младшая монеты.*
14. *Монета-обол.*
15. *Монета-украшение.*

Местоположение монеты в погребении:

16. *во рту*
17. *в районе черепа*
18. *в районе рук*
19. *на груди*
20. *на дне могильной ямы, в засыпи*
21. *не определено (не указано в отчете или публикации, погребение разграблено или разрушено).*
22. *Источник сведений, литература.*

Условные обозначения, применяемые в таблице:

- “ = ” - то же;
- “ + ” - признак есть;
- “ - ” - признака нет;
- “ ? ” - в источнике не указано.

Таблица-каталог

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
1	Кривая Лука-5 1973	к6,п1	ТП	М	взр.	+	-	+	-	-	2	1313-1330	+	-	+	-	+	-	-	-	18
2	Кривая Лука-11 1975	к2,п1	ТП	Ж	взр.	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	-	+	-	-	17
3	=	к5,п1	ТП	?	взр.	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	-	-	-	+	=
4	Кривая Лука-16 1976	к5	=	М	=	+	-	+	-	-	11	1321-1344	+	-	-	+	-	-	-	-	19
5	=	к6	=	?	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	-	-	-	+	=
6	Кривая Лука-14 1975	к28,п1		?	=	+	-	+	-	-	2	?	+	-	-	-	-	-	-	+	17
7	Кривая Лука-23 1978	к2,п3	=	М	=	+	-	+	-	-	2	1345	+	-	-	-	+	+	-	-	100
8	Кривая Лука-27 1979	к6,п1	=	М	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	-	-	-	+	101
9	Кривая Лука-31 1979	к1,п1	=	?	=	+	-	+	-	-	1	1358	+	-	-	-	-	-	-	+	=
10	=	к2,п1	=	М	=	+	-	+	-	-	4	1320	+	-	-	+	+	-	-	-	=
11	=	к5,п1	=	М	=	+	-	+	-	-	5	1309-1316	+	-	-	-	+	-	-	-	=
12	Кривая Лука-33 1980	к1,п1	=	М	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	+	-	-	-	20
13	Успенка 1981	к3,п1	=	?	=	+	-	+	-	-	2	?	+	-	-	-	+	-	-	-	114
14	=	к16	=	?	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	-	+	-	-	=
15	«301» км, 1983	к6	=	Ж	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	+	-	-	-	116
16	Капитанский хутор 1964	к14	=	М	=	+	-	+	-	-	1	XIV в.	4	-	-	-	-	-	+	-	109
17	Никольское 1965	к22,п1	=	?	=	+	-	+	-	-	2	?	+	-	-	-	-	-	-	+	110
18	Сазонкин бугор 1963	к8,п1	=	Ж	=	+	-	+	+	-	3	?	+	-	-	-	+	-	-	-	108
19	Балкин хутор 1962	к1	=	М	=	+	-	+	-	-	3	XIV в.	+	-	-	-	+	-	-	-	107
20	Лесничий хутор 1963	к2,п1	=	Ж	=	+	-	+	+	-	3	XIV в.	+	-	-	-	+	-	-	-	108
21	Барановский мог-к. 1972	к26,п1	=	?	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	-	-	-	-	97
22	Маячный бугор-1 1989	пб	ТП	Ж	взр.	+	-	+	-	-	2	кон. XIII в.	+	-	-	+	-	-	-	-	36
23	=	п29	=	М	=	+	-	+	-	-	2	1310	+	-	-	-	+	-	-	-	=

Таблица-каталог (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
24	Маячный бугор-1 1991	п93	=	Ж	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	+	-	-	-	37
25	=	п94	=	М	=	+	-	+	-	-	1	1293	+	-	+	-	-	-	-	-	=
26		пЮ3	=	?	=	+	-	+	-	-	1	кон. XIII в.	+	-	+	-	-	-	-	-	=
27	=	п105	=	?	=	+	-	+	-	-	1	1266	+	-	+	-	+	-	-	-	=
28	=	п106	=	?	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	+	-	-	-	=
29	=	п107	=	?	=	+	-	+	-	-	1	1266	+	-	+	-	-	-	-	-	=
30	=	п108	=	?	=	+	-	+	-	-	1	1293	+	-	+	-	-	-	-	-	=
31	=	п109	=	?	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	+	-	-	-	-	-	=
32	Маячный бугор-1 1992	п163	=	м	=	+	-	+	-	-		кон. XIII в.	+	-	+	+	-	-	-	-	38
33	=	без №	=	?	=	+	-	+	-	-	1	кон. XIII в.	+	-	-	-	-	-	-	+	=
34	Маячный бугор-1 1993	п188	=	ж	=	+	-	+	-	-		1313-1317	+	-	-	-	+	-	-	-	39
35	=	п189	=	м	=	+	-	+	-	-	1	1316	+	-	-	-	+	-	-	-	=
36	=	п192	=	ж	дет.	+	-	+	-	-	1	1310	+	-	-	-	+	-	-	-	=
37	=	п199	=	?	взр.	+	-	+	-	-		1310	+	-	-	-	+	-	-	-	=
38	Маячный бугор-1 1994	п205	=	м	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	+	-	-	-	-	-	40
39	=	п215	=	ж	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	+	-	-	-	=
40	-	п216	=	ж	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	+	-	-	-	-	=
41	Маячный бугор-1 1996	п224	=	ж	=	+	-	+	-	-		?	+	-	-	+	-	+	-	-	41
42	Селитренное городище 1967	п4	=	?	=	+	-	-	+	-	1	?	+	-	-	+	-	-	-	-	13
43	=	без №	=	?	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	-	-	-	+	7
44	Селитренное городище 1969	склеп	=	?	=	+	-	+	-	-	23	1420	+	-	-	-	-	-	-	+	=
45	Селитренное городище 1976	п26	=	?		+	-	-	+	-	1	1340	+	-	-	-	-	-	-	+	=
46	=	п68	=	?	=	+	-	-	+	-	1	1350	+	-	-	-	-	-	-	+	=

Таблица-каталог (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
47	=	п65	=	?	=	+	-	-	4	-	1	1374	+	-	-	-	-	+	-	-	6
48	Селитренное городище 1977	п152	=	?	=	+	-	-	+	-	1	?	+	-	-	-	-	-	-	+	7
49		п153	=	?	=	+	-	-	+	-	1	?	+	-	-	-	-	-	-	+	=
50	=	без №	=	?	=	+	-	-	+	-	1	?	+	-	-	-	-	-	-	+	=
51	=	п216	=	Ж	=	+	-	+	-	-	49	XIV в.	+	-	-	-	-	-	+	-	95
52	Селитренное городище 1979	п336	=	?	дет.	+	-	-	+	-	1	?	+	-	-	-	-	-	-	+	96
53	Селитренное городище 1980	п1	=	?	взр.	+	-	-	+	-	1	1362	+	-	-	-	-	-	-	+	7
54	Селитренное городище 1982	без №	=	?	=	+	-	-	+	-	1	1330	+	-	-	-	-	-	-	+	102
55	=	п3	=	?		+	-	-	+	-	1	?	+	-	-	-	-	-	-	+	=
56	=	п4	=	?	=	+	-	-	+	-	1	1350	+	-	-	-	-	-	-	+	=
57	=	пб	=	?	=	+	-	-	+	-	1	1352	+	-	-	-	-	-	-	+	=
58	Селитренное городище 1988	п8	=	?	=	+	-	-	+	-	1	1350	+	-	-	-	-	-	-	+	32
59	пос. Комсомольский 1987	п24	=	Ж	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	+	-	-	-	70
60	пос. Комсомольский 1989	п2	=	м	=	-	+	-	-	+	1	XIII в.	+	-	-	-	-	+	-	-	71
61	=	п3	=	ж	=	+	-	+	-	-	1	XIV в.	+	-	-	+	-	-	-	-	=
62	Маячный бугор-2 1991	п2	=	ж		+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	+	-	-	-	-	55
63	=	п3	=	ж	=	+	-	+	-	-	1	1290	+	-	-	+	-	-	-	-	=
64	=	п15	=	?		+	-	+	-	-	1	1322	+	-	-	+	-	-	-	-	=
65		п24	=	ж	=	+	-	+	-	-		1310-1316	+	-	-	+	+	-	-	-	=
66	=	п34	=	м	=	+	-	+	-	-	1	1310	+	-	+	-	-	-	-	-	=
67	=	п42	=		=	+	-	-	+	-	1	?	+	-	-	-	+	-	-	-	=
68	Маячный бугор-2 1995	п44	=	ж	=	+	-	-	+	-	1	?	+	-	-	-	+	-	-	-	3
69	=	п51	=	ж	=	+	-	+	-	-	6	?	+	-	-	-	-	+	-	-	8

Таблица-каталог (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
70	Маячный бугор-2 1996	п60	=	?	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	+	-	-	-	-	-	41
71	=	п61	=	Ж	=	+	-	+	+	-	2	1313	+	-	-	+	-	-	-	-	=
72	=	п62		?	=	+	-	+	-	-	1	1271	+	-	-	+	-	-	-	-	=
73	=	п63		Ж	=	+	-	+	-	-	2	1280	+	-	+	-	-	+	-	-	=
74	Лапас	п1	=	?	=	+	-	+	+	-	8	1347-1361	+	-	-	+	+	-	-	-	103
75	Царевское городище 1989	к53,п2	=	м	=	+	-	+	-	-	2	1345-1347	+	-	-	+	-	-	-	-	64
76	=	к59,п2	=	м	=	+	-	+	-	-	5	1310	+	-	-	-	+	-	-	-	=
77	Царевское городище 1988	к38	=	м	=	+	-	+	-	-	1	1347	+	-	-	-	+	-	-	-	63
78	=	к37	=	м	=	+	-	+	-	-	1	1348	+	-	-	-	+	-	-	-	=
79	=	к31	=	м	=	+	-	+	-	-	1	1337	+	-	-	-	+	-	-	-	=
80	Царевское городище 1990	к71,п2	=	м	=	+	-	+	-	-		1343-1352	+	-	-	-	+	-	-	-	65
81	=	к71,п1	=	м	=	+	-	+	-	-	1	1350	+	-	-	-	+	-	-	-	=
82	Царевское городище 1970	п1	=	?	=	+	-	-	+	-		?	+	-	-	+	-	-	-	-	98
83	Царевское городище 1961	?	=	?	-	+	-	+	-	-		1351-1361	+	-	-	-	-	-	-	+	92,118
84	Царевское городище 1962	?	=	?	дет.	+	-	-	+	-	1	?	+	-	-	-	+	-	-	-	99
85	Царевское городище 1960	п4	=	?	взр.	+	-	-	+	-	1	?	+	-	-	+	-	-	-	-	89
86	Царевское городище 1971-1975	к17	=	м	=	+	-	+	-	-	1	1346	+	-	-	-	-	+	-	-	59
86а	=	к16	=	м	=	-	+	-	+	-	1	?	+	-	-	+	-	-	-	-	=
87	Водянское городище 1970	п3	=	?	=	+	-	+	-	-	1	кон. XIV в.	+	-	-	-	+	-	-	-	61
88	Водянское городище год-?	п5		?	=	+	-	-	+	-	1	1340	+	-	-	-	-	-	-	+	26
89	=	п6	=	?	=	+	-	-	+	-	1	1350	+	-	-	-	-	-	-	+	=
90	=	п9	=	?	=	+	-	-	+	-	1	1350	+	-	-	-	-	-	-	+	=
91	=	п17	=	?	?	+	-	+	-	-	1	1323	+	-	-	-	-	-	-	+	=

Таблица-каталог (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
92	=	п21	=	Ж	взр.	+	-	-	+	-	2	1330	+	-	-	-	-	-	-	+	=
93	=	п31	=	?	=	+	-	-	+	-	1	1350	+	-	-	-	-	-	-	+	=
94	=	п33	=	?	=	+	-	-	+	-	1	1331	+	-	-	-	+	-	-	-	=
95	=	п35	=	?	=	+	-	-	+	-	1	1361	+	-	-	-	-	-	+	-	=
96	=	п38	=	?	=	+	-	+	-	-	1	кон. XIV в.	+	-	-	-	-	-	+	-	=
97	=	п43	=	?	=	+	-	-	+	-	1	1363	+	-	-	-	-	-	-	+	=
98	Бахтияровка-1 1982	к24	=	М	=	+	-	+	-	-		1322-1330	+	-	-	-	+	-	-	-	42
99	=	к25	=	?	=	+	-	+	-	-	1	1310	+	-	-	-	-	+	-	-	=
100	=	к27,п2	=	М	=	+	-	4	-	-	1	?	+	-	-	-	-	-	+	-	=
101	=	к29	=	М	=	+	-	+	-	-	1	1330	+	-	-	-	+	-	-	-	=
102	=	к30	=	М	=	+	-	+	-	-		1332	+	-	-	-	+	-	-	-	=
103		к28	=	ж	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	-	-	-	+	=
104	Бахтияровка-2 1983	к43	=	?	=	+	-	+	-	-	1	1355	+	-	-	-	+	-	-	-	43
105	=	к46,п1	=	ж		+	-	+	-	-	1	1357	+	-	-	-	-	+	-	-	=
106	=	к46,п2	=	М	=	+	-	+	-	-	1	1342	+	-	-	-	+	-	-	-	=
107		к47	=	ж	=	+	-	+	-	-		1310-1341	+	-	-	-	+	-	-	-	=
108	=	к49	=	М	=	+	-	+	-	-	1	1322	+	-	-	-	+	-	-	-	=
109	=	к51	=	ж	=	+	-	+	-	-		1340-1352	+	-	-	-	+	+	-	-	=
110	=	к61	=	ж	=	+	-	+	-	-	1	1310	+	-	-	-	+	-	-	-	=
111	=	к63	=	?	=	+	-	+	-	-	1	1340	+	-	-	-	-	-	-	+	=
112	Бахтияровка-2 1984	к73,п1	=	?	=	+	-	+	-	-	1	1360	+	-	-	-	-	-	-	+	44
113	=	к72	=	ж	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	-	+	-	-	=
114	=	к70	=	?	=	+	-	+	-	-	3	?	+	-	-	-	-	+	-	-	=

Таблица-каталог (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
115	Бахтияровка-2 1985	к85	=	Ж	=	+	-	+	-	-	2	1360	+	-	-	-	-	+	-	-	45
116	=	к87,п1	=	М	=	+	-	+	-	-	1	1362	+	-	-	-	+	-	-	-	=
117		к87,п2	=	Ж	=	+	-	+	-	-	1	1318	+	-	-	-	+	-	-	-	=
118	=	к90	=	М	=	+	-	+	-	-	3	1346-1350	+	-	-	-	-	-	-	+	=
119	=	к92		Ж	=	+	-	+	-	-	1	1347	+	-	-	-	-	-	+	-	=
120		к95		?	=	+	-	+	-	-	1	1340	+	-	-	-	-	-	-	+	=
121	=	к99,п1	=	м	=	+	-	+	-	-	6	1310-1360	+	-	-	-	+	-	-	-	=
122	=	к108,п2		ж	=	+	-	+	-	-	2	1322-1330	+	-	-	-	-	+	-	-	=
123		к110	=	?	=	+	-	+	-	-	1	1320	+	-	+	-	-	-	-	-	=
124	Бахтияровка-2 1967	к5	=	?	=	+	-	-	+	-	3	?	+	-	-	-	+	-	-	-	51
125	=	к12	=	?	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	-	+	-	-	=
126	Зубовка 1990	к7,п1		м	=	+	-	+	-	-	3	1343-1447	+	-	-	-	+	-	-	-	57
127	Бережновка 1951-1953	к43		м	=	+	-	+	-	-	1	1318	+	-	-	-	-	-	+	-	81
128	Харьковка 1925	к2	=	м	=	+	-	+	-	-	16	1340-1357	+	-	-	-	+	-	-	-	50
129	Харьковка 1926	к13	=	м	=	+	-	+	-	-	3	1310-1340	+	-	+	-	+	-	-	-	=
130	Калиновка 1959	к21,п1		ж	=	+	-	+	-	-	3	1407-1412	+	-	-	-	+	-	-	-	106
131	Абганерово-3 1994	к1	=	ж	=	+	-	+	-	-	1	XIV в.	+	-	-	-	+	-	-	-	23
132	Шляховский-1 1989-1990	к2	=	ж	=	+	-	+	-	-	6	1342-1353	+	-	-	-	-	-	+	-	47
133	Новая Молчановка 1955	К6		ж	=	+	-	+	-	-	1	1322	+	-	+	-	-	-	-	-	82
134	Сенной 1980	к4,п1	=	?	=	+	-	+	-	-	3	1346	+	-	-	-	-	-	-	+	56
135	=	к5,п2		?	=	+	-	+	-	-	3	1322-1346	+	-	-	-	-	-	-	+	60
136	Городище 1971	К?		?	?	+	-	+	-	-	1	XIV в.	+	-	-	-	-	-	-	+	83
137	Зауморье 1988	к1,п1	=	?	взр.	4	-	+	-	-	4	1313-1357	+	-	-	-	+	-	-	-	52

Таб.ища-каталог (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
138	=	к3,п1	=	?	=	+	-	+	-	-	1	1360	+	-	+	-	-	-	-	-	=
139	Актарск 1928-1930	к1	=	М	=	+	-	+	-	-	3	1346	+	-	-	-	-	-	-	+	88
140	Увек 1913	п2	=	?	=	+	-	+	-	-	2	1315-1317	+	-	-	-	-	-	-	+	88
141	Увек 1920-е гг.	п3	=	?	=	+	-	+	-	-	2	1315-1317	+	-	-	-	-	-	-	+	=
142	Марьевка 1886	к	=	?	взр.	+	-	+	-	-	1	XIV в.	+	-	-	-	-	-	-	+	14
143	=	к13	=	?	?	+	-	+	-	-	3	1310	+	-	-	-	-	-	-	+	=
144	Увек 1913	п52	=	?	?	+	-	-	+	-	2	?	+	-	-	-	-	-	-	+	88
145	Калиновский	к21	=	Ж	взр.	+	-	+	-	-	2	нач. XV в.	+	-	-	-	+	-	-	-	106
146	Еруслан 1954	К6	=	ж	=	+	-	+	-	-	1	1323	+	-	4	-	-	-	-	-	82
147	Суловский	к40	=	ж	=	+	-	+	-	-	1	кон. XIII в.	+	-	+	-	-	-	-	-	2, 79
148	Саратов	л?	=	М	=	+	-	+	-	-	11	1359-1365	+	-	-	-	+	-	-	-	21,22
149	Томузловка 1972	к?	=	?	?	+	-	+	-	-		XIV в.	+	-	-	-	-	-	-	+	67
150	Азметьевский 1975	п?	=	?	?	+	-	+	-	-	1	XIV в.	+	-	-	-	-	-	-	+	35
151	Такталачук 1969	п?	=	?	?	+	-	+	-	-	1	XIV в.	+	-	-	-	-	-	-	+	24
152	Такталачук 1970	п?	=	?	?	+	-	+	-	-	1	XIV в.	+	-	-	-	-	-	-	+	4
153	Бабий бугор 1948	п20	=	?	взр.	+	-	-	+	-	1	1280	+	-	-	-	-	-	+	-	29
154	=	п169	=	?	=	+	-	-	+	-		1300-1333	+	-	-	-	-	-	+	-	=
155	=	п192	=	?	=	+	-	-	+	-	1	?	+	-	-	-	-	-	+	-	=
156	=	п133	=	?	=	+	-	-	+	-	1	1300	+	-	-	-	-	-	+	-	=
157	=	п170	=	?	=	+	-	-	+	-	1	?	+	-	-	-	-	-	+	-	=
158	=	п198	=	?	=	+	-	-	+	-	1	1282	+	-	-	-	-	-	+	-	=
159	Болгар 1951	п1		?	=	+	-	-	+	-	1	1343	+	-	-	-	-	-	-	+	117
160	Болгар 1952	п1	=	?	=	+	-	-	+	-	1	1333	+	-	-	-	-	-	-	+	=

Таблица-ката,юг (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
161	Сукляя 1889-1900	к310	=	?	=	+	-	+	-	-	3	1290	+	-	-	-	-	-	-	+	88
162	=	к332	=	?	=	+	-	+	-	-	2	?	+	-	-	-	-	-	-	+	=
163	Тирасполь 1896	к23	=	?	=	+	+	+	-	-	5	кон. XIII в.	+	-	-	-	-	-	-	+	=
164	Плоское 1898-1900	к228	=	?	=	+	-	+	-	-	3	?	+	-	-	-	-	-	-	+	=
165	Наровчат 1947	п32	=	?	=	+	-	+	-	-	3	?	+	-	-	-	-	-	-	+	=
166	Убинский 1941	п70	=	?		+	-	+	-	-	7	1362	+	-	-	-	-	-	-	+	=
167	Афанасьевка 1903	к7	=	Ж	=	+	-	+	-	-	2	1340	+	-	-	-	-	-	-	+	=
168	Стар. Мышастовка 1879	к14	=	?	=	+	-	+	-	-	4	1360	+	-	-	-	-	-	-	+	=
169	Белореченское 1896	?	=	Ж	=	+	-	+	-	-	3	1324-1403	+	-	-	-	-	-	-	+	=
170	Усинский 1988	п16	=	м	=	+	-	+	-	-	1	1360	+	-	-	-	-	-	-	-	9
171	Кара-Оба 1950	к2	=	?	=	+	-	-	+	-	1	XIV в.	+	-	-	-	-	-	-	+	80
172	Новая Казанка 1948	к1	=	ж	=	+	-	+	-	-	1	XIV в.	+	-	-	+	-	-	-	-	=
173	Мокринский 1974	к3	=	?	=	+	-	+	-	-	1	1380	+	-	-	-	+	-	-	-	48
174	=	к6,п1	=	?	=	+	-	-	+	-	1	; 1323	+	-	-	+	-	-	-	-	=
175	=	к8,п1	=	?	=	+	-	+	+	-	2	1320-1350	+	-	-	-	+	+	-	-	=
176	Мокринский 1975	к10	=	?	=	+	-	+	-	-	1	1342	+	-	-	-	-	-	+	-	49
177		к13		?	=	+	-	+	-	-	1	1340	+	-	-	-	-	+	-	-	=
178		к14,п1	=	?	=	+	-	+	-	-	2	XIV в.	+	-	-	-	+	-	-	-	=
179	=	к14,п2		?	-	+	-	+	-	-	2	XIV в.	+	-	-	+	-	-	-	-	=
180	Лески 1958	п2	=	?	дет.	+	-	+	+	-	2	1369	+	-	-	-	+	-	-	-	86
181	АлаТекетау 1980	к1	=	?	взр.	+	-	+	-	-	2	XIII в.	+	-	-	-	+	-	+	-	33
182	Новоорский 1983	?	=	?	=	+	-	+	-	-	1	XIV в.	+	-	-	-	-	-	-	-	31
183	«Группа 240» 1985	к3,п2	=	м	=	+	-	+	-	-	7	XIV в.	+	-	-	-	-	-	+	-	11

Таблица-каталог (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
184	Малодербетовский 1975	к3,п1	=	М	=	+	-	+	-	-	1	XIV в.	+	-	-	-	+	-	-	-	112
185	Усинский 1988	п3	=	?	=	+	-	-	+	-	1	XIV в.	+	-	-	-	-	-	-	+	10
186	Байгускарский 1991	?	=	?	=	+	-	+	-	-	6	1310-1350		-	-	+	-	-	-	-	85
187	Рясная группа 1883-1884	?	=	М	=	+	-	+	-	-	2	1320-1340	+	-	-	-	-	-	-	+	78
188	=	?	=	М	=	+	-	+	-	-	1	1340-1350	+	-	-	-	-	-	-	+	=
189	Белореченский 1896	к12	=	Ж	=	+	-	+	-	-	3	1320-1419	+	-	-	-	+	-	-	-	75
190	Новошахтинск 1986	к2	=	Ж	=	+	-	+	-	-	1	1367	+	-	-	-	-	-	-	+	5
191	Гува 1975	к2,п1	=	М	=	+	-	+	-	-	4	?	+	-	-	-	+	-	-	-	113
192	КупцынТолга 1974	к12,п1	=	М	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	+	-	-	-	115
193	Муранский 1892	п12	=	М	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	-	-	-	+	1
194	Муранский 1891	п8	=	Ж	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	-	-	-	+	=
195	Муранский 1950	п6	=	М	=	+	-	+	-	-	10	1359-1363	+	-	-	-	+	-	-	-	=
196	=	п24	=	Ж	=	+	-	+	-	-	1	?	+	-	-	-	-	-	-	+	=
197	Золотое 1971	п143	=	?	=	+	-	+	-	-	2	кон. XIII в.	+	-	-	-	-	-	-	+	92
198	Александровка 1936	к2	=	?	=	+	-	+	-	-	3	1374	+	-	-	-	-	-	-	+	=
199	Жуковка	?	=	?	=	+	-	+	-	-	6	1320	+	-	-	-	-	-	-	+	=
200	Гаевка 1963	?	=	?		+	-	-	+	-	7	?	+	-	-	-	-	-	-	+	=
201	Маляевка 1987	к2,п2	=	Ж	=	+	-	+	-	-	1	кон. XIV в.	+	-	+	-	-	-	-	-	30
202	Колобовка 1981	к4	=	М	=	+	-	+	-	-	1	кон. XIII в.	+	-	-	-	-	-	+	-	58
203	Кеппенталь 1891	к1	=	?		+	-	+	-	-	?	XIV в.	+	-	-	-	-	-	-	+	14
204	=	к2	=	?	=	+	-	+	-	-	?	XIV в.	+	-	-	-	-	-	-	+	=
205	Белый Мар 1910	к1	=	М	=	+	-	+	-	-	1	1292	+	-	-	-	-	+	-	-	=
206	Августовка 1925	к1	=	М		+	-	+	-	-	3	XIV в.	+	-	-	-	+	-	-	-	=

Таблица-каталог (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
207	Давыдовка 1928	к4	=	М	=	+	-	+	-	-	1	XIV в.	+	-	-	-	-	+	-	-	=
208	Рудня 1924	к1	=	Ж	=	+	-	+	-	-	1	1360	+	-	-	-	-	-	+	-	=
209	Фриденберг1925	к4	=	М	=	4	-	+	-	-	1	XIV в.	+	-	-	-	+	-	-	-	=
210	Ровное 1920	к7	=	?	=	+	-	+	-	-	1	XIV в.	-	-	-	-	-	-	-	+	=
211	Скатовка 1926	к13	=	Ж	=	+	-	+	-	-	1	XIV в.	-	-	-	-	+	-	-	-	=
212	Боаро 1926	к26	=	м		+	-	+	-	-	2	XIV в.	-	-	-	-	-	-	+	-	=
213	Усть-Курдюм 1963	к12	=	?	=	+	-	+	-	-	1	XIV в.	-	-	-	+	-	-	-	-	=

Литература и архивные материалы

1. Алихова А.Е., 1954. Муранский могильник и селище// МИА. № 42.
2. Арзютов Н., 1926. Памятники золотоордынской эпохи в Нижнем Поволжье по данным раскопок и разведок в 1924 г.// Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Вып. 35. Ч. 1. Саратов.
3. Артемьев С.Б., 1995. Отчет об археологических исследованиях грунтового могильника "Маячный-2" в 1995 г. Архив АКМ.
4. Багаутдинов Р.Н., Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Костенко М.Г., Старостин П.Н., 1971. Исследования Татарского отряда Нижнекамской экспедиции// АО-1970 г. М.
5. Белинский И.В., Беспалый Е.И., Волков И.В., Парусимов И.Н., 1988. Раскопки Азовского краеведческого музея// АО-1986 г. М.
6. Булатов Н.М., 1976. Отчет об исследованиях Селитренного городища в 1976 г. Архив АКМ.
7. Булатов Н.М., 1982. Отчет об исследованиях Селитренного городища в 1982 г. Таблица-опись монет из раскопок на Селитренном городище в 1965-1981 гг. Архив АКМ.
8. Васильев Д.В., 1998. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени// ДВДС. Вып. 6. Волгоград.
9. Васильева И., 1993. II Усинский грунтовой могильник XIII-XIV вв. на Самарской Луке// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
10. Васильева Н.Н., 1989. Усинский II грунтовой могильник// Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.
11. Васюткин С.М., 1987. Исследования Калмыцкого Университета// АО-1985 г. М.
12. Волков В.В., 1981. Советско-Монгольская Экспедиция// АО-1980 г. М.
13. Галкин Л.Л., 1967. Отчет об исследованиях Селитренного городища в 1967 г. Архив АКМ.
14. Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. Средневековые кочевники Поволжья. Уфа.
15. Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964. Ранние болгары на Волге. М.
16. Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т., 1987. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.
17. Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Куйбышев А.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1975. Отчет о раскопках курганов в Черноярском районе Астраханской области в зоне I очереди строительства Астрахано-Калмыцкой рисовой оросительной системы в 1975 г. Архив АКМ.
18. Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1977. Древности Астраханского края. Труды ПАЭ. Вып. 4. М.
19. Дворниченко В.В., Смирнов А.С., Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Отчет о раскопках курганов в Астраханской области в 1976 г. Архив АКМ.
20. Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1980. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства первой очереди КАРОС в Черноярском районе Астраханской области в 1980 г. Архив АКМ.
21. Дремов И.И., 1985а. Погребение воина с джучидскими монетами// СА. № 4.
22. Дремов И.И., 1985б. Раскопки поселения Вишневое в г.Саратов// АО-1983 г. М.
23. Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Шинкарь О.А., 1995. Археологические исследования у с.Абганерово Октябрьского района Волгоградской области// Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград.
24. Евтюхова О.Н., Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Костенко М.Г., Старостин П.Н., 1970. Работы Татарского отряда Нижнекамской экспедиции ИА АН СССР// АО-1969 г. М.
25. Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв. М.
26. Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Исследование мечети на Водянском городище// Средневековые памятники Поволжья. М.
27. Есбергенов Х., 1963. К вопросу о борьбе с пережитками устаревших обычаев и обрядов (Каракалпакские поминки)// СЭ. № 5.
28. Ефимова А.М., 1960. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары// МИА. № 80.
29. Ефимова А.М., 1974. Кладбище на окраине посада города Болгара// Города Поволжья в средние века. М.
30. Железчиков Б.Ф., Кутуков Д.В., 1998. Раскопки у села Малаяевка// ДВДС. Вып. 6. Волгоград.
31. Заседателева С.Н., 1985. Исследование могильника Новоорский 11// АО-1983 г. М.
32. Зиливинская Э.Д., 1988. Отчет об исследованиях Селитренного городища в 1988 г. Архив АКМ.

33. Иванов В.А., Исмагилов Р.Б., 1981. Исследования в междуречье Урала и Самары// АО-1980 г. М.
34. Иванов В.А., Кригер В.А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М.
35. Казаков Е.П., 1976. Работы в Татарии// АО-1975 г. М.
36. Казаков П.В., 1989. Отчет об археологических исследованиях в Красноярском районе Астраханской области в 1989 г. Архив АКМ.
37. Котеньков С.А., 1991. Отчет об археологических исследованиях грунтового могильника "Маячный-1" в 1991 г. Архив АКМ.
38. Котеньков С.А., 1992. Отчет об археологических исследованиях грунтового могильника "Маячный-1" в 1992 г. Архив АКМ.
39. Котеньков С.А., 1993. Отчет об археологических исследованиях грунтового могильника "Маячный-1" в 1993 г. Архив АКМ.
40. Котеньков С.А., 1994. Отчет об археологических исследованиях грунтового могильника "Маячный-1" в 1994 г. Архив АКМ.
41. Котеньков С.А., 1996. Отчет об археологических исследованиях на буграх "Маячный-1,11" Красноярского района Астраханской области в 1996 г. Архив АКМ.
42. Кригер В.А., 1982. Отчет об археологических исследованиях на территории Волгоградской области в 1982 г. Архив ВОКМ.
43. Кригер В.А., 1983. Отчет о раскопках Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1983 г. Архив ВОКМ.
44. Кригер В.А., 1984. Отчет об археологических исследованиях Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1984 г. Архив ВОКМ.
45. Кригер В.А., 1985. Отчет о раскопках в 1985 г. в Среднеахтубинском (п.Рахинка) и Ленинском (Бахтияровка 111) районах Волгоградской области. Архив ВОКМ.
46. Круглов Е.В., 1992. Хазарские погребения на р.Аксай// ДВДС. Вып. 2. Волгоград.
47. Круглов Е.В., Клепиков В.М., 1993. Средневековые памятники из Фроловского района Волгоградской области// ДВДС. Вып. 3. Волгоград.
48. Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф., 1974. Отчет Уральского пединститута о раскопках могильника "Мокринский-1" в 1974 г. Фонды УОМ.
49. Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф., 1975. Отчет Уральского пединститута о раскопках могильника "Мокринский-1" в 1975 г. Фонды УОМ.
50. Кушева-Грозевская А., 1928. Золотоордынские древности ГИМа из раскопок 1925-1926 гг. в Нижнем Поволжье// Издание Саратовского областного музея. Саратов.
51. Лисицын И.П., 1967. Отчет о работе археологического отряда ОДЭТС летом 1967 г. в Ленинском районе Волгоградской области. Архив ВОКМ.
52. Ляхов С.В., Якубовский Г.Л., 1993. Зауморский курганный могильник золотоордынского времени// Археологические вести. Вып. 1. Саратов.
53. Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала (VIII-XII вв.). М.
54. Максимов Е.К., 1969. Позднекочевнические погребения Урало-Волжского района// Древности Восточной Европы. М.
55. Малов Н.М., Четвериков С.И., 1991. Отчет об охранных раскопках грунтового могильника "Маячный-2" Красноярского района Астраханской области в 1991 г. Архив АКМ. Саратов.
56. Мамонтов В.И., 1981. Охранные раскопки в Волгоградской области// АО-1980 г. М.
57. Мамонтов В.И., 1992. Курганный могильник "Зубовка"// ДВДС. Вып. 2. Волгоград.
58. Мамонтов В.И., 1998. Раскопки курганов в Волгоградском Заволжье// ДВДС. Вып. 6. Волгоград.
59. Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1993. Средневековые погребения Царевского курганного могильника// ДВДС. Вып. 3. Волгоград.
60. Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1998. Курганный могильник у хутора Сенной// ДВДС. Вып. 6. Волгоград.
61. Мухамадиев А.Г., 1974. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г.// Города Поволжья в средние века. М.
62. Мухамадиев А.Г., 1983. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М.
63. Мыськов Е.П., 1988. Отчет об исследованиях Царевского городища в 1988 г. Архив ВОКМ.
64. Мыськов Е.П., 1989. Отчет об исследованиях Царевского городища в 1989 г. Архив ВОКМ.
65. Мыськов Е.П., 1990. Отчет об исследованиях Царевского городища в 1990 г. Архив ВОКМ.
66. Мыськов Е.П., 1992. О периодизации золотоордынских памятников Нижнего Поволжья// Тезисы докладов на межрегиональной конференции "Средневековые кочевники и городская

- культура Золотой Орды". Волгоград.
67. Найденко А., 1973. Раскопки курганов в долине р.Томузловки// АО-1972 г. М.
 68. Пигарев Е.М., 1995а. Мусульманские кладбища как исторический источник// Проблемы взаимодействия национальных культур. Межэтнические общения в полиэтническом регионе. Сб. тез. Ч.1. Астрахань.
 69. Пигарев Е.М., 1995б. Принцип "обола" в погребальном обряде населения Золотой Орды// Проблемы взаимодействия национальных культур. Межэтнические общения в полиэтническом регионе. Сб. тез. Ч.2. Астрахань.
 70. Плахов В.В., 1987. Отчет о раскопках мавзолея XIV в. и могильника близ него у п.Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1987 г. Архив АКМ.
 71. Плахов В.В., 1989. Отчет о раскопках культового комплекса XIII в. у п.Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1989 г. Архив АКМ.
 72. Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях// МИА. № 62.
 73. Плетнева С.А., 1982. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.
 74. Потин В.М., 1971. Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии// ТГЭ. Вып. 12. Л.
 75. Производство раскопок (проф. Н.Н.Веселовский) в Кубанской области, 1898// Отчет императорской археологической комиссии за 1896 г. СПб.
 76. Пугаченкова Г.А., 1967. Погребение монгольского времени в Халчае// СА. № 2.
 77. Равдина Т.В., 1988. Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.
 78. Раскопки Самоквасова Д.Я., 1891// Отчет императорской археологической комиссии за 1882-1888 гг. СПб.
 79. Рыков П.С., 1925. Суловский курганный могильник// Ученые записки СГУ. Том IV. Саратов.
 80. Сеницын И.В., 1956. Археологические исследования в Западном Казахстане// Труды ИИАЭ. Т. 1. Алма-Ата.
 81. Сеницын И.В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.)// МИА. № 60.
 82. Сеницын И.В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955 гг.)// МИА. № 78. Т. 2.
 83. Скрипкин А.С., 1972. Работы в зоне Городищенской оросительной системы// АО-1971 г. М. *
 84. Смирнова Я.С., 1978. Старое и новое в современной погребальной обрядности народов Северного Кавказа// Полевые исследования Института этнографии 1976 г. М.
 85. Сунгатов Ф.А., Сафин Ф.Ф., 1995. Исследования курганных могильников в Зауралье в 1991 г.// Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Уфа.
 86. Сымонович Э.А., 1960. Памятники позднекочевнического времени в Поднепровье// КСИИМК. № 81.
 87. Толеубаев А., 1978. Пережитки анимистических представлений казахов (по материалам похоронно-поминальной обрядности)// Проблемы этнографии и этнической антропологии. М.
 88. Федоров-Давыдов Г.А., 1960а. Клады джучидских монет// Нумизматика и эпиграфика. Т. 1.
 89. Федоров-Давыдов Г.А., 1960б. Отчет о раскопках на Царевском городище в 1960 г. Архив ВОКМ.
 90. Федоров-Давыдов Г.А., 1965. О датировке типов вещей по погребальным комплексам// СА. № 3.
 91. Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
 92. Федоров-Давыдов Г.А., 1974. Находки кладов золотоордынских монет// Города Поволжья в средние века. М.
 93. Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.
 94. Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
 95. Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Гусева Г.В., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., 1977. Отчет об исследованиях Селитренного городища в 1977 г. Архив АКМ.
 96. Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Паромов Я.М., 1979. Отчет об исследованиях Селитренного городища в 1979 г. Архив АКМ.
 97. Федоров-Давыдов Г.А., Бусятская Н.Н., Шнайштейн Е.В., 1972. Отчет о раскопках Барановского могильника в Черноярском районе Астраханской области в 1972 г. Архив АКМ.
 98. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Г.В., 1974. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища)// Города Поволжья в средние века. М.
 99. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г., 1970. Археологические исследования

- Царевского городища (Новый Сарай) в 1959-1966 гг.// Поволжье в средние века. МИА. № 164.
100. Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Паромов Я.М., 1978. Отчет о раскопках курганов в Черноярском и Енотаевском районах Астраханской области в 1978 г. Архив АКМ.
 101. Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Паромов Я.М., 1979. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства первой очереди Калмыцко-Астраханской рисовой оросительной системы в Черноярском районе Астраханской области в 1979 г. Архив АКМ.
 102. Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Зиливинская Э.Д., Булатов Н.М., 1985. Отчет об исследованиях Селитренного городища в 1985 г. Таблица-опись монет из раскопок на Селитренном городище в 1982-1984 гг. Архив АКМ.
 103. Филипченко В.А., 1958. О новых находках на территории Астраханской области// СА. № 1.
 104. Филипченко В.А., 1959. Погребение X в. в Астраханской области у с.Лапас// СА. № 2.
 105. Халикова Е.А., 1986. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии. Казань.
 106. Шилов В.П., 1959. Калиновский курганный могильник// МИА. № 60. Т.1.
 107. Шилов В.П., 1962. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1962 г. Архив АКМ.
 108. Шилов В.П., 1963. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции в 1963 г. Архив АКМ.
 109. Шилов В.П., 1964. Отчет о работах Астраханской экспедиции за 1964 г. Архив АКМ.
 110. Шилов В.П., 1965. Отчет о работе Астраханской экспедиции в 1965 г. Архив АКМ.
 111. Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.
 112. Шнайдштейн Е.В., 1976. Раскопки курганов в Калмыцкой АССР// АО-1975 г. М.
 113. Шнайдштейн Е.В., 1978. Раскопки курганов в урочище "Тува"// Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста.
 114. Шнайдштейн Е.В., 1981а. Отчет об археологических исследованиях в Ахтубинском районе Астраханской области в 1981 г. Архив АКМ.
 115. Шнайдштейн Е.В., 1981б. Раскопки курганной группы Купцын Толга// Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста.
 116. Шнайдштейн Е.В., 1983. Отчет об археологических исследованиях в Ахтубинском районе Астраханской области в 1983 г. Архив АКМ.
 117. Янина С.А., 1954. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг.// МИА. № 42.
 118. Янина С.А., 1970. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов ПАЭ на Царевском городище в 1959-1962 гг.// Поволжье в средние века. МИА. № 164.

Summary

Ye.M. Pigariov (Astrakhan)
Coins in the Golden Horde Interments

It has been determined that coins in the Golden Horde interments were always used exclusively in the role of «the dead' pay off». Of 213 investigated burials only three contained foreign coins among their inventory: a golden mamliuk aureus of sultan Beubars, a bronze Chinese coin and a copper Byzantiumian coin.

The Golden Horde coins were distributed in the following way. In 48 interments there were copper coins – puls (22.4 %), 166 interments contained silver coins – dirkhems (77.6 %). Both copper and silver coins were found in 6 interments (2.8 %). 83 interments contained more than one coin (from 2 to 49). The difference between the earliest and the latest coins is within the limits from 2 to 99 years. Coins were practically not found in children's interments (1.9 %). They are equally typical for both male and female interments, but in male ones coins are more frequent.

The peak of coins' getting into the interments falls on the middle of the XIVth c. It was determined, firstly, by development of commodity-money relations in the Golden Horde, and, secondly, by survivals of heathenism widely spread and still strong at those times, in contrast to the late XIVth c.

The article presents the comparative analysis of Bakhtiyarovsk (of nomadic inhabitants) and Maiachny (of settled inhabitants) interments. It turned out that "the dead' pay off" was equally characteristic for both settled and nomadic inhabitants of the Golden Horde. The spread of this custom depended mainly on the distance from the centers of coinage.

Je.M., Pigarjow (Astrachan)

Münzen in den Grabstätten der Goldenen Horde

Es wurde festgestellt, dass die Münzen in den Grabstätten der Goldenen Horde nur für rituelle Zwecke verwendet wurden. Nur 3 aus 213 untersuchten Grabstätten mit den Münzen hatten im Bestand ausländische Münzen: ein goldener Mamlükdinar des Sultans Bejbars, eine bronzene chinesische Münze und eine kupferne Münze aus Byzanz.

Münzen der goldenen Horde sind folgenderweise vertreten. In 48 Grabstätten gab es kupferne Münzen – Pulen (22.4%), in 166 Grabstätten gab es silberne Münzen – Dircheme (77.6%). Kupferne und silberne Münzen zusammen wurden in 6 Grabstätten (2.8%) gefunden. In 83 Grabstätten befanden sich einige Münzen (bis 49 St.). Der Altersunterschied zwischen der ältesten und der jüngsten Münze war von 2 bis 99 Jahren. Bei der Beerdigung der Kinder wurden die Münzen fast nicht verwendet (1.9%). Frauen- und Männergräber weisen die gleiche Münzenmenge auf, etwas öfter – die männlichen Grabstätten.

Die meisten Münzen stammen aus dem 14.Jh. Es war erstens durch den Aufschwung der Ware-Geld-Beziehungen in der Goldenen Horde, und zweitens durch die in dieser Zeit noch sehr starken und verbreiteten, im Vergleich zur zweiten Hälfte des 14.Jh., heidnischen Überbleibsel bedingt.

Im Artikel wird die vergleichende Analyse der Bachtijarowskij (Nomadenbevölkerung) und der Majatschnij (ansässige Bevölkerung) Gräber unternommen. Es stellte sich heraus, dass dieses Beerdigungsritual mit Münzen sowohl bei der Nomadenbevölkerung, als auch bei der ansässigen Bevölkerung typisch war. Die Verbreitung dieses Brauchs hing vor allem von der Entfernung von den Münzprägungszentren ab.

E.M. Pigarev (Astrakhan)

Pièces de monnaie dans les inhumations de la Horde d'Or

On constate que dans les inhumations de la Horde d'Or les monnaies jouent toujours le rôle d'une «ferme des morts». 213 sépultures avec les pièces de monnaie sont étudiées. Il n'y en a que trois qui ont les pièces de monnaie étrangères dans son inventaire: dinar d'or mamelouk du sultan Beïbarse, une pièce de bronze chinoise et une pièce de cuivre byzantine.

Les pièces de monnaie de la Horde d'Or sont distribuées de façon suivante. 48 sépultures contiennent les pièces de cuivre – pouls (22.4%); 166 sépultures contiennent les pièces d'argent – dirhams (77.6%). Les pièces de monnaie de cuivre et celles d'argent sont présentes ensemble dans 6 sépultures (2.8%). Dans 83 sépultures on trouve plus qu'une pièce de monnaie (de 2 à 49 pièces). La différence entre la pièce la plus ancienne et la pièce la plus récente fait entre 2 et 99 ans. La présence des pièces de monnaie n'est pas typique pour les inhumations des enfants (1.9%). Elles accompagnent les hommes et les femmes avec une fréquence presque égale, plus fréquemment tout de même les hommes.

Les pièces de monnaie rencontrées dans les sépultures datent le plus souvent du milieu du XIV siècle. Cet essor est conditionné par deux raisons. La première est un épanouissement des relations commerciales de la Horde d'Or. La deuxième est une force et une extension assez grandes des vestiges païens soutenus à cette époque-là, à la différence de la deuxième moitié du XIV siècle.

L'article offre une analyse comparative des nécropoles de Bakhtiïarovsk (des nomades) et de Maïaki (de la population attachée au sol). On a révélé que la "ferme des morts" est propre aussi aux nomades de la Horde d'Or qu'à sa population sédentaire. L'extention de cette coutume dépend avant tout du degré d'éloignement des centres du monnayage.

ДЖУЧИДСКИЕ МОНЕТЫ С ВОДЯНСКОГО ГОРОДИЩА

Введение

В завершающемся XX в. основными направлениями в области джучидской нумизматики были изучение состава кладов, топографии мест их находок и анализ монетных сборов на золотоордынских городищах. В последнем случае преимущество отдавалось тем городищам, где существовал монетный двор: Селитренное и Наровчатское (Кротков А.А., 1930, с.3), Болгары (Янина С.А., 1954, 1958, 1960, 1961), Царевское (Янина С.А., 1970, с.194), Старый Орхей (Янина С.А., 1977, с.193), Азов (Фомичев Н.М., 1981, с.219), Маджарское (Ртвеладзе Э.В., 1971, с.77), Старый Крым (Северова М.Б., 1990, с.43). При этом подробный анализ всего комплекса монет был проведен лишь для городищ Сарая, Сарая ал-Джедид, Булгара и Мохши. Здесь же следует отметить, что, учитывая двухвековой период существования джучидской монетной системы, за который на престоле сменилось около 50 ханов, наличия полутора десятков монетных дворов на собственной территории, статистически значимые результаты анализа монетных комплексов с городищ получались, если число монет в них составляло несколько сотен (лучше - не менее 1000) экземпляров. Значительно меньший интерес проявлялся к анализу состава монетных сборов с городищ, где отсутствовал ханский монетный двор. Зафиксированные случайные находки на них обычно не превышают нескольких монет, редко десятки (Федоров-Давыдов Г.А., 1963, с.185). Около ста монет найдено в Белгороде-Днестровском (средневековый Аккерман) и проанализировано С.А.Булатович (Булатович С.А., 1986, с.117) и немного больше на Водянском городище (г.Дубовка в 40 км к северу от Волгограда) - около 150 монет за период сборов с 1910 по 1960 гг. (Федоров-Давыдов Г.А., 1963, с.176) и 72 при раскопках 1967-1971 гг. (Егоров В.Л., 1974, с.39; Мухамадиев А.Г., 1974, с.80).

В распоряжении авторов оказался монетный сбор 1997 г. с Водянского городища, частично доставленный жителями Дубовки в магазин "Антиквариат" Волгограда, частично заимствованный у краеведов, в сумме составивший 51 дирхам и 1311 медных пулов. Подробному типологическому и метрологическому анализу этого монетного комплекса посвящена данная работа.

Итоги предшествующих нумизматических исследований Водянского городища

Результаты историко-археологических исследований Водянского городища, начавшихся в середине XIX в. и продолжающихся до настоящего времени, неоднократно описывались в литературе. Наиболее полно это

сделано в работах последнего времени (Егоров В.Л., 1974, с.39; 1985, с.109; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.32), и там же дана подробная библиография. Поэтому мы здесь ограничимся только основными выводами, подчеркнутыми из них.

Сохранившаяся часть городища имеет площадь 500 тыс. м² (рис.1), а неизвестная часть смыта водами Волги. В настоящее время ежегодно 1-2 м береговой полосы городища обрушивается в Волгоградское водохранилище, безвозвратно уничтожая археологическое содержание культурного слоя.

Золотоордынский город был построен монголами руками русских и болгарских пленников на берегу Волги в месте наибольшего сближения с Доном (60 км) для обеспечения перевалки грузов и судов из Волги в Дон и обратно. Точное время основания города не выяснено. Ордынское название его - Бельджамен, на что указывают различные источники, хотя уверенного археологического подтверждения этого вывода пока нет. Ряд косвенных свидетельств позволяет отождествить Бельджамен с г. Бездеж русских летописей.

По прежним нумизматическим данным запустение города началось с 70-х годов XIV в., а полное разрушение связывается с походом Тимура 1395 г.

Первым, кто заинтересовался монетами, находимыми на Водянском городище, был Б.В.Зайковский (Зайковский Б.В., 1908, с.37), который без атрибуции привел рисунки 10 медных монет. Опираясь на нынешний уровень знаний, их можно определить так: самая ранняя № 7* - анонимный пул рубежа XIII-XIV вв., чекан неведомого Нуридждана или Бузинкара, № 3 - анонимный пул Хорезма 753 г.Х. (1352/1353 гг.), № 10 - пул Абдаллаха чекана Азака 765 г.Х. (1363/1364 гг.), № 6 - анонимный пул, чекан Орды 792 г.Х. (1389/1390 гг.), № 4 - анонимный пул Сарая ал-Джедид 794 г.Х. (1391/1392 гг.), № 8 - то же, но место чекана "Адл" 794 г. Х. (1391/1392 гг.), № 9 - анонимный пул Хорезма с неполной датой (7)9..., № 3 - забита надчеканом "Рыба", № 5 - надчеканом "Адл", № 1 - неясным надчеканом. Таким образом, эта маленькая группа монет охватывает целый XIV век жизни города. Через два года Б.В.Зайковский приобрел у жителей Дубовки 100 монет. Старшая монета датирована 717 г.Х. (1317/1318 гг.), среди остальных преобладали монеты Джанибека (1340-1357), Хызра (1359-1361) и Токтамышша (1380-1397). Младшей датой Б.В.Зайковский называет 872 г. Х. (1467/1468 гг.). Такая анонимная медная монета чекана "ал-Джедид" известна (Фомичев Н.М.,

* Номера монет в тексте соответствуют номерам монет на рисунках.

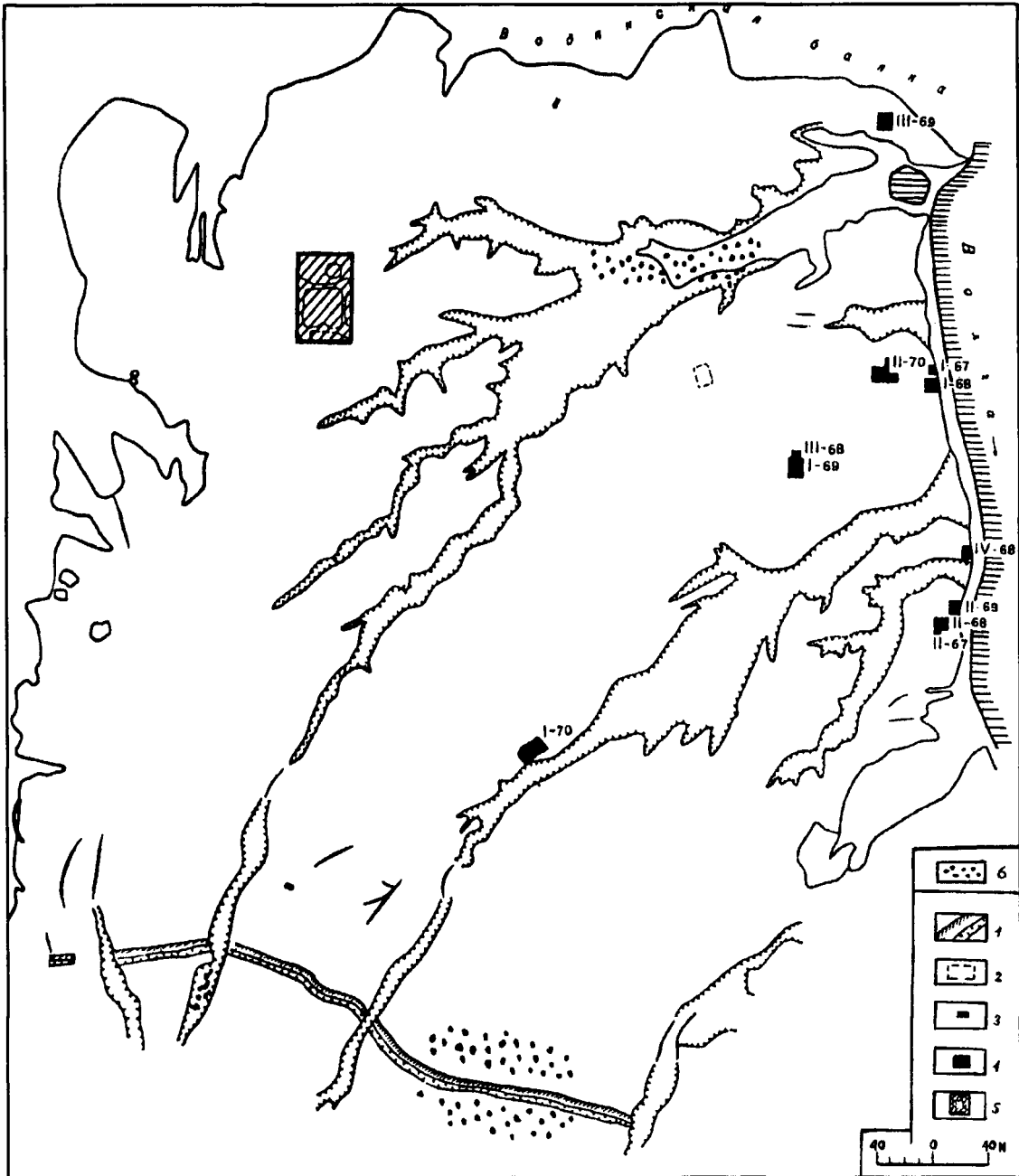

Рис. 1. Схема Водянского городища: 1 – ров и вал; 2 – старые раскопы; 3 – охранные знаки; 4 – раскопы Поволжской археологической экспедиции; 5 – комплекс мечети.

Fig. 1. The Vodianskoie hillfort layout: 1 – the moat and the earth wall; 2 – the early excavations; 3 – the security signs; 4 – the excavations of Povolgye Archaeological Expedition; 5 – the mosque complex.

Abb. 1. Schema der vorgeschichtlichen Siedlung Wodjanskoje: 1 – Graben und Wall; 2 – alte Ausgrabungen; 3 – Schutzzeichen; 4 – Ausgrabungen der Archäologischen Forschungsreise ins Wolgagebiet; 5 – Moscheekomplex.

Dessin 1. Schéma du site de Vodianskoë: 1 – fossé et rempart; 2 – fouilles anciennes; 3 – panneaux de défense; 4 – fouilles de l'Expédition Archéologique sur Volga; 5 – complexe d'une mosquée

1981, № 150). В дате - ошибка резчика и правильная дата, вероятно, 772 г.Х. (1370/1371 гг.), так как имеется несколько типов монет времени Абдаллаха тоже с местом выпуска "ал-Джедид", датированных 770-773 гг. Х. (1368/1369 - 1371/1372 гг.) (Фомичев Н.М., 1981, № 127-140). Поэтому младшими монетами подборки Б.В.Зайковского являлись монеты Токтамышша, причисленные им к одним из самых многочисленных.

На следующий год здесь был найден клад в 200 монет с дирхамами от 717 г.Х.(1317/1318 гг.) по 764 г.Х.(1362/1363 гг.), подробно описанный А.А.Кротковым (Кротков А.А., 1913, с.179). Но клад дирхамов не обязательно складывается там, где прячутся, поэтому подробно на нём останавливаться не будем.

В последующем, с 1914 по 1960 гг., зафиксированы находки в общей сложности 49 монет (25 дирхамов и 24 пула), а при раскопках Поволжской Археологической Экспедиции 1967-1971 гг. - ещё 72 (6 дирхамов, 66 пулов) и кладик из 6 забитых надчеканами медных пулов. В монографии Ф.Б.Баллода (Баллод Ф.Б., 1923, с.96) дается процентное соотношение находимых на Водянском городище монет (не указывая их количества) для разных временных периодов. В таблице 1 приведены данные Ф.Б.Баллода, а рядом - распределение по этим же периодам всех 131 упомянутых выше монет, найденных с 1908 по 1971 гг.

Как видно из таблицы, данные Ф.Б.Баллода по неизвестному числу монет и результаты расчета по монетным находкам, преимущественно, последующих лет качественно совпадают: нет совсем монет XIII в., очень

Таблица 1. Распределение монет с Водянского городища по периодам чекана

Хронологический период	% монет по Баллоду	Находки монет 1908-71 гг.	% от всех монет	% от определенных монет
Время Токты (1290-1312)	2	1	0.8	1.1
Время Узбека (1312-1341)		14	10.7	14.9
	} 60	} 70	} 53.4	} 74.4
Время Джанибека (1341-57)		56	42.7	59.5
Период смуты (1358-1380)	30	17	15.0	18.1
Время Тохтамышша (1380-97)	8	6	4.6	6.4
Неопределенные	-	37	28.2	-
Всего	100	131	100	100

мало (1-2%) - первого десятилетия XIV в., заметный рост чекана Узбека (15%), максимум - при Джанибеке (60%), спад - до 18-30% в период смуты и ещё больше - при Токтамышше (до 6-8%), полное отсутствие монет XV в.

Сотня монет Б.В.Зайковского так подробно им не обработана, но качественно его выводы те же, кроме большей доли монет Токтамышша, численно сравнимой с монетами периода Джанибека и смуты.

Таким образом, известные на сегодня две с половиной сотни монет Водянского городища очерчивают время жизни города XIV в., с пиком экономической активности в 40-50-е годы и запустением с начала XV в.

Каких-то более детальных выводов по соотношению монет разных ханов, монетных дворов, типовым различиям и т.п. по этим данным сделать не представляется возможным.

Анализ монет случайных сборов на Водянском городище.

Серебряные дирхамы

В опубликованных исследованиях состава монетных комплексов с ордынских городищ дирхамы и медные пулы рассматриваются совместно, что, по-видимому, не совсем правильно. Дирхамы и пулы обеспечивали разные сферы денежного обращения, подчинялись разным закономерностям перемещения от места выпуска. Нельзя исключать и того, что монетное право чеканки дирхамов и пулов было не одинаковым в разные периоды времени. Поэтому в данной работе анализ серебряных и медных монет собранного комплекса осуществляется раздельно*.

Вопросы классификации джучидских монет по типам, вариантам, разновидностям штемпеля в литературе специально не разрабатывались, поэтому

*При описании изданных типов монет ссылки на наиболее часто используемые работы будут даваться в сокращённом виде, как это принято в подобных случаях: Fr.p.№ - Fraechnii Ch. M., 1826 p. №; Фр. - № - Френ Х.М., 1832, №; Сав. № - Савельев П.С., 1858, №; Гр. № - Григорьев В.В., 1850, №; Кр. № / рис. - Кротков А.А., 1930, № / рис.; ЯI-№ - Янина С.А., 1954, №; ЯII - № - Янина С.А., 1958, №; ЯIII-№ - Янина С.А., 1960, №; ЯV-№ - Янина С.А., 1970, №; Ф-Д. - № - Фёдоров-Давыдов Г.А., 1965, тип №; Фом. - № - Фомичёв Н.М., 1981, №.

при табулировании и описании как серебряных, так и медных монет изучаемого комплекса мы использовали тот же подход, что и в работах С.А.Яниной: но-

вый номер получают монеты при смене имени хана, монетного двора, даты чекана, содержания легенд любой из сторон, существенного изменения размещения леген-

Таблица 2. Джучидские дирхамы Водянского городища

№ типа	Дата г.Х.	Имя хана	Монетный двор	Кол-во	Вес, г	Размер, мм мин.-макс.	Публикация
1	2	3	4	5	6	7	8
1	710	Токта	Сарай ал-Махруса	4	1.12, 1.40, 1.59	15-16, 15-17, 15-16.5	Фр.28, ЯИ-10
2	716	Узбек	Сарай	1	1.45	16-18	Fr. p.205, №2
3	..18	“	“	1	1.42	15-16.5	Фр. 31
4	722	“	“ал-Махруса	3	1.13, 1.45 (2)	15, 15-16, 17	Фр. 38, ЯИ-31
5	727	“	Сарай	1	1.50	15.5	ЯИ-31а
6	734	“	“	2	1.47, 1.48	15-16, 16-18	Гр. 13а, 14
7	737	“	“	3	1.35, 1.40, 1.55	14-15, 14-15.5 (2)	ЯИ-39
8	739	“	“	1	1.49	14-15	Fr. p. 220, № 41
9	740	“	“	2	1.47, 1.50	14-16, 14-15	Фр. 63, ЯИ-44
10	?	“	“	1	1.17 (обл.)	13-17	–
11	742	Джанибек	“ал-Джедид	2	1.45, 1.52	15-16, 15-16	ЯИ-46
12	743	“	“ “	3	1.45, 1.48	14-14.5, 14-16.5, 15-16	Фр. 73, ЯИ-47
13	743	“	“ “	1	1.50	14-15	Гр. 29
14	745	“	“ “	4	1.41, 1.45, 1.46, 1.47	14-15, 15-16 (2), 14. 5	Фр. 103, Гр. 68
15	746	“	“ “	3	1.33, 1.40, 1.43	14-15 (2), 15	ЯИ-54
16	747	“	“ “	3	1.12, 1.51, 1.55	15-15.5, 14-15.5, 14-16	Фр. 79, ЯИ-57
17	747	“	“ “	1	1.72	15-15. 5	Фр. 80, ЯИ-57а
18	74(8)	“	“ “	1	1.51	14-15	Гр. 43
19	749	“	“ал-Махруса”	1	1.57	16-16.5	Фр. 85, ЯИ-59
20	751	“	“ал-Джедид”	1	1.50	14.5-16	Гр. 50
21	753	“	Гюлистан	1	1.46	14-15	Гр. 63а
22	753	“	“	2	1.52, 1.54	14-15, 14-16	Фр. 100, ЯИ-70
23	756	“	“ “	1	1.52	16	Гр. 70, ЯИ-74а
24	759	Бердибек	Гюлистан	1	1.52	14-15	Фр. 111, ЯИ-75

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8
25	761	Науруз	Сарай ал-Джедид	1	1.59	15-16.5	Фр. 125, ЯИИ-83а
26	762	Хызр	Гюлистан	2	1.45, 1.49	14-15, 16-17	Фр. 126, ЯИ-84
27	782	Токтамыш	Сарай	1	1.32	–	Сав. 440
28	788	“	Сарай ал-Джедид	1	1.36	15-16	Фр. 208
29	791	“	Орда Муаззам	1	1.33	14-17	Сав. 1946
30	79(3)	“	Орда	1	1.40	15	Fr. p. 340, № 144

ды, у пулов также при изменении типа изображения. Броские отличия в исполнении тех же элементов типа отмечались как варианты и обозначались строчной буквой русского алфавита. Штемпельные различия, как правило, не рассматривались, кроме специально оговоренных случаев.

В таблице 2 приведен перечень всех дирхамов изучаемого комплекса, их метрологические характеристики и атрибуция.

Как следует из представленных данных, все дирхамы комплекса хорошо известны, неоднократно изданы и не требуется их описания. Вариантные и тем более штемпельные отличия имеются, но на монетном кружке, как правило, виден не полный штемпель, а тождественных экземпляров в такой немногочисленной подборке мало или нет совсем для составления полной реконструкции, поэтому они не рассматривались.

У 29 из 30 выявленных типов дирхамов известна дата выпуска - от 710 до 79(3) г.Х. (1310-1391 гг.), а распределение монет по именам ханов приведено в таблице 3.

Как видно, снова нет монет XIII и XV вв., преобладает чекан Узбека (~30%) и Джанибека (47%). Период смуты представлен всего 4 дирхамами трех ханов из 20 этого времени, нет монет 70-х годов и, как у Ф.Б.Баллода, около 8% - чекан Токтамыша. Разбивка по числу монет не всегда может объективно отражать степень

активности денежного обращения, если тираж чеканки каких-то типов будет очень сильно отличаться от остальных. Чтобы исключить влияние тиража, можно вести расчет не по количеству монет каждого типа, а по числу самих типов. В последних столбцах таблицы 3 приведены результаты такого подсчета.

Как видно, результаты изменились незначительно, то есть тиражи этих типов дирхамов отличались не на много.

Данные таблицы 4 показывают, дирхамы каких городов проникали на рынок Бельджамена. Налицо - явное преобладание монет столичного чекана - по ровну обоим Сараев, а вместе 82% по числу монет и 76,7% по числу их типов. Нет дирхамов Азака, Крыма, Мохши, Укека, Хорезма, пулы которых, как будет показано ниже, обращались в Бельджамене. Возможно, это следствие небольшой доли дирхамов в общем объеме подъемного комплекса 1997 г. - 3,75% (доля дирхамов при раскопках Волянского городища 1967-1971 гг. была 8,3%, на Царевском в это же время - 4,4%).

Весовая гистограмма дирхамов 710-762 гг.Х. (1310/1311 - 1360/1361 гг.) имеет пик при 1.50 г, а 81% значений веса находятся в интервале 1.40 - 1.55 г - это нормальный вес для дирхамов, находившихся в обращении несколько десятилетий. В комплексе нет подражаний и обрезанных монет.

Таблица 3. Распределение дирхамов по ханам

Имя хана	Число монет	%	Число типов	%
Токта	4	7.8	1	3.3
Узбек	15	29.4	9	30.0
Джанибек	24	47.1	13	43.4
Бердибек	1	2.0	1	3.3
Науруз	1	2.0	1	3.3
Хызр	2	3.9	1	3.3
Токтамыш	4	7.8	4	13.4
Всего	51	100	30	100

Таблица 4. Распределение дирхамов по монетным дворам

Монетный двор	Число монет	%	Число типов	%
Гюлистан	7	13.7	5	16.7
Орда	1	2.0	1	3.3
Орда Муаззам	1	2.0	1	3.3
Сарай	13	25.5	9	30.0
“ал-Махруса	8	15.7	3	10.0
“ал-Джедид	22	43.1	12	36.7
Всего	51	100	30	100

Медные джучидские монеты с Водянского городища

Среди 1311 медных монет изучаемого комплекса выявлено 69 типов джучидских монет, 6 нечеканенных заготовок разной технологической стадии, 6 иноземных монет и 59 неясных, забитых, стёртых и полностью корродированных монет. Ряд типов оказались неизданными, а у нескольких типов выявились неизданные варианты. Неожиданно много оказалось грубых подражаний, до этого редко встречавшихся в монетных комплексах золотоордынских городищ*.

1. Анонимный пул, Крым, не датирован. 1 экз., рис.2,1. Вес: 2,46 г (пр.). Лебедев В.П., 1990, № 10.

Л.с.: в квадрате, составленном из 4 скобок, тамга дома Бату без шипа у ножки, снаружи двойной ободок.

О.с.: в таком же ободке в две строки $\text{ق ر ب م} / \text{بسم}$ = Кр/ым. Почти всё изображение забито надчеканом "Аллах".

Ввиду анонимности и наличия тамги, пул предположительно можно датировать рубежом XIII-XIV вв.

2. Узбек хан, Крым 7(1/2)5 г.Х. 2 экз., рис.2,2. Вес: 1,42; 1,45 (пр.). Фом., 57-60, Лебедев В.П., 1990, № 23.

Л.с.: в тройном ободке, средний точечный, в 3 строки "Хан справедливый Узбек".

О.с.: в таком же картуше в центре - тамга дома Бату обычного вида, по бокам - место выпуска - чекан Крыма, внизу - дата с ошибкой в цифре десятков: 9 вместо 1 или 2.

3. Анонимный пул времени Узбека, Сарай 721 г.Х. (1321 г.). 1 экз., рис.2, 3. Вес: 1,68 (пр.). Фр. 67, ЯИ-30.

Л.с: в круге 5-конечная звезда, снаружи - точечный ободок.

О.с.: в точечном круге в 2 строки по-тюркски соотношение стоимости медных и серебряных монет

$\text{اوت التى بول د نك} = 16$ пул - даник. С 4-х сторон - выпускные сведения $\text{صرب سراي / سنة 721}$ = Чекан Сарая год 721.

4. Анонимный пул времени Узбека, Сарай 726 г.Х. (1325/1326 гг.). 15 экз., рис.2,4. Вес: 1,04; 1,08; 1,09; 1,17; 1,18; 1,24; 1,32(2); 1,36; 1,38; 1,44(2); 1,47; 1,52; 1,53 (13 пр., 2 ок.). Фр. 41.

Л.с.: в поле в две строки - тюркское изречение يرليغ / هما يوت = Ярлык гамаюн = Высочайшее

повеление, по краю - также декларация, что и на предыдущей: 16 пул-даник.

О.с.: в таком же картуше - хищная птица (сокол?), с повернутой назад головой, над спиной - три кружочка треугольником, по краю - выпускные данные - Чекан Сарая 726.

5а. Анонимный пул времени Узбека, ас-Сарай 731 г.Х. (1330/1331 гг.). 35 экз., рис.2,5а. Вес: 0,78 (обл); 1,12; 1,16(2); 1,18; 1,20; 1,21; 1,22; 1,23; 1,25; 1,26; 1,27(2); 1,28(2); 1,30(2); 1,31(2); 1,32(2); 1,36(2); 1,40(3); 1,42(2); 1,45; 1,47(2); 1,53; 1,54; 1,55 (пр). Фр. 45, ЯИ-34.

Л.с.: в двойном ободке - также декларация стоимости на 3-х строках - 6 /10/ даник.

О.с.: в точечном ободке - выпускные данные в 3 строки - Чекан / ас-Сарая году/ 731, вверху - виньетка, над словом Сарай - плетенка.

5б. То же, всё как у 5а, но легенда л.с в 2 строки. Не издан, 10 экз., рис.2,5б. Вес: 1,18; 1,37; 1,39(2); 1,42(2); 1,45; 1,46; 1,56; 1,57 (пр.).

5П. Грубое подражание варианту 5а, 1 экз., рис.2,5П. Вес: 1,50 (пр.).

6а. Анонимный пул времени Узбека, ас-Сарай ал-Махруса 731 г.Х., 6 экз., рис.2,6а. Вес: 1,30; 1,32; 1,38; 1,40(2); 1,45 (пр.). ЯИ-35.

Л.с.: в тройном ободке, внешний точечный в 2 строки: 16/ пул-даник, вверху и внизу - виньетки, между строками - две плетёнки и не прочтённое при издании монеты слово. Покойный саратовский краевед-нумизмат Ю.Е.Пырсов (Пырсов Ю.Е., 1993) предложил видеть здесь арабское الفا = сказано, оговорено - в смысле "утверждено", что представляется вполне уместным в контексте основной легенды.

О.с.: в таком же картуше в 3 строки: Чекан ас-Сарая / ал-Махруса / год 731.

6б. То же, л.с: как у 6а; о.с.: как у 5а. Не издан, 1 экз., рис. 2,6б. Вес: 1,47 (пр.). То есть одна и та же л.с стыкуется с двумя о.с. - с местом выпуска "Сарай" и "Сарай ал-Махруса". Это означает, что оба названия относятся к одному монетному двору - Сарай.

7. Анонимный пул времени Узбека, г.Мохши, 731 г.Х. (1330/1331 гг.). 3 экз., рис. 4,7. Вес: 1,02; 1,20; 1,24 (пр.). Кр. № 10.

Л.с.: в точечном круге - тамга с отогнутыми отростками. С трех сторон: 16 пул-даник.

* Учитывая также, что не все из изданных типов при публикации иллюстрировались, для удобства сравнения новых типов и вариантов с изданными, было решено привести здесь изображения всех имеющихся в комплексе типов и вариантов пулов. В тех случаях, когда для реконструкции полного рисунка не доставало экземпляров в комплексе, привлекались аналогичные монеты из частных волгоградских коллекций. Штемпельные разновидности не принимались во внимание, кроме оговоренных специальных случаев. При описании каждого типа и варианта указывался вес всех экземпляров, а также сокращённо качественная характеристика формы монетного кружка: ок. - округлая, без явных следов излома линии периметра; пр. - форма соответствует проволоочной или прутковой технологии изготовления монетных заготовок (в двух диаметрально расположенных местах периметра имеются в разной степени выраженные линейные участки от плоскостей отруба заготовки от длинного прутка или проволоки); уг. - форма многоугольника, получаемая при формировании периметра пожилыми.

О.с.: в таком же ободке в 2 строки - Пул Мохши. Ни на одном экземпляре дата не проставлена, но А. Кротков видел дату - 731.

8. Анонимный пул времени Узбека. Сарай, 732 г.Х. (1331/1332 гг.). Не издан, 1 экз., рис. 2,8. Вес: 1,20 (пр.).

Обе стороны как у 5а, но год 732. (Ещё один экземпляр имеется в коллекции одного из авторов). Вес: 1,18 г. (пр.).

9. Анонимный пул времени Узбека. Азак, 732 г.Х. (1331/1332 гг.). Не издан, 1 экз., рис. 2,9. Вес: 1,32 (пр.).

Л.с.: лев вправо, над спиной - полудиск солнца с лучами, снаружи - точечный круг.

О.с.: в точечном круге - квадрат с двойной линией по середине. В получившихся отсеках - персидский вариант знакомой по типу 4 декларации: حکم/همايون = Хокм/Гамаюн = Высочайшее повеление. В 4 сегментах - выпускные данные с ошибками ۱۳۳۷/سنه/از[۱]ق = Чекан / Азака / году / 7321 - пропущен второй алиф в названии города, дата изображена превратно и поставлена лишняя цифра "1".

10. То же, но год 733 (1332/1333 гг.), 3 экз., рис. 2,10. Вес: 1,06; 1,37; 1,45 (1 пр., 2 ок.). ЯІ-36.

Л.с.: над спиной льва - солнечный лик, внизу - виньетка.

О.с.: как у № 9, но дата 733, есть разновидность, где вместо даты помещено ع د = 'Адл.

11. То же, но год 734, 3 экз., рис. 2,11. Вес: 0,80 (обл.); 1,27; 1,32 (2 пр., 1 ок.). Фом. № 8-10.

9-11 П. Подражание пулам Азака, 4 экз., рис. 2, 9-11П. Вес: 1,28; 1,48; 1,58; 1,68 (2 пр., 2 ок.).

12а. Анонимный пул времени Узбека, Сарай 737 г.Х. (1336/1337 гг.), 86 экз., рис. 3,12а. Вес: 0,41; 0,50 (обл.); 0,64; 0,67; 0,73; 0,81; 0,84; 0,85 (2); 0,94; 1,00 (2); 1,02; 1,04; 1,06 (3); 1,07 (2); 1,08; 1,10 (2); 1,12; 1,13; 1,14; 1,15 (4); 1,16; 1,17 (2); 1,18; 1,20 (3); 1,22; 1,23; 1,25 (4); 1,26 (4); 1,27 (2); 1,29 (2); 1,30 (2); 1,32 (2); 1,33; 1,34; 1,35 (2); 1,37 (3); 1,38; 1,40; 1,42 (2); 1,45 (4); 1,50(3); 1,52 (2); 1,54; 1,57; 1,59 (2); 1,67; 1,68; 1,69; 1,70; 1,72; 1,85; 1,87; 1,89 (74 пр., 12 ок.). Фр. 56, ЯV-9.

Л.с.: в точечном кругу - лев вправо, над спиной - половинный лик солнца с разным числом треугольных лучей, под мордой - звездочка или точка.

О.с.: в точечном круге - квадрат, разделенный линией пополам, внутри - та же надпись, как у №№ 9-11, в сегментах - Чекан / Сарая / году 737.

12б. То же, но лев влево, легенда начинается снизу и искажена, год не виден, 2 экз., рис. 3,12б. Вес: 0,76; 1,28 (1 пр., 1 ок.).

12П. Грубые подражания 12а, 14 экз., рис. 3,12П (1-10). Вес: 0,93; 1,02; 1,06; 1,17 (2); 1,30; 1,46; 1,48; 1,55; 1,70; 1,73; 1,85; 1,98 (14 пр.).

13. Анонимный пул времени Узбека, Сарай, 737 г.Х. (1336/1337 гг.), 11 экз., рис.3,13. Вес: 1,10; 1,14; 1,19 (2); 1,31; 1,36 (2); 1,47; 1,52; 1,68 (10 пр., 1 ок.). Фр. 57.

Л.с.: над львом - полный диск солнца с лучами, под мордой - звездочка.

О.с.: как у 12а.

14. Анонимный пул времени Узбека, Хорезм, 737 г.Х. (1336/1337 гг.), 1 экз., рис. 5,14. Вес: 1,65 (уг.). Ф-Д. тип 3.

Л.с.: в линейном круге, в клешнях рака - солнечный лик без лучей.

О.с.: в точечном круге, вдоль диаметра - виньетка, сверху и внизу: از حکم/همايون = по высочайшему повелению. Вокруг - выпускные данные, которые не сохранились.

15. Анонимный пул времени Узбека, Сарай, 740 г.Х. (1339/1340 гг.). Не издан, 1 экз., рис.3,15. Вес: 1,40 (пр.). Все как у № 12а, но дата 740 и изображена зеркально. А.Кротков среди 114 экз. этого типа из Селитренного обнаружил один с двумя сохранившимися цифрами даты "74..", на публикуемом пуле видны все три цифры - 740.

16а. Анонимный недатированный пул. Не издан, 1 экз., рис. 3,16а. Вес: 1,19 (пр.).

Л.с.: зверь вправо и несколько декоративных точек.

О.с.: в точечный круг вписан квадрат, разделенный на две части, внизу - Чекан, сверху - Сарая.

16б. То же, но чтение легенды о.с. сверху вниз, 1 экз., рис. 3,16б. Вес: 1,35 (пр.). Фом. 50-54.

17. Анонимный пул времени Джанибека. Мохши, 741 г.Х. (1340/1341 гг.), 1 экз., рис. 4,17. Вес: 1-25 (пр.). Кр. 18,19.

Л.с.: в линейном круге в две строки снизу вверх - Чекан Мохши и 3 точки.

О.с.: в круге - "Года 741" и три точки.

18. То же, но год 743 г.Х. (1342/1343 гг.) Не издана, 1 экз., рис. 4,18. Вес: 1,25 (пр.).

Л.с.: искажённая надпись, в которой угадывается "16 - даник".

О.с.: в круг вписана трапеция, внутри её - "Мохши 743".

19. Анонимный пул времени Джанибека. Сарай ал-Джедид 743 г.Х. (1342/1343 гг.), 1 экз., рис.6,19. Вес: 1,44 (пр.). ЯІ-48, ЯV-11.

Л.с.: в круге - двуглавый орел.

О.с.: в круге - "Чекан Сарая ал-Джедид 743".

20. Анонимный пул. Город, год - ?, 5 экз., рис. 5,20. Вес: 1, 30; 1,75; 2,35; 2,36 (5 пр.). Фр. 401, ЯІ-51.

Л.с.: стилизованный двуглавый орёл двух вариантов исполнения.

О.с.: в двойном квадрате - неясная надпись в три строки.

Предлагалось несколько вариантов чтения легенды: Р.Фасмер - "Чекан 749 г."; С.А.Янина: (Янина С.А.,1954, № 51) - "Чекан Сарая ал-Джедид", (Янина С.А.,1961) - "Чекан Крыма 744".

Действительно, этот тип не редок в Крыму, но часто он находится и в далеком от Крыма Булгаре, где за многолетний период раскопок не найдено ни одной монеты с точным прочтением как крымского чекана.

21а. Анонимный пул времени Джанибека, Сарай ал-Джедид, не датирован, 34 экз., рис. 6,21а. Вес: 0,77; 0,87; 0,96 (2); 0,97; 1,00; 1,08 (2); 1,09; 1,19; 1,20; 1,28 (2); 1,35 (3);

1,37; 1,40; 1,42; 1,44; 1,45; 1,46; 1,47; 1,48; 1,53; 1,57; 1,58; 1,60 (2); 1,61; 1,62; 1,67 (27 пр., 7 ок.). ЯV-13а.

Л.с.: в точечном круге - стилизованный двуглавый орел.

О.с.: в точечном круге - "Чекан / Сарая / ал-Джедид 10/6 - даник".

Обе стороны в крупном исполнении.

21б. То же, но более мелкое исполнение изображения и легенды, орел менее стилизован, 141 экз., рис. 6,21б. Вес: 0,90 (3); 0,91; 0,94 (2); 0,96 (3); 0,99; 1,00(4); 1,19 (3); 1,21 (2); 1,24 (2); 1,25 (2); 1,26 (3); 1,27 (3); 1,28 (4); 1,29; 1,30; 1,32 (3); 1,33 (2); 1,34 (2); 1,35 (3); 1,36 (3); 1,37 (2); 1,39; 1,40 (3); 1,41 (2); 1,42 (4); 1,45 (3); 1,46; 1,47 (3); 1,48 (4); 1,49; 1,50(3); 1,51; 1,52; 1,53; 1,54 (2); 1,55 (4); 1,56; 1,57; 1,58; 1,59; 1,60; 1,61; 1,62 (3); 1,65; 1,68; 1,69; 1,73; 1,76; 1,80; 1,86; 1,96; 1,97. 1 экз. с надчеканкой "Адл", 1,38; 4 экз. - перечеканы 1,46; 1,53; 1,55; 1,69 (114 пр., 27 ок.). ЯV-13.

21в. Как 21б, но легенда изображена зеркально, 2 экз., рис. 6,21в. Вес: 1,44; 1,48 (2 пр.).

21г. Как 21б, но грудь орла чешуйчатая. Не издан, 1 экз., рис. 6,21 г. Вес: 1,67.

21д. Вариант не определим, 34 экз. Вес: 1,03; 1,04; 1,09; 1,12; 1,16; 1,20; 1,22; 1,24; 1,25 (2); 1,30; 1,34 (3); 1,36; 1,37 (2); 1,38; 1,44; 1,45; 1,48; 1,50; 1,51; 1,53 (2); 1,60; 1,70 (27 пр., 7 ок.).

21П. Грубые подражания вариантам 21а,б, 64 экз., рис. 6,1-19; 7, 20-42. Вес: 0,50; 0,56; 0,65; 0,67; 0,68; 0,70 (2); 0,74 (2); 0,78; 0,82 (3); 0,84; 0,85; 0,87; 0,88 (2); 0,90; 0,91; 0,94 (3); 0,95 (2); 0,96 (2); 0,99; 1,00 (2); 1,02 (3); 1,04 (2); 1,05; 1,07; 1,13; 1,15; 1,16 (3); 1,19; 1,20 (3); 1,22; 1,27; 1,34; 1,35; 1,36 (2); 1,40; 1,45 (3); 1,46; 1,47; 1,56; 1,68; 1,69; 1,90; 2,14 (2). (3 пр., 4 ок., 57 уг.).

22а. Анонимный пул времени Джанибека. Мохши, 745 г.Х. (1344/1345 гг.), 1 экз., рис. 4,22а. Вес: 1,35 (пр.). ЯV-15.

Л.с.: в центре - точка и маленький круг, вокруг крест-накрест: "Мох / ши / чекан / 745/".

О.с.: в круге - мусульманский символ веры, размещенный по спирали.

22б. То же, но на л.с. из цифр даты уверенно определяется только "7", а на о.с. символ веры размещен линейно на трех строках. Не издан, 1 экз., рис. 4,22б. Вес: 0,95 (пр.).

23. Анонимный пул Мохши, не датирован, 3 экз., рис. 4,23. Вес: 1,26; 1,30; 1,40 (пр.). ЯV-16.

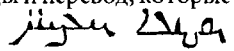
Л.с.: в 6-угольной звезде, образованной из двух пересекающихся треугольников, на двух строках - Чекан Мохши.

О.с.: как о.с. № 22а.

24б. Анонимный пул Мохши, год? Не издан, 1 экз., рис. 4,24б. Вес: 1,24 (пр.).

Л.с.: в треугольнике, вписанном в круг вершиной вниз, искажённая и зеркальная надпись - Чекан Мохши. (Рядом на рис. 4,24а приведена реконструкция этого типа с прямой легендой по экземплярам частных коллекций, в сегментах, возможно, дата, но неясная).

25. Анонимный пул. Укек (?), 5 экз., рис. 4,25. Вес: 0,84; 1,22; 1,40; 1,52 (5 пр.). Кр. - № 66 (рис. 43,44).

Л.с.: легенда уйгурским письмом. Первый публикатор (Кротков А.А., 1930, № 66) её чтения не дал. Его последователь, саратовский краевед-нумизмат Ю.Е.Пырсов (Пырсов Ю.Е., 1992, с. 106-112) предложил такое чтение легенды и перевод, которые мы приводим без комментариев: = Аймаг Укек = Область Укек.

О.с.: = Каан - ун / эшээн = Ставка хана.

Ю.Е.Пырсов по косвенным признакам датировал пул 40-ми годами XIII в., с чем трудно согласиться. При находках на городищах этот тип монет обнаруживается совместно с пулами Узбека и Джанибека и, по-видимому, он чеканился не ранее начала XIV в. Для более уверенной и точной датировки на сегодня нет оснований.

26. Джанибек хан. Хорезм, 749 г.Х. (1348/1349 гг.), 6 экз., рис. 5,26. Вес: 1,45; 1,57; 1,75 (2); 1,88; 2,00 (3 пр., 3 ок.). ЯП-61.

Л.с.: в двойном ободке, внешний - точечный, имя и титул: "Джани - /бек / хан".

О.с.: в такой же ободок вписан треугольник, внутри - радиально цифры даты - 749. В сегментах - Чеканено в Хорезме.

27. То же, но год 754, 1 экз. (пробит), рис. 5,27. Вес: 3,90 (ок.). Ф-Д тип 10.

Л.с.: в точечном квадрате, вписанном в круг, легенда в 3 строки - Султан / справедливый / Джани [бек хан]. В сегментах - виньетки.

О.с.: внутри круга - 4-лепестковая фигура, разделенная по диаметру сложным орнаментом. Вверху - Чекан Хорезма, внизу - года 754.

28. То же, но год 756, 2 экз., рис. 5,28. Вес: 2,73; 2,80 (ок.). Ф-Д. тип 9.

Л.с.: в квадрате, вписанном в круг, на 3 строках Султан / бек / Джани.

О.с.: в 6-лепестковой фигуре на 4 строках - Чеканено / в / Хорезме / год 756.

Все заключено в линейный ободок.

29а. Анонимный пул времени Джанибека, Сарай ал-Джедид, 751 г.Х. (1350/1351 гг.), 15 экз., рис. 8,29а. Вес: 1,48; 1,60 (2); 1,70; 1,80; 1,86; 2,00; 2,02; 2,06; 2,12; 2,19; 2,24; 2,35; 2,37; 2,54 (9 пр., 6 ок.). ЯV-25.

Л.с.: цветочная 6-осевая розетка.

О.с.: в точечном круге - 6-лепестковая фигура, в ней - на 4 строках - Сарая / чекан / ал-Джедид / 751. Цифра "5" даты - в виде листочка.

29б. То же, но первые строки легенды переставлены, и цифра "5" - в виде кружочка, 8 экз., рис. 8,29б. Вес: 1,62; 1,85; 1,94; 2,02; 2,07; 2,12; 2,16; 2,37 (4 пр., 4 ок.).

29в. То же, но цифра "5" - в виде зеркальной буквы "мягкий знак", 3 экз., рис. 8,29в. Вес: 2,09; 2,32; 2,54 (пр.).

30а. Анонимный пул времени Джанибека, Сарай ал-Джедид 752 г.Х. (1351/1352 гг.), 87 экз., рис. 8,30а. Вес: 1,30; 1,48; 1,52 (2); 1,53; 1,55 (2); 1,61; 1,63; 1,65; 1,66; 1,67; 1,70; 1,71; 1,72; 1,74; 1,75 (4); 1,76; 1,78 (2); 1,80; 1,81; 1,85;

1,87; 1,88; 1,89; 1,91; 1,93; 1,95 (2); 1,96 (3); 1,97; 1,98 (2); 1,99 (2); 2,01; 2,03 (2); 2,04; 2,07; 2,08 (3); 2,10 (4); 2,11 (2); 2,12; 2,13; 2,14 (2); 2,17; 2,19; 2,22 (2); 2,23 (2); 2,25; 2,27; 2,30 (2); 2,31; 2,32; 2,33; 2,38; 2,41; 2,42; 2,43; 2,46; 2,50 (2); 2,52; 2,54 (2); 2,55; 2,62; 2,72; 2,76 (2); 2,78 (73 пр., 13 ок., 1 уг.). ЯВ-29а.

Л.с.: цветочная розетка, другое исполнение её центра, чем у № 29.

О.с.: легенда и картуш, как у № 29, с иным размещением по строкам - "Чека-н Сара-я / ал Джедид / 752".

30б. То же, но другое исполнение центра розетки и иное размещение легенды по строкам: *ی/خرب/سرالحدید* - я / чекан / Сара- ал-Джед-ид

752 (1351/1352 гг.). Не издан, 2 экз., рис. 8,30б. Вес: 2,14; 2,30 (2 пр.).

30в. То же, розетка как у № 29, легенда как у № 30а, цифра "5" - в виде листочка, 5 экз., рис. 8,30в. Вес: 1,30; 1,86; 1,92; 2,37; 2,46 (4 пр., 1 ок.).

30г. То же, легенда как у № 29б, но цифра "5" - в виде кружочка, 65 экз., рис. 8,30г. Вес: 1,40; 1,46; 1,48; 1,56; 1,65 (2); 1,67 (2); 1,72; 1,77; 1,85; 1,86; 1,87; 1,90 (3); 1,94 (2); 1,97; 2,00 (2); 2,04; 2,05 (2); 2,06 (2); 2,07 (2); 2,08; 2,10; 2,12 (2); 2,13; 2,15; 2,18 (3); 2,20; 2,22; 2,23; 2,25 (2); 2,30 (2); 2,32 (2); 2,34 (2); 2,35; 2,37; 2,38; 2,40; 2,42; 2,46; 2,47; 2,55 (2); 2,56; 2,58; 2,62; 2,74; 2,83; 2,85; 3,04; 3,06 (58 пр., 8 ок.). ЯВ-29.

30д. То же, розетка как у № 30б, иное размещение легенды, 14 экз., рис. 8,30д. Вес: 1,23; 1,36; 1,65; 1,88; 1,90; 1,95; 2,03; 2,06; 2,27; 2,31; 2,33; 2,40; 2,51; 2,74 (11 пр., 3 ок.). ЯВ-29д.

30е. То же, иной центр розетки, легенда как у № 30а,в,г, цифра "5" как латинская L. Не издан, 1 экз., рис.8,30е. Вес: 1,75 (пр.).

30ж. То же, новый вариант розетки, цифра "5" - как незамкнутый кружок. Не издан, 1 экз., рис. 8,30ж. Вес: 1,82 (ок.).

31а. Анонимный пул времени Джанибека, Сарай ал-Джедид, 753 г.Х. (1352/1353 гг.), 2 экз., рис. 8,31а. Вес: 1,72; 2,00 (2 пр.). ЯВ-31а.

Л.с.: розетка как у № 30 в,г.

О.с.: Сарая / чекан / ал-Джедид / 753. Цифра "5" - в виде кружочка. На двух монетах видны остатки изображения пула № 32 - 753 г.Х.

31б. То же, но другое размещение легенды по строкам, 18 экз., рис. 8,31б. Вес: 1,05; 1,15; 1,42; 1,53; 1,61; 1,65; 1,67 (2); 1,78; 1,80; 1,86 (2); 1,91; 1,94; 2,02; 2,23; 2,90 (12 пр., 6 ок.). ЯВ-31б.

31в. То же, обе стороны как № 30а, но год 753 г.Х. (1352/1353 гг.), 8 экз., рис. 8,31в. Вес: 1,34; 1,63 (2); 1,88; 2,02; 2,27; 2,28; 2,53 (6 пр., 2 ок.). ЯВ-31в.

31г. То же, розетка как у № 31а, цифра "5" как зеркальный мягкий знак, 5 экз., рис. 8,31г. Вес: 1,75; 1,81; 2,05; 2,10; 2,13 (5 пр.). ЯВ-31г.

31д. То же, розетка как у № 31а, дата искажена, цифра "3" зеркальна, 3 экз., рис. 8,31д. Вес: 1,90; 2,07; 2,23 (2 пр.). ЯВ-31д.

31е. То же, розетка как у № 31а, цифры даты сильно искажены, 11 экз., рис. 8,31е-1. Вес: 1,74; 1,75; 1,78; 1,83; 1,86; 2,07; 2,10; 2,15 (2); 2,18; 2,26 (9 пр., 2 ок.). ЯВ-31е.

31ж. То же, розетка как у № 31б, цифра "5" - в виде полукруга, 1 экз., рис. 8,31ж (пр.).

(29-31). То же, вариант не определим. Сарай ал-Джедид, 751-753 гг.Х. (1350/1351 - 1352/1353 гг.), 177 экз. Вес: 1,24; 1,28 (2); 1,30 (2); 1,34 (2); 1,36; 1,37 (2); 1,38 (3); 1,39; 1,41; 1,43 (2); 1,44; 1,47 (2); 1,48; 1,50; 1,52; 1,54; 1,57; 1,58; 1,60; 1,66; 1,67 (3); 1,68; 1,69; 1,70 (3); 1,75; 1,76 (2); 1,78 (3); 1,79 (2); 1,80; 1,81; 1,83; 1,84 (3); 1,85 (3); 1,86 (2); 1,87; 1,90(2); 1,91 (7); 1,93 (5); 1,94; 1,97 (4); 1,98 (2); 2,00 (2); 2,01 (3); 2,02 (2); 2,03 (3); 2,05 (2); 2,06 (2); 2,08 (2); 2,09; 2,10 (6); 2,11; 2,12 (3); 2,13 (2); 2,15 (7); 2,16 (3); 2,17; 2,18 (2); 2,20 (4); 2,21; 2,22 (4); 2,23; 2,24; 2,25; 2,26; 2,27 (3); 2,28 (2); 2,29; 2,30 (2); 2,31; 2,32; 2,35 (3); 2,36 (5); 2,37; 2,40 (3); 2,42; 2,48; 2,49; 2,50 (3); 2,51; 2,52; 2,58; 2,60; 2,64 (2); 2,67; 2,71; 2,74; 2,75; 2,77; 2,82; 2,85; 3,00 (2); с надчеканкой "Адл": 1,73; 2,17 (147 пр., 25 ок., 5 уг.).

(29-31)П. Грубые подражания пулам 751-753 гг.Х. (1350/1351 - 1352/1353 гг.), 16 экз., рис. 10,29-31П(1-12). Вес: 1,06; 1,29; 1,32; 1,35; 1,36; 1,52; 1,58; 1,65; 1,74; 1,76; 1,78; 1,85; 2,08; 2,23; 2,60; 2,14 (11 пр., 3 ок., 2 уг.).

Семь пулов типов №№ 29-31 были найдены в виде небольшого клада: монеты были сложены стопкой и завернуты в ткань, которая достаточно хорошо сохранилась*. Состав кладки по типам такой:

1. 29а или 31а, Сарай ал-Джедид 751 г.Х. (1350/1351 гг.) или 753 г.Х. (1352/1353 гг.). Вес: 1,93 (пр.).

2. 30а, Сарай ал-Джедид 752 г.Х. (1351/1352 гг.). Вес: 2,50 (пр.).

3. То же. Вес: 2,38 (пр.).

4. То же. Вес: 2,58 (пр.).

5. 30а или 31в, Сарай ал-Джедид 752 г.Х. (1351/1352 гг.) или 753 г.Х. (1352/1353 гг.). Вес: 2,52 (пр.).

6. (29-31), Сарай ал-Джедид 751-753 гг.Х. (1350/1351 - 1352/1353 гг.), вариант не ясен. Вес: 2,35 (пр.).

7. (29-31)П, подражание. Вес: 1,52 (уг.).

32. Анонимный пул времени Джанибека 753 г.Х. (1352/1353 гг.). Место чеканки таких пулов определялось по-разному: Тарджин (Фр. 101), Барджин (ЯИ-68, ЯВ-30), 15 экз., рис. 11,32. Вес: 1,44; 1,46; 1,51; 1,54; 1,79; 1,85; 1,95; 1,98; 2,07; 2,13; 2,20; 2,48; 2,53 (пр.). 1 экз. частично перебит штемпелем типа № 29 (751 г.Х.), рис. 11,32/29. Вес:

* Остатки ткани любезно согласилась обследовать специалист по средневековым тканям Нижегородской Археологической Службы О.Г.Лялина, которая дала следующее заключение: "Монеты были завернуты в бесшовный лоскут ткани размером 6х6 см. Ткань растительного происхождения (лён?!), переплетение нитей полотняное (раппорт 15 x 15), без видимых следов окрашивания. Хорошая сохранность ткани, очевидно, обусловлена медными окислами, которыми она пропиталась от контакта с медными монетами".

2,00 (пр.), 2 других - штемпелем типа № 31 (753 г.Х.). Вес: 1,72; 2,00 (2 пр.).

Л.с.: в двойном ободке, внешний точечный, - трехосевая сложная розетка.

О.с.: в такой же рамке в 4 строки $\frac{۷۵۳}{\text{سنة}} / \frac{\text{بازجین}}{\text{ضرب}} = \text{Чекан} / ? / \text{года} / 753$.

Чтение монетного двора неоднозначно, первый публикатор прочёл "Тарджин", сопроводив его ??, В.В.Бартольд в 1900 г. соотнёс монетный двор этой монеты с небольшим городом в среднем течении Сыр-Дарьи, именуемым в разных источниках Барчынлыгкент, Барчилихан, Барчикенд, Бархин и прочёл Барджин. С.А.Янина приняла точку зрения В.В. Бартольда при перепубликации монеты в 1954 и 1970 гг. (Я1-68, ЯВ-30). Однако земли вдоль Сыр-Дарьи принадлежали Улусу Джагатая, а не Бату, поэтому более предпочтительной представляется точка зрения Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.32). Он соотнёс этот монетный двор в чтении Базджин с городом Бездеж русских летописей, по-видимому, соответствовавший ордынскому Бельджамену.

33. Анонимный пул времени Джанибека, Сарай ал-Джедид 754 г.Х. (1353 г.). Не издан, 1 экз., рис. 9,33. Вес: 1,70 (пр.).

Л.с.: цветочная розетка как 30в,г, 31а,г,д,е.

О.с.: в обычном обрамлении - Чекан Сарая ал-Джедид 754.

34а. То же, но год 756, 1 экз., рис. 9,34а. Вес: 1,90 (пр.). Кр. 37.

34б. То же, но другой вариант розетки и начертание цифры "5". Не издан, 1 экз., рис. 9,34б. Вес: 2,06 (пр.).

35. Анонимный пул времени Бердибека, Мохши, 758 г.Х. (1356/1357 гг.), 3 экз., рис. 4,35. Вес: 1,36; 1,51; 1,70 (пр.). Кр. 40/16.

Л.с.: в центре 6-угольной звезды, вписанной в круг, 6 точек и ещё 6 - во внешних сегментах.

О.с.: в линейном круге - Чекан / Мохши / 758.

36. Бердибек хан, Хорезм, 759 г.Х. (1357/1358 гг.), 1 экз., рис. 5,36. Вес: 3,27 (пр.). Ф-Д тип 12.

Л.с.: в круге - Султан / Бердибек, внизу - виньетка.

О.с.: в неправильном 6-угольнике, вписанном в круг, - Чекан / Хорезма / год 759.

37. Анонимный пул времени Бердибека, Сарай ал-Джедид 760 г.Х. (1358/1359 гг.), 50 экз., рис. 9,37. Вес: 1,32; 1,64 (2); 1,73; 1,77; 1,78; 1,87; 1,89; 1,90 (2); 1,96 (2); 1,97 (2); 1,98 (2); 2,01; 2,05 (3); 2,07 (2); 2,10 (2); 2,11; 2,13 (2); 2,15 (2); 2,20 (3); 2,23 (3); 2,25; 2,27; 2,30; 2,31; 2,32; 2,34; 2,35; 2,44; 2,48; 2,54; 2,66; 2,77; 2,85; 2,90. 1 экз. с надчеканкой трехной тамги 2,46 (38 пр., 10 ок., 2 уг.). ЯВ-45.

38а. То же, но год 761 г.Х. (1359/1360 гг.), 2 экз., рис. 9,38а. Вес: 2,14; 2,25 (2 пр.). ЯВ-46а.

38б. То же, но розетка другого исполнения, 1 экз., рис. 9,38б. Вес: 1,60 (пр.).

39. Хызр хан, Сарай ал-Джедид 762 г.Х. (1360/1361 гг.), 44 экз., рис. 11,39. Вес: 2,04; 2,16; 2,17; 2,30; 2,34; 2,35; 2,40; 2,59; 2,60; 2,68 (2); 2,74; 2,78; 2,79; 2,81; 2,83; 2,86; 2,89; 2,94; 2,95; 2,97; 2,98; 3,02; 3,10 (2); 3,15 (2); 3,20 (3);

3,22 (2); 3,24 (2); 3,34 (2); 3,35; 3,43; 3,48; 3,57; 3,59; 3,64; 3,72; 4,30 (25 пр., 19 ок.). ЯВ-35.

Л.с.: в двойном ободке, внешний - точечный, - Султан справедливый / Хызр хан / да продлится его правление /, средняя строка заключена в фигурную рамку.

О.с.: в таком же ободке - 6-лепестковая фигура, внутри - Чекан Сарая / ал-Джедид / 762.

40а. Хызр хан, Гюлистан. 762 г.Х. (1360/1361 гг.), 31 экз., рис. 11,40а. Вес: 2,17; 2,28; 2,49; 2,50; 2,61; 2,62; 2,75; 2,76; 2,78 (2); 2,88; 2,91; 2,93; 3,00; 3,04; 3,10; 3,13 (2); 3,14 (2); 3,15; 3,20; 3,25; 3,31; 3,34; 3,35; 3,41; 3,44; 3,68; 3,76; 4,23 (17 пр., 14 ок.). ЯВ-36а.

Л.с.: как л.с. № 39.

О.с.: в картуше как у № 39 - Чеканено в /Гюлистане/ 762.

40б. То же, но над именем города - виньетка, 1 экз., рис. 11,40б. Вес: 3,02 (пр.). ЯВ-36б.

40в. Как 40а, но в дате ошибка - 766 вместо 762 г.Х. (1360/1361 гг.), 20 экз., рис. 11,40в. Вес: 2,01; 2,15; 2,38; 2,44; 2,48; 2,52; 2,70; 2,75; 2,76 (2); 2,85; 2,90; 2,93; 2,97; 3,00; 3,02; 3,07; 3,16; 3,47; 3,89 (9 пр., 10 ок.). ЯВ-36в.

40г. Как 40в, но в дате другая ошибка - 722 вместо 762 г.Х. (1360/1361 гг.), 8 экз., рис. 11,40г. Вес: 2,62; 2,78; 2,96; 2,98; 3,02; 3,72; 3,76; 3,80 (5 пр., 3 ок.). ЯВ-36г.

40д. Вариант не ясен, 16 экз., рис. 11,40д. Вес: 2,20 (2); 2,28; 2,47; 2,65; 2,75; 2,83 (2); 2,92; 2,97 (2); 3,08; 3,22; 3,25; 3,28; 3,42 (12 пр., 4 ок.). ЯВ-36д.

41. Тимур-Ходжа хан, Сарай ал-Джедид, 762 г.Х. (1360/1361 гг.), 1 экз., рис. 11,41. Вес: 2,68 (ок.). Фр. 139.

Л.с.: в двойном ободке, внешний - точечный, - Султан справедливый / Тимур - Ходжа / да продлится его правление /, средняя строка - в фигурной рамке.

О.с.: как о.с. № 39.

42. Кильдибек хан, Сарай ал-Джедид, 763 г.Х. (1361/1362 гг.), 2 экз., рис. 12,42. Вес: 2,32; 2,43 (2 пр.). Я1-94.

Л.с.: в центре - 6-лепестковая небольшая розетка, вне её, по кругу - Султан справедливый Кильдибек хан, да продлится его правление, снаружи - линейный ободок.

О.с.: в рамке из 6 дуг с петлями на стыках - Чекан Сарая / ал-Джедид / 763.

43а. Кильдибек хан, Азак, 763 г.Х. (1361/1362 гг.), 5 экз., рис. 12,43а. Вес: 2,51; 2,55; 2,56; 2,98; 3,70 (3 пр., 2 ок.). Я1-93.

Л.с.: в фигурном 12-угольнике, вписанном в круг - Султан / Кильдибек хан / да продлится его правление. Вверху - украшение, внизу - звёздочка.

О.с.: в квадрате, вписанном в круг, - Чеканено в / Азаке / 763, в сегментах - фигурные скобки.

43б. То же, но в дате - лишняя цифра: "7623" = 763 г.Х. (1361/1362 гг.), 1 экз., рис. 12,43б. Вес: 2,38 (пр.). Фом. № 69.

44. Хайр-Пулад хан, Сарай ал-Джедид, 764 г.Х. (1362/1363 гг.), 2 экз., рис. 12,44. Вес: 3,18; 3,36 (1 пр., 1 ок.). Фр. 155, Я1-98.

Л.с.: в квадрате, вписанном в круг, - Султан справедливый / Хайр-Пулад хан / да продлится его правление.

О.с.: в круг вписано два квадрата, повернутые на 45° друг к другу, внутри - Чекан Сарая / ал-Джедид / 764, во всех сегментах - по точке.

45. Абдаллах хан, Азак, 765 г.Х. (1363/1364 гг.), 2 экз., рис. 12,45. Вес: 3,11; 3,32 (2 пр.). Фом. № 70-78.

Л.с.: в 6-лепестковой фигуре, вписанной в круг, - Хан / Абдаллах / да продлится его правление.

О.с.: в центре круга - фигурный трилистник, в промежутках по кругу - Чекан Азака года 765.

46а. Анонимный пул, Гюлистан, 764 г.Х. (1362/1363 гг.), 17 экз., рис. 12,46а. Вес: 3,15; 3,67; 4,35; 4,36; 4,38; 4,39; 4,47; 4,50; 4,52; 4,62; 4,63; 4,70 (2); 4,82 (2); 4,85; 4,89 (9 пр., 3 ок., 5 уг.). Фр. 164, ЯИ-112.

Л.с.: в 6-лепестковой фигуре с кружочками на стыках - зверь (барс ?), влево, над спиной - ветка с 6-лепестковым цветком, внизу - две веточки без цветка. Всё заключено в двойной ободок, внешний - точечный.

О.с.: в 6-лепестковой фигуре с петлями на стыках - Чеканено в / Гюлистане / 764. Вокруг как на л.с.

46б. То же, но над спиной - неясное насекомое, 3 экз., рис. 12,46б. Вес: 4,31; 4,45; 4,70 (2 пр., 1 ок.).

46в. То же, но другое оформление картуша л.с, над спиной - ветка, связанная с узлом картуша. Не издан, 1 экз., рис. 12,46в. Вес: 5,00 (ок.).

47. Анонимный пул времени Абдаллаха. Джедид, 765 г.Х. (1363/1364 гг.). Не издан, 2 экз., рис. 9,47. Вес: 2,50; 2,96 (пр.).

Л.с.: 6-осевая цветочная розетка.

О.с.: в фигурном 6-лепестковом ободке - $\text{صوبہ اور دوی المعظم} / 765$ = Чекан / Джедид / 765.

48а. То же, но вместо цифр даты - слово "год" и две точки, ободок не виден. Не издан, 2 экз., рис. 9,48а. Вес: 2,27; 2,42 (пр.).

48б. То же, но опущено и слово "год", легенда заключена в 4-лепестковую двойную рамку. Не издан, 1 экз., рис. 8,48б. Вес: 2,55 (пр.).

49. Анонимный пул, Гюлистан, 766 г.Х. (1364/1365 гг.), 3 экз., рис. 12,49. Вес: 1,80; 2,42; с надчеканкой трехногая тамга 2,47 (2 пр., 1 ок.). ЯИ-113.

Л.с.: в центре вписанной в круг 6-лучевой звезды - двуглавый орёл, в сегментах - украшения.

О.с.: во вписанном в круг треугольнике - Чекан / города / Гюлистана. В сегментах - дата словами - 766.

50. Анонимный пул, Хорезм, дата искажена, 1 экз., рис. 5,50. Вес: 1,96 (ок.). На монете - круглый аэпиграфный надчекан. Ф-Д. тип 38.

Л.с.: сложная 4-осевая розетка, вписанная в круг.

О.с.: в точечном квадрате кувическим шрифтом - Чекан / Хорезма / год У9.

51. Аэпиграфный пул, Сарай ал-Джедид, дата - .. 7. 2 экз., рис. 9,51. Вес: 1,87; 2,25 (2 ок.). ЯV-49.

Л.с.: цветочная розетка как на пулах 751-761 гг.Х.

О.с.: в фигурном 6-угольнике, вписанном в круг, - Чекан Сарая / ал-Джедид- [ид] / 7. С.А.Янина предполагает читать дату - (7) 70 г.Х.

52. Анонимный пул, Сарай ал-Джедид, не датирован. Не издан, 1 экз., рис. 9,52. Вес: 2,51 (пр.).

Л.с.: цветочная розетка, как у № 30е, 31б.

О.с.: ...Сар [ай] / ал-Джедид.

53. Анонимный пул, Сарай, год не ясен (772 ?). Не издан, 1 экз., рис. 12,53. Вес: 1,92 (пр.), надчеканен аэпиграфным треугольником.

Л.с.: в квадрате, вписанном в круг с петлями, по углам - животное вправо.

О.с.: в 8-лепестковой фигуре - Чеканено в / городе Сарай / году 27.

54а. Анонимный пул, Сарай ал-Джедид, не датирован, 7 экз., рис. 13,54а. Вес: 1,43; 1,65; 1,94; 2,08; с надчеканкой "Адл": 1,47; 1,70; 1,87 (5 пр., 2 ок.). ЯИ-115а.

Л.с.: в 6-лепестковой фигуре - летящий вправо "дракон".

О.с.: в таком же оформлении - Чекан Сарая / ал-Джедид. На изданном С.А.Яниной варианте имелась дата - 776 г.Х. (1374/1375 гг.).

54б. То же, но "дракон" летит влево. Не издан, 1 экз., рис. 13,54б. Вес: 1,9 (пр.).

54в. То же, но легенда искажена, 2 экз., рис. 13,54в. Вес: 1,55; 2,06 (пр.).

54г. То же, но у "дракона", летящего вправо, оба крыла вверх. Не издан, 1 экз., рис. 13,54г. Вес: 2,12 (пр.).

55. Анонимный пул времени Токтамышы, (Сарай) ал-Джедид, (7) 82 г.Х. (1380/1381 гг.), 1 экз. Вес: 1,97 (пр.).

Л.с.: изображение животного (бык ?) вправо, забитое не ясным надчеканом.

О.с.: виден фрагмент легенды - ... ал-Джедид .. 82.

56. Анонимный пул времени Токтамышы, ас-Сарай, не датирован, 5 экз., рис. 13,56. Вес: 1,25 с надчеканкой "Адл": 1,40; 2,35 (2); 2,75 (5 пр.). Кр. № 94/58.

Л.с.: двойная 8-лепестковая розетка, внутренняя повернута на 1/16 круга, точки - во всех отсеках, снаружи - точечный ободок.

О.с.: в точечном круге - фигурный квадрат с петлями по углам, в центре - Чекан / ас-Сарая. У С.А.Яниной этот тип датирован (7) 87 г.Х. ЯИ-123.

57. Анонимный пул времени Токтамышы, Орда Муаззам, 789 г.Х. (1387 г.), 2 экз., рис. 13,57. Вес: 1,08; 1,74 (2 пр.). Кр. № 93/57.

Л.с.: в круге - летящая вправо птица (сокол ?), во круг 15 точек.

О.с.: в круге - $\text{صوبہ اور دوی المعظم} / 789$ = Чекан / Орду / ал-Муаззам / 789.

58. Анонимный пул времени Токтамышы, ас-Сарай 790 г.Х. (1388 г.), 8 экз., рис. 13,58. Вес: 2,22; 2,65; 2,85; с надчеканкой "Адл": 1,37; 2,03; 2,42; 2,63; с надчеканкой трехногая тамга 2,43 (8 пр.). ЯИ-124.

59. Анонимный пул времени Токтамышы, Сарай, не датирован, 1 экз., рис. 13,59. Вес: 2,42 (пр.). ЯV-64.

Л.с.: вписанная в круг сложная 4-осевая фигура.

О.с.: не ясная легенда: سارای / اوسرا (С.А.Янина читала “Пул Сарая”, для чего, по нашему мнению, мало оснований).

60. Анонимный пул времени Токтамыша, Сарай ал-Джедид 790 г.Х. (1388 г.), 3 экз., рис. 14,60. Вес: 1,83; 2,35; 2,42; два с надчеканкой “Адл” (2 пр., ок.). Кр. № 91/54.

Л.с.: 6-лучевая звезда с украшениями на концах лучей.

О.с.: в 6-лепестковой фигуре - Чекан / Сарая ал-Джедид.

61. То же, но год 791 г.Х. (1388/1389 гг.), 2 экз., рис. 14,61. Вес: 1,95; 2,07 (2 пр.). Кр. № 95/59.

Л.с.: сложная 4-осевая фигура.

О.с.: в 6-лепестковой фигуре - Чекан Сарая / ал-Джедид 791, вокруг - ободок из точек.

62. Анонимный пул времени Токтамыша, Орда Муаззам, 791 г.Х. (1388/1389 гг.), 1 экз., рис. 13,62. Вес: 2,30 (пр.), неясный надчекан. ЯВ-56.

Л.с.: в 13-лепестковой фигуре, вписанной в круг, павлин влево.

О.с.: в 8-лепестковой фигуре - Чекан / Орду / Муаззам / 791.

63. То же, но павлин вправо, не датирован, картуш с 16 лепестками. Не издан, 2 экз., рис. 13,63. Вес: 1,47 с неясной надчеканкой; 1,72 с надчеканкой - анэпиграфный треугольник.

64. Анонимный пул, город и год не проставлены, 1 экз., рис. 13,64. Вес: 0,91 (пр.). Я1-140.

Л.с.: в 6-лепестковой фигуре - павлин влево.

О.с.: в двойном квадрате, вписанном в круг и разделённом на 2 части, по-персидски - “Высочайшее повеление”, в сегментах - виньетки. С.А.Янина по стратиграфическим данным болгарского городища датировала этот тип временем Токтамыша.

65а. Анонимный пул времени Токтамыша, Сарай ал-Джедид 794 г.Х. (1391/1392 гг.), 1 экз., рис. 14,65. Вес: 1,56 (пр.). Зайковский № 4.

Л.с.: в квадрате, вписанном в круг, куфическим шрифтом - неясная искажённая легенда, в сегментах - виньетки или искажённое слово.

О.с.: в точечном и линейном ободках - Чекан / Сарая ал-Джедид / 794, над словом Сарай - 4-лепестковая виньетка.

66а. То же, но вместо названия города помещено “Адл”, 794 г.Х. (1391/1392 гг.). Не издан, 3 экз., рис. 14,66а. Вес: 1,29; 2,11; 2,20 (3 пр.).

Л.с.: тождественна л.с. № 65.

О.с.: в 6-лепестковой фигуре - ضرب في عدل / 794 = Чекан / в “Адл” / 794.

66б. То же, но куфический текст л.с. без искажений, в сегментах вместо украшений - “адл” (Зайковский В.В., 1908, рис. № 8), 3 экз., рис. 14,66б. Вес: 1,72; 2,10; 2,52 (3 пр.).

Спиралевидную легенду л.с. Ю.Е.Пырсов* предлагал перевести в линейную и затем прочесть следующим образом: $\text{اوان التبول دنگك} = \text{اوان التبول دنگك}$ = 16 пул - даник. Других чтений этой легенды пока не предложено.

Пулы типа №№ 65, 66 встречаются только на Водянском городище. Ещё у В.В. Зайковского в 1908 г. среди 10 изданных им монет с этого городища было два варианта этих пулов. В описываемом комплексе обнаружено 3 из 4 возможных сочетаний двух вариантов л.с. и двух о.с. Монеты из раскопок на Водянском городище в 1967-1971 гг. подробно не описаны, но при раскопках 1997 г. также найдено 2 варианта этих пулов (Мыськов Е.П., 1997, рис. 74). Так как обе о.с. с названием “Сарай ал-Джедид” и “Адл” стыкуются с одинаковыми л.с., то, очевидно, что они выпущены в одном месте и это не Сарай ал-Джедид, а вероятно, монетный двор Бельджамена. В отличие от аналогичной акции 753 г.Х. (1352/1353 гг.), когда в Бельджамене чеканился один из вариантов новосарайской “розетки”, и была сделана попытка на монетах выставить название своего города “Базджин”, сейчас название “Сарай ал-Джедид” на части эмиссии заменили на нейтральное “Адл = законный”.

67. Анонимный пул времени Токтамыша, Сарай ал-Джедид, 679 г.Х. (вместо 796 ?). Не издан, 3 экз., рис. 14,67. Вес: 1,80; 2,04; 2,18 (3 ок.).

Л.с.: две птицы клювами друг к другу и скрещёнными хвостами, вверху - плетёнка, с которой свисает гроздь из трёх ягод. Все заключено в точечный круг.

О.с.: в точечном круге - квадрат, в нём - Чекан / Сарая ал-Джедид - / ид 679.

68. Анонимный пул, Сарай ал-Джедид, не датирован, 1 экз., рис. 14,68. Вес: 1,35 (ок.). Я1-132.

Л.с.: лев вправо, хвост касается головы, над спиной - пол-лика солнца.

О.с.: чекан Сарая ал-Джедид.

69. Анонимный пул, город и дата не проставлены. Не издан, 1 экз., рис. 14,69. Вес: 1,80 (пр.).

Л.с.: в 8-лепестковой фигуре - зверь с большими ушами, смотрящий назад, в поле - вразброс 21 точка.

О.с.: искажённая легенда, очевидно, должно быть “16 пул - даник”.

70. Неопределённые джучидские пулы, 18 экз. Вес: 0,70 (обл.); 0,75; 0,90; 0,95; 1,00; 1,09; 1,10 (2); 1,30; 1,50; 1,64; 2,25; с надчеканкой “Адл”: 1,10; 1,25; 1,35; 1,47; 1,65; 1,71; 1,95; 2,03; с надчеканкой - анэпиграфный треугольник: 2,56.

71. Полностью стёртые, корродированные монеты, 42 экз.

72. Нечеканенные заготовки монет, 3 экз., рис. 14,72. Вес: 0,98; 1,34 (ок), 3,18 (пр.). Кр. № 105.

73. Неплющенные монетные заготовки. Не изданы, 3 экз., рис. 14,73. Вес: 1,53; 2,22; 2,54. Медные брусочки, отрубленные двусторонним зубилом от прутков прямоугольного сечения размером 5 x 5, 6,5 x 6,5, 5 x 7 мм. В продольном направлении брусочки

* Предложение было высказано Ю.Е.Пырсовым в мае 1992 г.

- трапециевидного сечения с длиной параллельных сторон 5-6 и 10-11 мм. При археологических раскопках ордынских городищ они пока не зарегистрированы (Федоров-Давыдов Г.А., 1998), на Водянском городище редки, чаще встречаются на Селитренном и Царевском.

Иноземные медные монеты

74. Трапезунд, Михаил III (1341-1349) (Соколова И.В., 1984, № 7062), 1 экз., рис. 15,74. Вес: 1,25 (пр.).

75. Государство Хулагуидов (Иран), анонимный пул, Тебриз 757 г.Х. (1356 г.), 1 экз., рис. 15,75. Вес: 2,15. Фр. 48, 493.

Л.с.: цветочная розетка как на джучидских пулах 751-761 гг.Х.

О.с.: в 6-угольнике, вписанном в точечный круг, искажённая легенда, которую предположительно можно прочесть так:

$\frac{10}{\text{ضمرب تيرين سنة خمسين سبعمائة}} = 10$ / Чекан Тебриза / году пятьдесят / семьсот / 7.

Судя по дате, этот пул можно относить к чекану Золотой Орды, так как г. Тебриз в это время был захвачен войсками Джанибека.

76. Анэпиграфный пул (Хулагуиды ?), 1 экз., рис. 15,76. Вес: 1,08.

Л.с.: три рыбы - радиально, головами к центру, между ними - виньетки.

О.с.: сложный 4-осевой орнамент.

77. Обломок (Хулагуиды ?), 1 экз., рис. 15,77. Вес: 1,05.

Л.с.: лев вправо с полным солнцем за спиной, над ним - Чекан...

О.с.: в квадрате - сбитая легенда.

78. Обломок, от надписей на одной стороне сохранилось - Султан справедливый... 1 экз., рис. 15,78. Вес: 0,57.

79. ?, рис. 15,79, с надчеканкой - трехногая тамга. Л.с.: сложная 6-осная фигура.

О.с.: в точечном и линейном кругах - неясная легенда.

Анализ типового состава пулов

Рассмотрим представленный комплекс пулов Водянского городища по хронологическим периодам их выпуска. Так как большинство пулов анонимны, не будем привязываться к правлениям ханов, а распределим монеты по десятилетним циклам их выпуска (табл. 5). Как и для дирхамов подсчет проведен отдельно для количества монет и для числа типов.

Как видно из приведенных данных, по числу монет подавляющее преобладание чекана 40-50 гг. XIV в., а на период 30-60 гг. приходится 95 % от всех монет. Если же обратиться к данным по числу типов, то здесь распределение значительно более равномерное: хотя, по-прежнему, низкая доля для первого 20-летия, на которое падает 3 % всех типов, но на каждое последующее 10-летие 30-60 гг. приходится по 18 ± 3 % типов с невыраженным пиком в 21,7 % в 60-е годы. И столько же (21,7 %) приходится на последнее 20-летие. Таким образом, огромное преобладание чекана середины XIV в. по числу монет обусловлено большой разницей в тираже монет отдельных типов, а не повышенной экономической активностью. Поэтому следует признать поспешным вывод о начале замирания общественной жизни в Бельджамене с 70-х гг. и упадке во время правления Токтамышша. По числу типов находившихся в обращении монет последнее 10-летие

Таблица 5. Соотношение числа пулов и их типов по десятилетиям чекана

Период гг. Х.	Число монет	% ко всем	% к определенным	Число типов	%
до 700	–	–	–	–	–
701-710	1	0.1	0.1	1	1.5
711-720	2	0.2	0.2	1	1.5
721-730	16	1.2	1.3	2	2.9
731-740	185	14.1	14.9	12	17.4
741-750	301	23.0	24.3	10	14.5
751-760	519	39.6	41.8	11	15.9
761-770	166	12.6	13.4	15	21.7
771-780	12	0.9	1.0	2	2.9
781-790	20	1.5	1.6	6	8.7
791-800	18	1.4	1.4	9	13.0
800	–	–	–	–	–
Неопределенные	18	1.4	Всего 100	69	100
стертые	41	3.1			
иноземные	6	0.4			
заготовки	6	0.4			
Всего	1311	100			

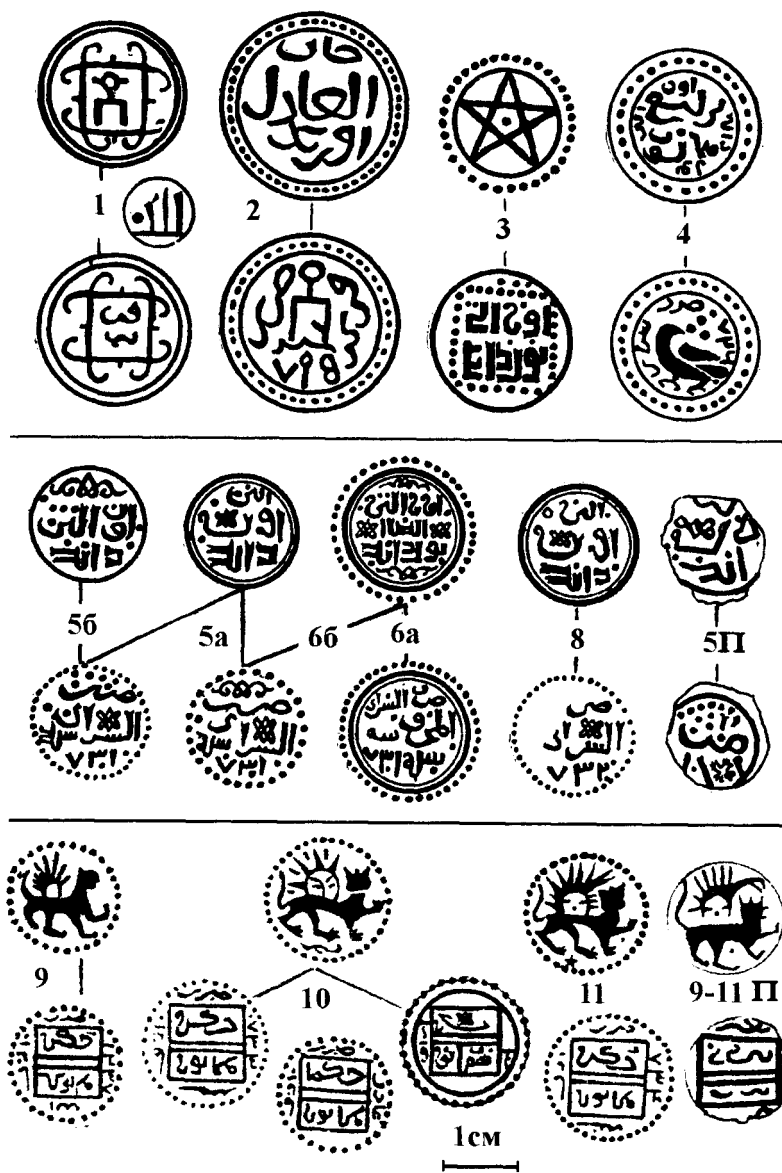

Рис. 2. Реконструкции медных монет с Водянского городища.
 Fig. 2. The reconstructions of the Vodianskoje hillfort copper coins.
 Abb. 2. Rekonstruktion der Kupfermünzen aus der vorgeschichtlichen Siedlung Wodjanskoje.
 Dessin 2. Reconstruction des pièces de monnaie en cuivre du site de Vodianskoë

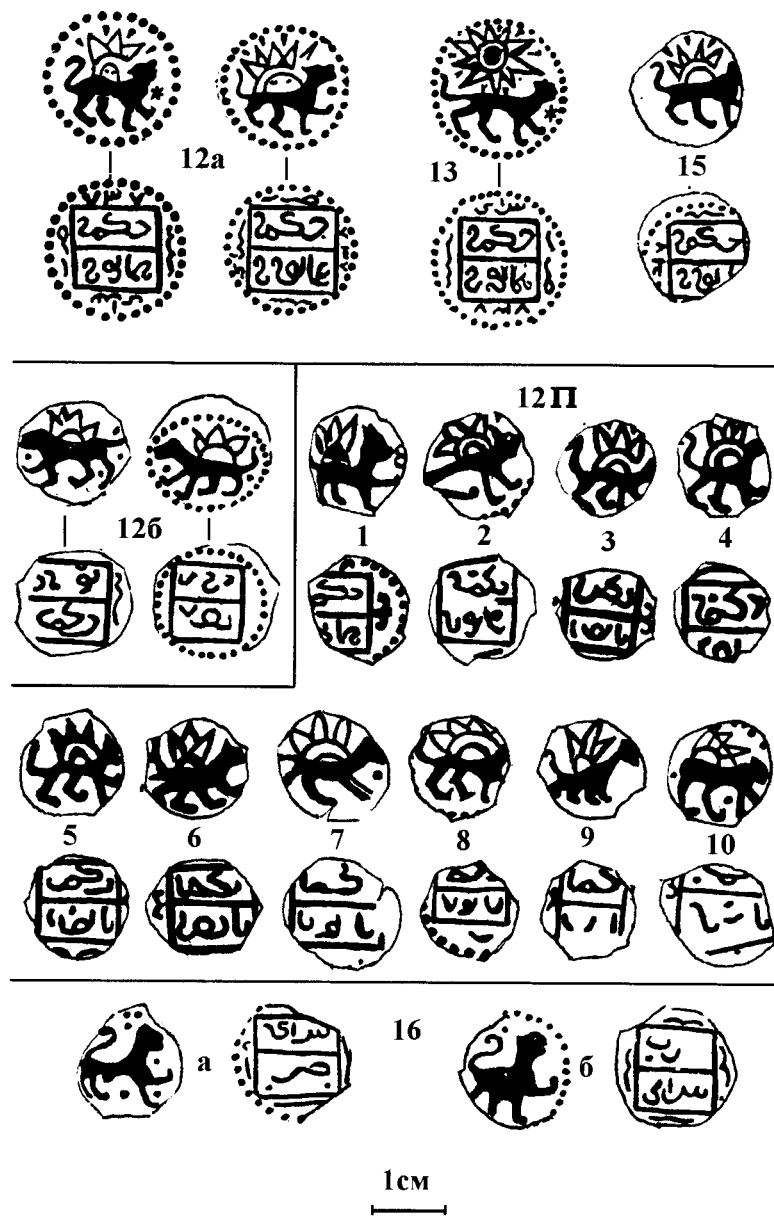

Рис. 3. Реконструкции медных монет с Водянского городища.
 Fig. 3. The reconstructions of the Vodianskoje hillfort copper coins.
 Abb. 3. Rekonstruktion der Kupfermünzen aus der vorgeschichtlichen Siedlung Wodjanskoje.
 Dessin 3. Reconstruction des pièces de monnaie en cuivre du site de Vodianskoë

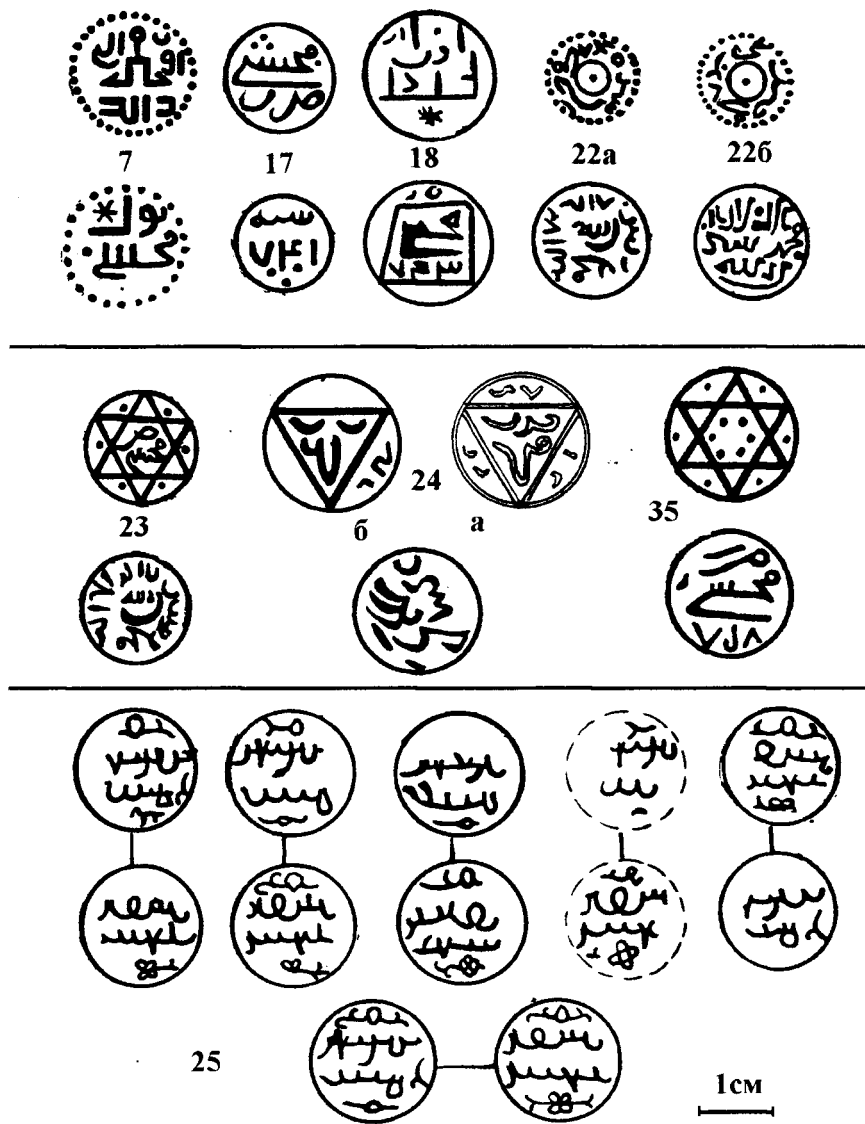

Рис. 4. Реконструкции медных монет с Водянского городища.

Fig. 4. The reconstructions of the Vodianskoie hillfort copper coins.

Abb. 4. Rekonstruktion der Kupfermünzen aus der vorgeschichtlichen Siedlung Wodjanskoje.

Dessin 4. Reconstruction des pièces de monnaie en cuivre du site de Vodianskoë

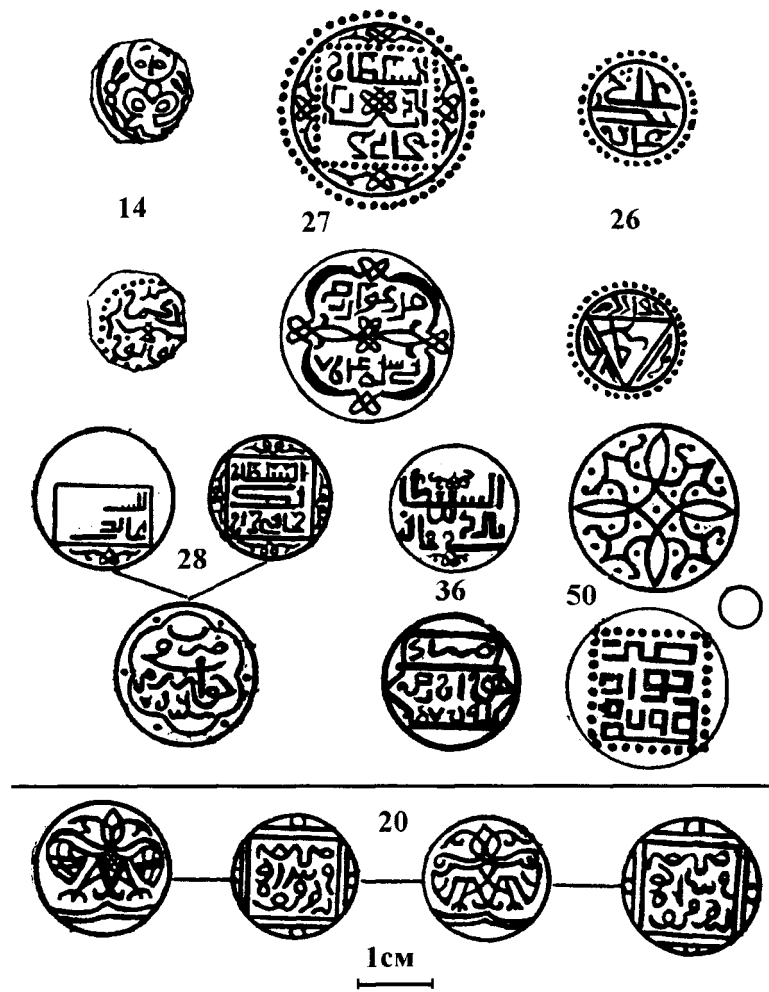

Рис. 5. Реконструкции медных монет с Водянского городища.

Fig. 5. The reconstructions of the Vodianskoje hillfort copper coins.

Abb. 5. Rekonstruktion der Kupfermünzen aus der vorgeschichtlichen Siedlung Wodjanskoje.

Dessin 5. Reconstruction des pièces de monnaie en cuivre du site de Vodianskoè

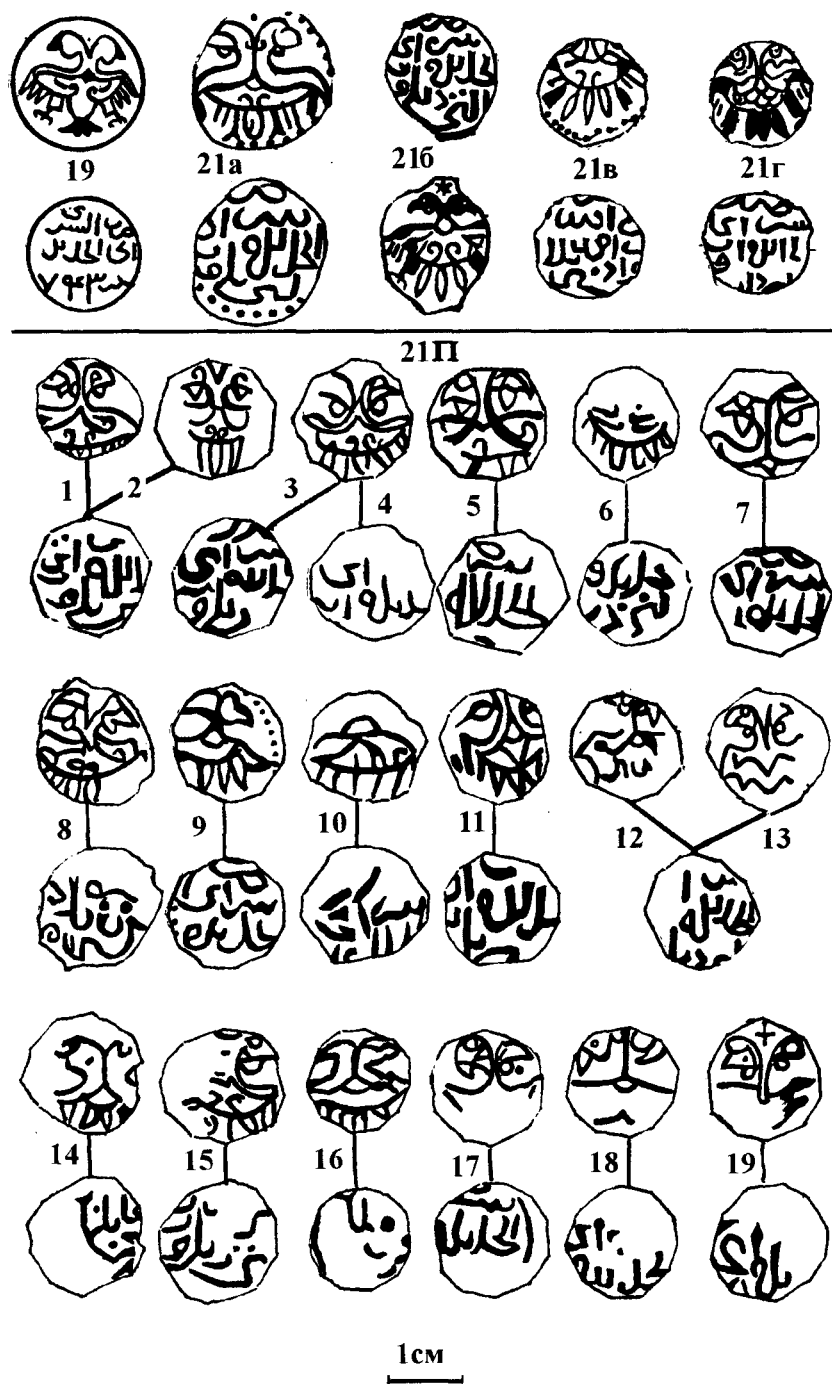

Рис. 6. Реконструкции медных монет с Водянского городища.
 Fig. 6. The reconstructions of the Vodianskoje hillfort copper coins.
 Abb. 6. Rekonstruktion der Kupfermünzen aus der vorgeschichtlichen Siedlung Wodjanskoje.
 Dessin 6. Reconstruction des pièces de monnaie en cuivre du site de Vodianskoë

Рис. 7. Реконструкции медных монет с Водянского городища.
 Fig. 7. The reconstructions of the Vodianskoie hillfort copper coins.
 Abb. 7. Rekonstruktion der Kupfermünzen aus der vorgeschichtlichen Siedlung Wodjanskoje.
 Dessin 7. Reconstruction des pièces de monnaie en cuivre du site de Vodianskoë

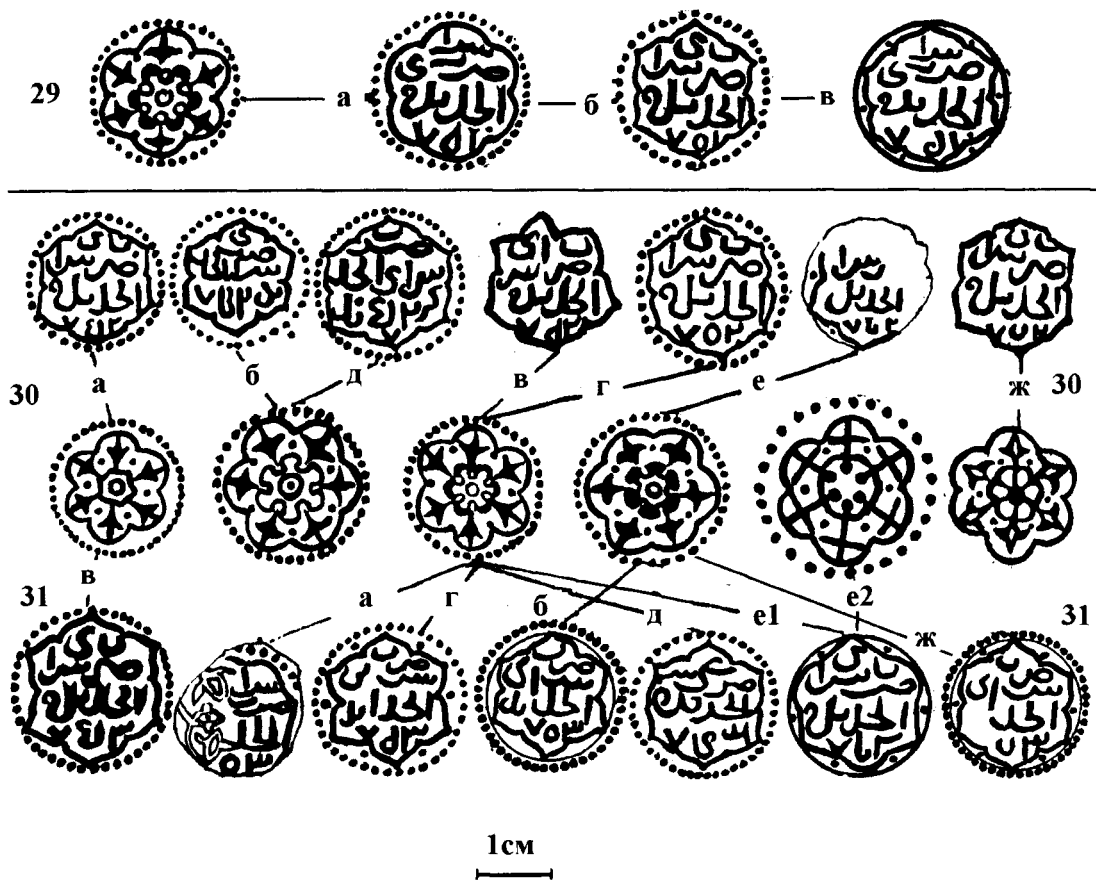

Рис. 8. Реконструкции медных монет с Водянского городища.

Fig. 8. The reconstructions of the Vodianskoje hillfort copper coins.

Abb. 8. Rekonstruktion der Kupfermünzen aus der vorgeschichtlichen Siedlung Wodjanskoje.

Dessin 8. Reconstruction des pièces de monnaie en cuivre du site de Vodianskoë

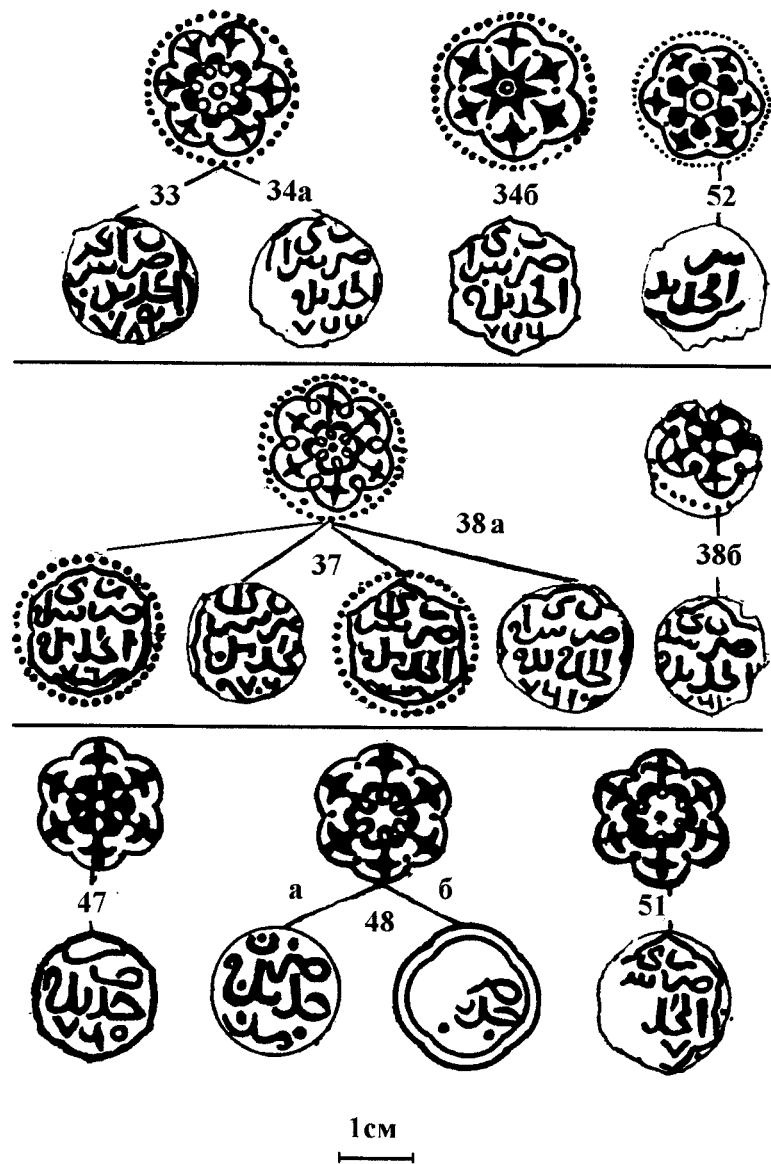

Рис. 9. Реконструкции медных монет с Водянского городища.
 Fig. 9. The reconstructions of the Vodianskoje hillfort copper coins.
 Abb. 9. Rekonstruktion der Kupfermünzen aus der vorgeschichtlichen Siedlung Wodjanskoje.
 Dessin 9. Reconstruction des pièces de monnaie en cuivre du site de Vodianskoë

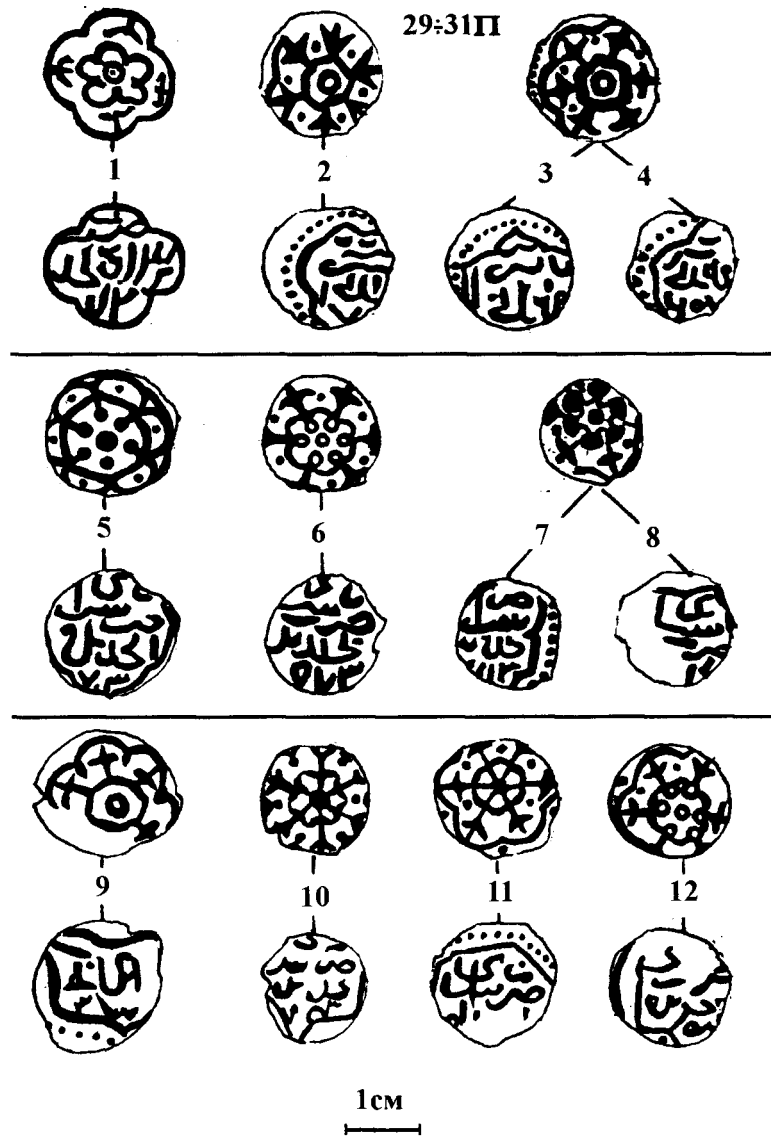

Рис. 10. Реконструкции медных монет с Водянского городища.
 Fig. 10. The reconstructions of the Vodianskoje hillfort copper coins.
 Abb. 10. Rekonstruktion der Kupfermünzen aus der vorgeschichtlichen Siedlung Wodjanskoje.
 Dessin 10. Reconstruction des pièces de monnaie en cuivre du site de Vodianskoê

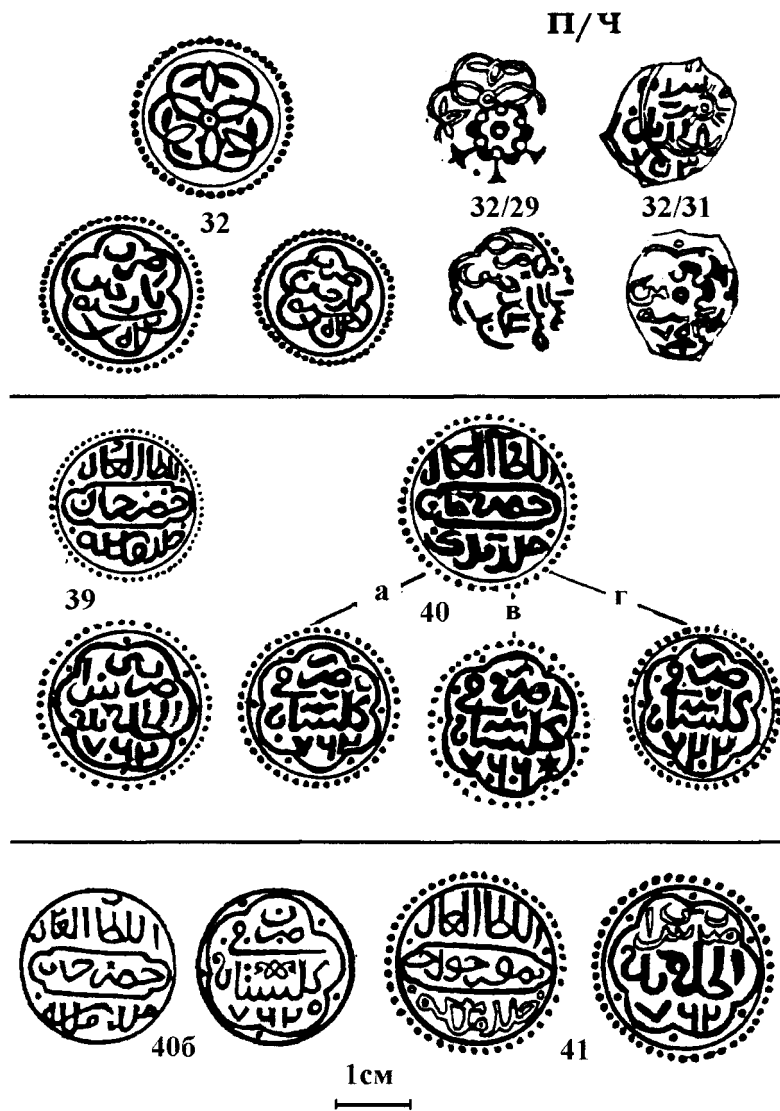

Рис. 11. Реконструкции медных монет с Водянского городища.
 Fig. 11. The reconstructions of the Vodianskoje hillfort copper coins.
 Abb. 11. Rekonstruktion der Kupfermünzen aus der vorgeschichtlichen Siedlung Wodjanskoje.
 Dessin 11. Reconstruction des pièces de monnaie en cuivre du site de Vodianskoë

Рис. 12. Реконструкции медных монет с Водянского городища.

Fig. 12. The reconstructions of the Vodianskoje hillfort copper coins.

Abb. 12. Rekonstruktion der Kupfermünzen aus der vorgeschichtlichen Siedlung Wodjanskoje.

Dessin 12. Reconstruction des pièces de monnaie en cuivre du site de Vodianskoë

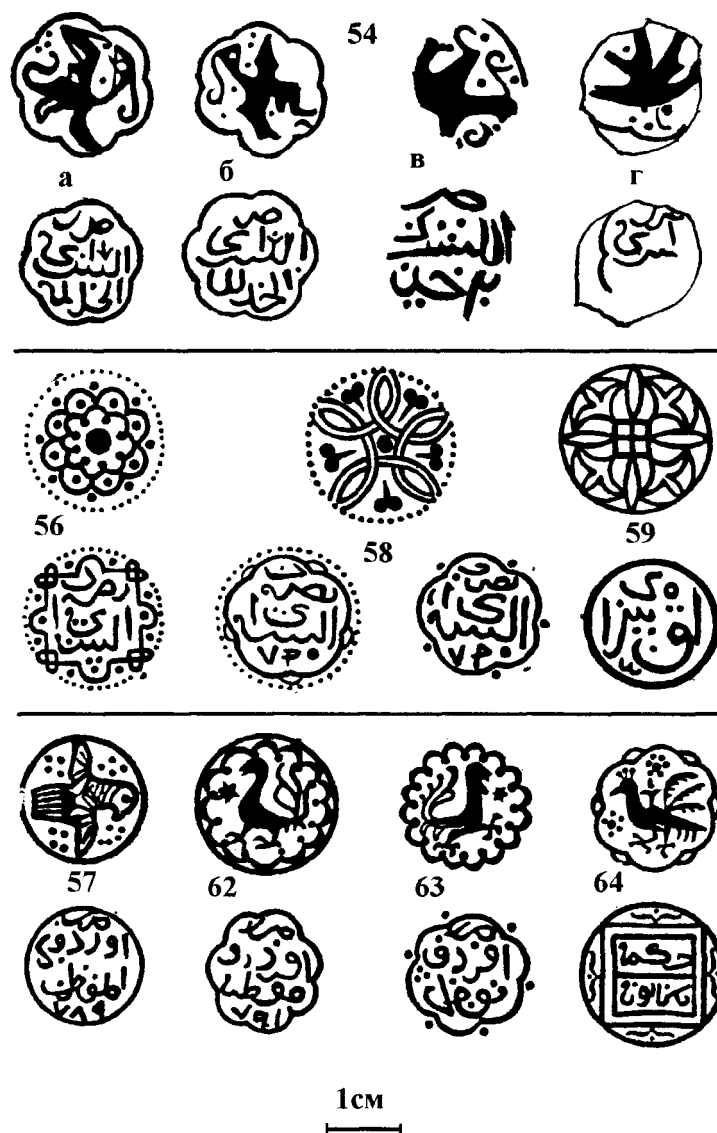

Рис. 13. Реконструкции медных монет с Водянского городища.
 Fig. 13. The reconstructions of the Vodianskoje hillfort copper coins.
 Abb. 13. Rekonstruktion der Kupfermünzen aus der vorgeschichtlichen Siedlung Wodjanskoje.
 Dessin 13. Reconstruction des pièces de monnaie en cuivre du site de Vodianskoë

Рис. 14. Реконструкции медных монет с Водянского городища.
 Fig. 14. The reconstructions of the Vodianskoje hillfort copper coins.
 Abb. 14. Rekonstruktion der Kupfermünzen aus der vorgeschichtlichen Siedlung Wodjanskoje.
 Dessin 14. Reconstruction des pièces de monnaie en cuivre du site de Vodianskoë

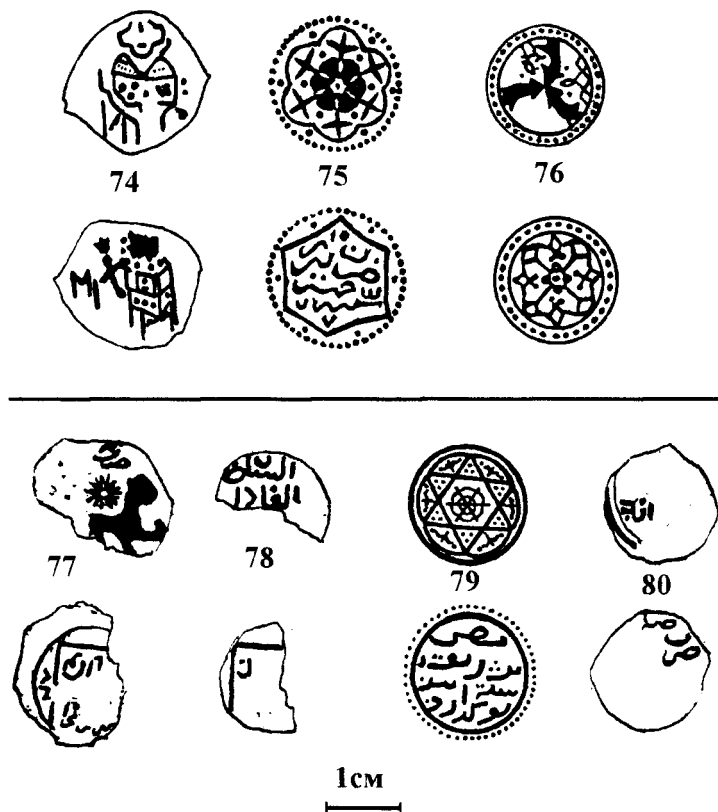

Рис. 15. Реконструкции медных монет с Водянского городища.
 Fig. 15. The reconstructions of the Vodianskoje hillfort copper coins.
 Abb. 15. Rekonstruktion der Kupfermünzen aus der vorgeschichtlichen Siedlung Wodjanskoje.
 Dessin 15. Reconstruction des pièces de monnaie en cuivre du site de Vodianskoë

XIV в. (13 %) мало отличается от 40-х и 50-х годов (14.5 % и 15.9 %).

Следующая таблица 6 показывает пулы каких городов достигали рынка Бельджамена. Из нее видно, что на городище представлен чекан 12 монетных дворов (считая Сарай и Сарай ал-Махруса одним монетным двором), но 2/3 всех атрибутированных джучидских монет чеканены в Сарае ал-Джедид. В 4 раза меньше пулов Сарая и в 8 - Гюлистана, доля остальных 9 городов составляет по 0.2 - 2 %. По числу типов пулов картина более равномерная. По-прежнему, преобладают пулы

Сарая ал-Джедид, но их доля уже менее 1/3, примерно вдвое меньше монет Сарая (17.4 %), а на третью позицию вышли пулы Мохши (10.1 %), далее по ~ 9 % пулы Азака и Хорезма. Доля монет остальных городов составляет 1.5 - 4.3 %. Отсутствие монет Булгара, Хаджи-Тархана, ничтожная доля пулов Крыма, очевидно, вызвано тем, что в 40-60-х гг. XIV в. - период наибольшего расцвета Бельджамена - эти монетные дворы не работали.

Доля иноземных монет в составе водянского комплекса очень мала - 6 медных монет (0.5 %). Три из них - враждебного Хулагуидского Ирана, 1 - соседнего с ним

Таблица 6. Распределение пулов по монетным дворам

№ п/п	Монетный двор	Число монет	%	Число типов	%
1	(Адп)	6	0.5	1	1.5
2	Азак	21	1.7	6	8.7
3	Базджин	18	1.4	1	1.5
4	Гюлистан	100	8.1	3	4.3
5	Джедид	5	0.4	2	2.9
6	Крым	3	0.2	2	2.9
7	Мохши	14	1.1	7	10.1
8	Орда Муаззам	5	0.4	3	4.3
9	Сарай	193	15.6	12	17.4
10	ал-Махруса	6	0.5	1	1.5
11	ал-Джедид	843	68.1	21	30.4
12	Укек	5	0.4	1	1.5
13	Хорезм	12	1.0	6	8.7
14	Не ясен	5	0.4	1	1.5
15	Не проставлен	2	0.2	2	2.9
Всего		1218	100	69	100

Трапезунда, остальные не определены. Это обычный состав иноземных монет, находимых на джучидских городищах, доля которых в южных регионах - Азаке и Крыме - заметно больше, а в северном Булгаре ещё меньше.

Вернемся к вопросу о большом численном преобладании чекана 50-х годов XIV в. ~ 40 %. Легко убедиться, что, в основном, это пулы с розеткой 751-753 гг.Х. (1350/1351 - 1352/1353 гг.) (типы 29-31) - их доля 33.8 %. Сравним ситуацию с ними на разных городищах (см. табл. 7). В Булгаре, Наровчате (Мохши) доля "розеток" менее 3 %, на Селитренном (Сарай), Царевском (Сарай ал-Джедид) - 18.5 и 15 %, и абсолютный рекорд показал Старый Орхей (Шехр ал-Джедид) - 83.7 %. Отнесём эту рекордную цифру на счёт недостаточной статистики и обратим внимание на то, что на Водянском городище новосарайских пулов 751-753 гг.Х. более чем вдвое больше, чем на самом новосарайском городище. Попытаемся разобраться в этой ситуации, привлекая в помощь поштемпельный анализ наиболее многочисленных вариантов этих пулов. На рис. 16-18 приведены их реконструкции, составленные по экземплярам с сохранившейся датой,

так как особенности её начертания были основной характеристикой варианта. Для № 30а набралось 14 штемпелей л.с., 12 - о.с. и 23 их комбинации, для № 30г - 9 лицевых и 13 оборотных с 16 их комбинациями, и для № 30д - по 9 и 8 штемпелей, соответственно, с 9 комбинациями. Остальные варианты типа № 30 752 г.Х. (1351/1352 гг.) малочисленны на Водянском городище для составления реконструкций штемпельных разновидностей. Как видно из полученной картины, штемпеля вариантов № 30а,г,д 752 г.Х. с единым названием одного монетного двора - Сарай ал-Джедид образуют три несвязанные между собой группы. Такого не могло бы получиться, если бы эти варианты чеканились в одном месте. Таким образом, получается, что, по крайней мере, эти три варианта 752 г.Х. выпущены разными монетными дворами.

Там же, на рисунках приведены реконструкции некоторых штемпелей пулов 751 и 753 гг.Х. (1350/1351 и 1352/1353 гг.), показывающие, что варианты № 29б 751 г.Х. и № 31г 753 г.Х. чеканились там же, где и № 30г 752 г.Х., а № 31в 753 г.Х. - где № 30а 752 г.Х. Варианты "розеток" 752 г.Х., редкие на Водянском городище,

Таблица 7. Пулы Сарая ал-Джедид 751-753 гг.Х. на разных джучидских городищах

Городище	Всего пулов	Сарай ал-Джедид 751-753 гг.Х.	%
Болгары	1438	37	2.6
Водянское	1311	443	33.8
Наровчатское	339	10	2.9
Селитренное	798	148	18.5
Царевское	989	150	15.2
Старый Орхей	276	231	83.7

могут быть массовыми на каком-то другом. В настоящее время встречаемость разных вариантов пулов 30 типа 752 г.Х. можно проследить лишь на четырех городищах - Болгарском, Селитренном, Царевском и Водянском (табл. 8).

Как было видно из предыдущей таблицы 7, в Болгарах мало встречается "розеток" 751-753 гг.Х., и может быть, поэтому там за период раскопок 1946-1958 гг. выявлен всего один вариант этих пулов - № 30г (возможно, однако, что на тот момент С.А.Янина (1954-1961 гг.) ещё не выделяла вариантов по начертанию даты, как стала делать при анализе Царевского комплекса в 1970 г.). Варианты "розеток" 752 г.Х. в комплексе Селитренного городища описаны А.А. Кротковым (Кротков А.А., 1930, с. 20-23) достаточно подробно, сопровождаются рисунками и в них легко удалось выявить современные варианты.

Из данных таблицы 8 видно, что встречаемость разных вариантов типа № 30 существенно отличается на разных городищах. В Царёве более 50 % варианта 30д, а на Водянском тоже половину составляет вариант 30а, хотя довольно много (37 %) и варианта 30д близкого расположенного Царёва. В Селитренном больше всего "водянского" варианта 30а (35 %), но, в то же время, здесь вдвое больше вариантов 30в, чем в Царёве и втрое чем на Водянском. Эти результаты, конечно, предварительны и нужна большая статистика по Селитренному и Болгарскому городищам, а также аналогичные данные

по другим городищам - Старому Крыму, Азову, Старому Орхю и другим.

Итак, пулы типа "Цветочная розетка" в 752 г.Х. (1351/1352 гг.) с местом выпуска Сарай ал-Джедид чеканились, как минимум, на трех разных монетных дворах. Вообще говоря, все они могли находиться в одном городе, но, если в последующем будет установлено, что таких монетных дворов было ещё больше, то станет ясно, что они располагались в разных городах. В пользу этой гипотезы свидетельствует факт обнаружения на Водянском городище, где отсутствовал ханский монетный двор, 3 нечеканенных монетных заготовок (№ 72) и, что более важно, столько же ещё нерасплюснутых брусочков (№ 73).

Эти результаты означают, что в Золотой Орде в 50-х гг. XIV в. монетное право чеканки медных пулов, по-видимому, временно передавалось также частным лицам с условием выпуска монет столичного образца, от его имени и того же качества.

Возможно, что откупной чекан мог быть осуществлен и раньше - для чекана другого массового типа "двулавы орёл" (№ 21), но это требует аналогичной проверки с помощью поштемпельного анализа. Для таких мелких монет, к тому же обычно меньших, чем размер штемпеля, их реконструкцию желательно осуществлять, используя методику, разработанную В.Н.Клещиновым (Клещинов В.Н., Гришин И.В., 1995) и активно применяемую для поштемпельного анализа русских монет XVI - нач. XVIII вв.

Подражания джучидским медным монетам

Проблема происхождения подражаний джучидским монетам в литературе обсуждается давно, но лишь применительно к серебряным имитациям дирхамов. Вопрос о медных подражаниях практически не поднимался, возможно, из-за их относительной редкости. Самое раннее упоминание о них встречено в работе В.К.Савельева (Савельев В.К., 1884, с. 347), в которой публиковалась партия в 209 медных монет, приобретённая в Болгарах. Касаясь 25 монет с изображением двуглавого

Таблица 8. Встречаемость вариантов пулов № 30 752 г.Х. на разных городищах

Городище	Количество и % монет	Доля вариантов типа № 30 752 г.Х.							Всего № 30
		30а	30б	30в	30г	30д	30е	30ж	
Болгарское	Количество	-	-	-	37	-	-	-	37
	%	-	-	-	100	-	-	-	100
Водянское	Количество	87	2	14	5	65	1	1	175
	%	50	1	8	3	37	0.5	0.5	100
Селитренное	Количество	17	-	11	7	7	7	-	49
	%	35	-	23	14	14	14	-	100
Царевское	Количество	21	-	10	12	48	2	-	93
	%	29.5	-	11	13	51.5	2	-	100

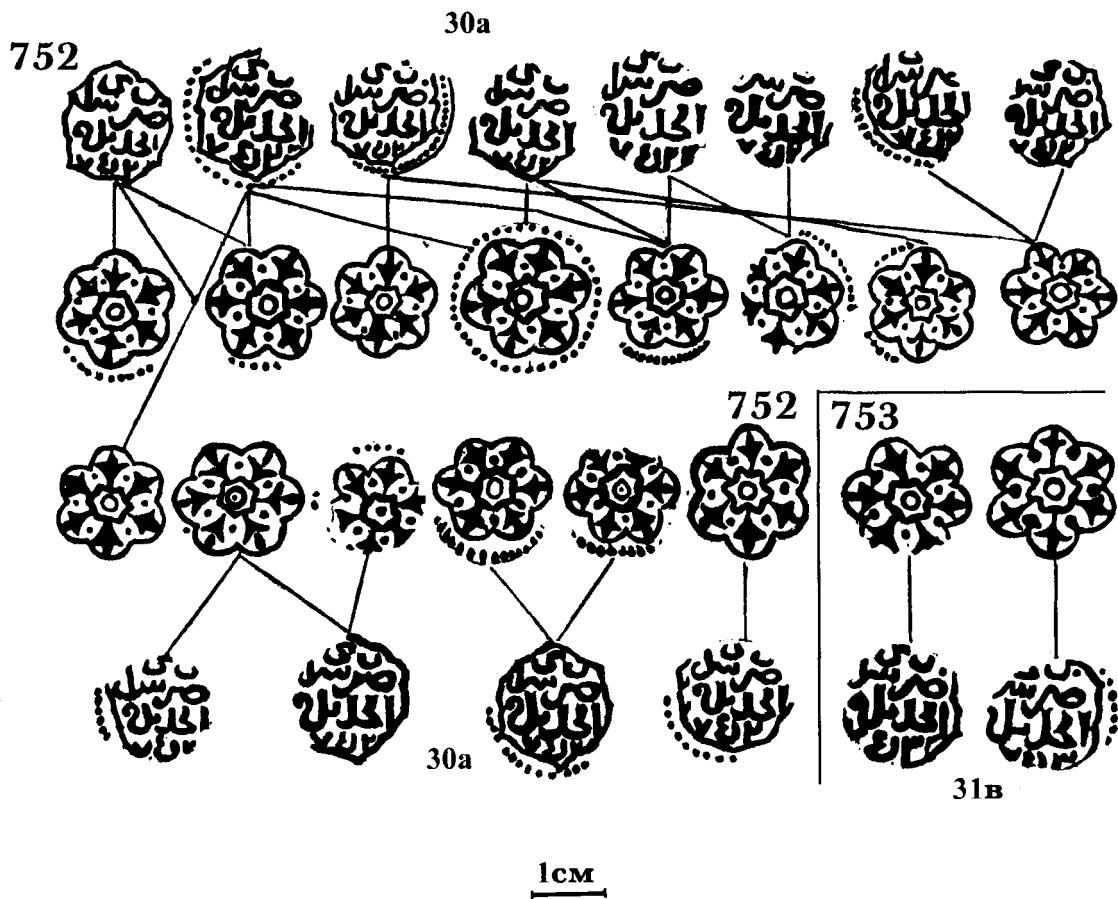

Рис. 16. Реконструкции штамповых разновидностей пулов вариантов № 30а 752 года Хиджры и № 31в 753 года Хиджры.

Fig. 16. The reconstructions of stamp kinds of pulas of the variants No 30a of the Hijrah of 752 and No 31b of the Hijrah of 753.

Abb. 16. Rekonstruktion der Stempelabarten der Pulas. Varianten № 30a 752. Pilgejahr und № 31b 753. Pilgejahr.

Dessin 16. Reconstruction des poulas estampillés des versions № 30a de l'année 752 de l'Hégire et № 31b de l'année 753 de l'Hégire

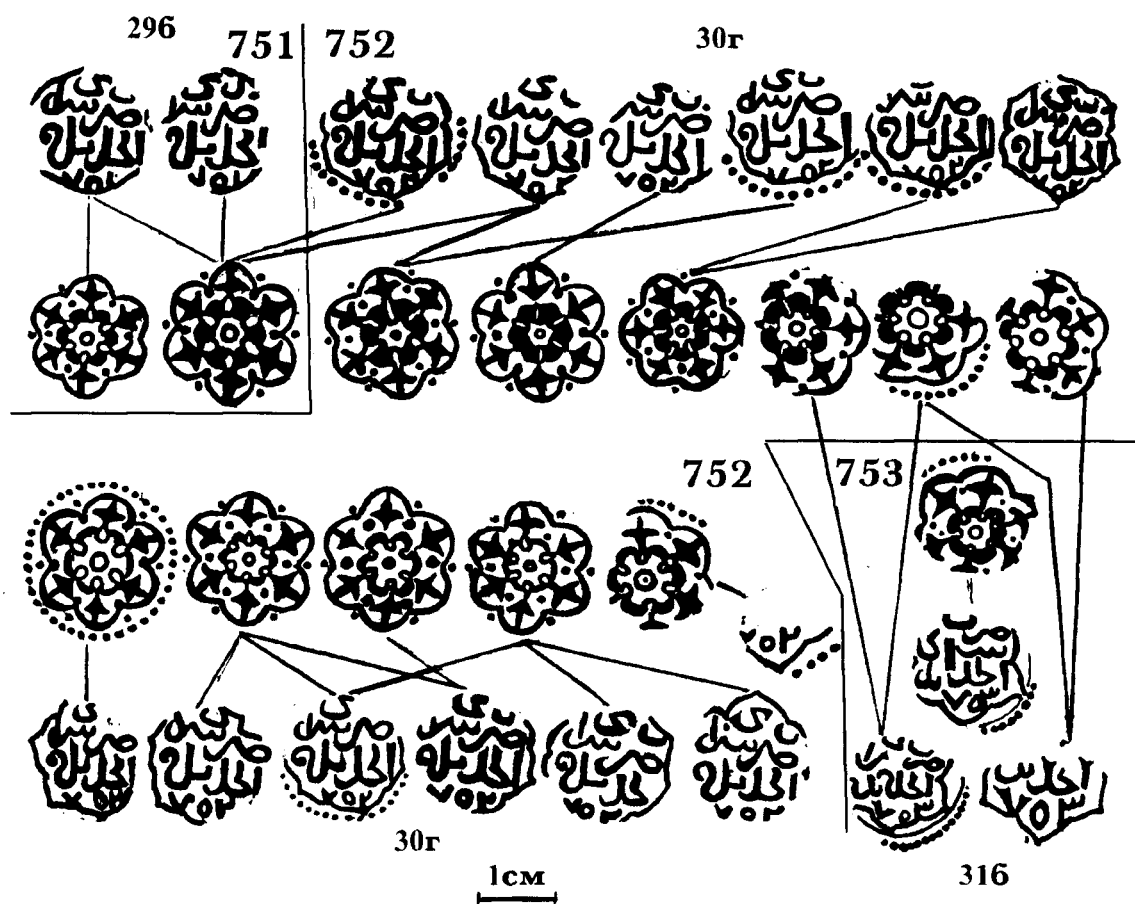

Рис. 17. Реконструкции штемпельных разновидностей пулов вариантов № 296 751 года Хиджры, № 30г 752 года Хиджры, № 316 753 года Хиджры.

Fig. 17. The reconstructions of stamp kinds of pullovers of the variants No 296 of the Hijrah of 751, No 30g of the Hijrah of 752, No 316 of the Hijrah of 753.

Abb.17. Rekonstruktion der Stempelabarten der Pulen. Varianten № 296 751. Pilgejahr, № 30г 752. Pilgejahr, № 316 753. Pilgejahr.

Dessin 17. Reconstruction des pouls estampillés des versions № 296 de l'année 751 de l'Hégire, № 30г de l'année 752 de l'Hégire, № 316 de l'année 753 de l'Hégire

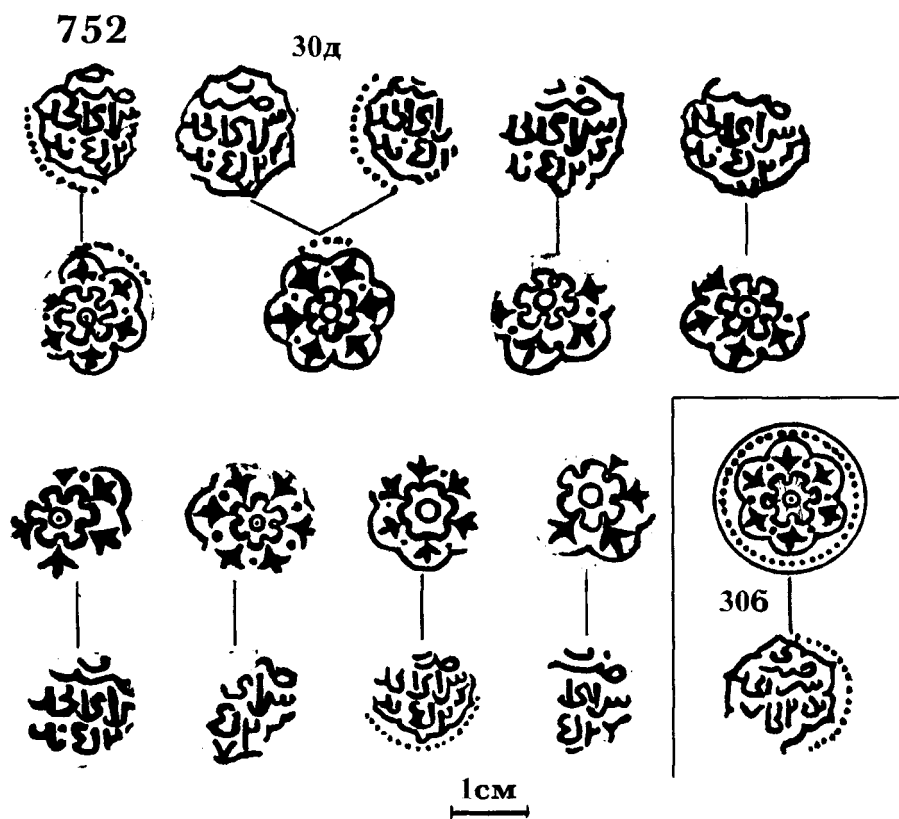

Рис. 18. Реконструкции штемпельных разновидностей пулов вариантов № 30б и № 30д 752 года Хиджры.

Fig. 18. The reconstructions of stamp kinds of pullovers of the variants No 30b and No 30d of the Hijrah of 752.

Abb. 18. Rekonstruktion der Stempelabarten der Pulen. Varianten № 30b und № 30d 752. Pilgejahr.

Dessin 18. Reconstruction des pouls estampillés des versions № 30b et № 30d de l'année 752 de l'Hégire

орла, автором было отмечено: "... легенды некоторых штемпелей неправильны, есть основание полагать, что они биты русскими". По одному подражанию этому же типу обнаружили А.А. Кротков в наровчатском собрании (Кр. № 67) и С.А. Янина в болгарском комплексе (ЯИ-158). Существенно больше их нашлось в Царёве: "15 монет грубого исполнения" среди 204 пулов этого типа (ЯV-13в).

Другой тип подражаний С.А. Янина (Янина С.А., 1977, с. 206) описала, работая с монетами с городища Старый Орхей. Из 50 пулов чекана Шехр ал-Джедид оказалось 9 подражаний им (Янина С.А., 1977, № 25-28).

В изучаемом Водянском комплексе нашлось 99 подражаний шести типам пулов или 7.5 % от их количества и 8.7 % от общего числа типов. 66 из них изображены на рисунках рядом с имитируемыми типами пулов. Самым ранним копируемым типом оказался сарайский пул № 5 731 г.Х. (1330/1331 гг.) - одно подражание № 5П на 46 монет (2.2 %). Следующим копируемым типом оказался тип "Лев и Солнце", который чеканился в Азаке в 732-734 гг.Х. (1331/1332 - 1333/1334 гг.) (№ 9, 10, 11) и в Сарая в 737 г.Х. (1336/1337 гг.) и 740 г.Х. (1339/1340 гг.) (№ 12 и 14). Удалось различить подражания как азацким типам (№ 9-11П), так и сарайским (№ 12П). Так как средневековый мастер вряд ли стремился различать имитируемый тип пулов по монетным дворам и датам выпуска, то и мы долю подражаний пулам "Лев и Солнце" рассчитали по отношению ко всем монетам с этим изображением, которая составила 16 %.

Самыми массовыми подражаниями являются имитации № 12П типу "Двуглавый орёл", которых в комплексе оказалось 64 экземпляра или 23.2 % к числу пулов этого типа. Из них по 16 экземпляров с прямым и зеркальным исполнением легенды (орёл симметричен, поэтому прямое и зеркальное его изображения не различимы), остальные не определимы.

Хронологически последний тип подражаний в комплексе - имитации "розетке" 751-753 гг.Х. (1350/1351 - 1352/1353 гг.) (29-31П). Их всего 16 на 416 оригинальных пулов или 3.7 %, из них 8 - прямых, 3 - зеркальных, остальные не определимы.

Итак, мы видим хронологически постепенное нарастание доли подражаний в общем числе монет имитируемого типа от ~ 2 % пулам 731 г.Х. (1330/1331 гг.), к 16 % пулам 732-740 гг.Х. (1331/1332 - 1339/1340 гг.) и к максимуму в 23 % пулам 40-х гг. Затем доля подражаний пулам стала резко падать - до 3.7 % пулам 50-х гг. и до полного отсутствия подражаний пулам последующих десятилетий.

Где же и кто чеканил подражания медным пулам? Очевидно, следует полностью отвергнуть мнение, что это делалось в русских княжествах, хотя бы потому, что там очень редко находки джучидских пулов вообще, а

находки подражаний им не зафиксированы совсем. Несомненно, подражания чеканились в самой Орде. Легче допустить, что это - продукция "воровского промысла", хотя экономического резона в этом как будто нет - вес подражаний находится внутри разброса веса подлинных пулов соответствующего типа, а нарицательная их стоимость вряд ли заметно отличается от стоимости заключённой в них меди.

Дело, возможно, в особенностях сферы денежного обращения, которое обслуживалось медными пулами. Состав монетных комплексов с нижневолжских городищ однозначно показывает, что основную массу там составлял местный чекан пулов Сарая, Сарая ал-Джедид и Гюлистана: 97 % на Селитренном, 95.7 % на Царевском и 92.2 % на Водянском. Но медные монеты в Сарая стали чеканить лишь с 721 г.Х. (1321 г.), в Сарая ал-Джедид - с 743 г.Х. (1342/1343 гг.), а в Гюлистане с 761 г.Х. (1359/1360 гг.). Нам не известен тираж пулов, но качественно о нём можно судить по их встречаемости на городищах (табл. 9).

Как видно из таблицы, доля первых двух типов ничтожна - доли процента, то есть для городских базаров медные монеты ещё диковинка. Пулов 731 г.Х. (1330/1331 гг.) в ходу уже в 4 раза больше, а 737 г.Х. (1336/1337 гг.) - в 20. За полтора десятилетия к медной монете во внутренней торговле уже привыкли и, по-видимому, её стало не хватать. Тогда и появились первые подражания для покрытия дефицита медных монет в обращении. Пик выпуска подражаний приходится на 40-е годы, а в 50-е годы он резко сократился и затем прекратился совсем. Можно предположить, что для резкого увеличения тиража пулов на ханском монетном дворе в столице был сильно увеличен штат за счёт малоопытных учеников, и подражания являются результатом их работы. Но обратимся ещё к одному параметру пулов - их форме, которая качественно охарактеризована для каждой монеты. Анализ этих данных показал, что в течение всей 1-й половины XIV в. форма подлинных пулов оставалась неизменной - 81-82.5 % имеют форму, соответствующую прутковой технологии изготовления монетных заготовок (см. пример на рис. 14,72) и 17-19 % - округлую*. Подражания монетам 731 и 737 гг.Х. (1330/1331 и 1336/1337 гг.) тоже все "прутковой" формы, однако 89 % подражаний типу "двуглавый орёл" (№ 21П) имеют уголковую форму и лишь 5 % и 6 % "прутковую" и округлую форму, соответственно. Таким образом, если небольшой процент подражаний ранним типам ещё можно списать на продукцию учеников государственного монетного двора, то ~ 9/10 массовых подражаний с изображением двуглавого орла явно производились с использованием другой технологии изготовления монетных заготовок* и, значит, вне стен ханского монетного двора.

В 50-х годах абсолютное и относительное количество подражаний значительно снизилось, в том числе

*При прутковой технологии округлая форма монетных кружков может иногда получаться по различным причинам случайного характера, а также из-за сильной коррозии в земле.

Таблица 9. Встречаемость пулов нижневолжского чекана 1-й пол. XIV в. на крупнейших городищах этого региона

г.Х.	Селитренное		Царевское		Водянское		Средний %
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	
721	1	0.1	0	0	1	0.1	0.1
726	1	0.1	0	0	15	1.1	0.3
731	6	0.8	3	0.3	52	4.0	1.7
737	114	14.4	7	0.7	113	8.6	7.9
(741-750)	233	29.3	204	20.6	276	21.1	23.7

и доля их уголкового формы (25 %) - монеты стали тяжелее и толще, и вырезка заготовок ножницами стала затруднена.

Итак, основная масса подражаний чеканилась не на ханских монетных дворах, но для ответа на вопрос - кем? пока никаких данных нет. Нельзя ли в качестве гипотезы предположить, что выпуск грубых подражаний явился предтечей "откупного" чекана "розеток" 50-х годов, когда за качеством продукции частных монетных дворов был налажен строгий надзор. Начавшаяся в 60-х годах "замятня великая" прекратила всё: и уже сократившийся выпуск грубых подражаний, и высококачественный откупной чекан на частных монетных дворах.

Перечеканы

Монетный передел, то есть перечекан старых монет в новые, для Золотой Орды не характерен. Кроме единственного случая, когда в середине XIII в. весь тираж именных пулов Великого Каана Мунке в Булгаре был отчеканен на монетах с именем халифа Ан-Насира, больше таких массовых операций не проводилось. Но отдельные случаи перечеканки пулов в XIV в. известны. Так, А.А. Кротков отмечал (Кротков А.А., 1930, с. 13), что в Саратовском музее имеется пул "Двуглавый орёл", чеканенный на монете "Лев и Солнце" (Кр. № 6), а в комплексе с Селитренного пул Барджина 753 г.Х. (1352/1353 гг.) чеканен на новосарайской монете с "розеткой" (Кр. № 56). Н.М.Фомичёв (Фомичёв Н.М., 1987, с. 44, № 14) сообщает, что в Азовском краеведческом музее из 18 пулов Барджина 16 перечеканены в новосарайский тип "Цветочная розетка" того же 753 г.Х., а также два азакских пула Токтамыша перечеканены в другие азакские типы того же времени.

Несколько перечеканенных пулов встречено и в водянском комплексе.

1. 4 экземпляра пула № 21 ("Двуглавый орёл") биты на старых монетах:

а) на иноземной монете с символом веры (вес: 1,83 г); б) на сарайском пуле №5 731 г.Х. (1330/1331 гг.) (вес: 1,69 г.); в) на двух сарайских пулах №12 737 г.Х. (1336/1337 гг.) (вес: 1,46 и 1,54 г).

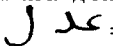
2. Два пула Барджина 753 г.Х. (1352/1353 гг.) - новосарайской "розеткой" того же 753 г.Х. (вес: 2,34 и 2,45 г.) и один - "розеткой" 751 г.Х. (1350/1351 гг.) (вес: 1,70 г).

3. На обеих сторонах пула Хайр-Пулада 764 г.Х. (1362/1363 гг.) видны неясные следы старых изображений.

Наиболее любопытны перечеканы "Барджин - розетка". А. Кротков полагал, что перечеканивалась "розетка" в "Барджин", но дело обстояло наоборот. Здесь мы имеем не типичный случай перечекана - не старый тип в новый, а наоборот - новый в старый, используя прежние штампы. Причина такого обратного передела становится понятной, если принять высказанную выше точку зрения, что в Бельджамене мог располагаться один из частных монетных дворов, выпускавших один из вариантов столичного типа пулов 752 г.Х. (1351/1352 гг.) (например, самый частый здесь № 30а). В следующем 753 г.Х. им была сделана попытка выпустить оригинальный тип (но, всё же, тоже "розетку", но другого вида) с названием своего города, а не столицы. Однако это было нарушением условий откупного чекана, последовал приказ выпуск собственного типа прекратить, а отчеканенные пулы перечеканить в столичную "розетку". Но часть тиража уже разошлась и осталась не перечеканенной. Очень большой процент перечеканенных монет, найденных в Азове, отсутствие их в Царёве, небольшое число в Водянском и Селитренном комплексах может означать, что передел "Барджина" был, видимо, поручен Азакскому монетному двору.

* На городищах иногда находят фрагменты медных лент, шириной в диаметр монет. Можно предположить, что чекан массовых подражаний проводился на этих лентах, после чего монеты отрезались ножницами, а получавшаяся прямоугольная форма далее тоже ножницами подравнивалась до формы многоугольника.

Надчеканы

Явление надчеканивания как серебряных, так и медных монет в Золотой Орде нашло широкое распространение во второй половине XIV в. и в начале XV в. В комплексе монет Водянского городища не оказалось надчеканенных дирхамов, но нашлось 36 пулов с более, чем 5 видами надчеканов. Наиболее часто встречается надчекан = 'Адл в различном исполнении - на 24 пулах 741-790 гг.Х. (1340/1341 - 1388 гг.), по 3 монеты надчеканены трёхной тамгой (пулы 760, 766, 790 гг.Х.) и анэпиграфным треугольником (на недатированных пулах последней четверти XIV в.). По одному разу встречены надчекан "Аллах" - на самой старшей монете комплекса и гладким кружком - на пуле Хорезма с неясной датой. На нескольких монетах вид надчекана не ясен, иногда это могло быть результатом удара, пореза в процессе обращения*.

Метрология пулов Водянского комплекса

Интерес к метрологии медных джучидских монет нумизматы не проявляли до середины XX в. Ещё в работах С.А.Яниной 1954-1960 гг. не приводился вес пулов, найденных при раскопках в Болгарах, но, описывая в 1970 г. монеты из раскопок Царевского городища, она стала указывать вес всех найденных пулов. Интерес к метрологии пулов увеличился, когда Г.А. Федоров-Давыдов выступил с идеей, что полувековое постоянство веса джучидских дирхамов, установленное реформой 1310 г., поддерживалось постоянством соотношения курсов серебряных и медных монет - "16 пулов = даник", что означало: 32 пула равняются одному дирхаму. При смене курса дирхамов изменялся вес пулов, а вес дирхамов оставался прежним (Фёдоров-Давыдов Г.А., 1980).

Первым сделал попытку установить весовые нормы чекана некоторых наиболее массовых типов пулов А.Г.Мухамадиев (Мухамадиев А.Г., 1972, с. 76). Для сарайских пулов 737 г.Х. (1336/1337 гг.) он установил стопу 240 монет из 100 весовых дирхамов в 319,2 г, что даёт средний вес монет 1,33 г. По этой же стопе, по его мнению, чеканились недатированные пулы Сарая ал-Джедид "Двуглавый орёл", но на выпуск 240 новосарайских пулов "Цветочная розетка" 751-761 гг.Х. (1350/1351 - 1359/1360 гг.) требовался уже кадак весом 468 г, что соответствовало среднему весу монет в 1,95 г. Средний вес именных пулов Хызра по А.Г.Мухамадиеву - 3,12 г, а времени Токтамышша - 1,70 г.

Весовые нормы чекана пулов разных городов не всегда были одинаковы даже в одно и то же время, поэтому при их установлении необходимо расчёты проводить отдельно для продукции каждого монетного двора. Недавно Е.Ю.Гончаров (Гончаров Е.Ю., 1998, с. 75) опубликовал значения среднего веса большинства типов

пулов Сарая ал-Джедид. Они не всегда совпадали с данными А.Г.Мухамадиева - средний вес "розеток" у него 1,70 г, пулов Хызра - 2,70 г, вместо 1,95 г и 3,12 г по А.Г.Мухамадиеву. В 60-70-е гг. XIV в. по Е.Ю.Гончарову средний вес новосарайских пулов стал претерпевать резкие скачки в интервале 1,70 - 5,00 г при смене каждого скоротечного хана: 2,50г в 762 г.Х. (1360/1361 гг.) при Тимур-Ходже; 1,80 - 2,25 г при ханах 763-767 гг.х.Х.(1361/1362 - 1365/1366 гг.); 5,00 г у анонимных пулов 768 г.Х. (1366/1367 гг.) и 2,50 г в этом же году у пулов Улджайтимура; 2,80 г - в 773 г.Х. (1371/1372 гг.) и 1,70 г в 776 г.Х. (1374/1375 гг.). Ранние пулы Токтамышша по его данным весили в среднем также 1,70 г, но в середине 90-х гг. XIV в. потяжелели до 3 г. Автор, однако, не указал по какому количеству монет и каким способом им определялся средний вес монет.

Как видно из этих данных, метрология пулов Золотой Орды находится пока в стадии накопления данных, свою лепту в которую может внести и публикуемый комплекс пулов Водянского городища. Для определения среднего веса монет использовался метод весовых гистограмм. Так как весовые распределения всех изученных типов пулов оказались очень широкими, для построения гистограмм привлекались также данные А.Г.Мухамадиева (1972) и С.А.Яниной (1970), отличая их цветом столбцов: чёрные - для собственных данных, белые - для взятых из литературы.

Предварительно коснёмся важного для метрологии аспекта - чистки найденных в земле монет. Все пулы Водянского комплекса сначала отмачивались в дистиллированной воде, затем после сушки производилась их очистка с помощью бронзовой проволоочной щетки от остатков земли и от легко отделяемых солей. Несчищаемая механически сплошная корка окислов, если она имелась, сохранялась и вес монеты определялся вместе с ней. Следует отметить, что такая корка имелась в основном лишь у легковесных пулов чекана 726-731 гг.Х. (1325/1326 - 1330/1331 гг.). Так как пулы начала и конца века в земле находились практически одинаковое время (6 и более веков), разная степень корродированности, вероятно, вызвана разным временем нахождения тех и других в обращении. У долго обращавшихся монет поверхностный чеканный и, поэтому более плотный и более стойкий к окислению, слой стирался, обнажая внутренние менее плотные слои, окисление которых шло быстрее и на большую глубину. Если окислы не убираются, то за счет присоединения кислорода воздуха и солеобразующих химических элементов почвы, вес монет немного увеличится, практически восполняя потерю веса за счет истирания*.

На рис. 19 приведены весовые гистограммы всех типов пулов чекана Сарая и Сарая ал-Джедид с 726 по 760 г.Х. При их построении вес округлялся до 0,05 г. Из сравнения полученных распределений видно, что все они мономодальны, с очень большим разбросом данных. Это указывает на то, что чекан пулов осуществ-

*Более подробно вопросы, связанные с надчеканками на пулах с Водянского городища будут рассмотрены во второй части работы на более массовом материале, изданной в другом сборнике.

влялся не по системе весового стандарта, а по монетной стопе, когда выдерживалось постоянство числа монет, получаемых из заданного количества металла, и вес каждой монеты не выверялся. Данные для монет Водянского комплекса и взятые из литературы на всех гистограммах расположились в одних и тех же интервалах, поэтому при дальнейшем обсуждении будет рассматриваться их общая образующая, а на графиках рис. 20 собственные и литературные данные не будут различаться.

Из рис. 19 также видно, что из-за большой ширины распределения при числе монет менее 100 не весь интервал разброса данных заполнен равномерно, а хорошо выраженная колоколообразная форма кривой распределения получается при числе монет более 200 экземпляров. К сожалению, для всех гистограмм рис. 19 отмеченные условия оказались невыполненными, но некоторые первые выводы сделать по ним можно. Во-первых, в 1-й половине XIV в. величины веса сарайских пулов разных лет выпуска находятся в одних и тех же интервалах, поэтому для них можно построить единую гистограмму. Во-вторых, этот же вывод можно сделать и для новосарайских пулов 751-760 гг.Х. (1350/1351 - 1358/1359 гг.), то есть для улучшения статистики и для них может быть построена единая гистограмма. В-третьих, гистограммы пулов Хызра разных монетных дворов одного 762 г.Х. (1360/1361 гг.) расположились тоже в одном интервале, значит, суммарная гистограмма может быть построена и в этом случае.

На рис. 20 приведены суммарные весовые гистограммы для сарайских пулов 726-740 гг.Х. (1325/1326 - 1339/1340 гг.), новосарайских 751-760 гг.Х., пулов Хызра, Сарая ал-Джедид и Гюлистана, а также для массового недатированного типа "Двуглавый орёл" условно 741-750 гг.Х. (1340/1341 - 1350/1351 гг.). Число взвешенных монет для этих 4 гистограмм составило 209-612 экз., что позволило получить распределения с чётко обозначенными вершинами, положение которых дало следующие значения среднего веса: пулы Сарая 726-740 гг.Х. - $1,35 \pm 0,05$ г; пулы Сарая ал-Джедид 741-750 гг.Х. - $1,15 \pm 0,05$ г; 751-760 гг.Х. - $2,10 \pm 0,05$ г; пулы Хызра 762 г.Х. - $2,80 \pm 0,10$ г. Все эти 4 распределения оказались симметричными, поэтому основные их характеристики, при необходимости, могут быть получены расчетным путем. Сравнение полученных значений среднего веса обнаруживает неуклонный его рост от 1,35 г в 726 г.Х. до 2,80 г в 762 г.Х. Небольшое снижение до 1,15 г в 40-х годах, если оно не случайное, наверно, можно рассматривать как незаметную для населения акцию монетного двора по экономии ~ 15 % металла при чеканке пулов этого типа.

На этом же рисунке для сравнения построены ещё три гистограммы - для пулов Гюлистана 764 г.Х. (1362/1363 гг.), 766 г.Х. (1364/1365 гг.) и Сарая ал-Дже-

дид суммарно 790-791 гг.Х. (1388 - 1388/1389 гг.) с округлением веса до 0,10 г. Число монет для их построения даже с использованием литературных данных оказалось очень мало (34-37 экз.), поэтому лишь отметим, что наблюдавшийся рост среднего веса пулов продолжился ещё, примерно, до 4,50 г у монет Гюлистана 764 г.Х., но уже через два года там стали выпускать пулы почти вдвое меньшего веса. Монеты 70-80 гг. в комплексе малочисленны и разных монетных дворов, лишь для новосарайских пулов 790-791 гг.Х. удалось набрать данные для трёх десятков монет, которые на гистограмме расположились в интервале 1,30 - 3,00 г с намечающимся пиком в области 2 г.

Большие изменения среднего веса монет, по-видимому, должны быть кратны какой-то средневековой единице веса. Можно попытаться вычислить эту единицу, если у полученных значений среднего веса пулов 726-762 гг.Х. имеется общий множитель. И такой общий множитель M_0 найден - 0,70 г. Тогда $M_{ср.} (726-740) = 2M_0 = 1,40$ г, $M_{ср.} (751-760) = 3M_0 = 2,10$ г, $M_{ср.} (762) = 4M_0 = 2,80$ г. $M_{ср.}$ пулов 764 г.Х. из-за скудной статистики нам известно ориентировочно ~ 4,50 г, а величина $6M_0 = 4,20$ г попадает в середину интервала разброса значений веса этих пулов.

Заключение

Опубликованные монетные находки на развалинах крупного золотоордынского г. Бельджамен (Водянское городище) за полтора века его изучения в сумме составили около 250 монет, из которых достаточно подробная информация имеется лишь для половины из них. В данной работе подробно проанализирован комплекс случайных сборов 1997 г. с этого городища, состоящий из 51 серебряной и 1311 медных монет.

Среди дирхамов выявлено 30 типов (по классификации С.А. Яниной), даты выпуска которых - с 710 г.Х. (1310/1311 гг.) по 79(3) г.Х. (1390/1391 гг.). По количеству монет и числу их типов преобладают дирхамы Джанибека 40-50-х гг. XIV в. - 47 % и 43 %, монет времени Узбека - 29 % и 30 %, далее идёт чекан Токтамыша - 8 % и 13 %, соответственно. По месту выпуска подавляющее преобладание дирхамов нижеволжских городов - Сарая ал-Джедид 43 % и 39 %, Сарая 41 % и 39 %, Гюлистана 12 % и 16 % (в сумме 96 % и 92 %) - по числу монет и их типов, соответственно. То есть состав этой небольшой группы дирхамов, в целом, подтверждает сделанный предшественниками вывод, что время активной жизни Бельджамена очерчивается всем XIV в. до его разрушения войсками Тимура в 1395 г., а пик его деловой активности падает на 30-50 гг.

* Например, пул диаметром 16 мм, толщиной 0,8 мм будет весить 1,40 г. Потеря слоя в 50 мкм за счёт истирания понизит его вес до 1,31 г, а, если теперь ещё 50 мкм за счёт окисления превратятся в CuO , вес повысится до 1,36 г, а если в $CuCl_2$, то до 1,42 г. Точность же метрологических расчётов средних весов обычно не превышает $\pm 0,05$ г.

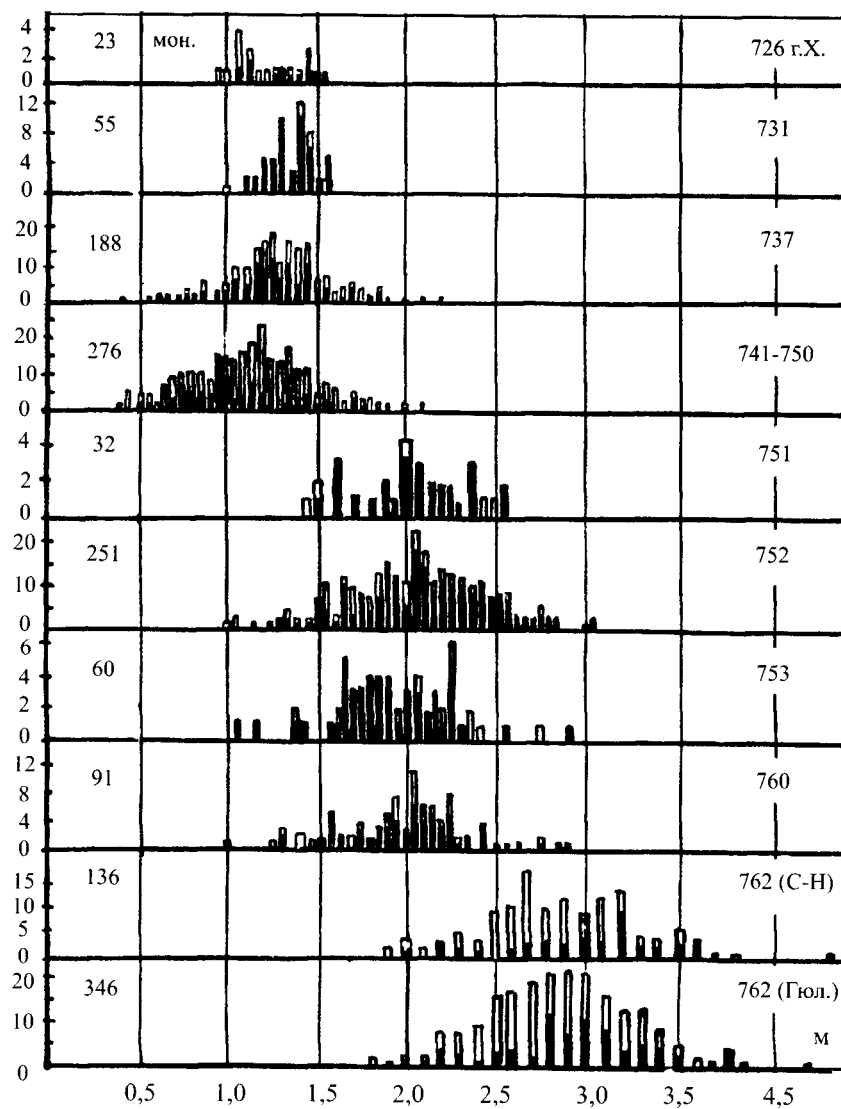

Рис. 19. Ежегодные весовые гистограммы пулов 726-762 годов Хиджры.

Fig. 19. The annual weight histograms of pulis of the Hijrah of 726-762.

Abb. 19. Jährliche Gewichtshistogrammen der Pulen 726.-762. Pilgejahr.

Dessin 19. Histogrammes de balance annuelles des pouls des années 726-762 de l'Hégire

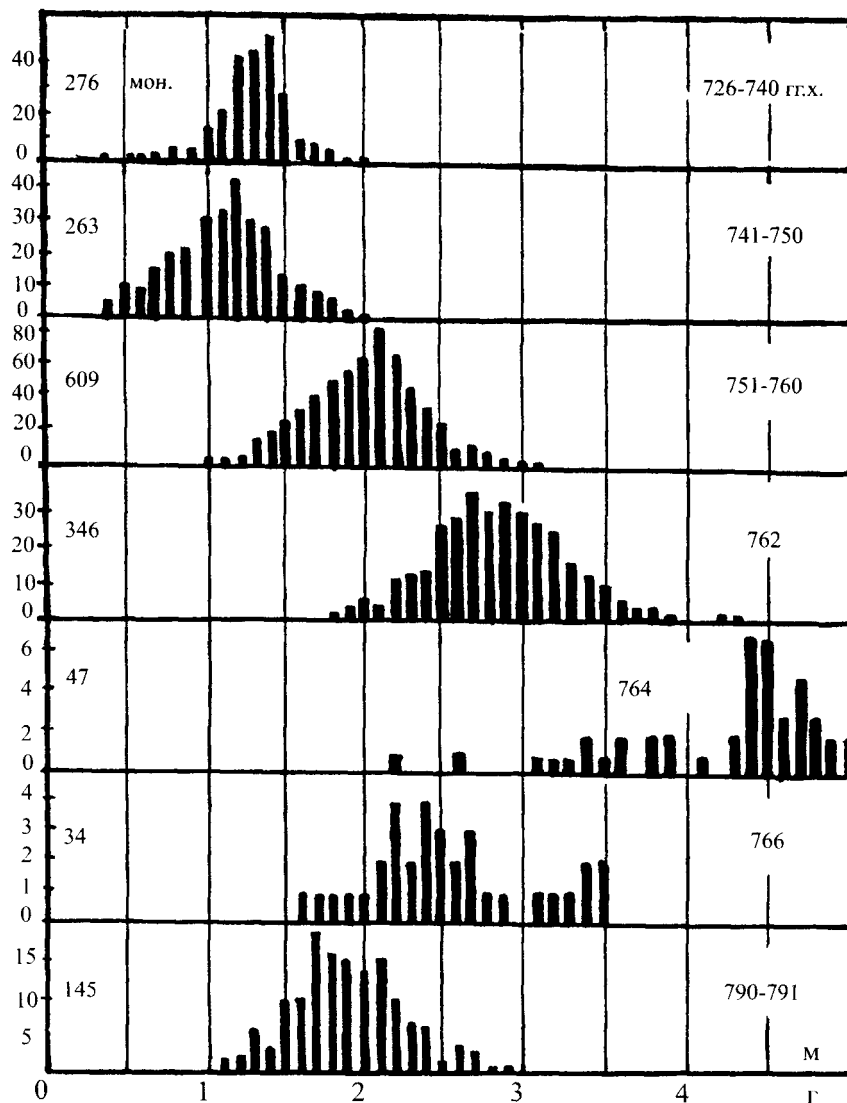

Рис. 20. Суммарные весовые гистограммы пулов различной монетной стопы.
 Fig. 20. The total weight histograms of puls of different monetary measure.
 Abb. 20. Summarische Gewichtshistogramme von Pulen unterschiedlicher Münzengewichtsnorm.
 Dessin 20. Histogrammes de balance sommaires des pouls de norme monétaire différente

Комплекс из 1311 медных монет состоит из 69 типов джучидских пулов разных вариантов, 3 нечеканенных и 3 неплющенных монетных заготовок, 6 иноземных монет и 59 полностью корродированных, стёртых, неопределённых. Подавляющее число пулов анонимны, часто не датированы, хотя по косвенным признакам они могут быть отнесены к последней четверти XIV в. Как и в ситуации с дирхамами, нет монет уверенно XIII и XV вв. Самая старшая монета - пул Крыма рубежа XIII-XIV вв., самые поздние из датированных монет - 3 пула 796 г.Х. (1393/1394 гг.). Однако, пока не известно точное время выпуска недатированных пулов конца XIV в., кроме того в комплексе оказалось 36 надчеканенных монет, младшая из которых 790 г.Х. (1388 г.). Время нанесения надчеканов пока тоже ещё не выяснено, а находка Е.П.Мыськовым при археологических раскопках 1997 г. на Водянском городище надчеканенного пула 799 г.Х. (1396/1397 гг.) указывает, что жизнь в Бельджамене прекратилась не сразу после разгрома 1395 г.

По количеству пулов на городище преобладает чекан 30-60 гг. - суммарно 91 %, с пиком в 50-е гг. (40 %) и лишь 3 % - в 80-90-х гг. Однако по числу типов хронологическое распределение пулов в отличие от дирхамов существенно равномернее: в каждое 10-летие в 30-60-е гг по 18 ± 3 % со слабым пиком 21.7 % в 60-е гг и столько же (21.7 %) в 80-90-е гг.

География мест выпуска пулов также шире, чем дирхамов, - 12 городов, хотя такое же преобладание чекана нижеволжских центров. По числу монет впереди продукция ближайшего Сарая ал-Джедид - 68 %, пулов Сарая - 16 %, Гюлистана - 8 %, а доля остальных - по 0.2 - 1.7 %. По числу типов обращавшихся монет снова картина более равномерная: 30 % и 19 % чекана Нового и Старого Сараев, 10 % Мохши и по 9 % Азака и Хорезма. Совсем нет пулов Булгара и Хаджи-Тархана, очень мало монет Крыма, что объясняется несовпадением периодов деятельности этих монетных дворов со временем наибольшей активности общественной жизни Бельджамена.

Большие различия в распределениях пулов по числу монет и числу типов должны быть вызваны огромными различиями в объёмах их выпуска. Наиболее массовыми оказались пулы с "Цветочной розеткой" 751-753 гг.Х. и местом выпуска Сарай ал-Джедид. На Водянском городище они составили 1/3 от числа всех пулов, а в Старом Орхее их доля составила 83.7 %. Естественно, что эти монеты оказались и самыми многовариантными. Поштемпельный анализ трёх наиболее массовых в данном комплексе вариантов "розеток" 752 г.Х. обнаружил, что они образовали три перекрещивающиеся сетки штемпельных связей, то есть эти три варианта изготовлены были на разных монетных дворах, хотя на них выставлено одно название - Сарай ал-Джедид. (Количество пулов остальных 5 вариантов "розеток" 752 г.Х. в водянском комплексе было мало для выявления штемпельных различий). Сопоставление

этого результата с фактом наличия в комплексе 3 нечеканенных и, что более важно, 3 неплющенных монетных заготовок, позволяет предположить, что один из этих "скрытых" монетных дворов находился в Бельджамене. Причиной, по которой этот монетный двор не помещал на выпускаемых им пулах название своего города, может быть то, что это был частный монетный двор, которому на откуп было дано право чеканить пулы столичного образца и качества и обязательным помещением на них названия столицы. Вполне вероятно, что в Бельджамене выпускались пулы 752 г.Х. варианта № 30а, 753 г.Х. - № 31в, а в самом Сарае ал-Джедид варианты: № 296 751 г.Х., № 30г 752 г.Х. и № 31б 753 г.Х. По другим городам нужна более объёмная статистика и более детальный анализ, чем имеется в настоящее время.

В Бельджамене в 753 г.Х. был выпущен и тип пулов с указанием своего названия в форме "Базджин" (№ 32), который сразу же был, в основном, перечеканен старыми штемпелями "розеток" 751-753 гг.Х. Можно указать ещё два типа пулов, чеканенных этим монетным двором. Это пул 794 г.Х. (№ 65) с указанным местом выпуска "Сарай ал-Джедид" и пул этого же года и той же л.с. с заменой названия города на нейтральное "Адл" = Законный.

Важной особенностью Водянского комплекса пулов является большая доля в нём, обычно, редких подражаний - 99 имитаций 6 типам или 7.5 % от общего числа пулов и 8.7 % от числа типов. (На Царевском городище медных подражаний было 1.5 % одного типа, на Селитренном и в Булгаре - по 1 экз. 0.12% и 0.07% соответственно). Имитировались монеты 1-й половины XIV в.: сарайские пулы 731 г.Х. (2.2 %), азакские и сарайские пулы "Лев и Солнце" 732-737 гг.Х. (16 %), новосарайские: "Двуглавый орёл" 40-х гг. (23.8 %) и "Розетка" 50-х гг. (3.7 %). Малочисленные подражания пулам 30-х гг., судя по форме монетного кружка, изготавливались по той же технологии чеканки, что и имитируемые монеты - на отрезках медной проволоки или прутков. Вполне вероятно, что эти подражания могли являться продукцией малоопытных учеников, спешно привлечённых к работе, для быстрого увеличения объёма выпуска пулов. Но около 90 % самых массовых подражаний пулам 40-х гг. имели форму многоугольника, то есть для их изготовления использовалась иная технология получения заготовок, чем на ханских монетных дворах. Вероятно, чеканка таких подражаний проводилась на узкой ленте, а полученные монеты затем отрезались и округлялись с помощью ножниц - образцы таких лент, скрученных в спираль, иногда находят на Селитренном и Царевском городищах. Это означает, что массовые подражания пулам 40-х гг. изготавливались не на ханских монетных дворах. Для уверенных ответов на вопросы - кем? и для чего? - сегодня нет необходимых данных.

В изученном комплексе оказалось 36 пулов с 5 видами надчеканов, из которых 2/3 составляли различные по исполнению надчеканы "Адл". На других городищах

этот тип надчекана редок, поэтому он, по-видимому, наносился в самом Бельджамене.

Большой объём статистических данных по рядовым типам пулов позволил сделать несколько выводов по их метрологии, которая пока находится на стадии накопления данных. Установлено, что джучидские пулы чеканились не по системе весового стандарта, которая приводит к узкому ремидиуму веса монет, а по системе эль-Марко, когда устанавливается постоянное число монет, получаемых из заданного веса металла. В этом случае вес отдельных монет колеблется в широких пределах. Найдено, что средний вес, определяемый по положению вершин максимумов на весовых гистограммах, у сарайских пулов 726, 731 и 737 гг.Х. одинаков и равен $1,35 \pm 0,05$ г при разбросе в весе отдельных монет от 0,50 до 2 г. Средний вес новосарайских пулов 40-х гг. оказался

несколько меньше - $1,15 \pm 0,05$ г при той же величине разброса. Пулы 751-760 гг.Х. в течение всего десятилетия чеканились по новой стопе с большим значением среднего веса - $2,10 \pm 0,05$ г и разбросом от 1 до 3 г. В 762 г.Х. средний вес пулов Сарая ал-Джедид и Гюлистана был вновь повышен до $2,80 \pm 0,10$ г с разбросом от 2 до 4 г. Количество монет последующих лет выпуска было недостаточным для получения статистически значимых результатов, а примерные оценки показали, что рост среднего веса пулов продолжился до 764 г.Х., когда у пулов Гюлистана он достиг величины $\sim 4,50$ г. Но уже через два года в Гюлистане стали выпускаться пулы почти вдвое меньшего веса. В дальнейшем, при каждом скоротечном хане, средний вес пулов мог измениться в пределах от 2 до 5 г.

Литература и архивные материалы

1. Баллод Ф.Б., 1923. Старый и Новый Сарай - столицы Золотой Орды. Казань.
2. Бартольд В.В., 1900. Туркестан в эпоху монгольских завоеваний. Ч. II. Исследование// Бартольд В.В. Сочинения. Т. I. 1963. М.
3. Булатович С.А., 1986. Джучидские монеты из Белгорода-Днестровского// Кравченко А. Средневековый Белгород на Днестре. К.
4. Гончаров Е.Ю., 1998. Медные монеты Сарая ал-Джедид// Тезисы докладов и сообщений VI Всероссийской Нумизматической конференции. СПб.
5. Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XV вв. М.
6. Егоров В.Л., Полубояринова М.Д., 1974. Археологическое исследование Водянского городища в 1967-1971 гг.// Города Поволжья с средние века. М.
7. Зайковский Б.В., 1908. Городище Бельджамен// Труды Саратовской Учёной архивной комиссии. Вып. XXIV. Саратов.
8. Клещинов В.Н., Гришин И.В., 1995. Реконструкция и классификация штемпелей проволочных копеек совместного правления царей Иоанна и Петра Алексеевичей (1682-1696) // Международный Нумизматический Альманах. Вологда.
9. Кротков А.А., 1913. Клад серебряных джучидских монет с Водянского городища// Труды Саратовской Учёной архивной комиссии. Вып. XXX. Саратов.
10. Кротков А.А., 1930. Два собрания джучидских монет// Труды Нижневолжского Общества Краеведения. Саратов.
11. Лебедев В.П., 1990. Символика и язык монет Крыма золотоордынского периода// Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинёв.
12. Мухамадиев А.Г., 1972. Булгаро-татарская монетная система XIII-XV вв. М.
13. Мухамадиев А.Г., 1974. Раскопки двойного дома на Водянском городище// Города Поволжья в средние века. М.
14. Мыськов Е.П., 1997. Отчет об археологических раскопках на Водянском городище в 1997 г. Волгоград.
15. Пырсов Ю.Е., 1992. Личное письмо от 06.05.92.
16. Пырсов Ю.Е. 1992. Четыре слова на монете// Годы и люди. Вып. 6. Саратов.
17. Пырсов Ю.Е. 1993. Личное письмо от 04.06.93.
18. Ртвеладзе Э.В., 1971. Новые данные о монетном чекане г. Маджар// Материалы к нумизматическому каталогу ГИМ. Ч. 1. Вып. III. М.
19. Савельев В.К., 1884. Описание джучидских медных монет, принесенных в дар Обществу Н.Я. Михайловым, приобретенных в Болгарах// Известия Общества Археологии и Этнографии при Казанском Университете. Т. 3. Казань.
20. Северова М.Б., 1990. Пополнение фонда джучидских монет Эрмитажа (По материалам Старокрымской экспедиции)// СГЭ. Т. LIV.
21. Соколова И.В., 1984. Медные монеты Трапезундской империи из собрания Эрмитажа// НЭ. Т. XIV.
22. Фёдоров-Давыдов Г.А., 1963. Топография отдельных находок джучидских монет// НЭ. Т. IV.

23. Фёдоров-Давыдов Г.А., 1965. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода// НЭ. Т. V.
24. Фёдоров-Давыдов Г.А., 1970. Находки кладов золотоордынских монет// Города Поволжья в средние века. М.
25. Фёдоров-Давыдов Г.А., 1980. Клад серебряных джучидских монет с Селитренного городища// НЭ. Т. XIII.
26. Фёдоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
27. Фёдоров-Давыдов Г.А., 1998. Личное письмо от 11.02.98.
28. Фомичёв Н.М., 1981. Джучидские монеты из Азова// СА. № 1.
29. Фомичёв Н.М., 1987. Новые данные нумизматики о денежном обращении г. Азова в XIII-XV вв.// Тезисы докладов семинара "Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 г." Азов.
30. Янина С.А., 1954. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг.// МИА. Т. 42.
31. Янина С.А., 1958. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953-1954 гг.// МИА. Т. 61.
32. Янина С.А., 1960. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 г.// МИА. Т. 80.
33. Янина С.А., 1961. Общий обзор коллекций джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1954-1958 гг.// МИА. Т. 111.
34. Янина С.А., 1970. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской экспедиции на Царевском городище в 1959-1962 гг.// Поволжье в средние века. М.
35. Янина С.А., 1977. "Новый Город" (Янги-Шехр = Шехр ал-Джедид) - монетный двор Золотой Орды и его местоположение// Труды ГИМ. Вып. 49. Нумизматический сборник. Вып. 1.

Summary

V.B. Klokov, V.P. Lebedev (Volgograd; Dzerzhinsk, region of the Nizhny Novgorod)

Juchi Coins of the Vodianskoie Hillfort

The complex of occasional finds of coins from Vodianskoie hillfort that is the ruins of the large Golden Horde town Beljamen on the Volga river, at the place of its approach with the Don river is described in detail. The complex consists of 51 dirkams and 1311 puls with the dates of coinage from the Hijrah of 710 (1310/1311) up to the Hijrah of 796 (1393/1394). Judging from the number of circulating coins and their types the peak of the town prosperity falls on 40-60-s of the XIVth c. There are illustrations of 69 types of Juchi puls with 2-7 variants are given in the paper, 12 types and 20 variants being published for the first time.

The paper provides evidence that in the 50-s of the XIVth c. there existed a farming mintage of copper coins of the Golden Horde at private mints. The coinage should follow the metropolitan pattern and quality, with the inscription "Sarai al-Jedid" as the place of their emission. There is the evidence that one of such mints was located in Beljamen.

It is for the first time that a great number of imitations of the copper puls of 30-50-s of the XIVth c. was discovered and more than 60 illustrations of the coins are presented in the paper. The method of weight histograms was used for studying the metrology of puls of the 30-60-s of the XIVth c.

W.B., Klokov, W.P., Lebedew (Wolgograd; Dserschinsk, Gebiet Nischnij Nowgorod)

Dschutschidi-Münzen aus der prähistorischen Siedlung Wodjanskoje

In dieser Arbeit ist der Komplex von den einzelnen Münzensammlungen aus der prähistorischen Siedlung Wodjanskoje beschrieben, d. h. aus den Ruinen der großen Stadt der Goldenen Horde Beldschamen, die sich an der Wolga befindet, wo sich die letzere dem Don nähert. Der Komplex besteht aus 51 Dirchemen und 1311 Pulen mit den Prägungsdaten 710 (seit dem Pilgerfahrtjahr), d. h. 1310/1311 bis 796 (seit dem Pilgerfahrtjahr), d. h. bis 1393/1394. Die Blütezeit der Stadt (nach der Münzenanzahl und ihren Typen in diesem Jahr) fällt auf die 40-60er Jahre des 14. Jhs. In der Arbeit gibt es auch Zeichnungen von 69 Typen von Dschutschidi-Pulen mit 2-7 Varianten; 12 Typen und 20 Varianten davon werden zum ersten Mal veröffentlicht.

Es gibt auch Beweise dafür, daß auf den privaten Münzstätten Pachtprägung der kupfernen Münzen nach der hauptstädtischen Art und Qualität und mit Angabe des Prägungsortes "Saraj al-Dschedid" in der Goldenen Horde in den 50er Jahren des 14. Jhs. existierten. Es ist auch hier angegeben, daß sich eine der solchen Münzstätten in Beldschamen befand.

Zum ersten Mal wurde der große Anteil von Nachahmungen den kupfernen Pülen der 30-50er Jahre des 14. Jhs. entdeckt, und sind mehr als 60 Zeichnungen dieser Pülen angegeben. Mit Hilfe der Histogrammmethode wurde die Metrologie von Pülen der 30-60er Jahre des 14. Jhs. erforscht.

V.B. Klovov, V.P. Lebediev (Volgograd; Dzerjinsk de la region Nijniy Novgorod)

Pièces de monnaie djoutchidski du site de Vodianskoê

L'article décrit en détail le complexe des collectes de la monnaie dans le site de Vodianskoê, sur les ruines d'une grande ville de Beldjamen, sur la Volga, sur le lieu du rapprochement de la Volga avec le Don. Le complexe se compose de 51 dirhams et de 1311 pièces de cuivre (pouls) avec les dates de monnayage de l'année 710 de l'Hégire (1310/1311) jusqu'à l'année 796 de l'Hégire (1393/1394). Les années 40-60 du XIV siècle sont considérées comme des années du plus grand épanouissement de la ville du point de vue du nombre et des types de monnaie circulants. Dans ce travail on peut voir des dessins de 69 types de pouls djoutchi avec de 2 à 7 variantes, dont 12 types et 20 variantes sont édités pour la première fois.

L'article présente des arguments sur l'existence dans la Horde d'Or dans les années 50 du XIV siècle du monnayage de ferme dans les Hôtels de monnaie privés des pièces de cuivre imitant celles de la capitale avec l'indication de leur lieu d'émission "Sérail al-Dgedid". L'un de ces hôtels de monnaie se trouvait à Beldjamen.

Les auteurs ont trouvé une grande partie d'imitations aux pouls des années 30-50 du XIV siècle. Les auteurs donnent l'image de plus de 60 représentations. Les auteurs ont étudié la métrologie des pouls des années 30-60 du XIV siècle par la méthode des histogrammes de poids.

**СТАРЫЙ И НОВЫЙ САРАЙ – СТОЛИЦА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
(новый взгляд на известные источники)**

“Замечательно, что все эти НОВЫЕ Сарай, Булгары, и пр. доселе пока значатся лишь на монетах, никаких же других археологических признаков действительного существования дублетных географических пунктов ученым исследователям не удалось в точности констатировать. Оказывается, судьба так была безжалостна, что не пощадила ни одного из вышеисчисленных географических дублетов для избавления ученых от напрасных трудов по отысканию этих дублетов. Нам кажется, что это отыскание есть погоня за призраком, созданным себе самими же учеными”.

В.Д. Смирнов

Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века

В археологической и исторической литературе последнего столетия, посвященной проблемам истории Золотой Орды и государств, соприкасавшихся с ней, указываются обычно две её столицы - Сарай и Новый Сарай. Строятся исторические реконструкции, основанные на уверенности, что это два разных города. Причины, вызвавшие это устоявшееся мнение, таковы: монеты, на которых указаны эти монетные дворы; обозначение на карте Фра Мауро Сарая и Сарая Гранде; указание арабского биографа на смерть хана Узбека в Новом Сарае; замечание Арабшаха о строительстве Сарая за 63 года до его разрушения в 1395 г.; существование двух крупных городищ, Царевского и Селитренного, нуждавшихся в атрибуции. Вся остальная информация представляет собой логические построения исследователей этого вопроса*. На данный момент существование двух Сараев является фактом, принятым большинством историков и археологов.

На наш взгляд, этот вопрос нельзя считать закрытым, т.к. накопленные к сегодняшнему дню материалы позволяют иначе рассматривать те факты, которые были известны Баллоду Ф.В., Якубовскому А.Ю. и другим ученым.

На раскопанных участках** Селитренного городища самые ранние сооружения и строительные периоды датируются первой половиной - серединой XIV века; выделяются и слои времени Токтамышя. Слой, уверенно датируемого XIII веком, мы не знаем. И это не потому, что археологи не могут разделить датирующий материал***, а потому, что на этих участках строительная деятельность развилась только во второй четверти XIV века. Объяснение тому - “вспышка” градостроительства, которая давно констатирована для времени правлений Узбека и Джанибека (1312 - 1357 гг.).

При археологических исследованиях названного памятника основное внимание уделялось раскопкам площадей к северу от села Селитренное. Между тем известна закономерность естественного роста городов и сел, стоящих на реках, развитие которых идет вверх по течению. Значит, самая старая часть остается ниже и, зачастую, превращается в заброшенный пустырь с руинами. В ситуации на Селитренном городище раскопки, материалы из которых доступны для изучения, находятся выше села по Ахтубе. Но из всех описаний современного состояния памятника известно, что некоторая его часть находится под сельскими усадьбами****. Этот район расположен ниже

*Мы не будем углубляться в обширную библиографию проблемы. Последней по времени является книга Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1994), где первая часть второй главы называется “Две столицы Золотой Орды” и посвящена обоснованию указанного мнения с указанием необходимой литературы. См. также (Егоров В.Л., Историческая география Золотой Орды: главы о Селитренном и Царевском городищах).

** По крайней мере на раскопках, материалы которых опубликованы. Об этом подробнее (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 25, 26).

*** На данный момент хорошим датирующим материалом является поливная керамика плюс нумизматические находки – вместе они позволяют провести стратиграфическое деление слоев.

**** Даже сейчас городище продолжает застраиваться, что само по себе вопиюще, т.к. даже около памятников такого значения строительство может производиться только с разрешения местного Отдела охраны памятников. Здесь же строительство ведется на городских кварталах, при этом уничтожается культурный слой и расхищаются находки.

по течению к югу и является, вероятно, более старой частью городища. Около села, в обрыве размывающегося паводками берега, до сих пор видны многочисленные строительные остатки богатого, очень крупного сооружения (плинфы, фрагменты мозаик, мелкие находки) в вырытом котловане. В “археологическом фольклоре” они называются “остатками дворца”, что, наверное, может оказаться истиной (не уточняя, что это за дворец).

Г.А. Федоров-Давыдов пишет, что “город возник на “пустом”, свободном месте” (Федоров-Давыдов Г.А., 1994), при этом все раскопы дают дату 1350 г. плюс/минус 20 лет.

Здесь мы на время оставим небольшой археологический экскурс без выводов и обратимся к письменным источникам.

Арабский писатель Эломари (ал-Омари), рассказывая о делах в Улусе Джучиевом, приводит два описания города Сарая: “*Столица тамошнего царя - Сарай. Это небольшой город между песками и рекой. Пребывающий там теперь султан его, Узбек, построил в нем медресе для науки ...*”. Второе описание было неоднократно цитировано, поэтому мы приведем только часть его, важную для данного вопроса: “*Он, т.е. Сарай, город великий, заключающий в себе рынки, бани и заведения благочестия (?); места, куда направляются товары. ... Дворец (с золотым новолунием наверху - Е.Г.) окружают стены, башины да дома, в которых живут эмиры его*” (Тизенгаузен В.Г., 1883, с. 229, 241). Чем объяснить такую разницу в одном и том же сочинении? Автор, находясь долгое время на должности секретаря при египетском султানে, собирал сведения о различных странах у лиц, посещавших их, - они указаны в разделах сочинения ал-Омари. Первый информатор побывал в Ак-Орде и Сарае в первые годы ханствования Узбека. Второй, исходя из замечания о наследнике престола, в конце этого правления. Подготавливая окончательную редакцию своего сочинения секретарь султана, последовательно, без критического осмысления переписал эти и другие свидетельства*. А между этими посещениями Дешт-и Кыпчака произошло следующее.

Возможно, что изначальный Сарай действительно занимал небольшую площадь. Пребывание ханом большей части времени в ставке (Орде), следование с ним всей администрации не могло способствовать сильному росту города. До Узбека Сарай был скорее главным торговым центром страны и ремесленной факторией, чем

политическим центром. Выраженный монгольский кочевой менталитет, следование Яссе и отсутствие необходимости в некоторых постройках (появившейся позже) - все это делало Сарай похожим на Каракорум из описания Рубрука**.

Для успешного распространения ислама (что стало важнейшим деянием Узбека) нужно было строить мечети и другие “места благочестия”; требовались и бани - важный элемент мусульманской культуры. Вхождение Улуса Джучиева в систему государств, поклоняющихся Аллаху и пророку Его, привлекло купцов из стран ислама. Усилились экономические связи с мамлюкским Египтом - сильнейшим мусульманским государством того времени и другими странами Ближнего и Среднего Востока. Успешный товарооборот нуждался в новых рынках, караван-сараях и “местах, куда направляются товары”. Рост благосостояния и возрастающие потребности в производственной силе всегда приводят к росту населения, это явление не обошло и Сарай. Увеличивается площадь жилых районов. Чтобы превратить город в столицу крупного мусульманского государства, придать ему надлежащий вид и статус, Узбеку действительно пришлось построить новый город, который и получил официальное название Сарай ал-Джедид. Вот эти причины, как нам кажется, объясняют различные характеристики столицы Ак-Орды в хронике ал-Омари.

То, что источники XIV века и последующего времени совершенно умалчивают о существовании двух городов с одним названием и о переносе столицы, свидетельствует, что территориально пункт, где бывали арабские и русские очевидцы, не переместился. Просто привычный для них город разросся, что для политических контактов (а они были главной целью посещений) особого значения не имело и в известных нам письменных памятниках не отразилось. И нет поводов утверждать, что под каждым упоминанием “Сарая” имеется ввиду город. Общеизвестно, что это тюркское слово переводится как “дворец”, может быть в некоторых источниках речь идет именно о нем? Существование нескольких дворцов в разных городах Улуса Джучиева, - факт, уже отмечавшийся учеными.

Дата постройки Сарая - 1332 г., которая высчитывается из сообщения Арабшаха, согласуется с датировкой раскопанных участков Селитренного городища. Из

*Такой подход был общим приемом средневековой мусульманской историографии.

** Поскольку сейчас имеется несколько изданий этого путешествия, мы приведем это описание без ссылки на какое-либо конкретное издание. “*О городе Каракоруме, ..., за исключением дворца от уступающей долине пригороду Св. Дионисия, а монастырь Св. Дионисия стоит вдесятеро больше, чем этот дворец. Там имеется два квартала, - один сарацинов, другой - в котором базар. Многие купцы стекаются туда из-за Двора, который постоянно находится вблизи него и из-за обилия покров. Другой квартал купцов, которые все ремесленники. Вне этих кварталов находятся большие дворцы, принадлежащие придворным секретарям. Там находятся двенадцать кумирен различных народов; две мечети, в которых провозглашается закон магометов и одна христианская церковь на краю города. Город окружен глиняной стеной и имеет четверо ворот*”, - срав. со вторым описанием Сарая у ал-Омари.

предыдущего текста Арабшаха видно, что речь идет об одном городе, и нет оснований относить его к разным. Беглый анализ сообщений ал-Омари в контексте развития мусульманского города, вообще, позволяет сделать вывод о причинах роста города Сарая в эпоху правления хана Узбека (1312-1341 гг.). С ним согласуется и дата Арабшаха и археологическая дата Селитренного городища. Исходя из этого, можно считать сообщения этих источников, относящимися к одному городу - Сарая, располагавшемуся на месте упомянутого городища. Остается добавить, что все археологи, работавшие на нем, исследовали остатки районов, строившихся с 30-х гг. XIV в.

Но, с другой стороны, во время правления Токтамыша и в начале XV века дирхемы выпускались в Сарае и Сарае ал-Джедид, что казалось бы, свидетельствует о двух городах с таким названием. На самом деле, мы не знаем организацию монетной чеканки в Улусе Джучиевом; принципы распределения монетной регалии по городам; причины присвоения им титулов и пр.

При Джанибеке дирхемы выпускались на трех дворах: Сарае ал-Джедиде, Хорезме и Гюлистане. Только в одном, 749 г.Х. (1348/1349 гг.), чеканит серебро Сарай ал-Махруса. Местонахождение Гюлистана подробно здесь рассматриваться не будет*; Хорезм сомнений не вызывает. Неясным остается только расположение первого двора. При Токтамыше на большинстве монет перед названием стоит арабское слово "БЕЛЕД", что в этот период обозначает, преимущественно, "СТРАНА, ТЕРРИТОРИЯ, ОБЛАСТЬ, ГОРОД**". Мы читаем*** "белед Азак", "белед Сарай", "белед Хаджи-Тархан", "белед Сарай ал-Джедид". Последняя форма встречена на одном, очень редком, выпуске 791 г.Х. (1388/1389 гг.). Только однажды, на дирхеме 775 г.Х. (1373/1374 гг.), встречен

"белед Орду"****. Обычно слово "белед" переводят как "город"+. Но Орда не была городом по своей сути. Почему же, имея "белед Сарай", мы не имеем "белед Сарай ал-Джедид"++, когда даже Гюлистан (Розовый сад - перс.), начавший чеканку дирхемов при Джанибеке в 752 г.Х. (1351/1352 гг.), называется "белед Гюлистан"? Ответ напрашивается сам собой - Сарай ал-Джедид не был "беледом", в смысле особым городом.

Все города, где чеканилась серебряная монета, были центрами провинций. Может быть, вообще, в Ак-Орде, как и в других мусульманских государствах, чеканка обычно велась от имени региона, где в виде налогов и других поступлений было собрано серебро, из которого и чеканена монета? Мы считаем, что указанные в предыдущем абзаце "беледы ...", могут толковаться как "Чекан округа Азака, Гюлистана, Орды, Сарая ...". Тогда Сарай ал-Джедид может быть новоотстроенным районной столицы. Сосуществование в пределах одной области двух монетных дворов - явление не единичное. Известен выпуск двойных дирхемов Ширвана, времени краткого правления Бердибека, и Ширванбазара того же года и имени, и нет оснований предполагать наличие второго Ширвана (кстати, тоже области). В середине XIII века выпускались дирхемы с указанием "белед Бинкет", столицей этой области был Шаш (Давидович Е.А., 1972, с. 167), но были монеты, выпущенные в самом Шаше. При переводе слова "белед" термином, обозначающим какое-либо административное деление, оно не будет соответствовать сущности Сарая ал-Джедиды и поэтому к нему не применялось. Если это арабское слово переводить по-прежнему как "город"+++, то становится не ясно, почему Сарай ал-Джедид (если это отдельный город) не назывался им так же регулярно, как другие города.

* Этому вопросу посвящена вышедшая недавно работа И.В.Евстратова (Евстратов И.В., 1997, с. 88).

** Об изменении смысловой нагрузки слова краткую информацию см.: Очерки истории..., 1982, с. 94-95.

*** Не рассматриваются закавказские дворы, которые чеканили по местным традициям, независимо от порядка оформления монет центральных провинций. Также не рассматриваются "белед Крым" и "белед балдат, мадинат Хорезм". Эти области имели особую специфику в управлении и в организации территории вокруг их административных центров - Солхата и Ургенча. Кроме этого, в течение XIV в. там происходит замещение имени города названием "страны".

**** В процессе длительного пребывания Орды-ставки на одном месте, она обрастала ремесленной и торговой периферией с выразительными чертами оседлого поселения (Григорьев А.П., 1990, с. 154), которое в определенной ситуации могло стать центром административного подразделения. Пример - пос. Орда, в Уральской обл. Респ. Казахстан, поздняя "столица" Младшего Жуза.

+ Вообще этим понятием переводится слово "балдат", однокоренное с рассматриваемым, но имеющим другой смысловой оттенок. Пример тому см.: Тизенгаузен В.Г., 1983, с. 445, верхний абзац.

++ Мы рассматриваем совокупно все явление, без наблюдения за единичными фактами, типа выпусков 749 и 791 г.Х., не меняющими общей картины.

+++ Понятие "город" на джучидских монетах обозначалось арабским словом "мединет" в Хорезме в 770-е гг.Х. или персидским "шехр" - Шехр ал-Джедид (Янги шехр) при Абдаллахе и "шехр Азак" при Шадбеке, что служило для выделения городского выпуска и лишний раз подтверждает выдвинутое здесь предположение относительно термина "белед".

Последним “опорным столпом” версии о “двух столицах Золотой Орды” является карта Фра Мауро. Она уже была объектом исследования на предмет золотоордынской географии и топонимии (Варваровский Ю.Е., Евстратов И.В., 1998, с. 177)*. На карте нанесены: Saray Grando, l ordo de Saray, Saray, f. Cara Saray. Последнее название - это река, его мы не рассматриваем. Первое название - нанесено крупными буквами, обведенными контурной линией; так же написаны Asia, Lituana (Литва), Organca (Ургенч), Parthia (Парфия), Rossia, Sithia (Скифия), Tataria и др. То есть этот шрифт применялся для обозначения территорий, имевших географо-административный характер. Второй топоним написан среднего размера затушеванными буквами. Подобным образом прописаны Edil, l ordo de Cagatai, l ordo de Organca, Ruenia, Rossia rossa, Rossia negra, Siroan (Ширван), Tataria (повторно, но на др. стороне р. Танаиса, между ним и Сев. Кавказом) и пр. Этот шрифт обозначал административные районы (провинции), например Rossia разделена на Rossia rossa и Rossia negra, a l ordo de Organca находится в составе Organca (Ургенча), так же как l ordo de Saray, Edil и, вероятно, вторая Tataria в составе Saray Grando. Самыми мелкими буквами другого шрифта обозначены конкретные объекты - города, реки, нарисованные предметы и постройки. Так подписаны Астрахань, Тана, Рига и др. Так же обозначен и Saray, т.е. как город. Больше никакого Сарая, написанного именно так, как на этой карте написаны города, нет. Существование второго Сарая, нового, было бы отмечено, как отмечено существование Organca nuova (Нового Ургенча) около юго-восточной оконечности Каспийского моря**. На наш взгляд, данные Карты Фра Мауро подтверждают, что Сарай был один и находился в одноименном округе.

Таким образом, существование двух различных Сараев, как столиц Золотой Орды, не подтверждается теми источниками, которые привлекались для обоснования этого вывода. Административным и торговым центром Улуса Джучиева являлась конурбация Сарай-Сарай ал-Джедид, административный центр

округа Сарай, находившаяся вблизи от современного села Селитренное Астраханской обл.

Единственным письменным упоминанием о Сарае ал-Джедид является замечание ал-Асади о смерти в Новом Сарае хана Узбека (Тизенгаузен В.Г., 1883, с. 447, 445 – араб.). Место его погребения до сих пор считалось неизвестным. Тем не менее, мы попробуем обосновать его локализацию.

Около аула Лапас, в Астраханской обл., известен грандиозный погребальный комплекс ордынского времени. Описание его в книге В.Л. Егорова (Егоров В.Л., 1983, с. 117) насчитывает 4 погребальных сооружения, но в результате разведок 1996 г. было выявлено не менее 16 погребальных сооружений. 4 из них (наиболее значительные)*** выглядят как земляные платформы с остатками мавзолеев. А самое крупное из них - двухступенчатая платформа, на которой самые мощные руины и россыпи обычного (забутовочного) и облицовочного кирпича, цветных плинф, фрагментов мозаик. У местного ногайского населения этот курган называется «Девлет-хан». На берегу протока Ахтубы - Большого Ашулука - находится городище. Подъемный материал и остатки сооружений, без сомнения, свидетельствуют о том, что здесь жили и работали строители вышеупомянутых четырех мавзолеев****. Обработанный нами нумизматический материал⁺, собранный на лапасском городище и на курганах, включает 189 медных и 3 серебряные монеты.

Серебряные:

1. Мохши, 712 г.Х.	- 1 экз.
2. Сарай, 717 г.Х.	- 1
3. Сарай, 720-е гг.Х.	- 1

Мелные:

1. Сарай, 6/г (барс) ⁺⁺	- 2
2. Сарай, 721г.Х. (звезда)	- 14
3. Сарай, 726 г.Х. (сокол)	- 14
4. Сарай, 731 г.Х. (16 - даник)	- 54
5. Сарай ал-Махрусса, 731 г.Х.	- 7

* Наша трактовка карты совпадает с трактовкой в статье Ю.Е.Варваровского и И.В.Евстратова; но мы обработали эту карту и пришли к таким же выводам до выхода их статьи и изменять свой текст не считаем необходимым. Благодарим В.Рудакова и И.В.Евстратова за предоставленные копия Карты и перевод пояснений.

** По-видимому, речь идет о городе, отстроенном Тимуром в 1391 г., вскоре после разрушения Ургенча в 1388 г. Новый Ургенч находился действительно в стороне от руин, но, конечно же, не настолько, как предлагает карта Фра Мауро.

*** Остальные сооружения – довольно крупные земляные платформы, вероятно, без строительных остатков. По-видимому, сооружались позднее.

**** План могильника и материалы разведок частично находятся в отчетах ПАО за 1996 г. А топографический план городища и прочие материалы готовятся к публикации астраханскими археологами Е.М.Шаревым и А.Ю.Суминым.

⁺ Монеты, собранные экспедицией, переданы в Астраханский краеведческий музей-заповедник. Благодарим И.В.Евстратова из Волгограда, предоставившего для изучения имеющиеся у него монеты с лапасского комплекса.

⁺⁺ С.А.Яшиной этот тип отнесен ко времени правления Токтамыша (Яшина С.А., 1958). По нашим данным, он выпускался в первой трети XIV в., поэтому и помещен здесь среди монет Узбека.

6. Сарай, 730-е гг.Х. (барс с солнцем)	-	36
7. Азак, 730-е гг. Х. (барс с солнцем)	-	1
8. Сарай ал-Джедид, 740-е гг.Х. (2-х главый орел)	-	13
9. Сарай ал-Джедид, 750-? гг.Х. (цветок)	-	3
10. Периода смуты, анэпиграфная	-	1
11. Не определенные*	-	56

Данная статистика свидетельствует, что лапское городище существовало в период, когда в денежном обращении преобладали пулы Узбека, а монеты времени Джанибека только внедрялись в рынок, (т.е. на рубеже этих правлений). Этими деньгами пользовались кера-

мисты, строители и прочие мастера, работавшие над возведением монументальных погребальных сооружений. Мы предполагаем, что в мавзолеях были погребены чингизиды-мусульмане Узбек, Тинибек, Хызрбек и некто четвертый, о смерти которого умалчивают известные нам источники. Самый крупный мавзолей (имеющий, исходя из формы насыпи, пристроенную мечеть или завие) принадлежит Узбеку - хану, обратившему население Золотой Орды в ислам, поднявшем ее на высший международный уровень. Никакого другого лица, достойного таких затрат на сооружение последнего пристанища и умершего на рубеже 30-40 гг. XIV в., мы не знаем. Если наша версия верна, то расположение лапского комплекса в округе** (ок. 40 км.) Селитренного городища, а не Царевского, подтверждает предположение, что именно оно является остатками Сарая (ал-Джедид).

Литература и архивные материалы

1. Варваровский Ю.Е., Евстратов И.В., 1998. О тождественности передачи Ф.Ф. Чекалиным карты Фра Мауро 1459 г.// Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. Волгоград.
2. Григорьев А.П., 1990. Золотоордынский город Орда// Востоковедение. Л.
3. Давидович Е.А., 1972. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в. М.
4. Евстратов И.В., 1997. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья)// Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
5. Егоров В.Л., 1983. Историческая география Золотой Орды. М.
6. Очерки истории арабской культуры V-XV вв., 1982. М.
7. Тизенгаузен В.Г., 1883. Сборник сведений, относящихся к Золотой Орде. СПб.
8. Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
9. Янина С.А., 1958. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1953-54 гг.// МИА. Т. 42.

Summary

Ye.Yu. Goncharov (Moscow)

The Old and the New Saray – the Capital of the Golden Horde (New Approach to Old Sources)

The present article deals with the reconsideration of the prevailing opinion in the historiography on the existence of two capitals in the Golden Horde – Saray and Saray al-Jedid. Analyzing the written sources available and archaeological data, the author comes to the conclusion that the excavated sites of Silitrennoye settlement are the remains of New Saray which was built in the 30-s of the XIVth c.; as for Saray of the previous period, it has not been found so far. Using the numismatic material the author

* Несмотря на такое большое количество подобных монет, общее соотношение мало изменится, т.к., судя по фактуре, большинство экземпляров являются пулами времени Узбека.

** В работе В.Л.Егорова (Егоров В.Л., 1983, с. 117) отмечено, что, вероятно, лапский погребальный комплекс изображен на Карте Фра Мауро, подписанный “субургам”, т.е. “могилы”. Изображен он ниже, южнее населенного пункта Сарай и в удалении от берега реки.

suggests translating the legend “mint beled Saray” not as “mint of Saray”, but as “mint of Saray region”. Herewith it becomes clear why New Saray was not called “beled” on the coins; for the notion “town” the words “baldat, medinet, shehr” were used. It is notable that on Fra Mauro’s map only one Saray town and the region with the same name are indicated.

Je.Ju., Gontscharow (Moskau)

**Das Alte und das Neue Saraj – die Hauptstadt der Goldenen Horde
(Eine neue Ansicht auf bekannte Quellen)**

Im Bericht wird die in der Geschichtsschreibung anerkannte Meinung über die Existierung zweier Hauptstädte nämlich Saraj und Saraj al-Dschedid in der Goldenen Horde angezweifelt. Nach der Analyse der bekannten schriftlichen Zeugnisse und archäologischen Angaben behauptet der Autor, daß ausgegrabene Teile der vorgeschichtlichen Siedlungen Selitrenn, die Teile des in den 30. Jahren des 14. Jhs. gebauten Neuen Sarajs sind, Saraj der vorhergehenden Periode aber bis heute nicht gefunden ist. Unter Benutzung der Resultate der Forschungen des numismatischen Materials schlägt der Autor eine andere Variante der Übersetzung des Sagentitels “Der Stemmeißel beled Saraj” und zwar nicht “Der Stemmeißel der Stadt Saraj”, sondern “Der Stemmeißel des Bezirks (des Gebietes) Saraj” vor. Auf solche Weise wird es klar, warum Neues Saraj auf den Münzen nicht “beled” genannt wird. Für die Bezeichnung des Wortes “die Stadt” wurden die Wörter “baldat, medinet, schechr” benutzt. Auf der Karte von Fra Mauro sind auch eine Stadt Saraj und die gleichnamige Region angegeben.

E.Û. Gontcharov (Moscou)

**Ancien et nouveau Sérail, capitale de la Horde d’Or
(révision des sources connues)**

Dans cet article on regarde sous un nouveau aspect le problème d’existence de deux capitales dans la Horde d’Or: Sérail et Sérail al-Dgedid. En analysant les témoignages connus et les données de l’archéologie, l’auteur prouve que les fouilles dans le site de Selitrennoïé sont les restes de nouveau Sérail, construit dans les années 30 du XIV siècle. Sérail de l’époque précédente n’est pas encore découvert. En s’appuyant sur le matériel numismatique, l’auteur propose de traduire la légende “mint beléd Sérail” non pas comme “mint de la ville Sérail”, mais comme “mint de la région de Sérail”. Cette traduction permet de définir pourquoi le nouveau Sérail ne s’appelle pas “béléd” sur la monnaie. Pour la désignation du mot “ville” on utilisait les mots “baldat, médinette, chechr”. Sur la carte Fra Maourot sont aussi indiquées la ville et la région de Sérail.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДНЫХ ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ С ПОСЕЛЕНИЯ КОШЕШТЫ (БЕССАРАБИЯ)

В 1978-1979 гг. экспедиция АН МССР проводила археологические исследования на золотоордынском поселении возле села Кошешты Кутузовского района Молдавии (в настоящее время Яловенский район). Данный памятник располагается на территории центральной Бессарабии на границе двух природных зон: Северо-причерноморских степей и Кодр (Молдавской лесной возвышенности). В ходе работ была собрана коллекция монет, которая в настоящее время хранится в Музее Института археологии и древней истории АН РМ. В настоящей статье рассматриваются медные золотоордынские монеты из указанной коллекции.*

Наиболее полный обзор монетных находок с городища Кошешты был сделан Л.Л. Полевым в 1969 г. (Полевой Л.Л., 1969, с. 146-161). В своей обобщающей работе 1979 г. по исторической географии Молдавии Л.Л. Полевой суммарно учел часть рассматриваемой коллекции (находки 1978 г.) (Полевой Л.Л., 1979, табл.13). Однако их подробный анализ, а также находок 1979 г. так и не был сделан. Скучная историография и возросший в последнее время интерес к нумизматическим материалам XIV в. из Бессарабии делают достаточно актуальной публикацию монет из Кошешт.

Всего в рассматриваемой коллекции представлено 35 медных монет (пулов), разделенных для удобства при их анализе на 5 групп. Несмотря на относительно малое количество монет, они достаточно разнообразны и своеобразны. Это позволяет сделать некоторые интересные наблюдения над монетным обращением золотоордынского городища Кошешты и Бессарабии в целом. Рассмотрим монеты по группам.

Первую и вторую группу составляют пулы общегосударственной чеканки Золотой Орды. В первую входит 1 монета с изображением двуглавого орла, выпущенная в ранний период правления Джанибека. Вторую группу составляют 23 пула с цветком. Датироваться они могут 50-60 гг. XIV века (Янина С.А., 1970, N 31, 45). Однако, в нашем случае, обращает на себя внимание тот факт, что все более точно определяемые экземпляры относятся к чеканке 50-х годов XIV века (не менее 11 монет из 23). В связи с этим, представляется маловероятной более поздняя датировка тех монет этой группы, на которых год чеканки не сохранился. Можно предположить, что подавляющее большинство пулов с цветком в рассматриваемой коллекции относится к 752-753 гг. X. Это предположение согласуется с имеющимся в литературе мнением о датировке большинства монет Джанибека, обнаруженных на территории Бессарабии, началом 50-х гг. XIV в. и о массовом их притоке сюда в данный период (Абызова

Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1981, с. 81, 83, 84; Нудельман А.А., 1985, с. 108; Руссев Н.Д., 1990, с. 124).

Все монеты второй группы, на которых сохранилась надпись с определением места чеканки, относятся к эмиссиям Сарая ал-Джедиды. При этом наличие более раннего пула с двуглавым орлом и значительная изношенность части пулов с цветком свидетельствуют о том, что данные монеты находились в обращении весьма значительное время после их выпуска и прихода в Бессарабию.

К монетам третьей группы относится единственный экземпляр, который представляет из себя подражание пулам с цветком. О подражательном характере этой монеты свидетельствуют как надписи на ней, выполненные тонкими и неразборчивыми линиями, так и относительно низкий вес монеты (1,07 г). Место чеканки данного экземпляра, по нашему мнению, должно было находиться где-то на территории Бессарабии. Если исходить из массового и кратковременного притока пулов с цветком в регион непосредственно сразу после их чеканки в городах Поволжья, то у фальшивомонетчиков на востоке просто не было промежутков времени для выпуска копий с новых монет. В этом случае необходимо датировать рассматриваемый экземпляр периодом после поступления пулов с цветком в города Бессарабии в начале 50-х гг. XIV века и, вероятно, до начала местной монетной чеканки в 60-х гг. Появление подобных подражаний можно связать с сокращением (а, возможно, и полным прекращением) притока золотоордынских монет общегосударственного чекана во второй половине 50-х гг. XIV в. в города Бессарабии (Нудельман А.А., 1985, с. 108). В более позднее время не имело смысла выпускать подражания пулам с цветком, так как на смену им (или в дополнение) приходят другие эмиссии медных монет.

Интересно, кто изготовлял подобные подражания? Возможно, это были фальшивомонетчики, но нельзя исключать и инициативу местных властей, которые могли пойти на крайние меры в условиях монетного голода, связанного с относительной удаленностью от центров чеканки.

Находка подражания пулу с цветком дает возможность по-новому взглянуть на процессы, происходившие в денежном обращении региона в 50-60-х гг. XIV в. Можно предположить, что с 50-х гг. XIV в. население золотоордынских городов Бессарабии испытывало потребность в мелкой медной монете и пыталось ликвидировать ее дефицит (хотя, возможно, и нелегальным путем). Вопрос о том, кто конкретно чеканил данные

* Определение и взвешивание монет проведено авторами.

пулы, остается, по нашему мнению, спорным и открытым.

Монеты подобного типа отмечены С.А.Яниной еще в 1977 г. Она упоминает “наличие в этой группе значительного числа монет подражательного характера”, однако не уделяет им особого внимания (Янина С.А., 1977, с. 208). В более поздних работах ситуация достаточно противоречивая. В специальной монографии по истории, археологии и нумизматике городища Старый Орхей отмечено “появление ряда локальных имитаций медным столичным эмиссиям” и монетам “Нового города”, но при этом в общем списке монетных находок подобные подражания отсутствуют (Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1981, с. 81-85). В обобщающей работе о монетном обращении Днестровско-Прутского междуречья в древности и средние века – та же проблема: бегло упомянуты “локальные имитации медных столичных эмиссий”, но нет ни подробного анализа этих монет, ни статистики их находок (Нудельман А.А., 1985, с. 108). В ряде последних обобщающих работ по истории Днестровско-Прутского междуречья в золотоордынский период данная группа монет вообще не рассматривается (Полевой Л.Л., 1988, с. 7-19; Руссев Н.Д., 1990, с. 119; Руссев Н.Д., 1991, с. 41-46, 60).

Необходимо особо подчеркнуть, что, хотя в рассматриваемой коллекции, данная группа представлена только одним экземпляром, эта находка не является уникальной для территории Бессарабии. Подобные монеты известны как по научным публикациям, так и в музейных собраниях. В частности, по нашим данным, они имеются в коллекции из Старого Орхей, которая хранится в Музее Института археологии и древней истории АН РМ.*

Четвертая группа монет представлена также одним экземпляром, отчеканенным монетным двором Шехр ал-Джедид. Подробный анализ этой группы монет сделан в свое время С.А. Яниной (Янина С.А., 1977, с. 193-210). Она утверждает, что золотоордынский город Шехр ал-Джедид находился на месте городища Старый Орхей в Бессарабии. Этой точки зрения придерживается целый ряд других исследователей (Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1981, с. 84-88; Бырня П.П., 1984, с. 33; Нудельман А.А., 1985, с. 110; Руссев Н.Д., 1990, с. 121). Другое мнение высказано В.Л.Егоровым, который связывает название Шехр ал-Джедид с Кучугурским городищем на левом берегу Днепра (Егоров В.Л., 1985, с. 84-85). При этом, если С.А. Янина, прежде всего, опирается на данные монетных находок, то В.Л.Егоров уделяет основное внимание письменным источникам и общесторической ситуации. С точки зрения нумизматики и археологии более предпочтительной кажется точка зрения С.А. Яниной. Однако окончательно этот спор может быть решен только после публикации достаточно многочисленной коллекции монет с Кучугурского городища или

обнаружения надписей с названием города “Шехр ал-Джедид”.

В полемике с С.А.Яниной В.Л. Егоровым был упущен один важный момент, а именно то, что медные монеты Шехр ал-Джедид известны в Бессарабии не только на одном городище Старый Орхей. Они встречаются еще и в Костештах, и Белгород-Днестровске (Аккерман). В связи с этим, логично поставить вопрос о том, на каком из золотоордынских городищ Бессарабии находился город Шехр ал-Джедид?

Хронология чеканки медных монет Шехр ал-Джедид (в том числе и нашего экземпляра) может быть установлена только по косвенным данным, поскольку эти монеты не имеют дат чеканки. Логично предположить, что они выпускались примерно в одних временных рамках с серебряными дирхемами этого города. Первоначально дирхемеры Шехр ал-Джедид датировались 765-769 г.Х. (=1364/1365-1367/1368 гг.) (Янина С.А., 1977, с. 195-199). В настоящее время известны дирхемеры 770 г.Х. (материалы Музея села Сесены). Таким образом, можно предположить, что пулы Шехр ал-Джедид относятся ко второй половине 60-х гг. XIV в.

Пятая группа пулов из Костешт представляет, пожалуй, самую загадочную категорию джучидских монет с территории Бессарабии. Уже само название – “монеты типа Костешты-Гырля I-II” – отражает предварительный характер подобной типологии. Прочтение надписей на них и определение значений знаков, встречающихся на некоторых экземплярах, пока еще спорно.

Впервые на эти монеты обращено внимание Л.Л. Полевым в статье о нумизматических материалах, обнаруженных на поселении Костешты-Гырля в 1946-1959 гг. (Полевой Л.Л., 1969, с. 146-148). Ему же принадлежит и деление этих пулов на два взаимосвязанных типа. На монетах первого типа с одной стороны имеется тамгообразный знак и какое-то арабское слово. По мнению Л.Л. Полевого, возможно, это еще один значок, напоминающий букву “Э”. Этот тамгообразный знак имеет форму арки или дуги с выступами: одним крупным над ее центром и двумя маленькими на боковых сторонах. Аналогии этому знаку на других монетах Золотой Орды нам не известны. На другой стороне монеты расположена нечитаемая арабская надпись. На монетах второй группы грубые надписи имеются на обеих сторонах. Объединяет оба этих типа пулов характер надписей на них. Они грубые и фактически нечитаемые, сильно отличающиеся от известных на сегодняшний день золотоордынских пулов, обнаруженных в Бессарабии. Специфична и техника монетной чеканки. Так, многие из них отчеканены на монетных кружках, вырезанных из медных листов (Полевой Л.Л., 1969, с. 147-148).

В последующих публикациях мнения об этих монетах весьма противоречивы. В статье С.А. Яниной, посвященной монетной чеканке в Шехр ал-Джедиде,

* Пользуясь случаем, приносим глубокую благодарность П.П.Бырне за возможность ознакомиться с нумизматическими материалами этого городища.

этот тип пулов вовсе не упоминается (Янина С.А., 1977, с. 193-213). В работах Л.Л. Полевого эти монеты преимущественно проходят под обтекаемым названием “местный чекан XIV в.” (Полевой Л.Л., 1979, табл. 13) или вообще не упоминаются среди монет “местного чекана” (Полевой Л.Л., 1988, с. 14).

А.А.Нудельман в статье, посвященной нумизматическим материалам из археологических раскопок 1972-1973 гг., сообщает о находке 5 монет типа “Костешты-Гырля I-II” в Старом Орхее (Нудельман А.А., 1974, с. 197). Однако в обобщающей монографии по Старому Орхею в общей сводке нумизматических материалов эти монеты вообще не упоминаются (Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1981, с. 82). Можно предположить, что монеты типа “Костешты-Гырля I-II” отнесены к пулам Шехр ал-Джедида (всего 252 экземпляра).

В другой обобщающей монографии, посвященной монетному обращению в Днестровско-Прутском регионе, А.А. Нудельман, ссылаясь на мнение С.А. Яниной, сообщает о том, “что так называемые типы локального чекана “Костешты I” и “Костешты II” (Нудельман А.А., 1974, с. 197; Полевой Л.Л., 1979, с. 68) являются различными вариантами и разновидностями подражаний монетам “Нового города” – Шехр ал-Джедида” (Нудельман А.А., 1985, с. 98).

На наш взгляд, гипотеза А.А. Нудельмана сомнительна и вот почему. Во-первых, в работе Л.Л. Полевого на странице 68 не используются термины “Костешты I” или “Костешты II”, а упоминаются только “медные джучидские монеты, которые, судя по всему, чеканились в 50-60-х гг. в Костештах и Старом Орхее” (Полевой Л.Л., 1979, с. 68). Во-вторых, в статье С.А. Яниной, как уже было указано ранее, монеты “Костешты-Гырля I-II”

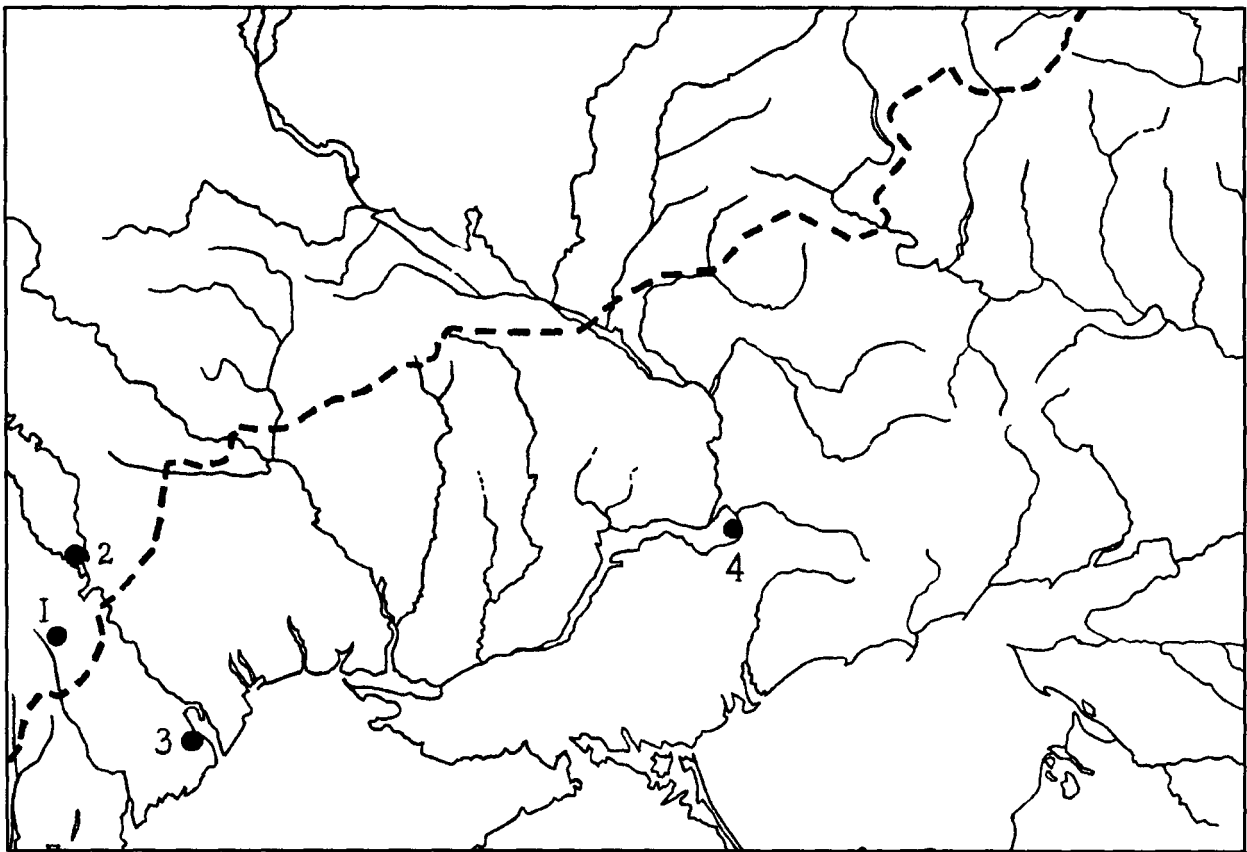

Рис. 1. Золотоордынские городища, упомянутые в статье: 1 – Костешты; 2 – Старый Орхей; 3 – Белгород-Днестровский; 4 – Кучугурское городище.

Fig. 1. The Golden Horde hillforts, mentioned in the paper: 1 – Kostashty; 2 – Stary Orchei; 3 – Belgorod-Dniestrovski; 4 – Kutchugury hillfort.

Abb. 1. Vorgeschichtliche Siedlungen der Goldenen Horde, die im Artikel erwähnt sind. Anlage: 1 – Kostashty; 2 – Staryj Orchej; 3 – Belgorod-Dniestrowskiy; 4 – Prähistorische Siedlung Kutschugurskoje.

Dessin 1. Sites de la Horde d’Or mentionnés dans l’article: 1 – Kostashty; 2 – Stary Orkhei; 3 – Belgorod-Dniestrovski; 4 – site Koutchougour

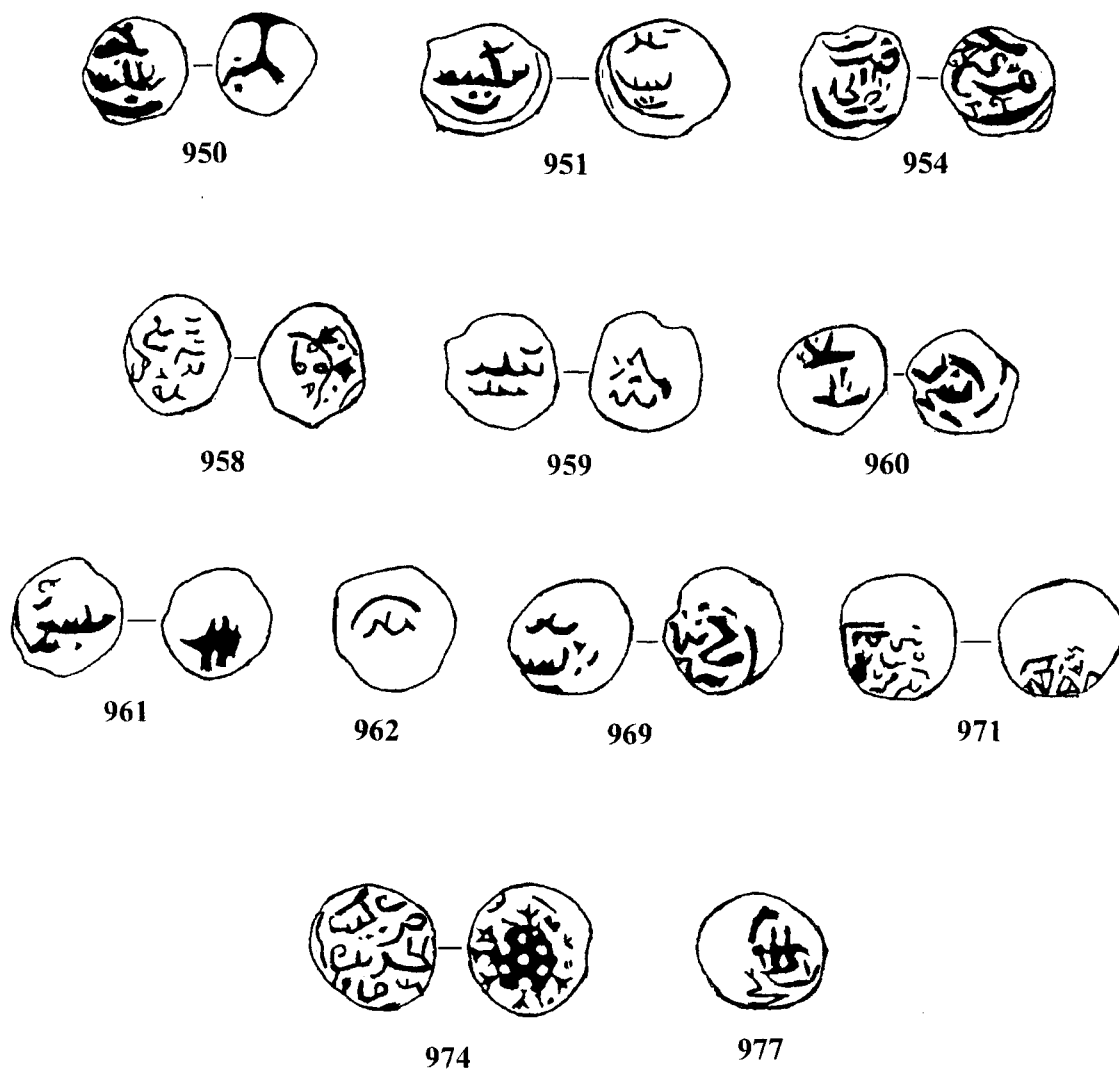

Рис. 2. Медные монеты из раскопок поселения Костешты в 1978-1979 гг. (№№ соответствуют №№ в приложении).

Fig. 2. Copper coins from the excavations of the Kosteshty settlement in 1978-1979 (numbers correspond to those in the appendix).

Abb. 2. Kupferne Münzen aus den Ausgrabungen der Siedlung Kosteshty 1978-1979 (Die Nummern entsprechen den Nummern in der Anlage).

Dessin 2. Pièces de monnaie de cuivre de la colonie de Kostechty des fouilles des années 1978-1979 (№№ correspondent aux №№ dans l'appendice)

просто не упоминаются. В данной работе содержатся критические высказывания о некоторых выводах Л.Л. Полевого, но совершенно по другому поводу, то есть о датировке пулов с цветком (Янина С.А., 1977, с. 207, 212). В-третьих, С.А. Янина приводит 4 типа монет, которые она относит к подражаниям пулам Шехр ал-Джедида, однако, судя по прорисовкам и фотографиям, они существенно отличаются от монет типа “Костешты-Гырля I-II”. Речь идет о типах N 25, VIII, 3; N 26, VIII, 4; N 27, VIII, 5; N 28, VIII, 6 (фототаблица 15-16: N 25, 26, 27, 28) (Янина С.А., 1977, с. 206). Кроме того, необходимо отметить, что на монетах Шехр ал-Джедида нет тамгообразных знаков, а монетные кружки были изготовлены по стандартной золотоордынской технологии и в этом отношении мало отличаются от других джучидских пулов, в частности от пулов с цветком (“розеткой”). Представляется весьма сомнительной чеканка на относительно маленьком хронологическом отрезке монет-подражаний, принципиально отличающихся от оригиналов почти по всем основным характеристикам (характер надписей, особые знаки, технология изготовления). Таким образом, говорить о монетах типа “Костешты-Гырля I-II”, как о подражаниях пулам Шехр ал-Джедида, представляется явно непропорциональным.

В работах других исследователей также можно встретить значительное разнообразие мнений по этому вопросу. Например, в статье о джучидских монетах из Белгород-Днестровска XIII-XIV вв. С.А. Булатович в списке монетных находок выделяет среди прочих и “местный чекан типов Костешты-Гырля I-II середины XIV в.” (Булатович С.А., 1986, с. 117). При этом необходимо отметить две особенности данного обзора монет из Белгород-Днестровска. Первая из них состоит в том, что здесь в общем списке идут: “местный чекан по типу Шехр ал-Джедида”, “по типу Костешты-Гырля I и II” и “подражания местному чекану Шехр ал-Джедида”, как равноправные группы монет. Вторая отразилась при рассмотрении клада 1970 г., где С.А. Булатович, ссылаясь на статью А.А. Нудельмана, в составе клада выделяет и монеты Костешты-Гырля I-II, хотя в этой статье А.А. Нудельман упоминает только подражания медным джучидским монетам середины XIV в. Таким образом, в первой части своего исследования С.А. Булатович фактически признает существование этих монет, как обособленной группы. В дальнейшем, более подробно рассматривая особенности денежного обращения золотоордынского города Аккермана, она уже не выделяет данные монеты в особую категорию находок. Из местных эмиссий упоминается только “чекан Нового города и подражания ему” (Булатович С.А., 1986, с. 117-119; Нудельман А.А., 1975, с. 96). В результате вышесказанного не совсем ясно, что подразумевается под монетами типа Костешты-Гырля I-II - это особый тип монет или еще один вид подражаний пулам Шехр ал-Джедида. Получилось так, что данная группа

монет “временно исчезла” под вуалью пулов Шехр ал-Джедида и подражаний им.

Открытым остается вопрос о времени чеканки и характере обращения данной группы монет. Л.Л. Полевой отмечал, что они скорее всего относятся к тому же периоду обращения джучидской монеты в Бессарабии, что и остальная масса медных монет. Уточним, что они обнаружены на поселении Костешты в комплексе с другими хорошо датируемыми медными джучидскими монетами 30-60-х гг. XIV в. (Полевой Л.Л., 1969, с. 147-148). Кроме того, эти монеты были обнаружены в одном кладе с дирхемами Узбека и пулами Джанибека (Нудельман А.А., 1975, с. 96; Булатович С.А., 1986, с. 117). Таким образом, устанавливается их нижняя дата – не ранее середины XIV в. Более сложным является вопрос о верхней хронологической границе их обращения.

В специальной литературе устоялось мнение о том, что обращение золотоордынских монет в Бессарабии (прежде всего медных) закончилось после наступления безмонетного периода в последней трети XIV века, где наиболее поздними экземплярами являются эмиссии 770 г.Х. (=1368/1369 г.) (Нудельман А.А., 1985, с. 111-117). Однако характер письма и нестандартная технология монет Костешты-Гырля I-II позволяют усомниться в неопровержимости этой даты. Исходя из вышесказанного, данные монеты явно относятся к периоду упадка золотоордынской культуры в регионе. Особенно ярко это отразилось в технологии изготовления некоторых монетных кружков. Так, среди пулов Шехр ал-Джедида нам не известны экземпляры, вырезанные из медного листа ножницами. Такая техника была достаточно широко распространена в Западной и Центральной Европе, где монетные кружки изготавливали из раскованных или расплюснутых металлических слитков (пластин) (Потин В.М., 1993, с. 163-164). Подобная технология использовалась и при чеканке монет Молдавского феодального княжества (История народного хозяйства МССР, 1976, с. 128-129; История Республики Молдова, 1998, с. 30). В этой ситуации сходство технологий, вероятно, было неслучайным. Монеты Костешты-Гырля I-II, отчеканенные на листовой меди, фактически совмещают некоторые характерные черты типично золотоордынских и молдавских монет, выпускавшихся в Днестровско-Карпатском регионе: надписи арабским (или псевдоарабским) шрифтом и тамгообразные знаки от первых и технику изготовления монетных кружков от вторых.

В связи с этим, будет вполне логично предположить, что чеканка монет Костешты-Гырля I-II осуществлялась в период между окончанием классической золотоордынской чеканки на территории Бессарабии и распространением здесь монет Молдавского княжества, то есть 1370-1400 гг.

Остается открытым вопрос о причинах деления этих монет на два самостоятельных типа (с тамгообразным знаком и без него) и о точном месте их чеканки. Маловероятной кажется возможность их выпуска на городище Старый Орхей, так как слишком мала их доля среди

других золотоордынских монет с этого городища. Более вероятными местами их чеканки являются поселения у села Костешты и на месте Белгород-Днестровска.

В целом, рассматриваемая коллекция позволяет сделать ряд важных наблюдений над денежным обращением на территории Бессарабии в XIV веке. В частности, она подтверждает массовый приток джучидских пулов в начале 50-х гг. XIV в. на территорию края, наличие подражаний им в регионе, чеканку монет с названием города Шехр ал-Джедид и появление на позднем этапе золотоордынской культуры монет типа Костешты-

Гырля I-II. Если признать, что в Бессарабии последовательно выпускались подражания пулам с цветком, медные монеты Шехр ал-Джедид и Костешты-Гырля I-II в период с 50-х гг. XIV века в течение какого-то времени в рамках последней трети того же столетия, то это может свидетельствовать об относительно острой потребности в мелкой разменной монете, а значит и о довольно высоком уровне товарно-денежных отношений, одним из эпицентров которых, вероятно, и являлось поселение у села Костешты.

Приложение

№*	Тип монеты	Год Хиджры	Монетный двор	Вес (г)	Аналогии
1	2	3	4	5	6
946	С цветком		Сарай ал-Джедид	1,95	Я(1970), 31, 45; Fr, 97, 163**
947	-//-			1,93	Я(1970), 31, 45; Fr, 97, 163
948	-//-	752/756	Сарай ал-Джедид	1,96	Я(1970), 31; Fr, 97
949	-//-	752/753	Сарай ал-Джедид (?)	2,29	Я(1970), 31; Fr, 97
950	Костешты-Гырля I-II (с тамгой), монетный кружок тонкий			0,77	П (1969) с. 147
951	Костешты-Гырля I-II (без тамги) монетный кружок толстый, со следами обрезки (ножницами?)			1,32	П (1969) с. 147
952	С цветком			1,94	Я(1970), 31, 45
953	-//-	752	... ал-Джедид	2,11	Я(1970), 31
954	Монетный кружок толстый, четкая надпись		Шехр ал-Джедид	1,66	Я(1977), с.205 № 19, VIII, I
955	С цветком			1,94	Я(1970), 31, 45
956	-//-	7(52?)	Сарай ал-Джедид	1,81	Я(1970), 31, 45
957	-//-	75?	Сарай ал-Джедид	2,02	Я(1970), 31

* Номера в таблице соответствуют инвентарным номерам музея.

** Список сокращений: П (1969) - Полевой Л.Л., 1969. Материалы из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля (1946 - 1959)// Далекое прошлое Молдавии. Кишинев. С.146-161.

Я (1958) - Янина С.А., 1958. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953 - 1954 гг.// МИА. № 61. С.392-423.

Я (1970) - Янина С.А., 1970. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1952 - 1962 гг.// Поволжье в средние века. М. С.194-222.

Я (1977) - Янина С.А., 1977. «Новый город» (= Янги Шехр = Шехр ал-Джедид) - монетный двор Золотой Орды и его местоположение// Труды ГИМ. Нумизматический сборник. Ч. 5. Вып. 1. С.193-218.

Fr - Fraehn Ch. M. 1832. Die Munzen der Chane vom ulus Dschutschis oder von der Golden Horde, nebst denen verschiedener anderen Muhammedanischen dynastien im anlage; aus der Ehemaligen Sammlung. St. Petersburg und Leipzig.

1	2	3	4	5	6
958	С цветком (надпись тонкими, неразборчивыми линиями)		Возможно подражание монетам Сарая ал-Джедид	1,07	
959	Костешты-Гырля I-II (с тамгой), монетный кружок тонкий, вероятно, вырезан ножницами			1,01	П(1969), с. 147
960	-//- Подквадратной формы			0,63	П(1969), с. 147
961	Костешты-Гырля I-II (1 сторона стерта), монетный кружок тонкий			1,08	П(1969), с. 147
962	-//- Пробита			0,62	П(1969), с. 147
963	С цветком		Сарай ал-Джедид	1,81	Я (1970), 31, 45
964	-//-	???	Сарай ал-Джедид	2,39	Я (1970), 31, 45
965	-//-	75?		1,58	Я (1970), 31
966	-//-	7?3	Сарай ал-Джедид	2,41	Я (1970), 31, 45
967	-//-	???	Сарай ал-Джедид	2,5	Я (1970), 31, 45
968	-//- Надпись плохо читается	7 (52?)	Сарай ал-Джедид	1,79	Я (1970), 31, 45
969	Костешты-Гырля I-II (без тамги), монетный кружок тонкий			1,21	П (1969), с. 147
970	С цветком			1,14	Я (1970), 31, 45
971	С двуглавым орлом	40-е гг. XIV в.	Крым (?) или Сарай ал-Джедид	2,2	Я (1958) с. 400 - № 6, с. 406 - № 51; Я (1970), № 14
972	С цветком		Сарай ал-Джедид	1,55	Я (1970), 31, 45
973	-//-			1,97	Я (1970), 31, 45
974	-//-	753	Сарай ал-Джедид	2,47	Я (1970), 31
975	-//-		Сарай ал-Джедид	1,91	Я (1970), 31, 45
976	-//-	752/753	Сарай ал-Джедид	1,81	Я (1970), 31
977	Нечитаемая надпись на тонкой сильно окисленной пластинке		Возможно это подражание монете Золотой Орды	0,96	
978	С цветком	752/753	Сарай ал-Джедид	1,8	Я (1970), 31
979	Монета стерта, пробита. имеет подквадратную форму, возможно обрезана			1,39	
980	С цветком	75 (2?)	Сарай ал-Джедид	1,62	Я (1970), 31

Приложение. Медные монеты из раскопок поселения Костешты в 1978-1979 гг.

Appendix. Copper coins from the excavations of the Kosteshty settlement in 1978-1979.

Anlage. Kupferne Münzen aus den Ausgrabungen der Siedlung Kosteshty 1978-1979.

Appendice. Pièces de monnaie de cuivre de la colonie de Kosteshty des fouilles des années 1978-1979

Литература и архивные материалы

1. Абызова Е.Н., Бырня П.П, Нудельман А.А., 1981. Древности Старого Орхя (золотоордынский период). Кишинев.
2. Булатович С.А., 1986. Джучидские монеты из Белгорода-Днестровского// Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII - XIV вв.). К.

3. Бырня П.П., 1984. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV - начала XVI вв.). Кишинев.
4. Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.
5. История народного хозяйства МССР (с древнейших времен до 1812 г.), 1976. Кишинев.
6. История Республики Молдова (с древнейших времен до наших дней), 1998. Кишинев.
7. Нудельман А.А., 1974. Монеты из раскопок и сборов 1972-1973 гг.// АИМ (1973 г.). Кишинев.
8. Нудельман А.А., 1975. К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV - начале XVI вв.// Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев.
9. Нудельман А.А., 1985. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе. Кишинев.
10. Полевой Л.Л., 1969. Материалы из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля (1946-1959)// Далекое прошлое Молдавии. Кишинев.
11. Полевой Л.Л., 1979. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев.
12. Полевой Л.Л., 1988. Международная черноморская торговля и социально-экономическое развитие Днестровско-Карпатских земель во второй половине XIII-XIV вв.// Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев.
13. Потин В.М., 1993. Монеты, клады, коллекции. СПб.
14. Руссев Н.Д., 1990. Возникновение городов Поднестровья XIV в. в свете нумизматических материалов// Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев.
15. Руссев Н.Д., 1991. Городские центры Днестровско-Дунайских земель и Золотая Орда (моменты и ареалы эволюции)// Молдавский феодализм. Кишинев.
16. Янина С.А., 1958. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953-1954 гг.// МИА. № 61.
17. Янина С.А., 1970. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1952-1962 гг.// Поволжье в средние века. М.
18. Янина С.А., 1977. "Новый город" (= Янги-Шехр = Шехр ал-Джедид) - монетный двор Золотой Орды и его местоположение// Труды ГИМ. Вып. 49. Нумизматический сборник. Ч. 5. Вып. 1. М.
19. Fraehn Ch. M., 1832. Die Munzen der Chane vom ulus Dschutschis oder von der Golden Horde, nebst denen verschiedener anderen Muhammedanischen dynastien im anhang; aus der Ehemaligen Sammlung. St. Petersburg und Leipzig.

Summary

Ye.N. Abyzova, S.N. Travkin (Kishinev, St.-Petersburg)
**Some peculiarities of the copper Juchi coins from the settlement
of Koteshty (Bessarabia)**

The investigation of the collection of Juchi coins from Koteshty settlement proves the following: the mass migration of copper coins (puls) into Bessarabia in the 50-s of the XIVth c.; and the appearance of their imitations minted locally with the name of the town of Shehr al-Jedid. The coins of Koteshty-Gyrlya I-II type appeared in the late period of the Golden Horde culture. This could be the evidence of strong need of small change. The group of Koteshty-Gyrlya I-II type coins minted from sheet copper combines some specific features of the Golden Horde coins and Moldavian ones emitted in the Dniester-Carpathian region, namely they take the inscriptions in Arabian (pseudo-Arabian) and tamga-like signs typical from the first ones and the techniques of coin circles making from others.

Je.N., Abysowa, S.N., Trawkin (Kischinjow, Sankt-Peterburg)
**Einige Besonderheiten der dschutschidischen Kupfermünzen aus
der Siedlung Koteschty (Bessarabien)**

Die untersuchte Sammlung der dschutschidischen Münzen aus der Siedlung Koteschty bestätigt den großen Zufluß der kupfernen Münzen (Pulen) nach Bessarabien in den 50. Jahren des 14. Jhs., weist

auf die Anwesenheit der Nachahmungsmünzungen hin, die in der Region geprägt wurden, auf die Münzprägung mit dem Namen der Stadt Schechr al-Dschedid und auf die Entstehung der Münzen des Typs Koteschtsy-Gyrlja I-II auf der späteren Stufe der goldenhordischen Kultur. Das zeugt von einem großen Bedürfnis nach Kleingeld. Die Gruppe der Münzen des Typs Koteschtsy-Gyrlja I-II, die auf dem Kupferblech geprägt sind, vereinigt in sich einige charakteristische Merkmale der goldenhordischen und moldauischen Münzen, die in der Dnestr-Karpaten-Region hergestellt wurden: nämlich die Aufschriften in der arabischen (pseudoarabischen) Schrift und tamgenförmige Zeichen von den ersten und die Technik der Herstellung der Münzkreise von den zweiten.

E.N. Abysova, S.N. Travkin (Kichinev, Saint-Petersbourg)

**Particularités de la monnaie de djoutchi cuivre dans
la colonie Koteschtsy (Bessarabija)**

La collection de monnaies djoutchi de la colonie Koteschtsy prouve qu'il y eut: 1) un afflux de pièces de cuivre (poul) en Bessarabie dans les années 50 du XIV siècle; 2) les pièces furent falsifiées et, frappées dans la région; 3) qu'il y eut le monnayage des pièces à l'effigie de la ville Chekhr al-Dgedid; 4) que les pièces à la dernière de monnaie de type Koteschtsy-Gyrlja 1-2 apparurent à la dernière étape de la culture de la Horde d'Or.

Ces faits témoignent du besoin en pièces de détail. Le groupe de pièces de type Koteschtsy-Gyrlja 1-2, fait de cuivre en feuille, combine les traits caractéristiques de pièces de la Horde d'Or et de pièces moldaves de la région du Dniestr-Karpates. L'inscription en arabe ou pseudo-arabe, les signes en forme de tamgue sont les traits de la monnaie de la Horde d'Or. La technologie de fabrication des ronds de monnaie signale celle de Moldavie.

ТЮРКИ БУДЖАКА В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

История тюркских народов, заселявших Причерноморье, связана с предшествующим золотоордынским периодом, когда тюркские, монгольские и другие кочевые племена совершали колоссальные пространственные перемещения, сменяя одни этнические образования другими или образуя новые. Население Золотой Орды отхлынуло в свои восточные пределы, где впоследствии сформировались локальные татарские ханства: Астраханское, Казанское и Ногайская орда — Улус мангытов, кочевавший между Яиком и Эмбой (Лэн-Пуль Стенли, 1899, с. 199). В Северном Причерноморье образовалось Крымское ханство, занявшее полуостров Крым и прилегающие материковые земли. Эти образования послужили источником кочевых орд, из которых затем в течение почти трехсот лет шло их передвижение на запад; в итоге ими оказались заняты все степные просторы вплоть до Дуная и Прута. С золотоордынских времен в Европе сложился их общий этноним — «татары». Однако татары никогда не были единым народом, представляя собой несколько десятков этнических образований, переживавших в XV-XVII веках стадию формирования феодальных народностей и находившихся на разных уровнях общественно-экономического развития, что определяло сложность взаимоотношений их между собой и с соседями.

Завоевание северопричерноморских центров Османской империей, происходившее на фоне становления и развития Крымского ханства, вызвало мощный приток тюркских племен в степи региона. Извечные «распри степных племен» служили процессом кристаллизации новых образований. Субстратом татарских объединений в степях Северо-Западного Причерноморья явились давно обитавшие здесь полукочевые и кочевые тюрки, включавшие и нетюркский компонент. Позже к ним присоединились восточные татарские племена, миграцию которых вызвало разрушение поволжских ханств российским государством.

Заселение степи междуречья Днестра и Прута тюрками представляло собой длительный, почти не прекращающийся процесс миграций разных этнообразований не только с востока, но и с юго-запада. Этот фактор составляет отличительную особенность исторического процесса в исследуемом регионе. Изучение вопроса весьма затрудняет односторонность письменных источников, в основном европейского происхождения, редких — ближневосточного, и полное отсутствие письменных сведений со стороны самого объекта исследования.

Из числа более ранних в низовьях Дуная и Днестра известны формирования добруджинских и белгород-

ских татар, европейские названия которых происходят от утвердившейся к тому времени топонимики и скрывают их подлинные этнонимы. Добруджинские и белгородские татары составили часть субстрата будущей Буджакской орды. Отсюда следует первоочередная задача осмысления происхождения, этно-социального состава и характера развития этих образований. Поскольку о добруджинских татарах в письменных источниках мало сведений, приходится обратиться к логическим построениям, памятуя при этом о их относительности в исторической науке.

Не ясно, представляли ли добруджинские татары один этнос или были полиэтничным объединением в определенные периоды времени, но, несомненно, что на протяжении позднего средневековья под этим названием в письменных источниках объединялись разные племена. В течение XV-XVIII вв. состав их все время видоизменялся, представляя из себя специфические этнообразования тюркского происхождения, включавших потомков печенегов, торков и половцев, а также ногайские племена, сформировавшиеся в XVIII веке Добруджинскую орду. Часть тюркского населения, проживавшая в Задунавье, образовала «Огузскую державу» [Озю], занимавшую в XIV веке полосу земли от Бургасского залива до Южной Бессарабии (Губогло М.Н., 1969, с. 102-103). Как свидетельствует Анна Комнина (1083 - ок. 1148 гг.), скифы начали сменять кочевой образ жизни на оседлый или полuosедлый еще к середине XII века. Под скифами она подразумевала печенегов, торков и половцев, отметив, что они «стали возделывать землю, сеять просо и пшеницу» (Комнина А., 1965, с. 201). Очевидно, что кочевое скотоводство описываемого народа трансформировалось в отгонное, то есть пастушество, а в качестве сезонных пастбищ ими могла вполне использоваться и степь к северу от Дуная. На территории днестро-дунайского междуречья в XIII-XIV вв. проживали потомки этих «скифов», теперь называемые куманами. Они оказались под властью Золотой Орды и составили основную часть ее населения в западной части Дешта.

Несмотря на то, что в 1300 году золотоордынский темник Ногай был разгромлен, его улусы продолжали проживать в низовьях Днестра и Дуная. Одна из ставок Ногай располагалась где-то неподалеку от Исаки на левобережье Дуная. Некоторые современные исследователи связывают ее с бассейном реки Алияга, впадающей в озеро Китай, сопоставляя с пахимеровской Аллагой (Дрон И.В., 1992, с. 20), с чем нельзя согласиться, так как из труда Георгия Пахимера следует, что Аллага - это не местность, а населенный пункт, рядом с которым находилась новая обитель,

куда перенесли умершего царя Михаила Палеолога (события 1282 года), и куда тохарцы, как называет автор золотоордынцев Ногай, прибыли для соединения с царем (Пахимер Г., 1862, с. 487-491). Описанные события происходили не в Буджаке, и здесь не имеется ввиду место их обитания, тем более ставка Ногай.

В последней трети XIV века в южной части междуречья Днестра и Дуная какое-то время в рамках Золотой Орды обитала татарская орда бега Диментера, откочевавшего сюда после поражения в битве на реке Синюхе. Позже, переправившись через Дунай, эта орда поселилась во владениях валашского господаря Мирчи Старого (Параска П.Ф., 1981, с. 103). “Татарские” орды вели подвижный образ жизни, помимо скотоводства занимаясь, главным образом, набегами.

Расширявшие со второй половины XIV века свои владения в Подунавье румыны теснили тюрок в Северную Добруджу и за Дунай. В Южной Бессарабии и в XV веке сохранялось какое-то число куманов (Тунманн, 1991, с.54-55; Добролюбовский А.О., 1986, с. 77). Владея в начале XV века левобережьем дельты Дуная, в 1403 году Мирча Старый захватил расположенную рядом Килию и именовал себя “господин татарским странам” и “всей земли басарабской” (Материалы для взаимных отношений..., 1887, с. 4, 14). Не исключена поэтому вероятность обитания здесь в тот период добруджинских татар, составлявших одно целое с татарами левобережья Дуная.

В письменных источниках добруджинские татары часто упоминаются вместе с белгородскими. Так, в 1521 году два крымских султана (из рода Гиреев) увели с собой “к Ядрину полю” улусы белгородских и добруджинских татар численностью около 20 тысяч (Сборник РИО, т. 95, с. 678). В “Сочинении Михаила Литвина” 1550 года “белгородские и добруджинские татары, живущие на границе Молдавии”, названы “соучастниками” перекопских татар (Мемуары, относящиеся к истории..., 1890, с. 6). Причем, белгородские чаще упоминаются первыми, а добруджинские — за ними. “Татары добруджинские, живущие при Дунае”, часто следуют за крымским ханом по приказу султана на войну, сообщает в 1578 году Марцин Броневский (Броневский М., 1867, с. 364). До XVI-XVII вв. добруджинские татары сохраняют свою обособленность. Во время военных событий 1595 года на юге междуречья они тоже принимали участие в акциях, но как незначительная сила. Это видно из письма казачьего сотника Делевковича императору Рудольфу II: “Несколько тысяч татар, оставшихся от орды, стояли... в Чубурчиу (Чобручи — С.П.), выше Белгорода, вместе с добруджинскими татарами, которых было немного, и с собравшимися вокруг Белгорода, по точным сведениям господаря (Арона Тирана — С.П.) их количество доходит только до 9 тысяч” (Исторические связи..., т. 1, с. 204-205). В Хотинском мирном договоре 1621 года в пункте 2 перечислены “татары добруджинские, белгородские, тягинские, килийские, очаковские, крымские” (Османская империя..., 1984, с. 190), названные исключительно по признаку основ-

ного места обитания. Еще об одной тюркской группе известно из мемуаров Эвлии Челеби, побывавшего в 1652 году в Добрудже. Это — читаки, говорящие на языке, похожем на турецкий, и населяющие одну из областей “Узи-еялета”. “Узи-еялет”, столица которого находилась в Силистрии, занимал северо-восточную часть Балканского полуострова, состоял из восьми областей: Никопольской, Лозенградской, Видинской, Кылбуданской, Силистринской, Бендерской, Аккерманской и “Узи-санджак” (Озю). Последний, где проживали читаки, это — Добруджа. Поскольку язык узов относится к тюркской группе, и читаки XVII века — их потомки, то вполне возможно, что это население в XVI веке именовали добруджинскими татарами. Есть предположение, что турки-читаки проникли на территорию средневековой Молдовы в местность к северу от Тигины (Бендер) как раз в XVI веке, что зафиксировано летописцем Григорием Уреке под 1583 г. (Дрон И.В., 1992, с. 28), хотя можно предположить, что так молдоване именовали юрков (см. ниже).

Также сложно представить происхождение и состав образования или образований, известных как белгородские татары, именуемых иногда “белгородскими казаками”. Эти, скорее всего, полиэтничные объединения, получили свое название от Белгородской степи, где они обитали, обычно в литературе не конкретизируемой и как бы притянутой к Белгороду на Днестре. Между тем, Белгородская степь, раскинувшаяся от Дона до Днестра и даже Дуная, входила в прежние времена в Дешт-и Кипчак как его западная часть и едва ли была безлюдной. На всей ее обширной территории для исследуемого периода известно не менее пяти городов с названием Белгород, и трудно даже вообразить, сколько групп населения существовало на степных просторах. Лишь гораздо позднее “белгородских татар” стали связывать с именем города на Днестре, которое у поляков звучало как Бялоград, у русских — Белгород. Наименование Аккермень, Аккерман (в персидских источниках Акджа-Кермен), утвердившееся в золотоордынский период, позволило гораздо позже часть белгородских татар именовать аккерманскими (Броневский М., 1867, с. 364).

Субстратом белгородских татар явились предшествовавшие им кипчакские племена, объединявшие разнородное население под общим именем “половцы”, данным им русскими источниками, и составлявшие основное население Золотой Орды, сохранившееся в степях после ее распада (Федоров-Давыдов Г.А., 1981, с.231; Плетнева С.А., 1982, с. 61, 118, 120). В середине XV в. на левобережье низовьев Днестра известны потомки орды Ногай: ногайские улусы обозначены в этом месте на карте Бианко 1436 года (Брун Ф.К., 1880, с. 353). Белгородская степь издавна служила ареной действия различных тюркских племен.

До середины XV века в землях между Южным Бугом и Днестром еще как-то сочетаются литовские владения (замки) и татарские кочевья, но во второй половине XV века окрепнувшее Крымское ханство вытеснило

Великое княжество Литовское из степной зоны, и территория вплоть до Днестра вместе с населявшими ее племенами вошла в состав материковой части ханства. Об этом читаем в трактате “О двух Сарматиях” Мацея Меховского: “Татары-улары владеют землями вплоть до Белого замка”, очевидно, имеется ввиду Аккерман; “кругом в степях живут татары” (Меховский М., 1934, с. 91, 106).

Этническая принадлежность белгородских татар не совсем ясна, но, вероятно, в основной массе они не были ногайцами. Ногайцы XVI- XVII вв. — кочевники, а местные татары вели, в лучшем случае, полукочевой образ жизни, имея постоянные селенья, и, таким образом, более близки крымским татарам. Мацей Меховский среди татарских орд, известных в Европе к началу XVI века, перечисляет Заволжскую, Казанскую, Перекопскую и Ногайскую; последняя, “называемая москвитями Большой ордой, молодая и недавно существующая. Это оккасы или ногайские татары” (Меховский М., 1934, с.60). По его данным все эти орды находятся пока далеко на востоке, за исключением Перекопской, к которой относятся татары-улары, то есть крымские татары.

После 1484 года, когда султан Баязид II пожаловал хану Менгли-Гирею земли вдоль правого берега нижнего Днестра, составившие мюльк крымского хана, здесь могли располагаться белгородские и крымские татары. Эвлия Челеби в середине XVII века этих татар именует прибрежными и отмечает, что они находятся под властью ханского чиновника — прибрежного аги, находящегося в Ханкышле — татарском селении неподалеку от Аккермана, подати платят в Очаков, подчиняясь, таким образом, калге крымского хана и очаковскому вали — представителю султана. Со строительством Очакова часть Белгородской степи, прилегающей к новой крепости, стали называть Очаковской и татар, обитавших между Перекопом, именованным тогда Ор, и Очаковым - очаковскими.

Кроме белгородских татар крымского хана, в военных акциях султана Баязида II участвовали золотоордынские татары ногайских улусов Муртазы (Муртады) — сына последнего хана Золотой Орды Ахмада — теперь Большой Орды, и сопровителя двух братьев — Шайх-Ахмада, великого хана, и Сайд-Ахмада, враждовавших между собой и с Менгли-Гиреем (Скржинская Е.Ч., 1971, с. 186). По договору с султаном, Муртаза несколько лет, до начала 90-х годов XV века, кочевал со своими улусами между Килией и Аккерманом. В самом начале XVI века его брат Шайх-Ахмад, потерпев политическое крушение, тоже намеревался найти здесь пристанище, но получил отказ от султана, а крымский хан разбил его войско.

Какая-то часть татар, подвластных крымскому хану, сопровождала в Аккерман и Килию младшего сына Баязида II Селима (будущего султана Селима I) в 1511 году. Хотя высказано предположение, что в междуречье Днестра и Дуная белгородские татары осели на постоянное проживание в период между 1510-1520 гг. (Гонца Г.В., 1984, с. 135), скорее это были спорадические и кратковременные явления, и к тому же не вполне корректно выражение

“осели”, поскольку речь все же идет о кочевниках, не изменивших образа жизни. В нашем распоряжении пока нет фактов, подтверждающих “оседание”. Конечно, можно допустить приток населения в степь в связи с крымским бедствием 1533 г., но, как правило, в улучшившейся ситуации татары вскоре откочевывали обратно. В основном, бессарабскую степь — Буджак — стали заселять уже во второй половине XVI века, когда княжество Молдова полностью утратило свою независимость, а Османская империя укрепилась в землях к северу от Дуная, но об этом — чуть ниже.

Этимология слова “Буджак” не связана, на наш взгляд, с “угольностью” (от слова “угол”) как традиционно принято считать, начиная с Димитрия Кантемира. Перевод слова “висад” как угол, треугольник не точен. Это тюркское слово, означающее район проживания, местность — уголок, укромное место, донные сохранилось в топонимике междуречья Днестра и Прута и Добруджи как название населенных пунктов, озера в южной части дельты Дуная и пр. В XVII-XVIII вв. Буджакской степью могли называть всю степь Северо-Западного Причерноморья, где обитали тюркские племена, которых на картах этого времени обозначали одним словом “буджаги”, однако в исторической географии понятие Буджак закрепилось лишь за степной зоной междуречья Днестра и Дуная, исключая левобережную придунайскую низменность. Территориально оно лишь частично соответствует понятию Южная Бессарабия или Бессарабия (до XIX века).

Вместе с армией султана Баязида II в днестро-дунайском междуречье появилась своеобразная категория кочевого населения — юрюки, прибывшие в составе ополчения (Киртоагэ И.Г., 1992, с. 22, 50, 65). Юрюки — турецкие кочевники, относящиеся к субэтнической группе тюрок, до сих пор не слившиеся с турками и имеющие татарско-ногайские корни. Османцы переселили их племена в Румелию, расселив частью по северной границе вдоль Дуная от Аккермана до Бендер (Еремеев Д.Е., 1971, с. 142). Во второй половине XVI века в междуречье Дуная и Днестра кочевало 16 “дымов” юрюков: 11 — в аккерманских землях, 4 — в бендерских, 1 — в килийских (Киртоагэ И.Г., 1992, с. 23). Юрюки служили личным резервом султана и свободно передвигались в пределах отведенного им района, неся своеобразную пограничную службу.

Понятие “буджакские татары” появилось позднее, чем “добруджские” и “белгородские”, и также носит условный историко-географический характер, далеко неоднозначный на протяжении всего времени существования буджакских татар. Возможно, именно этим объясняется разноречивость в справочно-энциклопедической литературе (например: “Encyclopaedia of Ukraine. Vol.I A-F1984, p. 227; Довідник з історії України, 1993, т. I, с. 290-291) и научных трудах (Дрон И.В., 1992, с. 17 и др.). Термин “буджакские татары”, безусловно, является экзополитонимом, который прилагали к разным группам населения, и

лишь, в конечном счете, он стал обозначать ногайцев, поселившихся в степной зоне региона.

“Тот народ, который русские источники называют ногайцами, у Абул-Гази (Родословная тюрок, издание Демезона) и в других восточных источниках того времени всегда именовался мангытами” (Бартольд В.В., 1968, т. V, с. 556). Мангыты стали основным населением причерноморских степей в XVII веке. Однако их первое массовое переселение в земли междуречья Днестра и Прута относится к 1569 году, когда непосредственно с Волги, после неудавшейся попытки османцев — Селима II и инициатора предприятия, беглербега Кафы, Касима-паши — силами мангытов прорыть канал между Волгой и Доном, тридцать тысяч семейств астраханско-ногайских татар были депортированы в центральную часть засушливой бессарабской степи (Тунманн, 1991, с. 55; Бертье-Делагард А.Л., 1902, с. 60). Названная цифра сомнительна, и нам не известен ее источник. У Дмитрия Кантемира, трудом которого, возможно, воспользовался Тунманн, указано “более тридцати родов ногайских татар” (Кантемир Д., 1973, с. 25). Тем не менее, астраханские ногайцы, трудно приживавшиеся в Буджаке, являли собой не только постоянный очаг недовольства и агрессии, но и немалую военную силу. Известно, что в 1574 году ногайские отряды приняли участие в разгроме объединенных сил молдавского войска очередного претендента на престол Иона Водэ и казаков наемника гетмана Яна Сверчовского, ротмистра пограничной службы (Яковенко Н.М., 1997, с. 153), значительно укрепив позиции османцев. И, вероятно, они же совершили антиосманскую акцию в конце XVI века, разрушив крепость в Татар-Бунаре. К сожалению, дальнейшая судьба этой группы населения не известна, но, возможно, именно она составила ядро объединения, послужившего основой будущей орды.

В исследуемый период развитие мангытского этноса привело к зарождению нескольких субэтнических групп, обособлявшихся территориально. В дальнейшем, кроме астраханских, образовались акногайцы, караногайцы и собственно ногайцы, общими предками которых были мангыты. Необычно сложилась судьба мангытов, попавших в Крым, но это — отдельная тема, а здесь рассмотрим лишь некоторые аспекты их истории, связанные с Буджаком.

Новый приток ногайских татар в Белгородскую степь из Крыма отметил в 1606 году Станислав Жулкевски, объяснив его продовольственным кризисом на полуострове (Новосельский А.А., 1948, с. 101). Вновь прибывшие на материк мангыты во главе с Хантемир-мурзой из крымской ветви рода Мансуров (Мансур — сын золотоордынского эмира Идегу, Едигея русских летописей) вскоре возглавили белгородских татар, образовав Белгородскую орду. Белгородская орда действовала на причерноморских просторах от Крыма до Добруджи, но главным направлением ее агрессии была Центральная и Восточная Европа. Можно предположить, что поскольку главная ставка Хантемира в определенный период находилась в Аккермане или

под Аккерманом в Буджаке, со второй четверти XVII века европейские источники эту орду стали называть Буджакской.

С именем Хантемира связано начало становления Буджакской орды как потестарно-политического организма. Проводя крайне жесткую политику, Хантемир-мурза подчинил своей власти татарские племена Белгородской степи, в том числе междуречья Днестра и Дуная. Главой другой белгородской орды был его зять — Урак-мурза (князь Петр Урусов). Отколовшись в 1622 году от Крымского ханства, Хантемир-мурза принял османское подданство и получил титул “визиря, правителя берегов Черного моря и устья Дуная с Силистрией и Аккерманом” (Новосельский А.А., 1948, с.186), то есть фактически сделался властителем северо-восточной части Румелии, включающей земли до Днестра, за которым лежали владения крымского хана. Подобную политику можно расценивать как попытку создания собственного государства под османским протекторатом.

Одно из ранних упоминаний Буджакской орды и собственно Буджака содержат “Сведения о походе в Крым Михаила Дорошенко” (старшего войска запорожского) от 1628 года, где отмечено, что “самым сильным из мурз ногайских был начальник Буджакской орды Кан-Темир мурза, владеющий южной частью Бессарабии от Аккермана до Килии, то есть так называемого Буджака” (Мемуары, относящиеся к истории..., 1896, с. 153).

Два близких по времени описания татар сделаны во второй четверти XVII века Жаном де Люком и Дортелли д'Асколи. Жан де Люк приводит титул крымского хана: хан татарский, ногайский и пр., перечисляя народы по их положению, и выделяет перекопских татар — собственно татар, которые занимают крымский полуостров, ногайских татар, называемых Малой ногайской ордой, подвластной крымскому хану, живущей вне полуострова и граничащей с Малороссией, и буджакских татар, “которые живут в окрестностях владения Басарабы или Белгорода. Они расположились на границах Валахии, между реками Днестром и Дунаем и берегами Черного моря” (Юрченко П., 1887, с. 476, 485, 488). Хотя борьба крымского хана с Хантемиром продолжалась, буджакские татары сохраняли независимость от ханства. Дортелли д'Асколи в “Описании Черного моря и Татари” 1634 года буджакских татар не упоминает, а различает крымских и ногайских: ногайские пришли в Крым двести лет назад из Скифии” (д'Асколи Д., 1902, с. 35, 36). Кэтим последним как раз относится род Хантемира, трагическая фигура которого находилась в центре кровавой вражды между татарами и ногайцами. д'Асколи употребляет географическое понятие Буджак, как вполне устоявшееся в представлении европейца, упоминая города “Киели” и “Акриман” в Румелии, легко сопоставимые с Килией и Аккерманом. “Киеля — большой отпускной порт для Буджака” (д'Асколи Д., 1902, с. 5). В анализе этой фразы показателен оборот “для Буджака”, а не “в Буджаке”,

что подтверждает нашу мысль о том, что прибрежная полоса Дуная не входила в понятие Буджак.

Крымский хан, апеллируя к султану, неоднократно пытался подчинить Хантемира-мурзу своей власти, принуждая его покинуть аккерманские земли, Буджак и выселяя в степи северо-восточного Причерноморья. Но Хантемир возвращался и вновь выступал против Крыма. После его смерти в 1637 году Буджакская орда осталась без лидера. Мало того, вскоре были уничтожены практически все мурзы этой ветви ногайцев.

Отзвуки хантемировского своеволия слышатся в «Описании Украины» Гийома ле Вассера де Боплана, где он, в частности, упоминает буджакских «мятежных татар» (де Боплан Гийом, 1832, с. 34). Последствия разгрома Буджакской орды видны в мемуарах Эвлии Челеби, которому известны десять аг, от-агу и от-кулу буджакских татар, полностью подчиненных сераскеру-солтану крымского хана (Эвлия Челеби, 1961, с. 193), что может свидетельствовать о патриархальном характере социального устройства буджакских татар послехантемировского периода и отсутствия в это время орды как потестарного организма.

Следующая крупная волна мангытов, достигшая междуречья Днестра и Прута, связана с племенами Волжской орды, возглавляемых родами Орак-оглу и Орумбет-оглу, которых европейские источники в XVIII веке именовали буджаками.

Вполне вероятно, что название «буджаги» или «буджаки» в качестве экзоэтнонима, а затем этнонима, вторично и довольно позднего происхождения, не ранее XVIII века. Племена с таким названием отсутствуют в традиционных списках – илатийа – «узбекских» племен кочевников, проживавших от Урала до Инда в средние века, приведенных в монографии Т.И. Султанова (Султанов Т.И., 1982, с. 29). Понятие «буджаги» эквивалентно более позднему «ногайцы»; и тем, и другим европейцы обозначали разноплеменную массу степного тюркского населения. Некоторые исследователи, например, Г.Д. Агаев, а вслед за ним И.В. Дрон полагают, что этноним «буджаги» связан с потомками ногайцев именно Ногая, и ныне сохранился как топоним на территории Азербайджана, Туркмении, Румынии, Греции, Турции (Дрон И.В., 1992, с. 157). Столь частое употребление топонимата «буджак» на обширной территории как раз соответствует его первоначальному смыслу (см. выше) в качестве места, удобного для проживания, в древнетюркском языке.

Достаточно сложен вопрос о времени поселения ногайцев Орак-оглу и Орумбет-оглу в Буджаке, но можно усомниться в дате их переселения за Днестр, определенной 20-ми годами XVII века (Бачинский А.Д., Добролюбовский А.О., 1988, с.88). Сами имена мурз представляют традиционные родовые имена, многократно повторяющиеся в поколениях. Если допустить, что разные кальки этих имен: Урак и Урмамет у Эвлии Челеби, Орак-оглы и Орумбет-оглы у Димитрия Кантемира, Арак-улу и Ор-Мамбет-улу в «Записке о происхождении едисанских,

буджакских и едичкульских татар» относятся к одним и тем же лицам, к тому же называемых всегда в паре, то надо признать гораздо более позднее время их появления к западу от Днестра. Исторически известный Урак-мурза, упомянутый выше, происходит из крымских или Малых ногаев. Он погиб в 1639 году и к этой волне не относится.

История ногайских племен Орак-оглу и Орумбет-оглу отчасти приведена у Эвлии Челеби, который сообщает, что вытесненные калмыками, а это происходило уже в 30-е годы, особенно в 1637 году (Богоявленский С.К., 1939, с. 76), «ногайцы Урака и Урмамета — один народ с ногайцами Шейдека и Адиля» — поселились за Днестром в окрестностях Аккермана и, освоившись в течение *нескольких месяцев* (выделено нами — С.П.), начали грабить молдавских и аккерманских подданных (Эвлия Челеби, 1961, с. 193), вследствие чего последовали карательные меры. Год переселения этой части ногайцев за Днестр у Эвлии Челеби не указан, но речь идет о событиях, происходивших не ранее 1659 и не позднее 1665 года, поскольку автор являлся их очевидцем во время одной из своих поездок. Скорее всего, это был третий визит Эвлии Челеби в Буджак, связанный с его поездкой в Крым в 1665-1666 гг. (Кизилев М.Б., 1993, с. 273), откуда он сопровождал хана Мехмед-Гирея IV под Аккерман. В молдавском научном издании предложена версия анализируемых событий, почему-то связывающая «ногайцев Адиля» с «восстанием буджакских и добруджских ногайцев 1624 г. под предводительством Кантемир-бея и выселением их из Буджака» и миссией Эвлии Челеби со ссылкой на последнего (Дрон И.В., 1992, с.21), однако из текста источника этого вовсе не следует, а контаминация автора вносит путаницу в наши представления об этой истории.

Прибывшие во второй половине XVII века ногайские племена Орак-оглу и Орумбет-оглу в состав буджакских татар не входили, а во время описываемых событий заключили с ними военный союз, вместе отказавшись от предписанного им султаном (Мехмедом IV — С.П.) переселения в Крым. Объединенное войско ногайских и буджакских татар, возглавляемое ногайцем Адилем, выступило в сражение с крымско-османскими войсками, выставив сорок тысяч воинов против восьмидесяти тысяч противника (Эвлия Челеби, 1961, с. 193-194). Битва произошла под Аккерманом, по нашему предположению в 1665 году, и ногайская сторона потерпела поражение. В том, что касается фактических данных, конечно же следует учитывать специфику мемуарного стиля Эвлии Челеби, о чем неоднократно сказано (Греков И.Б., 1979, с. 299-314; Санин С.А., 1987, с. 32), но так или иначе, переселение, очевидно, не состоялось по причине истребления значительной части народа в этом побоище. Какую-то часть ногайцев в Крым все-таки угнали, что видно из красочного описания Эвлией Челеби переправы у пункта Мияк (современное с. Маяки Одесской области), а остатки буджакских татар остались в Буджаке, как и роды Орак-оглу и Орумбет-оглу. Что касается происхождения последних, то, поскольку Эвлия Челеби подчеркива-

ет, что они считали себя “подданными-реаяя султана Баиссета”, имея на то соответствующие грамоты, можно предположить в числе их предков Муртазу-мурзу из Большой Орды, имевшего пожалованья Баязида II. Возможно, что какая-то часть ногайцев Большой Орды действительно перешла в османское подданство в 20-е годы XVII века, но само их переселение произошло не сразу, а после того, как их значительно потеснили калмыки, и ближе ко времени, описываемому Эвлией Челеби. Очевидно, остатки этих ногайцев поселились в Буджаке. Позже становятся известны земли их обитания: Орак-оглу — в центральной части междуречья, Орумбет-оглу — в юго-западной. Со временем улусы Орумбет-оглу переместились в северную часть бассейна реки Ялпуг, где их поселения зафиксированы в начале XIX века (Шабашов А.В., 1996, с. 85-86).

Положение в Буджаке во второй половине XVII века дестабилизировали многочисленные казацкие походы на “белгородских ногаев” запорожского кошевого атамана Ивана Сирко с 1659 по 1674 гг., и, особенно, в два последних десятилетия XVII века: сильный удар был нанесен в 1683 году, когда буджакских татар вместе с крымскими разбили под Веной, а молдавские войска господаря Петричейку и присоединившиеся к ним отряды гетмана Куницкого в это время разорили все кочевья Буджака, уничтожив большинство остававшегося там населения (История Молдовы и Валахии..., 1791, с.81). В ответ татары опустошили Молдову, но и сама буджакская степь еще свыше десятка раз подвергалась казацким походам

полковников Семена Палия и Якова Лизогуба, прекратившимся только с заключением Карловицкого мирного договора в 1699 году, положившего конец польско-османским войнам.

Сведения о внутреннем состоянии Буджакской орды в последней трети XVII века практически отсутствуют. Вероятно, будучи образованием кочевых и полукочевых племен разного происхождения, она не представляла собой стабильного формирования ни в XVI, ни в XVII вв., за исключением хантемировского периода, и всецело зависела от воли крымского хана и соображений султана, которые далеко не всегда совпадали, усугубляя проблемы буджакцев. Административный центр орды был перенесен из Ханкышлы в Каушан (современный г. Кэушень в Молдавии) на р. Ботна, в центральную часть степи, за которой отныне надолго закрепилось наименование Буджак.

В XVIII веке Буджакская орда приняла совсем иной облик и состояла из шести родоплеменных ногайских объединений, занимавших своими кочевьями весь Буджак от Днестра до Прута (Бачинский А.Д., Добролюбский А.О., 1990, с. 213). Изменился не только состав орды, но и характер жизнедеятельности, увеличилась территория обитания и, наконец, сформировалась “Буджак татарлеринум топраги” — Буджакская орда заключительного этапа своего существования, который достаточно освещен в специальной литературе и находится за пределами данного исследования.

Литература и архивные материалы

1. д’Асколи Дортелли, 1902. Описание Черного моря и Татарии. Одесса.
2. Бартольд В.В., 1968. Т. V. Мангыты. М.; Л.
3. Бачинский А.Д., Добролюбский А.О., 1988. Буджакская орда в XVI-XVII вв.// Социально-экономическая и политическая история Молдавии эпохи феодализма. Кишинев.
4. Бачинский А.Д., Добролюбский А.О., 1990. Конец Буджакской орды// Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев.
5. Бертъе-Делагард А.Л., 1902. Примечания к кн. Э. Дортелли д’Асколи. Описание Черного моря и Татарии. Одесса.
6. Богоявленский С.К., 1935. Материалы по истории калмыков в первой половине XVIII в.// Исторические записки ЛГУ. № 5.
7. де Боплан Гийом, 1832. Описание Украины. СПб.
8. Броневский Мартин, 1867. Описание Крыма// Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VI. Одесса.
9. Брун Ф.К., 1880. Черноморье// Записки Новороссийского университета. Ч.2. Одесса.
10. Гонца Г.В., 1984. Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV - первой трети XVII века. Кишинев.
11. Греков И.Б., 1979. К вопросу о характере политического сотрудничества Османской империи и Крымского ханства в Восточной Европе в XVII-XVIII вв. (по данным Э. Челеби)// Россия, Польша и Причерноморье в XV- XVIII вв. М.
12. Губогло М.Н., 1969. Гагаузы// Наука и жизнь. № 10.
13. Добролюбский А.О., 1986. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. К.

14. Добролюбовский А.О., Руссев Н.Д., 1986. Кочевое и оседлое население Северо-Западного Причерноморья в X-XIV вв.// Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.
15. Дрон И.В., 1992. Гагаузские географические названия. Кишинев.
16. Еремеев Д.Е., 1971. Этногенез турок. М.
17. Исторические связи народов СССР и Румынии, 1965. Т. I. М.
18. История Молдовы и Валахии с рассуждением о настоящем сих обоих княжеств, 1791. Пер. с франц. СПб.
19. Кантемир Димитрий, 1973. Описание Молдавии. Кишинев.
20. Кизилов М.Б., 1993. "Книга путешествий" Эвлии Челеби как источник сведений о быте крымских татар XVII в.// Материалы по археологии, истории и этнографии Крыма. Т. III. Симферополь.
21. Киртоагэ И.Г., 1992. Юг Днестровско-Прутского междуречья под османским владычеством (1484-1595 гг.). Кишинев.
22. Комнина Анна, 1965. Алексиада. М.
23. Лэн-Пуль Стенли, 1899. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. СПб.
24. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV-XVI вв., собранные В.А. Уляницким, 1887. М.
25. Мемуары, относящиеся к истории южной Руси, 1890. Вып. I (XVII ст.). К.
26. Меховский Матвей, 1934. Трактат "О двух Сарматиях". М.; Л.
27. Новосельский А.А., 1948. Борьба Русского государства с татарами в XVII в. М.; Л.
28. Османская империя в первой четверти XVII века, 1984. Сборник документов и материалов. М.
29. Параска П.Ф., 1981. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев.
30. Пахимер Г., 1862. История Михаила и Андроника Палеологов. СПб.
31. Плетнева С.А., 1982. Кочевники средневековья. М.
32. Санин С.А., 1987. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века (1654-1657 гг.). М.
33. Сборник Русского исторического общества, 1895. Т. 95.
34. Скржинская Е.Ч., 1971. Вступительная статья, перевод и комментарии к кн. Иосафата Барбаро "Путешествие в Тану"// Барбаро и Контарини о России. М.
35. Султанов Т.И., 1982. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. М.
36. Тунманн, 1991. Крымское ханство. Симферополь.
37. Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Монгольское завоевание и Золотая Орда// Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
38. Челеби Эвлия, 1961. Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Вып. I. Земли Молдавии и Украины. М.
39. Шабашов А. В., 1996. К локализации поселений ногайцев Буджакской орды в начале XIX века// Етнографічні дослідження населення України. Одеса.
40. Юрченко П., 1887. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка// Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XI. Одесса.
41. Яковенко Н.М., 1997. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. К.

Summary

S.V. Palamarchuk (Odessa)
Turks of Budzhak in the late Middle Ages

The paper aims to be an introduction into the history of the Turkish population of historical region Budzhak located at the steppe area between the Dniester and the Danube rivers. The evidence of the European authors proves the conventional historico-geographical character of naming of different ethnic groups.

Budzhak was inhabited by Tartars of Dobrudzha, Belgorod (Akkerman), Budzhak and Nogai Horde. This population was constituted by the Turkish tribes of different origin and they were not an integral

social organism. The first Budzhak inhabitants were the descendants of the pre-Golden Horde population – the Kumans and the nomadic Uluses of the Golden Horde. They have formed the substratum of the Turkish Budzhak population. In the XVIIth–XVIIIth cc. the Nogai people became the main population of the area. They represented the superstratum that was being formed during the late medieval period. The name “Budzhak people” came into use later to identify the Nogai people of the Budzhak Horde in the XVIIIth c.

S.W., Palamartschuk (Odessa)
Turkvölker von Budschak im Spätmittelalter

Dieser Beitrag ist eine Einführung in die Geschichte der Bevölkerung von dem historischen Gebiet Budschak (der Steppe zwischen dem Dnestr und der Donau). Berichte der europäischen Autoren deuten auf einen geschichtlich-geographischen bedingten Charakter der Benennungen verschiedener ethnischer Gruppen.

In Budschak lebten Tataren: dobrudschinische, belgorodische oder akkermanische, budschakische und nogaische. Diese Bevölkerung wurde von den Turkstämmen verschiedener Herkunft gebildet, und das war kein einheitlicher sozialer Organismus. Die ersten Budschaker waren die Nachkommen der vorgoldenhordischen Bevölkerung, nämlich Kumanen und nomadenhaften Ulusen der Goldenen Horde. Sie bildeten das Substrat der Turkbevölkerung Budschaks. In den 17.-18. Jh. wurden die nogaischen Tataren zum zahlreichsten Teil der Bevölkerung in diesem Gebiet. Sie bildeten das Substrat, das im Laufe des Spätmittelalters formiert wurde. Die Benennung Budschaker ergab sich später und deutete auf die nogaischen Tataren der budschakischen Horde aus dem 18. Jh.

S.V. Palamartchouk (Odessa)
Turks de Boudjak au Moyen âge avancé

L'article présente une introduction dans l'histoire du peuple turc de Boudjak (steppe entre deux fleuves Dniestr et Danube). Les témoignages des auteurs européens relèvent le caractère historico-géographique conventionnel de la désignation des groupes ethniques différents.

Boudjak fut habité par des tatars: dobrouj, belgorod (akkerman), boudjak, nogaï. Cette population était formée à la base des tribus turques d'origine différente et ne présentait pas un organisme social uni. Les premiers habitants de Boudjak furent les descendants des tribus des coumans de l'époque avant la Horde d'Or et des oulouces nomades de l'époque de la Horde d'Or. Ils ont formé le substrat de la population turque de Boudjak. Nogaï furent la population principale de cette région aux XVII-XVIII siècles. Elle fut le superstrat, qui se forma au cours de la fin du Moyen âge. Le nom “Boudjak” apparaît plus tard et définit les nogaï comme tels qui appartiennent à la Horde de Boudjak du XVIIIe siècle.

**НАСЕЛЕНИЕ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ В XIII - XIV ВВ.
(по материалам могильника Мамай-Сурка)**

До сих пор вопрос о происхождении и составе населения Южного Поднепровья в эпоху средневековья остается дискуссионным. Несмотря на то, что средневековые памятники юга Украины относительно хорошо изучены, тем не менее среди историков и археологов нет единого мнения о составе населения, оставившем их. По этому поводу сложилось несколько гипотез. Часть исследователей считает, что памятники оседлого населения являются славянскими (Добровольский А.В., 1949; Рыбаков Б.А., 1950; Сміленко А.Т., 1975; Толочко П.П., 1975). С. А. Плетнева считает, что степные памятники Приднепровья принадлежали смешанному бродническо-половецкому населению (Плетнева С.А., 1981, с.221). В результате привлечения летописных данных, археологических и этнографических материалов О. Б. Бубенок пришел к выводу о том, что в степях Северного Причерноморья с VI по XIII век обитали аланы-асы. С ясами или бродниками он связывает могильник Каменка в Нижнем Поднепровье (Бубенок О.Б., 1997, с.171-172). А. А. Козловским отмечено, что в XII - 1-й половине XIII века главным элементом в Степном Поднепровье были славяне, выходцы из Среднего Поднепровья, которые смешались с потомками славян-уличей и алано-болгар, а часть населения, вероятно, были половцы. Во 2-й половине XIII - XIV вв. во время монголо-татарского нашествия наблюдается значительное перемещение населения. Возможно, в этот период население состояло из местных жителей и осевших кочевников-половцев. Очевидно, что среди осевшего населения были и потомки болгар (Козловский А.А., 1992, с.174-175). Таким образом, до сих пор остается нерешенным вопрос об антропологическом составе средневекового населения Нижнего Поднепровья.

До последнего времени оседлое население было представлено краниологическими сериями из 2-х грунтовых могильников: Каменка (Кондукторова Т.С., 1957) и Каиры (Зиневиц Г.П., 1967). Антропологическая серия из могильника Каменка характеризуется брахикранией, среднешироким лицом, умеренным выступанием носовых костей и некоторой тенденцией к уплощенности лица в горизонтальной плоскости. Визуально отмечено присутствие монголоидной примеси (Кондукторова Т.С., 1957, с.55-59). Краниологический материал из могильника Каиры представлен мезокранными (мужчины) и брахикранными (женщины) черепами, лицо мезогнатное, хорошо профилировано в горизонтальной плоскости, переносье высокое, однако угол выступления носовых костей умеренный. В женской серии отмечена неболь-

шая примесь монголоидных элементов: наблюдается ослабление горизонтальной профилировки лица на верхнем и среднем уровне, более плоское переносье, менее выступающий нос. При сопоставлении черепов из Каир отмечено значительное сходство с серией из Каменки, особенно женской. Наблюдается сходство по большинству признаков с сарматами Нижнего Поднепровья, однако существует отличие по ширине лица и величине углов горизонтальной профилировки (Зиневиц Г.П., 1967, с.154, 158).

С 1989 года археологическая экспедиция ЗГУ (руководитель Г.Н.Тощев) проводит планомерное исследование грунтового могильника Мамай-Сурка (с. В.Знаменка Каменко-Днепровский район Запорожская обл.). Могильник датируется концом XII - XIV вв. (Ельников М.В., 1997, с.19). В настоящее время исследовано 973 погребения (Ельников М.В., 1998, с.76). Плохая сохранность и значительная посмертная деформация черепов затрудняют изучение палеоантропологического материала из могильника. По краниологической программе исследовано 28 мужских и 26 женских черепов.

Мужская серия по форме черепной коробки характеризуется как мезокранная на границе с брахикранной (черепной указатель 79.3) и состоит из 4 долихокраничных, 10 мезокраничных и 7 брахикраничных черепов. Мозговой отдел черепа имеет средние величины продольного и поперечного диаметров, однако эти признаки обладают значительным размахом вариации, на что указывает сильно завышенное квадратическое отклонение. Высотный диаметр от базиса - средний на границе с большим (136.6). Лицевой отдел мужских черепов характеризуется средними широтными и высотными размерами. Скуловой диаметр измерен на 23 черепах и составляет 131.4 мм, верхняя и полная высота лица равны соответственно 69.1 мм и 115.6 мм. В результате такого соотношения широтных и высотных размеров лицевой отдел мужских черепов характеризуется мезенной (верхний лицевой указатель 51.3) и резко выраженной лепторозопной формой (общий лицевой указатель - 85.8). Вертикальный профиль лицевого отдела ортогнатный (общий угол лицевого профиля - 85.7). Горизонтальная профилировка верхнего и среднего отдела лица, в целом, свидетельствует о европеоидном строении лица (назональный угол - 138.6, зигмаксиллярный - 127.6), однако следует отметить, что в 11 случаях из 27 отмечена слабая профилировка верхнего (141.0 - 147.0) и среднего отдела лица (129.5 - 136.0). Глубина клыковой ямки средняя - 5.1 мм. Строение носа характеризуется средней шириной и высотой и

имеет мезоринную форму (носовой указатель - 49.4), орбиты по указателю мезоконхные (77.4). Дакриальный и симотический указатели (67.1 и 53.3) свидетельствуют о высоком и хорошо профилированном переносе. Угол выступания носовых костей большой (30.5). В строении нижнего края грушевидного отверстия преобладают антропические формы - 77 %.

Женские черепа характеризуются средним продольным (171.3 мм) и большим поперечным (140.3 мм) диаметрами. Величина черепного указателя колеблется от 74.5 мм до 92.6 мм, т.е. в серии представлены все три формы мозговой коробки: 2 - умеренно долихокраничных, 7 - мезокраничных и 14 брахикраничных черепов. В среднем, женская серия характеризуется брахикранией (черепной указатель - 82.0). Высотный диаметр от базиса средний (128.5 мм). Лицо средневисокое и среднеширокое на границе с широким, ортогнатное. Лоб умеренно покатый, широкий. В верхней части лица, в целом, профилировано умеренно, однако в 17 случаях из 24 назомалярный угол больше 140.0, зигомаксиллярный угол больше 130.0 на 9 черепах из 23, хотя, в среднем, по серии величина зигомаксиллярного угла равна 127.3, т.е. находится в пределах европеоидных величин. Величины углов горизонтальной профилировки свидетельствуют о тенденции к уплощенности лица в верхней и средней его части. Глубина клыковой ямки средняя - 5.0 мм. Нос средневисокый и среднеширокий, характеризуется мезоринной формой. Нижний край грушевидного отверстия, в большинстве случаев, имеет антропическую форму (60.9 %). Женская серия характеризуется средним выступанием переноса и большим выступанием носовых костей. Орбиты средней ширины, низкие, по указателю мезоконхные (79.8).

Величины квадратического отклонения большинства признаков в мужской и женской серии из могильника Мамай-Сурка значительно превышают стандартные (Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф., 1964), что свидетельствует о неоднородности представленного материала. Большой вариабельностью отличаются следующие признаки: продольный, поперечный и высотный диаметры, верхняя высота лица, высота носа, углы вертикальной и горизонтальной профилировки лица, симотическая и дакриальная высота и др. Для анализа краниологической серии из могильника Мамай-Сурка привлечены данные о внутригрупповых коэффициентах корреляции. В качестве стандартных для сравнения использованы коэффициенты, опубликованные Я. Я. Рогинским (1954), для однородных серий армян и хантов, где расхождения наблюдались в 8% случаев. Внутригрупповые коэффициенты корреляции в мужской и женской серии рассчитаны для 16 наиболее таксономически значимых признаков: продольный, поперечный, высотный и скуловой диаметры, длина основания черепа, наименьшая ширина лба, верхняя высота лица, ширина носа, назомалярный и зигомаксиллярный углы, симотическая, максиллофронтальная, дакриальная ширина и высота.

Характер внутригрупповой корреляции между признаками свидетельствует о нарушении нормальных функциональных связей между краниологическими признаками, которые выражаются в появлении обратных знаков, завышении или занижении абсолютной величины коэффициентов. Так, из 120 коэффициентов в мужской серии 30 (25 %), в женской 33 (27.5 %) имеют отрицательную связь; низкие коэффициенты корреляции (менее 0.3) наблюдаются в мужской серии в 75 случаях (62.5 %), в женской в 61 (50.8 %). Внутригрупповой корреляционный анализ выявил следующие закономерности: в мужской серии с увеличением назомалярного угла увеличивается зигомаксиллярный угол, усиливается уплощенность переноса; более широколицые формы имеют уплощенность на среднем (зигомаксиллярном) уровне лица. Назомалярный и зигомаксиллярный углы с большинством признаков связаны отрицательной зависимостью: с высотным диаметром от базиса (-0.660, -0.397) и верхней высотой лица (-0.403, -0.479). Таким образом, у черепов с небольшой высотой свода и низким лицом чаще встречается уплощенный горизонтальный профиль лицевого отдела.

Анализ внутригрупповой корреляции между признаками свидетельствует о неоднородном антропологическом составе мужской и женской серии из могильника Мамай-Сурка. Морфологические варианты, судя по характеру внутригрупповой корреляции, различаются по продольному, поперечному и высотному диаметрам, по ширине и высоте лица, горизонтальной профилировке лица, выступанию носа.

Метод внутригрупповых корреляций указывает на нарушенную функциональную связь между признаками и морфологическую неоднородность серии из могильника Мамай-Сурка. Поэтому для объективности полученных данных был использован один из методов многомерной статистики - факторный анализ (МГФ - метод главных факторов) (Дерябин В.Е., 1983; Хартанович В.И., Чистов Ю.К., 1984). Для успешного решения основных задач методом главных факторов необходим правильный подбор краниометрических признаков. В факторный анализ рекомендуются включать большее количество разнообразных переменных. Для средневековых серий В. И. Хартановичем и Ю. К. Чистовым (Хартанович В.И., Чистов Ю.К., 1984, с. 85, 86) предложены признаки, важные для разработки проблем антропологической классификации: высотный диаметр от ба, наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, верхняя высота лица, назомалярный и зигомаксиллярный углы, угол лба от nas, общий лицевой угол, угол выступания носа к линии профиля, черепной и носовой указатели, орбитный указатель по ширине от mf, дакриальный и симотический указатели. Морфологические различия между черепами можно проследить на основании значений факторных нагрузок и определить признаки, играющие первостепенную роль в разграничении типов. Значения факторных весов в мужской серии представлены в таблице.

№ п/п	Признаки по Мартину и др.	f1	f2	f3	f4
1	17	0.500	0.439	-0.135	0.075
2	9	-0.108	-0.210	0.240	0.357
3	45	0.671	0.443	-0.155	0.177
4	48	-0.557	0.699	-0.133	0.360
5	77	0.019	-0.466	0.350	0.724
6	Zm	0.376	-0.588	0.080	-0.384
7	32	0.908	0.016	0.050	-0.087
8	72	0.893	0.057	0.103	-0.075
9	75(1)	0.615	-0.061	0.263	0.149
10	8:1	0.732	0.504	-0.121	0.154
11	52:51	-0.441	0.451	0.180	-0.303
12	54:55	0.276	-0.455	-0.235	0.090
13	SS:SC	0.027	0.363	0.917	-0.163
14	DS:DC	-0.020	0.133	0.191	-0.017
	Общая дисперсия %	28.3	16.5	9.4	8.2

Фактор 1 (28.3 % общей дисперсии): наибольшие нагрузки отмечены для следующих признаков (в порядке убывания величин нагрузок): угол профиля лба, общий угол лица, черепной указатель, скуловой диаметр, угол выступания носа, высотный диаметр от базиса. Если признаки связаны положительными корреляциями (в однородной выборке), то первый фактор, обычно, имеет положительные нагрузки на всех признаках. Остальные факторы имеют положительные нагрузки на одной половине признаков и отрицательные на другой. В данном случае антропологическая серия из могильника Мамай-Сурка морфологически неоднородна, поэтому в первом факторе отмечена отрицательная нагрузка по ряду признаков: верхняя высота лица, орбитный указатель, наименьшая ширина лба, дакриальный указатель.

Фактор 2 (16.5 % общей дисперсии) связан с изменчивостью верхней высоты лица и зигомаксиллярного угла. Фактор 3 (9.3 % общей дисперсии) отмечена большая нагрузка для симотического указателя. Из значений нагрузок переменных по фактору 4 (8.2 % общей дисперсии) видно, что назомаллярный угол варьирует независимо от других показателей.

Учитывая знаки факторных нагрузок, следует отметить, что в изучаемой группе изменчивость признаков по первому фактору выражается в том, что уменьшение высоты лица сопровождается увеличением черепного указателя, скулового диаметра, угла наклона лба, общего лицевого угла, угла выступания носа. Углы, характеризующие горизонтальную профилировку лица, не связаны с этим фактором. Фактор 2 показывает, что при уменьшении зигомак-

силлярного угла увеличивается верхняя высота лица. Результаты внутригруппового факторного анализа свидетельствуют о неоднородном составе мужской серии из могильника Мамай-Сурка. Морфологические различия между индивидуумами наблюдаются по ряду признаков: черепному указателю, высоте свода черепа, ширине и высоте лица, углам вертикальной и горизонтальной профилировки лица, углу выступания носа и носовых костей. Те же тенденции прослеживаются и в женской серии, за исключением углов горизонтальной профилировки лица, где уплощение лица на верхнем и среднем уровнях выражено сильнее, чем у мужчин, и наблюдается как на брахикранных, так и на мезокранных черепах.

В целом, строение лицевого скелета в мужской и женской краниологической серии европеоидное. Основные признаки, дифференцирующие европеоидов и монголоидов: горизонтальная профилировка лица, выступание носа и высота переносья имеют в группе европеоидную выраженность, хотя на отдельных черепах, в большей мере женских, прослеживается ослабление горизонтальной профилировки на верхнем и среднем уровнях, слабое выступание носа и носовых костей, связанное с небольшой долей примеси монголоидных элементов.

Изучение внутригрупповой структуры краниологической серии из могильника Мамай-Сурка, проведенное различными методами, свидетельствует об антропологической неоднородности серии и наличии в ней 2-х морфологических типов. Первый характеризуется мезокранией, высоким сводом черепа, узким и низким лицом, хорошо профилиро-

ванным в горизонтальной плоскости, со значительно выступающим носом и развитым переносьем, второй компонент брахикранный с низким сводом черепа, лицо среднеширокое, низкое, в горизонтальной плоскости лицо уплощено, выступание носа и переносья среднее. Населению данного могильника присущи признаки, характерные для южных средиземноморских групп европеоидной расы с небольшой монголоидной примесью.

Для сопоставления населения, оставившего могильник Мамай-Сурка, и населения ранних, синхронных и более поздних культур с этой и соседних территорий применено несколько статистических методов: одна из моделей факторного анализа - МГК (метод главных компонент) (Дерябин В.Е., 1983; Хартанович В.И., Чистов Ю.К., 1984), кластерный анализ (Дерябин В.Е., 1983; Алексеев В.П., Трубникова О.Б., 1984), метод сопоставления групп по формуле Пенроза (Penrose L., 1964; Knussman R., 1967; Дерябин В.Е.,

1983). Внутригрупповой и межгрупповой анализ осуществлен на основе пакета программ «Systat» при непосредственной помощи и участии сотрудника Института археологии НАН Украины А. Н. Петрашенко.

Для межгруппового многомерного статистического анализа привлечены следующие материалы.

К сожалению, для межгруппового анализа не удалось привлечь краниологические серии кочевников с территории Украины, исследованные Г. Ф. Дебецом (1948), Г. П. Зиневич и С. И. Круц (1968). Эти материалы представлены небольшим количеством признаков, и определение доли кочевнического компонента в сложении оседлого населения юга Украины пока еще затруднено.

Подбор краниометрических признаков для факторного и кластерного анализа не случаен. Это наиболее важные диагностические признаки для разграничения европеоидной и монголоидной расы: высотный диаметр от базиса, наименьшая ширина

№ п/п	Краниологическая серия	Источник
1	Каменка	Кондукторова 1957
2	Каиры	Зиневич 1967
3	Зливки	Наджимов 1955
4	Салтово	Алексеев 1962
5	Дмитровское	Кондукторова; Сегеда 1990
6	Сарматы Украины	Кондукторова 1972
7	Поляне киевские	Алексеева 1973
8	Поляне переяславские	Алексеева 1973
9	Поляне черниговские	Алексеева 1973
10	Северяне	Алексеева 1973
11	Бранешты	Великанова 1975
12	Лимбарь	Великанова 1975
13	Змейская	Алексеев; Гохман 1984
14	Дубаюрт	Алексеев; Гохман 1984
15	Гамовское и др. ущелья	Алексеев; Гохман 1984
16	Кайбелы 8-9 вв.	Герасимова 1956
17	Кайбелы 10-12 вв.	Герасимова 1956
18	Б.Тарханы	Акимова 1964
19	Четырехугольник 10-13 вв.	Рудь 1987
20	Сарматы Поволжья	Тот; Фирштейн 1970
21	Чигирин	Рудич 1997
22	Половцы Калмыкии	Шевченко 1980
23	Курганы Нижнего Поволжья	Дебец 1948; Яблонский 1987
24	Мамай Сурка	Литвинова 1997

лба, скуловой диаметр, верхняя высота лица, назо-малярный и зигомаксиллярный углы, угол наклона лба, общий угол лица, угол выступания носа, указатели: черепной, носовой, орбитный, дакриальный и

симотический (Хартанович В.И., Чистов Ю.К., 1984, с.85, 86).

Краниологические серии, привлеченные для межгруппового анализа, происходят с территории Украины,

Признаки по Мартину и др.	N	min	max	M	S
1. Продольный диаметр	26	162	197	180	9.29
8. Поперечный диаметр	22	130	150	142.1	5.38
17. Высотный диаметр /basion-bregma/	20	127	148	136.5	6.56
20. Высотный диаметр /porion-bregma/	22	110.7	123.4	116.2	3.83
5. Длина основания черепа	20	93	113	104.2	5.16
9. Наименьшая ширина лба	28	86	109	97.9	4.96
12. Ширина затылка	24	103	141	111.6	7.79
45. Скуловой диаметр	23	126	145	134.1	5.21
40. Длина основания лица	20	89	111	99.2	4.88
48. Верхняя высота лица	28	58	76	69.1	8.39
55. Высота носа	28	42	62	51.5	3.65
54. Ширина носа	28	22	28	25.3	1.61
51. Ширина орбиты /maxillofrontale/	28	39	45	41.7	1.44
52. Высота орбиты	28	28	36	32.3	2.07
77. Назомалярный угол	27	124.5	147	138.6	5.43
Zm. Зигомаксиллярный угол	27	113.5	147	127.6	6.74
SC. Симотическая ширина	28	6	12.5	9.1	1.81
SS. Симотическая высота	28	3	7	4.8	1.33
DC. Дакриальная ширина	24	18	25	21.3	2.05
DS. Дакриальная высота	24	10	18	14.1	2.17
32. Угол профиля лба /nasion/	22	74	94	83.7	5.28
72. Общий лицевой угол	20	79	92	85.7	3.76
75(1). Угол выступания носа	15	14	40	30.5	7.05
8:1. Черепной указатель	22	66.3	88.2	79.3	4.84
40:5. Указатель выступания лица	20	84.9	103	95.2	3.82
48:45. Верхне-лицевой указатель	23	43.9	73.5	51.3	6.26
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	20	40.8	69.5	51.1	6.17
52:51. Орбитный указатель /maxillofrontale/	28	69.7	85.3	77.4	4.38
54:55. Носовой указатель	28	41	61.9	49.4	5.04
SS:SC. Симотический указатель	28	30	85.7	53.3	13.6
DS:DC. Дакриальный указатель	24	40	94.4	67.1	13.04

Табл. 1. Средние размеры мужских черепов.

Table I. The average sizes of the male skulls.

Table 1. Durchschnittliche Grofien der mnnlichen Schadel.

Tableau I. Grandeur moyenne des cranes masculins

ется для межгруппового сравнения (Чистов Ю.К., Хартанович В.И., 1984; Шевченко А.В., 1984). Следует отметить, что в анализе использовались краниологические серии, где по всем 14 признакам отсутствуют значения "0", т.е. серии с "полной реализацией"; отсутствие одного или нескольких признаков может существенно повлиять на результаты факторного и кластерного анализа. С помощью факторного анализа были обработаны данные по 24 мужским сериям, определены признаки, которые дифференцируют группы, а также их нагрузки. Первая и вторая координатные оси четырехмерного пространства

представляют 56 % всей межгрупповой изменчивости системы 14 признаков. Взаимоотношения признаков по 1 компоненте характеризуют брахикранов (8:1. 0.783) с малой высотой черепа (17. -0.419), большими размерами лицевого скелета (45. 0.880; 48. 0.784), уплощенным в горизонтальной плоскости лицом на верхнем (77. 0.880) и среднем (Zm. 0.753) уровне. Взаимоотношения признаков во 2 компоненте отражают 23.8% общей дисперсии. Большие значения по 2 координатной оси соответствуют группам с большой высотой черепа (17. 0.572), значительным выступанием носа (75(1). 0.723), и носовых костей

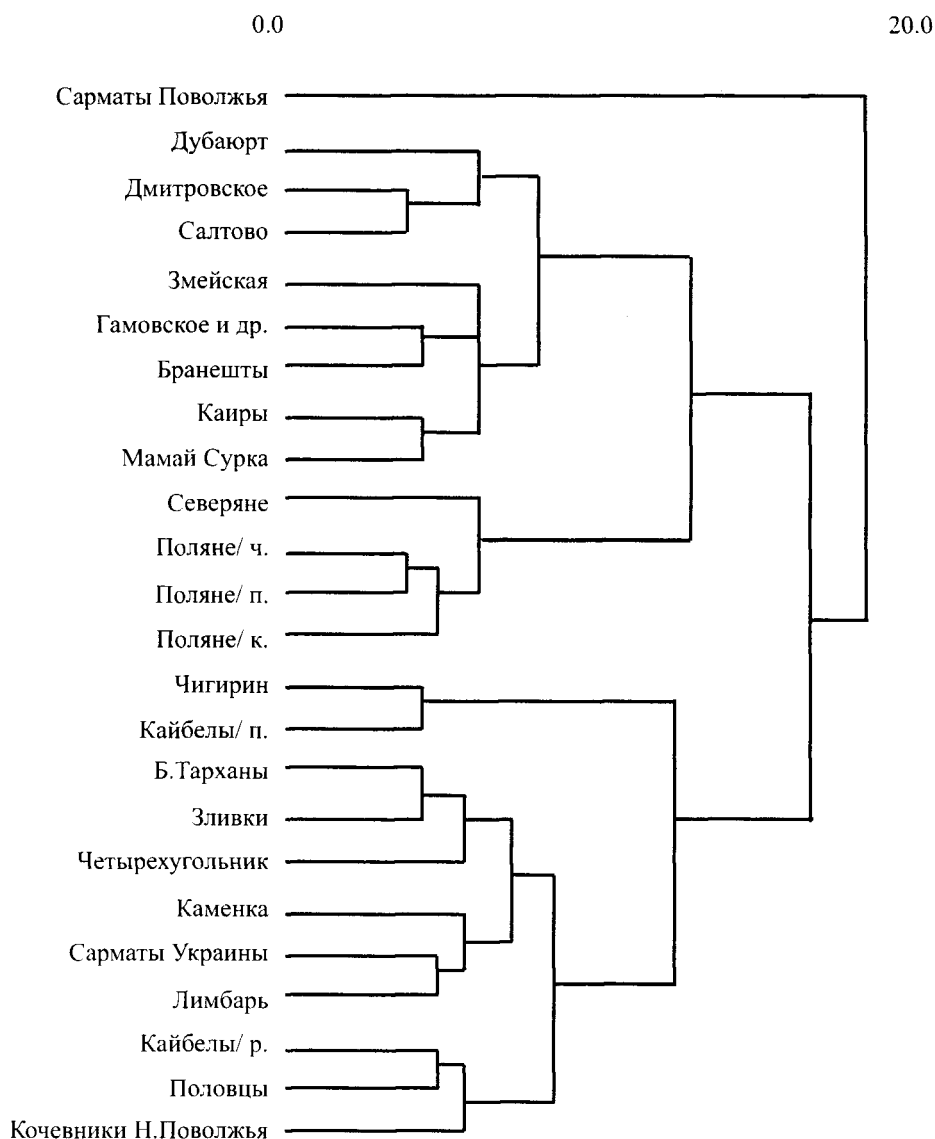

Табл. 3. Результаты кластерного анализа матрицы расстояний Эвклида (мужчины).
 Table 3. The results of the cluster analysis of the Euklid Distances matrix (men).
 Tabelle 3. Ergebnisse der Klusteranalyse von Abstandsmatrix Euklidus. (Männer).
 Tableau 3. Résultats de l'analyse clastérale de matrice des distances Euklide (nommes)

(SS:SC. 0.731), хорошо развитым переносом (DS: DC. 0.544).

Итак, различия между сравниваемыми группами довольно значительны. Четкими дифференцирующими признаками являются форма черепа, размеры лицевого отдела, высота свода черепа, углы горизонтальной профилировки лица, выступание носа и переносья. В целом, весь массив серий делится на несколько групп, различающихся, в основном, по вышеперечисленным признакам. Наиболее близки к мужской серии Мамай-Сурки оказались Каиры, Бранешты, Дмитровское, Салтово, Змейская, Дубаюрт, Гамовское. В общем, они характеризуются долихо-мезокранной формой черепной коробки, достаточно высоким сводом черепа, значительным выступанием носа, носовых костей и переносья. Во вторую группу вошли брахикранные серии с малой высотой свода черепа, широким и средневысоким лицом, уплощенным в горизонтальной плоскости лицом: Каменка,

Зливки, Лимбарь, Б.Тарханы, Четырехугольник X - XIII вв., Кайбелы VIII - X вв., Кайбелы X - XII вв., Сарматы Украины, Курганы Нижнего Поволжья (кочевники), Половцы Калмыкии, Чигирин. Сборная серия кочевников (Курганы Нижнего Поволжья) и Половцы Калмыкии отличаются от других серий своеобразным сочетанием морфологических признаков: широким, высоким, значительно уплощенным лицом со значительно выступающими носовыми костями.

Кластерный анализ обобщенных расстояний между группами проводится с применением иерархической процедуры Уорда, расстояния между популяциями рассчитаны по 14 признакам. Кластерный анализ, в общем, дублирует результаты факторного анализа, проявляя те же тенденции. Мужские серии разделились на 3 кластера. Первый и второй кластеры совпадают с описанными выше группами (по результатам факторного анализа). Третий кластер

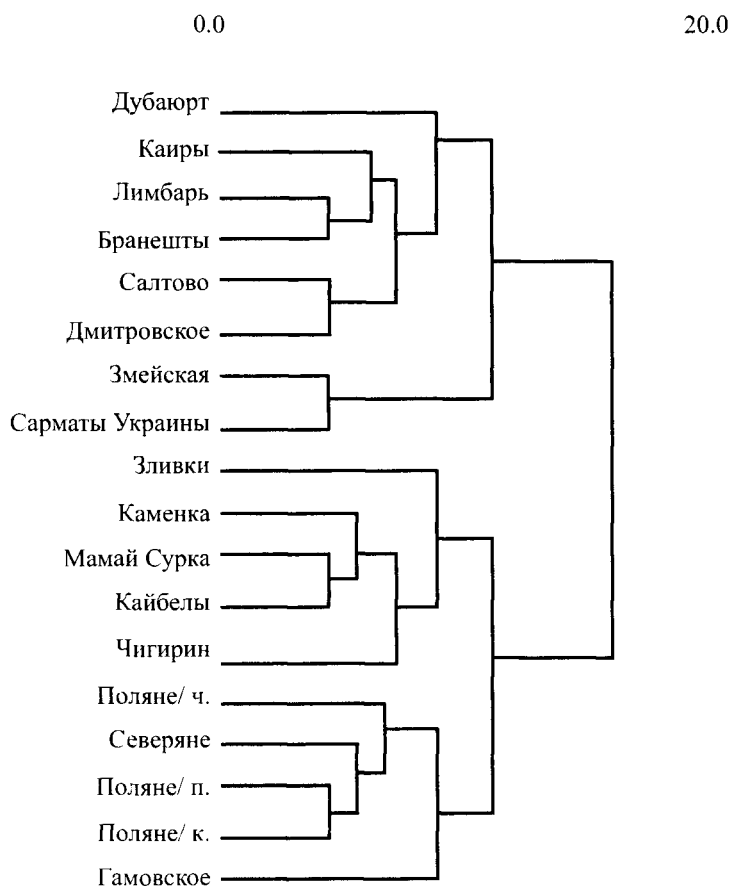

Табл. 4. Результаты кластерного анализа матрицы расстояний Эвклида (женщины).

Table 4. The results of the cluster analysis of the Euklid Distances matrix (women).

Tabelle 4. Ergebnisse der Klasteranalyse von Abstandsmatrix Euklidus (Frauen).

Tableau 4. Résultats de l'analyse clastérale de matrice des distances Euklide (femmes)

представляют славянские серии полян и северян, которые проявляют некоторое сходство со средневековыми сериями из Нижнего Поднепровья: Каиры и Мамай-Сурка, аланскими сериями Дмитровское, Салтово, Змейская, Гамовское, Дубаюрт и серией тиверцев из Бранешт. Женская серия из могильника Мамай-Сурка по результатам кластерного анализа морфологически близка к сериям Кайбелы X-XII вв., Каменки, Чигирина и Зливок. Эти серии характеризуются брахикранией, широким и средневысоким лицом, ослабленной горизонтальной профилировкой, особенно на верхнем уровне, с хорошо профилированным носом или переносем. Таким образом, женская серия могильника Мамай-Сурка имеет иное направление связей, проявляя большее сходство с сериями брахикранов с широким и уплощенным лицом протоболгарского облика.

Для сопоставления групп по формуле Пенроза привлечены 22 мужские серии. Суммарные расстояния между популяциями рассчитаны по 17 признакам: продольный, поперечный и высотный диаметры, наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, верхняя высота лица, высота и ширина орбит, высота и ширина носа, угол наклона лба, общий угол лица, угол выступания носовых костей, назомаларный и зигмаксиллярный углы, симотическая высота и ширина. В данном случае использовалась формула, приведенная в книге В. Е. Дерябина (1983).

Результаты сопоставления групп показывают, что наибольшую морфологическую близость к муж-

ской серии Мамай-Сурка проявляют серии: Каиры (суммарное расстояние - 0.044), Лимбарь (0.057), аланские серии Северного Кавказа: Змейская (0.074), Гамовское (0.088); поляне киевские (0.092), Дмитровское (0.109). Отсутствие морфологической связи отмечено с половцами Калмыкии (0.591).

Изучение палеоантропологического материала из средневекового могильника Мамай-Сурка показывает, что населению присущи признаки, характерные для южных средиземноморских групп европеоидной расы. Признаки, составляющие комплекс монголоидных особенностей, имеют, в среднем, европеоидную выраженность. Однако, учитывая некоторую уплощенность лица, в большей степени в женской серии, в этой группе населения отмечена небольшая монголоидная примесь.

Внутригрупповой анализ мужской и женской серии показал неоднородный антропологический состав населения, в котором прослеживается 2 морфологических типа. Население, оставившее могильник Мамай-Сурка, близко по ряду признаков средневековому оседлому населению Нижнего Поднепровья (Каиры и Каменка), населению салтово-маяцкой культуры (в большей степени аланскому и в меньшей - болгарскому вариантам), аланским сериям Северного Кавказа, серии тиверцев из Бранешт; нельзя отрицать некоторое сходство с сериями полян и северян.

Литература и архивные материалы

1. Акимова М. С., 1964. Материалы к антропологии ранних болгар // Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М.
2. Алексеев В. П., 1962. Антропология Салтівського могильника // Матеріали з антропології України. Вип. 2. К.
3. Алексеев В. П., Гохман И. И., 1984. Антропология азиатской части СССР. М.
4. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.
5. Алексеев В. П., Трубникова О.Б., 1984. Некоторые проблемы таксономии и генеалогии азиатских монголоидов (краниометрия). Новосибирск.
6. Алексеева Т. И., 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.
7. Бубенок О. Б., 1997. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI - начало XIII вв.). К.
8. Великанова М.С., 1975. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.
9. Герасимова М. М., 1956. Скелеты древних болгар из раскопок у с. Кайбелы // АС. Т. 1. ТИЭ. 33. Саранск.
10. Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР. ТИЭ. Т.4. М.-Л.
11. Дерябин В. Е., 1983. Многомерная биометрия для антропологов. М.
12. Добровольский А.В., 1949. Сліди перебування слов'ян 12-13 ст. у Надпоріжжі // АП УРСР. Т.1. К.
13. Ельников М.В., 1997. Грунтовой могильник Мамай-Сурка в Нижнем Поднепровье // Запорозьке козацтво в пам'ятках історії. Матеріали міжнародної наук.-практ. конференції. Секція 1, 2. Запоріжжя.
14. Ельников М.Е., 1998. Исследование грунтового могильника Мамай-Сурка в 1997 - 98 гг. // Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр. К.

15. Зіневич Г. П., 1967. Очерки палеоантропологии Украины. К.
16. Зіневич Г. П., Круц С. І., 1968. Антропологічна характеристика давнього населення території України. К.
17. Козловський А. О., 1992. Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в 9 - 14 ст. К.
18. Кондукторова Т.С., 1957. Палеоантропологические материалы из средневекового Каменского могильника// Советская антропология. № 1.
19. Кондукторова Т.С., 1972. Антропология древнего населения Украины. М.
20. Кондукторова Т.С., Сегеда С.П., 1990. Палеоантропологические материалы из могильника салтово-маяцкой культуры у с. Дмитровское// Вопросы антропологии. № 85.
21. Литвинова Л. В., 1997. Палеоантропологический материал из средневекового могильника Мамай Сурка// Запорозьке козацтво в пам'ятках історії та культури. Матеріали міжнародної наук.-практ. конференції. Секція 1, 2. Запоріжжя.
22. Наджимов К. Н., 1955. О черепах Зливинского могильника// КСИЭ АН СССР. Вып.24.
23. Плетнева С. А., 1981. Печенеги, торки, половцы// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
24. Рогинский Я. Я., 1954. Величина изменчивости измерительных признаков черепа и некоторые закономерности их корреляции// Ученые записки МГУ. Вып. 166. М.
25. Рудич Т. О., 1997. Антропологічний склад населення м.Чигирин 16 - 17 ст. (за матеріалами козацького цвинтаря)// Запорозьке козацтво в пам'ятках історії та культури. Матеріали міжнародної наук.-практ. конференції. Секція 1, 2. Запоріжжя.
26. Рудь Н. М., 1987. Антропологические данные к вопросу об этнических взаимоотношениях на Средней Волге в X - XIV вв.// Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т., 1987. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.
27. Рыбаков Б. А., 1950. Уличи// КСИИМК. Вып. 35.
28. Сміленко А. Т., 1975. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II - XII ст.). К.
29. Толочко П. П., 1975. Киевская земля// Древнерусские княжества в X - XII вв. М.
30. Тот Л. А., Фирштейн В. В., 1970. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л.
31. Хартанович В. И., Чистов Ю. К., 1984. Антропологический состав средневекового населения Ижорского плато (применение двух моделей факторного анализа в краниологическом исследовании)// Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л.
32. Шевченко А. В., 1980. Антропологическая характеристика населения низовьев Волги (по краниологическим материалам могильника Хан-Тюбе)// Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л.
33. Шевченко А. В., 1984. Палеоантропологические данные к вопросу о происхождении населения срубной культурно-исторической общности// Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л.
34. Яблонский Л. Т., 1987. Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии (монголы в средневековых городах Поволжья)// Герасимова М. М., Рудь Н.М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.
35. Knussman R., 1967. Penrose. Abstand und Diskriminanzanalyse// Homo. Bd. 18.
36. Penrose L., 1954. Annales of eugenics. Vol.18.

Summary

L.V. Litvinova (Kiev)

The Population of the Lower Dnieper Basin in the XIIth-the XIVth Centuries (on Materials of Mamay-Surka Sepulture)

The article provides the paleoanthropological material from the medieval ground sepulture of Mamay-Surka. The study of the inner group structure of the craniological series gave evidence of heterogeneous character of the population which had made the burial ground. The intergroup analysis carried out by using several statistical methods showed that the following series appeared to be close: the series of the

settled population of the lower Dnieper Basin, to a greater degree of Alanian variant of Saltovo-Mayaki culture and to a less degree of Bulgarian (protoBulgarian) one. A certain similarity with the series of Polyans and Severyans should be also mentioned.

L.W., Litwinowa (Kiev)
Die Bevölkerung des unteren Dneprs in den XII.-XIV. Jh.
(nach dem Material der Grabstätte Mamaj-Surka)

Im Bericht wird das paläoanthropologische Material aus der mittelalterlichen Grabstätte Mamaj-Surka vorgestellt. Die Forschung der Innergruppenstruktur der kranilogischen Serie zeugt von dem ungleichartigen Bestand der diese Grabstätte hintergelassenen Bevölkerung. Die Zwischengruppenanalyse, die mit Hilfe einiger statistischer Methoden durchgeführt wurde, zeigt, daß die Serien der sesshaften Bevölkerung des unteren Dneprs (der Saltowo-Majaki-Kultur) mehr der elanischen und weniger der bulgarischen (protobulgarischen) Variante nahe sind. Es wurde eine gewisse Ähnlichkeit mit den Serien der Polanen und der Sewerjanen unterstrichen.

L.V. Litvinova (Kiev)
Population du bas Dniepr aux XII-XIV siècles
(d'après les données de la nécropole Mamaï-Sourka)

Cet article présente une analyse du matériel paléanthropologique de la nécropole souterraine du Moyen âge de Mamaï-Sourka. L'étude de la structure de la série cranéologique témoigne de la composition hétérogène de cette nécropole. L'analyse entre groupes, faite à l'aide des méthodes statistiques, manifeste que les groupes de populations sédentaires sur le territoire du bas Dniepr se trouvent proches de la culture saltov-maïaki. L'auteur indiqu également une certaine similitude avec les groupes des polians et des sévérians.

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ XVI-XVII ВВ.

Проблемы этногенеза украинского народа продолжают оставаться актуальным предметом исследования. Изучение сложных процессов этнокультурного развития базируется на данных разных источников: археологических, исторических, лингвистических, этнографических, антропологических. Антропологический состав древнего населения Украины неоднократно был предметом научных исследований, однако, краниологическому типу украинцев уделялось мало внимания. Этому вопросу посвящены работы В. И. Бушковича (Buschkowitsch W.J., 1927, 1928), В. П. Алексеева (Алексеев В. П., 1972), П.М.Покаса (Покас П.М., 1993).

В научный оборот было введено 190 черепов из разных регионов Украины, большая часть которых относится к XIX-XX вв. и только несколько к XV-XVIII вв. Значение каждой антропологической серии эпохи позднего средневековья сложно переоценить, так как в них нашли свое отражение сложнейшие процессы смешения населения и отдельные миграции. Анализ краниологических материалов позволяет, в какой-то мере, проследить генетическую преемственность между отдельными группами населения, сравнить антропологический тип населения Украины позднего средневековья с типами отдельных групп средневекового славянства эпохи Киевской Руси и их соседей.

Серия черепов, о которой пойдет речь в данной статье, происходящая из раскопок могильника в Чигирине, к сожалению, является единственной, которая датируется XVI-XVII вв.

В 1993-94 годах Чигиринской археологической экспедицией ИА НАН Украины (руководитель П.А.Горишний) проводились раскопки могильника в центре города Чигирин. Археологический материал дал возможность автору раскопок считать его казацким кладбищем конца XVI - первой половины XVII вв. Было открыто около 250 погребений. Пригодными для краниометрических измерений по широкой программе, принятой отечественной антропологической школой (Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964), оказались 27 мужских и 23 женских черепа.

Серия мужских черепов в среднем выражении характеризуется: средними размерами продольного и высотного диаметров черепа при большом поперечном диаметре. Черепа в среднем выражении по форме брахикранные, однако, имеют значительный размах вариаций. Лоб широкий, наклон лобной кости умеренный. Лицо имеет значительные размеры, как для верхней, так и для средней ширины лица, а также для скулового диаметра. Высота лица оказывается на границе средних и малых размеров, по указателю

- мезен. Лицо ортогнатное. Горизонтальная профилировка верхней части лица средняя, а на зигомаксиллярном уровне - хорошая на границе со средней. Клыковая ямка среднеглубокая. Нос среднеширокий. Переносье широкое, по симотическому и дакриальному указателям - высокое и хорошо профилированное. Выступление носа значительное. Орбиты низкие, как по абсолютным размерам, так и по указателю.

Женская серия характеризуется средним продольным диаметром, средними на границе с большими размерами поперечного и высотного диаметров черепа. Черепа в среднем выражении по форме брахикранные, но имеют значительный размах вариаций. Лоб широкий, наклон лба средний. Лицо среднеширокое и средневысокое, по указателю - мезен. Ортогнатное. Горизонтальная профилировка лица умеренная на верхнем уровне и хорошая на среднем. Глубина клыковой ямки средняя. Нос среднеширокий. Переносье широкое, по указателям высокое и хорошо профилированное. Выступление носа среднее. Орбиты низкие.

Средние размеры черепов поданы в таблицах (табл. 1-2).

Уже визуальный осмотр серии предполагает ее неоднородность. Это подтверждает и статистическая обработка. Сильный размах изменчивости признаков отражает внутрigrupповые отличия. Сравнение квадратических отклонений признаков, коэффициентов вариации признаков со стандартными (Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964, с. 123-127) показывает повышенную вариабельность по многим параметрам (в 24 случаях из 34 в мужской серии и в 13 из 34 в женской).

Для внутрigrupпового анализа краниологической серии из Чигирина привлечены данные о коэффициентах корреляции. Внутрigrupповые коэффициенты корреляции в мужской и женской серии были рассчитаны для 16 пар наиболее таксономически значимых признаков. В качестве стандартных для сравнения использованы коэффициенты, опубликованные Я. Я. Рогинским (Рогинский Я.Я., 1954, с. 57-92) и С. Г. Ефимовой (Ефимова С.Г., 1991, с. 86). При сравнении коэффициентов нашей группы со стандартными, в большинстве случаев отмечаются расхождения, что проявляется в появлении обратных знаков, завышении или занижении абсолютных величин коэффициентов корреляции. Это свидетельствует о нарушении нормальных функциональных связей между краниологическими признаками и еще раз подтверждает антропологическую неоднородность серии.

Для выяснения характера неоднородности серии мы сочли необходимым остановиться на анализе дан-

ных по парным корреляциям признаков, так как использование более совершенных методов многомерной статистики приводит к значительному сокращению выборки или отказу от ряда таксономически важных признаков, что, при довольно плохой сохранности материала на данном могильнике, приводит к значительным потерям.

Внутригрупповой анализ корреляционной сетки мужских черепов чигиринской серии выявляет следующие закономерности. В группе с увеличением высоты свода черепа увеличивается длина черепной коробки, но уменьшается ее ширина, увеличивается высота лица и орбит, уменьшается ширина носа, уменьшаются назомаллярный и зигомаксиллярный углы, общий лицевой угол.

Таким образом, корреляции отражают присутствие в мужской группе двух главных составляющих компонентов. Первый компонент отличается более длинной, высокой, но более узкой черепной коробкой, несколько более высоким лицом и орбитами, более узким носом, более резкой горизонтальной профилировкой лица. Второй компонент характеризуется более коротким, широким и низким черепом, более слабой горизонтальной профилировкой лица.

Близкая картина получается и по результатам внутригруппового кластерного анализа. Средние цифры по первому кластеру дают возможность охарактеризовать первый компонент как мезокраний, с большой высотой черепной коробки, широколицый, с сильной горизонтальной профилировкой лица, с сильновыступающим узким носом. Средние цифры по второму кластеру дают возможность говорить о втором компоненте как о брахикрании, со средней высотой черепного свода, со среднепрофилированным в горизонтальной плоскости лицом, более широким носом, но также широколицем.

Оба компонента представляют широколицые формы, но имеют разные истоки. Первый компонент может быть связан с гиперморфным вариантом европеоидной расы, издавна существующим на территории Украины и характерным для древлян, волянян (Дебец Г.Ф., 1948), тиверцев (Великанова М.С., 1975, с.91-113). Эти группы характеризуются массивными, высокими черепами, широкими лицами, сильным выступанием носа и хорошей горизонтальной профилировкой лица (информация о горизонтальной профилировке имеется по материалам тиверского могильника Бранешты и древлянского Возвягля). Надо отметить, что все древнерусские серии имеют меньший черепной указатель, но это малосущественно, в связи с процессом брахикефализации, который проходил в Восточной Европе. Из широколицых древнерусских групп первому компоненту из Чигирин ближе всего по пропорциям лица и орбит оказываются тиверцы. Таким образом, первый компонент, выделенный в чигиринской мужской группе, может быть связан с такими группами древнерусского времени как тиверцы, древляне и воляняне. Справедливости ради, надо

отметить, что близкие морфологические типы характерны и для отдельных групп населения Северного Кавказа, но при большей высоте лица у последних.

Значительно больше вопросов возникает при попытке связать второй компонент чигиринской серии с конкретной группой населения более ранних эпох в границах современной Украины. Брахикраний европеоидный тип с широким, несколько уплощенным на верхнем горизонтальном уровне лицом, в антропологической традиции, для предыдущих эпох, связывается с этнонимом «сарматы». Он был характерен для сарматских групп Украины, Нижнего Поволжья и Средней Азии. Этот же тип, с небольшой монголоидной примесью, характерен для населения Хазарии, некоторых серий Северного Кавказа, ряда памятников Крыма, отдельных групп Прутско-Днепровского междуречья эпохи средневековья (более конкретно об этих сериях мы поговорим в процессе межгруппового анализа).

Сарматы находились в сложных отношениях субстрата и суперстрата с целым рядом групп населения Восточной Европы эпохи средневековья. Они послужили в одних случаях существенной примесью, а в других – основой для отдельных групп населения, обитавшего в степных районах Восточной Европы. Сарматская культура прекратила свое существование как единое целое, со временем на значительных просторах Юго-Восточной Европы сформировалась салтово-маяцкая культура. Однако, какая-то часть сарматского населения продолжала существовать в Поволжье, на Северном Кавказе, Прикубанье, Крыму, в степных районах Украины, приняв участие в формировании тюркоязычного средневекового населения указанных территорий. Участие сарматского населения в формировании тюркоязычных групп на материалах Поволжья прекрасно освещается в работе М.М. Герасимовой, Н.М. Рудь, Л.Т. Яблонского (Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т., 1987, с. 83-252).

Сарматы на территории Украины известны, главным образом, по сборной серии, в которой доминируют материалы из Запорожской и Херсонской областей (Кондукторова Т.С., 1972, с.28-35). С ними антропологически сопоставим второй компонент чигиринской серии. Он сопоставим и с сарматскими группами Поволжья (Тот Т.А., Фирштейн Б.В., 1970). Но значительный - в полторы тысячи лет - разрыв между временем, которым датируются сарматские серии, и временем существования казацкого могильника в Чигирине, потребовал обратиться для сравнения к группам, более близким по времени, хотя и оказавшихся территориально более отдаленными. Это касается, прежде всего, антропологических материалов салтовского круга. Часть населения этой культуры оказывается морфологически довольно близкой второму компоненту чигиринской серии.

Близость антропологического типа сарматов и части носителей салтово-маяцкой культуры (зливкинский тип) неоднократно отмечалась исследователями (Дебец Г.Ф.,

Имя параметра	N	min	max	M	m	S	V
1. Продольный диаметр	27	168.0	190.0	180.2	1.16	6.01	3.34
8. Поперечный диаметр	25	139.0	160.0	148.1	1.11	5.56	3.75
17. Высотный диаметр /basion-bregma/	20	122.0	144.0	135.9	1.21	5.39	3.97
20. Высотный диаметр /porion-bregma/	24	108.8	123.9	116.0	.76	3.72	3.21
5. Длина основания черепа	19	95.0	112.0	101.9	1.08	4.69	4.60
9. Наименьшая ширина лба	31	80.0	108.0	99.3	1.07	5.94	5.99
12. Ширина затылка	29	104.5	131.0	114.1	.96	5.15	4.51
45. Скуловой диаметр	20	128.0	146.0	138.4	1.17	5.22	3.78
40. Длина основания лица	18	83.0	107.0	97.4	1.30	5.50	5.65
48. Верхняя высота лица	30	62.0	76.5	68.9	.65	3.58	5.19
43. Верхняя ширина лица	31	92.0	120.0	108.5	.91	5.08	4.68
46. Средняя ширина лица	24	92.0	116.0	101.0	1.16	5.66	5.61
55. Высота носа	29	45.0	56.5	50.2	.60	3.24	6.45
54. Ширина носа	32	21.0	28.0	25.0	.34	1.92	7.69
51. Ширина орбиты	31	38.0	48.0	42.8	.44	2.42	5.66
52. Высота орбиты	31	24.0	36.0	31.9	.46	2.54	7.95
77. Назомалярный угол	25	134.0	153.0	141.9	.90	4.51	3.18
Zm. Зигомаксиллярный угол	22	121.0	139.0	129.0	1.05	4.92	3.79
SC. Симотическая ширина	25	7.0	15.0	11.4	.40	2.02	17.72
SS. Симотическая высота	24	2.0	8.0	4.7	.36	1.79	38.11
DC. Дакриальная ширина	21	20.0	28.0	24.8	.50	2.3	19.30
DS. Дакриальная высота	21	7.0	19.0	13.2	.56	2.58	19.59
Fossa caninae	20	3.0	8.0	5.2	.32	1.44	27.91
32. Угол профиля лба	11	78.0	92.0	84.6	1.14	3.78	4.46
72. Общий лицевой угол	11	78.0	92.0	85.5	1.12	3.72	4.35
75.1. Угол выступания носа	9	27.0	39.0	32.4	1.27	3.81	11.75
8:1. Черепной указатель	24	73.5	88.8	82.0	.90	4.39	5.35
48:45. Верхнелицевой указатель	21	45.3	55.9	50.2	.63	2.89	5.75
52:51. Орбитный указатель	30	63.2	82.9	74.7	.95	5.19	6.95
54:55. Носовой указатель	26	42.9	57.8	49.6	.90	4.60	9.28
SS:SC. Симотический указатель	24	20.0	72.2	40.0	2.50	12.27	30.67
DS:DC. Дакриальный указатель	20	26.9	67.9	54.8	2.50	11.17	20.39

Табл. 1. Средние размеры мужских черепов из могильника Чигирин.

Table 1. The average sizes of the male skulls from the burial ground of Chigirin.

Tabelle 1. Durchschnittliche Größen der männlichen Schädel aus dem Grab Tschigirin.

Tableau 1. Grandeur moyenne des cranes masculins du sepulcre de Tchigirine

Имя параметра	N	min	max	M	m	S	V
1. Продольный диаметр	24	160.0	188.0	171.5	1.19	5.84	3.40
8. Поперечный диаметр	26	130.0	149.0	139.8	.91	4.64	3.32
17. Высотный диаметр /basion-br./	21	120.0	138.0	130.7	1.19	5.47	4.18
20. Высотный диаметр /porion-br./	20	105.6	121.8	112.6	.97	4.33	3.84
5. Длина основания черепа	19	88.0	106.0	97.5	.99	4.33	4.44
9. Наименьшая ширина лба	29	88.0	104.0	95.9	.72	3.86	4.03
12. Ширина затылка	24	97.0	118.0	109.2	1.09	5.34	4.89
45. Скуловой диаметр	21	114.0	131.0	124.1	1.04	4.77	3.85
40. Длина основания лица	19	84.0	102.0	92.9	1.01	4.39	4.72
48. Верхняя высота лица	29	62.0	75.0	66.9	.58	3.12	4.66
43. Верхняя ширина лица	29	94.0	113.0	102.6	.85	4.56	4.45
46. Средняя ширина лица	23	83.0	102.0	94.3	.99	4.73	5.02
55. Высота носа	30	35.0	58.0	48.9	.74	4.06	8.30
54. Ширина носа	28	21.0	29.0	24.7	.38	2.01	8.14
51. Ширина орбиты	30	38.0	44.0	41.0	.31	1.71	4.16
52. Высота орбиты	29	20.0	39.0	31.6	.69	3.69	11.68
77. Назомаллярный угол	26	130.5	148.0	141.1	.90	4.57	3.24
Zm. Зигомаксиллярный угол	21	118.0	134.0	127.0	.97	4.43	3.49
SC. Симотическая ширина	27	8.0	15.0	10.2	.36	1.85	18.25
SS. Симотическая высота	26	2.0	7.5	3.7	.30	1.51	41.28
DC. Дакриальная ширина	16	18.0	26.0	22.8	.57	2.29	10.04
DS. Дакриальная высота	15	9.0	16.0	12.0	.43	1.67	31.91
Fossa caninae	23	2.0	7.0	4.3	.26	1.23	28.61
32. Угол профиля лба	8	82.0	90.0	84.6	1.07	3.02	3.57
72. Общий лицевой угол	8	82.0	90.0	85.1	.97	2.75	3.23
75.1. Угол выступания носа	7	18.0	27.0	23.1	1.30	3.44	14.85
8:1. Черепной указатель	23	74.2	87.7	81.5	.80	3.83	4.70
48:45. Верхнелицевой указатель	19	48.8	58.0	54.1	.60	2.63	4.85
52:51. Орбитный указатель	28	52.6	92.9	76.8	1.58	8.37	10.90
54:55. Носовой указатель	27	42.3	68.6	50.8	1.03	5.34	10.52
SS:SC. Симотический указатель	23	20.0	66.9	37.8	2.96	14.21	37.64
DS:DC. Дакриальный указатель	14	40.0	70.0	53.7	2.59	9.67	18.01

Табл. 2. Средние размеры женских черепов из могильника Чигирин.

Table 2. The average sizes of the female skulls from the burial ground of Chigirin.

Tabelle 2. Durchschnittliche Großen der weiblichen Schädel aus dem Grab Tschigirin.

Tableau 2. Grandeur moyenne des crânes féminins du sepulcre de Tchigirine

1948, с.257; Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т., 1987, с.88). Это дало возможность говорить об их генетической преемственности. Среди носителей салтово-маяцкой культуры доминировали два основных антропологических типа. Первый - долихокранный узколиций, который антропологическая традиция связывает с этнонимом «аланы», характерен для таких могильников, как Салтовский (Дебеч Г.Ф., 1948), Дмитровский (Кондукторова Т.С., 1986, с.94-104). Он представлен в целом ряде могильников Северного Кавказа, которые считаются аланскими: Дубаюрт (IX-X вв.), серии из Черкессии (III-XII вв.), Гамовского ущелья (V-VIII вв.) (Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984, с.72-86). Второй основной антропологический тип населения салтовской культуры - брахикранный европеоидный широколицый, с несколько ослабленной горизонтальной профилировкой, - антропологи связывают с «протоболгарами». Этот второй антропологический тип характерен для Зливкинского могильника (Наджимов К.Н., 1955) и в антропологической литературе иногда именуется «зливкинским» или позднесарматским зливкинским.

Брахикранный европеоидный широколицый тип представлен в могильниках, которые археологи связывают с ранними болгарами Поволжья: Большом Тарханском (VIII-IX вв.) (Акимова М.С., 1964), Кайбельском (VIII-XI вв.) (Герасимова М.М., 1956); а также в Саркеле (X-XI вв.) (Гинзбург В.В., 1951); на таких памятниках Северного Кавказа, как средневековый Джулат, Маджары (XIV-XV вв.) (Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984, с.76-86); Ханска-Лимбарь в Прутско-Днестровском междуречье (Великанова М.С., 1975); в таких могильниках Крыма, как Мангуп (VI-XV вв.), Эски-Кермен (V-XIII вв.), Заречное (X-XII вв.) (Зиневич Г.П., 1973, с.119-125).

Доминирование в чигиринской серии брахикранный широколицего, с несколько уплощенным в горизонтальной плоскости лицом, типа отличает ее, в среднем выражении, от практически всех славянских групп эпохи Киевской Руси. Славяне древнерусского времени более длинноголовы и по абсолютным размерам, и по черепному указателю, более узколицы, имеют более резкую горизонтальную профилировку лица. В принципе, различиями в размерах черепного указателя можно пренебречь, учитывая процесс брахикефализации, который проходил в Европе на протяжении второго тысячелетия новой эры. Однако брахикефализация сопровождалась не увеличением, а скорее некоторым уменьшением ширины лица (Алексеев В.П., 1969, с.179-181), а наша группа превосходит по ширине лица все славянские группы эпохи Древней Руси. Таким образом, можно говорить, что смешанность чигиринской группы, наличие в ней второго компонента, который явился доминирующим, уклоняет ее в сторону групп, представляющих «степной» мир.

Для того, чтобы точнее выяснить место нашей чигиринской серии среди групп, которые хронологически ей предшествуют, мы обратились к методам

многомерной статистики. В связи со значительной точностью краниометрических измерений, эти методы, в значительной мере, способствуют объективизации результатов антропологических исследований (Дерябин В.Е., 1983). Нами в работе использовался пакет программ Systat.

Представленный ниже вариант межгруппового анализа кластерным методом охватывает краниологические группы с территории Украины и Молдовы первого тысячелетия и первой половины второго тысячелетия нашей эры. Для сравнения использовались следующие группы: сборная серия сарматов Украины; серия из позднескифских памятников Нижнего Поднепровья: Николаевки-Казацкого и Золотой Балки; сборные серии могильников черняховской культуры Среднего Поднепровья, Северного Причерноморья (Кондукторова Т.С., 1972, с.12-123) и Молдовы (Великанова М.С., 1975, с.70-91); серии из могильников салтово-маяцкой культуры Салтовский (Наджимов К.Н., 1955), Зливкинский (Дебеч Г.Ф., 1948); сборные серии киевских, черниговских, переяславских полян, северян (Алексеева Т.И., 1973, с.30-130), тиверцев (Великанова М.С., 1975, с.91-113); материалы могильников Каменка (Кондукторова Т.С., 1957), Каиры (Зиневич Г.П., 1967), Мамай Сурка (Литвинова Л.В., 1997, с.31-37); могильников Крыма: Эски-Кермен, Мангуп, Заречное (Зиневич Г.П., 1973); Лимбарь (Великанова М.С., 1975, с.114-139). Серии сопоставлялись по таким таксономически значимым признакам, как высота черепа, ширина лба, ширина и высота лица, угол наклона лба, общий лицевой угол, угол выступания носа, назомаллярный и зигомаксиллярный угол, черепной, орбитный и носовой указатели.

Серия мужских черепов из могильника в Чигирине попадает в один кластер с такими группами, как сборная сарматов Украины, могильниками Лимбарь-Ханска и Мамай-Сурка. Близкими ей оказываются также серии из могильников Эски-Кермен, Заречное, Каменка, Зливки, Мангуп (табл.3). В кластере сосредоточились, в основном, брахикранные и широколицые формы с несколько ослабленной горизонтальной профилировкой лица.

Во втором кластере сосредоточились, главным образом, долихокранные и мезокранные, узколицы или относительно узколицы формы, представленные на позднескифских памятниках Нижнего Поднепровья, могильниках черняховской культуры, сериях киевских, черниговских, переяславских полян, северян, а также в могильниках Салтово, Каиры.

При исключении из анализа черепного указателя, с целью снятия вопроса о брахикефализации, общая картина сохраняется. Близкие результаты дают и варианты кластерного анализа с заменой черепного, орбитного и носового указателей линейными размерами.

Группа из Чигирина рассматривалась также и на более широком фоне групп Восточной Европы, когда в межгрупповой анализ, наряду с могильниками

Украины и Молдовы, были включены могильники Поволжья и Северного Кавказа эпохи средневековья. При сопоставлении средних размеров этих серий по тем же 12 таксономически значимым признакам, которые использовались при межгрупповом анализе групп Украины и Молдовы, мы получили такие результаты. Серия из Чигирина проявляет близость с сериями, представляющими ряд памятников Северного Кавказа, Поволжья, Крыма, Прутско-Днестровского междуречья. Она оказывается в одном кластере и выявляет наибольшую близость со сборными группами сарматов Украины, сарматов Поволжья, серией из могильника Прутско-Днестровского междуречья Лимбарь; близость с могильниками Нижнего Поднепровья Каменка и Мамай Сурка; крымскими памятниками Мангуп, Эски-Кермен, Заречное; Зливкинским могильником; могильниками Северного Кавказа - Маджары, Харх, а также рядом памятников Поволжья: Большим Тарханским могильником, Саркелом, Четырехугольником (Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т., 1987, с.85-91).

В одном кластере с группой из Чигирина объединены серии морфологически близкие, но не тождественные. Размах вариаций этих серий, в которой наша группа складывается практически по всем признакам, довольно значительный. Особенно это касается высоты лица, угла выступания носа, углов горизонтальной профилировки лица. Это и неудивительно, поскольку население юга Восточной Европы в последние два тысячелетия не отличалось однородностью. Практически каждая серия, привлеченная для сравнения, является смешанной. В отдельных из них присутствует монголоидная примесь, что иногда делает серии промежуточными между европеоидной и монголоидной расами (Кайбелы, Б.Тарханы, Зливки).

В случае с чигиринской серией можно говорить о некоторой уплощенности лица на назомаллярном уровне и значительной ширине лица. Однако эти признаки не складываются в монголоидный комплекс. Не только вся серия в среднем выражении, но и оба основных компонента, составляющих серию, отличаются сильным выступанием носа, хорошо профилированным переносьем и невысоким лицом. Серия относится к брахикранному широколицему европеоидному типу. Как уже говорилось, брахикранный широколицый тип в предыдущие эпохи был характерен для многих народов, населявших степи Европы: сарматов, древних болгар, авар, венгров, основного населения Хазарского каганата. Этот тип, с некоторым уплощением лица на назомаллярном уровне, в антропологической литературе, как уже говорилось выше, иногда именуется позднесарматским зливкинским типом (Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т., 1987, с.241).

В археологическом плане, часть могильников, вошедших в один кластер с Чигирином, относятся к салтово-маяцкой культуре или несут на себе следы значительного влияния последней.

Женская серия из Чигирина отличается от мужской, с учетом полового диморфизма, более высоким и узким лицом, более высокими орбитами и носом, более тяготеет к мезокрании и имеет лучшую профилировку лица на назомаллярном уровне. Последние признаки, при однородности серии, в женской группе должны бы быть больше. Женская серия неоднородна. Первый компонент в ней отличается большим черепным указателем, более широким лицом, несколько ослабленной горизонтальной профилировкой лица. Второй компонент характеризуется более узким лицом, лучшей горизонтальной профилировкой лица, меньшим черепным указателем.

Смешанность женской группы определяет ее положение при межгрупповом анализе. Благодаря первому морфологическому компоненту в ее составе, группа из Чигирина проявляет сходство с такими сериями: сборная сарматов Украины, Мамай Сурка, Каменка, Кайбелы, Зливки. Благодаря второму морфологическому компоненту, довольно близкими ей оказываются и серии полян киевских, черниговских, переяславских, северян.

Для большей объективизации результатов межгруппового анализа мы снова обратились к методам многомерной статистики.

Женская серия из Чигирина была сопоставлена с рядом серий Украины и Молдовы с применением метода кластерного анализа. Для сравнения использовался тот же набор признаков, что и при анализе мужских групп.

Серия женских черепов из Чигирина по результатам анализа попадает в один кластер, показывая наибольшее сходство с черепами погребенных из могильников Мамай Сурка, Каменка, сборной сарматов Украины, могильников Эски-Кермен, Каиры, Мангуп, а также могильников Заречное и Зливки (табл. 4).

При привлечении для сравнения материалов из могильников Поволжья и Северного Кавказа, наша группа проявила наибольшее сходство, оказавшись в одном кластере с такими группами: Мамай Сурка, Каменка, Кайбелы, Зливки.

Возникает вопрос, какой конкретно группе кочевников обязана своим антропологическим обликом чигиринская серия? Как уже отмечалось, серия мужских черепов из Чигирина морфологически близка сборной серии сарматов Украины. При сопоставлении средних величин нашей группы со средними величинами серий I-II тысячелетий новой эры с помощью популярного в антропологии метода Пенроуза (Penrose L., 1954), (по 14 важнейшим признакам: продольному, поперечному, высотному диаметрам, высоте и ширине лица, орбит, носа, ширине лба, углам горизонтальной профилировки лица, углам наклона лба, общелицевым углам, углом выступания носа, симметрической высоте и ширине) сборная сарматов Украины оказывается статистически самой близкой чигиринцам. Теоретически можно говорить о их пря-

мой преемственности, хотя хронологический разрыв между сериями является весьма значительным.

Близкие чигиринской серии антропологические формы характерны и для Прутско-Днестровского междуречья. Это касается могильника XII-XIV вв. Лимбарь-Ханска, в котором представлен антропологический тип, характерный для болгар, однако, возможно связанный и с аланами, в широком смысле этого этнонима (Великанова М.С., 1975, с.132). Близость чигиринцев населению, которое оставило могильник Лимбарь, прежде всего объясняется наличием в нашей серии «степного», второго составляющего компонента. Но и первый, «славянский», компонент в составе населения Чигирина, также находит параллели в этом

междуречья, в тиверской серии X-XI вв. из могильника Бранешты.

Довольно близкими чигиринцам антропологически являются и приднепровские серии: Мамай Сурка и Каменка. Причем близость к ним проявляет как мужская, так и женская серии из Чигирина.

Теоретически своей подосновой чигиринцы могут быть обязаны и существовавшему в Поросье союзу Черных Клобуков. Этот полукочевой союз был образован в XII веке печенегами, торками, берендеями, однако этим, очевидно, не исчерпывался его этнический состав.

Черные Клобуки несли вассальную службу в отношении киевских князей. Таковую же службу несли и отряды

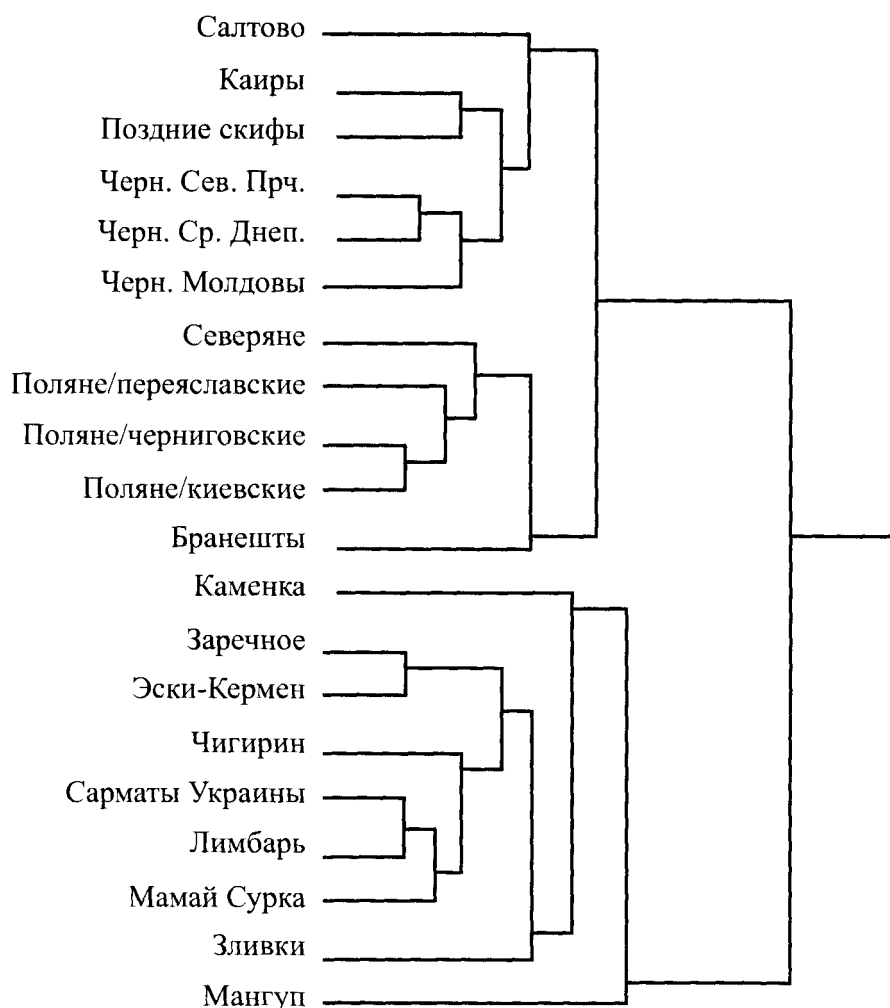

Табл. 3. Результаты межгруппового анализа серий мужских черепов из могильников Украины и Молдовы.

Table 3. The results of the intergroup analysis of the series of male skulls from the burial grounds of Ukraine and Moldova.

Tabelle 3. Ergebnisse der Zwischengruppenanalyse von Reihen der männlichen Schädel aus Gräbern der Ukraine und Moldawas.

Tableau 3. Résultats de l'analyse comparative des groupes de crânes masculins des sépulcres de l'Ukraine et de Moldavie

«диких половцев», которые также могли повлиять на чигиринское население. К сожалению, антропологические серии кочевников украинских степей, которым можно было бы дать реальную этническую интерпретацию, отсутствуют. Серии черепов, интерпретируемые как половцы и печенеги, имеются только для Поволжья. От чигиринской группы и от ее степного компонента их отличает большая уплощенность лица в горизонтальной плоскости и большая высота лица.

В средневековом Поросье, возможно, было присутствие и других этнических групп. Так, например, на могильнике Яблунька археологами фиксируются связи с Северным Кавказом (Моця О.П., Покас П.М., 1998, с.62). Авторы предполагают, что это связано с переселением ясов, плененных в 1029 году сыновьями

Владимира Святославича (Никоновская летопись). Если ясы являлись аланами в широком смысле этого этнонима, то антропологическим обликом население Чигирина может быть обязано и им. Важными в этом плане являются зафиксированные параллели в топонимике Черкащины и Кавказа (Коков Д.Н., 1966, с.155-158), однако их анализ является делом лингвистов. К сожалению, отсутствие антропологического материала из погребений кочевников Поросья делает эти предположения весьма гипотетичными.

Интересно, что в XVII-XIX веках в ходу были версии скифского, сарматского, хазарского, кипчакского происхождения украинского казачества. В XVIII веке наиболее популярной оказалась «хазарская» версия летописца Г.Грабянки (Грабянка Г., 1992, с.11). Ряд

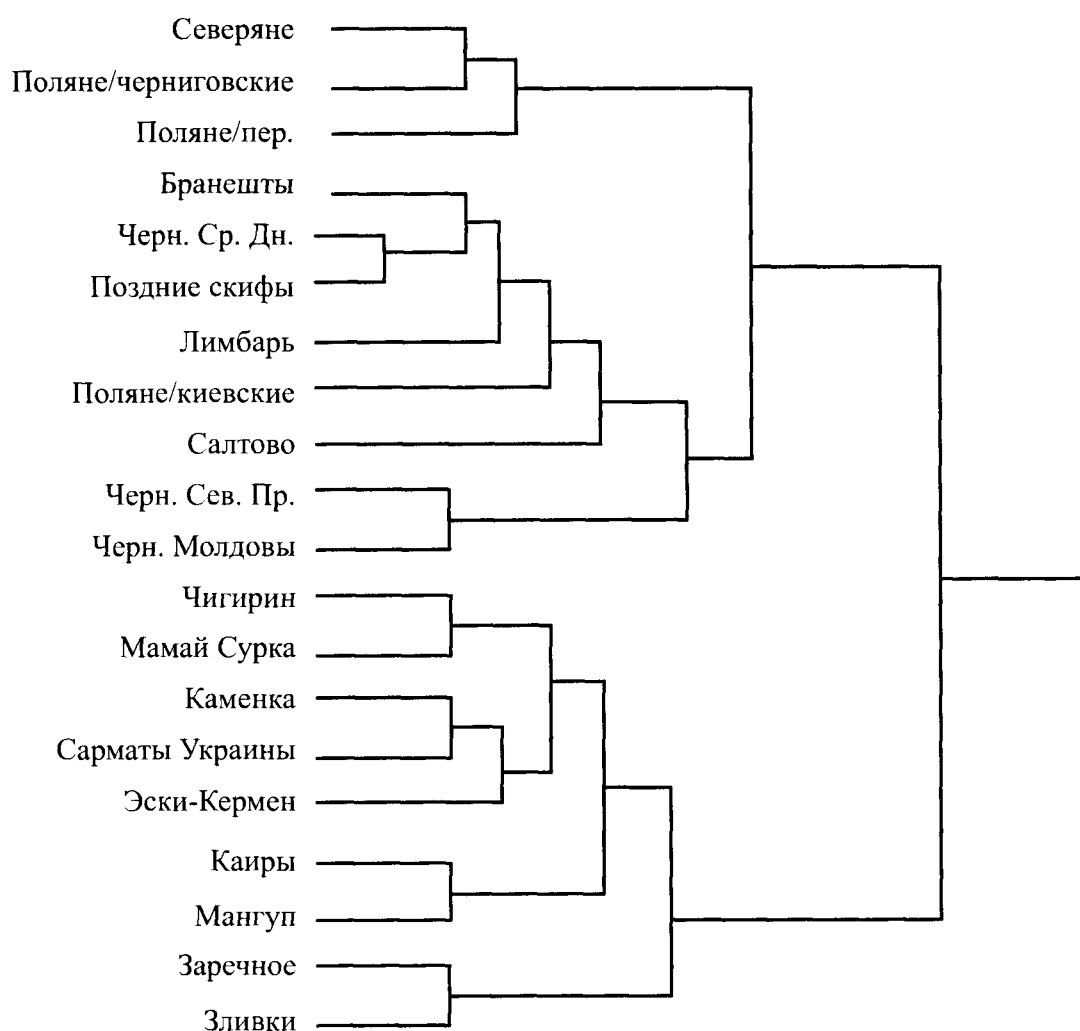

Табл. 4. Результаты межгруппового анализа серий женских черепов из могильников Украины и Молдовы.

Table 4. The results of the intergroup analysis of the series of female skulls from the burial grounds of Ukraine and Moldova.

Tabelle 4. Ergebnisse der Zwischengruppenanalyse von Reihen der weiblichen Schädel aus Gräbern der Ukraine und Moldawas.

Tableau 4. Résultats de l'analyse comparative des groupes de crânes féminins des sépulcres de l'Ukraine et de Moldavie

авторов пытался связать происхождение казаков с черкессами (Бантшиш-Каменский Д.Н., 1903, с.67-69). Однако это являлось скорее данью средневековым традициям - создавать родословные, восходящие к известным народам древности. Ярким тому примером служит возникновение такого явления, как «сарматизм» в идеологии и культуре Речи Посполитой.

Антропологами неоднократно отмечалось, что несмотря на существование спорных моментов, теперь уже стало очевидным фактом, что в этногенезе украинского народа принимали участие ираноязычные и тюркоязычные группы населения степи. На краинологическом материале В.П.Алексеев предполагал возможность вхождения потомков населения, пред-

ставленного в могильниках Каменка и Каиры, в состав украинского населения эпохи средневековья (Алексеев В.П., 1969, с.193). Наличие «кочевой» примеси отмечалось и при исследовании современного населения антропологами Е.И.Даниловой, В.Д.Дяченко, В.И.Хартанович, Ю.К.Чистов, С.П.Сегедой. Особенно это ярко проявляется в ряде районов Юга Киевщины, Черкащины, Полтавщины. Эти районы, кстати, входили в территорию формирования казачества.

Серия из Чигирина проявляет близость и со сборными сериями украинцев, в которых преобладают материалы XIX-XX вв. (Алексеев В.П., 1972), особенно Центральной и Южной Украины. Однако ширина лица и углы горизонтальной профилировки

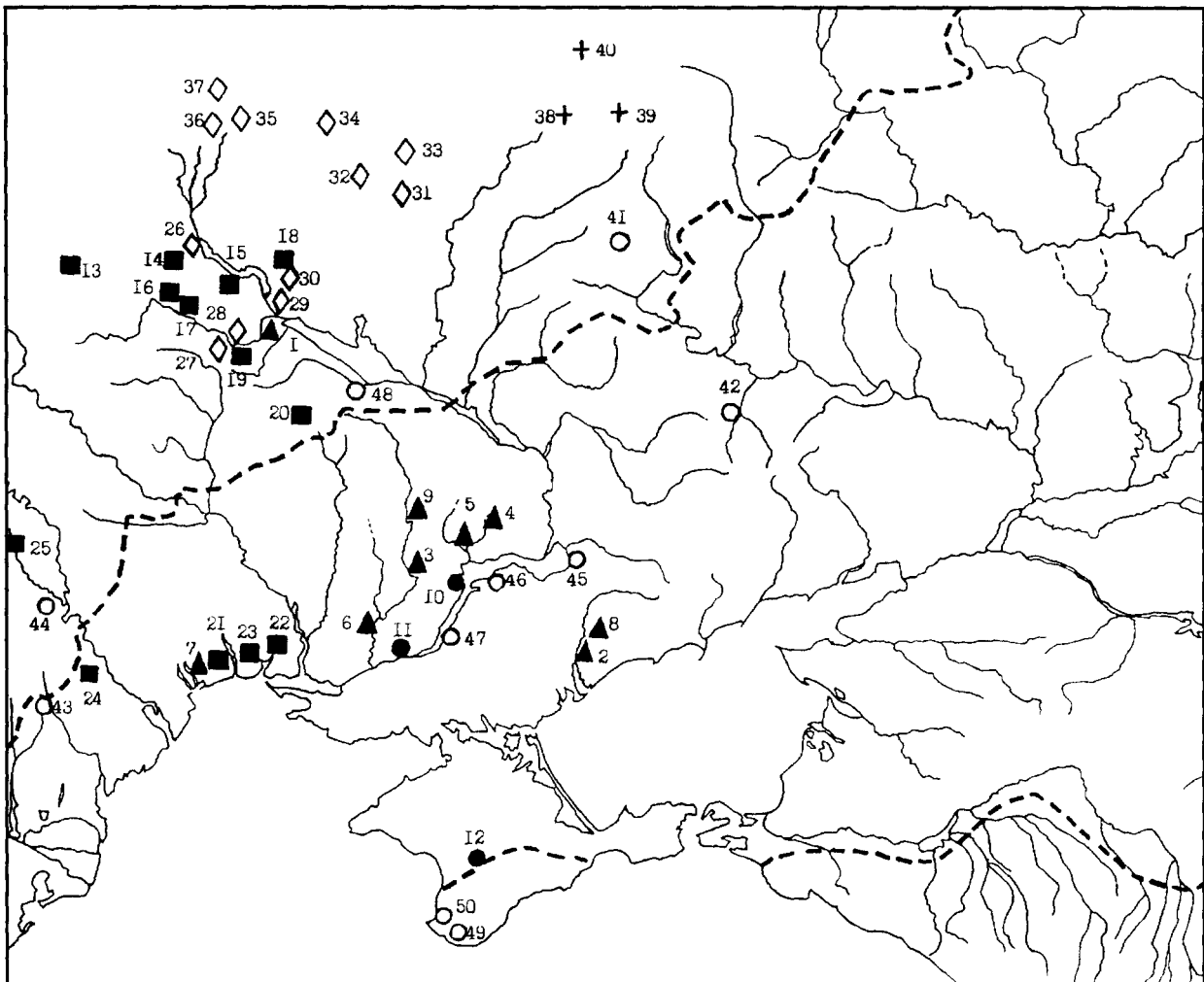

Рис. 1. Археологические памятники Украины и Молдовы III в. до н.э. – XVII в. н.э. с сохранившимся костным материалом.

Fig. 1. Archaeological monuments of Ukraine and Moldova of the IIIrd c. BC – the XVIIth c. AD with preserved osseous material.

Abb.1. Archeologische Denkmäler der Ukraine und Moldowas 3. Jh. v.u. Z. – 17. Jh. u. Z. mit dem erhaltenen Knochenstoff.

Dessin 1. Monuments archéologiques de l'Ukraine et de la Moldavie du IIIe siècle av. J.-C. – du XVIIe siècle apr. J.-C. avec les objets en os

Археологические памятники Украины и Молдовы III в. до н.э. – XVII в. н.э. с сохранившимся костным материалом.

▲ – сарматские памятники, вошедшие в сборную серию: 1 – Нетерепка, 2 – Ново-Филипповка, 3 – Усть-Каменка, 4 – Хмельницкий, 5 – Ушалка, 6 – Афанасьевка, 7 – Ранжеево, 8 – Аккермень, 9 – Марьяновское. ● – памятники поздних скифов, вошедшие в сборную серию: 10 – Золотая Балка, 11 – Николаевка-Казачье, 12 – Неаполь-Скифский. ■ – памятники черняховской культуры, вошедшие в сборную серию Среднего Поднепровья: 13 – Дедовщина, 14 – Деревянное, 15 – Черняхов, 16 – Телешовка, 17 – Ромашки, 18 – Переяслав-Хмельницкий, 19 – Журавка, 20 – Маслово. Памятники черняховской культуры, вошедшие в сборную серию Северного Причерноморья: 21 – Ранжеево, 22 – Викторовка, 23 – Коблево. Памятники черняховской культуры, вошедшие в сборную серию Молдовы: 24 – Будешты, 25 – Малаешты. ◆ – памятники полян, вошедшие в сборные серии. Киевских полян: 26 – Киев, 27 – Николаевский могильник, 28 – х. Половецкий. Переяславских полян: 29 – Лепляво, 30 – Переяслав-Хмельницкий, 31 – Липовое, 32 – Медвежье, 33 – Кошары. Черниговских полян: 34 – Бахмач, 35 – Чернигов, 36 – Шестовица, 37 – Гуцино. + – памятники северян: 38 – Белогорско-Николаевский монастырь, 39 – Гочево, 40 – Александровка. ○ – 41 – Салтово, 42 – Зливки, 43 – Лимбарь, 44 – Бранешты, 45 – Каменка, 46 – Мамай Сурка, 47 – Каиры, 48 – Чигирин, 49 – Мангун, 50 – Эски-Кермен.

чигиринской серии уклоняют ее в сторону «кочевых» групп более ранних эпох. Это и неудивительно, так как в отдельных группах украинцев XVIII-XX вв., степной компонент выступает в качестве примеси, а в чигиринской группе является доминирующим.

Со временем, с появлением новых антропологических серий, которые бы полнее представляли коче-

вые группы эпохи средневековья с территории Украины, характер степной примеси в составе населения разных регионов Украины можно будет уточнить. В случае с чигиринской серией, на данном этапе можно говорить о доминировании в ней сарматско-салтовского компонента.

Литература и архивные материалы

1. Акимова М. С., 1964. Материалы к антропологии ранних болгар// Генинг В. Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М.
2. Алексеев В.П., 1969. Происхождение народов Восточной Европы (краниологические исследования). М.
3. Алексеев В. П., 1962. Антропология Салтівського могильника// Матеріали з антропології України. Вип.2. К.
4. Алексеев В. П., 1972. Матеріали до краніологічної характеристики українського народу// Матеріали з антропології України. Вип.5. К.
5. Алексеев В. П., Гохман И. И., 1984. Антропология азиатской части СССР. М.
6. Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.
7. Алексеева Т.И., 1973. Этногенез Восточных славян. М.
8. Бантиш-Каменский Д. Н., 1903. История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетьманства. СПб.
9. Великанова М.С., 1975. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.
10. Герасимова М. М., 1956. Скелеты древних болгар из раскопок у с.Кайбелы// АС. Т.1. ТИЭ. 33. Саранск.
11. Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т., 1987. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.
12. Гинзбург В.В., 1951. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения Хазарского каганата// Сб. МАЭ. Т.13.
13. Грабянка Г., 1992. Літопис гадяцького полковника Григорія Грабянки. К.
14. Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР. М.- Л.
15. Дерябин В. Е., 1983. Многомерная биометрия для антропологов. М.
16. Ефимова С. Г., 1991. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.
17. Зиневич Г. П., 1967. Очерки палеоантропологии Украины. К.
18. Зиневич Г.П., 1973. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. К.
19. Коков Д.Н., 1966. Кабардинские географические названия. Нальчик.

20. Кондукторова Т.С., 1957. Палеоантропологические материалы из средневекового Каменского могильника// Советская антропология. № 2.
21. Кондукторова Т. С., 1972. Антропология древнего населения Украины. М.
22. Литвинова Л. В., 1997. Палеоантропологический материал из средневекового могильника Мамай-Сурка// Запорозьке козацтво в пам'ятках історії та культури. Запоріжжя.
23. Моця О. П., Покас П. М., 1998. Яблунівські кургани: хронологія та етнічна приналежність населення// Археологія. N 2.
24. Наджимов К. Н., 1955. О черепях Зливинского могильника// КСИЭ. Вып. 24.
25. Покас П. М., 1993. До палеоантропології київського Подолу 15-17 ст.// Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984-1989. К.
26. Рогинский Я.Я., 1954. Величина изменчивости измерительных признаков черепа и некоторые закономерности их корреляции у человека// УЗ МГУ. N 166.
27. Тот Т. А., Фирштейн Б. В., 1970. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л.
28. Buschcowitsch W. J., 1927-1928. Crania ucrainica// Український медичний архів. Харків. Одеса.
29. Penrose L., 1954. Distance, size and shape// Annales of eugenics. Vol. 18.

Summary

Т.А. Rudich (Kiev)

On Anthropological Composition of the Population of Ukraine in the XVIth – the XVIIth centuries

The anthropological structure of the Ukrainian population reflect the complicated ethnogenetic processes which took place in Ukraine. The paper considers the participation of the descendants of particular nomadic groups in forming the anthropological structure of the Ukrainian population by materials from the Cossack cemetery (the end of the XVIth – the beginning of the XVIIth c., in Chigirin of Cherkassy region). A considerable material of the 1st and 2nd millennium AD sepultures from Ukraine and neighbouring territories is taken to compare with the Chigirin chronological series. The intragroup and the intergroup analysis of the Chigirin series shows that the basis of its formation was constituted by descendants of the population originating from the anthropological types of Sarmat and Saltovo scope.

Т.А., Ruditsch (Kiev)

Über den anthropologischen Bestand der Bevölkerung der Ukraine in den XVI.-XVII. Jh.

Im anthropologischen Bestand des ukrainischen Volkes widerspiegelten sich komplizierte ethnogenetische Prozesse, die auf dem Territorium der Ukraine stattfanden. Auf Grund des Materials des Kozakenfriedhofs Ende des 16. – Anfang des 17. Jhs. in Tschigirin (Gebiet Tscherkassy) wird das Problem der Teilnahme im Nachkommen einzelner Nomadengruppen an der Herausbildung des anthropologischen Bestandes der ukrainischen Bevölkerung betrachtet. Für den Vergleich mit der kranologischen Serie aus Tschigirin wird das große Material aus den Grabstätten des 1. und 2. Jahrtausends n. Chr. aus der Ukraine und der benachbarten Territorien herangezogen. Die Innergruppen- und Zwischengruppenanalyse der tschigirinschen Serie deutet auf die Tatsache, daß die größte Rolle im Prozeß ihrer Herausbildung die Nachkommen der zu den anthropologischen Typen des sarmatischen und saltowischen Kreises gehörende Bevölkerung spielten.

Т.А. Rouditch (Kiev)

Composition anthropologique de la population d'Ukraine aux XVI-XVII siècles

Dans la composition anthropologique de l'Ukraine se reflètent les processus ethno-génétiques, compliqués qui avaient lieu sur le territoire de l'Ukraine aux XVI-XVII siècles. L'auteur étudie le problème de la part des descendants des tribus nomades dans la formation de la composition

anthropologique de la population ukrainienne. Cette question est étudiée sur le matériel du cimetière des cosaques fin XVI – début XVII siècles. L'auteur utilise le matériel considérable des nécropoles (premier et deuxième millénaires de notre ère) de l'Ukraine et des territoires voisins pour accomplir la comparaison avec la série crâniologique de Tchigirine. L'analyse de la série de Tchigirine prouve, que la base de cette série est formée par les descendants issus des sarmats et saltovts.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	-	Античная древность и средние века. Свердловск.
АИМ	-	Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
АКМ	-	Астраханский краеведческий музей
АН РМ	-	Академия Наук Республики Молдова. Кишинев.
АО	-	Археологические открытия. Москва.
АП	-	Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
Архив ИА РАН	-	Архив Института археологии Российской академии наук. Москва.
Архив ГХМ	-	Архив Государственного Херсонского музея-заповедника
АС	-	Археологический съезд
АСГЭ	-	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
ВОКМ	-	Волгоградский краеведческий музей. Волгоград.
ВЭС	-	Военный энциклопедический словарь
ГИМ	-	Государственный Исторический музей. Москва.
ГЭ	-	Государственный Эрмитаж
ДАС	-	Донецкий археологический сборник
ДВДС	-	Древности Волго-Донских степей. Волгоград.
ЗАНО	-	Записки Санкт-Петербургского Археолого-нумизматического Общества
ЗАО	-	Записки Археологического Общества
ЗОСИД	-	Записки Одесского общества истории древностей
ЗРАО	-	Записки Русского Археологического общества
ИАК	-	Известия археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИГАИМК	-	Известия Государственной Академии истории и материальной культуры. Ленинград.
ИРГО	-	Известия Российского Географического общества. Санкт-Петербург.
Исторические записки ЛГУ	-	Исторические записки Ленинградского государственного университета
КСИА	-	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва.
КСИИМК	-	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Москва.
КСИЭ АН СССР	-	Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Москва.
Л.с.	-	Лицевая сторона
МАИЭТ	-	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАК	-	Материалы по археологии Кавказа.
МГУ	-	Московский государственный университет
МИА	-	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва - Ленинград.
НА ИА НАНУ	-	Научный архив Института археологии Национальной Академии Наук Украины. Киев.
НА ИА РАН	-	Научный архив Института археологии Российской Академии Наук. Москва.
Нумизматический сборник МНО	-	Нумизматический сборник Московского нумизматического общества
НЭ	-	Нумизматика и эпиграфика. Москва.
О.с.	-	Оборотная сторона
ПАЭ	-	Поволжская археологическая экспедиция Института археологии Российской Академии наук
РА	-	Российская археология. Москва.
СА	-	Советская археология. Москва.
САИ	-	Свод археологических источников. Москва.
Сб. МАЭ	-	Сборник материалов по археологии и этнографии
СВЭ	-	Советская военная энциклопедия
СГУ	-	Саратовский государственный университет
СГЭ	-	Сообщения Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
СМОМПК	-	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СЭ	-	Советская этнография. Москва.
ТГЭ	-	Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
ТИЭ	-	Труды Института этнографии АН СССР. Москва.
Труды ГИМ	-	Труды Государственного Исторического музея. Москва.
Тр. I АС	-	Труды первого Археологического съезда
Тр. ТКАЭЭ	-	Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Ленинград.

- УЗ МГУ - Ученые записки Московского государственного университета. Москва.
- ЭВ - Эпиграфика Востока. Ленинград.
- ААН - Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungarica. Budapest.
- АН - Archaeologia Hungarica. Budapest.
- AS - Archivio Segreto
- ASG - Archivio di Stato di Genova
- ASLSP - Atti della Societa Ligure di Storia Patria

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абызова Екатерина Николаевна	Молдова. Национальный музей истории Молдовы: Кишинев, ул. 31 августа 1989 г., 121а.
Гончаров Евгений Юрьевич	Россия. Отдел письменных памятников Института Востоковедения РАН: Москва, Центр, ул. Рождественка, 12.
Евглевский Александр Викторович	Украина. с.н.с. археологической научно-исследовательской группы исторического факультета Донецкого государственного университета: 83055, Донецк, ул. Университетская, 24.
Клоков Виталий Борисович	Россия. Волгоград. Исследователь нумизматики Джучидов.
Кожокару Валерий Михайлович	Украина. Директор Ренийского регионального центра туризма и краеведения учащейся молодежи (Одесская область).
Комар Алексей Викторович	Украина. Общество археологии и антропологии при кафедре археологии Киевского университета.
Кравченко Эдуард Евгеньевич	Украина. с.н.с. Донецкого областного краеведческого музея: 83048, Донецк, ул. Челюскинцев, 189а.
Крамаровский Марк Григорьевич	Россия. к.и.н., отдел Востока Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
Красильников Константин Иванович	Украина. к.и.н., Луганский педагогический университет.
Лебедев Валентин Петрович	Россия. к.ф.-м.н., Дзержинск, Нижегородской области.
Литвинова Людмила Владимировна	Украина. Отдел физико-естественных методов Института археологии НАН Украины. Киев.
Малашев Владимир Юрьевич	Россия. н.с. отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН. Москва.
Паламарчук Светлана Васильевна	Украина. Ведущий специалист Одесского областного управления охраны объектов культурного наследия.
Пигарев Евгений Михайлович	Россия. с.н.с., зав. сектором археологии Астраханского Государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника.
Потемкина Татьяна Михайловна*	Украина. н.с. археологической научно-исследовательской группы исторического факультета Донецкого государственного университета: 83055 Донецк, ул. Университетская, 24.
Рудич Татьяна Александровна	Украина. Отдел физико-естественных методов Института археологии НАН Украины. Киев.
Тельнова Людмила Ивановна	Украина. Луганский педагогический университет.
Травкин Сергей Николаевич	Россия. к.и.н., учитель истории в Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета.
Флёров Валерий Сергеевич	Россия. к.и.н., с.н.с. Института археологии РАН. Москва.
Флёрова (Нахапетян) Валентина Евгеньевна	Россия. к.и.н., с.н.с. Института археологии РАН. Москва.
Яровая Елена Александровна	Россия. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.

* Оговоримся, что все работы, изданные ранее по раннему железному веку и поздним кочевникам, относятся именно к этому автору, не имея никакого отношения к известному московскому ученому Тамиле Михайловне Потемкиной.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Флёров В.С., Малашев В.Ю. СБРУЙНЫЙ НАБОР III В. ИЗ МОГИЛЬНИКА КЛИН-ЯР III (КИСЛОВОДСК)	11
Комар А.В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	19
Флёров В.С. РОЗЫСКАНИЯ ПО ОБРЯДУ ОБЕЗВРЕЖИВАНИЯ ПОГРЕБЕННЫХ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ	55
Кравченко Э.Е. ПАМЯТНИКИ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ XI – XIV ВВ. В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА	75
Флёрова (Нахапетян) В.Е. КОСТЯНЫЕ ДЕТАЛИ ЛУКОВ, КОЛЧАНОВ И НАЛУЧИЙ БЕЛОЙ ВЕЖИ	101
Евглевский А.В., Потемкина Т.М. ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКИЕ САБЛИ	117
Евглевский А.В., Потемкина Т.М. КРЕСАЛА В ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	181
Евглевский А.В., Потемкина Т.М. О НЕКОТОРЫХ ВИДАХ ГОНЧАРНОЙ КЕРАМИКИ У ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ НОМАДОВ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	209
Красильников К.И., Тельнова Л.И. ПОЛОВЕЦКИЕ ИЗВАЯНИЯ СРЕДНЕГО ПОДОНЦОВЬЯ: ТИПОЛОГИЯ, ЭВОЛЮЦИЯ, ХРОНОЛОГИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИЙ ЛУГАНСКОЙ ОБЛАСТИ)	227
Крамаровский М.Г. ЛАТИНСКАЯ РОМАНИЯ И ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ КРЫМ. ЛАТИНСКИЕ ПЕРСТНЕВЫЕ НАХОДКИ И ПЕЧАТИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. КЛАД ИЗ АЙ-ВАСИЛЬ	245
Яровая Е.А. О НОВЫХ ПРОЧТЕНИЯХ НОБИЛЬСКИХ ИМЕН КАФФИНСКОГО И СОЛДАЙСКОГО ЛАПИДАРИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ Е.Ч. СКРЖИНСКОЙ)	265
Кожокару В.М. ЭТИМОЛОГИЯ ДУНАЙ-ДНЕСТРОВСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ВРЕМЯ	271
Лебедев В.П. НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАННЕДЖУЧИДСКОМ ЧЕКАНЕ ХОРЕЗМА И САРАЯ	277
Пигарев Е.М. МОНЕТЫ В ПОГРЕБЕНИЯХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ	283
Клоков В.Б., Лебедев В.П. ДЖУЧИДСКИЕ МОНЕТЫ С ВОДЯНСКОГО ГОРОДИЩА	303
Гончаров Е.Ю. СТАРЫЙ И НОВЫЙ САРАЙ – СТОЛИЦА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИЗВЕСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ)	345
Абызова Е.Н., Травкин С.Н. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДНЫХ ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ С ПОСЕЛЕНИЯ КОСТЕШТЫ (БЕССАРАБИЯ)	351
Паламарчук С.В. ТЮРКИ БУДЖАКА В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	361
Литвинова Л.В. НАСЕЛЕНИЕ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ XIII – XIV ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА МАМАЙ-СУРКА)	369
Рудич Т.А. К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ XVI – XVII ВВ.	381
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	393
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	395

CONTENTS

PREFACE	9
Fliorov V.S., Malashev V.Yu. THE HARNESS COLLECTION OF THE 3 rd CENTURY FROM THE BURIAL GROUND KLIN-YAR III (KISLOVODSK)	11
Komar A.V. THE ACTUAL PROBLEMS OF THE HUN AGE MATERIAL CULTURE CHRONOLOGY OF EASTERN EUROPE	19
Fliorov V.S. THE RESEARCH ON THE CEREMONY OF RENDERING THE BURIED HARMLESS IN THE EARLY MEDIEVAL EASTERN EUROPE	55
Kravchenko E.Ye. THE RELICS OF THE XI th – THE XIV th CENTURIES SETTLED POPULATION IN THE REGION OF THE MIDDLE FLOW OF THE SEVERSKY DONETS RIVER	75
Fliorova (Nakhapetian) V.Ye. THE BONE AND ANTLER DETAILS OF THE BOWS, QUIVERS AND SHEATHES FOR BOWS OF BELAYA VEZHA	101
Yevglevsky A.V., Potyomkina T.M. LATE NOMADIC SABRES OF EASTERN EUROPE	117
Yevglevsky A.V., Potyomkina T.M. STEELS IN LATE NOMADIC INTERMENTS OF EASTERN EUROPE	181
Yevglevsky A.V., Potyomkina T.M. ON SOME TYPES OF POTTERY CERAMICS OF EASTERN EUROPEAN NOMADS OF DEVELOPED MIDDLE AGES	209
Krasilnikov K.I. Telnova L.I. POLOVTSY STATUES OF THE SEVERSKY DONETS BASIN: THE TYPOLOGY, EVOLUTION AND CHRONOLOGY (BY MATERIALS OF COLLECTIONS OF LUGANSK REGION)	227
Kramarovsky M.G. LATIN ROMANIA AND THE GOLDEN HORDE CRIMEA. THE FINDS OF THE LATIN FINGER-RINGS AND THE SEALS IN THE NORTHERN PRICHERNOMORIE. THE TREASURE FROM AI-VASIL	245
Yarovaya Ye.A. ON NEW READING OF THE NOBIL NAMES OF THE CAFFIN AND SOLDAI LAPIDARY (BASED ON THE MATERIALS PROVIDED BY SKRIZHINSKAYA E.CH.)	265
Kozhokaru V.M. THE ETYMOLOGY OF THE DANUBE-DNIESTER INTERFLUVE IN THE TIMES OF THE GOLDEN HORDE	271
Lebedev V.P. THE NEW DATA ON THE EARLY JUCHI COINAGE OF KHORESM AND SARAY	277
Pigariov Ye.M. COINS IN THE GOLDEN HORDE INTERMENTS	283
Klokov V. B., Lebedev V.P. JUCHI COINS OF THE VODIANSKOIE HILLFORT	303
Goncharov Ye.Yu. THE OLD AND THE NEW SARAY – THE CAPITAL OF THE GOLDEN HORDE (NEW APPROACH TO OLD SOURCES)	345
Abyzova Ye.N., Travkin S.N. SOME PECULIARITIES OF THE COPPER JUCHI COINS FROM THE SETTLEMENT OF KOSTESHTY (BESSARABIA).	351
Palamarchuk S.V. TURKS OF BUDZHAK IN THE LATE MIDDLE AGES	361
Litvinova L.V. THE POPULATION OF THE LOWER DNIEPER BASIN IN THE XIII th – THE XIV th CENTURIES (ON MATERIALS OF MAMAY-SURKA SEPULTURE).	369
Rudich T.A. ON ANTHROPOLOGICAL COMPOSITION OF THE POPULATION OF UKRAINE IN THE XVI th – THE XVII th CENTURIES	381
CONVENTIONAL ABBREVIATIONS	393
DATA ABOUT THE AUTHORS	395

INHALTSVERZEICHNIS

VORWORT	9
Fljorow, W.S., Malaschew, W.Ju. PFERDEGESCHIRRSATZ VOM III. JH. AUS DER GRABSTÄTTE KLIN-JAR III (KISLOWODSK)	11
Komar, A.W. AKTUELLE PROBLEME DER CHRONOLOGIE DER MATERIELLEN KULTUR IN DER HUNNENZEIT OSTEUROPAS	19
Fljorow, W.S. ERFORSCHUNGEN DES RITUALS DES FRÜHMITTELALTERLICHEN OSTEUROPAS, DAS DIE BEERDIGTEN UNSCHÄDLICH MACHT	55
Krawtschenko, E.Je. SPUREN DER ANSÄSSIGEN BEVÖLKERUNG DES XI.-XIV. JH. IM MITTLEREN SEWERSKIJ DONEZ	75
Fljorowa (Nachapetjan), W.Je. KNOCHENTEILE DER BÖGEN, KÖCHER UND BOGENÜBERZÜGE AUS BELAJA WESCHA	101
Jewglewskij, A.W., Potjomkina, T.M. SPÄTNOMADENSÄBEL OSTEUROPAS	117
Jewglewskij, A.W., Potjomkina, T.M. STEINSTÜCKE ZUM FEUERSCHLAGEN IN DEN SPÄTNOMADENGRÄBERN OSTEUROPAS	181
Jewglewskij, A.W., Potjomkina, T.M. ÜBER EINIGE TÖPFERKERAMIKARTEN BEI DEN OSTEUROPÄISCHEN NOMADEN DES ENTWICKELTEN MITTELALTERS	209
Krasilnikow, K.I., Telnowa, L.I. STEINBILDER DER POLOWZEN AUS DEM MITTLEREN DONEZGEBIET: TYPOLOGIE, EVOLUTION, CHRONOLOGIE (NACH DEN MATERIALIEN EINER SAMMLUNG IM GEBIET LUGANSK)	227
Kramarowskij, M.G. LATEINISCHE ROMANIEN UND DIE GOLDHORDISCHE KRIM. LATEINISCHE FUNDE DER FINGERRINGE UND SIEGEL IM NÖRDLICHEN SCHWARZMEERGEBIET. DER SCHATZ AUS AI-WASSIL	245
Jarowaja, Je.A. ÜBER DAS NEUE DURCHLESEN DER NOBILISCHEN NAMEN DES KAFFISCHEN UND SOLDAISCHEN LAPIDARIUMS (NACH DEM MATERIAL VON E. SKRSCHINSKAJA)	265
Koschokaru, W.M. ETYMOLOGIE DES GEBIETES ZWISCHEN DER DONAU UND DEM DNESTR IN DER ZEIT DER GOLDENEN HORDE	271
Lebedew, W.P. NEUE ANGABEN ÜBER DIE FRÜHERE PERIODE IN DER DSCHUTSCHIDI MÜNZPRÄGUNG CHORESMS UND SARAJ	277
Pigarjow, Je.M. MÜNZEN IN DEN GRABSTÄTTEN DER GOLDENEN HORDE	283
Klokow, W.B., Lebedew, W.P. DSCHUTSCHIDI-MÜNZEN AUS DER PRÄHISTORISCHEN SIEDLUNG WODJANSKOJE	303
Gontscharow, Je.Ju. DAS ALTE UND DAS NEUE SARAJ - DIE HAUPTSTADT DER GOLDENEN HORDE (EINE NEUE ANSICHT AUF BEKANNTE QUELLEN)	345
Abysowa, Je.N., Trawkin, S.N. EINIGE BESONDERHEITEN DER DSCHUTSCHIDISCHEN KUPFERMÜNZEN AUS DER SIEDLUNG KOSTESCHTY (BESSARABIEN)	351
Palamartschuk, S.W. TURKVÖLKER VON BUDSCHAK IM SPÄTMITTELALTER	361
Litwinowa, L.W. DIE BEVÖLKERUNG DES UNTEREN DNEPRS IN DEN XIII.-XIV. JH. (NACH DEM MATERIAL DER GRABSTÄTTE MAMAJ-SURKA)	369
Ruditsch, T.A. ÜBER DEN ANTHROPOLOGISCHEN BESTAND DER BEVÖLKERUNG DER UKRAINE IN DEN XVI.-XVII. JH.	381
VEREINBARTE ABKÜRZUNGEN	393
DATEN ÜBER DIE AUTOREN	395

TABLE DES MATIÈRES

PREFACE	9
Fliorov V.S., Malachev V.Û. UN HARNAIS DU III SIÈCLE DE LA NÉCROPOLE DE KLIN-IAR III (KISLOVODSK)	11
Komar A.V. PROBLÈMES ACTUELS DE LA CHRONOLOGIE DE CIVILISATION MATÉRIELLE À L'ÉPOQUE DES HUNS EN EUROPE DE L'EST	19
Fliorov V.S. RECHÈRES SUR LA CÉRÉMONIE DE L'INOFFENSION DES INHUMÉS À L'ÉPOQUE DU HAUT MOYEN ÂGE EN EUROPE DE L'EST	55
Kravtchenko E.E. VESTIGES DE LA POPULATION SÉDENTAIRE DES XI–XIV SIÈCLES SUR LE TERRITOIRE DU MOYEN DONETS SÉVERSKI	75
Fliorova (Nakhapétian) V.E. DÉTAILS EN OS DES ARCS, DES CARQUOIS ET DES GAINES D'ARS DE BÉLAÏA VÉJA	101
Evglevski A.V., Potemkina T.M. SABRES DES NOMADES AVANCÉS DE L'EUROPE DE L'EST	117
Evglevski A.V., Potemkina T.M. BRIQUETS DANS LES INHUMATIONS DES NOMADES AVANCÉS DE L'EUROPE DE L'EST	181
Evglevski A.V., Potemkina T.M. QUELQUES TYPES DE LA CÉRAMIQUE DE POTERIE CHEZ LES NOMADES À L'ÉPOQUE DU MOYEN ÂGE AVANCÉ EN EUROPE DE L'EST	209
Krasilnikov K.I., Telnova L.I. LES SCULPTURES POLOVTSIENNES DU COURS MÉDIANE DE DONETS: TYPOLOGIE, ÉVOLUTION, CHRONOLOGIE (D'APRÈS LES COLLECTIONS DANS LA RÉGION DE LOUGANSK)	227
Kramarovski M.G. ROMANIE LATINE ET LA CRIMÉE À L'ÉPOQUE DE LA HORDE D'OR. BAGUES ET ANNEAUX À SCEAU LATINS DANS LA RÉGION DE LA MER NOIRE. TRÉSOR DE AÏ-VACILE	245
Yarovaia E.A. NOUVEAU TRAITEMENT DES NOMS NOBIL DU LAPIDAIRE DE CAFFES ET DE SOLDATĪ (À PARTIR DES DONNÉES DE SKRGINSKA E.)	265
Kojokarou V.M. ETYMOLOGIE DU TERRITOIRE ENTRE LES FLEUVES DANUBE ET DNIESTR À L'ÉPOQUE DE LA HORDE D'OR	271
Lebediev V.P. DONNÉES RÉCENTES SUR LE MONNAYAGE DE KHORESM ET DE SÉRAIL À L'ÉPOQUE DES DJOUTCHI ANCIENS	277
Pigariov E.M. PIÈCES DE MONNAIE DANS LES INHUMATIONS DE LA HORDE D'OR	283
Klokov V.B., Lebediev V.P. PIÈCES DE MONNAIE DJOUTCHIDSKI DU SITE DE VODIANSKOË	303
Gontcharov E. Û. ANCIEN ET NOUVEAU SÉRAIL, CAPITALE DE LA HORDE D'OR (RÉVISION DES SOURCES CONNUES)	345
Abysova E.N., Travkin S.N. PARTICULARITÉS DE LA MONNAIE DE DJOUTCHI CUIVRE DANS LA COLONIE KOSTECHTY (BESSARABIJA)	351
Palamartchouk S.V. TURKS DE BOUDJAK AU MOYEN ÂGE AVANCÉ	361
Litvinova L.V. POPULATION DU BAS DNIÉPR AUX XIII–XIV SIÈCLES (D'APRÈS LES DONNÉES DE LA NÉCROPOLE MAMAÏ-SOURKA)	369
Rouditch T.A. COMPOSITION ANTHROPOLOGIQUE DE LA POPULATION D'UKRAINE AUX XVI–XVII SIÈCLES	381
ABRÉVIATIONS	393
NOTICES SUR AUTEURS	395

Научное издание

Труды по археологии

Степи Европы в эпоху средневековья

Том 1

Сборник научных статей

Исполнительный коллектив тома:

Ответственный секретарь Потемкина Т. М.
Технический редактор Быстрый А. Г.
Корректоры: Евлевский А.В., Потемкина Т. М., Полякова О.А.
Компьютерный набор Полякова О.А.
Компьютерная верстка Быстрый А. Г., Быстрая М.А.
Выполнение переводов с русского на
английский: Бондарь В.А., Оленяк М.Я., Сиренко М.С., Тарарова В.В.
немецкий: Артемьев А.Ю., Дегтяренко Н.Н., Киселева Д.И.
французский: Карнейчик В.В., Рымарчук И.Б.

Материалы статей поступили в редакцию в IV квартале 1998 – I-II кварталах
1999 г., подготовлены к печати в III квартале 1999 г.

Адрес редакции: Украина 83055 г.Донецк, ул. Университетская, 24, исторический
факультет ДонГУ, археологическая научно-исследовательская группа.

Подписано в печать 29.09.99.
Объем 57,5 усл.печ.л.

Бумага CopySAVE (Швеция).
Заказ № 5646/4.

Издательство Донецкого государственного университета